

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ
КОЛЛЕКЦИЯ

Забытая дорога

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

Забытая дорога

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЛЕКЦИЯ

ВЛАДИМИР

ВАСИЛЬЕВ

Забытая дорога

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРМАК
Москва
2004

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
В19

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление А.Л. Кудрявцева

Подписано в печать 22.10.2003. Формат 84x108 1/32
Усл. печ. л. 39,48. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4687

Васильев В.Н.
В19 Забытая дорога: Сб. / В.Н. Васильев. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 749, [3] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 5-17-020261-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0697-3 (ЗАО НПП «Ермак»)

В сборник вошли произведения В. Васильева разных лет — роман, повести и рассказы, снабженные авторскими предисловиями и выходящие «в авторской композиции».

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© В.Н. Васильев, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

Три шага на Данкартен

От автора

Как и многие авторы родом из восьмидесятых, я начинал писать малую форму. Издать рассказ в те годы еще можно было. Издать повесть — почиталось за чудо. Издать же роман было попросту невозможно, это могли сделать только члены Союза писателей, а чтобы стать членом Союза писателей, нужно было, в свою очередь, иметь две книги... В общем, классический замкнутый круг. Тем не менее предлагаемый вашему вниманию сборник начинается с произведения крупной формы — романа «Три шага на Данкартен». Однако в давно минувшем 1989 году романа еще не существовало, тогда была написана лишь повесть «Без страха и упрека», ныне являющаяся первым из шагов на Данкартен. Именно эта повесть двумя годами позднее составила первую изданную книгу (БАЗИАТ, Волгоград, 1991 год) и по сути определила дальнейшую судьбу писателя Владимира Васильева.

В 1992 году довольно неожиданно выкристаллизовалась повесть «Огнем и мечом», ныне — третий шаг на Данкартен. Да, да, именно третий, а не второй. И именно после написания «Огнем и мечом» возникла идея объединить две повести в единое произведение, которое и получило название «Два шага на Данкартен». Повесть «Без страха и упрека» была основательно почищена и слегка переделана. В таком виде сие просуществовало вплоть до 2000 года, когда родилась очередная идея: написать повесть в середину, причем от лица главных противников, и оформить «Шаги на Данкартен» как короткий роман-трилогию. Что и было проделано. Результат — перед вами.

Шаг первый

БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА (Вояджер-раз)

ПРОЛОГ

Тедди понял, что придется прыгать, когда все четыре вражеских корабля-истребителя выстроились для атаки.

Справа от него виднелась туша ближайшей планеты, слева цепочкой растянулись пеломенские истребители. Улизнуть было невозможно. Атаковать самому — ну собьет он один из пеломенских катеров, ну, может, даже два. Но остальные все равно десять раз успеют сжечь его кораблик, как пить дать успеют. Положеньице...

Где-то невдалеке, парсеках в двух-трех, уже вторые локальные сутки шла одна из обычных пограничных стычек — эскадрилья истребителей Пеломена столкнулась с двумя крейсерами Хобарта. Как всегда, ни одна из сторон не сумела нанести противнику сколько-нибудь серьезный урон, и бой шел на уровне вялого обмена лучевыми залпами. Юркие истребители были дьявольски маневренны, что позволяло им без особого труда уходить от вражеского огня, зато тяжелые громады крейсеров обладали неизмеримо большими энергетическими потенциалами. Крейсеры выставили глухой силовой щит, слишком плотный для слабого оружия истребителей.

Тедди и еще трое пилотов на таких же небольших катерах, как и «чебурашки» Пеломена, возвращались на базовые станции крейсеров; тут-то и наскочила на них семерка вражеских истребителей. Бой в космосе скоротечен; Тедди, хоть и успел сжечь одного пеломенца, глазом не успел моргнуть, как остался один против четырех уцелевших «чебурашек». Они умело перекрыли пространство для разгона, прижали его к планете и

собрались либо спокойно расстрелять, либо взять в плен. Поди еще разберись, что лучше.

Тогда-то Тедди и решил на все плюнуть, в том числе и на свой катер, и прыгать. Обычный атмосферный парашют у него имелся (хотя все друзья расценивали то, что Тедди всегда возил его под сиденьем, не иначе как чудачество), планета, судя по всему, земного типа... Рискнуть явно стоило. Оставалась одна проблема: как на виду у четверки истребителей покинуть катер и войти в атмосферу? Расстрелять его в таком положении сумел бы и слепой инвалид.

Тедди, не мешкая, нацепил аварийный комплект, на всякий случай пристегнул лазерный меч и снова плюхнулся в пилотское кресло. Пристегиваться он не стал — зачем? Руки порхали над пультом; кораблик живо развернулся носом к «чебурашкам». Первым делом Тедди выставил перед истребителем «зеркало» — силовой, практически непробиваемый щит, единственным недостатком которого была неимоверная энергоемкость. Минут через десять щит сожрет все ресурсы катера, даже свет в кабине погаснет. Но Тедди было плевать — за эти минуты он рассчитывал убраться достаточно далеко от собственной родимой скорлупки. Истребители наверняка решат выждать, пока у Тедди не останется ни килоэрга, и это даст необходимую отсрочку.

Переключив управление в дистанционный режим, Тедди сокрушенно вздохнул (он, естественно, любил свой кораблик, и терять его было очень жаль), обособил аварийный комплект и разблокировал шлюз. За мерцающим «зеркалом» пеломенцы его все равно не увидят.

Он выбрался наружу, уцепился за рябую от попаданий станину обтекателя и подтянулся к дымчатому снаружи колпаку над кабиной. Аварийный комплект — что-то вроде толстого пластмассового жилета — создавал вокруг тела тоненькую защитную среду, снабжал Тедди кислородом, поддерживал приемлемый температурный режим. На первый взгляд ничем не защищенная голова пилота и особенно его голые руки выглядели в околопланетном вакууме дико. Но если разобраться — разве старые скафандры лучше? Неуклюжая, громоздкая и жутко стесняющая вещь.

Тедди, крепко сжимая в руке пульт дистанционного управления, изо всех сил оттолкнулся от кормы своего корабля и

начал затяжное падение на планету. Удалившись на безопасное расстояние, он включил двигатели; его кораблик, чихая планетарным выхлопом, прыгнул навстречу пеломенским катерам. Выглядело это словно попытка отчаянного прорыва. Пеломенцы, как и ожидал Тедди, не стали тратить заряды попусту и принялись неспешно отступать, решив подождать, пока «зеркало» не высосет всю энергию и не сделает их противника беззащитным. Тедди этого не видел, мешало свое же «зеркало», но обо всем догадывался.

Пока все шло как задумано. Пульт, вертясь на манер пропеллера, полетел куда-то в сторону созвездия Медузы. Тедди проводил его задумчивым взглядом, снова сокрушенно вздохнул и тихо пробормотал:

— Прощай, «восьмерка»...

Он терял катер в четвертый раз.

Когда пульт пропал из виду, Тедди сосредоточил все внимание на планете. Движение пока было трудно ощутить. Если бы не удаляющийся катер и не индикатор гравитационных полей, Тедди решил бы, что просто висит вблизи голубоватого шара планеты, подернутого атмосферной дымкой, испещренного рубцами облачного слоя и спиралями циклонов.

Минут через десять — двенадцать далеко позади сверкнула вспышка — это пеломенцы сожгли его катер. Тедди в очередной раз вздохнул и печально шмыгнул носом.

Истребители, посчитав свое дело сделанным, поспешно убрались восвояси. Тедди они так и не заметили. Теперь впереди оставалась только скука — на добрый десяток часов, пока он не опустится на поверхность столь удачно подвернувшегося мирка.

За это время пилот периодически задремывал, а когда просыпался, планета оказывалась всякий раз все ближе и ближе, а вскоре огромный шар уже не удавалось охватить одним взглядом. Полоски светлых перистых облаков выглядели на редкость приветливо; их очень хотелось потрогать рукой или хотя бы лизнуть. Тедди почему-то представлялось, что они непременно должны оказаться сладкими, как леденцы.

К исходу четвертого часа он погрузился в разрыв в облаках и впервые смог рассмотреть поверхность планеты. Внизу виднелся океан. Или море. Во всяком случае, вода.

Тедди в сердцах выругался. Именно этого и не хватало для полного счастья! Казалось само собой разумеющимся, что, опускаясь на планету, он окажется на суше. Тот факт, что на планетах бывают моря, Тедди совершенно упустил из виду. Аварийный комплект не даст ему умереть в волнах, но для плавания он слишком тяжел. Тедди просто опустится на дно. И кто знает, удастся ли достаточно быстро добраться до суши? Поди найди пилота на дне океана, даже если сигнал передатчика пробьется из-под воды и будет засечен спасателями.

Оставалось одно — изо всех сил надеяться, что океан только слева, а прямо внизу — материк. Или хотя бы остров. Исполненный надежды и черных мыслей, Тедди погрузился в верхний облачный слой, еще слабенький и почти прозрачный. Теперь до поверхности оставалось километров десять. Тедди уже начали трепать воздушные потоки; по первым ощущениям ветры здесь были не сильнее, чем на Земле или Хобарте.

Второй облачный слой был заметно плотнее и напоминал густой белесый кисель.

После долгих минут тумана Тедди вывалился из облаков. Внизу плескался все тот же океан. Но — несказанная удача! — совсем рядом начиналась суша, судя по видимым размерам — континент или очень большой остров. Ветер дул под небольшим углом с моря на сушу — это было просто здорово. Тедди тут же выпустил парашют. Ощутимый рывок — и падение замедлилось; пилот повис на стропах под выпуклым сегментным «крылом». Теперь ветер станет медленно сносить его к земле. Дотянуть бы!

Наклонив голову, Тедди осмотрелся: суша оставалась все еще далекой, но видно было, что к самому берегу подступает сплошной лес. Когда снесло поближе, стал явственно виден город. Во всяком случае, Тедди решил, что это город. Впрочем, он оставался далеко в стороне, и Тедди надеялся, что никогда не увидит его — встревать в дела аборигенов пилот отнюдь не собирался.

До земли Тедди все же не дотянул. Километра полтора. Он выжал из ветра и парашюта все — ближе приземлиться было просто невозможно. Когда до волн оставалось метра три, Тедди отстрелил парашют, сгруппировался и иглой вонзился в воду.

Дно обнаружилось в восьми с половиной метрах от поверхности. Аварийный комплект защищал от глубины не хуже, чем от космоса, и пока единственным неудобством стало сильное сопротивление воды; двигаться приходилось умопомрачительно медленно. Тедди, убедившись, что парашют благополучно утонул, плавно побрел в направлении берега.

Эти полтора километра оказались сущим кошмаром и измотали его вконец. Надрываться пришлось часа три, пока его голова не показалась из воды. Кое-как добрел он и до земли; руки и ноги ныли, словно после марафона, и теперь единственное, что Тедди был еще в состоянии сделать, — это обессиленно свалиться на песок.

Он так и поступил.

— Н-да... — пробормотал Тедди, глядя в серое чужое небо. — Не полевой я воин... Все в кресле и в кресле...

Слегка отдышавшись, Тедди отключил аварийный комплект — условия здесь оказались вполне приемлемыми, а энергию следовало поберечь. Вдохнув полной грудью — воздух как воздух, — Тедди отстегнул передатчик, уселся на песок и принялся вызывать базу.

База не отвечала, Тедди сердился и скорее всего поэтому совершенно не смотрел по сторонам. В общем, на середине очередного запроса его огрели по макушке чем-то плоским и твердым. Очень сильно.

Глава первая
ШПИОН

Сознание возвращалось на удивление медленно, затылок надрывно сверлила тупая ноющая боль. Тедди застонал и попробовал шевельнуться. Шумел лес, доносились чьи-то голоса. С некоторым усилием Тедди открыл глаза. Над ним склонились две бородатые рожи. Вокруг уже успело стемнеть.

— Ага! Очнулся, голубец. Посади его, Барри.

Говорили на всеобщем, разумеется — с необычным акцентом.

Одна из рож пропала из поля зрения: ее обладатель отошел к пылающему неподалеку костру. Барри — обладатель второй рожи — здоровенный мужичище, легко подхватил Тедди на руки, перенес его к костру и посадил спиной к чему-то твердому и прохладному. Руки ему связали за спиной. Ноги — просто спутали. Тедди меланхолично подумал: «Спасибо и за то, что хоть ноги за спину не завернули... Я бы этого точно не пережил...»

И руки, и ноги затекли, очень хотелось подвигаться, размять конечности, разогнать кровь по жилам. Барри гаркнул что-то, вокруг костра собрались семь человек. Первый, по-видимому, главарь, звался Герб. Он уселся напротив Тедди, остальные разместились справа от него. Все семеро были вооружены мечами, ножами — словом, никакой огнестрелки; одеты в сшитые из шкур — хорошо, впрочем, выделанных — штаны и куртки. На ногах — мягкие сапоги. Некоторые щеголяли в металлических шлемах.

«Похоже, времена здесь рыцарские», — вяло заключил Тедди.

После второй экспансии многие колонии постепенно сползли в феодализм. В память о технологичном прошлом оставались только проржавевшие от времени машины, чаще всего ставшие предметами религиозного поклонения, да еще всеобщий язык, нередко измененный до неузнаваемости.

— Ты колдун? — спросил Герб. — Ну, отвечай, дьявол тебя разрази!

Местный вариант всеобщего если и изменился, то весьма мало. Тедди вполне понимал все слова до единого.

— Колдун?

Тедди отрицательно покачал головой, так и не придумав — что сказать этим одичавшим родичам?

— Врешь! Мы видели, как ты колдовал на берегу.

Похоже, они наблюдали, как Тедди возился с передатчиком. Но поймет ли эта живописная банда, что такое передатчик? Последнее вселяло в Тедди серьезные сомнения.

— Вы знаете, что-нибудь о радиоволнах? — без особой надежды спросил он.

Герб вопросительно переглянулся с Барри. Тот осторожно пожал плечами.

— Ты нас своими колдовскими штучками не путай! — Герб сердито пнул Тедди ногой. В ту же секунду откуда-то сбоку послышался пронзительный разбойничий свист. Все мгновенно вскочили, похватали лежащие у костра котомки и бегом кинулись в противоположную сторону. Кто-то невидимый свистнул еще раз, затем свист сменился бессвязными хриплыми криками и металлическим звоном — должно быть, там пустили в ход мечи.

Тедди поневоле оставался сидеть у костра, так как был связан, и гадал, что же происходит.

Через несколько минут у костра появились люди внешне похожие на Барри, Герба и их спутников, только эти носили одинаковую одежду с замысловатым геральдическим знаком на груди. Часть людей поспешила по следам Герба, прочие окружили Тедди. Вальяжный бородач, которого остальные называли «господин офицер», обратился к пилоту:

— Кто ты такой? Кто здесь был с тобой?

Голосом он обладал властным, поневоле хотелось съежиться. Тедди ежиться было уже дальше некуда, поэтому он просто ответил:

— Я мирный путешественник, а о тех людях знаю не больше вашего.

Речь офицера мало отличалась от речи Барри и Герба. Да и Тедди офицер прекрасно понял.

— Лжешь, собака! Ты дагомейский шпион? Отвечай!

Тедди сник. Поди докажи теперь, что ты не верблюд... Не черт, не дьявол, не дагомейский шпион...

Офицер немного подождал; Тедди так ничего и не ответил, уныло гадая насчет своей дальнейшей судьбы.

— На повозку! Барон им заинтересуется... — скомандовал офицер, и несколько рук тут же подхватили Тедди. Те, кто погнался за людьми Герба, возвратились, тяжело дыша.

На всякий случай Тедди решил: пора привыкать к мысли, что он — дагомейский шпион. Во всяком случае, жизнь научила его готовиться к наихудшему из возможных вариантов. Но так глупо влипнуть — до чего обидно! Да еще весь пилотский комплект, включая лазерный меч и, главное, передатчик, утащили с собой люди Герба. Тедди остался без малейшей воз-

можности вызвать помощь с базы и вдобавок на положении шпиона.

Несколько часов прошли в мрачных раздумьях под аккомпанемент скрипа телег.

Около полудня въехали в город, окруженный высокой, неоднократно латанной стеной. Крепкие бородатые охранники, увешанные самым разнообразным оружием, зевали и смачно ругались друг с другом, но, завидев предводителя отряда, что захватил Тедди, мигом вытянулись и присмирели. Обе повозки проследовали за всадниками через массивные решетчатые ворота, пересекли просторную площадь, заполненную пестрой средневековой толпой, миновали трущобы — убогие разваливающиеся лачуги и грязные улочки; миновали кварталы небольших домишек, где жили более или менее состоятельные горожане. Центром города, как понял Тедди, являлся замок местного царька, барона Роя — весьма солидное на вид сооружение. Замок окружали замшелые крепостные стены и полный затхлой стоячей воды ров, где обитало, вероятно, целое сонмище лягушек. Повозки преодолели ров по обильно утыканному шипами подъемному мосту, который служил одновременно и воротами. Взглядам открылся просторный двор. Всадники спешились, коней тут же увели подбежавшие слуги. Тедди стащили с повозки два здоровых вооруженных охранника и довольно бесцеремонно поволокли вдоль слепых казематных стен. Тедди больше всего бесило то обстоятельство, что руки у него оставались связанными и он не мог из-за этого драться. Если бы не сей прискорбный факт, он бы ушел от всего комитета по встрече еще в лесу.

Тедди бросили в тесную темную комнатушку, служившую чем-то вроде тюрьмы. Всю обстановку составляла небольшая кучка слежавшейся соломы. Угрюмые шероховатые стены наверняка немало повидали на своем веку. Свет едва пробивался в узкую щель под самым потолком, на высоте добрых четырех метров. Когда массивная дверь закрылась с душераздирающим скрипом и лязгом, Тедди, отплевываясь, выбрался из соломы, куда его сунули физиономией, кос-как поднялся на ноги и огляделся. Скоро глаза привыкли к полумраку, и не замеченные ранее подробности проступили столь же явственно. В стену

были вмурованы металлические кольца с цепями, в неровных углублениях в полу, забранных ржавыми решетками, попискивая, шныряли крысы. Для полноты картины не хватало только чьих-нибудь побелевших от времени костей, желательно черепа.

Не прошло и часа, как издали донеслись приглушенные голоса, дверь со знакомым леденящим впечатлительную душу звуком отворилась, и в камеру ввалились те же двое охранников. Третий с факелом в руке остался у входа. Тедди крепко взяли за локти, провлекли по коридору с вереницей дверей, длинному, как дежурство по эскадрилье; потом пришлось подниматься по лестнице, обнаружившейся в конце коридора. Попетляв еще какое-то время по запутанным, наводящим навязчивые мысли о муравейнике переходам, оказались перед чем-то, покрытым замысловатой фигурной резьбой, — Тедди даже не сразу сообразил, что это дверь. Охранник с факелом толкнул ее, и Тедди впихнули в просторный зал с драными гобеленами на стенах и теряющимся в пыльной выси потолком. Посреди зала находилось нечто на манер трона, где не сидел — восседал представительный мужчина, разряженный, как паяц на карнавале; лицо у него было надменное и волевое, хотя одно с другим как-то не очень вязалось. Это и был, судя по всему, барон Рой. Рядом стояли еще несколько вельмож, в том числе и уже знакомый офицер. Чуть поодаль, в окружении нескольких фрейлин и дам, сидела красивая девушка, которую так и хотелось с ходу назвать принцессой. В зале сновали также и слуги, на них все по очереди покрикивали. Перед бароном на коленях стояли трое таких же пленников, как и Тедди. Тедди отличался от них только отсутствием бороды да уставной, под ежик, стрижкой. Пилотский комбинезон успел сильно испачкаться и стал в общем сравним с лохмотьями, в которые были облачены остальные трое. Тедди бросили на колени рядом с ними.

— А это что еще за фрукт, Остин? — поинтересовался барон Рой, слегка повернув голову.

Офицер, пленивший Тедди, подошел ближе к трону:

— Мы схватили его на побережье, у Черного лога. Там орудовала шайка дагомейцев — кажется, опять люди Герба Кол-

лайти. К несчастью, всем, кроме дозорного да вот еще этого, удалось ускользнуть...

— К несчастью! — презрительно фыркнул барон. — Никак не научишь свою банду по-человечески воевать!

Остин виновато поклонился.

— Ты дагомеец? — спросил барон у Тедди.

— Нет, — хрипло ответил тот, — я издалека.

— Откуда? Может, из Текондероги или Каратинги?

— Нет, гораздо дальше. Скорее всего вам не знакомы мои родные края.

Барон переглянулся с окружающими его вассалами и презрительно захохотал:

— Ты, грязный и тупой оборванец, смеешь утверждать, что барону Рою ведомо меньше, чем тебе?

Тедди только печально вздохнул.

Неожиданно вмешалась принцесса; голос у нее оказался певучий и нежный:

— Барон, а не говорит ли это о том, что он действительно чужеземец и не знает наших обычаев?

Барон был категоричен:

— Ерунда, принцесса! У него же на лбу написано, что он дагомейский шпион, а пыль Таулекта или — кто знает? — Авостинга еще не опала с его стоп!

Тедди знал, что ничего особенного у него на лбу не написано, но знал сие только он, и это было очень прискорбно. Ах, если бы ему развязали руки!

— Сколько вас было? — спросил барон вкрадчиво.

Тедди пожал плечами, вздохнул и с тоской оглядел зал. Ну хоть бы какая-то зацепка, какой-нибудь шанс! Нет, полная безнадега...

— Кто вас послал? Герцог Арней?

Тедди понятия не имел, кто такой герцог Арней.

— Послушайте, барон... — начал было пилот.

— Заткнись!!! — заорал барон. — Мразь! В порошок сотру! — Он вскочил. Тедди не понял, из-за чего барон вдруг впал в такую ярость. Охранник сзади чувствительно съездил по шее.

— Как разговариваешь? — просипел он, словно с перепою (впрочем, так оно скорее всего и было). — Надо говорить «ваше сиятельство»!

Тедди от всех этих условностей несколько ошалел. Барон тем временем гневно воздел правую руку:

— Повесить! Всех четверых! Сегодня же! И народу побольше согнать, пусть видят, как мы расправляемся со шпионами!

Тедди и его соседей тут же выволокли из зала. Вслед еще долго неслись возмущенные крики челяди.

«Приехали...» — зло подумал Тедди. Путы на ногах мешали идти быстро, а охранники то и дело дергали да пинали его и остальных.

«Идиот! — Тедди вспомнил барона. — Так разъяриться из-за того, что тебя назвали не «ваше сиятельство», а просто «барон»... Планета идиотов!»

Всех четверых втолкнули в камеру, подобную той, где Тедди сидел перед визитом к барону. Двое — оба высокие, крепкие и невыносимо мрачные субъекты — сразу же уселись на солому, оставив немного места для Тедди и третьего — тоже высокого, но хрупкого в отличие от первых двух юноши. Тедди уселся спиной к одному из здоровяков, юноша пристроился рядом. Он был в меру чумазым; лицо, вопреки всему, сохраняло бесшабашное выражение.

— Привет! — поздоровался сосед. — Меня зовут Харвей. Харвей Меткий Глаз. А тебя?

— Тедди Айрон, пилот первого класса, — буркнул Тедди.

— Пилот? — переспросил Харвей с живейшим интересом. — Это как?

— Ну... Это наподобие всадника, — нашелся Тедди. — Но кого здесь это интересует?

— А-а... — неожиданно удовлетворился собеседник. — А за что тебя?

Тедди невольно скривился:

— Сам не пойму. Я только-только приземли... гм, причалил к берегу, тут же навалились какие-то крепыши...

— Где? На побережье? У Черного лога?

— Наверное... — Тедди сразу вспомнил, что Остин упоминал похожее название.

— Я вообще-то издалека, ничего тут толком не понимаю. Главарь у них Герб Коллайти, кажется...

Харвей понимающе кивнул:

— Знаю! Правая рука герцога Арнея.

Тедди продолжал:

— Вот они-то меня и скрутили. Не успел я им ничего насчет себя втолковать, налетели молодчики этого барона. — Тедди вздохнул. — И вот я здесь... Вроде как дагомейский шпион.

— Понятно... — протянул юноша.

Тедди склонил голову в сторону собеседника:

— И что теперь будет?

Харвей посмотрел на него слегка удивленно:

— Как что? Повесят сегодня на площади.

Тедди растерялся:

— Как повесят? Это что, серьезно все?

— Ты разве не слышал приказ барона?

Тедди невольно вскочил на ноги, и даже путы на ногах ему не помешали. Здоровяк за спиной от неожиданности растянулся на соломе.

— Слышал... — пробормотал Тедди. — А мы будем сидеть и покорно ждать, как бараны на бойне? Сидеть и ждать?

— А что поделаешь? — передернул плечами Харвей. — Охрана у барона неподкупная. Больше, чем барон, все равно никто охранникам не заплатит. Им невыгодно предавать. Вот и вся хитрость.

Тедди уселся на место. Пожалуй, если действительно собираешься что-то предпринять для своего освобождения, не стоит заявлять об этом вслух и громогласно. Тем более при такой неподкупной страже.

— А тебя за что? — уже более спокойно обратился Тедди к соседу.

— А-а, мелочь. Кошелек стащил у одного ротозея, а он возьми и окажись королевским посланником. К барону как раз направлялся. Ну, меня и... того...

— А эти двое кто?

— Эти? Дагомейцы. Молчаливый народ.

— Дагомея — это что, страна такая, да?

Харвей искоса взглянул на Тедди:

— Видать, ты и вправду издалека. Дагомея — это королевство на севере, наши соседи.

— Вы с ними воюете?

— Да нет в общем-то. Так, мелкие стычки, и все. Людям что, люди лучше бы торговали, чем дрались. Да вон барон Рой и герцог Арней никак не поделят несколько деревушек и здоровый шмат леса. Ну и король наш Рик с ихним тоже чего-то недолюбливают друг друга. Вот и вспарывают воины барона брюхо дагомейцам. И наоборот.

— А это королевство как называется?

— Наше, что ли? Данкартен. Король сейчас — Рик Барнегат.

Тедди впитывал информацию с ненасытностью новорожденного компьютера.

— А эта девушка в зале, кто она?

— Принцесса? — Харвей невольно улыбнулся. — Это дочь короля Рика. Ее зовут Хирма. Наверное, единственная чистая душа среди всей этой столичной знати.

— И что она здесь делает?

Харвей пожал плечами:

— Не знаю. Приехала в гости к барону. Она любит путешествовать. Вообще это шебутная особа, и не скажешь, что аристократка. По-моему, на мечах с ней сравниться могут всего человек десять в королевстве, включая ее отца.

— Откуда ты знаешь?

Харвей скромно потупился:

— Я ее когда-то обучал фехтованию...

Тедди прищурился: хитрил что-то Харвей Меткий Глаз, как пить дать хитрил.

— Интересно, себя ты относишь к этой десятке?

Харвей улыбнулся, заговорщически так, и со значением подмигнул:

— Отношу.

— Можешь отнести и меня, — заявил Тедди.

Харвей внимательно и пристально поглядел ему в глаза. Но смолчал. Теперь Тедди понял, почему так спокоен этот парень. У него скорее всего сложился план спасения, и своими словами Тедди предложил себя в напарники. Глаза Харвея выразили согласие.

— Забавно, — ухмыльнулся Тедди, — учитель фехтования самой принцессы приговорен к повешению за кражу кошелька у королевского посла!

Харвей засмеялся — весело, от души. Тедди тоже. Они не очень напоминали приговоренных к смерти. Осужденные на смерть не хохочут у себя в камере. А они хохотали.

Тедди давно смекнул, что Харвей отнюдь не такой простачок, за кого себя выдает. Обширные знания и манера общаться выдавали в нем человека если не из высших кругов, то, во всяком случае, приближенного к ним. Надо же, учитель фехтования...

Пару часов спустя неизменно молчаливые охранники вытолкали их во двор, провели через ворота, через городские кварталы и доставили на площадь. Здесь уже успели соорудить помост и виселицу, с которой словно коровьи хвосты свисали четыре петли, колючие даже на вид. Вокруг собралась изрядная толпа.

Тедди вели рядом с Харвеем, дагомейцев — в нескольких шагах позади. Харвей чуть слышно посоветовал:

— Потребуй, чтобы тебе развязали руки. Там, наверху...

Путы на ногах всем четверым разрезали еще в камере.

Их ввели на пахнущий свежеоструганными досками помост; разношерстная многоликая толпа заволновалась и тут же притихла. Следом на помост взобрался плешивый глашатай, развернул лист чего-то желтого, похожего не то на бумагу, не то на пергамент, и гнусаво заорал:

— Именем короля! Эти негодяи обвиняются в шпионаже в пользу Дагомеи и герцога Арнея! Сейчас их повесят, дабы мирные горожане могли жить в спокойствии и довольстве...

Он еще минут пять загибал про мировую скорбь, повышение бдительности и только после этого наконец успокоился. Харвей все это время простоял со скорбно прикрытыми глазами.

Потом их подтолкнули к петлям. Харвей выразительно взглянул на Тедди. Тот еле заметно кивнул и обратился к офицеру, который командовал церемонией:

— Господин офицер, может быть, нам хотя бы перед смертью развяжут руки?

По-видимому, эта просьба была законной — офицер после секундного колебания сделал знак, и ближайший охранник перерезал веревки, стягивающие запястья Тедди. Рядом моментально возник Харвей; печально улыбаясь, он протягивал руки

охраннику. Офицер попытался возразить, видимо, Харвею они не хотели бы освобождать руки, знали, с кем дело имеют, но охранник по инерции уже полоснул ножом по веревкам и было поздно. Тедди ждать не стал.

Два охранника полетели с помоста от простых ударов ногами. Офицера он успокоил «уткой», тычком в дыхательное горло. Стражники полезли на него толпой, но эти физически сильные люди не имели понятия о древних земных приемах рукопашного боя. Тедди в пилотской школе был одним из лучших по части восточных единоборств, он многое постиг и много умел, поскольку начал заниматься еще в детстве. Сейчас он просто расшвыривал нападавших резкими ударами рук и ног. Харвей в нескольких шагах слева уже вовсю размахивал мечом, сражаясь с тремя стражниками одновременно. Тедди заметил его краем глаза и услыхал предостерегающий крик:

— Тедди, беги, если можешь!

Харвей прыгнул с помоста в толпу и быстро побежал прочь. Толпа охотно расступалась перед ним — сразу стало понятно, как относятся горожане к дагомейским «шпионам». Трое стражников, фехтовавших с Харвеем, теперь валялись на свежеоструганных досках, еще один стоял на коленях, держась руками за окровавленный живот.

Пока Тедди это рассматривал, к помосту бегом приблизилась группа воинов с обнаженными мечами; двое еще раньше вскарабкались на него с этой же стороны и собирались напасть. Тедди быстро огляделся и понял, что давно пора сматываться. Выхватив меч из ножен лежащего офицера, Тедди бросился прямо на охранников. Те ничего не успели сообразить: некая непонятная сила вышибла мечи у них из рук. По правде говоря, этой силой было мастерство Тедди: ниндзюцу, которому тоже обучали будущих пилотов, предполагало отменное владение мечом, но охранники решили, что это колдовство.

Тедди разогнался и перепрыгнул столпившихся у помоста воинов. Шикарное сальто вперед заставило людей, теснящихся внизу, пораженно вздохнуть. Такого они еще не видели. Благополучно приземлившись, Тедди со всех ног кинулся к ближайшему углу. Перед ним люди расступались так же охотно, как и перед Харвеем, а вот охранникам, пустившимся в погоню, судя

по доносящейся сзади брани и угрозам, приходилось буквально продираться сквозь толпу.

Тедди быстро достиг края площади и углубился в лабиринт улиц. Улицы были кривые, часто разветвлялись, Тедди то и дело натыкался на тупики. Погоня старательно топотала сзади, немного поотстав. Тедди с ужасом подумал, что будет, если он упрется в тупик, и тут же в тупик уперся.

Погоня приближалась. Тедди решительно сжал меч.

Но драться не пришлось. Слабо скрипнув, справа открылась обшарпанная дверь, и Тедди поманила внутрь чья-то морщинистая ладонь. Раздумывать он не стал.

Дверь закрылась прежде, чем преследователи увидели, куда он делся.

Тедди взяли за руку и в кромешной тьме провели узкими, заставленными ветхой мебелью коридорами и крохотными тесными комнатушками. Пахло кислой капустой и кошками, где-то рядом плакал младенец. Потом Тедди вытолкнули на улицу, совсем другую, и спасшая его женщина со словами: «Привет Харвею! Храни вас Господь!» — закрыла такую же обшарпанную дверь. Тедди развернулся и помчался дальше, благодаря судьбу и Харвея. За первым же углом он наткнулся на вооруженных людей, но это были не стражники барона Роя. Этих насчитывалось четверо, и вели они кого-то закутанного в глухой, с капюшоном, плащ. Передний отшатнулся от вылетевшего из-за угла пилота.

— Барри! — ошеломленно пробормотал пилот.

Это были недавние знакомцы, люди Герба Коллайти. Барри выхватил меч, остальные трое — тоже. Тедди принял оборонительную стойку: ноги расставлены и полусогнуты, меч в вертикальном положении справа от корпуса, локти разведены параллельно земле.

Барри поглядел на это и презрительно фыркнул:

— Ты и меч-то держать не умеешь.

Противники держали мечи по-европейски, одной рукой. Тедди владел только самурайским мечом, и техника у него была соответствующая. Хорошо, что трофейный офицерский клинок имел длинную рукоятку и его можно было держать обеими руками. Будь у него такой меч, как у Барри или охранников, это доставило бы массу неудобств.

Дагомейцы напали все разом. «Болваны, куда вам с вашей примитивной техникой средневековья против веерной защиты, шаговых блоков и стринговых выпадов...» — подумал Тедди отрешенно. Он легко отражал сыпавшиеся на него удары.

Барри оказался поискуснее остальных. Троих Тедди мигом оглушил плоской гранью меча или рукояткой, и теперь они валялись под ногами, как фазаны после удачного залпа. У Барри он просто выбил меч. Тот обреченно опустил руки, но Тедди не собирался никого убивать, он развернулся, чтобы бежать дальше. Барри за его спиной выхватил кинжал и коротко, почти без замаха попытался ударить.

Такой элементарщиной Тедди трудно было взять. Он качнулся в сторону, одновременно уходя от удара, и в развороте полоснул противника мечом поперек живота. Барри с проклятиями свалился.

Тедди опустил меч.

— Видит бог, я не хотел этого.

Под ноги ему потекла кровь.

Тедди вытер взмокший лоб и собрался бежать в прежнем направлении. Но тут его окликнули:

— Погоди!

Он рывком развернулся — этот голос трудно было не узнать.

Рядом, откинув капюшон, стояла принцесса Хирма. Тедди вытаращился на нее самым неприличным образом.

— Почему ты спас меня? — настороженно спросила принцесса.

— Спас? — Тедди недоумевал. Он бежал мимо, стараясь подальше оторваться от погони, и не стал бы ни с кем драться, даже с Барри, несмотря на то что узнал его. И уж тем более Тедди не собирался кого бы то ни было спасать.

— Это дагомейцы, — пояснила принцесса.

«А то я не знаю», — раздраженно подумал пилот.

— Они хотели меня похитить. Если бы не ты...

Принцесса порывисто обняла Тедди; тот даже не успел отшатнуться. Ему показалось, что принцесса делает это с огромным облегчением. Было от чего слегка ошалеть: ас-истребитель как-то не привык обниматься с принцессами.

Хирма отстранилась и взглянула ему в глаза:

— Тебя еще не повесили?

Вопрос был удивительно своевременный — невдалеке показались воины барона Роя. Тедди сжал меч, на этот раз одной рукой. Другой он сграбастал принцессу за шею и прижал к себе. Та еще ничего не поняла. Через каких-то полминуты Тедди был окружен более чем сотней воинов.

— Эй, вы! — нахально заорал Тедди. — Не советую приближаться, а не то от вашей любимой принцессы останутся рожки да ножки. — Он ухмыльнулся максимально злодейски. — А может, и того не останется...

Все это походило на игру — сумасшедшую детскую игру для взрослых.

Солдаты послушно замерли. Вперед пробрался Остин (Тедди его различил еще издали), хмуро разглядывая следы недавней схватки. Мертвого Барри он тоже узнал.

— А-а, змея дагомейская, — прошипел офицер злобно и обратился к Хирме: — Принцесса, неужели он лучший фехтовальщик, чем вы?

Принцесса отозвалась нетвердым голосом — когда тебя держат за горло и помахивают у носа мечом, не очень-то думаешь о дикции:

— Остин, это не я, это он с ними разделался. Я приказываю вам его не трогать.

Остин разочарованно скрипнул зубами:

— Как скажете, принцесса...

Хирма мягко высвободилась. Тедди больше не держал ее за шею, но руки принцессы все же не отпустил. Она смерила Тедди взглядом — одновременно внимательным и негодующим. Пилот покрепче ухватил ее за ладонь, другой рукой сжимая ребристую рукоять меча.

— Что-то мне не хочется тебя совсем отпускать, принцесса. Лучше побудем рядом, ладно?

— Чего ты добиваешься? — перебил его Остин.

— Я хочу, чтобы барон Рой меня выслушал. Ведите меня к нему, прямо сейчас. И советую учесть: принцесса рядом, а у меня меч...

Офицеру ничего не оставалось, как повиноваться.

Они пошли к замку. Остин выполнил свою часть уговора честно — за четверть часа пути никто даже не пытался приблизиться к Тедди, который заботливо вел принцессу за руку.

Барон встретил их уже без того бешенства в глазах, с каким провожал Тедди. Он сделал властный жест:

— Отпусти принцессу! Тебя никто не тронет. Слово рыцаря и мужчины.

Тедди поверил. Впрочем, ничего иного не оставалось. Он повернулся к своей пленнице:

— Простите, принцесса! Поверьте, все это было лишь блефом. Я ни за что не причинил бы вреда такой очаровательной леди. Поймите и простите меня, принцесса.

Девушка неожиданно улыбнулась:

— Я верю тебе, чужеземец... Ты мне понравился.

Барон угрюмо и вопросительно переводил взгляд с принцессы на Остина: видимо, он еще ничего толком не понял. Принцесса в двух словах описала барону, как ее захватили дагомейцы под предводительством Барри, — Хирма имела обыкновение гулять по городу в одиночку, облачившись в длинный плащ и пряча лицо под низко надвинутым капюшоном. Она отправилась поглазеть на казнь, тут-то и выследили ее дагомейцы.

Рассказала она и о том, как Тедди разделался со всеми четырьмя дагомейцами. Потом Остин поведал, как Харвей, Тедди и двое пленников, которые тоже сумели под шумок удрать, избежали казни. Барон слушал и хмурился. Тедди показалось, что для него самым неприятным в этой истории было исчезновение Харвея. Минуту спустя Рой вновь вспомнил о Тедди.

— То, что ты не дагомеец, теперь ясно.

«Это и раньше было ясно, дубина!!!»

— Значит, вешать тебя вроде бы не за что. Раз.

«Железная логика!» — Тедди смотрел ему прямо в глаза.

— Судя по описаниям, ты великолепно владеешь мечом, а это привилегия знати. Два.

«Давай, давай, теоретик. Где же ты был, когда меня волокли на виселицу?»

Взгляд Тедди ничего не выражал.

— И третье. Ты был учтив с принцессой, когда необходимость прикрываться ею отпала.

«Ничего себе понятия об учтивости и чести! Когда отпала необходимость прикрываться!»

Тедди все так же пристально глядел барону в глаза.

— Значит, — подытожил барон, — напрашивается единственное объяснение. Назови себя. Имя и титул.

Тедди напрягся:

— Пилот... Теодор Айронсайд.

— Пилот? — переспросил барон, приподняв брови.

— Это что-то вроде графа, — несколько более поспешно, чем хотелось бы, пояснил Тедди.

Теперь барон пристально смотрел на Тедди — так же как перед этим Тедди на него. Поверил он или нет, понять было трудно.

— Я приветствую тебя, пилот Айронсайд, на своей земле и прошу быть гостем в моем замке! — медленно и торжественно произнес барон и, приложив руку к сердцу, поклонился.

Он говорил с Тедди как с равным, и это настораживало.

Тедди напряженно думал, прежде чем отвечать.

— Я благодарю тебя, барон Рой, за оказанную честь и с радостью принимаю приглашение, тем более что мы можем друг другу помочь.

Очевидно, Тедди повел себя именно так, как следовало, и слова его оказались как раз к месту.

— Пусть пилот Айронсайд простит за небольшое недоразумение, произошедшее сегодня. Я и мои люди приносим самые глубокие извинения. — Барон опять поклонился, и вслед за ним, своим господином, склонились все находящиеся в зале — от Остина до стражников. Стоять прямо продолжала только принцесса.

«Черт бы тебя побрал, дылда ряженая! Ничего себе небольшое недоразумение! Человека чуть не повесили, а он называет это небольшим недоразумением!»

На лице Тедди выразил как можно больше признательности и вслух сказал:

— Забудем об этом, барон. Все уже в прошлом. — Тут Тедди вспомнил, что в руке по-прежнему сжимает меч. — Пусть между нами никогда не встанет это. — Тедди приподнял меч и отшвырнул его в сторону. Тот с оглушительным звоном упал

на грязный каменный пол. Ничего особенно хорошего, кроме рукояти, в нем не было, и Тедди расстался с этой железкой без сожаления, ибо теперь рассчитывал получить меч именно такой, о каком мечтал.

В зал вошел офицер в сопровождении нескольких солдат, несущих что-то на куске ткани размером с простыню. Ношу положили перед бароном.

— Это все, что нашли у Барри и его людей, ваше сиятельство! — с поклоном доложил офицер. Солдаты построились у него за спиной и преданно выкатили глаза.

— Потом, — отмахнулся барон, беря Тедди за локоть. — Пилот, я полагаю, тебе стоит переодеться и принять ванну.

Тедди согласился не раздумывая. Только что он внимательно рассмотрел все внесенные вещи. Ни передатчика, ни лазерного меча среди них не было. Ни одной вещи из комплекта.

Глава вторая
ВОИН

Первое, что сделал Тедди, будучи гостем барона, — заказал себе пристойный меч. Кузнецу пришлось часа два втолковывать, что же в действительности от него требуется. Потом Тедди два дня бегал в мастерскую исправлять некоторые огрехи. В результате то, что вышло после первой попытки, Тедди швырнул в ров, окружающий замок. Второй меч постигла сходная участь. Третий Тедди осмотрел с изрядной долей скепсиса и забраковал, а когда кузнец попробовал возмутиться — тут же сломал сие творение о ближайшее дерево. В результате кузнец от изумления перестал на некоторое время дышать, но перечить более не смел. Зато седьмой меч оказался чудом — чуть изогнутый, слегка расширяющийся от рукоятки, настоящий самурайский меч. Ножнам Тедди особого значения не придал, а сам клинок удовлетворил его полностью, особенно после суточного бдения в мастерской. В конце концов Тедди сделал так, что лезвие стало вращаться на рукоятке, а хитро рассчитанный центр тяжести (именно над этим сходил с ума кузнец,

не понимавший, зачем подобная хитрость нужна) позволял наносить удары по всем направлениям без перехвата и всегда острой кромкой меча. Очень длинная рукоять вызвала сдержанный смех у некоторых офицеров из охраны. Смеяться осмелились далеко не все; когда же Тедди повесил меч за спину, а не на пояс, окружающие были просто шокированы. Тедди ожидал, что нетрадиционные приемы вызовут некоторый интерес, но прямого ажиотажа он не предвидел.

Второй меч, точную копию первого, появившийся через неделю, он носить с собой не стал, просто спрятал в комнате, которую выделил ему барон. Приближенные барона продолжали, не особо скрываясь, потешаться над тренировками Тедди — он часто выходил во двор, чтобы размяться; сделал себе шест для занятий нагинатой, тай-цзи-гунь и соответствующими разделами кэндо и каждый день в течение нескольких часов проводил интенсивный тренинг. Вокруг всегда собиралось много зрителей, откровенно хохочущих над странными, на их взгляд, выходками пилота. Впрочем, потешаться им пришлось недолго: Тедди быстро вспомнил все, чему научился в школе, и однажды, рассвирепев, самым немилосердным образом поколотил своей палкой семерых охранников. Потом молодой офицер по имени Лори предложил Тедди пофехтовать. Тон предложения пилоту не понравился, и он, даже не вынимая меча, избил офицера ногами; несмотря на все усилия и обнаженный меч, Лори не сумел Тедди даже оцарапать. После этого Тедди стали побаиваться и уже не осмеливались насмехаться, по крайней мере открыто. Пилот на деле доказал, что владеет секретами непревзойденного боевого искусства, а что при этом он двигается странным для аборигенов манером, так это сражаться не мешает...

Барон тоже иногда наблюдал за Тедди, но всегда молча.

Свой универсальный комбинезон, легко маскируемый под любую одежду всех времен и народов, пилот отмыл и щеголял теперь в нем. Он особо не отличался от людей баронова окружения, особенно когда стал носить еще и плащ, скрывая под ним чужеродность и снимая только на время тренировок. Постепенно Тедди привык к такой жизни, освоился, перенял манеру держаться и витиевато изъясняться, мало-помалу узнал,

что за мир его окружает. Теперь он уже не выглядел белой вороной, мог поддерживать светскую беседу, мог посплетничать с бароном по поводу последних политических новостей.

Одновременно Тедди чувствовал, что барон все время изучает его, наблюдает за ним. Рой был человеком умным и скорее всего догадался, что Тедди никакой не вельможа, но виду не подавал и продолжал держаться с ним на равных. Несколько князьков помельче — приближенные барона — тоже держались с Тедди учтиво, но неясно, по указке барона или же по собственной инициативе.

Так прошел месяц. Весна готовилась в любой момент нечувствительно перейти в лето, вокруг еще более потеплело, а за городом буйно зазеленели поля. Тедди, как всегда утром, выбрался во двор на разминку. Начал с дыхательных упражнений, потом перешел к растяжке. Именно в этот момент Тедди заметил среди наблюдателей принцессу Хирму. Он привык видеть ее в замысловатых нарядах, которые назвать одним словом было трудно, а подобрать несколько никак не удавалось. Сейчас она являла собой амазонку, как представлял себе ее Тедди.

Высокие, до колен, мягкие сапоги, некое подобие шорт, сопряженных с поясом для меча и пары кинжалов, легкая кожаная куртка, два широких игольчатых напульсника на руках и темная лента вокруг головы, несколько сдерживающая буйство прически.

Тедди выглядел как обычно — босой, в бесформенном, напоминающем кимоно, только цельное и без пояса, комбинезоне, короткая, хотя уже и достаточно бесформенная стрижка, необычная для аборигенов. Меч с плащом остались лежать у стены.

Принцесса глядела на Тедди с явным вызовом. Тедди перед этим выполнил несколько имитаций удара ногой и замер в произвольной позиции. Теперь они с принцессой смотрели друг другу в глаза. Потом принцесса извлекла длинный прямой меч. Держала она его тоже обеими руками, но иначе, чем Тедди.

— Защищайся!

Тедди не сдвинулся.

Принцесса приподняла меч, ожидая, пока он возьмет свой, но Тедди почему-то не хотелось скрещивать с ней оружие.

Вспомнилось, что Харвей говорил о Хирме как об искусной фехтовальщице. Тедди на всякий случай сконцентрировал все внимание на мече. Видя, что Тедди неподвижен, девушка потянулась острием к его груди, собираясь оттеснить к лежащему у стены мечу. Пилот слегка уклонился, и меч принцессы ткнулся в пустоту. Второй взмах был уже не таким осторожным — слева направо, на уровне груди. Тедди присел — клинок с отчетливым шелестом промелькнул над головой. Третий выпад и удар ногой в грудь — Тедди опять увернулся от меча, а удар молниеносно сблокировал.

Принцесса и правда была искусным бойцом, используя, помимо меча, ноги, иногда — освобождающуюся руку, но Тедди легко держал ее в своем взвинченном восприятии, уходя от медленных для него атак девушки. Со стороны ее движения казались стремительными и быстрыми, а движения Тедди и вовсе невозможно было рассмотреть, но на самом деле Тедди и принцесса находились в явно неравных условиях: пилот двигался раз в семь-восемь быстрее, реагировал соответственно, а выпады принцессы напоминали ему замедленное кино.

Хирма, видя бесплодность своих усилий, отступила назад и ловко завертела мечом, словно веревкой, по трем направлениям — с боков и над головой. Тедди знал этот прием как «сферу», начальную основу, из которой за тысячи лет развилась веерная защита. Отступать не хотелось, хотелось, наоборот, позлить принцессу. Он стал методично уходить от клинка, покачиваясь из стороны в сторону и пригибаясь. Девушка неожиданно даже для Тедди перехватила меч в левую руку и ударила снизу плоской стороной — она все еще щадила Тедди. Тот довольно легко уклонился от казавшегося плавным взмаха; принцессу развернула инерция меча. Секунда, растянувшаяся для Тедди в вереницу долгих ленивых мгновений, — и последовал удар в развороте, сначала мечом, потом ногой. Меч Тедди пропустил, а ногу поймал в замок. Девушка взмахнула мечом — Тедди убрал руки, меч проскользнул к земле, а потом вновь поймал не успевшую опуститься ногу. Руку с мечом он мягко завернул принцессе за спину и рывком потянул корпус соперницы на себя.

Та пребывала в замешательстве. Ее до сих пор никто не сумел победить даже при помощи меча, в лучшем случае про-

тивники довольствовались изнурительной ничьей. Сейчас ее обезвредили голыми руками. Играючи.

Видя перед собой довольную физиономию Тедди, Хирма расхохоталась. Тедди отпустил ее.

— Ты искусный боец, Теодор Айронсайд.

Тедди победно расправил плечи:

— Стараюсь...

Принцесса пристально глядела на него.

— Я хочу посмотреть, как ты действуешь мечом.

— Только не боевым, — заявил Тедди.

— Хорошо.

Принцесса поманила к себе охранника, и тот мигом принес два деревянных меча, по весу сравнимых с настоящими — из местного подобия граба, наверное. Тедди выбрал себе тот, у которого была длиннее рукоятка.

Девушка сжала меч, держа его перед собой. Тедди занял исходную стойку — на полусогнутых ногах, меч сбоку вертикально, локти разведены. Принцесса уже видела эту позу — во время поединка с дагомейцем Барри.

Тедди не стал взвинчивать восприятие, хотелось пофехтовать по-настоящему.

Принцесса напала, ее серию ударов Тедди бесстрастно отразил быстрыми резкими взмахами и вновь замер в исходной стойке.

Так повторилось несколько десятков раз. Принцесса выглядела растерянной — древнеяпонский стиль боя на мечах был ей совершенно незнаком, держалась она буквально на пределе. Тедди же было совершенно безразлично, как и кто с ним дерется. Он умел в несколько раз больше любого фехтовальщика этого мира. Искусство фехтования на этой планете просто еще не успело наработать серьезную базу, а Тедди владел вековыми секретами поединка на мечах.

Он не атаковал принцессу, защищаясь встречными ударами, девушке же казалось, что она сдерживает ураганный натиск, сдерживает с огромным трудом. Потом Тедди надоело, он нырнул под очередной выпад, подался вперед и выбил меч у Хирмы ударом себе за спину. Принцесса беспомощно вскинула руки, прикрывая лицо, совершенно инстинктивно, ведь Тедди не стал бы ее бить. Пилот отступил.

— Ты дьявол, пилот Айронсайд!

— Зови меня Тедди, принцесса, — попросил он и подумал, что бы ему сказали, если бы он стал фехтовать всерьез, в полную силу.

Принцесса глядела на него со смесью недоверия и восторга:

— Ты дьявол, Тедди!

— Это похвала или упрек? — весело осведомился Тедди.

Принцесса улыбнулась: она принимала игру.

— Я не встречала до сих пор воина равного тебе.

— И не встретишь, — заверил Тедди, решив, что вряд ли еще кто-нибудь из пилотов объявится на этой планетке. Развеивать впечатление о себе он не собирался. Чем меньше придется драться, тем лучше для него же.

— Где ты этому научился?

Тедди задумчиво пошевелил бровями.

— Ну... Как тебе сказать...

— Я не настаиваю! — поспешно прервала принцесса. — Я понимаю, тебя наверняка связывает какой-нибудь обет. Не отвечай, если не можешь. Я не обижусь.

Тедди нашелся только на корректное «спасибо».

— Ты дерешься совсем иначе, чем мои соотечественники.

— Я дерусь так, как мне нравится, — веско заметил Тедди.

Принцесса продолжала улыбаться. Понятно было, что ее разбирает любопытство, но она сдерживается. Наверное, это стоило немалых усилий...

Тедди подал принцессе меч (настоящий), подобрал свой и, галантно предложив девушку руку, повел ее к замку.

— Позволь проводить тебя, принцесса...

Хирма охотно пошла с ним. Расстались они на лестнице — принцесса отправилась к себе, Тедди наконец решился серьезно поговорить с бароном. Он хотел вернуть себе передатчик, лазерный меч, аварийный комплект, аптечку — весь свой пилотский инвентарь, который унесли дагомейцы. Тедди, чтобы не очень зависеть от Роя, не подавал виду, будто в чем-то нуждается. Но рано или поздно все равно пришлось бы открыться, потому что без помощи барона Тедди вряд ли мог рассчитывать на успех. Сегодня Тедди решил попросить барона помочь в поисках хотя бы передатчика.

Он вошел в залу, где обычно в это время находился барон, с малого крыла, через боковую неприметную дверцу. Плотные занавеси скрывали все впереди, казалось, что это старый провинциальный театр и Тедди бродит в пыли за кулисами. Пилот аккуратно затворил за собой дверь и уже собрался показаться, когда услышал свое имя. Разговаривали барон, офицер Остин и кто-то третий, кого Тедди не знал; барон велел слуге позвать пилота, и тот, дробно постукивая деревянными башмаками, выбежал. Остин сразу же задал вопрос:

— Ваше сиятельство, мне кажется, что вы знаете, кто на самом деле этот человек.

Тедди готов был поспорить, что барон сейчас насупился.

— А с чего ты решил, будто он не тот, за кого себя выдает?

Остин замялся, и за него ответил третий:

— Но ведь видно, что он воспитывался не в благородном семействе.

— А ты можешь назвать его простолюдином?

— Н-нет... — Голос был неуверенный.

Барон досадливо кашлянул:

— Кхм! Господи, до чего же тупые у меня вассалы! Ну подумайте головой, кто может быть двадцати трех — двадцати пяти лет от роду, не имеющий понятия о светских манерах, но мгновенно их усвоивший, явно высокого происхождения, судя по благородству и умению фехтовать, кто? Со шрамом на левом локте, если вы удосужились шрам заметить... Кто? А?

— Бог мой! — просипел Остин с интонациями человека, которого неожиданно посетило озарение. — Шрам!

Тедди машинально пощупал длинный рубец на левой руке — печальную память о стычке с годовалым снегоедом на Вермелинье.

— Принц Тауншенд?! — догадался и третий собеседник. — Исчезнувший спустя несколько месяцев после рождения и объявившийся в прошлом году? Но его же, говорят, убили в Авостинге?

— Значит, не убили, — проворчал барон.

Остин осторожно отметил:

— Все вроде бы сходится, но... Как-то не могу поверить.

Тедди, затаивший дыхание за шторой, подумал: «Узнать бы, убили на самом деле этого Тауншенда или нет. Принцем быть, поди, проще».

Слуги искали его по замку, пора было уже и показаться.

— Не подавайте виду, что узнали его, — услышал Тедди голос барона, перед тем как выскользнуть назад за дверь. Он хотел обойти вокруг по кольцевому коридору и попасть в залу через главный вход. На лестнице встретилась успевшая переодеться принцесса.

— Хирма, у меня странный вопрос, — выпалил Тедди, справедливо считая, что чем неожиданнее атака, тем больше шансов на успех. — Кто такой принц Тауншенд?

Принцесса удивленно взглянула на него, даже скорее не удивленно, а словно бы опасаясь подвоха. Но ответила по обыкновению полно:

— Это принц Дагомеи... Его выкрали в возрасте четырех месяцев. А в прошлом году в битве при Каратинге он объявился с небольшим отрядом горцев; его узнали только по медальону отца. Его убили, кажется, этой осенью. А что?

Тедди часто за последний месяц обращался к Хирме за объяснениями.

— Говорят, он был искусным фехтовальщиком?

— О да! Одним из лучших по эту сторону океана!

В это время слуга, почтительно приблизившийся к ним, торжественно произнес:

— Пилот Айронсайд, вас просит к себе его светлость барон Рой!

Тедди вновь предложил принцессе руку; так вдвоем они и вошли в главный зал, на этот раз — с парадного входа. Барон, увидев их, ухмыльнулся:

— Великие небеса! Какая великолепная пара!

Тут явно скрывался некий намек — Тедди просто не знал, что принцесса Хирма должна была бы стать женой дагомейского принца, если бы того в свое время не украли. Принцесса намек поняла. Тедди почувствовал, как дрогнула ее рука, но сам он только на всякий случай насупился. В зале людей собралось уже больше десятка — очевидно, намечался военный совет. Тедди отвел принцессу к ее месту и присоединился к группе, стоящей у баронского трона. Он знал, что утром приехал королевский посланник — важно нахохлившийся мужчина слева от барона, вероятно, им и был. На севере пару дней

назад состоялась небольшая стычка, Тедди краем уха слышал, что отряд дагомейцев устроил резню в одной из пограничных деревень, а теперь, судя по всему, готовилась ответная карательная вылазка.

Посланник церемонно вручил барону свернутую трубкой грамоту. Тедди поморщился — все эти ритуалы средневековья забавляли его лишь в первые дни, а теперь успели наскучить и казались глупыми, напыщенными и никчемными. Тедди ожидал, что опять начнется трепотня насчет коварных дагомейцев, но барон оказался человеком практичным — сразу же начал обсуждение деталей похода.

С первых же слов Тедди оживился — объектом нападения намечали город Таулект, в котором располагался замок герцога Арнея. Похоже, нападение на Таулект выглядело весьма решительным шагом. Даже Тедди понимал, что этот шаг означает развязанную войну, но ему это сейчас было только на руку, ибо Герб Коллайти находился именно в Таулекте, а значит, возникал немалый шанс добраться до передатчика.

А потом началась такая кутерьма, что Тедди растерялся на целых два дня. Замок ожил, всюду сновали люди, что-то перетаскивали, орали друг на друга, водили по двору лошадей, запрягали и тут же распрягали их, дергали друг друга, громогласно спорили; кузница превратилась в бурлящий цех, за стенами замка — в городе — тоже все кипело и перемешивалось, отряды вооруженных людей стекались к замку со всей округи и разбивали лагеря прямо у стен, по обе стороны рва. Потом все вдруг как-то враз улеглось, и стало известно, что завтра с утра поход начинается. Тедди еще в первый день приготовил свое скудное снаряжение — одежду и оба меча, а все остальное время без дела слонялся по городу и глазел на все, что вокруг творилось.

В ночь перед выходом Тедди почти не спалось. Он с трудом дождался рассвета, но уж потом скучать не осталось времени.

Замок и город ожили, улицы и подворье наполнились народом за какие-то десять минут. Поход начинался.

Барон и его приближенные выглядели на редкость помпезно — на непривычный взгляд чужеземца-инопланетянина. Все созванное войско выдвинулось из замка на городскую площадь,

где собрался чуть ли не весь город. Глашатаи выкрикивали имена, титулы и заслуги вельмож, народ встречал их одобрительным гулом или свистом — в зависимости от рода заслуг. Свист слышался чаще. Когда горластый, не умолкавший ни на миг глашатай прокричал: «Пилот Теодор Айронсайд!» и Тедди вдруг оказался в центре внимания, поименованный пилот немного стушевался. По сравнению с остальными, разодетыми в немыслимые наряды и доспехи, увешанные всевозможным оружием, от булавы до арбалета включительно, окруженными оруженосцами и свитой, Тедди и впрямь не особо смотрелся в бесформенном балахоне с капюшоном и всего лишь при паре мечей за спиной. Хорошо еще, что очень занятый последние несколько дней барон все же не забыл о Тедди и самолично подобрал ему коня.

От непрерывной сутолоки голова шла кругом; Тедди уже давно чувствовал себя потерянным. Что делать и как вести себя дальше, он представлял весьма смутно. Выручила принцесса. Она снова надела костюм амазонки, и, судя по непринужденности, с которой управлялась со своим конем, это занятие было ей отнюдь не в диковинку. Возникла она внезапно, словно из-под земли.

— Ну что же ты сник, Тедди? Я-то думала, что война и походы — твоя стихия!

Тедди невольно приосанился и постарался ответить непринужденно:

— Гм! Это даже несколько больше — это моя профессия, но боюсь, вы воюете совершенно иначе. Я слегка теряюсь...

Принцесса понимающе тряхнула головой, хотя что именно она поняла, понять было трудно.

— Держись рядом, Тедди... — посоветовала она.

«Он чужой. Совершенно чужой здесь. Как еще можно воевать?» — подумала принцесса.

Войско уже выбралось за город и резво двигалось на север. Тедди давно успел отвыкнуть от зеленых пейзажей кислородных миров; последнее время он безвылазно торчал в космических патрулях, пока злая судьба не забросила его на эту богом забытую планетку. Пилот-бродяга, звездный волк и потрошитель пеломенских «чебурашек» с детским восторгом глазел на

лес, на дикое буйство первозданной природы и впервые ощутил, что жизнь не менее великая штука, чем космос.

Принцесса, а с ней и Тедди двигались в голове порядком растянувшейся колонны, барон с приближенными отстал и находился в центре войска. К вечеру войско достигло границы владений барона Роя.

Впереди, чуть в стороне от дороги, маячило что-то на редкость черное, как выяснилось — деревня. Именно здесь побывали дагомейцы и, как водилось в этом мире, оставили после себя только головешки да опаленную землю.

Тедди в пути либо глазел по сторонам, либо размышлял, мягко подпрыгивая в седле и иногда переставая замечать все, кроме спины скакавшего впереди всадника и хвоста его лошади.

Если барон принимает Тедди за истинного дагомейского принца, значит, полной веры ему сейчас нет: вылазка-то против Дагомеи. Скорее всего принцесса просто приставлена наблюдать за ним, а уж девчонка-амазонка стоила нескольких олухов-солдат, тех, что из деревенщины, с плохоньким оружием. Устроенный бароном экзамен Тедди должен был выдержать. Или не должен? Как повел бы себя на его месте принц Тауншенд? Тедди терялся в догадках. Пока приходилось только ждать.

На следующее утро состоялся очередной военный совет, на котором сколотили мобильную разведгруппу, куда вошли два десятка воинов барона, Остин, два офицера рангом пониже, принцесса и Тедди. Разведчики выдвинулись вперед и продвигались с повышенной осторожностью.

Барон действительно принял Тедди за принца Тауншенда. Принц давно не ладил с правителями Дагомеи, ибо законная власть должна была принадлежать ему, а в действительности там правил бывший канцлер Кейт Гро, объявивший себя королем. Все прекрасно знали, что к королевской фамилии он не имеет ни малейшего отношения, однако молчали. Для барона Роя находящийся в изгнании принц являлся потенциальным вожаком возможного переворота в Дагомее, где недовольство правлением Гро уже вылилось в несколько кровопролитных восстаний. Поэтому Рой решил всячески поддерживать Тедди.

С другой стороны, полной уверенности в том, что Тедди действительно дагомейский принц, у барона не было. Но в конце

концов, так ли уж важна подлинность принца, если дело дойдет до переворота? В Дагомее уже существовала, по сути дела, целая повстанческая армия, состоящая из отдельных разрозненных банд и группировок, готовая пойти за Тауншендом, буде таковой объявится, и которую оставалось только организовать да сплотить в одно целое.

Кейт Гро, зная, что принц может вернуться и предъявить законные права на престол (ибо в Дагомее слабо верили слухам о смерти Тауншенда), понял, что единственный путь, который не приведет его к краху, — это немедленно развязанная война. По его приказу герцог Арней и устроил провокацию на границе. Шпионы донесли, что Рой, как и ожидалось, затеял ответный поход. Но Рой не знал одного: встречает его объединенное войско Гро, Арнея, герцога Инци, барона Карнеги, а также их многочисленных вассалов, вшестеро превышающее по численности силы Роя. Разбив его, Гро намеревался захватить сначала Алгому — город барона Роя, а затем и весь Данкартен, вполне уверенный в успехе, потому что без сил Роя Данкартен не в состоянии был серьезно противостоять Дагомее. Король Данкартена Рик Барнегат не подозревал о планах Гро, считая случившуюся заварушку заурядным пограничным конфликтом, которые случаются время от времени с завидной неизбежностью. Посылая Роя на Таулект, Барнегат считал, что тому придется иметь дело только с силами Арнея.

Гро и его приближенные следили за продвижением войска Роя из замка Таулект. Когда они посчитали, что Рой зашел достаточно далеко, войска Дагомеи с трех сторон начали атаку.

Разведотряд, с которым двигался Тедди, опередил основные силы на добрых четыре мили и поэтому сразу же оказался в плотном кольце. Все произошло очень быстро: предупредительный крик одного из воинов-дозорных — и сразу после этого звон мечей. Дагомейцы атаковали в пешем строю; Тедди, не привыкший рубиться верхом, мгновенно соскочил со своего конька. Больше половины отряда Роя полегло сразу. Уцелевшие образовали три островка: принцесса и трое солдат; Остин, офицер по имени Спик и еще шестеро солдат; и, наконец, Тедди, сражающийся в гордом одиночестве. Принцесса яростно крушила нападающих, в то время как все трое солдат по мере

сил прикрывали ей спину. Количество убитых дагомейцев здесь быстро и неудержимо росло; Тедди, успевающий наблюдать за всеми, весьма не позавидовал ее противникам. Остин и его группа медленно и упорно пробивались к опушке леса, организовав грамотную круговую защиту. Тедди пока держался без особых усилий, радуясь, что успел переделать меч и лезвие теперь вращалось. Он экономил массу времени, враги не успевали ничего сообразить — и падали, сраженные. Тедди уже начал вызывать у них суеверный ужас — бесформенный, серый, словно лунная тень, призрак со странной техникой боя и непонятным изогнутым мечом.

А Тедди спокойно расправлялся с новыми противниками, чувствуя к ним легкое презрение — все равно как к муравьям, пытающимся помешать бульдозеру разорять их муравейник.

Так продолжалось минут двадцать; Остин, Спик и двое уцелевших солдат почти пробились к лесу, и тут их обезоружили. Через пару минут оступилась и упала принцесса, сражавшаяся к тому времени одна; ее тоже связали. Оставался лишь Тедди. Он по-прежнему не получил ни единого повреждения, постоянно перемещаясь, чтобы упавшие тела не мешали, но уже начал чисто физически уставать — меч все же был металлическим и весил немало. Из сотни нападавших невредимыми осталось от силы человек двадцать, когда подоспела вторая волна дагомейцев. Тедди увидел, как принцессу и остальных увезли на скрипучей повозке в сторону Таулекта. Пора было убираться отсюда.

Текли выбрал направление, до предела взвинтил восприятие, нанес несколько ударов наобум, по кругу, и принялся старательно прокладывать в толпе дорогу к лесу. Дагомейцы, и без того напуганные поведением Тедди, увидели, как его силуэт вдруг расползся, потерял четкие очертания, и сразу вслед за этим половина из ближайших к нему солдат вышла из строя от невидимых, но весьма ощутимых ударов. Остальные опустили оружие, пали на колени и что-то невнятно забормотали. Тедди не возражал: если форсированная динамика вызывает суеверный страх, стоит это запомнить и по мере необходимости использовать. Он постарался побыстрее скрыться в лесу, больше никого не трогая.

К вечеру Тедди достиг Таулекта. Город охранялся так же, как и Алгома, — стражниками у ворот. Ворота уже заперли. На стену взобраться особого труда не составляло, для Тедди во всяком случае. Он мог подняться и по голой кирпичной стене, а эта была сложена из бугристого необработанного булыжника. Цепкие пальцы и немножечко тямы — только и всего. Наверху Тедди сразу же столкнулся со стражником. Тот ничего не успел сообразить: схлопотал удар ногой в развороте и полетел со стены, нелепо дернувшись всем телом. Тедди мысленно пожелал ему мягкой посадки и прыгнул вниз, прежде чем на шум кто-нибудь явится.

Улицы Таулекта мало чем отличались от алгомских. Тедди усвоил главное правило: все улицы — или почти все — ведут к замку.

На полпути Тедди окликнули, скорее всего ночной патруль — трое вооруженных громил. Тедди покорно подошел, швырнул первого потянувшегося к нему далеко в сторону, двух других успокоил руками. Первый, пошатываясь, выбрался из грязной канавы, но Тедди, с извинениями, ногой загнал его туда же уже надолго.

Ров перед замком Тедди просто перепрыгнул. В конце концов, восемь метров это не так уж много, если знать кое-какие хитрости и вообще технику прыжка. Следующим препятствием стала стена. Снизу было видно, как по ней чинно вышагивают охранники. Тедди минут пять понаблюдал и выбрал место, где удобнее влезть наверх. Он собирался сделать это незаметно: если прорываться силой, замок мгновенно превратился бы в гудящий улей, и у местных пчел в активе имелось неоспоримое преимущество: они досконально знали свой улей; Тедди же не знал его вовсе.

Он продолжал выжидать удобный момент. Мимо по мосту дважды проносились всадники, а из замка выступил вооруженный отряд и неспешно направился в сторону городских ворот. Луна висела над замком словно отполированный коллекционером полтинник и равнодушно заливала окрестности зыбким приглушенным светом.

Когда стражники на стене стали сменяться, Тедди понял, что его время настало. В три приема он оказался наверху и серой

незримой тенью перемахнул на противоположную сторону. Охрана его не заметила; Тедди с легкой ностальгией вспомнил кошмар всей пилотской школы — старика Блейка, учившего их двигаться быстро и бесшумно. «Блейк знал свое дело», — вздохнул про себя Тедди. Не первый раз он применял вколоченные инструктором навыки на деле и до сих пор не оступился ни разу.

Во двор он проник, теперь предстояло проникнуть в замок. Из двух вариантов — окна и двери — Тедди, секунду поколебавшись, выбрал окна.

Поскольку снаружи было темно, стоило подобраться к освещенному окну, чтобы его не заметили из комнаты, а он мог увидеть, что творится внутри. Вламываться наугад в темное окно, не зная, куда и к кому оно ведет, было бы явной глупостью.

Освещенные окна складывались на фоне стены в бедный узор; темных окон насчитывалось больше.

Выбирать все же было из чего. Вон те три окна подряд — судя по всему, довольно просторный зал. Нет, туда лезть опасно, там наверняка заседают хозяева — Арней или кто там еще. Два окна посредине, освещенные куда меньшим количеством свечей, нежели предыдущие три, располагались на залитой лунным светом части стены, и Тедди их тоже отмел. Из окон пристройки тянуло дымом, Тедди предположил, что там кухня, а значит, людей там тоже предостаточно.

Оставалось одно-единственное окно в башне. Достичь его было трудно, но возможно.

Первую часть подъема пилот преодолел по соседней стене, цепляясь за вгрызшуюся в камни поросль плюща, потом поднялся по узкому желобу между стеной и башней до уровня окна и по еле заметному карнизу-выступу вплотную подобрался к мутному стеклу.

В небольшой, но очень высокой комнатушке на некоем подобии ложа спала принцесса Данкартена. Оружия при ней не наблюдалось, выглядела она усталой и отчаявшейся.

Тедди ухмыльнулся: «Наверное, это судьба! Вечно мне приходится ее выручать».

Лучший вариант для проникновения в замок трудно было придумать: уж Хирма-то не станет поднимать шум из-за его вторжения. Тедди закрепился на стене, подковырнул раму и

вытащил половинку стекла. Держа его одной рукой — не бросать же вниз, звону будет на всю Дагомею! — переместил ноги внутрь, нашел опору и влез в окно целиком. Оставив стекло на широком подоконнике, Тедди прыгнул вниз на словно приготовленную специально для него циновку.

Здесь ждали незваных гостей. А он этого не учел.

Пола под циновкой не оказалось, и пилот ухнул в четырехметровую узкую яму.

А в это время изрядно поредевшее войско барона Роя бессильно откатывалось назад, все ближе и ближе к Алгоме. Силы Дагомеи теснили южан и быстро продвигались к городу.

Глава третья
БЕГЛЕЦ

Вверху сразу же раздались голоса: мышеловка с урчанием проглотила добычу, и ловцы спешили поглядеть, кто же неосторожный попался на этот раз.

Тедди мрачно уселся на склизкий каменный пол. Черт возьми, да ведь идиоту дóлжно было догадаться, что в Таулекте ему готовили встречу, стоило только пораскинуть мозгами. Тедди этого не сделал, почему — и сам теперь не мог понять.

«Если нужно работать мечом или кулаками — это пожалуйста, а вот если головой...» — уныло подумал он.

Нельзя сказать, что мысли были радостные.

В светлом круге наверху появилось несколько лиц. Двое лучников взяли Тедди на прицел.

— Оружие! — потребовали сверху.

Тедди коротко поразмыслил. От стрел он, конечно, увернется, но смысл? Все равно он бессилен в этой узкой цилиндрической яме. Пожалуй, лучше сделать вид, будто сдался, а там видно будет.

— Поберегись... — угрюмо посоветовал он, выбрасывая из ямы мечи. Склонившиеся стражники отшатнулись, послышалось отчетливое «звяк!» — и над ловушкой вновь нависли бородатые лица.

— Это все?

— Все, — буркнул Тедди.

— Ха! — ухмыльнулись наверху. — Пойдем обрадуем капитана!

В яму поочередно заглянули еще несколько стражников, потом послышался скрежет запираемой двери, и вскоре над похожей на каменный стакан тюрьмой склонилась принцесса:

— Тедди!

Тот недовольно молчал.

— Я знала, что ты придешь!

— Они тоже знали! — проворчал Тедди.

Принцесса на секунду исчезла, и в яму свесилась веревка со множеством узлов-ступенек.

— Выбирайся!

Тедди поднялся наверх, принцесса сразу же повисла у него на шее.

— Это большая война, Тедди! Здесь все дагомейские вороны — и Гро, и Инци, и даже Карнеги, старая развалина. А отец и весь Данкартен ни о чем не догадываются! Если войско Роя разобьют и дагомейцы захватят Алгому, Данкартену конец!

— Разделяю твое отчаяние, принцесса. Но ничем помочь, увы, не могу. Как это ни прискорбно. — В голосе Тедди преобладало уныние.

Он огляделся, ни на что не надеясь, просто так, в порядке знакомства. Кроме двери в коридор, крепко запертой, наблюдалась еще одна дверь, открытая.

— Гм, — поинтересовался Тедди. — Что там, за дверью?

— Коллекция, — фыркнула Хирма. — Арней собирает подсвечники. В специально отведенной комнате ремонт: герцогские маги-алхимики невзначай разворотили полстены, ее и переместили сюда.

— Забавно. — Тедди просунул голову в дверной проем.

Комната действительно напоминала музей. На стенах, на полу, на столах и подставках висели и крепились сотни всевозможных подсвечников самой разнообразной формы и размеров; в каждом горела восковая свеча. Подсвечники были всякие — простые глиняные, сработанные бедняком гончаром, и золотые, инкрустированные роскошными рубинами, творения

придворных ювелиров, резные деревянные и высеченные из неподатливого камня.

Тедди вошел. Принцесса осталась в дверях.

— Любопытно! Арней, похоже, большой оригинал. Мало того, что собирает всякую дрянь, так еще и хранит ее в тюрьме!

— Я же говорила, его подручные что-то взорвали в смежной комнате.

— А более подходящего места в замке не нашлось, что ли?

— Тюрьма вообще-то немного дальше. Здесь комнаты для гостей. — Хирма говорила неохотно, словно ей больше нравилось пребывать именно в тюрьме, а не в комнате для гостей. — И потом, почему дрянь? Есть очень милые вещички.

Тедди воодушевленно оглядывался.

«Похоже, гости здесь ненадолго задерживаются, — подумал Тедди. — С такой-то ямой посреди комнаты. Раз-два, и дальше. В тюрьму то есть...»

— Арней мне уже хвастался последним приобретением, — сказала принцесса. — Перед самым отъездом к войскам.

— Он уехал?

— Уехал. Вон, на столе, видишь? — Хирма указала на тускло-зеленый подсвечник, вставленный нижней частью в ажурную оправу, искусно украшенную драгоценными камнями.

Тедди покосился в ту сторону и почувствовал, как у него взмокли ладони.

Он, еще не веря себе, повернулся к принцессе:

— Хирма... кажется, я все-таки смогу помочь Данкартену.

Пилот протянул руку, взял слабо отблескивающий металлом подсвечник и ребром ладони сшиб оправу. Пламя свечи заколебалось, на пол закапали шарики воска. Принцесса вопросительно глядела на Тедди.

— Как ты думаешь, что это? — спросил пилот.

Девушка слабо пожала плечами:

— А разве не подсвечник?

Тедди жизнерадостно ухмыльнулся. У него резко улучшилось настроение.

— Знаешь, не совсем. Это так, самую малость, совсем чуть-чуть, оружие. Меч.

— Меч???

Принцесса не могла понять, то ли Тедди свихнулся от огорчения, то ли это его очередная непостижимая выходка.

— Представь себе, меч!

Тедди проверил заряд (полный!), перевел накал на четверку и выпустил луч. Воск мгновенно истаявшей свечи дождем упал вниз и, не долетев до пола, испарился. Из рукоятки того, что Арней принял за необычный подсвечник, вырвался ярко-зеленый полутораметровый лучевой шнур; в комнате сразу стало светлее. Принцесса испуганно попятилась назад, в первую комнату, глаза ее расширились, лицо заметно побледнело. Тедди счастливо рассмеялся:

— Не бойся! Это обычный лазерный меч.

Принцесса попыталась взять себя в руки, но Тедди заметил, что губы ее продолжали шевелиться, словно девушка твердила заклинания или молитву.

— Меч, сделанный не из железа, а из света. Понимаешь? Это локальный лазер, квантовый усилитель ограниченного радиуса действия. Представь, что много света спрессовали в узкий пучок. Шнур. Понимаешь?

— Нет... — прошептала принцесса.

— А-а, ладно, — махнул рукой Тедди. — Главное, что он исправен и им можно драться.

Принцесса завороженно глядела на луч, потом медленно перевела глаза на Тедди и несмело потянулась рукой к лучу.

— Э-э! Осторожнее! Клинка нельзя касаться. Как огня, понимаешь?

Хирма поспешно отдернула ладонь, пытливо глядя Тедди в лицо:

— А... можно мне?

Тедди секунду поколебался и вложил ей в руку «подсвечник». Хирма осваивала новые ощущения. Рукоятка была очень легкой, а клинок и вовсе ничего не весил, оттого меч казался игрушечным. Сомнения так ясно отразились на лице принцессы, что их заметил даже Тедди.

— Попробуй перерубить стол, — посоветовал он вкрадчиво.

Хирма с тем же сомнением оглядела меч, потом стол и коротко рубанула сверху вниз по плоскости столешницы.

Луч без всякого усилия прошел сквозь толстенный дуб, стол развалился на две половины, словно раковина мертвой устри-

цы. Хирма пораженно опустила меч, и тот немедленно пропахал в каменном полу узкую борозду.

Этого принцесса уже не вынесла. Вскрикнув, она собралась бросить меч на пол; Тедди отобрал свое оружие и, взяв девушку за руку, увлек в первую комнату. Там он, не теряя зря времени, вырубил в двери проход, выскочил в коридор, двум полусонным стражникам снес клинки по самые рукоятки и уже без помощи меча разлучил их на некоторое время с сознанием. Потом вернулся в комнату-музей; оставив Хирму у выхода, убедился, что, кроме меча, здесь нет ни одной вещи хобартского производства, и, вновь взяв принцессу за руку, повел ее прочь от несостоявшейся тюрьмы.

Но уже у ближайшей после поворота двери Хирма потянула его за рукав, требуя остановки. Тедди обернулся.

— Здесь Остин и Спик, а в помещении напротив — двое наших солдат.

Хирма с нажимом глядела на Тедди, хотя тот ничего против не имел. Развороти ть еще две двери было совсем не трудно; об остальных пленниках Тедди просто-напросто забыл, ибо до встречи с принцессой не собирался выступать в роли спасателя. Он пожал плечами, и через пару секунд в двери зияла обожженная дыра; оттуда послышалось громкое сдавленное икание. Принцесса заглянула в камеру:

— Остин! Быстрее отсюда!

Тедди уже выпустил из плена двоих дюжих солдат, заодно перерезав им веревки на руках. Принцесса догнала Тедди и сама взялась за его руку, следом спешили Остин и Спик. Все шестеро кинулись к спуску из башни.

Прорыв на свободу напоминал отчаянный рейд истребителей сквозь заградительные поля космического крейсера. Спустившись по винтовой лестнице и обращая в бегство обезоруженных, сбитых с толку охранников, Тедди с Хирмой и остальными данкартами проломились прямо сквозь стену во двор, потом посеяли панику у ворот: стража при виде действия лазера с воплями разбежалась. Тедди перерубил толстенные цепи словно молодые побеги бамбука, тяжелые ворота с глухим стуком упали наружу, вытянувшись мостом от стен на противоположную сторону рва.

По городу они промчались с резвостью скаковых лошадей; при виде людей Тедди беспорядочно размахивал мечом и старался как можно больше всего вокруг срубить или обрушить, будь то дерево, памятник или угол дома. Метод действовал безотказно: люди исчезали как ошпаренные. Тем же манером прорвались и через городские ворота: в решетках Тедди мигом проделал проходы и оставил десяток воинов гадать, что же за сила превратила в обрубки их мечи и вдоволь отвесила чувствительных тумаков. Принцесса не отставала ни на шаг от Тедди, задержавшись только у коновязи. Когда Тедди выскочил из только что проделанной неровной дыры в воротах и убедился, что они действительно прорвались и больше воевать не с кем, принцесса вывела вслед двух коней и швырнула в руки уздечку:

— Держи и вперед!!!

Остальные просачивались в дыру уже верхом.

Тедди убрал луч, пристегнул рукоятку меча специальными лямками на рукаве комбинезона, вскочил на коня и помчался прочь от Таулекта.

Когда неизбежная боевая горячка отступила и настало время размышлений и оценок, Тедди вдруг подумал о том, что раз уж в Таулекте обнаружился меч, то где-то поблизости должны бы находиться и передатчик с аптечкой, и прочие вещи его пилотского комплекта. И что в данный момент Тедди от них стремительно удаляется. От таких мыслей ему хорошо не стало, он машинально натянул поводья. Конь послушно остановился. Спутники, проскочив немного вперед, вернулись и, вопросительно поглядывая, окружили его.

— Что такое? — с неудовольствием подал голос Остин.

Хирма преданно глядела на Тедди.

Пилот медленно, исподлобья оглядел всех. Потом глухо пояснил:

— Я вернул свой меч, но другая вещь, которая мне гораздо нужнее, осталась в Таулекте.

Повисло короткое нерешительное молчание.

— Тедди! — пылко воскликнула принцесса. — Сначала нужно предупредить Данкартен и помочь барону Рою. Все остальное потом. Пожалуйста, Тедди!

Пилот начал колебаться. В пылу бегства он совершенно выпустил из внимания тот факт, что передатчик где-то рядом, и сейчас в душе ругал себя последними словами, но трудно было не внять мольбе принцессы. Почему-то хотелось сделать ей что-нибудь приятное.

Остин был более логичен:

— Таулект сейчас гудит, как раздавленное осиное гнездо. Мы подняли там такой шум, какого в жизни никто представить не мог. Это же чистое самоубийство, соваться туда в такой момент, даже для тебя, Тедди. Тебе придется только сражаться, беспрерывно, пока какая-нибудь нелепая случайность тебя не погубит. Ты не вернешь ничего. А вот если мы войдем в Таулект как хозяева...

Тедди понял.

— Гм! Пожалуй, ты прав, Остин. А чтобы войти туда хозяевами, придется постоять за Данкартен. Будь по-твоему, я согласен!

Шестерка всадников дружно пришпорила коней и унеслась к Алгоме, прямиком через лес. В небе сияла полная луна, протыкая иглами-лучами кроны старых раскидистых сосен. Лошади исправно находили путь между мачтовыми стволами, лишенными ветвей у подножия, а когда наткнулись на дорогу, город Роя стал приближаться еще стремительнее.

Отчего-то Тедди очень понравилась эта безудержная изнурительная скачка сквозь инопланетную ночь. Но он прекрасно понимал: в качестве романтического приключения подобные экскурсии еще терпимы. А если их придется совершать по две в неделю — быстро наскучит.

К Алгоме они успели спустя час после рассвета. Войска южан, вернее, их остатки засели за городской стеной, а тысячи дагомейцев кольцом охватили город, силясь раздавить сопротивление защитников. Походная палатка главарей — Гро, Карнеги, Инци и Арнея — располагалась прямо напротив главных ворот. Штурм, очевидно, начался с рассветом, и сейчас горстка воинов Роя обороняла ворота, держась до сих пор только потому, что достаточно большое количество дагомейцев не могло одновременно насесть на них. Остальные южане разными способами сбрасывали со стен атакующих.

Шестерых всадников заметили, лишь когда Тедди обрушил на ближайшее скопище дагомейцев два толстенных дерева, а его спутники с воплями «Данкартен, вперед!», размахивая добытыми еще в ходе бегства из Таулекта мечами, врубились в плотный строй неприятеля.

Гвоздем программы, что и неудивительно, стал лазерный меч в руке Тедди. Пилот нарочно постарался начать драку среди старых великанов-вязов — он косил их как траву, не забывая и о врагах; падающие стволы перебили едва ли не больше солдат, чем сам Тедди. Действовал он, сознательно стараясь вызвать побольше паники, и немало в этом преуспел. Дагомейцы ринулись из леска, как зайцы от пожара, Тедди, крича, завывая и ругаясь на хобарти, размахивал лучом, срезая ствол за стволом; деревья падали с оглушительным шумом и треском. Хирма, Остин и Спик с солдатами тоже дрались как взбешенные тигры, начав теснить дагомейцев, и это было самое странное, ибо тех скопилось здесь не менее сотни.

К этому времени уже и Алгома заметила неожиданную поддержку. Из ворот города быстренько организовали грамотную вылазку. Сотни полторы воинов ударили изнутри кольца в том же месте, где атаковал Тедди со спутниками. Кольцо осаждавших тут же лопнуло, дагомейцы дрогнули и оттянулись. Тедди нос к носу столкнулся с бароном Роем. Тот видел, как Тедди валил деревья, и поэтому, все сообразив, орал, тыча пальцем в стены Алгомы:

— Орудия! Уничтожь их осадные орудия!

Тедди понял и кивнул. Южане, воодушевленные успехом, расширяли пролом в кольце; Тедди, сшибив с коня ближнего дагомейца, поскакал вдоль стены, разрубая лестницы нападавших и метательные орудия наподобие катапульт. По нему начали стрелять из луков, пришлось взвинтить восприятие. Всаднику не составляло большого труда уворачиваться от стрел, но конь на это, увы, не был способен и сразу же превратился в подобие подушечки для иголок. Тедди рухнул вместе с конем, но успел все же оттолкнуться от бедного животного еще в падении. Приземлился он чуть в стороне, вскочил и, на бегу уклоняясь от целой тучи стрел, устремился к очередной катапульте. Все вокруг застыло; люди двигались еле заметно, стрелы

лениво скользили к тому месту, где Тедди находился несколько долгих мгновений назад, звуки сместились по тембрам вниз и растянулись в невразумительный басовитый гул; так продолжалось очень долго, и за это время Тедди успел столько всего перебить и переломать, что уже начал полусерьезно опасаться за естественный ход истории; и только тогда он обратил внимание, что все дагомейцы умопомрачительно медленно двигаются в направлении прочь от Алгомы, стрельба давно прекратилась, а в ушах звучит ритмичное, уже не первый раз повторяемое слово, непонятное из-за тягучести звуков.

Тедди остановился и притормозил реакции, вываливаясь назад, в обычный мир.

— ...я-а-а! Человек-молния-а-а! Человек-молния-а-а! — разносилось по округе из тысяч глоток. Мощь звуков по децибелам вряд ли уступала взлетающему космолету. Пространство перед городом стремительно пустело, войска Дагомеи беспорядочно отступали на север, а защитники Алгомы почему-то не стали их долго гнать.

Скоротечный бой завершился. Вокруг скопилась пропасть убитых и раненых дагомейцев, а воинов Роя на земле почти не было. Тедди убрал луч, экономя заряд, и устало побрел к барону, который невдалеке разговаривал с Хирмой и Остином.

Глава четвертая
ГОНЕЦ

Рой теперь относился к Тедди совсем иначе, нежели раньше, до битвы. Сдержанное недоверие исчезло, а вместо него возникло уважение и, насколько на нее был способен барон, благодарность. Хирма еще раньше не только взглядом, но и всем видом своим выразила готовность идти за Тедди хоть куда, хоть к черту в зубы, и только Остин, как обычно, оставался бесстрастным и демонстрировал лишь легкий скепсис.

Тедди решил раскрыть свои карты — терять ему все равно нечего, а вера теперь ему была. На первом же военном совете Тедди задал наиболее важный для себя вопрос:

— Барон, вы намерены брать Таулект? Меня интересует только это.

Рой нахмурился:

— Я должен это сделать!!! Но — увы и ах! — пока не могу...

— Знаю! — Перебивая, Тедди хлопнул ладонью по темной от времени столешнице. — Дагомейцев слишком много, а надо еще предупредить короля Барнегата, чтоб прислал подмогу.

Рой закивал, соглашаясь. Тедди после секундного колебания подлил масла в огонь:

— Барон, вы, несомненно, видели мой меч? Тот самый, который шутя валит вековые деревья.

По тому, как заблестели глаза барона, Тедди понял, что тот заложит душу и все состояние за подобную игрушку.

— В Таулекте остались еще кое-какие мои вещи. Когда я до них доберусь, меч станет вашим. Если, конечно, поможете мне в этом.

Рой остолбенел. Кажется, это превзошло все его самые смелые ожидания и мечты.

— Но... я никогда не имел дела с колдовскими вещами...

«Господи! Какой только чуши не сидит у них в голове! Поди ему объясни, что законы физики — везде законы физики, даже на феодальных мирках...»

Барон был порядком растерян и оттого несколько злился — не привык он показывать растерянность своим подданным.

— Ничего, — успокоил его Тедди, — колдовства там всего-то на грош, а о том, чтобы меч вас слушался, я позабочусь.

Тедди ничем не рисковал. Если батарею лазерного меча не подзаряжать, энергия иссякнет достаточно быстро, чтобы Рой ничего серьезного натворить не успел. А потом пусть пользуется рукояткой как подсвечником — это лучшее, на что она сгодится. Когда люди Герба схватили пилота в первый день, меч стоял на вольной подзарядке и черпал энергию откуда только мог, в основном, наверное, от света тысяч свечей в коллекции герцога Арнея. Спасибо тебе, Арней!

Тедди довольно прищурился. Только теперь он подумал, что меч мог бы остаться и незаряженным. Впрочем, это задержало бы его в Таулекте всего на три — пять часов.

Барон закивал, в глазах его вновь блеснуло недоверие, но где-то глубоко-глубоко, за общим спокойным выражением.

— Советую побыстрее послать гонцов к королю... — ненавязчиво посоветовал Тедди, одновременно размышляя, не слишком ли он обнаглел.

Барон переглянулся с Хирмой, и принцесса заулыбалась:

— Тедди, гонец — это я, и я намереваюсь взять тебя с собой в Райму.

Пилот вопросительно приподнял брови. Ехать на юг, в столицу Данкартена, в его планы не входило. Но Хирма глядела на него уж чересчур преданно. И Тедди смягчился:

— Гм... Я бы сначала чего-нибудь съел. Да и поспать пару часов не помешало бы...

— Это само собой!

«Ну что же, — подумал Тедди, — в Таулект соваться все равно не имеет смысла. А так я хоть буду уверен, что известие дошло до Барнегата, и вернусь вместе с его войсками. А заодно и Данкартен увижу — когда еще доведется?»

— Тогда этим и займемся, в смысле — чего-нибудь съедим!

Чувствовать себя отпускником перед вояжем и видеть меч на рукаве было донельзя забавно.

Разбудили его под вечер. Сказать, что Тедди выспался, — не скажешь, но так катастрофически, как раньше, спать уже не хотелось.

К отъезду все уже подготовили. Хирма, одетая по-походному, поправляла что-то в сбруе своего коня; рядом стояли четверо ратников, держа под уздцы горячих длинногривых скакунов. Судя по тому, как оттопыривались дорожные сумки, ратники собирались ехать с ними. Тедди подошел поближе. Рой и Остин стояли здесь же и тихо переговаривались. Спик успокаивал тонконогого коня, поглаживая его; вероятно, этот конь предназначался Тедди. Пилот бегло оглядел его, но, поскольку ровным счетом ничего не понимал в лошадях, сделал вид, что в общем доволен.

— Тедди, — позвал Рой.

Тедди обернулся. Барон протягивал ему меч, тускло поблескивавший в лучах покрасневшего вечернего светила. Тедди принял его и внимательно оглядел. Это был клинок, изготовленный по его проекту, — кузнец неплохо усвоил преподнесенные уро-

ки, этот меч оказался еще лучше, чем пара предыдущих, которых пилот лишился в Таулекте. Даже лезвие легко вращалось. Последнее было странным, потому что ранее эту операцию Тедди проделывал сам. Присмотревшись, он обнаружил, что сделано это немного иначе, но в целом не хуже.

Он поднял взгляд на барона:

— Спасибо.

Барон напыжился и благосклонно кивнул. Впрочем, Тедди прекрасно понимал, что благодарить следует не Роя, а кузнеца, который, довольно щурясь, стоял поодаль. Тедди помахал ему рукой и повесил меч за спину. «Пусть будет, — решил он. — И солиднее, и вообще...»

Все вскочили на коней. Спик тоже, именно на того, которого держал. Тедди сказал: «Гм!» — но ему тут же привели другого коня.

Ехали семеро. Тедди, Хирма, Спик и четверо воинов Роя.

— С богом, — поднял сжатый кулак Рой, и дворовые открыли ворота. Небольшой отряд выехал из замка, пересек Алгому, с немой надеждой взиравшую на гонцов, и вырвался на пронзительный летний простор.

Солнце клонилось к горизонту, но до заката оставалось еще больше двух часов. Копыта мягко тюкали по пыльной дороге. Похожая на раздавленного краба, Алгома медленно отдалялась. Тедди пнул пятками бока своей лошади и нагнал скачущую второй Хирму.

— Принцесса, вы все так были заняты, что забыли посвятить меня в свои планы.

Хирма дежурно улыбнулась:

— План прост: добраться до Раймы. Как можно скорее.

— Сколько же до нее добираться? День? Два? Больше?

Девушка пожала плечами:

— Два дня, если все пойдет как надо.

Тедди машинально потрогал лучевой меч и убедился, что тот стоит на вольной подзарядке, а значит, вовсю поглощает щедрую энергию местного солнышка, потому что более серьезного источника в округе не наблюдалось.

— Ну а на сегодня какие планы?

— Я думаю, мы должны успеть до темноты проехать Керд'Аллен и, может быть, даже добраться до харчевни Белого Бигга под Руэттой.

— Замечательно. Значит, сейчас все зависит от резвости этих зверюг? — Тедди похлопал по шее своего флегматичного конька. Принцесса засмеялась и пришпорила своего. Семеро всадников приближались к застывшему в вечерней дымке древнему лесу: до него оставалось всего несколько миль, и последние минуты он неясной линией маячил на горизонте.

А несколькими часами ранее к северу от Алгомы в лагере дагомейцев Кейт Гро, посовещавшись со своими вассалами, пришел ко все тому же единственно возможному выводу: Рой пошлет гонца в столицу за подкреплением. У Гро был вполне реальный шанс перехватить вестника. Отряд Хирмы не подозревал, что уже с первых минут похода их сопровождают воины Дагомеи числом чуть более полусотни. Прячась за холмами, а в лесу держась двумя группами позади и левее гонцов, они выжидали удобный момент для нападения. Тедди успел здорово запугать дагомейцев: несмотря на заметное превосходство в количестве, они не осмеливались напасть сразу.

Гонцы почуяли неладное, миль на пятнадцать углубившись в чащу. Спик то и дело беспокойно озирался; наконец он придержал коня и поравнялся с принцессой.

— Ваше высочество! Мы не одни. Конь чует своих сородичей.

Принцесса не удивилась, этого и следовало ожидать. Удивило ее, наоборот, то, что преследователи объявились так поздно.

— Где они?

— Позади и слева. По-моему... — Спик настороженно оглянулся. Тедди отстегнул лазерный меч и тоже осмотрелся. Можно, конечно, свалить несколько деревьев поперек дороги, но особой пользы гонцам от этого не будет, ибо всадники легко объедут завал лесом.

— Может, напугать их? — предложил Тедди.

— Как?

Пилот пожал плечами. Спик понял, что Тедди опять готов исполнить один из своих непостижимых номеров. Пилот тем временем надвинул капюшон, соскочил с коня и дал знак спут-

никам, чтобы отъехали за поворот. Когда те скрылись в сотне ярдов впереди, Тедди, поплевав на руки, влез на развесистое дерево, похожее на угрюмого великана, который склонился в любопытстве над дорогой. Через несколько минут послышался приглушенный стук копыт; вскоре на дороге показалось десятка три воинов. Тедди сжал рукоятку меча и взглянул на приметенный еще раньше камень — вековую мшистую булыгу, застрявшую у дороги бог весть с какого ледникового периода.

«Высота — метров шесть, — прикинул он, — скорость падения сложится со скоростью взмаха руки...»

Этого, как рассчитывал Тедди, должно хватить для небольшого, но весьма эффектного фейерверка.

Когда всадники приблизились, Тедди заорал пострашнее и сиганул вниз, на камень. Луч он выпустил в полете и, приземляясь, рубанул по камню. Скорости хватило, булыга не просто развалилась надвое: под действием «ленивых» квантов луча по линии разлома начался активный молекулярный выброс; камень начал сыпать во все стороны разноцветными искрами, словно увешанная бенгальскими огнями рождественская елка.

Единственное, о чем пожалел сейчас Тедди, что еще не успело стемнеть, ибо в сумерках эффект оказался бы еще более разгромным.

Воины дернулись назад, и их можно было понять — на их глазах самый обыкновенный камень вдруг взорвался светом, и там, посреди радужного сияния и искр, возникла темная фигура в капюшоне с ослепительным клинком в руке.

Этого оказалось вполне достаточно. Скоро об отряде напоминали только многочисленные следы, а стук копыт быстро затих вдали. Тедди бегом кинулся за поворот.

То, что он увидел, радости ему совсем не доставило.

Пока Тедди пугал одну часть преследователей, другая, о которой пилот не знал, напала на его спутников, не успевших оказать ни малейшего сопротивления. Четверо солдат полегли в первые же секунды, мечи так и остались в ножнах. Спик ничком лежал поодаль в большой круглой луже крови, принцессы и коней нигде не было видно.

Тедди сквозь зубы выругался на хобарти; Спик, заслышав его голос, слабо застонал и пошевелился. Тедди опрометью

бросился к нему. Офицер был плох, но не настолько, чтобы немедленно умереть. Рассечена кожа на голове, однако череп целехонек, и, что хуже, большая рубленая рана на боку. Спик оставался в сознании, но быстро слабел от потери крови.

Тедди выругался еще раз, настроил меч на поляризованный ультрафиолет, дал минимальную мощность и принялся обрабатывать офицеру повреждения. Плоть быстро перестала кровоточить, раны покрылись тонкой розовой корочкой. Спик перестал стонать, потому что луч пережигал нервы поврежденных тканей и сигналы о боли больше не поступали в измученный мозг.

— Ты и правда колдун, Тедди, — хрипло произнес Спик, когда пилот закончил «курс лечения» и пристегнул меч к рукаву.

— Где принцесса? — спросил пилот хмуро вместо ответа.

Спик поморщился:

— Дагомейцы увели ее с собой.

— В Таулект?

— А куда же еще?

— И что нам теперь делать, а?

Спик хотел потрогать рану на голове, но Тедди перехватил его руку:

— Не стоит. Пусть затягивается...

Спик коротко вздохнул. Потом тихо сказал:

— Тут невдалеке есть деревня... Не то чтобы настоящая деревня — так, харчевня да вокруг десятка два домишек.

— Значит, — перебил его Тедди, — я отнесу тебя туда, а сам — в Райму?

Спик состроил страдальческую гримасу, которую при наличии некоторой фантазии можно было счесть за улыбку.

— Не надо в Райму. Настоящие гонцы едут другой дорогой и к завтрашнему утру успеют все сообщить королю Барнегату.

— Значит, мы только отвлекали на себя эту банду? — заключил Тедди. — Ну и ну!

Офицер горько усмехнулся. Он тоже считал, что за хитрость заплачено несколько дороговато.

Лес шелестел молодой листвой, звенел птичьими голосами, словно и не было никакой войны.

— Ну что же... Пожелаем им не разделить нашу участь. — Тедди осторожно поднял раненого, усадил его себе на плечи и поинтересовался: — Где тут ваша деревня?

Спик молча указал направление.

К домам они вышли затемно. Вверху паутинились замысловатой мерцающей сеткой незнакомые созвездия, луна, похожая на меньшую из лун Хобарта, висела среди звезд, словно квочка среди выводка цыплят. В ночной тиши как заведенные стрекотали цикады, и Тедди с унынием подумал, что отпуска ему не видать в этом году как собственных ушей. На Хобарте точно так же стрекотали цикады, точно так же висела в темном небе ленивая луна, а вторая — быстрая — носилась по орбите, словно удравший с поводка щенок, успевая за ночь взойти и сесть целых шесть раз. Но от всего этого его отделяло много-много парсеков, и ни единая живая душа не знала, что он — Теодор Айронсайд по прозвищу Тедди Айрон — застрял на этой планетке и торчит тут уже больше месяца.

Деревня, точно как рассказывал Спик, состояла из двух десятков домишек, подслеповатых и приземистых, и расположенной в самом центре харчевни, весело выставившей напоказ полдюжины ярко освещенных окон. Оттуда доносилась музыка; даже издали Тедди нашел ее мелодичной. Получив согласие Спика, он направился прямиком туда. Хозяин, дородный краснорожий мужик, при виде золотой монеты излучил такую доброжелательность и заботу, каковые в пересчете на голые килоэрги перекрыли бы взрыв сверхновой минимум втрое. Спика мигом унесли куда-то в хозяйскую часть, а Тедди вошел в обеденный зал харчевни. На стенах просторной, изрядно прокопченной комнаты горели длинные факелы, а в центре, невзирая на летнюю пору, пылал чудовищных размеров камин. Десяток основательных, крепко сколоченных столов равномерно разместился вдоль стен, оставив довольно свободного места перед камином; за столами сидели, пили, ели и громогласно разговаривали около тридцати человек. Тедди опустился за самый дальний угловой стол, проворный малый-слуга мигом принес ему жаркое и вино. Завсегдатаи оценивающе разглядывали новичка, но пилот был слишком голоден, чтобы обращать на это внимание. Обратить внимание все же пришлось, когда за этот же стол сел здоровенный косматый детина, живо напоминаю-

ший старые хобартские сказки о снежном человеке. Тедди вопросительно уставился на него; детина сверлил пилота колючим, словно ветвь акации, взглядом.

Потом детина завидным рокочущим басом заявил:

— Ты мне не нравишься!

Тедди скорбно пожал плечами и вздохнул:

— Сожалею...

Вокруг цинично, с удовольствием заржали. Детина нахмурился и нехорошо поинтересовался:

— Тебя никогда не выбрасывали из харчевни?

Тедди отрицательно покачал головой. Видимо, здесь развлекались, именно выбрасывая приезжих из харчевни. И никак иначе.

— А ты не боишься, что барон Рой открутит тебе голову?

Детина радостно осклабился:

— Барон Рой ничего не узнает!

Зеваки собрались вокруг них в предвкушении потехи. Тедди на две головы ниже оппонента и вдвое у́же в плечах, все это прекрасно видели. Детина демонстративно барабанил пальцами по столу и созерцал Тедди, который равнодушно ковырял в зубах тонкой косточкой. То, что выглядевший малышом Тедди не испугался, детину озадачило, но не более. Теперь осталось только к чему-нибудь придраться.

— Ты что, прихлебатель барона?

Тедди опять отрицательно покачал головой.

— Чего же ты им пугаешь?

Тедди безмолвствовал.

— Отвечай, когда с тобой разговаривают!

Пилот нарочито сонно поглядел на детину и миролюбиво попросил:

— Слушай, приятель, проваливай, а? Я устал и не желаю болтать со всякими болванами.

Детина разом оживился:

— Все слышали? Меня обозвали болваном.

Он с грохотом встал, взял Тедди за шиворот, вывел его в центр зала на свободное место, размахнулся своим огромным, похожим на добрую кувалду кулачищем — и полетел под ближайший стол, разметая торчавшие на пути стулья. Тедди остался стоять как ни в чем не бывало.

Детина вылез из-под стола, выразив изумление даже спиной. Вряд ли он что-нибудь понял, потому что вновь попер на Тедди, занося кулак для удара. Пилот спокойно поймал его кисть, слегка вывернул против сгиба, одновременно продолжая движение детины, и отпустил руку. Детина, взмахнув ногами, приземлился в углу, сломав еще два стула. Учение великого Морихэя Уесибы было ему явно недоступно.

Тедди укоризненно почмокал губами и не менее укоризненно покачал головой:

— Ай-ай-ай! Ты хулиган, однако!

Детина вскочил, взревел медведем и кинулся на пилота, как бульдозер на стену, — видимо, он не привык проигрывать. Эффект остался прежним: детине вторично пришлось побывать под столом. Встать Тедди ему не позволил: два удара ногой отключили здоровяку сознание на некоторое время. Учение Морихэя Уесибы для таких людей слишком гуманно, приходится принимать более радикальные меры.

Медленно подняв взгляд, пилот оглядел безмолвствующих зрителей:

— У кого еще есть вопросы?

Народ с уважением поедал его глазами. Вполне естественно, что вопросов ни у кого не нашлось. Тедди вернулся к прерванному ужину с чувством не то исполненного долга, не то самого заурядного злорадства. И еще ему показалось, что события на сегодня еще далеко не исчерпаны.

И верно — уже минут через десять к нему подсел бородатый крепкий мужчина с внушительным мечом на боку.

— А я тебя знаю, — тихо сообщил он. — Тебя чуть не казнили в Алгоме месяц назад.

Тедди неопределенно качнул головой — жест можно было истолковать и как утвердительный, и как отрицательный.

— Ты здорово дерешься.

— Спасибо, — поблагодарил пилот.

— Меня зовут Фил. Фил Тензи.

— А меня Теодор Айронсайд. Но я люблю, когда меня называют Тедди.

— Ладно, Тедди, у меня к тебе дело.

— Выкладывай. Хотя вряд ли я тебе помогу — у самого забот по горло.

Фил залпом осушил объемистую кружку, которую держал в левой руке, и в упор поглядел на Тедди.

— Я ищу людей, способных постоять за мое имущество. Нужно доставить кое-что в Дагомею. Доставить, ясное дело, в целости и сохранности. Улавливаешь?

Тедди насторожился:

— И много ли охотников нарушить целость и сохранность?

Фил воздел руки и глаза к закопченному потолку.

— Если в Таулект, то я согласен, — не раздумывая, решил пилот.

— Не совсем в Таулект, но зато совсем рядом.

Тедди выжидающе посмотрел на Фила.

— Плачу золотом, — как бы невзначай предупредил тот.

— Договорились, — заключил Тедди.

Удивительно, но нежданное предложение оказалось весьма и весьма кстати.

Он решил пробраться в Дагомею и связаться с бродячими лесными отрядами, которые с криками «Дагомея!» и «король Тауншенд!» громили и грабили приспешников Кейта Гро. Выдав себя за принца Тауншенда, которого эти люди уже успели произвести в короли, Тедди рассчитывал помочь силам Данкартена взять Таулект, а следовательно, добраться до передатчика. Поэтому он и дал Филу согласие на помощь. Не знал он только того, что Фил — один из этих самых бунтарей, и далеко не последний, а «кое-что» — это четыре повозки с оружием для лесного войска Дагомеи.

Спику Тедди ничего не сказал, и тот полагал, что пилот возвращается в Алгому.

Ночью люди Фила ушли на север — к Таулекту.

Глава пятая
ПРИНЦ

Дюжие коренастые лошадки бодро тащили четыре скрипучие, несмотря на обильную смазку, повозки. Отряд Фила Тензи состоял из таких же, как он сам, бородатых крепышей-дагомейцев. Вместе с Филом их насчитывалось одиннадцать. К Тедди

все до единого отнеслись с величайшим, прямо-таки вселенским равнодушием. Теперь пилот даже подумывал о подвохе, ибо не понимал, зачем нанял его Фил, ведь людей у него более чем достаточно. Но Фил почему-то внушал доверие и симпатию, и Тедди постепенно успокоился.

Идти в темноте приходилось медленно, Тедди то и дело спотыкался. Лес убаюкивал тишиной; в этот сонный предрассветный час казалось, что скрип их повозок слышен даже в Таулекте и немедленно соберет сюда всех воинов Кейта Гро с королем-самозванцем во главе. Тедди от однообразия стал клевать носом, задремывая прямо на ходу, и часто спотыкался.

— Эй, Тедди! — окликнул его Фил.

Тедди поднял голову и с некоторым усилием разлепил глаза:

— Чего?

— Ты бы поспал, что ли. Вон полезай на повозку. А то на ходу спотыкаешься...

Тедди вовсе не возражал. Нарубив веток на подстилку, он улегся на последнюю телегу и, убаюканный мерным покачиванием и поскрипыванием, скоро забылся. Склонившиеся над дорогой деревья приветливо махали ветвями, но он этого не видел.

Пробуждение было резким и неожиданным: предупреждающий крик и сразу за ним — оглушительный звон мечей, совсем как тогда, в первый день. Тедди выхватил обыкновенный металлический меч чисто автоматически, спросонья, и поспешил туда, где рубились.

Фил и его люди столкнулись с десятком дружинников Арнея, Тедди узнал герцогский герб у каждого на груди. Вмешательство пилота быстро склонило чашу весов в пользу Филовых бородачей, и скоро стычка иссякла, потому что сражаться стало не с кем. Солдат они перебили, оружие собрали и сложили на повозки. Теперь спутники смотрели на Тедди с интересом и законным уважением. Когда трофейное оружие уложили, вокруг пилота сомкнулось живое кольцо. Люди Фила, окружив его, молча разглядывали худощавого пилота-истребителя.

— Кто ты? — хрипло спросил Фил, не успев еще отдышаться после схватки.

— Я уже говорил, — отозвался Тедди, невозмутимо вгоняя меч в ножны, болтающиеся за спиной.

Воины смотрели на пилота, словно пытались разглядеть нечто, висящее у него на шее. Под этими взглядами Тедди машинально проверил, не висит ли там в самом деле что-нибудь; свободные рукава балахона мягко сползли вниз, обнажая руки до локтей. Теперь все уставились на открывшийся шрам на левом локте, начинающийся от сгиба и тянущийся почти до кисти, память о Вермелинье и снегоеде-подростке; о нем Тедди уже успел позабыть.

— Бог мой! — просипел Фил. — Принц! Ваше высочество! — Он торопливо опустился на одно колено, а секунду спустя его примеру последовал и весь отряд.

Тедди удивился: его опять приняли за принца раньше, чем он успел что-либо предпринять для этого. Впрочем, протестовать Тедди не собирался.

— Да, я принц Тауншенд! Я все-таки вернулся, что бы ни сочиняли злые языки в Дагомее и за ее пределами! Вы поможете мне сплотить верных людей в одно войско, и мы возьмем Таулект!

Это была розовая мечта всех бродяг, ушедших в леса Дагомеи, только брать они собирались столицу — Авостинг, но поскольку Гро и его свита обретались сейчас в Таулекте, слова Тедди прозвучали как раз к месту.

— Ваше высочество! Мы направляемся в отряд Энди Махонького, а это самый многочисленный отряд в округе. Как только весть о прибытии вашего высочества расползется, все окрестные отряды соберутся в таборе Энди Махонького самое большее через два дня!

«А за это время подоспеет войско Барнегата!» — подумал с удовлетворением Тедди. Все складывалось на редкость удачно, как по нотам, даже дух захватывало.

— Раз так, то поторопимся, — сказал он вслух.

Фил порывисто вскочил и обернулся к своим бродягам:

— Дагомея!

— И Тауншенд! — с воодушевлением заорали в ответ десять глоток. Тедди с тревогой подумал, что же произойдет, когда все узнают, что на самом деле он такой же принц, как барон Рой — кибернетик.

Отряд снова двинулся в глубь леса. Невооруженным глазом виделось, как обрадовались эти бородачи. Похоже, долго они ждали возвращения своего принца!

А Тедди размышлял. Если повезет сколотить достаточно большое войско в кишащих бунтарями лесах вокруг Таулекта, то город можно брать и не дожидаясь Барнегата. Тедди не был уверен, что протянет в шкуре принца нужное время.

Давно разгорелось утро, близился полдень. Фил увел повозки с тракта, пересекающего лес и всю Дагомею, в сторону Авостинга и направился наперерез к дороге на Таулект. Обоз упрямо продирался сквозь плотные заросли.

Сигнал тревоги, поданный идущим впереди воином, подстегнул всех. Повозки остановили; Тедди с Филом и еще двумя бородачами прокрались вперед, держась в стороне от тракта в густом подлеске. На небольшой полянке у самой колеи расположился временным лагерем отряд дагомейцев из числа наемников Кейта Гро, тот самый отряд, что вчера преследовал лжегонцов барона Роя в столицу — Тедди узнал лежащую на плащах принцессу Хирму.

«Ну да, как же я забыл, — ухмыльнулся тихонько Тедди, — я же с недавних пор только и делаю, что спасаю ее от дагомейцев!»

Принцесса не шевелилась, возможно — спала. Фил вопросительно глядел на Тедди. Тот отстегнул лазерный меч, приказал Филу и остальным не вмешиваться и пополз вперед. Приблизившись достаточно близко для короткого рывка, пилот стал присматриваться и выжидать. Принцесса, похоже, в самом деле спала. Все дышало спокойствием, но Тедди привык спокойствию не доверять.

— Мы можем обойти стоянку так, чтобы дагомейцы нас не заметили? — спросил он, вернувшись к Филу.

Тот поразмыслил и усомнился:

— С телегами? Вряд ли...

— Тогда нужно их как-то отвлечь.

В этот момент из лагеря послышался шум и крики; ни дать ни взять — будто в шалаш с беарнцами ночью вползла кобра. Тедди кинулся к своему наблюдательному пункту. С противоположной от дороги стороны к лагерю выскочили несколько

похожих на кабанов зверей. Дагомейцы мгновенно устроили на них охоту. Поднялся невообразимый гвалт и визг, звери впрямь оказались ближайшими родственниками хобартских и земных хавроний. Фил, моментально сориентировавшись, хлестнул своих запряженных в телеги лошадей. Скрип от их движения в лагере услышать не могли, там хватало своего шума, а прямой видимости между дорогой и лагерем не было. Охота закончилась минут через пять, солдаты волочили к разожженным кострам туши убитых животных, а отряд Тензи успел убраться на безопасное расстояние к северу. Тедди обогнул лагерь лесом и нашел Фила.

— Мне нужно напугать лошадей, — властно сказал он предводителю. Тедди, по правде говоря, здорово опасался, что его расколют, ибо принц явно должен знать, как это делается. Тедди же имел на этот счет не больше понятия, чем начальник продовольственной службы флота. Но все обошлось, Фил понимающе кивнул и стащил с передней телеги большую дурно пахнущую шкуру; на Хобарте водились похожие хищники, их называли медведями.

— Его убили только позавчера.

По идее, медведя должны были бояться и Филовы кони, но они на шкуру никак не реагировали.

Тедди хмыкнул, намотал шкуру на пояс и приказал Филу двигаться дальше, сказав, что догонит его через десять минут. Обоз тронулся, а Тедди вернулся к лагерю. Осторожно раздвинув ветки, он обозрел уже знакомую картину. Солдаты возились у костров, собираясь жарить нежданную добычу. Спящую до сих пор Хирму и привязанных невдалеке лошадей охраняли двое воинов. Тедди подождал еще пару минут, пока солдаты не отошли к кострам, и начал действовать.

До предела взвинтив восприятие, он кинулся в лагерь. Заметить его обычные люди не могли чисто физически. Огрев стражников, никак на его приближение не отреагировавших, рукояткой меча по макушкам, Тедди взвалил принцессу на плечо и проворно побежал к лошадям. Те, чуя запах медведя и смутно ощущая чье-то присутствие, стали биться и ржать. Тедди перерубил все поводья, перепуганные кони рванулись от него прямо через лагерь, сметая и топча все на своем пути, кроме

разве что деревьев. Почти все солдаты были сбиты с ног, а кое-кто основательно потоптан.

Тедди не стал дожидаться развязки: придерживая тело принцессы, он помчался в противоположную сторону. Выбежав на дорогу, увеличил скорость, а когда заметил впереди повозки, стал возвращаться к обычному восприятию. Тело принцессы сразу потяжелело, и Тедди опустил ее на траву. Принцесса по-прежнему безмятежно спала, и это было очень странно: еще в лагере Тедди удивился, почему она не проснулась от шума, поднятого во время охоты на кабанов. А теперь пришлось убедиться, что и последующие события, могущие разбудить даже впавшего в летаргию, на нее не повлияли. Тедди склонился над девушкой. Она, несомненно, была жива, Тедди чувствовал ее дыхание и ровное биение сердца. Он потряс принцессу, пытаясь разбудить.

— Эй, принцесса! Просыпайся! Мне вовсе не улыбается тебя тащить.

Но девушка продолжала спать, а возможно — пребывать в глубоком обмороке.

Тедди похлопал ее по щекам: «Усыпили ее, что ли?»

Пилот вздохнул, взял расслабленное тело на руки и пошел вслед обозу. Слегка ускорившись, он нагнал повозки в две минуты.

Обоз останавливать не стали. Тедди уложил принцессу на место, где утром спал сам, и поискал глазами Фила. Тот шел рядом с передней повозкой. Тедди стянул шкуру медведя с пояса и вернул предводителю. Фил усмехнулся, швырнул ее на телегу; движение его напомнило пилоту нападающего из школьной команды по баскетболу, которого дразнили «гиббоном».

— Это кто? — подозрительно спросил Фил, указывая большим пальцем себе за плечо. — Не принцесса ли Данкартена?

— Она самая. — Тедди не видел причин врать.

Фил помолчал, и Тедди понял, что он недоволен, хотя не осмеливается перечить.

— Нас из-за нее будут искать. И люди Гро, и весь Данкартен, — наконец прокомментировал Фил.

— Ничего, — успокоил его Тедди. — Данкартен я беру на себя, а с дагомейцами разберемся все вместе.

Фил упрямо наклонил голову. Может, он и не был согласен, но возражать не стал.

— Почему она спит? Ее, наверное, усыпили? — осторожно поинтересовался Тедди.

Фил кивнул:

— Гро иногда так делает, чтобы пленники не сбежали в дороге, когда некогда ими особо заниматься.

— Ага, я так и думал. А скоро ли прибудем в лагерь Энди... как его там?

— Энди Махонького? Ночью, я полагаю.

Тедди вздохнул и поинтересовался, принято ли у бродяг обедать, потому что последний раз он ел вчера вечером в харчевне под Руэттой.

Они шли весь день до заката и почти всю ночь. Все это время принцесса не просыпалась. Тедди успел вздремнуть, но когда впереди замаячили огни многих костров, он уже шел рядом с Филом во главе отряда.

— Все. Дошли, ваше высочество. Это и есть табор Энди. — Фил остановился и хлопнул в ладоши.

Табор и вправду оказался большим; состоял он в основном из землянок и шалашей. Всюду горели костры, вокруг них спали или сидели, бодрствуя, люди — такие же бородачи, как в отряде Фила. Многие просыпались, вылезали из шалашей. По табору мгновенно расползлась весть: «Фил приехал! Фил Тензи! С оружием!» Фил улыбался в бороду, здоровался; его люди тоже здоровались и обнимались со встречными. В центре лагеря возвышалась большая хижина, построенная более основательно, чем остальные. Из нее вышел здоровенный мужчина, еще больше того, который приставал к Тедди вчера в харчевне. Он радостно зарычал, увидев Фила:

— Фил! Стар-рина!

— Энди!

Тедди сразу понял, почему Энди прозвали Махоньким.

— А кого я привез, Энди, а!

Они перестали обниматься. Фил обернулся и нашел глазами Тедди.

— С нами приехал принц Тауншенд!

У Энди вытянулось лицо. Он внимательно посмотрел на Тедди, и что-то в этом взгляде пилоту не понравилось.

— Это принц Тауншенд? — недоверчиво спросил Энди.

Тедди постарался кивнуть как можно более высокомерно.

— Ты уверен, Фил? — спросил здоровяк, щелкнув пальцами, и это сбило Тедди с толку. Именно в этот момент его схватили сзади за руки и мгновенно скрутили, а затем еще и связали.

Фил недоуменно поглядел на Энди.

— Фил, тебя обманули, — хрипло сказал Энди, — принц уже неделю живет в лагере. Вон он идет!

— Что тут творится?

Тедди не видел говорящего, потому что лежал, уткнувшись носом в опавшую прошлогоднюю хвою, но голос показался очень знакомым.

— Фил Тензи оружие привез, ваше высочество! А с ним кто-то, кто назвался принцем Тауншендом.

— Ого! Ну-ка покажите мне его.

Тедди подняли на ноги.

Прямо перед ним стоял Харвей Меткий Глаз.

— Тедди? — изумился Харвей.

— Харвей? — изумился Тедди не менее.

Харвей выхватил кинжал и перерезал веревки, связывающие Тедди.

— Тедди, — повторил он, засмеялся и раскинул руки, — привет, Тедди!

— Привет, Харвей! — радостно ответил Тедди, и они обнялись.

«Черт возьми! Хоть с одним человеком в этом мире я могу искренне и от души обняться!»

— Мне очень жаль, Тедди! Ты, конечно, славный парень, но принц Тауншенд — это я.

— Ну и прекрасно! Честно говоря, я уже замаялся изображать из себя принца.

— Кто это, ваше высочество? — спросил Энди. Настороженность исчезла из его голоса, как туман после восхода солнца, зато появилась доброжелательность, которая гораздо более шла здоровяку.

Харвей, вернее, Тауншенд обернулся и весело ответил:

— Не знаю! Это Тедди, и все. Но если бы не он, я мог бы и не избежать виселицы барона Роя.

Тедди практически не знал Харвея, но, несмотря ни на что, чувствовал: этому человеку довериться можно. Тем более что оба сейчас хотели одного и того же: войти в Таулект и взять то, что принадлежит им по праву: Тедди — передатчик, принц — власть.

— Принц, с нами принцесса Хирма, она спит на...

— Хирма здесь? — вскинулся Тауншенд. — Как, откуда?

Тедди пояснил:

— Ее везли в Таулект люди Гро. А мы ее... того, украли.

Принц увидел Хирму, которую нес на руках Фил Тензи, сам догадавшийся, что ее неплохо бы устроить в какой-нибудь шалаш. О Тедди принц на секунду забыл. Девушку внесли в хижину Энди и уложили на охапку сена, покрытого пушистой шкурой незнакомого крупного зверя.

— Принцесса, — прошептал Тауншенд, проводя ладонью по ее лицу. Но девушка спала так же крепко и безмятежно.

Тауншенд оглянулся. Позади стояли на манер почетного караула Тедди, Фил, Энди и еще трое — тоже, видимо, из главарей.

— Что с ней? — спросил принц.

— Я полагаю, ее усыпили, — осторожно промолвил Фил.

Энди с сомнением покачал головой:

— Не-ет... Сколько она спит?

Фил пожал плечами:

— Может, с утра, а может, и со вчерашнего дня... Но с утра — точно.

Энди более убежденно, чем перед этим, повторил:

— Нет, Фил. Это колдовство. Ни одно сонное зелье не действует дольше шести часов.

Тедди еще при слове «колдовство» скептически хмыкнул: мол, знаем мы ваше колдовство! Примитивная биоэнергетика... Все покосились на него с заметным неудовольствием. Тедди это не особенно смутило.

Тауншенд бросил внимательный взгляд на Тедди, потом на принцессу:

— Позовите-ка Дика Бестию...

Один из трех незнакомцев тотчас вышел. Тауншенд опять взглянул на Тедди:

— Ты знаком с Диком Бестией?

Тедди с ним, естественно, не был знаком, поэтому отрицательно покачал головой.

— Это самый великий колдун, которого я когда-либо встречал! — с уважением произнес принц.

Даже для Тедди похвала в его устах прозвучала убедительно.

Но как человек мира могучей науки пилот снова скептически хмыкнул. Вскоре в хижину стремительно и вместе с тем плавно вошел... нет, втек невысокий лысый человечек с пронзительным неприятным взглядом и повадками врожденного экстрасенса. Тедди понял, что это один из тех пройдох, для кого надувательство давно стало точной наукой, кто дурачит доверчивых и по-детски простодушных людей, объявляя себя великим чародеем. Подумаешь, научился кое-как манипулировать биополями! Раз так, то Тедди с ходу можно подать как мессию, ниспосланного самим Всевышним!

Дик тем временем приоткрыл глаза принцессы и поводил руками перед ее лицом. Он не пытался изображать некие магические пассы, просто проверял, реагирует ли Хирма на движения. Тедди с интересом воззрился на работу Дика. У того взгляд вдруг сделался стеклянным, на гладко выбритой голове проступили отчетливо поблескивающие в отсветах костра бисеринки пота. Он что-то неразборчиво пробормотал, и тут Тедди прошибло.

«Ну конечно! Обычный гипносон. Искусно наведенный и довольно глубокий, похоже. Можно было разбудить ее еще днем вместо того, чтобы таскать на собственном горбу».

Как всегда, уже известное решение казалось на удивление простым и очевидным.

Впрочем, у Дика дела не очень-то ладились. Скорее всего усыпивший принцессу поставил какой-нибудь скрытый заслон, что только подтверждало догадку пилота насчет глубины и искусства гипнотизера. Тедди неслышно подошел поближе, шепнул Дику «продолжай!» и взял девушку за руку, так что нервные окончания на кончиках ее пальцев коснулись его рецепторов.

Через минуту Тедди понял, в чем дело: Дик сумел запустить программу пробуждения, но ее заранее замкнули в кольцо, и теперь она вертелась по кругу на одном и том же про-

межутке, как испорченная грампластинка. Программу следовало раскольцевать, разорвать, причем точно на сростке начала и коды. Рассчитав все до мизера, Тедди сосредоточился, взял Дика свободной рукой за ладонь и в нужную терцию хлестнул принцессу Диковым биополем.

Мир взорвался и поглотил Тедди, не ожидавшего такого мощного психорезонанса. Пилот временно перестал соображать и тихо сел позади всех прямо на пол.

Хирма вздрогнула и вскоре открыла глаза. Тауншенд все это время придерживал ее за плечи.

— Принц! — обрадовалась девушка и потянулась к нему.

Первым делом они поцеловались. Потом принцесса огляделась:

— Где это мы?

— В Дагомее, в таборе Энди Махонького.

Теперь Хирма обратила внимание и на присутствующих.

— О Энди! Ты все такой же, — повеселела она еще больше. — Привет, Фил!

Бородач Тензи ответил улыбкой:

— Здравствуйте, ваше высочество!

— Как ты себя чувствуешь? — прервал поток приветствий Тауншенд.

— Нормально, — ответила Хирма. — Кажется, дней десять теперь можно не спать. — Она вновь повернулась к остальным. — А, и Дик Бестия здесь! Это ты меня разбудил?

Дик оказался вполне честным.

— Вместе с ним. — Он обернулся, выискивая глазами Тедди, но тот все еще сидел на полу позади всех, так и не придя в себя после неосторожного контакта с психикой Бестии. Фил, стоявший ближе всех к пилоту, поднял его на ноги. Тедди, получив некоторое облегчение, мало-помалу унял дрожь в коленях и звон в голове.

— Тедди, конечно. Кто же еще? Никогда без тебя не обойдется!

Тедди заулыбался. Вышло несколько кривовато.

— Кстати, — вмешался Тауншенд, — именно Тедди ухитрился украсть тебя у людей Гро. Учти.

— Последнее время это вошло у него в привычку, — развела руками принцесса. — Я основательно в долгу перед тобой, Тедди!

Тедди неопределенно махнул рукой. Вышло несколько вяло.

— Энди, — обратилась Хирма к гиганту, — твой карлик-повар еще жив?

— А что, принцесса проголодалась? — пробасил Махонький.

Тедди немного удивился — уж слишком на короткой ноге были эти простые люди с особами королевской крови. Но это в конце концов его просто не касалось.

Они оставили принцессу в хижине и вышли под мерцающее ночное небо. Тедди нашел Хобарт — крохотный синеватый светлячок на северо-западе — и тихо вздохнул. Из-за света костра, вокруг которого они расселись, звезды потускнели и сияли не так ярко, как должно. Тедди подумал, что никто из окружающих, кроме него, ни разу не видел звезд по-настоящему, из космоса...

— Принц... — начал было Тедди, но Тауншенд остановил его энергичным движением руки.

— Можешь звать меня по-старому — Харвеем. Это раз. А второе — я хочу знать, чего ты добиваешься и как сюда попал.

Требование было законное; Тедди собрался с мыслями.

— Мне нужно в Таулект, — сказал он. — Помнишь, я рассказывал, как люди Герба Коллайти схватили меня на побережье?

Харвей утвердительно кивнул.

— Они отобрали у меня вещи, без которых я не могу вернуться домой. Я знаю, что эти вещи в Таулекте, знаю наверняка. И полагаю, что принц Тауншенд намеревается взять Таулект. Если это так, то я могу здорово помочь вам в этом деле.

Харвей немного помолчал.

— Да, я собираюсь брать Таулект. Но то же самое собирается сделать и барон Рой, с которым отношения у меня далеко не дружеские.

— Так возьми Таулект первым, — пожал плечами Тедди.

Харвей нахмурился:

— У меня слишком мало сил для этого.

— Тогда договорись с Роем.

Принц скептически усмехнулся:

— Рою сожгли несколько деревень, и он желает отплатить дагомейцам тем же. А я свою землю жечь не собираюсь. Я хочу только по душам потолковать с Гро, Арнеем, Инци и Карнеги.

Теперь задумался Тедди.

— Хорошо, — согласился он. — А как насчет короля Барнегата? Хирма, я уверен, замолвит батюшке словечко и за тебя.

Харвей оценил:

— Гм! Пожалуй, это мысль. Хотя кто знает? Он король Данкартена, а не Дагомеи.

— Барнегат будет здесь дня через два-три...

— Он будет здесь уже утром, если еще не явился, — перебил Харвей.

Тедди вопросительно уставился на него:

— Гонец ведь доедет к нему только к вечеру?

Харвей нетерпеливо отмахнулся:

— Ты что, думаешь, Барнегат слепец? Не зря он правит Данкартеном уже семнадцать лет. Он давно понял, что готовится крупная заваруха на дагомейской границе, скорее всего в окрестностях Алгомы. Когда шпионы донесли, что Гро стягивает войска к Таулекту и из Авостинга, и отовсюду, Барнегат поспешил сюда же.

Тедди кивал, размышляя. Его давно грызла смутная неясная мысль, ускользая угрем, казалось — вот-вот он схватит ее за хвост, но она оставалась неуловимой. Чувство внутреннего дискомфорта усугубляло верное ощущение, что мысль важная. Последние полчаса он сидел как на иглах. Лишь когда у костра мелькнул Дик Бестия, его прошибло.

— Стоп! — Он вскочил, схватившись за голову. — Стоп!!

Все с удивлением уставились на него.

— Ну конечно! — начал Тедди вслух, а потом решил, что объявить это во всеуслышание совершенно не обязательно и даже как-то излишне.

«Мы же впали в резонанс с Бестией. Его мозг согласуется с моим по биочастотам! Значит...»

Совпадение или хотя бы приближение друг к другу биочастот разных людей оставалось делом редкостным. Не использовать такое во благо было бы величайшей глупостью.

— Что — стоп? — осторожно спросил Тауншенд, видя, что Тедди вскочил и вдруг стал о чем-то размышлять, сопя от напряжения.

Тедди словно прорвало:

— Харвей, а как тебе такой вариант? Я притащу сюда и Гро, и Арнея, и Инци с Карнеги, и еще кого скажешь, а потом бери Таулект голыми руками. Неужели дагомейцы после этого пойдут против своего же принца?

Харвей рассмеялся:

— Тедди, ты отличный парень, но, видать, ты уж очень издалека. Как их сюда притащишь?

— А если притащу?

Харвей внимательно на него уставился.

— Что ты задумал? — спросил принц почти деловым тоном.

Тедди уже успокоился и присел.

— Вот это другой разговор, — кивнул он с удовольствием. — Мне понадобятся человек двадцать. И чтобы кто-нибудь из них знал замок Арнея и подходы к нему, как собственный карман. И еще знал всех этих баронов-герцогов в лицо.

Харвей порывисто обернулся:

— Энди... Подбери-ка человек двадцать. Поскоровистее...

Махонький понимающе кивнул и исчез. Принц опять обратился к пилоту:

— Тебе нужно готовиться?

— Я могу выступать хоть сейчас.

— Отлично. Это чистейшей воды авантюра, нутром чую, но мне она почему-то заранее по душе!

Харвей преобразился. Он был человеком действия, вынужденное ожидание повергало его в уныние. Теперь же глаза его блестели, и он сразу стал напоминать вышедшего на ночную охоту хищника.

Через двадцать минут два десятка воинов готовы были выступить. Харвей, Фил, Энди и принцесса — в их числе. Тедди всех наскоро осмотрел и сообщил:

— Мы забыли самую малость — Дика Бестию.

Харвей смерил пилота недоверчивым взглядом:

— Он же не воин! Он колдун!

— Ну и что? У нас он будет главным воином, — заявил Тедди. — Тем более что без него все равно ничего не получится.

За Бестией тут же убежали.

— Слушайте меня, — сказал тем временем Тедди своему отряду. — Как хотите, а повиноваться мне все это время вы должны безоговорочно, не задумываясь. Забудьте, кто вы, принц или простой солдат. Теперь вы — продолжение моих рук, ног, глаз и... всего остального. И не пугайтесь, что бы со мной или с вами ни произошло.

Тедди начал психологическую подготовку. В принципе его замысел должен был успешно осуществиться, провалиться он мог лишь в результате активного аналитического барьера или психотропного блока. Вряд ли кто-нибудь из стоящих перед ним людей был способен установить барьер, и уж точно никто не имел психотропных препаратов. Да и не знал никто, что это такое. Но лучше, когда любой добровольно подчинится ему.

— Принц, — шепнула Хирма на ухо Харвею, — это дьявол, сущий дьявол, а не человек! Он сделает все именно так, как говорит. Не в первый раз, проверено. Ты видел его меч?

— Нет...

— Увидишь!

Появился Дик Бестия, и они отправились в путь. После короткой получасовой скачки впереди проступили редкие и тусклые огни Таулекта. Дальше идти пришлось пешком. Маленький отряд бесшумно приближался к городу. Когда до него осталось всего полмили, Тедди дал сигнал остановиться.

«Пора», — решил он.

Двоих Тедди отослал караулить лошадей, а остальных выстроил в шеренгу. Девятнадцать разных людей, девятнадцать разных судеб и вселенных замерли по его команде.

— Возьмите друг друга за руки, — приказал пилот.

Все переглянулись с удивлением, но повиновались сразу же и без ненужных разговоров.

— Закройте глаза!

Тедди взял Дика за обе руки, зажмурился и сконцентрировался. Дик поддался легко, Тедди ощутил, что колдун старается помочь; они слились быстро и без проблем. Теперь, когда Тедди приготовился к резонансу, все обошлось без боли и оглушения. Просто он почувствовал себя в тысячу раз сильнее. Можно было приниматься за остальных.

Сначала он представил себя и остальных как единое целое и ощутил, как руки легонько покалывает там, где они касаются ладоней стоящих рядом Хирмы и Фила. Не важно, что левая рука принадлежала собственно Дику Бестии. Тедди чувствовал ее как свою.

А потом мир взорвался; границы его, и до этого неблизкие, умчались куда-то неимоверно далеко. Тедди открыл все двадцать пар глаз и увидел мир с двадцати точек одновременно. Двадцатью руками — восемнадцатью правыми и двумя левыми — он сжал рукоятки мечей. Он уже знал, что совсем рядом начинается подземный ход, ведущий прямо в замок Арнея, и это здорово, потому что не нужно теперь тащиться через весь город и штурмовать две стены. Он знал каждый закоулок этого самого замка и был уверен, что Арней, Гро и Карнеги сейчас находятся в трех дальних комнатах правого крыла, а герцог Инци скорее всего дует пиво в знаменитом погребке под не менее знаменитым обеденным залом вместе с Гербом Коллайти, который приходился ему троюродным братом, хотя вся Дагомея твердит, что это сказки. Он знал, что той его части, которую составляет Энди Махонький, придется идти подземным ходом чуть ли не на четвереньках, потому как высота хода всего пять с половиной футов. Он знал, видел, помнил и чувствовал все, что знали, помнили, видели и чувствовали все девятнадцать новых его частей, еще будучи индивидуальностями.

Он вдохнул воздух в двадцать легких и решительно пошел к подземному ходу.

Диверсионная операция «Таулект» началась.

Глава шестая
ДИВЕРСАНТ

Вход Тедди нашел в той же пещере, где замаскировал его семь лет назад. Разбросав нагроможденные глыбы, по очереди просочился в узкий, низкий и сырой коридорчик, зажег приготовленные еще полвека назад, спрятанные тут же факелы и двинулся сквозь плотный, будто кисель, влажный сумрак. Че-

рез полчаса тишины, нарушаемой лишь звуком шагов, дыханием и бульканьем падающих капель, Тедди понял, что тоннель уже идет параллельно с подвалами замка. Он отстегнул лазерный меч и отошел шагов на десять вправо и влево. Сверкающий бело-зеленый луч с шипением вгрызся в древнюю кладку. Скоро в стене зиял пролом во всю высоту тоннеля, выжженный верным лазером. Первый из многих Тедди ступил в темноту; бледный, заросший человек, сидевший внутри, в панике шарахнулся в сторону. Тедди с мечом принялся выжигать дверь, одновременно ударив узника, чтоб не шумел. Узник как подкошенный рухнул на пол — жалости Тедди не почувствовал: когда пилот сделает свое дело и покинет замок, узник очнется и уйдет через пролом, вместо того чтобы сгнить здесь заживо в затхлой глубинной тьме или завтра отправиться под топор палача.

А Тедди спешил. Он стремительно шагал по мрачному тюремному коридору. Передний сжимал в руке лазерный меч, уже не убирая луча; девятнадцать обычных металлических клинков держал наготове. У лестницы столкнулся с двумя охранниками, окружил их, решив не убивать, просто связал и бросил в открытой камере. Путь наверх занял минуту. Вот дверь в знаменитый питейный погребок — удар ногой! Большая комната, в дальнем углу фигуры Инци, Коллайти, Арнея и еще двух помельче. Значит, и Арней возжелал пива! Короткая схватка, все пятеро связаны. Тедди потащил их вниз и одновременно двинулся дальше, наверх, на жилые уровни.

Первый этаж. Отряд из пяти гвардейцев Гро — этих пришлось зарубить на месте, уж слишком воинственно были настроены. Скорее в правое крыло! Лестница на второй этаж; черт, кто это там наверху?

Двое насмерть перепуганных поварят. Пара ударов — и они без сознания. Ничего, отойдут к утру, некогда ими заниматься!

Так. Первая комната. Пинок в дверь, она распахивается настежь. Кто-то заполошно подскочил на постели. Карнеги! Старый пень! Удар; вязать его быстрее!

А внизу Тедди сложил бесчувственных Арнея, Инци и Коллайти в камере с проломом, двух офицеров — в соседней и, оставшись двумя частицами с пленниками, поспешил наверх,

на помощь самому себе. По дороге он увидел себя, тащившего Карнеги. Забавная штука множественное восприятие! Голова, кажется, больше астероида, как с похмелья.

Он потащил барона к первым трем узникам, продолжая путь наверх.

Следующая после комнаты Карнеги дверь. Удар! Напрасно, пустая комната. Тедди поспешил к третьей двери, оставшись и проверив на всякий случай пустую комнату. Действительно пустая, наверное, это Инци здесь обретался перед тем, как пить пиво.

Удар! — третья дверь вылетела, несмотря на запор.

Внизу он положил Карнеги в общий штабель у стены и остался.

В этой комнате нашлись трое. Гро, его слуга-горбун и офицер Род Саура, тоже подлежащий похищению. Недолгая свалка — Гро с Саурой Тедди понес к лестнице, бросив горбуна на просторную кровать, чтобы не валялся на холодном каменном полу.

А снизу, торопясь, поднимался отряд патруля — человек десять. Наверное, их привлек шум. Тедди, держа Гро и Сауру позади, ринулся навстречу. Его здесь было больше, чем солдат Гро. Лучевой меч с шипением кромсал клинки соперников, а руки и ноги расшвыривали их, отключая попутно сознание. Уже через полминуты путь освободился. Гро и Сауру он понес в подвал, к выходу, и в то же время пошел искать последних двух офицеров — Клифа Китти и Мера Суррока. Как раз когда Гро и Саура присоединились к Арнею и остальным, Мер Суррок был схвачен на втором этаже в библиотеке. Он совсем не изменился, хотя год назад клялся, что нашел знахарку, которая умеет заговаривать и сводить бородавки с лица.

От него Тедди узнал, что Клиф Китти дежурит на улице, руководя охраной стен. Сегодня Тедди чувствовал себя могучим, как никогда. Он взял Мера за руку, напрягся, а потом мир еще чуть-чуть увеличился, Мера не стало, а пилот, непроизвольно потрогав бородавки на новой щеке, пошел звать Клифа в замок.

Клиф сидел в карауле и играл с лейтенантом Бэем в кости. Тедди позвал его запинающимся голосом и скорее побежал к

замку. Клиф, что от него и требовалось, бросился следом, налетев в дверях на хлесткий удар между глаз. Тедди подобрал его и понес вниз, двинувшись еще и в левое крыло, где в кабинете Арнея в массивном шкафу на средней полке слева хранились передатчик, аптечка, аварийный комплект и пакет с пищевыми таблетками. Все это Тедди видел буквально позавчера, когда спрашивал Арнея, нельзя ли с помощью этих бесовских вещей свести бородавки хотя бы с лица.

В камере Тедди добавил Клифа к остальным пленникам.

Четверых солдат, охранявших коридор левого крыла, Тедди связал и бросил в кабинете, который за время схватки успел открыть. Прижимая к груди передатчик и остальные вещи, еще не придя в себя от счастья, Тедди ринулся вниз. Время истекало, сознание начинало мутиться, да и шум в замке уже стал привлекать внимание.

Обезвредив по дороге еще семерых, Тедди подхватил пленников и скрылся в темноте подземного хода. Через полчаса сумерек, разгоняемых колеблющимися неверными языками пламени на факелах, и торопливой ходьбы в тоннеле он вырвался на свободу в полумиле от Таулекта, опустил пленников на землю и взялся за руки, потому что больше выдерживать давление двадцати интеллектов уже не мог.

Мир, празднично брызнув огнями, развалился на части, тут же умчавшиеся куда-то неимоверно далеко; цепочка людей, держащихся за руки, пошатнулась и распалась.

Тедди, держась за гудящую голову, прохрипел:

— Свяжите Мера!

Мера связал Энди.

Ошарашенные, совершенно опустошенные воины подняли пленников и зашагали к месту, где их ждали лошади и охрана из табора Энди.

Харвей сжимал в одной руке до сих пор обнаженный меч, а другой поддерживал принцессу. Слегка покачиваясь, он смотрел на усталого Тедди с благоговением и не без мимолетного страха. Энди и Фил, тяжело дыша, стояли рядом. Принцесса держала аптечку, Энди — жилет аварийного комплекта, Фил — пакет с таблетками. Передатчик Тедди не выпускал из левой руки, с тех пор как впервые его коснулся в кабинете Арнея; в

правой обнаружилась рукоятка лазерного меча, хотя он считал, что давно пристегнул ее к комбинезону. Хорошо хоть луч убрал...

— Что это было, Тедди? — впечатленно спросил принц.

Тедди чувствовал себя основательно выпотрошенным, но полагал, что до лагеря все же добредет без посторонней помощи. Он усмехнулся:

— Так, один старый трюк. Joint Mind называется. А вообще Дика Бестию благодарите, без него я бы точно не справился.

Пилот взял у Энди жилет, сбросил порядком надоевший плащ-балахон и облачился в привычную оболочку из пластмассы. Аптечку сунул в специальный карман на псясе, меч пристегнул на рукав комбеза, таблетки опустил в крохотный ствол пищехранилища на груди. Передатчик зафиксировал на комплекте и уже собирался коснуться сенсора включения.

Остальные наблюдали за его манипуляциями с неприкрытым уважением.

— Тедди... — принцесса с непонятной тоской во взгляде обратилась к нему, — я давно хотела спросить... Откуда ты? Где твоя родина? За океаном?

Тедди грустно улыбнулся:

— Принцесса... если я скажу правду, вы либо не поймете, либо не поверите. Так что лучше я промолчу.

Воины ушли вперед; их осталось у пещеры пятеро — Фил Тензи, Энди Махонький, Харвей-Тауншенд, принцесса Хирма и Тедди.

— Мы постараемся понять, — подал голос Харвей. — Или хотя бы поверить.

Тедди еще раз усмехнулся, уже веселее, нашел в светлеющем предрассветном небе слабую искорку Хобарта и указал на нее:

— Вон мой дом!

Операция «Таулект» завершилась, если не считать дорогу в тоннеле, за двадцать шесть минут. А у входа в известный лишь единицам подземный ход стояли пять человек и, задрав головы, смотрели на распахнувшийся над ними во всю свою вселенскую ширь мерцающий купол звездного неба.

ЭПИЛОГ

«Чебурашка» обреченно метался в перекрестии прицела, пытаясь вырваться из зоны залпа, но тщетно: компьютер-наводчик вцепился в него мертвой бульдожьей хваткой. Тедди мрачно сжег вражеский истребитель, седьмой за сегодня, и огляделся. Справа выходил из виража катер Элтона, чуть дальше к полюсу — Гарри. Шел четвертый час боя.

— Восьмой, десятый, пятнадцатый, семнадцатый, запрос на обстановку, — наконец-то ожила база.

— Вспомнили, бездельники, — угрюмо пробурчал Элтон.

Тедди покосился на его катер. Дуга маршевого испарителя семнадцатки заметно искрила, Элтон наверняка весь день ругал механиков.

Голос дежурного по сектору звучал озабоченно и раздраженно:

— Поживее, пилоты!

— Я восьмой, кажется, отбились, — нехотя доложил Тедди и замолчал — пусть о самом тяжелом скажет кто-то другой.

Гарри тоже увильнул.

— Пятнадцатый — норма.

Оставался Элтон:

— Я семнадцатый, цел, противник подавлен, боезапас звена истощен, прошу возврат.

Дежурный устало возмутился:

— Какого черта? Почему докладывает не ведущий? И вообще, что за болтовня вместо доклада?

Дежурил лейтенант Слоуни — краснощекий, кровь с молоком, болван и служака, всего полгода как из офицерского корпуса.

Тедди вскипел, но его опередили:

— Ну, ты, крыса тыловая! Запиши себе, что десятку сбили!

Катер Гарри нырнул — видно, пилот в сердцах пнул штурвал.

Слоуни осекся и, виновато пробормотав: «Посадка в шестой зоне, расчетный — девять ноль две», отключился.

Легкое потрескивание чистого эфира прервал злой голос Элтона:

— Сволочь... Сидит там за броней...

Мартин — неунывающая и непобедимая «десятка», гордость хобартских пилотов и проклятие пеломенских асов — развеялся облачком плазмы после залпа четырех «чебурашек». Слоуни не стоил и ногтя Мартина, но офицеришка дышал, смотрел и разглагольствовал в рубке крейсера, а Мартина больше не было, и это навсегда.

Три истребителя развернулись, перестроились «уточкой» и помчались на базу.

Громада крейсера слабо светилась на фоне абсолютной черноты космоса. Мягких вспышек экрана почти не было, значит, бой прекратился и здесь. Обычно «зеркало» крейсера мигало и искрилось, как праздничный фейерверк, пожирая выстрелы пеломенцев.

Элтон вяло запросил посадку, «зеркало», слабо качнув стрелки индикаторов в пилотских кабинах, пропустило катера в шестую финишную зону. Шлюз уже открывался, и истребители привычно юркнули в недра исполинского боевого корабля. Сдав катера механикам и доложившись начальству, пилоты разбрелись по каютам.

Тедди, чертыхаясь сквозь зубы, стащил с себя комплект, шлем и побрел в душ. Как пискнула капсула нуль-почты, он не слышал и поэтому наткнулся на телеграмму не сразу, а только спустя полчаса. Пластиковая карточка с текстом, выпав из щели доставки, шлепнулась прямо на идентификатор и стала почти незаметной издали.

Тедди задумчиво поднес ее к экрану визора, и там мигом возникло короткое, в три строчки, сообщение:

«Данкартен, Райма; Тауншенд Х., Барнегат Х. — пилоту второго истребительного потока, Флот «С», Теодору Айронсайду.

Тедди, срочно нужна помощь. Харвей, Хирма».

Тедди Айрон, пилот 1-го класса, стоял в собственной каюте на борту хобартского крейсера, тупо уставившись на экран визора, и пытался сообразить, откуда в Райме взялся передатчик и как выхлопотать себе отпуск — ненадолго, дней на тридцать.

Февраль — август 1989 г.
Николаев

Шаг второй

ДАНКАРТЕН ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ (Вояджер-полтора)

ПРОЛОГ

Находки, которым суждено изменить ход истории, редко опознаются в первый же момент. Зачастую им далеко не сразу уделяют должное внимание.

Два матовых шара разного диаметра, один внутри другого (на манер матрешки), долго валялись в запаснике среднего пеломенского крейсера, прежде чем ими заинтересовались сначала инженеры, а затем — разведка.

Понятно, что в военное время разнообразные шары мало кого волнуют, если достоверно известно: к противнику они отношения не имеют и никаких каверз в себе не таят. Обстоятельств, при которых находка угодила в запасники крейсера «Азов», никто не помнил. Но, вероятно, какому-то первичному осмотру и сканированию находка все же подверглась. Возможно — ее собирались сдать в аналитический отдел флота. Возможно — ученым на Пеломене, Славуте или Новом Симферотоне. Все возможно. Почти все.

Но так или иначе, «Азов» возил в необъятном чреве вместе с тысячами людей, тысячами предметов и килотоннами оборудования эти два матовых шара.

Война Пеломена с Хобартом за последние годы снова съехала к вялому позиционному противостоянию в нескольких звездных системах. Стычки регулярных флотов случались, но довольно редко. Гораздо больше военные действия напоминали вульгарное пиратство: малочисленные мобильные группы отслеживали одинокие корабли противника, чаще — транспорт-

ные, и предпринимали попытку захвата. Как правило — удачную. Кроме того, обе стороны практиковали налеты целых полчищ истребителей в места концентрации больших кораблей. До больших кораблей истребители долетали редко, чаще их загодя встречали такие же полчища истребителей противника, и бой сводился к массовым дуэлям пилотов-одиночек.

Обе стороны прекрасно понимали, что пользы от таких налетов — чуть, но ситуация требовала хоть каких-то активных действий, а посему у адмиралов и маршалов не оставалось иного выхода. Приходилось совершать подобные печенежьи набеги на стан противника снова и снова.

Возможно, находку привезли именно из такого налета. Хотя, вероятнее всего — из разведывательного рейда, каковые предпринимались столь же регулярно. И Хобарту, и Пеломену приходилось держать по нескольку кораблей во многих необитаемых, а порою и обитаемых звездных системах. Две волны экспансии занесли земную жизнь в самые отдаленные уголки галактики, но в чем-то переселенцы просчитались: четыре пятых основанных колоний технически и социально деградировали. Оставшиеся примкнули к двум самым процветающим — Хобарту и Пеломену, образовав нечто вроде пары размазанных по космосу государств, которые, естественно, спустя какое-то время погрызлись и развязали долгую-долгую войну.

Земля осталась нейтральной, но там хватало собственных проблем, чтобы обращать внимание на битвы, развернувшиеся где-то далеко в космосе. Слишком долго люди убивали старушку праматерь; теперешнее положение на Земле точнее всего характеризовалось словами «затянувшаяся агония». Политического веса Земля не имела вовсе, экономически — давно ничего не стоила, поэтому ни одна из сторон не пыталась прибрать колыбель человечества к рукам. К Земле просто дружно повернулись спиной.

Если бы не стечение обстоятельств — валяться бы этим двум шарам в запаснике и дальше. Но обстоятельства сложились именно так, а не иначе.

«Азов» попал под случайный нейтронный удар соседнего крейсера — «Индигирки». Именно тем бортом, за которым прятался запасник. И именно в этот момент в запаснике нахо-

дились два офицера-техника на профилактических работах. Броня, ясное дело, удар выдержала, но стопроцентно отфильтровать излучение не под силу никакой броне. Опасности остаточное эхо уже не несло — оба техника услышали сигнал тревоги и сунулись было в гермозону за скафандрами, но, едва взглянув на датчики, махнули рукой и продолжили работу.

И тут посреди запасника без всяких предваряющих эффектов сгустилось объемное изображение.

Будь на месте техников кто-нибудь из обслуги или из низшего звена — возможно, смысл изображения так и остался бы неразгаданным. Но к счастью, свидетелями представления оказались офицеры. И они моментально сообразили, что им показывают схематическое изображение галактики. Один из техников догадался врубить компьютер-персоналку на запись, поэтому передачу удалось зафиксировать.

Галактика, медленно вращаясь, висела посреди запасника около минуты. Потом пошла, как поняли техники, ориентировка — высвечивались самые яркие звезды, попутно транслировалась информация, которую оба единодушно сочли данными спектрального анализа, эдакая визитная карточка каждой звезды. Семнадцать визитных карточек.

После этого началось масштабирование: на макете выделилась некая область пространства, привязанная к четырем из указанных звезд, и вот уже вместо целой галактики посреди запасника мерцает только небольшая ее часть.

Снова привязка к звездам, снова масштабирование — и так тридцать один раз. Последняя привязка — к конкретной звезде и ее планетной системе. Точнее, ко второй из семи планет.

Далее схема немного сменилась по исполнению, хотя осталась той же по сути. Масштабирование, но теперь с привязкой не к звездам, а к областям суши указанной планеты.

В конечном итоге локализованная точка на побережье одного из океанов и замысловатый символ-иероглиф в самом конце.

Все.

Затем передача повторилась с самого начала еще трижды. И все затихло.

Техники посоветовались и, не теряя более ни секунды, отправились с докладом прямо к капитану крейсера. Несмотря

на поднявшуюся после случайного выстрела «Индигирки» суматоху, капитан «Азова» все же принял и выслушал техников, затем самолично просмотрел запись. Неизвестно, придал ли он какое-либо значение этому происшествию, но решил, видимо, перестраховаться. И направил обоих техников к специалистам — научникам и навигаторам. Первые занялись источником изображения, вторые определили, на какую именно планету указывала голограмма. Результаты капитан «Азова» немедленно довел до вышестоящего командования.

И началось.

Во-первых, была установлена чужеродная природа этих самых шаров—хранителей видеозаписи. То есть достоверно убедились, что шары эти изготовлены по совершенно неизвестной и малопонятной технологии, каковая на Земле и дочерних мирах совершенно не практикуется. Кроме того, шары эти оказались старше человеческой цивилизации минимум втрое. В-третьих, с большой вероятностью был предсказан смысл финального иероглифа, и смысл этот умещался в одно-единственное слово: «База».

С этого момента все сведения относительно находки спешно засекретили, «Азов» отогнали в один из резервных пеломенских орбитальных доков, команде запретили увольнения и отпуска, специалистов свели в единую исследовательскую группу и даже связистов, которые находились на вахте во время прохождения первичных донесений, аккуратно изъяли из штатных мест службы и перевели во все тот же резервный док.

Заправляла всем, понятно, разведка.

Вопреки ожиданиям ничего особенно важного исследователи больше не открыли. Шары на крейсер, видимо, привез кто-то из истребителей-одиночек из разведывательного рейда. Ввиду того, что за последний год на «Азове» машинный и летный состав истребительных потоков сменился соответственно на девяносто два и семьдесят шесть процентов, установить личность пилота, который это сделал, не удалось. В вахтенных журналах и записях рапортов данных не сохранилось. Опрос личного состава крейсера результатов не дал — из старичков никто ничего подозрительного не помнил, а недавно прибывшие, естественно, помнить ничего не могли. Неуверенная ставка на изустные

пилотские байки тоже завершилась пшиком — самыми популярными среди пилотов оказались истории посещения борделей во время редких увольнений на крупных базах.

Пеломенская разведка начала две полномасштабные операции; целью первой стала экспедиция на указанную планету и попытка исследования базы, целью второй — выяснение степени информированности противника относительно вышеупомянутой базы.

Первая операция представлялась более простой к исполнению.

Но только в первое время. Потому что планета оказалась обитаемой. А указанная чужим прибором точка располагалась как раз под крупным городом, столицей одного из местных государств.

Город назывался Райма. Государство — Данкартен. А планета эта входила в четыре пятых деградировавших до уровня средневековья земных колоний.

Глава первая
ОТПУСКНИК

Еще ни разу в жизни Юрий не отгулял положенный после успешно завершенной операции отпуск полностью. Конечно, жалких четыре свободных дня и отпуском-то назвать было совестно, но и ими в полной мере насладиться не позволяли.

Последний рапорт Юрий сдал вчера в обед. Чуть более суток назад. Нежась под кварцевыми лампами около бассейна, он с минуты на минуту ждал срочного вызова.

Опыт, что делать...

Юрий Шевела выпустился из Пеломенской Центральной рекрутской школы девять лет назад. Лопоухим и розовощеким юнцом. Еще толком не зная, какая судьба ему уготована, и питая насчет войны, куда отправлялся, массу беспочвенных и ужасно глупых иллюзий.

Боевая жизнь быстро и бесповоротно вышибла из Юрия иллюзии. Война — это прежде всего необходимость постоянно

делать то, что делать тебе не хочется, да еще с риском для жизни. Война — это непрерывная смерть. Война — это рваные раны в душе и нарушенная психика.

Юрий был достаточно умным, чтобы понять это быстро.

Обязательный год в мобильной пехоте минул мгновенно. Причем каждый отдельный день постоянно казался Юрию бесконечным, но в итоге он и глазом не успел моргнуть, как однополчане однажды утром облили его пивом и вдоволь нахлопали по плечам и спине.

Год. Прошел год. Юрий принял участие в трех крупных боевых операциях, понюхал пороху и плазмы, кое-чему научился и многое понял. Из лопоухого новобранца он превратился в более или менее опытного солдата. Конечно, он очень отличался от себя годичной давности. Но Юрию доставало ума осознавать: с ветеранами, которые на этой войне уже лет по десять — пятнадцать (а таких в полку насчитывалось десятка два), ему еще не скоро сравниться.

Возможно, именно поэтому на следующий день после очередного собеседования Юрия вдруг вызвали в штаб, да не полка даже, а бригады, куда добираться пришлось чуть более трех суток. В бригаде его подвергли очередному перекрестному собеседованию и отпустили аж на сутки. С начала службы Юрий впервые получил увольнительную, да еще где! На одной из крупнейших баз Пеломена, где солдат с увольнительными документами пускали в любой бар!

В бар Юрий наведался и пива выпить не преминул. Но что-то подсказало ему: «Юрий, тебе не следует надираться. Не зря ведь тебя вызвали?»

Напейся он в дым — его бы просто вернули в полк. Но Юрий понял это только спустя несколько лет.

Дело в том, что его сватали в разведку. И за похождениями на базе постоянно наблюдали.

Так случилось, что рядовой мобильной пехоты Юрий Шевела посидел пару часиков в баре за тремя бокалами пива, а потом встал и пошел шататься по гражданской зоне базы. И волею случая набрел на книжный магазин, где застрял надолго.

Вышло так, что страсть к антикварным книгам, да и к современным файлам тоже, сыграла едва ли не решающую роль.

Утром, едва Юрий явился в штаб, офицер, который проводил собеседование, в лоб спросил: «Хочешь работать в разведке?»

Юрий усомнился: а потяну ли? Вслух усомнился.

Потянешь, заверили его. Если не станешь лодырничать, а станешь пахать. После чего ему перечислили льготы, прибавки к жалованью, пайку и прочие житейские радости, которые он приобретал как сотрудник флотской разведки.

И Юрий, недолго подумав, согласился. После чего на следующие полгода загремел в спецшколу, что базировалась у черта на рогах, в далекой-далекой звездной системе на самой периферии.

Его учили. Различным шпионским штучкам, языку хобарти... Но главное — его учили видеть, думать, анализировать и делать выводы.

Школу Юрий окончил с блеском — так случилось, что к необходимым в разведке навыкам он питал природную склонность. К выпуску он мог болтать на хобарти не то что без акцента — с любым из трех наиболее распространенных выговоров. Снаряжение и технику он и без школы знал вполне прилично. Да и думать научился. По окончании школы выпускникам автоматом присваивали звание сержанта — в разведке рядовых не было.

И пошло. Стажировка. Контрольная стажировка в боевых условиях. Первое задание. Второе задание. Третье...

Уже к концу первого года оперативной работы Юрий перестал считать задания. К концу третьего года в разведке ему присвоили офицерское звание и дали в подчинение собственную группу — годовалого сержанта и двух стажеров-новичков. Пришлось мгновенно и на себе испытать, что головная боль за кого-то не идет ни в какое сравнение с болью только за себя. Через пару лет подопечный сержант сам стал офицером и получил собственную группу; стажеры стали сержантами. Один ушел, второй остался с Юрием в новом звании. А стажеров прислали новых. Фронтовая жизнь переменчива.

За девять лет Юрий провернул десятки дел. И ни разу так и не отгулял положенные четыре дня...

В этот раз — тоже.

Мобильник тоненько пропищал нехитрую мелодию; Юрий, чертыхаясь, встал с топчана, приблизился к кучке своей одеж-

ды, порылся и отыскал продолговатый, размером с человеческий палец, стержень.

Вызывать мог либо шеф, либо дежурный — мобильник был служебный.

— Слушаю, — хмуро отозвался Юрий.

— Агент «Карандаш»?

Не шеф, дежурный. Ну, стало быть, архисрочностью пока не пахнет.

— Я.

— Идентифицируйтесь, пожалуйста.

Юрий все так же хмуро приложил подушечку указательного пальца левой руки к папиллятору и назвал сегодняшний буквенно-цифровой код.

— Спасибо, — отозвался дежурный. — Вас отзывают из отпуска. Через два часа вам надлежит принять участие во внеочередном совещании группы «Медуза». Без спецэкипировки, по форме «один». Примите входной пароль...

— Принимаю...

Юрий привычно запомнил очередную в его жизни последовательность букв и цифр, высветившуюся на крохотном экранчике.

— Всего доброго, — попрощался дежурный.

— Пока, — буркнул Юрий.

Итак, отпуск снова сжался до единственного дня.

«Спасибо, хоть вечером дернули, — подумал Юрий, одеваясь. — Могли бы и прямо с утра...»

— Уходите? — с сожалением спросила девушка-медсестра перед входом в солярий. — Так рано? Не закончив сеанса?

— Служба, милая. — Юрий попытался улыбнуться. — Служба...

— Приходите еще, — пригласила она.

— Приду, — пообещал Юрий, искренне веря, что так рано или поздно и сделает. — Обязательно приду. Вот только разгребу все, что шеф на меня навешает, и сразу сюда!

Медсестра улыбнулась:

— Вы, наверное, офицер?

— Да какой я офицер. — Юрий досадливо махнул рукой. — Снабженец я. Крыса тыловая...

Всего двое суток назад Юрий со своей группой все-таки спеленал вражеского агента, Люк-Люка, на которого четыре разведгруппы безуспешно охотились уже года два. Среди бела дня спеленал, на Вермелинье, в столице. Уходить пришлось красиво, со стрельбой и шухером, два беспилотных штурмовика в итоге потеряли...

— Снабжение — тоже важное занятие, — убежденно сказала девушка. — А ну, у солдат обойм не хватит? Или пайков? Какая тогда война?

— Никакой, — вздохнул Юрий и вручил сестре медицинскую карту. — До свидания...

— До свидания!

Заскочив в жилой блок, Юрий наскоро слазил в душ, прибрал в единственной комнатенке, все лишнее спровадил в утилизатор, а квартире присвоил статус «Свободно».

Он достаточно долго прослужил в разведке, чтобы не питать иллюзий насчет вот таких вот вызовов: ближайшие несколько месяцев, вероятнее всего, предстояло провести черт знает где.

К управлению он приехал за десять минут до назначенного срока. Вышел из такси, взглянул на внешнюю стену и озадаченно присвистнул.

Обыкновенно светилось от силы каждое десятое окно — большею частью персонал пребывал в разгонах. Время-то военное. Сейчас светились практически все окна — лишь три окна оставались темными.

На входе дежурили капрал и шестеро резервистов.

«Что такое? — изумился Юрий еще больше. — Резервисты?»

Пройдя контроль, Юрий убедился, что резервистов чуть не полное здание. Пеломенская разведка подняла на ноги едва ли не всех законсервированных сотрудников.

«Так... — подумал Юрий. — Кажется, горячие грядут деньки. Интересно, что ж стряслось?»

Он поднялся на третий этаж и миновал контроль своего сектора. До означенного срока оставалось две с половиной минуты.

— Ты, как всегда, пунктуален, — вместо приветствия заметил шеф. — Входи.

Шеф в компании каких-то штатских стоял у входа в зал совещаний. В принципе почти все, кто служил в разведке, носили штатское. Но эти были точно со стороны — то ли политики, то ли спецы. Железно, на это Юрий давным-давно наметал глаз.

В зале за знаменитым круглым столом уже трудно было отыскать свободное место. Как ни странно, начальства и погон было довольно мало; все сконцентрировались у дальней стены, под портретом Джевиньского. За столом примостились в основном начальники отделов и оперативных групп. Юрия поманили рукой — оказывается, для него держали местечко.

Едва он уселся, вошел шеф в компании все тех же штатских. Совещание началось.

Для начала продемонстрировали запись — ту самую, которую транслировали найденные на «Азове» шары. Потом показали сами шары — в прозрачном вакуумном контейнере. Ну и выложили всю историю с их обнаружением.

И Юрий все понял.

Когда его сделали офицером и начальником группы, довелось пройти инструктаж «Дело». Базовая стратегия и дальнейшие действия управления разведки при достоверном обнаружении в галактике третьей силы.

Юрию показалось примечательным, что никто из присутствующих не высказал особого удивления по поводу находки. Словно присутствие пресловутой третьей силы обнаружили не только-только, а в незапамятные времена. Наверное, инструктаж «Дело» смещал что-то в настроениях и оценках пеломенских разведчиков — они заранее сочли тайное явным. Поэтому и не удивлялись.

Без лишней суеты и шума наметили основные направления деятельности, сформулировали задачи и распределили их между оперативными группами. Юрию досталась полевая разведка в первом потоке — форпостный десант на Данкартен, указанную в инопланетном послании планету. Задачка не из самых сложных, но полная неожиданностей и требующая мгновенных импровизаций. В принципе его группа достаточно уверенно играла в этом амплуа.

Гражданские и начальство остались решать какие-то свои малопонятные проблемы, а командиры разведгрупп расползлись по отделам. Им предстояло работать, а не болтать.

В отделе Юрий первым делом поинтересовался своей группой: где да чем заняты? Оказалось, что всех загодя вызвали, время вызова наступит минут через пятнадцать.

Обычная практика — вызывать низшее звено на время, когда предположительно закончится совещание. Правда, по наблюдениям Юрия, совещания редко заканчивались в предполагаемое время, обыкновенно затягивались. Но не сегодня.

Первыми явились стажеры — близнецы Матвсевы Роман и Семен. В обиходе — Рома и Сема. Вскоре и сержант пожаловал — шустрый паренек с Урала-четыре по имени Валентин Беркович. Сержант проходил стажировку у известного на все управление офицера Игоря Мегрелашвили, у которого в свое время стажировался и Юрий Шевела. За год совместной работы Юрий, Валентин и близнецы успели провернуть несколько удачных дел и дважды провалиться.

Рома и Сема, по обыкновению, доложились о прибытии — стажерам положено. Валентин просто сдержанно поздоровался, ибо ему уже не обязательно было следовать уставным замарочкам, сержант все-таки.

— Поздравляю, гвардия, — объявил Юрий. — Идем в десант. Данкартен, нейтральные секторы. Дуйте всем колхозом в архив, накопайте мне закрытых сведений. А я пока посмотрю, что есть в открытом доступе, и спланирую высадку...

— Планета обитаемая? — деловито осведомился Валентин.

— Да. Заселили во время второй экспансии. Может, чуть раньше.

— Одичали, конечно?

— Одичали. Предположительно — нестабильный феодализм без излишних религиозных задвигов.

— Высадки у нас или у Хобарта были? — не унимался Валентин.

— Откуда я знаю? Вот и выясните. Все, вперед, времени мало.

— Понял, шеф, уже бежим. Рома, Сема! Ать-два!

Сержант погнал стажеров в архив, на миг задержавшись в дверях и ободряюще подмигнув Юрию.

— Вояки... — пробурчал Юрий, оживляя терминал.

Он любил свою группу — что сержант, что стажеры были парнями смышлеными и надежными. Минимум дважды они

спасали своему командиру жизнь. Правда, Юрий и сам не раз вытаскивал с того света и сержанта, и близнецов — и скопом, и по отдельности. Они стали командой, сыгранной и сплоченной, и именно на этом в первую очередь зиждилась оперативная тактика пеломенской разведки.

Итак, Данкартен. Земного типа атмосфера, состав, давление... Аборигенные флора и фауна представлены весьма скудно. Обнаружена во время первой экспансии, тогда же и засеяна земными формами жизни. Разведка перед второй экспансией — аборигенные формы жизни начисто вытеснены земными, зафиксирована готовность к заселению. Колонизация, дата, состав колонии... Связь поддерживалась семьдесят девять лет. Потом обрыв и четыреста с лишним лет молчания. Все как обычно. Раздел «важные события» — пусто. Значит, с инопланетной базой горе-переселенцы не контактировали. Либо это просто не зафиксировано.

«Интересно, — подумал Юрий, — почему большинство колоний в итоге сползает в средневековье? Неужели действительно существует какой-то демографический минимум, без которого не то что прогресс невозможен, невозможно даже топтание на месте? И если существует — то сколько это? Сто тысяч человек, пятьсот, миллион, десять?»

На Данкартен в общей сложности отправились четыреста пятьдесят тысяч колонистов. Обычный для того времени процент потерь в пути и при заселении — от двух до пяти. В общем, тысяч десять — двадцать они скорее всего потеряли. Остальные держались семьдесят девять лет. А потом что? Сломался передатчик? Умер последний, кто помнил прежний мир?

Бесполезно гадать. Чтобы знать наверняка — нужно просто пройти этим путем.

Впрочем, не это сейчас самое главное. Совсем не это.

В открытом доступе Юрий не обнаружил ничего примечательного. Ровным счетом ничего. Совершенно рядовая планета в ряду колонизированных. Коллеги из архива тоже вернулись ни с чем: закрытых данных по Данкартену вообще не было зарегистрировано. Единственное, что удалось отыскать Валентину, — это подробный топографический файл, устаревший лет на пятьсот, если не больше.

Юрий бегло проглядел окрестности чужой базы — никакого города на карте не оказалось и в помине. Скалистое побережье, долина, устье сразу двух горных рек, округлая бухта с природной косой-волноломом... Удачное место, выбирали со знанием дела.

Шевела вздохнул, загрузил все имеющиеся данные в персональный комп, построил группу и направился в отдел планировки.

А в окрестности звездной системы Данкартена спешно выдвинулись два пеломенских флота. Хобарт, понятно, не мог не откликнуться на передислокацию в стане противника. Довольно быстро мелкие стычки истребителей стали вблизи Данкартена суровыми буднями. Ни одна сторона пока не решалась развязать глобальную битву: Пеломен боялся потерять контроль над системой и доступ к интересующей планете, Хобарт вообще пока ничего не понимал и выжидал, силясь разгадать смысл маневров пеломенских флотов.

По текущим оперативным данным информацией о чужой базе Хобарт пока не владел.

Глава вторая
РАЗВЕДЧИК

— Волнуешься? — с ленцой приоткрыв глаза, спросил Юрий.

Валентин с той же ленцой пожал плечами, не вставая с тюков, полных снаряжения.

— Я теперь всегда волнуюсь. После того как на Фалинеште засыпались.

— Не повезло, — вздохнул Юрий. — Что делать, иногда не везет...

— Везет умным, — отрезал Валентин.

Юрию нравилась здоровая злость напарника — злость на себя. Провал на Фалинеште лишь добавил Валентину осмотрительности. Он словно вырос после этого провала. На голову.

Помнится, Юрия повысили до офицера тоже вскоре после провала — стоило только потом пару операций провернуть с неизбежным блеском, на такой же злости и досаде на себя самого.

— Везет везучим, — с нотками менторства в голосе поправил Юрий. — Ну и умным тоже, — через какое-то время согласился он и зыркнул в сторону стажеров. Те, по обыкновению, держались вместе. Как и большинство близнецов, они умели общаться между собой недоступным для окружающих языком — отчасти жестами, отчасти мимикой, отчасти возгласами, которые стороннему человеку мало что говорили. Кстати, пару раз это умение близнецов понимать друг друга сослужило весьма неплохую службу группе Юрия.

Бот тряхнуло — похоже, входили в атмосферу.

— Болтанка будет, — тоном знатока сообщил Валентин. — Я сводку посмотрел, над Раймой такой циклон народился — мама моя! Любо-дорого посмотреть!

Погоду и впрямь обещали ветреную и переменную. Самое то для высадки — местные хлебопашцы небось будут сидеть по норам и наружу носа казать не станут.

Данкартен встретил их сырой моросью и прелым лесом. Земные растения удивительно легко приживались в чужих мирах и практически всегда оказывались более жизнестойкими и упорными в борьбе за солнце и минералы. В считанных мирах аборигенная растительность выстояла под напором земной флоры.

Данкартен был не из их числа. Юрий оглядел поляну — трава по колено, несколько пней, стена почти не изменившихся дубов. Сыроежки какие-то местные в мокрой траве — ярко-желтые, красные, фиолетовые, серые.

Братья вытаскивали из разверстого чрева бота тюки с оборудованием.

«Красота! — подумал Юрий о высадке. — Ни тебе радаров, ни тебе системы ПВО, ни тебе плотного населения... Садись и копай схрон, никому нет до нас дела».

Высадка и впрямь была одна из самых легких.

Валентин с биосканером шастал по периметру поляны — а ну как случайный грибник или какой сумасшедший странствующий рыцарь с ведром на голове и остроконечной палкой у бедра пожалует? Таких надлежало оперативно выключать и утаскивать прочь от схрона. При соответствующей коррекции памяти, понятно.

К вечеру схрон отрыли и замаскировали. Можно было обживать его внутри. Чем и занялись.

На новых мирах Юрию почему-то всегда сначала удивительно сладко спалось. Утром его растолкал Валентин:

— Вставай, шеф! Ау!

Юрий открыл глаза и огляделся. Жилой модуль схрона имел вполне пристойный вид — пока начальник нежился в койке, подчиненные навели соответствующий порядок. Валентин сиял, близнецы копошились на камбузе. Видать, завтрак готовили.

— О! — обрадовался Юрий. — Уже прибрались, пока я дрых? Хозявочки! Личному составу благодарность! Ать-два!

— Лучше премию, — ехидно предложил Валентин.

— Это не ко мне, — вздохнул Юрий. — Это в финчасть...

Валентин смешно фыркнул:

— Были бы у меня концы в финчасти, хрена бы я в оперативной группе сидел!

— Логично, — согласился Юрий. — Ладно, встаю.

Санузел тоже встретил его идеальной чистотой и порядком.

«Блин, стараются ребята после Фалинешты, — подумал Юрий. — А ведь та осечка не что иное, как чистейшая случайность. Грех кого-то винить».

Пока близнецы сервировали стол, Юрий подсел к компу и даже успел спланировать несколько первичных вылазок.

За завтраком выпили традиционные сто граммов за удачу. Понятно, сие было вопиющим нарушением устава. Алкоголь на борт посадочного бота приходилось доставлять путем всевозможных ухищрений. Но традиции есть традиции, куда от них денешься? Да и зачем от них куда-то деваться?

Через полчаса, когда остатки завтрака и грязная посуда навеки упокоились по ту сторону пасти утилизатора, Юрий принялся распределять задания:

— Значит, так. Валентин, тебе дельце посложнее.

Легкое движение манипулятором — над рабочим столом раскрылась трехмерная карта местности.

— Вот этот городишко зовется Хаспер. Чуть севернее Раймы. Историки говорят, что у него есть шанс стать административной столицей территории, если Данкартен цивилизуется хотя бы до уровня межзвездных полетов. А пока это дыра дырой,

единственный плюс — близость к действующей столице. В общем, проберись туда, потолкайся, поосмотрись, но постарайся ни во что не встрять. Твоя задача — уловить атмосферу, настроения. Обнюхаться, короче. Вжиться. Сроку — сутки. Понятно?

— Куда уж понятнее, — хмыкнул Валентин. — Не боись, командир, не впервой. Обнюхаюсь.

— Надеюсь, — кивнул Юрий. — Теперь вы, братцы-кролики. Вам доведется найти и взять «языка». В любом из окрестных селений или городков. И разумеется, это должен быть не темный крестьянин, который дальше своего поля в жизни не забирался. Кто-то более или менее информированный. Староста, торговец, бродячий артист или музыкант. Случайный офицер тоже сгодится. Сроку вам — те же сутки. Попутно, соответственно, осматривайтесь да вживайтесь. Технологичное оборудование применять только в исключительных случаях. Это всех касается. Мечами махать еще не разучились?

Близнецы скромно потупили глаза. В управлении трудно было найти более ревностных фанатов фехтования. Валентина Берковича фанатом назвать было трудно, но спецкурс по холодному оружию он, естественно, окончил, причем с блеском.

— Смотрите мне... Чтоб без фокусов. Операция только выглядит заурядной, на самом деле она очень важна.

— То-то я смотрю, что два флота с фронтира сдернули, — задумчиво протянул Беркович.

— Наблюдательный ты, — пробурчал Юрий. — Две недели уже, как в секторе с хобартами пикируемся.

Валентин мечтательно поглядел на полусферический потолок схрона:

— Дать бы им по шапке и спокойно заняться делами...

— Дадим в свое время. Для того мы и здесь... Ладно, на выход.

Четверть часа на экипировку; первыми уходят близнецы. Одеты не пойми как — не то охотники, не то бродяги. Рукояти лучевых шпаг надежно спрятаны под одеждой. На виду только паршивые с первого взгляда короткие клинки. Приблизительно так же, как любой из близнецов, выглядит и Валентин Беркович, только уходит он в противоположную сторону.

Юрий проводил его взглядом, вздохнул и задействовал автоматическую следящую систему.

Ему самому предстояло действовать совсем без оружия. Хотя лучевая шпага имелась и у него — без этого устройства любой разведчик чувствовал себя хуже чем голым.

День был серый, как бетонная стена. Вчерашний ветер улегся, над схроном нависли мышастые тучи; сеялся мелкий и противный дождь. Тот, что всегда представляется бесконечным.

— Ну и погодка, — пробурчал Юрий под нос.

Наружу он, понятно, выглядывал, но одно дело увидеть дождливый день на экране следящей системы и совсем другое — ощутить всю эту слякоть на собственной шкуре.

Короткий приказ менеджеру экипировки: голенища потрепанных сапог герметично срастаются со штанинами. Чуть ниже верхнего обреза голенищ. Все, теперь Юрий мог бы бродить в воде по грудь и оставаться под одеждой сухим.

Втянув голову в плечи, он сунул руки поглубже в карманы и побрел к опушке.

В лесу дождь чувствовался немного меньше, но зато капало не только с неба, а еще и с деревьев. Под ногами постоянно хлюпало; Юрий то и дело оскальзывался. Пришлось еще раз потревожить менеджера и отрастить на подошвах внушительные шипы.

«Не забыть бы потом спрятать их... — подумал Юрий. — А то проколешься, как пацан на экзамене...»

Юрий знал, что большинство провалов случаются от подобных мелочей.

Он брел по промокшему лесу, изредка сверяясь с естественным компасом — мхом на стволах. Здесь мох тоже рос с северной стороны, поскольку Райма располагалась в северном полушарии.

«Райма, — подумал Юрий. — Название скорее характерное для хобартов. Точнее, для англоговорящих — во время второй экспансии звездное государство Хобарт еще толком не успело сложиться, это дело последних полутора сотен лет. Кстати, не факт, что город до сих пор так называется: кто знает, что тут происходило после обрыва связи?»

Кроме названия столицы, пеломенской разведке были известны названия нескольких крупных городов, нескольких го-

родков в окрестностях Раймы, название всей страны — Данкартен, как-то незаметно пришедшееся и всей планете в целом, а также название соседней страны, граничащей с Данкартеном с севера, и название ее столицы. Страна-сосед звалась Дагомея, ее столица — Авостинг.

Ни единого названия с корнями, хоть отдаленно напоминающими славянские, на Данкартене пока не встретилось. Но с другой стороны — название «Пеломен» тоже не имело славянских корней и тем не менее прижилось.

«Насчет языка возможны три варианта, — размышлял Юрий на ходу. — Наиболее вероятен, конечно, всеобщий. Измененный за четыреста лет, но все-таки узнаваемый. Большинство исследованных отсталых миров продолжает пользоваться всеобщим языком. Возможны также позднеанглийский или панславяну на основе русского. Или же нам впервые предстоит столкнуться с чем-нибудь новеньким? Не хотелось бы...»

Лет пять назад в миссии на одном из деградировавших миров коллега Юрия Виктор Приходько вляпался в неприятности именно из-за незнания языка. Причем языка весьма экзотического — венгерского. Кто мог предположить, что местная колония возникла после переселения венгерской ортодоксальной общины с Офелии? Никто не мог.

Впрочем, после того случая лингвопроблемам стали уделять больше внимания. Да и колонии, куда предстояло высаживаться, стали предварительно изучать потщательнее.

В общем, брел Юрий лесом да размышлял. А потом выбрел к дороге.

Размытая, покрытая лужами колея — и дорогой-то такую назвать зазорно. Следы тележных колес и лошадиных копыт, впечатанные в грязь. Юрий присмотрелся — налево следов уводило больше, чем направо. Наверное, стоило пойти именно туда, куда стремились большинство путников.

И Юрий свернул налево.

По дороге идти было ничуть не легче, чем по лесу: там мешали деревья и низко нависшие ветви, здесь — скользкая земля и глубокие лужи. Пару раз Юрий проваливался чуть ли не по пояс. Хорошо хоть упакован он был на славу, ни капли влаги не просочилось под одежду. Вода моментально скатыва-

лась крупными каплями, почти не смачивая хитрую экипировку разведчика.

Вскоре дорога выбралась из леса в поля; на полях луж почти не было: все впиталось. Земля там была черная и жирная, настоящий чернозем. Слева не росло ничего, просто земля, под паром, наверное. Справа хило зеленело что-то похожее на овес. Дорога взбегала на близлежащий холм и пропадала из виду.

«Осмотрюсь заодно, — подумал Юрий. — С холма-то далеко, должно быть, видно».

Серо-зеленая стена промокшего леса осталась позади. Стало светлее: не то небо светлело, обещая каюк дождю, не то просто глаза слишком уж привыкли к лесной полутьме.

Когда Юрий взобрался на холм, дождь ослаб до минимума: из туч сеялись не капли, а противная морось, водяная пыль. В который раз Юрий порадовался, что он не абориген и не приходится ему тащиться этим слякотным днем в промокшей насквозь одежде через промокший насквозь мир.

С холма и вправду открылся многообещающий вид. Во-первых, на соседнем холме виднелись строения. Деревня. Селение, в общем. Во-вторых, Юрий увидел всадника, который рысью тянул к крайнему домику, в котором безошибочно угадывалась харчевня или придорожный трактир. Перед трактиром тоненькими линиями обозначалась пустая сейчас коновязь; над кровлей вился уютный дымок, суливший горячее питье и горячую еду, сухой теплый зал, а возможно, и сухую комнату для ночлега. Впрочем, до ночи еще далеко, да и ночевать Юрий вне схрона не собирался.

Юрий прибавил шагу, тем более что под гору шагалось легко, только приходилось осторожничать, чтобы не поскользнуться и не загреметь в текущие по колеям ручейки.

Всадник тем временем достиг харчевни, соскочил с коня и сразу увел куда-то во двор — должно быть, в конюшню. Больше он так и не появился. Наверное, из конюшни прошел задами в обеденный зал.

К крыльцу Юрий приблизился в полном одиночестве, так что некоторое время, чтобы осмотреться, у него нашлось.

Харчевня была рублена из цельных бревен; крыльцо собрано из добротных, гладко оструганных досок и оторочено резными

деревянными кружевами — Юрий толком не знал, как они называются. Не то наличники, не то еще как-то. Труба была явно кирпичная, увенчанная металлическим остроконечным колпаком, черным от сажи. Даже бесконечный дождь сажу не мог смыть — намертво въелась в железо. Крюки в коновязи также были сработаны из металла, по оценке Юрия — достаточно грубым методом. Ковкой.

Над крыльцом красовался большой прямоугольный щит. С надписью: «White centaur. Soyon Hurpick's inn».

«Латиница, — подумал Юрий. — И всеобщий скорее всего. Ну, может быть, английский, хотя вряд ли, не то начертание».

Впрочем, шрифт надписи хранил явный закос под готику, и потому прочесть его с ходу было трудновато, приходилось всматриваться и угадывать.

«Ха-ха, уже легче, — решительно направляясь к крыльцу, подумал Юрий. — Не венгерский и не новоязык. А ведь могли и свое что-нибудь изобрести, учи потом, елы-палы...»

Перед самой дверью Юрий снял все инструкции менеджеру и усыпил его. Теперь разведчик-пеломенец стал просто путником в просто одежде... Только под одеждой кое-что крылось, но кого это в харчевне касается? Правильно, никого.

Запоздало пожалев, что не выключил менеджера раньше, Юрий вступил в таверну. Он явился с дождя совершенно сухим, но надеялся, что никого это особо не заинтересует.

Изнутри таверна выглядела именно так, как Юрий привык, — в сущности, человеческая фантазия на этот счет очень скупа и ограниченна.

Зал, столы, тяжелые лавки. На стенах — факелы и какая-то местная бутафорская сбруя. Стойка перед стеллажами с напитками. Это уже явно остатки памяти о цивилизованных годах. Занавешенная полотном дверь на кухню, откуда доносятся весьма аппетитные запахи. Лестница на второй этаж, к комнатам для гостей.

Полноценная таверна. В небольшой деревушке в общем-то. Вот она, близость столицы. Сказывается. Да и деревушка наверняка кормится преимущественно с путников — что-то незаметно особого рвения на полях, сорняков в овсе навалом.

За одним из столов навис над блюдом с ломтиками мяса давешний всадник. Рядом с блюдом стояла чудовищных разме-

ров кружка, увенчанная пенной шапкой. Кружка была вряд ли меньше двухпудовой гири.

Когда Юрий вошел, над дверью звякнул колокольчик. На звук не замедлил явиться хозяин.

— Чего изволите? — с некоторым сомнением осведомился он.

Видимо, вид Юрия внушал ему опасения. Не зная местной моды, Юрий, естественно, не стал рядиться под вельможу. Да и неизвестно, есть ли тут у них знать — в отсталых колониях всякое бывает. А вот бродяги и охотники почему-то везде одеты одинаково. Но у бродяг и охотников редко бывают деньги, чтобы захаживать в таверны.

Хозяин говорил на всеобщем. Разумеется, с местным акцентом, но Юрий понимал практически все сказанное.

«Хоть с этим нет проблем...» — подумал он с облегчением.

Лесом он пробирался часов пять, потом еще часа полтора отмахал по дороге. Так что подкрепиться вовсе не мешало.

— Обед? — Хозяин истолковал стартовое молчание Юрия по-своему. — Платить, что ли, нечем? Можешь отработать: дров надо наколоть, а под дождь тащиться никому не охота.

Тут абориген заметил, что Юрий совершенно сухой. Взгляд его сделался едким, как кислота, и слегка нерешительным.

Юрий бесшабашно взмахнул рукой: «Веди, мол! Отработаю!»

Секунду поколебавшись, хозяин поманил его ладонью и направился к кухне.

Едва он отодвинул занавес, запах пищи стал совершенно невыносимым: у Юрия свело спазмом желудок, а слюну пришлось сглатывать.

«Ё-мое! — изумился разведчик. — Что это со мной? Соскучился по свежатинке?»

На феодальных мирах все разведчики откровенно отъедались, потому что синтетика хоть и питательна, но, черт возьми, далеко не так вкусна.

Вскоре запахи сменились: хозяин привел Юрия в конюшню. Во двор выходить хозяин не стал, показал из ворот:

— Вон, видишь бревна? Распилишь пяток на чурки и поколешь на дрова. Сложишь там, под навесом. Понятно?

Юрий снова кивнул, потому что продолжал слушать и усваивать местный акцент.

— Ты что, немой? — спросил хозяин подозрительно.

Юрий отрицательно покачал головой и вышел под дождь.

Хозяин только недоверчиво хмыкнул.

Под навесом нашлись обещанные бревна и инструмент. Поплевав на руки, Юрий напрягся, взгромоздил одно из бревен на козла и взялся за пилу. Пила была двуручная, издревле именуемая «Дружбой». Но Юрий трудился в одиночку, поэтому здорово намаялся, пока отпилил пару полуметровых чушек.

Чтоб отдохнуть от «Дружбы», Юрий взялся за топор и кое-как расколол чушки на дрова. Аккуратно сложил их в сторонке и тоскливо сравнил кучку готовых дров с громадой непиленых бревен.

«Эдак я от истощения сдохну, пока все сделаю», — уныло подумал Юрий и воровато огляделся.

Хозяин, первые пару минут исподтишка наблюдавший за ним из конюшни, уже удалился. На всякий случай Юрий активировал биосканер. Людей вблизи не было. В конюшне — лошади, пара полусонных псов, кошка с котятами, дальше — какая-то пернатая мелочь, наверное, куры. В соседнем сарае — овцы, если верить блеянию. Люди только в доме.

«Ну и ладненько, — довольно хмыкнул Юрий, вынимая лучевую шпагу. — Не горбатиться же здесь, в самом-то деле...»

Он отрегулировал луч и мгновенно посек облюбованное бревно на все такие же чушки, только с идеально ровным срезом. Потом посек остальные бревна, прямо в штабеле. Лазер с тихим шипением проедал дерево, вился пахнущий смолкой дымок.

«И никаких опилок!» — с воодушевлением подумал Юрий.

Теперь он строил пирамидки из чушек и резал их вдоль, сразу по три штуки, словно готовил исполинский салат. Дрова аккуратненько укладывал «стеночкой». «Стеночка» неудержимо росла.

В общем, Юрий быстренько извел все бревна на дрова, сложил их, спрятал шпагу, тщательно затоптал выжженные лучом царапины в земле и, довольный, побежал рапортовать хозяину в зал.

Хозяин недобро на него уставился:

— Что такое? Или не под силу работа?

— Все, — коротко выдохнул Юрий, не решаясь пока строить длинные фразы.

— Как это — все? — не поверил хозяин.

Юрий театрально развел руками.

Хозяин молча отставил в сторону кружку, которую перед этим полировал захватанным полотенцем, и вразвалку проделал путь через кухню с конюшней. В воротах он остолбенел.

Потаращившись некоторое время на «стеночку» и на место, где раньше возвышался штабель бревен, хозяин не поленился выбраться под дождь.

— Черти меня побери! Ты в одиночку успел все это наколоть?

Потом он взял пару отрезанных кусков и недоумевающе оглядел их. Кромки у них были идеально ровные, совершенно не такие, какие получаются, если колоть дрова топором. Да и щепок с опилками на земле осталось мизер — топором и пилой Юрий почти не работал.

— Ничего не понимаю, — пробормотал хозяин, в отчаянии скребя макушку. — Ладно, хрен с тобой... Бери охапку и пошли.

Юрий с удовольствием набрал в руки дров и направился за хозяином.

На кухне он вывалил дрова на указанное место, а чумазый старик истопник как ни в чем не бывало отодвинул заслонку и невозмутимо принялся засовывать аномально ровные куски дерева в пылающее жерло печи. Геометрические дрова исправно занимались и горели.

— Давай в зал, — буркнул хозяин. — Еду сейчас принесут...

Принесли уже знакомое блюдо с ломтиками мяса, горкой тушеных овощей и ковригой житного хлеба да кружку паршивого пива. Понюхав пиво, Юрий недовольно скривился и обернулся к хозяину.

— А получше ничего нет? — спросил он, стараясь подражать местному говору.

Хозяин нахмурил кустистые брови:

— То, что получше, денег стоит!

— Я заплачу, — пожал плечами Юрий и добыл маленькую серебряную монетку из-под куртки.

Монетка была родом с Новой Зенго и имела на аверсе профиль тамошнего родового лидера Иоахима Абделлауи; на реверсе красовался замысловатый герб Новой Зенго. Тем не менее по поводу чужеродности монеты Юрий Шевела ничуть не волновался: серебро на отсталых мирах ценится независимо от вида и состояния. Так же как и золото. Но расплачиваться золотом в придорожной таверне рискованно, да и Юрий за неделю не сумел бы съесть и выпить все, что причиталось на золотую монету. Даже этого серебряного кругляша размером меньше ногтя наверняка с лихвой хватило бы, чтобы накормить человек десять до отвала и вдобавок упоить их в совершеннейший хлам.

Хозяин с готовностью принял монетку, повертел ее в пальцах, рассмотрел, прищурясь, и спрятал поглубже в карман.

— Что ж ты горбатился на дровах-то? Сказал бы, что есть чем платить.

— Аппетит нагуливал, — сымпровизировал Юрий. — Да и согрелся заодно.

Если начистоту — больше всего Юрию хотелось осмотреться. На дом изнутри, на подворье, на инструменты и утварь. Насмотрелся — ничего необычного. Та же двуручная «Дружба», те же чугунки и ухваты, та же печь с железной заслонкой. Ничего скорее всего сверхъестественного на Данкартене не произошло. Просто тихо и незаметно сползли из космической эры в жухлое средневековье с прогорклым пивом и тушеной капустой.

Зато мясо было вкусное. Да и пиво, которое на этот раз принес самолично хозяин Сойон Харпик, а не замурзанный поваренок в фартуке не по росту, оказалось заметно выше качеством.

В общем, Юрий плотно поел и уже нацелился подойти к хозяину за очередной кружкой пива да как-нибудь завязать беседу и выспросить, что удастся. Хозяин его опередил: снова самолично принес пива и подсел к Юрию за столик.

— А вы, уважаемый, извиняюсь, откуда будете? Может, жилье нужно? Или ночлег? Вполне хватит ваших денег.

— Откуда? Да я и сам уже толком не помню, — начал сочинять Юрий. — Путешественник я. А жилье... Может, попозже?

Хозяин глубокомысленно кивнул.

Добрая еда настроила Юрия благодушно; мир здешний казался тихим, сонным и мирным.

— Может, расскажешь, куда это я попал? А то я, кроме слов «Данкартен» и «Райма», ничего о вашем крае и не знаю...

Хозяин вопросительно уставился на Юрия:

— А-а-а... То бишь как — не знаешь? Как же ты сюда попал?

— Да высадили меня на побережье одни мореплаватели. Я до леса добрел, потом на дорогу вышел, она меня сюда и привела, дорога.

— Мореплаватели? — переспросил хозяин.

— Ага. На большом таком корабле... С востока приплыли. Точнее, пришли — так, кажется, говорят моряки?

Хозяин продолжал хмуриться. Что-то в рассказе Юрия ему явно не нравилось.

— С востока? А разве там кто-нибудь живет? И что такое корабль?

Юрий не успел ответить — отворилась дверь, и в таверну ввалились солдаты. То, что это именно солдаты, стало понятно сразу. В одинаковых плащах и полушлемах, и даже лица у солдат были какие-то странно одинаковые: рыжие усы, глубоко посаженные глазки, выбритые сизые подбородки...

Солдат было семеро. Восьмой — не то офицер, не то десятник. На плаще у него выделялась коричневая кайма, шлем украшала надраенная кокарда в виде двуглавого льва на фоне листьев дуба.

— Эй, хозяин! Тащи горячее на всех!

Десятник обронил на стол пару монет — вовсе не серебряных. Медных, наверное. Хозяин тотчас утратил интерес к Юрию, рысцой подбежал к столу, за которым расположились солдаты (те сдирали мокрые плащи и развешивали их на решетке у огромного камина), сгреб монетки ладонью, поклонился и умчался на кухню. В зале хорошо слышалось, как он покрикивает на поваров.

Вскоре явились еще двое солдат. Юрий предположил, что эти двое отводили коней во двор, потому и задержались.

Плащи служивых изрядно промокли, а значит, солдаты в седлах с самого утра. Может быть, они из Раймы? Хорошо бы...

Впрочем, на этот раз чутье подсказывало ему, что визит к аборигенам пора завершать.

Юрий допил пиво и перебрался поближе к выходу, усевшись в тени. Ему не понравилась реакция хозяина на вранье о корабле и землях на востоке, поэтому Юрий решил подстраховаться на случай внезапных неприятностей.

Не следует думать, что Юрий был столь наивен и неопытен как разведчик — он просто заодно проверил, насколько успешно можно кормить аборигенов заведомыми байками. Получалось, нельзя их кормить байками. Поэтому придется срочно сочинять себе настоящую легенду. Правдоподобную. А заодно и убираться отсюда по возможности подальше.

На всякий случай Юрий дождался, пока солдатам начали подавать на стол, и только потом потихоньку выскользнул под дождь. Менять уют теплого зала на промозглый волглый вечер страшно не хотелось, но пора уже было и о возвращении в схрон подумать. Первая вылазка — всегда короткая.

Обратную дорогу он проделал на полном автомате, войдя в бездумный дорожный режим. И подумал, что назавтра терять пять часов на пешую прогулку уже не станет.

Глава третья
ОТВЕТЧИК

«Языка» близнецы действительно взяли. Когда Юрий вошел в рабочий сектор, посреди «пыточной» в низком кресле полулежала некая потная личность из местных. Перед нею, храня на лице чрезвычайно задумчивое выражение, восседал на стуле Валентин Беркович. Близнецы возились с оборудованием: один со шлемом, второй с мнемопультом.

— Привет, орлы, — поздоровался Юрий, неотрывно глядя на пленника.

Тот заторможенно лупал глазами. Кажется, ребята вкатили ему дозу успокоительного, чтобы не ошизел раньше времени от обилия впечатлений. Вполне, кстати, разумный шаг со стороны ребят — кто их знает, аборигенов... Может, они слабонервные все.

Руки пленника были пристегнуты к подлокотникам эластичными капроновыми петлями. Ноги — к специальным тягам под креслом.

— Как спеленали? — осведомился Юрий. — Без шуму? И что это за фрукт?

— Без шуму, шеф, — заверил Рома. — То есть совершенно без шуму, ни одна живая душа в округе не подозревает, где нынче находится наш дорогой друг Борга.

— Лучше бы ни одна душа не подозревала, что он пропал, — проворчал Юра. — Ладно, усыпляйте. Тогда и поговорим.

Сема опустил на голову пленника шлем, зафиксировал и кивнул брату. Рома коснулся сенсора — Юрий знал, что там, под шлемом, Борга блаженно заулыбался и закатил глаза. Сканирование — процесс по ощущениям сходный с опьянением или наркотической эйфорией. Только привыкания у него нет — хоть каждый день сканируйся, совершенно безвредно. Правда, на сотый или двухсотый раз (а иногда и раньше) сходишь с ума. Такой вот милый побочный эффект.

— Мы его в лесу повязали, не успели даже от схрона как следует отойти. По-моему, он или заблудился, или просто пережидал дождь. Сидел в кустах где погуще, чтобы, значит, не мокнуть зря. Как истукан сидел, ей-ей, хоть бы шелохнулся, когда мы его скрадывали.

Юрий внимательно слушал рассказ Романа Матвеева. Как более опытный он делал несколько иные выводы из наблюдений своей команды, но раньше времени решил ничего не высказывать.

— Одежда у него вроде бы добротная, шеф, не чета лохмотьям, в которых хлебопашцы вынуждены ходить. И главное, он пользовался вот этим. — Рома подал Юрию небольшой округлый предмет, прикрепленный к кожаному ремешку. Предмет имел мутное стеклышко, под которым угадывалась грубо начертанная шкала и подвижная двусторонняя стрелка. — Делайте со мной, что хотите, шеф, но это примитивный магнитный компас. Ну мы и решили с Семой: раз этот тип пользуется компасом, то нелишне будет его просканировать. В общем, подобрались, дали по макушке и снесли в схрон. Он недавно только очнулся...

— А вам не пришло в голову, что этот человек не просто коротал дождливый день, а кого-нибудь поджидал, а? Вдруг его хватятся в ближайшее же время? — спросил Юрий с некоторой ехидцей в голосе.

Близнецы переглянулись и дружно пожали плечами. В их взглядах читалось нечто вроде: «Ну хватятся, ну и что? Ни в жизнь местным не отыскать пеломенского схрона. Хоть до скончания времен ищи».

Юрий хотел уже вздохнуть и махнуть на близнецов рукой — опасность для миссии от взятия «языка» хоть и существовала, но была исчезающе малой. Настолько ничтожной, что особо не стоило и задумываться о такой мелочи. Но Юрий Шевела не зря слыл одним из наиболее опытных разведчиков управления. Он старался учесть любую мелочь.

И правильно — все, что теоретически может произойти, рано или поздно происходит. Причем именно тогда, когда ничего плохого не ждешь.

На пульте внезапно проснулся сторож: подал тревожный сигнал; одновременно раскрылись четыре следящих экрана.

К схрону приближались гости.

Все встрепенулись. Вот она, нештатная ситуация...

— Направление? — жестко справился Юрий, не отрывая взгляда от экранов.

— Совпадает, — хором пробормотали близнецы. Выглядели они сконфуженными.

Гости приближались к схрону с той самой стороны, где был добыт подвернувшийся язык. В подобные совпадения верят только дилетанты.

— По местам, — недовольно буркнул Юрий и направился к пульту. Не любил Юрий незапланированных приключений. Не любил, но всегда, в каждой миссии, с ними сталкивался.

Увы.

Команда тотчас расползлась: Валентин к боевому пульту, Рома и Сема — соответственно к аварийному и резервному. Посреди «пыточной» остался только сонный абориген, которого происходящее если и касалось, то лишь косвенно. Будь Борга свободен, пришлось бы за ним присмотреть. Но он был надежно обездвижен и вдобавок усыплен.

Юрий гонял изображение по экранам — за мутной пеленой дождя в вечернем лесу угадывались смутные полуразмытые силуэты гостей. Их насчитывалось десять, если верить инфракрасным датчикам. Причем совершенно не имелось оснований датчикам не верить. Из десятка засеченных гостей визуально Юрий наблюдал четверых, остальные пока умело прятались от взгляда. Вот один из этих четверых осторожно раздвинул ветви, и его лицо стало ненадолго ясно видимым.

Юрий дал максимальное увеличение.

Нахлобученный по самые брови шлем украшен двуглавым львом на фоне листьев дуба. Рыжие усы, глубоко посаженные глаза, до синевы выбритый подбородок...

Это был офицер-десятник, предводитель отряда, который застал Юрия в таверне «Белый кентавр».

— Так-так-так... — негромко пробормотал Юрий. — Интересные веники! Это что же, они за мной тащились от самой таверны? Или — чего уж там? — у них действительно встреча с нашим незадачливым пленником?

— Что-что, шеф? — переспросил Валентин.

Естественно, сержант ничего не понял, ведь о своей вылазке Юрий еще не успел рассказать.

— Я прогулялся до селения на севере, там заскочил в местную таверну при тракте. В общем, я встретил этих людей в таверне. Только я почти сразу ушел, а они остались. И теперь думаю — а не привел ли я их ненароком на хвосте?

— А как... — отозвался Валентин. — А с чего бы им падать тебе на хвост, а шеф?

— Почем мне знать? — Юрий невольно пожал плечами, хотя сержант его не видел. — Лучше давай подумаем, как с ними быть. Разогнать? Или еще одного «языка» возьмем? Лучше вот этого, в шлеме, это их предводитель.

— А с остальными что? — резонно заметил Валентин. — Если возьмем офицера, не факт еще, что остальные уйдут. Вдруг у них служебная порука, как у беарнцев?

— Вот и я о том же... — поддакнул Юрий и обратился к одному из стажеров: — Рома! А прогляди-ка данные сканирования. Как есть, наспех. Может, поймешь, что собой представляет наш пленник? Хотя бы в первом приближении.

Целиком примерить на себя снятую с другого человека мнемоматрицу — дело нескольких часов. Но кое-что можно понять практически сразу.

— Есть, шеф! — бодро отозвался Рома. Кажется, близнецы уже осознали, что, возможно, заварили куда более крутую кашу, чем казалось несколько часов назад.

Рома перебросил аварийный пульт на попечение брата и вернулся в «пыточную». Некоторое время у него ушло на то, чтобы освободить пленника от шлема, и еще пару минут на подготовку матрицы к трансляции. Рома даже не стал освобождать себе кресло, просто напялил шлем на голову, навалился локтями на край пульта, насколько позволяли короткие, похожие на гофрированные кишки провода, и врубил трансляцию.

Через шесть с небольшим минут Роман Матвеев, стажер разведывательной миссии в составе группы лейтенанта Юрия Шевелы, содрал с головы мнемошлем, швырнул его на пол (шлем пола не достиг, повис на проводах), поспешно прошел к шлюзу и покинул пределы схрона. Ничего не подозревавшие разведчики-пеломенцы не успели его остановить или задержать.

Роман направился на северо-восток, в сторону Раймы. Если совсем точно — по касательной к северным окраинам.

Солдаты, что околачивались неподалеку от схрона, почти сразу после этого дружно отступили и двинулись следом за Романом.

— Твою мать! — выругался Юрий, совершенно сбитый с толку. — Рома вышел! Что такое? Сема, в «пыточную», глянь, что там?

Стажер уже и сам покинул боевые пульты и кинулся к креслу с пленником. Юрий торопливо перевел наблюдение из ручного режима в автоматический, дал необходимые указания сторожу и поспешил в «пыточную».

Едва Юрий миновал внутренний шлюз, следом ворвался взъерошенный Валентин Беркович. А в следующий момент лейтенант и сержант встретились с недоумевающим взглядом стажера.

— Ше-еф, — сообщил Сема, растягивая от удивления гласные, — за-апись стерта-а...

Юрий и Валентин переглянулись, в надежде хоть что-нибудь понять.

Тщетно.

— Дьявол! Валик, давай-ка оживляй «языка»! Что-то мне подсказывает: он многое может нам рассказать!

Беркович послушно сунулся к креслу, склонился и вдруг медленно выпрямился.

Голос его был глухим и безнадежным.

— Шеф! «Язык» нам много не расскажет. Вообще ничего не расскажет. Он мертв.

В «пыточной» повисла натянутая, как снасть во время шторма, тишина. Только неусыпный сторож время от времени издавал размеренное «биип-биип!», возвещая о стабильной обстановке вокруг схрона.

Юрию показалось, что сторож издевается.

— Ну, докладывай, — велел шеф, и Юрий инстинктивно втянул голову в плечи. Докладывать о невозможном — велика радость!

Канал связи провесили со всеми мыслимыми и немыслимыми осторожностями. Долго слушали эфир и рассылали ложные передачи. Настоящую спрятали в потоке ложных; сколько раз сигнал кодировался и декодировался, пока достигал пеломенского крейсера и бортовой станции дальней связи, Юрий даже не знал.

Сколько ни оттягивай неприятный момент, начинать все равно когда-нибудь придется. Словно головой вниз со скалы в океан, Юрий нырнул в скользкое состояние «доклад недовольному начальству».

— Группа высадилась в штатном режиме, без задержек и происшествий. Схрон также развернут без неожиданностей. В первые сутки я дал следующие задания: стажерам — попытаться взять «языка», отдал им западный сектор. Сержанта Берковича направил в ближайший перспективный город, в Хаспер. Сам совершил вылазку в северный сектор. Стажеры «языка» взяли практически сразу, в первый час по выходу из схрона, поэтому их вылазка получилась короче, чем планировали. Мы с сержантом выработали полные оперативные миссии, я даже лишних часа полтора

прихватил. Данные, добытые Берковичем, сами по себе интересны, но к случившемуся прямого касательства не имеют, поэтому подробный отчет я отошлю позже.

Теперь о моей вылазке. В двадцати восьми километрах севернее схрона я вышел к дороге, а спустя некоторое время — к придорожному селению. Первым делом проверил, как водится, местную харчевню. Попутное замечание: селение показалось мне слишком малым, чтобы иметь такое внушительное заведение — с комнатами для ночлега и постоялым двором. Настоящая таверна, а не харчевня. Но через селение проходит тракт, ведущий в столицу Данкартена Райму, а значит, тут масса путников, многие из которых денежны и знатны. Так что с таверной, видимо, все в порядке. В селении говорят и пишут на всеобщем, местный акцент в речи носит слабовыраженный характер; в надписях (по крайней мере в тех, что я видел) вообще не заметно отклонений от стандартного всеобщего. Серебряные деньги берут охотно. Я расплатился полукаледоном Новой Зенго. Хозяин таверны Сойон Харпик (таверна, кстати, зовется вполне в средневековом духе — «Белый кентавр») сначала решил, что мне нечем расплатиться, поэтому предложил отработать обед. Я отработал — наколол дров.

— Постой, — прервал шеф. — А при чем тут тогда полукаледон, если отработал?

— Халявное пиво показалось мне невкусным, — невозмутимо пояснил Юрий. — Я предпочел дорогое, но качественное.

— Эстет, тля... — пробормотал шеф.

Юрий оставил последний комментарий без внимания — шеф часто подначивал подчиненных. Причем, следует признать, большею частью за дело.

— В течение десяти примерно минут я имел беседу с хозяином и пытался вызвать того на монолог о текущем состоянии дел в Данкартене, но с меня потребовали объяснений, кто я и откуда. Решив заодно проверить степень легковерности аборигенов, я сплел байку о землях на востоке и о том, что меня высадили на побережье моряки. По реакции Сойона Харпика можно сделать следующие выводы: мореплавание на Данкартене либо развито слабо, либо вообще не развито; о восточном архипелаге на материке не знают; к байкам местные относятся

сдержанно, чтобы не сказать — настороженно. Так что легенды себе придется прорабатывать как можно тщательнее.

Шеф фыркнул, вероятно, пытаясь намекнуть, что легенды всегда следует прорабатывать тщательно, но девятилетний опыт работы подсказывал Юрию: бывают миры, где совершенно незачем корпеть над правдоподобной историей. Проще наврать с три короба, прямо с ходу — легче поверят. К сожалению, Данкартен — иной случай. Впрочем, недоверие могло оказаться личной чертой Сойона Харпика. Но, опять же, опыт подсказывал Юрию, что хозяин таверны — как правило, зеркало аборигенного социума.

— Беседу с Харпиком прервали солдаты, девять рядовых и офицер. Поскольку меня начинало поджимать время, да и не понравились мне, откровенно говоря, эти солдаты, я потихоньку из таверны убрался и тихо-мирно добрался до схрона. Вот тут-то и началось самое интересное.

Шеф не клюнул. Этого сколько ни интригуй, так и будет сидеть с постной физиономией и слушать.

— Стажеры как раз подготовили «языка» к мнемосканированию. Сканирование провели в моем присутствии. Затем сработали датчики тревоги — к схрону приблизилась группа аборигенов. К моему удивлению, это оказались те самые солдаты, из таверны. В полном составе, включая офицера. Поскольку прямой угрозы схрону я не усмотрел, я велел одному из стажеров, а именно — Роману Матвееву, провести пробную мнемонакладку снятой матрицы, чем тот и занялся. Я, сержант Беркович и стажер Семен Матвеев продолжали контролировать перемещения солдат в непосредственной близости от схрона; наблюдения за Романом Матвеевым никто не вел.

Юрий сделал короткую паузу-перебивку и обратился к шефу:

— Господин майор, все, что я сейчас опишу, действительно случилось около полутора часов назад, хотя и покажется крайне неправдоподобным. Прошу учесть, что я, а также сержант Беркович и стажер Семен Матвеев продолжаем пребывать в здравом уме и трезвой памяти.

Так вот. Роман Матвеев, по-видимому, произвел первичную накладку снятой матрицы на свой мозг. После чего погасил трансляционную аппаратуру, бросил шлем и направился

к внешнему шлюзу. Он покинул схрон и ушел в лес; в пределах зоны слежения он ни на секунду не задерживался и направления не менял, все время шел на северо-восток, если нужно — могу уточнить курс до градуса. Естественно, мы попытались просмотреть содержимое матриц-записи в режиме «сторонний наблюдатель». Выяснилось, что запись стерта. Начисто стерта, носитель физически деполяризован. Попытка снять повторную матрицу с «языка» также не удалась, поскольку абориген умер от кровоизлияния в мозг; мы уточнили время — спустя четыре минуты двадцать одну секунду после завершения сканирования.

Где сейчас находится Роман Матвеев, неизвестно, полчаса назад он покинул зону слежения. Сержант Беркович в медотсеке занимается более детальным исследованием тела аборигена и обстоятельств его смерти, но, боюсь, медицинских навыков ему просто не хватит, а программа-врач у нас всего лишь версии три-один-один, да вдобавок бета. В силу неординарности ситуации я воспользовался правом на внеочередной канал связи. У меня все, господин майор.

Шеф мрачно посопел в микрофон:

— Ну, Шевела... Вечно у тебя какие-то приключения вместо нормальных заданий... Что датчик Матвеева?

— Которого?

— Романа, естественно! — фыркнул шеф.

— Физическая активность стандартна, повреждений нет, ни фатальных, ни легких. Он жив и, судя по локализатору, продолжает свой поход. Энцефалограммы не расшифровываются.

— Так я и думал, — ехидно заметил шеф. — Ладно, я все уяснил. Приказываю ничего не предпринимать до особых распоряжений. Если Матвеев вздумает вернуться — впустить и изолировать. Если аборигены в гости пожалуют — не реагировать, только наблюдать. Надеюсь, им не взбредет в головы штурмовать схрон, как замок, с копьями наперевес.

— Я тоже на это надеюсь, господин майор...

— Ишь ты, — пробурчал майор мрачно. — Как чепэ — так сразу господин майор. А то все время — шеф да шеф...

Юрий деланно вздохнул.

— Конец сеанса, — провозгласил шеф, и тихий шепот, естественный фон дальней связи, прервался.

Юрий снова вздохнул — не то чтобы облегченно, но уже не так театрально, как в присутствии шефа.

— Вот такие вот пироги, — провозгласил он и подумал: «Надо к Семе сходить. Волнуется ведь. Близнецы — статья особая...»

Не прошло и часа, как шеф появился на связи вновь:

— Эй, Шевела! Новости есть?

— Нет, господин майор, — коротко отозвался Юрий. Не считать же новостью тот факт, что непонятно чем одурманенный Роман Матвеев все так же, не отклоняясь, упрямо шагает к северной окраине Раймы?

Когда Юрий докладывал, что местонахождение спятившего стажера неизвестно, он вовсе не имел в виду, будто того невозможно найти. Отнюдь. Каждый разведчик носил вживленный датчик, и при желании определить его координаты с точностью до нескольких дециметров можно было в течение нескольких секунд. Юрий имел в виду вовсе не это. Неизвестным оставалось окружение бредущего стажера — то ли по лесу он бредет, то ли по полю, то ли в город забрался.

— Тут спецы разбираются... Несколько вопросов возникло — ответь. Готов?

— Конечно!

Короткое шуршание, оттененное фоном дальней связи, и уже другой голос спросил:

— Юрий?

— Да.

— Добрый день. Меня зовут Николай Доценко, я эксперт-мнемоник. Постарайтесь вспомнить произошедшее и ответить на мои вопросы наиболее полно. С мнемоиндексами братьев Матвеевых я уже ознакомился, и они довольно высоки для людей их возраста. Посему они обладают повышенной внушаемостью, вы наверняка и сами все это знаете.

— Конечно! — подтвердил Юрий.

— Так вот, мы полагаем, что на вашего пленника заранее была наложена управляющая матрица, а Роман Матвеев переписал ее на себя. Это единственное правдоподобное объясне-

ние, которое мы сумели сконструировать применительно к данной ситуации...

— Правдоподобное? — скептически переспросил Юрий. — Вы считаете правдоподобным существование сложной мнемонической аппаратуры на отсталом, практически феодальном мире?

— А почему бы и нет? В конце концов, колонисты прибыли на Данкартен на космических кораблях, а это техника на порядок более сложная, нежели мнемоническая.

— Ладно, — согласился Юрий. — Предположим, что кое-какая аппаратура сохранилась в течение нескольких столетий. Но не хотите же вы сказать, что аборигены случайно сгенерировали и наложили такую сложную матрицу? Слабо верится, и это еще мягко сказано.

— Аппаратура такого рода программируется. А случайно задействовать готовую программу не так уж и сложно.

— А шлем? — напомнил Юрий. — Возможно ли случайно надеть шлем и...

Он осекся. Ну конечно! Случайно надеть шлем вполне можно, и случайно запустить сканирование тоже довольно легко. И вот оно — несколько минут дармового кайфа. Да любой бестолковый пейзанин счастлив будет испытывать это вновь и вновь, если сумеет связать надетый на голову шлем и переключатель на пульте с получаемым кайфом! Да и смерть аборигена тогда вполне объяснима — перехлестнул через смертельный порог и привет...

— Хм... — сказал он вслух. — А вы правы, пожалуй.

— Вот-вот, — невозмутимо продолжал эксперт. — А теперь вопросы. Постарайтесь припомнить, не были ли заторможены реакции аборигена, когда вы его брали?

— Сема! — позвал Юрий зычно. — Сюда иди!

Хмурый стажер мигом предстал.

— Вопрос слышал?

— Так точно, слышал, — ответил он. — Только ответить на него трудно. Пленник наш сначала дремал в кустах под самодельным навесом из лапника, а потом мы ему по баш... по голове дали, он и отключился. В схрон мы его внесли в бессознательном состоянии да сразу же вкололи успокоительное.

— Понятно, — вздохнул Доценко. — Жаль, ваш ответ мог бы многое прояснить. Ладно, второе. Подвергался ли Роман Матвеев в детстве контрольному сканированию? Вопрос к Семену, понятно.

— Подвергался, — ответил стажер. — И Рома подвергался, и я. Лет в семь, перед школой. У нас некоторые образовательные курсы загружали через мнемопульты.

Эксперт хмыкнул:

— Хм... Насколько я знаю, на Костроме это обычная практика?

— Обычная. У нас вообще-то повышенный процент мнемоников среди населения, причем выявляется это зачастую как раз в школах.

Юрий пошевелил бровями и поджал губы. Смелые они там, на Костроме! Мнемотехника применительно к детям — вещь непредсказуемая и даже опасная. Во всяком случае, своего ребенка Юрий мнемоникам не доверил бы и к обучению посредством излучателей ни за что не допустил бы. Впрочем, Кострома — свободный мир со своими нравами. Одна из колоний, которая сумела не сползти в средневековье и не утратить знаний даже в условиях долгой изоляции. Кострома даже сумела несколько умножить знания по сравнению с имеющимися на момент высадки. Кстати, мнемоника и мнемотехника — одно из направлений, в которых ученым Костромы удалось зайти даже дальше метрополии. Потом, понятно, их наработки стали достоянием всего Пеломена.

— Вопросов больше не имею, — грустно констатировал эксперт. — Похоже, наша версия подтверждается.

Юрий промолчал.

Вновь послышался голос шефа:

— Ладно, Шевела. Приказы будут такие. Первое. Сержанта и стажера отошлешь вслед за Романом Матвеевым. Пусть идут по пеленгу, но ни во что не вмешиваются. Просто сопровождают. А сам помри, но отыщи своего знакомого офицера из таверны. Душу из него вынь, но узнай: зачем он должен был встретиться с вашим злополучным пленником и кто таков этот чертов пленник. Уяснил?

— Так точно, господин майор. Какой степенью свободы я и моя группа могут пользоваться относительно снаряжения?

— Любой, — отрезал майор. — Но применение должно быть оправданным. Не мне тебя учить, сынок, что это означает.

Это доверительное «сынок» много сказало Юрию. Например, что шефу на шею уселись высокие чины. И что история эта далеко не так проста и незначительна, как может показаться.

И вдобавок у Юрия возникло стойкое ощущение: это только начало. Ближайшие события еще заставят пеломенских разведчиков попотеть и побегать. Преизрядно.

Глава четвертая
БОЕЦ

Дождь, ливший добрых пару недель без перерыва, наконец прекратился. Юрий поглядел в спины удаляющимся Валентину и Семе, обернулся к замаскированному шлюзу схрона, вздохнул и взгромоздился на миниатюрный аэроцикл. Тратить несколько часов на прогулку по лесу он не мог себе позволить.

Аэроцикл взмыл над деревьями; Юрий крутанул на себя рукоятку газа, и юркая машина рванулась вперед и ввысь. Зашелестел ветер. Если бы не очки, неизбежно начали бы слезиться глаза. Но любой полевой разведчик много часов налетал на аэроциклах — транспорте удобном, быстром и легком. Поэтому об очках никто не забывал.

Юрий гнал над самыми макушками деревьев. Шарахались в стороны испуганные птицы; с тонкой ветви свалилась ошарашенная белка. Остро пахло хвоей, смолкой и еще чем-то растительным и неуловимо знакомым.

Через четверть часа Юрий достиг дороги, еще через пяток минут лес оборвался перед полями. Вдалеке уже смутно виднелись селение и таверна «Белый кентавр» при тракте. Пришлось спикировать к ближайшим кустам и спрятать аэроцикл. Не подруливать же к самой коновязи — не поймут аборигены, точно не поймут...

Солнце светило вовсю, дорога даже слегка подсохла. А раньше была не дорога, сплошные лужи. Теперь лужи остались толь-

ко кое-где, в каждой ослепительно отражалось солнце, и оттого день казался неудержимо праздничным.

Все та же потемневшая коновязь, пара понурых лошадок с притороченными к мордам полными овса торбами, все тот же закопченный навесик над трубой. Из трубы вздымается многообещающий дымок.

Не задерживаясь, Юрий вошел в таверну. В зале, против ожиданий, оказалось много народу. Компания похожих на гномов крепышей — медные лица, носы картошкой, окладистые бороды, маленькие, глубоко посаженные глазки. Выпивают и закусывают. Несколько состоятельных молодых людей — эти, наоборот, стройные и бледные. Кушают и запивают. Несколько групп, в которых угадываются местные обыватели: смешные кафтаны, призванные выглядеть нарядно, башмаки с квадратными носами торчат в проход; в руках у каждого из этих по пивной кружке, а на столе — по блюду с голубцами.

Хозяин Сойон Харпик за стойкой — хлопочет, дает распоряжения дородной кухарке да подгоняет поварят с разносами.

Юрий направился прямо к нему. Сойон как раз отослал кухарку и остановился перевести дух. Речь его сопровождалась бурной жестикуляцией, так что было от чего отдохнуть.

Когда хозяин утер лоб и поднял глаза, первым делом он заметил материализовавшегося перед стойкой Юрия.

— День добрый, почтенный! — смиренно поздоровался Юрий.

— Здоров будь, — буркнул Сойон. — Обед?

— Пара вопросов, — сказал Юрий и, предваряя встречный вопрос, вынул несколько монеток. Тех же полукаледонов Новой Зенго. Побаюкал на ладони — монетки отчетливо звякнули, ближние посетители даже оглянулись.

— Каких еще вопросов? — не отводя взгляда от монет, поинтересовался Сойон.

— Обычных. И довольно легких. А?

Хозяин помялся. Видно было, что он побаивается. Непонятно только чего. Может, неудобных вопросов? Наверное. Юрию что — спросил и сгинул, а Сойону тут жить и вечно потом ловить недовольные взгляды завсегдатаев, если что не так...

— Ну... — нерешительно протянул хозяин и взмахнул рукой. — Ладно, спрашивай.

— Когда я заходил к тебе в прошлый раз, следом за мной явились солдаты. Десять человек. Помнишь?

— Помню. — Хозяин посмурнел. Даже взгляд от монеток отвел. — Как не помнить...

— Кто они? И как их найти?

Тут лицо Сойона стало наполовину озадаченным, наполовину обрадованным.

— Найти? Да они сами о тебе спрашивали, хотели потолковать... Это местный гарнизон, королевские ратники. Офицер ихний из самой Раймы прислан, принял под начало нашу сотню.

— Сотню?

— Ага, сотню. Девяносто, стало быть, солдат, десять десятников и офицер надо всеми ними. В городе квартируют, тебя до казарм любой проводит. Офицеры, понятно, не в казармах живут, но дорогу тебе всякий укажет.

От внимания Юрия не ускользнуло, что едва он заговорил с хозяином, тут же один из чумазых кухонных пацанов живо скинул фартук и шмыгнул через конюшню наружу — благо расположение помещений вне зала таверны Юрий успел запомнить с прошлого раза. Несомненно, паренек этот помчался как раз в казармы, и, надо понимать, некоторое количество ратников, один из десятников или даже лично офицер из Раймы вскорости пожалуют в «Белый кентавр».

Это не противоречило планам Юрия, но он не любил уступать инициативу сопернику. Не дожидаться же солдат тут, в таверне? Нет, надо идти в город, к казармам. Хотя бы для того, чтобы осмотреться и привыкнуть к местности.

— Любой, говоришь, покажет? — задумчиво протянул он. — Это хорошо. Тогда я пойду.

Юрий уронил на стойку пару монеток, а остальные вознамерился ссыпать в карман под плащом.

— И это все вопросы? — жалобно осведомился хозяин. — Может, еще чего знать желаете?

Сойону явно хотелось задержать Юрия до прихода солдат, а попутно заработать еще пару монеток.

— Нет уж, спасибо, — фыркнул Юрий. — Дальше я сам. Куда идти-то?

— А по тракту, к центру. Тут недалеко...

И Юрий пошел.

Таверну от крайних домов отделяло метров семьдесят.

За плотно пригнанными досками уличных заборов лениво брехали собаки. Посреди подзаборных лопухов мелькали пестрые спины откормленных кур. Юрий невольно хмыкнул: вспомнилось: «Есть такая дыра на крайнем Северо-Закате — резные наличники, мальвы по палисадникам и свинья в луже посреди главной улицы...» Свиньи в поле зрения не наблюдалось, но местечковый пейзаж она явно не испортила бы.

Зато порадовало полное равнодушие горожан. Ни одного зеваки, глядящего поверх забора. Даже дети не удостоили чужака хоть крупицей внимания.

Понятно почему — столичный тракт, тут каждый день, поди, самые разные люди снуют туда-сюда. Привыкли все уже давно.

Солдаты перехватили его на полпути. Появились словно из ниоткуда, из боковой улочки. Миг — и Юрий оказался в тесном кольце. Обнаженные мечи солдат недвусмысленно оттеняли серьезность их намерений.

Десятник с коричневой каймой на плаще присутствовал, причем не тот, которого видел Юрий в таверне и в лесу у схрона. Другой. Присутствовал также и офицер, легко узнаваемый по плащу из прекрасной тускло отблескивающей на солнце ткани и дорогим на вид доспехам. Кайма на плаще была алой, как закатный багрянец, а шлем украшен затейливой вязью.

— Руки держи на виду! — посоветовал десятник. И добавил, обращаясь к одному из своих: — Обыщи его, Даго!

Даго, плечистый детина ростом добрых метр девяносто, ловко воткнул меч в ножны, шагнул и облапил Юрия за бока.

Юрий только этого и ждал. Полшага назад и в сторону, полуоборот, захват, бросок. Детина, задрав ноги, свалился на троицу своих приятелей, да так, что все скопом повалились на край дороги. Меч детины остался в руке у Юрия. Остальные солдаты ничуть не растерялись: следующие несколько секунд Юрий был занят исключительно тем, что пытался не лишиться меча. Солдаты явно не желали его зарубить, только обезору-

жить. И было их пятеро. Юрий не впервые держал в руках меч, но ведь пятеро! В общем, пришлось выбирать, и выбирать быстро. Либо уходить с мечом в руках, либо смириться с его потерей. В принципе даже без меча Юрий мог бы некоторое время продержаться. Но подобные физические упражнения трудно назвать приятными. Поэтому Юрий опрокинул ближайшего солдата ловкой подножкой, отступил и получил короткую передышку, которой не замедлил воспользоваться.

— Стойте! — заорал он, обращаясь в основном к офицеру. — Вы хотите поговорить? Хотите, чтобы я пошел с вами? Так я пойду, сам пойду! Только уберите оружие!

Офицер вопросительно прищурился:

— Пойдешь?

Солдаты, рвавшиеся в атаку, были остановлены коротким властным жестом. Но мечи они продолжали сжимать, и в глазах у каждого мечника полыхала ревнивая злость. Похоже, они и один на один с противником не привыкли терпеть поражения, а тут один-единственный чужак далеко не богатырского сложения сумел устоять против девятерых.

— Пойду.

— Тогда давай бросай клинок!

Думать было некогда. И Юрий рискнул.

— Бросаю!

Меч шмякнулся на подсыхающую дорогу.

— Взять его! — не меняя тона, скомандовал офицер, и солдаты все-таки ринулись в атаку.

— А, чтоб тебя!!! — выругался в сердцах Юрий и умолк, дабы не потерять дыхание, а стало быть, и темп.

Без меча было куда труднее. И тем не менее Юрий продержался почти полминуты. А потом его что-то очень сильно ударило справа под ребра. От удара он пошатнулся, судорожно глотнул враз ставшего густым, как кисель, воздуха. В глазах потемнело.

Напоследок он ощутил еще несколько ударов — в корпус и по голове. И отключился.

Чуть в стороне арбалетчик деловито перезарядил свое оружие. Болты у него были с круглыми тупыми наконечниками.

Над упавшим разведчиком сомкнулись, сопя, ратники. Здешняя солдатня явно никогда не слышала о принципе «лежачего не бьют».

— Эй, полегче! — сказал офицер и досадливо поморщился. — Его еще допросить надобно. Полегче, я говорю! Заур, Мончи, нука поднимите его! Да обыщите как следует, а то вынет кинжал и перережет ваши поганые глотки.

Солдаты, галдя, выполняли распоряжения офицера.

Юрия несли по городской улице, и это тоже не привлекло зевак. Впрочем, пеломенский разведчик все равно не мог сего оценить, ибо был без сознания.

Очнулся он от обрушившейся на лицо и грудь водяной струи.

Здоровяк Даго хмыкнул и поставил пустое деревянное ведро подле себя, а руку поспешно переместил на рукоять меча. Бока и правая рука у Даго все еще болели.

Юрию очень хотелось застонать, но привычным усилием воли он подавил это недостойное желание. Вместо стона он взглянул сквозь прищуренные ресницы.

Напротив восседал на принесенном откуда-то стуле офицер. Рядом переминались с ноги на ногу два десятника, в том числе и вчерашний знакомый. Ну и солдат в поле зрения насчитывалось десятка полтора. Заметил Юрий и троих арбалетчиков чуть в стороне.

«Вот чем они меня под ребра саданули, — запоздало догадался он. — Как же это я, раззява, проглядел арбалетчиков?»

— Очнулся, — довольно прокомментировал кто-то. — Говорю же, мы его не шибко били, ваша верность!

Офицер оставил это замечание без ответа.

Юрий открыл глаза и попробовал сесть. Получилось. Машинально потрогал грудь, и ему моментально полегчало.

Он нащупал менеджер экипировки. И сразу пообещал себе: все, больше никаких лихачеств. Броню и антиполе, и пусть подавятся своими тупыми арбалетными стрелами. Пусть полягут от своих же ударов. Как там заряд? Заряд полный, как и положено.

Только лучевую шпагу отобрали, гады.

— Ну что? — осведомился офицер донельзя скучным голосом. — Будем вставать и говорить или будем валяться?

И — в сторону, одному из солдат:

— У тебя сапоги с подковами?

— С подковами, ваша верность! — осклабился солдат. — Аккурат годятся по ребрам шуровать!

Офицер многозначительно покашлял и лениво забросил ногу на ногу.

Юрий меланхолично включил поле. Теперь обладатель сапог с подковками мог вволю пинаться. С тем же успехом и теми же ощущениями можно было пинать незыблемую гранитную скалу.

— А еще одного стула, случаем, не найдется? — спросил Юрий скучным голосом и потихоньку огляделся. По-настоящему, а не сквозь прищуренные веки.

Находился он в центре небольшого дворика, заключенного меж четырех мурованных стен. Посреди одной из стен помещались массивные ворота. Противоположная явно была стеной здания — двускатная крыша и несколько узких, похожих на бойницы оконец явственно об этом свидетельствовали. Дверей Юрий не разглядел, но особо приглядываться было некогда.

Двое солдат, повинуясь сигналу офицера, вразвалку приблизились к Юрию. Вплотную.

— Вопросов у меня для начала два, — сообщил офицер, с интересом наблюдая за реакцией Юрия. — Куда вы дели Боргу и кто вы, черт вас побери, такие?

«Вы? — отметил Юрий машинально. — Он и об остальных знает?»

— Борга умер, — честно признался Юрий. — Не знаю от чего. Мы с ним даже поговорить не успели.

— А где тело?

— В лесу. Спрятано.

— Я жду ответа и на второй свой вопрос.

Юрий не нашелся что придумать с ходу.

— Ну? — Голос офицера становился все более нетерпеливым. — Или помочь тебе слегка, чтоб язык развязался?

Солдаты одновременно протянули руки. Юрий хладнокровно задействовал цюковую защиту. Оба громилы, естественно, получили свое и благополучно растянулись на посыпанной гравием земле дворика. Буквально через секунду защита «сха-

вала» три арбалетных болта — энергия летящих снарядов благополучно отвелась, а сами болты просто опали к ногам Юрия.

«С самого начала нужно было так, — подумал Юрий с легкой досадой. — Включить защиту, а не понтоваться, не махать руками-ногами... Блин, не мальчик же, а все равно дурака валяю...»

— Послушайте, как вас там, ваша верность, да? — сказал Юрий вслух, подпустив в голос назидательных ноток. — Зарубите себе на носу: я ничей не пленник. Я могу весь ваш гарнизон перебить к чертовой матери, а городок этот паршивый сжечь меньше чем за полминуты. Если я сдуру зевнул вашего арбалетчика, это еще не значит, что я не в состоянии ситуацию исправить. Поэтому засуньте свои барские замашки себе в задницу. Ваше счастье: мне хочется поговорить не меньше вашего, так что пока наши планы совпадают. Но говорить мы будем не здесь и не так. Давайте, ваша верность, расстанетесь со стулом и пойдем куда-нибудь в более подобающее место — канцелярию, каморку, казарму или куда-нибудь еще. Где я тоже смогу спокойно сесть и задавать вопросы. Доступно?

Офицер вопросительно лупал глазами. Потом беспомощно поглядел на своих подчиненных.

Оба десятника рефлекторно потащили мечи из ножен и скомандовали солдатам атаку. Солдаты неохотно пошли на Юрия. Похоже, они уже осознали, что столкнулись не просто с абстрактным чужаком-одиночкой, обычной жертвой, чья участь — сгнить на допросе. Солдатня на любом из миров легче всего верит в силу. Юрий это уяснил давно и прочно.

Не успел Юрий решить, как ему поступить — только обороняться или перейти наконец к наступательным действиям, — и тут заметил, что за пояс офицера, полускрытая плащом, заткнута рукоять лучевой шпаги. И понял, что пришло время для маленькой демонстрации силы.

Он выровнял дыхание с предполагаемым темпом динамики и рванулся вперед.

Офицер скорее всего ничего не успел понять. Миг — и он опрокинулся на спину вместе со стулом. А бывший пленник, обратившись на короткое мгновение в бесплотного стремительного призрака, вдруг очутился совсем в другом месте, метрах в

десяти в стороне, и в руке его сиял тонкий оранжевый стержень.

В этот миг арбалетчики дали второй залп.

Для местных вояк Юрий опять на мгновение исчез, только оранжевый стержень совершил замысловатый танец, сопровождающийся тихим шипением. А когда Юрий снова замер, любой мог видеть, что рядом с ним на темно-коричневой крошке гравия валяются три перерубленные пополам арбалетные стрелы.

— Стоп! — хрипло скомандовал офицер из положения лежа. — Стоп! Не трогать его!

Это распоряжение солдаты выполнили с особой готовностью.

Кряхтя, офицер поднялся. Не стал даже плащ отряхивать.

— Милости прошу в караулку, — обратился он к Юрию. Теперь в его голосе звучало приличествующее смирение. — Там поговорим.

И в сторону:

— Вина и закусок! И живо!

«Вот это другой разговор! — подумал Юрий удовлетворенно. — А то мечами машут, из арбалетов палят... Дикость какая-то».

Из караулки были спешно изгнаны сонные ратники отдыхающей смены. Стол, весь в следах от втыкаемых ножей, наспех покрыли относительно чистой скатертью. Двое подростков в похожих на солдатские плащах (наверное, в рекрутских) принесли блюдо с холодным мясом и салатами да объемистый кувшин и два кубка. Юрию со всей возможной учтивостью предложили резной стул с высокой спинкой; офицер взгромоздился на грубо сколоченный табурет.

«Всегда так, — тихонько вздохнул Юрий. — Пока по шее не накостыляешь, вежливо не заговорят».

— Ну что, ваша верность? — спросил он вслух. — Начнем, пожалуй?

Офицер часто и мелко закивал. Выражение его лица Юрию не понравилось — какое-то слишком подобострастное. На всякий случай Юрий решил не отключать менеджер, пока не вернется за город, к аэроциклу.

— Итак! Тот парень, что поджидал вас в лесу, Борга, это ваш человек?

— Нет. — Офицер отрицательно помотал головой. — Не наш. Это колдун из Руэтты, нас на него навели...

Тут офицер замялся. Видимо, не хотел выбалтывать служебные тайны.

— А что, — начал импровизировать Юрий, — Райма не жалует колдунов?

— Почему не жалует? — возразил офицер. — Король Барнегат, хвала небесам, человек просвещенный. Никакое знание не бывает лишним, даже колдовское.

«Ух ты! — обрадовался Юрий. — Запоминаем: короля зовут Барнегат, и он отнюдь не мракобес. Это сильно упрощает дело».

— Стало быть, король собирает колдунов со всех краев и вытрясает из них знания?

Лицо офицера враз сменило выражение.

— А что? Ты осмелишься осуждать поступки своего короля?

— А кто тебе сказал, что он МОЙ король? — задал встречный вопрос Юрий. — Неужели не видно, что я иностранец?

— Хм... Вообще-то видно. И выговор у тебя непривычный, хоть и вполне понятный, и ведешь ты себя странно. По-моему, ты действительно иностранец, причем откуда-то издалека.

— Правда. Все так и есть. Однако вернемся все-таки к тому, с чего начали. Этот колдун из Руэтты — кто он?

Офицер, как раз наливавший из кувшина вино, удивленно поглядел на пеломенца:

— То есть как это — кто? Колдун. Колдун и есть, что еще можно сказать?

— Он заколдовал моего коллегу. А сам умер. Понимаешь? Мой коллега закатил глаза и ушел в лес, хотя ему там делать совершенно нечего. Вот я и хочу понять, как его заколдовали? Зачем? Как его расколдовать? И почему, тысяча чертей, умер колдун Борга?

О причине смерти вышеупомянутого Борги Юрий уже почти догадался. Но полной уверенности у него все же не было.

Задумчиво отхлебнув вина, офицер поскреб свободной рукой выбритый подбородок и неопределенно пошевелил пальцами правой руки:

— Мне сдается, что, будь я в состоянии отвечать на подобные вопросы, я и сам бы был колдуном, а не командовал бы оравой вооруженных балбесов.

«Логично, — мысленно согласился Юрий. — Ты ведь несколько умнее своих балбесов, поэтому и командуешь ими».

— Отведайте вина, почтенный. — Офицер пододвинул кубок поближе к Юрию. — Розовое раймское, нектар, я уверяю.

Вина стоило попробовать, но для начала Юрий незаметно скормил капельку всеведающему менеджеру. Резюме оказалось малоутешительным: в вине присутствует яд нервно-паралитического характера в дозе недостаточной для смертельного исхода, но вполне способной вырубить Юрия на пару часов.

«Вот гады, — подумал Юрий. — Любезничают с тобой, беседу ведут и тут же отравленное вино подсовывают!»

Сам офицер дул вино вполне беззаботно, так что яд подсыпали не в вино, а в кубок Юрия.

В общем, Юрий сделал вид, будто хочет что-то сказать, неловко повел рукой и выплеснул вино на скатерть. Офицер взглянул на это тоскливым взглядом, и одновременно Юрий почувствовал, что уважения к непонятному иностранцу у офицера прибавилось. Надо же, как ловко выкрутился: и яд распознал, и виду не подал!

— Эй! — рявкнул офицер в пространство. — Ну-ка, прибрали тут, мигом!

Подростки в рекрутских плащах живо навели порядок. Заменили скатерть, вторично наполнили кубок; Юрий внимательно следил за манипуляциями аборигенов, ничего подозрительного не заметил, и тем не менее вторая доза тоже оказалась отравленной. Чертыхнувшись в душе, Юрий дал команду синтезировать противоядие. Медкомплект вколол под кожу капельку спасительной жидкости уже через пару секунд.

Ухмыльнувшись, Юрий приподнял кубок (твое, мол, здоровье, служивый!) и залпом осушил его.

Как ни странно, на вкус вино оказалось очень приятным.

— Розовое, говоришь, раймское? Недурно, недурно!

— А-а-а... — задумчиво протянул офицер. — Да, мне тоже нравится.

Глаза у него стали большими и удивленными, уважения во взгляде еще добавилось. Юрий определенно набирал очки в этом в общем-то бестолковом и малоперспективном поединке.

Впрочем, довольно быстро Юрий понял, что именно ему стоит сделать.

— Ладно, — сказал он офицеру. — Вижу, что ты в колдовстве не слишком-то силен. Давай, знаешь, как сделаем? Поскольку королю Барнегату интересны колдуны, сведите-ка меня к нему. А?

Офицер разве что не просиял. Видимо, он давно ломал голову над вопросом, как доставить своенравного и очень опасного незнакомца в столицу и сдать королевской страже. А то незнакомец от мечей отмахивается, арбалетные стрелы ломает и без видимого для себя вреда пьет отравленное вино.

— Нет ничего проще! Я как раз хотел отправить в Райму курьера. Так поезжайте вместе, охрану я удвою... нет, утрою на всякий случай. Идет?

— Идет, — согласился Юрий. — Когда отправляемся?

— А прямо сейчас, если ничего не держит. Или держит?

— Нет, — вздохнул Юрий. — Не держит. Вот только вино допьем...

Офицер тут же отдал команду готовить лошадей.

Выехали минут через сорок. Под легкий винный шум в голове.

Глава пятая
КОЛДУН

На аэроцикле Юрий добрался бы до Раймы раз в двадцать быстрее. А так пришлось елозить филейной частью по жесткому, как чемпионская оборона, седлу и таращиться на сомнительной красоты придорожные пейзажи. Не будь местная природа обезображена цивилизацией, все выглядело бы не так уж и плохо. Но природа была обезображена. Увы и ах.

Вместо свежего зеленого луга — невольничий лагерь. Со щелканьем бича и звоном цепей на кандалах. Вместо кристальной чистоты ручья — поганая сточная канава. Вместо... А, что там говорить!

Юрий взирал на все это из-под насупленных бровей. Не нравилась ему наблюдаемая картина. Ох не нравилась.

— Это кто? — спросил он у ближайшего солдата, худющего как жердь мечника. — За что их пленили?

— Это? — отозвался худющий. — Это бунтовщики. В лесах под Алгомой и Таулектом шалят. Недавно наши с дагомейцами объединились да и прошерстили леса как следует, и по нашу сторону границы, и по ихнюю. Авось спокойнее станет.

— А что им не по нраву? Зачем бунтуют?

— Гады потому что, вот и бунтуют, — лениво пояснил солдат. — Нет чтобы сеять или, там, ремеслами промышлять. Так они за оружие берутся, тьфу ты.

Юрий хмыкнул:

— Ты небось тоже не сеешь и ремеслами не промышляешь...

— Я — на государевой службе. Тоже вроде как ремесло, если вдуматься.

— А как ты на службе оказался, а? — поинтересовался Юрий.

Мечник тотчас насупился.

— За взятку, — буркнул он и отвернулся.

Больше на вопросы Юрия он не реагировал. Даже не оборачивался в его сторону. Да и остальные стали держаться от Юрия подальше. Только однажды он уловил тихое «колдун» из-под надвинутого в честь снова зарядившего осеннего дождичка капюшона.

Но Юрий запомнил, что в этом мире колдунам врать не решаются.

А к вечеру явственно обозначилась близость к морю, а там и городские стены стали видны.

Райма. Цель группы Юрия. Где-то тут должны находиться и одурманенный чем-то Роман Матвеев, и его брат Семен, и сержант Беркович — правая рука и верный напарник.

Не впервые Юрию приходилось бывать в городах на отсталых феодальных планетах. В сущности, все они оказывались во многом схожими меж собой. Как планеты, так и города.

Райма была заметно больше любого из виденных городов. Она располагалась на берегах обширной круглой бухты, частью на прибрежных скалах, частью на плоских террасах, частью у самого прибоя, на серой, как море осенью, гальке. В море далеко выдавалась длинная, чуть изогнутая коса, но не песчаная, а сплошь каменная. На торце ее, дикой глыбе высотой метров семь, очень не хватало одинокого маяка.

Но настоящим чудом показался Юрию королевский замок. Частично он был вырублен в огромной, нависающей над бух-

той скале, частично надстроен над этой самой скалой. Высоченные шпили, украшенные каменными и лепными завитушками, башни, неприступные стены.

Этот замок штурмовать разве что при помощи аэроциклов, которых у аборигенов, понятное дело, нет.

Дорога, перевалив через седловину меж двух вздымающихся над бухтой холмов, полого пошла к морю. К центральной городской площади перед самым королевским дворцом. Райма была видна как ладони — замысловатой формы кварталы, прихотливо изгибающиеся улочки, пятна площадей, на которых шевелились похожие на муравьишек горожане, рыночные ряды.

Красивый город. Красивый даже в этот мутный осенний вечер.

Перед курьерской охраной ворота распахнули без всяких проволочек. Солдаты из городской стражи приветственно потрясали алебардами и ревели в десяток глоток какие-то местные ободряющие кличи. Если по дороге отряд шел в основном на рысях, то еще на спуске к городу перешел в шальной галоп и по улицам несся в том же бешеном темпе. Прохожие заполошно жались к домам. Звенели о булыжник подковы, высекали желтую искру.

Курьера, начальника охраны и Юрия сразу же пропустили за дворцовые ворота. Солдаты остались снаружи, у казарм, под вывешенным королевским флагом.

За очередными воротами пришлось спешиться; курьер и десятник даже разоружились. Юрия тщательно обыскали мрачные темнокожие гиганты в лиловых накидках. Снаряжение разведчика-диверсанта они оружием не сочли.

Далее последовали в кольце дворцовой охраны. Курьер чуть впереди, Юрий следом. Десятник остался. Казалось, дворам, аркам и лестницам не будет конца. Потом стало казаться, что комнатам и коридорам тоже не будет конца.

А вскоре Юрий сначала решил, будто вновь вышли под открытое небо, и лишь секунду спустя сообразил, что это просто невообразимо большой зал. Ярко-ярко освещенный.

В зале было полно людей. Во-первых, все той же стражи. Во-вторых, разряженных женщин и еще роскошнее разряженных мужчин с декоративным оружием. В-третьих — снующих туда-сюда слуг.

Пировали в зале. Со впечатляющим размахом.

Часть пирующих расположилась за длиннющим столом. Часть беседовала около стены, покрытой чудовищных размером гобеленом, на котором были изображены сцены охоты на разнообразную бегающую живность. Многие плясали какой-то замысловатый танец под развеселую мелодию. Музыканты наяривали откуда-то с балкончика; особенно ярко прослушивались партии ударных и чего-то ритмично-струнного.

Юрий в нерешительности замер под аркой. Аудиенция у короля представлялась ему совсем иначе — может быть, и не тесная комната, может, просторная, даже наверняка просторная, но обязательно погруженная в таинственную полутьму, и уж точно не такая людная. Только король в кресле, похожем на трон, парочка советников со въедливыми взглядами да стража. И непременно тусклые отсветы на доспехах и обнаженных клинках...

— Нам не сюда. — Юрия взяли за плечо. — Нам дальше.

Его увлекли мимо арки, ведущей к пиру и свету. Высокий сводчатый коридор почти сразу свернул, и стало заметно темнее и тише. Только шаги негромко отдавались в воцарившейся тишине да долетал далекий гул празднества.

Коридор явно огибал трапезный зал снаружи. По ощущениям Юрия, должны были уже оказаться за дальней стеной. Именно в этот момент один из стражников жестом приказал остановиться. И именно в этот момент Юрий осознал, что ближайшая стена — не каменная. Вместо стены откуда-то сверху, из царящей под сводами коридора темени, свисает тяжеленный плотный занавес, фактурой и рисунком практически неотличимый от камня. Предводитель стражников нырнул за него и вернулся спустя примерно минуту.

Тотчас за занавес нырнул курьер. Юрия продержали в коридоре еще минут пять, прежде чем очередной показавшийся из-за занавеса стражник поманил его рукой:

— Входи! Да не забудь за порогом преклонить колено...

«Правое или левое?» — успел подумать Юрий, отодвигая тяжелую и неподатливую ткань.

Его ввели в узкую полутемную комнату. Именно такую, какая представлялась, Юрия даже пробрала мгновенная оторопь.

Несколько факелов; кресло на возвышении; человек в короне, сидящий в нем; трое советников рядом; стражники; тусклые отсветы на доспехах и обнаженном оружии. Боковым зрением Юрий засек также нескольких арбалетчиков в темных углах.

— Человек, назвавшийся колдуном-чужестранцем, приветствует его величество короля Данкартена Рика Барнегата!

Ощутимый тычок в спину; Юрий сделал шаг вперед и интуитивно преклонил правое колено.

Он угадал. Или не угадал, но это не имело значения.

Совершенно седой человек на троне властно взмахнул рукой и сказал:

— Встань и подойди ближе!

Голос и интонации были истинно королевские.

Юрий лихорадочно пытался сконструировать первую фразу. Наверное, следовало поприветствовать местного монарха.

Как-то все сложилось неожиданно быстро и по совершенно иному сценарию, нежели Юрий пытался просчитать и воплотить в жизнь еще вчерашним утром. Вместо неторопливого внедрения в монаршее окружение — молниеносный визит, основанный всего лишь на ничем не обоснованном утверждении начальника близкого к столице гарнизона. Будто бы король жалует колдунов.

Впрочем, в карьере разведчика Юрия Шевелы случались натяжки и поинтереснее. Безусловно, он рисковал, сунувшись в самое логово местного царька. Но профессия разведчика неизбежно сопряжена с риском, а когда вдобавок приходится выручать коллегу и подчиненного — риск, конечно же, возрастает.

Король внимательно изучал посетителя. Молча. Разглядывал из-под кустистых светлых бровей.

Руки короля Барнегата были заняты: баюкали и гладили здоровенного рыжего кота. Кот довольно жмурился и урчал, как электродвигатель на высоких оборотах.

— Так, значит, ты колдун?

— Да, ваше величество, — отозвался Юрий.

К архаичным обращениям он прибегал не впервой, успел привыкнуть. А по первым порам странно было подобное про-

износить и еще более странно было слышать подобное из собственных уст.

— Из каких краев?

Юрий выдержал изучающий взгляд в упор.

— Из далеких, ваше величество. Во всяком случае, — Юрий припомнил разговоры с аборигенами, — не из Данкартена. И даже не из Дагомеи.

— Какую магию практикуешь?

— Ваше величество достаточно сведущ в магии, чтобы действительно понять ответ?

Король нахмурился. Возможно, ответ Юрия и представился ему чересчур дерзким, но ни он сам, ни советники не выказали недовольства.

— Полагаю, что достаточно.

— Отлично. В таком случае я специализируюсь на магии субъядерных частиц и сильных взаимодействий.

Говоря это, Юрий хранил на лице бесстрастно-самоуверенное выражение.

Лицо короля тоже осталось бесстрастным.

— Никогда ничего подобного не слышал, — признался король. — Это что за магия? Воды, огня, воздуха? Или, может быть, земли?

— Хм... — Юрий ненадолго задумался. — Вообще-то мое искусство имеет отношение ко всем четырем стихиям. Но, полагаю, ближе всего оно лежит к магии огня.

Король кивнул и рассеянно погладил кота, рыжего, как магия огня.

— И кто же ты на самом деле? По вашей классификации? Колдун, чародей, маг, некромант?

— Маг, — коротко ответил Юрий, не подозревая, почему выбрал именно мага. Наверное, по звучанию.

И подумал: «Видимо, это только для непосвященных тут все колдуны. А для сведущих уже важны тонкости».

— Ты можешь продемонстрировать что-нибудь из своего магического арсенала? Говорят, ты рассек несколько арбалетных стрел на лету?

Юрий, чувствуя близкую проверку, потихоньку переместил рукоять лучевой шпаги в ладонь и дал готовность. Оранжевый

плазменный шнур теперь мог вырваться на свободу в любую секунду.

В тот же миг один из стражников швырнул в Юрия массивный трехногий табурет. То есть только потом стало ясно, что это табурет. Сначала Юрий на голых рефлексах рассек его лучом, от одного обломка увернулся, а второй сшиб на землю ногой, в красивом прыжке с полупируэтом. Как на тренировке.

— Браво! — Король на миг оставил кота и зааплодировал. — Действительно, похоже на магию огня. Хорошо, я вижу, что ты не трепло и не мошенник, как большинство так называемых колдунов. Я поговорю с тобой еще, но позже. А пока побудешь моим гостем.

— Быть гостем вашего величества — честь для меня, — пробормотал Юрий, убирая шпагу в рукав.

Видимо, ответ пришелся королю по нраву.

— Отведите его в гранатовый покой. И пришлите слуг, пусть подадут вдоволь блюд и напитков с моего стола.

И — снова Юрию:

— Кстати, в гранатовом покое неплохая библиотека. Рекомендую. Любому магу она будет интересна.

— Я непременно воспользуюсь рекомендацией вашего величества, — искренне заверил Юрий.

«Но только после того, как отдам должное блюдам и напиткам с королевского стола, — додумал он секундой позже. — Это, определенно, приятнее, чем несколько часов кряду трястись в седле. Ей-же-ей...»

Блюда и напитки с королевского стола оказались получше, чем в «Белом кентавре». Особенно напитки. Юрий поглощал оленью лопатку в красном соусе, запивал восхитительным красным полусухим, которое вполне могло соперничать с настоящей «Хванчкарой» или «Офелией», и размышлял: отчего технологии в большинстве колоний приходят в упадок, а вот поварское искусство, виноделие и пивоварение почему-то, наоборот, развиваются? Парадокс ведь. Может быть, потому, что настоящая пища и напитки должны готовиться с минимальным участием достижений цивилизации? Что цивилизация лишь отнимает время, заставляя спешить и потому питаться суррогатами быстрого приготовления, а здешний люд никуда не то-

ропится? И может хоть полдня посвятить приготовлению той же оленьей лопатки? А вторые полдня — ее поглощению?

Может быть, в этом-то и весь вопрос? В спешке и свободе от спешки?

Предаваясь неожиданно навалившимся философским мыслям, Юрий не заметил, как прошло больше двух часов. Он даже на книги не успел толком посмотреть.

Король явился с присущей средневековью помпой. Сначала вошел глашатай, закатил речь на полминуты, перечислил титулы (титулов, кстати, было совсем немного: король Данкартена и владыка каких-то там берегов). Молчаливые советники, хвостиком следовавшие за монархом, пристроились у неизменного кресла на возвышении. В кресле еще совсем недавно сидел Юрий.

В каждом помещении дворца, похоже, имелось такое кресло. Будь Юрий королем, непременно бы издал указ «О недопущении сидения в кресле лиц некоролевской крови» или что-нибудь в этом роде. Что-нибудь такое, напыщенное и до ломоты зубовной бюрократическое.

Но если дела обстоят именно так, Юрию сейчас выразят укоризну в присущей феодальному обществу форме. На кол, например, посадят... Когда он ужинал в этом кресле, о последствиях как-то не задумывался.

Но король Барнегат или не издавал никаких кресельных указов, или был настолько свободен от всяких условностей, что пренебрегал мелочами вроде гостя-чужеземца в монаршем кресле. Король просто прошел через комнату и занял подобающее королю место.

Тут же явился и рыжий кот, первым делом вспрыгнувший на стол и исследовавший остатки пиршества.

— Смею выразить признательность вашему величеству! — на всякий случай поблагодарил Юрий и поклонился. — Кухня великолепна! Просто великолепна!

Король величаво кивнул. Кажется, Юрий вел себя более или менее правильно. В конце концов, какой хозяин не примет расшаркиваний гостя?

Стража незаметно растворилась в полумраке. Только освещенный свечами стол в центре покоя, король подле стола и

Юрий в пяти шагах от короля остались в желтоватом пятне света. Даже советники отступили в тень.

— Итак, чужеземец! Настало время потолковать более подробно. Назови свое имя. И титул, если он у тебя есть.

— Меня зовут Юрий, Юрий Шевела, — ответил разведчик. — Что до титула, то в моих краях титулам до такой степени не придают значения, что я даже и не знаю, существовали ли в моем роду какие-нибудь титулы или нет.

Король внешне не высказал удивления:

— А как же вы отличаете вельможу от простолюдина?

— По делам его, — пожал плечами Юрий. — Уважение и почет в моем мире зависят исключительно от роли, которую человек исполняет в обществе. Наш министр, уверяю вас, пользуется не меньшим уважением, чем министр вашего величества.

— Занятно, — сказал король. — Я читал о подобном общественном устройстве, но оно показалось мне решительно невозможным. Впрочем, ладно, меня интересует совсем другое. Я давно интересуюсь магией, Юрий Шевела, и порой просто не знаю, что думать на этот счет. Десятки тех, кто мнил себя колдуном или корчил из себя чародея, стояли у подножия этого трона. Но все или почти все оказывались бессильны против мечей королевских стражников. Мне кажется, что истинный маг не позволит себя зарубить. И потому чаще мне представлялось, что магия — просто выдумка хитроумных негодяев. С другой стороны, ведь происходят иногда чудеса? Вот ты при помощи огненной магии рассек тяжелый дубовый табурет, который неизбежно размозжил бы тебе голову, не сделай ты этого. Я сам видел. Значит, магия существует? Скажи, маг: существует ли она? Или это очередной ловкий фокус, а ты — очередной мошенник? Признайся, если так, лучше сразу признайся, потому что правду все равно не удастся таить достаточно долго. А сбежать тебе не дадут, можешь быть уверен.

Еще посередине этой вдохновенной тирады Юрий понял, как нужно ответить.

— Ваше величество! — пылко произнес разведчик. — Я действительно уберегся от табурета посредством искусства. Искусства многих моих соотечественников. Можно его назвать и магией, но ведь дело не в названии, как мне кажется. Магию,

которой я пользуюсь, правильнее было бы называть наукой. Я не понимаю, как именно действует то или иное... хм... заклинание, но я точно знаю, что нужно сделать, чтобы оно подействовало.

— Не понимаешь? — нахмурился король. — Как так — не понимаешь? Или ты не маг?

— Ваше величество, — продолжал Юрий. — Заклинаний настолько много и они такие непохожие друг на дружку, что самый умный и талантливый человек не в состоянии выучить за всю жизнь хотя бы сотую их часть. Мы решили вопрос таким образом, что каждый из нас разбирается в одном или нескольких, разбирается по-настоящему глубоко и по возможности полно. А остальными просто пользуется, не вникая в суть. Получается, что все вместе знают все, а по отдельности — каждый малую толику. Но пользоваться могут все всем.

— И в каких заклинаниях разбираешься ты?

— Большею частью в боевых, ваше величество. Я ведь солдат.

— Солдат? — Король нахмурился. — Солдат-одиночка? В моем дворце? Иными словами — шпион?

Юрий чуть склонил голову; король быстро схватывал суть. Но Юрий был вполне готов к такому повороту событий.

— Ваше величество, много ли проку от шпиона, который пришел и сразу заявил, что он шпион? Я не прячусь, поскольку убежден, что мы можем быть полезны друг для друга. Вы, как мне кажется, прекрасно это понимаете. Меня должно рассматривать скорее как посла. Посла без верительных грамот.

Король испытующе глядел на Юрия, а пеломенский разведчик чуть ли не кожей чувствовал тугое натяжение арбалетных струн. Пальцы Юрия сомкнулись на рукояти лучевой шпаги, оранжевый шнур в любой миг мог вонзиться в полумрак гранатового покоя.

— Значит, ты предлагаешь свою магию в обмен на что-то, что есть у меня? — задумчиво протянул король.

«Ишь ты! — оценил Юрий. — Ловок дядя! Я ему еще ничего не предлагал, а он уже готов прибрать к рукам мою, так сказать, магию!»

Впрочем, хорошему королю и политику, каким, без сомнения, являлся Рик Барнегат, и полагалось быть именно таким. Шустрым и цепким.

— Ваше величество! Вопрос стоит не совсем так. Я не могу отдать вам магию или посвятить в нее. Это слишком сложный процесс, он не для одного-двух человек и даже не для сотен. Если этот процесс затронет Данкартен, он затронет каждого вашего подданного.

— Ладно. — Король, кажется, торопился. — Это, в конце концов, детали. Для начала я хочу услышать, что ты желаешь получить взамен.

Условия Юрий сформулировал в уме достаточно давно.

— Мои интересы таковы: во-первых, исследовать ваш дворец, а во-вторых, отыскать своего коллегу, который пропал вчера под вечер. Мне кажется, он где-то здесь, в Райме.

Во время этой фразы король почти не переменился в лице. Почти.

Но даже самой крошечной перемены было достаточно Юрию, чтобы понять: он попросил нечто невероятно важное.

— А что именно ты хочешь исследовать во дворце? — поинтересовался король.

— Подземелья, — невозмутимо уточнил Юрий. — А возможно, и глубже придется заглянуть, в самые корни здешних скал.

Король резко вскочил; Юрий невольно отшатнулся. В следующий миг король громко и сухо щелкнул пальцами; в гранатовый покой ненавязчиво просочились человек двадцать и принялись сноровисто зажигать свечи и расставлять их по большим ветвистым подсвечникам, которые Юрий сначала принял за декоративные вешалки для одежды. Скоро в комнате стало светло, как в боевой рубке во время боя.

Новый щелчок пальцами — слуги и даже стражники начали дружно покидать гранатовый покой. Юрий удивленно проводил стражников глазами. Через пару минут остались только король, троица советников да четверо арбалетчиков, неслышно выползших из углов и окруживших Юрия. Арбалетчики были все как один угрюмые и мрачные. На свету стало заметно, что у них отсутствуют ушные раковины, а когда тот, что стоял между Юрием и королем, шевельнул губами — оказалось, что и язык у него отрезан. Так же, надо понимать, как и у остальных.

«Для полноты картины им бы еще глаза выколоть, — подумал Юрий, ощущая прогулявшийся по спине азартный холодок. — Хотя тогда бы они стрелять не смогли...»

— Ну-ка, — проскрипел один из советников, сухой неприятный старикашка, — выкладывай, что тебе известно о подземельях родового замка Барнегат?

Юрий на всякий случай выдержал паузу, во время которой попытался наскоро проанализировать ход разговора. Никаких фатальных ошибок он навскидку не обнаружил.

— Ничего не известно, — наконец сообщил он.

— Почему же ты тогда интересуешься именно подземельями? И даже глубже готов заглянуть? А, чужеземец? Отвечай, не темни!

Юрий еще несколько секунд поразмыслил и решил идти ва-банк.

— Мне действительно ничего не известно. Только то, что там, под замком, возможно, скрывается нечто ценное для меня и моих соотечественников.

— Что именно скрывается? Драгоценности? Золото?

— Знание, — коротко ответил Юрий. — Причем такое знание, которое может оказаться не по зубам и вашим мудрецам, и даже мудрецам моего народа. Но мы по крайней мере умеем разгадывать столь сложные загадки. При всем уважении к Данкартену и вашему величеству я боюсь, что самостоятельно вы вряд ли поймете, с чем столкнулись.

— Имеет ли это отношение к вашей непростой магии? — жестко спросил король.

— Имеет, — не стал кривить душой Юрий. — Самое непосредственное отношение. Возможно, там скрыта заброшенная база... э-э-э... заброшенный подземный лагерь народа, который разбирается в магии и науке гораздо лучше, чем мы. Мои правители послали меня узнать — действительно ли там что-нибудь кроется, или это все неправда. Ваше величество, поверьте, я рассказал вам все как есть. Причем добровольно и без принуждения. Я открыт и готов к сотрудничеству.

— Я это оценил, — буркнул король и только сейчас медленно опустился назад, в кресло. — Черт возьми! Наши фамильные секреты известны уже далеко за пределами Данкартена! Юрий Ше-

вела, прежде чем мы будем говорить дальше, ты должен рассказать мне без утайки: откуда тебе известно, что под замком Барнегат кроется нечто... нечто доселе не познанное?

— А оно там кроется? — вопросом на вопрос ответил Юрий. — Действительно кроется?

— Не знаю, — машинально сказал король, но, осознав, что теряет инициативу, выпрямился в кресле и насупился. — Ты не ответил, — напомнил он.

— Все просто, ваше величество. Мы нашли карту. Старую-старую карту, которая недвусмысленно показала на это место. Только замка Барнегат на этой карте нет и в помине. И города никакого нет, вот мы и решили, что замок с городом возникли уже позднее.

— Карта при тебе?

— Нет, ваше величество.

— В карте указано, что именно кроется под замком?

— Нет, не указано. Но дело в том, что карта — это не просто лист бумаги или кожи с нанесенным рисунком. Нет, карта магическая. Она рисует весь ваш мир и выделяет единственное место на этом мире — место, где теперь стоит этот замок.

Король быстро переглянулся с советниками.

Во время короткого безмолвного диалога Юрий снова наскоро оценил ситуацию; мозги от интенсивной работы плавились и пухли чуть ли не буквальном смысле — Юрий ощутил, что у него повысилась температура. Минимум на полградуса.

Анализ заставлял сделать вывод, что королю и его приближенным также известно, что под замком прячется некая тайна. Но ни о природе этой тайны, ни даже о точном местонахождении им ничего не известно. Вероятно, Барнегаты уже предпринимали попытки отыскать чужую базу, полагая, что ищут сокровища предков или еще чьи-нибудь сокровища. Средневековые аристократы всегда ищут сокровища. Но все эти попытки закончились ничем. Тайна осталась тайной. Барнегаты ничего не нашли, в том числе не нашли и доказательств ошибочности своих убеждений.

В этом случае у Юрия открывались неплохие шансы выполнить задание. Договориться с королем или, на худой конец, удрать и просканировать подвалы, а если придется — то и породу под дворцом-замком он всяко сумеет.

Но оставалось одно «но».

Юрий Шевела, пеломенский разведчик, страшно не любил терять подчиненных. Поэтому ему сначала нужно было вытащить Романа Матвеева, а заодно и сержанта Берковича со вторым близнецом. А потом уж сканировать подземелья.

И на его месте так поступил бы любой разведчик.

Потому что задания придумывают генералы, а исполняют солдаты и офицеры в невысоких чинах. И у всех свои законы и свои понятия о чести.

Глава шестая
ФОРТОЧНИК

На ночлег Юрия устроили в примыкающем к гранатовому покою зале. Именно зале — комнатой назвать это просторное помещение язык не поворачивался. Собственно, покоем наверняка считался именно этот зал — с огромной кроватью посредине, с бордовым балдахином над кроватью, с бездной пуфиков, диванчиков, кресел, ковров, с исполинским камином. А комната, где Юрий общался с королем, служила неким «предбанником», прихожей.

«Хорошая прихожая, — подумал Юрий, глядя, как пожилой лакей старательно взбивает подушки. — Целая библиотека помещается!»

Пока слуги хлопотали по хозяйству, разведчик решил наконец взглянуть на книги.

Книг было сотни четыре. Задумчиво проведя рукой по солидным кожаным переплетам, Юрий наугад вытащил средней толщины том.

Книга называлась «Песнь о храбром Годарде Стелле, сокрушителе дагомейских твердынь во времена царствования Дерека Барнегата Великого» и содержала около семисот страниц нерифмованного, но подчиненного определенному стихотворному ритму текста с примечаниями, комментариями и ссылками. Имелись также и рисунки. Авторство указано не было.

Водрузив «Песнь» на законное место, Юрий взял книгу с другой полки. На этот раз попался «Трактат о целебных травах, плодах и кореньях, произрастающих на южном побережье от Раймы до Диожама», принадлежащий перу некоего Мангофара Виргорта.

Лениво переходя от полки к полке и от шкафа к шкафу, Юрий установил, что Энхар Буданер-младший неплохо разбирался в лошадях и холодном оружии, Агадеон имел много амбиций при весьма поверхностном знании географии (не называть же местную науку данкартографией?) и полном отсутствии знаний по планетологии, что фамильными историками при династии Барнегатов являлись Де-Гроувы и Нестреды, что около пятидесяти лет назад модно было писать поваренные книги, что в библиотеке гранатового покоя тома стоят не как попало, а в строгом хронологическом и тематическом порядке, и еще много чего установил.

Самым примечательным оказался последний, угловой шкаф. Точнее, верхняя его полка. Книги на ней даже выглядели несколько иначе, хотя были оправлены все в ту же тисненую кожу.

Едва открыв первую книгу с этой полки, Юрия взяла минутная оторопь.

Текст был не рукописный, а типографский.

Полковник Р. Холлидей. «Наставление по штурманскому делу».

Под названием косо красовался фиолетовый штемпель: «Рейдер «Британника». Аварийная распечатка».

«Наставление» было безнадежно устаревшим.

«Черт возьми! Да тут, похоже, собраны книги первопоселенцев!» — подумал Юрий.

Но порыться в старых книгах ему не пришлось: лакей, который недавно взбивал подушки, исполненным величавой вежливости тоном доложил, что «сэр маг могут отдыхать!».

Поскольку на сегодняшнюю ночь у Юрия имелись определенные планы, исследование заманчивой полочки пришлось отложить на неопределенный срок.

Слуги незаметно рассосались — кто куда. Юрий остался в покое совершенно один. Обратившись к менеджеру экипировки, он вызвал локализатор и считал показания с датчика Романа Матвеева. Потом обработал их.

Стажер прекратил равномерно двигаться на северо-восток. Теперь он пребывал в неподвижности. Причем недалеко — в нескольких километрах севернее. Стало быть, он в Райме.

Сержант со вторым стажером тоже объявились здесь же, в городе. Похоже, они успешно выследили Романа, поскольку находились неподалеку, и продолжали медленно подбираться к нему.

Рассеянно отхлебнув вина прямо из кувшина (после проверки на токсичность, разумеется), Юрий, не раздеваясь, повалился на необъятную, как военный космодром, кровать и привычным усилием воли велел себе выключиться на два часа.

Биологический хронометр вкупе с биологическим будильником ему разбудили еще в ранней юности.

Ровно через два часа Юрий вздрогнул и открыл глаза. Он не понимал, как работает живущий в его мозгу будильник. Но тот не подводил ни единого раза за полную разнообразных неожиданностей жизнь разведчика. Вот и сейчас Юрий пробудился от глубокого, лишенного сновидений беспамятства без видимых причин. Просто открыл глаза и сел на краешке кровати.

«Пора, — подумал он. — Ночь уже».

Он встал на ноги, потянулся и привычно прислушался к себе. Тело и снаряжение полнились готовностью к любым подвигам.

«Ну, — прошептал Юрий, — удачи тебе, агент Шевела...»

Валентин и Сема до Романа еще не добрались — их разделяло несколько сотен метров, и в данный момент все трое оставались неподвижными.

«А я снимусь, пожалуй, с насиженного места, — подумал Юрий. — Как ни хорош гранатовый покой, ночь провести придется на улицах».

И вернуться к утру тоже придется. Незаметно и обязательно. Потому что общение с королем вполне может оказаться залогом успешно выполненного задания.

Ночное зрение менеджер в активном режиме обеспечивал автоматически. Юрий скользнул в «предбанник»-библиотеку. Так же тихо и пусто.

Дверь заперта — стало быть, король хоть и провозгласил пеломенца гостем, относится к нему все равно как к пленнику.

«Ладно, переживем, — подумал Юрий. — Спасибо, что не в сырой темнице ночевать заставили...»

Впрочем, темница вряд ли отменила бы ночную вылазку в город. Хотя из темницы выскользнуть было бы, безусловно, труднее.

Запор был замысловатый и вдобавок с секретом. Но Юрий справился.

Память услужливо подсунула схему переходов и коридоров, по которой Юрию пришлось вчера вечером пройтись. Выбрав оптимальный маршрут, Юрий заскользил вдоль стен, похожий на испуганное привидение.

Ночной патруль впереди; менеджер послушно врубает маскировочный модуль. И без того малозаметный силуэт разведчика подергивается полупрозрачной рябью и сливается с фоном — шероховатой и пыльной стеной коридора. Трое стражников, погромыхивая доспехами, шествуют мимо, ничего не заметив. Когда звук их шагов затихает вдали, Юрий снимает маскировку.

Можно, конечно, все время идти в режиме невидимки, но заряд стоит поберечь для более важных деяний.

За неполный десяток лет операций всего лишь однажды Юрий остался совсем без энергии и об этом случае предпочитал вспоминать как можно реже.

Вот и вчерашний зал, где пировали. Вовсю разносится могучий храп — некоторые гуляки, надо понимать, ночуют рожами в блюде с холодцом. Что ж, их право... Есть и стража, но стража занята подъеданием с барского стола нетронутых блюд и, разумеется, винными кувшинами разной степени наполненности. Это отрадно — для пеломенского разведчика.

Снова коридоры, снова стражники у приоткрытой двери. Эти всецело обратились в слух: из-за двери доносятся откровенные женские стоны и утробное порыкивание кавалера.

Юрий перетекает мимо.

Вот и открытое подворье, над которым нависли низкие звезды. Любой космолетчик счел бы их тусклыми, но работа Юрия протекает в основном на планетах, поэтому он готов считать их достаточно яркими. Особенно вон ту, необычно шуструю, движение которой заметно даже невооруженным глазом.

Спутник какой-нибудь, не иначе. Следящий или ретрансляционный. И хорошо, если пеломенский...

Слабый, но отчетливый запах конского пота, навоза и сена — где-то неподалеку конюшни. А вот и первая из внешних стен. В зарослях плюща лениво журчит богатой струей оправляющийся стражник. Подлать бы его под голую задницу сапогом, да нельзя. Ведь Юрий — невидимка. Невидимка с отключенным модулем маскировки. Хотя припечет — включит он модуль, никуда не денется.

Стена и здесь шероховатая, да вдобавок почти сплошь увита плющом. Влезть на такую — задача даже для инвалида не особо сложная.

А вот на гребне — сюрприз: во-первых, какая-то жирная и липкая дрянь вроде солидола, а во-вторых, металлические шипы и битые стекляшки, намертво вмурованные поверх камня.

Ну, если вовремя заметить, сюрприз невеликий.

Юрий аккуратно «подстелил» поле под ладони и перемахнул через стену, как прыгун-легкоатлет через планку.

За стеной — ров. Как положено: тина, лягушки. Юрий его запомнил, когда шли, поэтому через стену лез как раз у моста. Рядом с мостом, естественно, караулка и стражник, но уж лучше со стражником разобраться, чем позорно увязнуть в вонючей жиже.

Впрочем, со стражником и разбираться не пришлось. Стражник стоял на мосту и, задрав голову, пялился на звезды. С его точки зрения, звезды казались яркими, потому что стражник то и дело качал головой и цокал языком. Улучив момент, Юрий шмыгнул мимо, оставляя вояку-мечтателя опираться на алебарду и глядеть на испещренное синеватыми искрами небо.

«А дисциплина-то у них того... Хромает, — подумал Юрий рассеянно. — Войны, что ли, давно не было?»

Без приключений и задержек одолел и вторую стену, внешнюю. За ней притих ночной город. Направо мерцала огоньками рыночная площадь. Там многие не спят — возможно, торговля продолжается даже ночью, а возможно, купцы расслабляются после напряженного трудового дня. Пьяные песни, во всяком случае, оттуда доносятся. Налево — вырисовываются на фоне неба резные башенки богатых кварталов. А прямо — сплошная темень за площадью, лишь кое-где разбавленная редкими красноватыми точками факелов.

Одурманенный Матвеев — там, на севере. В трущобах бедного и малоблагополучного района, рабочей слободы.

Но и там кое-кто не спит.

Юрий трусцой пересек площадь и углубился в лабиринт городских улочек.

Камень под ногами очень быстро сменился грязью: улицы замостили только вокруг королевского дворца да в богатых районах столицы. А Юрий от всего этого удалялся.

Драные уличные коты провожали его задумчивыми взглядами.

Изредка сверяясь с локализатором, Юрий пробирался ночной слободой. Обманчивая темень скрывала вывороченные из мостовой в более благополучных районах и перенесенные сюда булыжники, прятала в себе кучи мусора и отбросов. Ночное видение помогало не вляпаться во встречные сюрпризы вроде зловонной лужи или мертвой полуразложившейся собаки.

«Контрасты, — философски подумал Юрий. — Где их нет? Гранатовый покой в королевском дворце и эта душная улица — что может разниться сильнее?»

Локализатор привел его к угловому двухэтажному дому. Дом стоял несколько в глубине двора, отделенного от улицы гнилым дощатым забором. Низкие темные сараи примыкали к дому; от калитки вела посыпанная шлаком (из ближайшей кузницы, наверное) дорожка. В окнах дома клубилась плотная, непроницаемая даже для ночного зрения тьма.

Роман был там, в доме. На втором этаже в боковой комнате. Свернув за угол, можно поглядеть в окно этой комнаты. Хотя там может и не оказаться окна.

Быстрая команда менеджеру; биосканер услужливо показывает расположение живых объектов в пределах дома. Юрий поморщился и тронул масштабирование: мелкие зверушки размером с мышь его совершенно не интересовали. Кошки, впрочем, тоже.

Шесть человек, включая Романа, и крупная собака. Или какой-нибудь другой зверь сходных размеров.

Всего лишь шестеро! Задача упрощалась.

Смущала только какая-то непонятная мелочь. Словно разведчик увидел нечто важное и необычное, однако никак не удается понять — что именно?

Юрий повертел головой — огляделся. Валентин с Семой, по-видимому, находились в близлежащем кабаке. На самом пороге слышимости оттуда доносились голоса и обрывки музыки. Если бы не фоновый усилитель, Юрий вряд ли уловил бы эти звуки.

«Странно, — подумал Юрий. — Подобраться так близко и выжидать? Или их что-то держит? Приказ, конечно, приказом, но своих полевики привыкли выручать даже вопреки приказам.

По идее, сержант и стажер давно уже должны были освободить Романа. Но они застряли в кабаке. Все-таки выжидают? Но чего? Или почуяли в этом странном доме нечто такое, чего пока не ощутил я?»

Юрий прошел вдоль забора, свернул. Окно из комнаты, где находился Роман, выходило на перпендикулярную улицу — такую же пустынную и грязную. Напротив располагался длинный, похожий на барак домина, этот стоял прямо на улице, без всякого забора. Грязная, поросшая какой-то белесой мохообразной дрянью кладка, маленькие подслеповатые окна, нахлобученная, будто шляпа в непогоду, двускатная крыша...

Дом сиротливо жался к соседу, внешне похожему как две капли воды, но почему-то не вызывающему в душе такого щемящего чувства, такой пустоты в груди.

«Что-то тут неладно, — забеспокоился Юрий. — И дело вовсе не в доме, где прячут Романа (а кто, кстати, прячет?). Дело в длинном доме напротив».

Лилась оттуда какая-то неосязаемая чернота, точно лилась.

Юрий вздрогнул.

Он никогда не считался хорошим сенсориком. Чувствовал биоэнергетику лишь на самом примитивном уровне. И сейчас Юрия словно окунули в бочку с затхлой застоявшейся водой.

«Так-так-так! — подумал он тревожно. — Что-то тут происходит! Черная месса, будь она неладна?.. Но кто здесь угнездился? Колдуны какие-нибудь, местные маги?»

Борга, который преставился после нейросканирования, был колдуном — по крайней мере так говорил офицер из селения, где «Белый кентавр». Что-то предназначавшееся Борге невольно подцепил примеривший на себя свежеснятую матрицу Роман Матвеев. И пришел сюда — пешком, блин, за сутки с не-

большим! А расстояние тут немаленькое, километров шестьдесят, если не больше.

В общем, Юрий затаился у забора и решил немного понаблюдать.

Подмывало связаться с Валентином, но вблизи неопознанной силы не хотелось пользоваться ничем техногенным. Казалось, что местные колдуны легко сумеют прослушать переговоры. Глупость, конечно, но Юрий был склонен подчиняться неожиданным подспудным желаниям.

И еще — ему нужно было подумать. Хотя бы немного. Свести воедино разрозненные сведения, которые, как паззл, можно было правильно сложить и увидеть картину в целом. Как она есть.

Он отрешился от всего — кроме разве что визуального наблюдения за домом — и начал складывать воображаемую мозаику.

«Ну, предположим, — думал Юрий, — что Борга действительно был колдуном. И действительно сильным. Снятая психоматрица зафиксировала его волю — идти сюда, в эти столичные трущобы, с какой-то неведомой целью. Не важно пока какой. Фиксация оказалась настолько мощной, что наложилась на сознание Романа Матвеева. В принципе даже вытеснение личности Романа вполне могло произойти. Разумеется, временное вытеснение, навсегда личность никакой психоматрицей не подменишь. Роман и пошел в Райму.

Дальше. Боргу здесь явно ждали. Именно Боргу. Потому что внушить такое невероятное стремление в определенное место невозможно. Борга сам хотел сюда попасть — страстно, изо всех сил. Именно поэтому ему удалось заразить своим желанием неопытного стажера.

Что может влечь мага-чародея? Ну, во-первых, материальная выгода. Но подобное желание вряд ли подчинило бы Романа. Слишком уж разные представления о материальном благополучии у солдата звездной империи и затурканного колдуна с феодальной планеты. Роман просто не понял бы Боргу, иди речь только о золоте или других каких побрякушках.

Другое дело — знание. За знанием, за информацией стажер, пожалуй, пошел бы. Собственно, информация и есть его цель на текущем задании. А если это одна и та же информа-

ция? Цель одичавшего вместе с другими потомками колонистов колдуна и цель выпускника-стажера? Именно в этом случае фиксация психоматрицы и временное вытеснение личности имеют наибольшие шансы на успех.

А это значит, что местные чародеи также домогаются знания. Почти наверняка — знания о тайне, издавна кроющейся под королевским замком Раймы. Косвенно это подтверждается тем, что король Барнегат и сам охотится на колдунов, причем отнюдь не из желания загнать их на костер. Сначала он с ними ведет долгие беседы. Вероятно, все с той же целью: собрать слухи о подземельях. Вот и начала более или менее вырисовываться общая картина...»

Конечно, у этих построений имелись слабые места, но ничего более правдоподобного пока не удавалось придумать. Юрий еще раз окинул мысленным взором свои логические конструкции и нашел их достаточно правдоподобными.

Осталось только понять — почему медлят Валентин с Семой? Не от усталости же! Что-то они определенно знают такое, что пока неведомо Юрию.

Но что? Можно гадать хоть до утра...

«Ладно, — вздохнул Юрий. — Будем действовать. Есть два пути. Сначала отыскать сержанта с Семой, потом сообща соваться к Роману. Второй путь, соответственно, в обратном порядке».

Каждый из путей имел свои плюсы и свои минусы. Совместная операция предполагает подстраховку, а потому имеет больше шансов на конечный успех даже при условии повышенного риска — троих обнаружить немного легче, чем одиночку. Но, покинув это мрачное место, Юрий оставит Романа без наблюдения, а это крайне нежелательно. Так что придется действовать все же в одиночку.

Пеломенец грустно покосился на зону управления связью, вздохнул и поднялся с корточек.

«Нет. Раз решил не пользоваться переговорником, значит, не буду».

Через забор он перепрыгнул. Даже не разбегаясь. И разумеется, ни на что не опираясь руками.

Менеджер экипировки сигнализировал о полной защите. Защите от всего — кроме разве что магии, о которой король

Данкартена никак не мог внятно решить, существует она или нет.

Юрий в магию не верил. Но на всякий случай вел себя так, будто она существует. Потому что был опытным разведчиком.

Он обратился в слух, зрение и внимание. Стал неудержим, как молния, и целеустремлен, как перелетная птица, которая возвращается с зимовки. Лишь легкий осадок какой-то недавно зафиксированной, но неосознанной неправильности остался в душе у разведчика. Что-то такое, похоже, Юрий заметил за последние минуты. Но пока не распознал.

А раз не распознал — значит вперед! Вперед, а там по обстановке! Правило, которым руководствовались еще далекие предки пеломенцев, гусары, воевавшие совсем как обитатели Данкартена: на лошадях и с отточенными клинками в руках.

Никем не замеченный Юрий переместился к самому дому. Ломиться в дверь ему не то что расхотелось — и мысли подобной никогда не возникало. Окно! И лучше — верхнего этажа.

Осталось только взобраться на крышу и решить — лучше лезть прямо в то окно, в которое сейчас, может быть, с тоской глядит Роман Матвеев, или же сначала проникнуть в соседнюю комнату?

С опаской опробовав на прочность перила и столбики, поддерживающие навес над входом, Юрий все же счел их достаточно крепкими. Правой ногой на перила, руками за резной карниз, подтянуться... Все, он уже над крыльцом. Пригнувшись, миновал окно, выходящее, не иначе, на лестницу, потому что это окно было единственным расположенным между первым и вторым этажом. Дальше: за наличник, ногу вполне можно поставить вот в это углубление — вентиляционное окошко, что ли? Вот и край крыши. Несколько секунд — и Юрий уже лежит на пахнущей сыростью дранке.

«Худая крыша, — подумал Юрий недовольно. — Как бы не провалиться...»

Рядом с печной трубой амурничала кошачья пара. На Юрия зверюги не обращали ни малейшего внимания, а заодно создавали неплохую звуковую завесу. И хождение по крыше худобедно прикрывали — хоть и малые это создания, а шуму от них порой больше, чем от людских детей.

Юрий подобрался к дальнему углу, сполз на животе по несущему брусу, нащупал ногой стену и отрастил силовую присоску. Потом вторую. Чуть спустился и застыл на стене, как паук.

Так, вон какая-то планка горизонтально к стене приколочена. Крепко держится? Крепко. Значит, можно встать на нее и присоски убрать.

Сделано. До окна метра три. Прижимаясь к стене, Юрий преодолел эти три метра и осторожно заглянул в окно, предварительно до отказа выкрутив усиление ночного глаза.

Зеленоватый сумрак таится в комнате. Она почти пуста, никакой мебели, только грубо сколоченная лежанка в дальнем углу. Со стен свисают какие-то пегие лохмотья. Погашенная свеча в грубом подсвечнике на полу у лежанки. На лежанке спят двое, мужчина и женщина, обнялись и спят. Укрыться им, надо понимать, нечем. У двери свернулся клубком лохматый пес. Этого нужно устранить в первую очередь, а то почует чего ненароком...

Вообще-то Юрий любил собак. Но сейчас он стоял перед выбором: или жизнь напарника и подчиненного, или жизнь инопланетного пса. Выбор при всем желании трудно назвать богатым.

Единственный импульс из лучемета; в стекле остается аккуратная круглая дырочка, мертвый уже пес с просверленной лучом башкой точно так же лежит у дверей. Бедняга даже не дернулся.

В эту же дырочку Юрий запустил гранату с шоковым зарядом. Через глушитель, разумеется, — звук получился не громче, чем обычный глубокий вдох.

Следующее: стекло. Удобнее было бы вырезать его шпагой, но оранжевый плазменный шнур при соприкосновении с воздухом довольно громко шипит. Поэтому Юрий вновь воспользовался лучеметом, в минимальном энергетическом режиме, как при бое внутри космического корабля, когда есть риск неосторожным выстрелом повредить обшивку.

Стекло он аккуратно пристроил рядом с собой на той же планке, на которой стоял сам.

Люди крепко спят; немудрено после шоковой-то гранаты... Юрий мягко перенес себя через подоконник и осторожно, чтоб ни единая половица не скрипнула, ступил на пол.

Все. Он в доме.

Машинально Юрий коснулся кончиками пальцев рукояти лучевой шпаги, и это его спасло.

Пес, которого разведчик уже не брал в расчет, неожиданно атаковал. Стремительно и бесшумно. Распрямился, как пружина, и обрушился Юрию на грудь.

Юрий даже изумиться не успел — больно ударился поясницей о подоконник, одной рукой слегка заслонился, а секундой позже выпущенный лучевой шнур отсек псу голову и часть груди. Странно, но на Юрия не попало ни капельки крови — по крайней мере на лицо.

Произведенный шум был негромким, но если в доме бдят — Юрию несдобровать. Поэтому он еще раз полоснул шпагой по звериной голове и скользнул к двери. Вжался в стену за косяком и только теперь позволил себе поглядеть на поверженного врага.

Пес походил на пса только снаружи. Внутри он оказался начинен металлом, керамикой и пластиками.

«Киборг! — похолодел Юрий. — Вот это номер!»

Понятно, что киборг не мог быть продуктом местной отсталой культуры. Выходит, в Райме действуют резиденты извне. О коллегах Юрию скорее всего сообщили бы. Значит, здесь орудуют хобарты. Давние враги. И получается, что вывод разведки о неосведомленности Хобарта — заведомо ложен, а коллег-разведчиков ловко ввели в заблуждение.

Сей факт уже сам по себе являлся информацией исключительной важности.

А в доме тем временем ничто не нарушало тишину.

Юрий все так же вжимался в стену у входной двери.

«Постой-постой! — дошло вдруг до него. — Как же так? Биосканер не должен был засечь киборга! Потому что тот не живой! А значит, в доме есть и настоящая собака!»

Потом он, похолодев пуще прежнего, уставился на неподвижную парочку. В конце концов, эти двое тоже могут оказаться киборгами.

Выждав еще немного и до предела напрягши слух, Юрий убедился, что в доме все по-прежнему тихо и сонно.

Он метнулся к парочке на лежанке. Поглядел, коснулся. Нет, эти живые. Как и положено — пребывают в полнейшем

ступоре. Но дышат. Следующее перемещение — к останкам пса.

И вот тут у Юрия захватило дух по-настоящему.

Пес не был произведен ни на заводах Хобарта, ни на заводах Пеломена. Юрий не мог назвать себя крупным специалистом по искусственным организмам, но и начальной квалификации офицера-разведчика вполне хватало, чтобы понять: он столкнулся с чем-то совершенно чужим.

Опасливо ткнув останки носком сапога, Юрий пригляделся. Луч рассек крупный продолговатый блок, располагавшийся в груди псевдо-пса. По-видимому, это был один из ключевых блоков машинной жизнедеятельности, потому что пес отрубился сразу и вполне надежно. А выстрел из лучемета всего лишь продырявил голову, не нанеся, надо понимать, особого вреда. Поэтому пес дождался удобного момента и попытался-таки подмять наглую жертву.

Небольшая лужица полупрозрачной синеватой жидкости вытекла из рассеченного блока, обнажая внутреннюю структуру. Открылось нечто похожее на виноградные гроздья с мелкими синеватыми же ягодами. Из-под рассеченной «кожи» косо торчала перерезанная лучом металлическая тяга. Та, что шла к правой передней лапе.

В этот момент Юрий услышал звук, который счел тревожным. На первом этаже что-то происходило. Похоже, быстрая схватка. И — почти сразу — внизу громко и хрипло залаяла собака.

Возможно, что и настоящая...

«Была не была!» — подумал Юрий, набросил капюшон и выскочил из комнаты в широкий темный коридор. Луч он на всякий случай убрал, но шпагу держал наготове.

Дверь в соседнюю комнату никто не охранял — по крайней мере снаружи. И была она не заперта, ибо послушно отворилась от первого же пинка.

Приготовившись к свалке, Юрий скользнул в комнату.

Комната оказалась пустой. Совершенно. Ни стражей, ни Романа Матвеева. Только в углу у грязного окна валяется в пыли на полу одинокий стерженек персонального датчика с кое-как примотанной и подключенной таблеткой-батарейкой.

Лишь сейчас Юрий сообразил — в чем же крылась досадная неправильность, которая так беспокоила его несколькими минутами ранее.

Локализатор показывал, что Роман находится в этой комнате. А по данным биосканера она действительно значилась пустой. Из-за недопустимой инерции мышления Юрий не сопоставил эти факты — ему в голову не пришло, что персональный датчик и Роман Матвеев могут быть разлучены.

Что с этим знанием делать, Юрий не успел решить, потому что по лестнице кто-то торопливо поднимался.

«Двое, — прислушался и понял он, занимая удобную позицию у двери. — Ну, давайте, голуби...»

Луч с шипением вырвался из дюзы.

— Шеф! Это мы! — тотчас донесся из коридора негромкий шепот. — Где вы, шеф?

Голос принадлежал Валентину Берковичу, сержанту и заместителю Юрия Шевелы.

Юрий, готовый бог знает к чему, слегка расслабился.

В проходе появился полустертый темнотой силуэт, и был это действительно сержант Валентин Беркович. Он вошел; следом вошел и Сема Матвеев.

— Шеф! — прошептал Валентин и опасливо покосился на входной проем. Потом принюхался и слегка расслабился.

После шоковой гранаты в воздухе всегда оставался слабый, но очень характерный запах. В данном случае наличие запаха отсекло ненужные вопросы.

Стажер изумленно таращился на останки киборга.

— В доме есть кто активный? — напористо спросил Юрий.

— Уже нет.

— Давай торбу...

Сержант покорно вынул из запасника пластиковый пакет для образцов и, не дожидаясь напоминаний, сгреб в него все, что осталось от лжепса. Датчик Романа Юрий сунул в карман.

— Уходим... — скомандовал он и тут же подумал: «А куда? Не во дворец же?»

Но не зря они с Берковичем долго работали в сцепке: научились понимать друг друга без слов.

— У нас тут комната на ночь снята неподалеку... — шепнул Беркович. — Ы?

— Веди, — коротко приказал Юрий.

Валентин повел. Сначала вниз по лестнице (в самом низу кто-то валялся, в неудобной даже на вид позе), потом широким коридором (тут валялись двое) и, наконец, вывел в пыльный холл почти без мебели. Перед входной дверью лежала собака. Поверх человека.

«Действительно все, — подумал Юрий. — Шестеро и пес. Только среди этих шестерых, увы, нет Ромы...»

Когда они миновали перекресток, от дома, похожего на барак, снова накатила волна нестерпимой черноты. Валентин на миг замер и заозирался, невольно втянув голову в плечи; стажер с пакетом, который он нес наподобие мешка (обеими руками держал за горловину, а сам мешок закинул за плечо), испуганно присел и едва не уронил пакет на землю.

— Давай, давай, — сквозь зубы процедил Юрий. — Шевелись...

В тот же миг неясное давящее марево схлынуло, оставив неприятный холодок в сознании.

— Ну и ну, — снова на ходу выдохнул Валентин. — Что это было, шеф?

— Я тоже хотел бы знать... — буркнул Юрий.

Неясные звуки музыки приближались и крепли.

— Далеко еще? — спросил Юрий.

До рассвета оставалось не так уж и много, а нужно было еще успеть переговорить и вернуться в королевский замок.

— Да уже почти пришли...

Большой двухэтажный дом с постоялым двором располагался как раз напротив кабака. До троицы пеломенцев и их ноши никому не было дела — перед кабаком дрались какие-то полуодетые мужики, редкие зрители драчунов подбадривали. Две девицы у ворот постоялого двора на идущих едва взглянули: наверное, у Юрия, Валентина и Семы был чересчур деловой вид.

Комната, которую сняли сержант со стажером, располагалась на втором этаже. Поднялись по лестнице, что вела на внешнюю галерею, отперли внушительный висячий замок.

Комната представляла собой именно то, чего Юрий и ожидал. Пара кроватей, массивный стол, кресло да дотлевающие в камине угольки.

— Это местные хоромы, — пояснил Валентин. — За ночь пришлось целый каледон выложить.

Стажер уже подбрасывал в камин загодя приготовленные рачительными хозяевами поленья. Валентин зажигал свечи.

— Рассказывайте, — велел Юрий, подсаживаясь к столу. — Особенно меня интересует вот что: по данным локализатора, Рома от вас через пяток домов, а вы сидите и в ус не дуете, пока я не появляюсь. Это как, извиняюсь, понимать?

— Шеф, — проникновенно сообщил Валентин. — Мы знали, что Роману удалили датчик. Не понимаю как, но это факт. Еще вечером мы засекли датчик по локализатору, но визуально наблюдался совершенно посторонний человек. Он сидел в кабаке напротив. А теперь валяется где-то там, в доме.

— Черт возьми, — заволновался Юрий. — Так надо было его прихватить и допросить! Чего ж молчали-то?

— Не нужно, шеф, — хладнокровно заверил сержант. — Мы и так знаем, где Роман.

— Где?

— В королевском замке. Вечером его передали дворцовому патрулю. На наших глазах. Передали и увели.

— Час от часу не легче, — проворчал Юрий и покачал головой. — Ладно, давайте с самого начала, только коротко.

— Да, собственно, особо и нечего рассказывать. — Валентин развел руками. — Засекли, пошли к городу. Прямо сюда и пришли, думали, выследим Рому да уведем. Повяжем, если он еще не в себе. Выследили, а это кто-то посторонний. Не успели это переварить как следует — шум, гам, патруль, доспехи, гербы на плащах... Королевская охрана. Тут — бац — из темного угла какие-то лысые типы в балахонах выводят Рому и сдают начальнику патруля. Тот только осведомился: «Колдун, мол?» «Колдун», — ему отвечают. И все, Рому уводят вояки, а мы остаемся караулить того хмыря, у которого Ромин датчик. Отслеживаем, куда он уходит, ночью решаем его втихую изъять, потому что засветло тут народу бродило море. Не успели исполнить, локализатор вас засек. Глядим — приближаетесь... Ну и решили уж дождаться, вдруг какие новости есть...

— Понятно, — прервал Юрий. — Значит, так... Сержант, слушай приказ. Первое. Возвращаетесь в схрон вместе с этим и переправляете начальству...

— Извините, шеф... А это... то, что я думаю? — нерешительно прервал стажер Сема, не отрывая взгляда от заветного мешка с останками непонятного киборга.

— Не знаю, что ты там думаешь, — пояснил Юрий, — но это не пеломенская работа и не хобартская. Пусть инженеры разбираются, наше дело доставить. В рапорте отразить факт, что на Данкартене отмечено несколько фактов техногенного присутствия — вспомните тот же компас Борги. Это раз. И второе. Я возвращаюсь во дворец, к королю. Вы должны будете меня вытащить, если я завязну больше чем на трое суток. Что неясно?

— Все ясно, — отозвался Валентин. — Отправляться сейчас или как рассветет?

— Сейчас. Можете позаимствовать у кого-нибудь лошадей...

— Лучше купим, — со знанием дела сказал сержант. — К чему лишний шум?

— Тоже верно... Все, разбежались.

Долгие прощания — не для заданий. Юрий спустился по лестнице и прошел по людной, несмотря на поздний час, улице, ни разу не оглянувшись. Недавние драчуны перед кабаком громогласно мирились и заливали примирение веселящим. Девок у ворот уже не было — видать, подцепили клиентов.

Жизнь продолжалась.

Глава седьмая
ИНСУРГЕНТ

К королевскому замку Юрий вернулся перед самым рассветом.

Он рассчитывал застать замок сонным и погруженным в тишину, но за стенами слышались людские крики и топот множества ног. Пылали десятки факелов. Перед мостом, что вел к воротам, было не протолкнуться от стражников и зевак; многие из последних одевались явно второпях. Значит, веселье вряд ли запланированное.

«Вот те на... — растерялся Юрий. — Поди теперь проникни незаметно...»

Пришлось подсадить батареи, включить режим невидимки.

Призраком Юрий пробрался к мосту; многие удивленно озирались: кто же их толкнул? Кто отодвинул с пути? Завязалось даже несколько перепалок, потому что грешили на стоящих рядом. Юрий ведь не слишком церемонился.

На мосту толпа стояла особенно плотно; Юрий вспрыгнул на перила и пошел, то и дело перешагивая через чьи-то руки. Дважды его чуть не сшибли в ров, поневоле приходилось демонстрировать чудеса эквилибристики. С учетом невидимости это было трудновато: ног-то своих Юрий тоже не видел. Ступал наугад, подчиняясь вколоченным на бесконечных тренировках рефлексам.

Влез на стену; во дворе стражи было еще больше, кто-то беспрерывно бегал туда-сюда. И все беспрестанно орали, заглушая друг друга. Ни намека на организованность Юрий не ощутил. Пахло мятежом и растерянностью.

В замке творилось то же самое; пока Юрий добрался до гранатового покоя, снаружи успело рассвести.

У дверей в малую комнату хмуро топтались четверо стражников. Юрий улучил момент, скользнул им за спины и протиснулся в приоткрытую дверь. Дверь предательски скрипнула, стражники обернулись, и пришлось, невзирая на невидимость, замереть и затаить дыхание.

Обошлось: подозрительно позыркав друг на друга, стражники унялись. Правда, один предварительно заглянул внутрь, едва не коснувшись головой недвижимого Юрия.

Когда стражники более или менее успокоились, разведчик на цыпочках прокрался в макси-спальню, как был, не раздеваясь, рухнул на кровать и отполз от края подальше, под розовое атласное одеяло.

Постель остро пахла какими-то местными благовониями, неудержимо захотелось чихнуть.

Сдерживаться Юрий нужным не посчитал.

— А-а-а-пчхи-и-и!!!

Хорошо, что он успел отключить невидимость. В следующую секунду в покое стало людно: десятка полтора стражников, половина с мечами, половина с арбалетами.

— Ух ты, — сказал один из стражников, с коричневой каймой на плаще. — Да он тут! Хватай его, ребята!

Против «хватай» Юрий возражал категорически, поэтому следующую минуту поглотила безобразная и достаточно жесткая свалка. Две арбалетных стрелы угодили в своих же, кто-то взвыл, кто-то заорал: «Отводит!», кто-то молча или сопя лез к нему, кому-то приходилось выкручивать руки, лупить с размаху в корпус...

А потом появился один из трех советников короля, тот самый сухонький старикашка.

— Господин Трешт! — завопил обладатель плаща с каймой. — Он появился! Только что! Будто из пустоты!

Юрий отнюдь не склонен был продолжать свалку. Поэтому он попробовал перехватить инициативу:

— Господин Трешт! Не могли бы вы объяснить, что происходит? Почему стража на меня набросилась?

Советник, видимо, и сам был не прочь объясниться, потому что немедленно дал знак прекратить свалку.

Стража послушно прекратила, взяв, впрочем, Юрия в плотное полукольцо. Арбалеты чуть не у самого лица Юрию не нравились, но выбора не оставалось. Пришлось говорить так.

— Вас не было ночью на месте, — сухо сказал советник. — Я бы хотел знать — куда и каким образом вы умудрились отлучиться?

Так. Значит, комнату действительно проверяли, пока он охотился за датчиком Романа Матвеева. Надо же, какая невезуха...

— Я действительно отлучался. В город. По собственным надобностям. Что же касается способа, благодаря которому я сумел незамеченным обойти охрану, так ведь профессиональные секреты никто не выдает. И я не исключение.

— Король Барнегат отравлен. Принцесса Хирма исчезла из собственной опочивальни — а на днях, между прочим, ее собственная свадьба! И вы, между прочим, главный подозреваемый!

Юрий остолбенел.

— Ничего себе, — пробормотал он впечатленно.

Юрий подозревал, что ночью кто-то вволю повеселился. Но не подозревал, что с таким размахом.

Советник, похоже, уже собирался отдать команду «Взять его!». Ну а потом, как водится, темница, пытки и прочие радости средневековья.

— Господин Трешт! — проникновенно произнес Юрий. — О принцессе я только что впервые услышал, а короля убивать мне просто незачем, потому что я рассчитывал на его помощь. Я могу это легко доказать, если меня выслушают.

— Выслушают, — недобро пообещал советник. — Только не здесь.

— Если вы имеете в виду камеру пыток, то я против, — заявил Юрий твердо.

И стал драться всерьез. Было трудно, но покосил он всю стражу будто овес, а последнего арбалетчика картинно швырнул к ногам советника.

— Повторяю, господин Трешт. Давайте поговорим. Как умный человек с умным человеком. Смерть короля только добавила мне проблем, а вы, как мне кажется, один из немногих здесь присутствующих, с кем действительно имеет смысл говорить.

К чести советника, он даже бровью не повел, хотя действия Юрия, безусловно, произвели на него должное впечатление.

— Хорошо, — все так же сухо сказал он. — Надеюсь, против моего кабинета вы ничего не имеете?

— Не имею, — заверил Юрий. — Только больше не натравливайте охрану, сделайте милость. А то ведь я убивать начну, хоть мне и очень этого не хочется...

По пути они, разумеется, встретили пропасть стражников. И советник одним лишь взглядом осаживал их всех. Да и личная охрана советника держалась в стороне — несколько темнокожих личностей в бесформенных лиловых балахонах. Капюшоны у этих были надвинуты на самые глаза, но сие вовсе не мешало им замечать все вокруг.

«У этих явно есть оружие дальнего боя, причем это не арбалеты, — размышлял Юрий. — Что же тогда? Духовые трубки с отравленными иглами? Рогатки? Метательные шарики или шестеренки?»

Гадать было бесполезно.

Юрий сумел сделать главное. Заинтересовать советника Трешта. Заинтересовать не на шутку.

Кабинет у того был тесный, но уютный. Эдакое логово старого интригана. Стол, заваленный бумагами, какая-то невнятная драпировка на стенах — роту спрятать можно, наверное.

Окна под самым потолком — чтоб издалека стрелой не достали, что ли?

— Садитесь, — кивнул Трешт на скромное деревянное креслице перед своим столом.

За драпировкой Юрий угадал слабое шевеление — телохранители занимали удобные для охраны рубежи.

Сам советник остался стоять под окном, в которое вливался недавно народившийся день.

— Итак, я вас внимательно слушаю, — проскрипел Трешт и полуприкрыл глаза, став очень похожим на отдыхающую змею.

Похоже, Юрия он совсем не боялся.

— Вы уже, наверное, поняли, что мои возможности как бойца превышают возможности любого из ваших людей. Да и числом меня не взять, смею заверить. Это я не запугиваю, это я пытаюсь предотвратить ненужные инциденты. Вы согласны?

— Ну, допустим, — согласился советник, не открывая глаз.

— Тогда допустите и тот факт, что я сюда, собственно, не воевать пришел. Что самое ценное в этом, да, впрочем, и в других мирах, а, господин Трешт? Кому, как не вам, знать! Правильно, информация. За информацией я и пришел. Причем я еще не получил нужную мне информацию от короля. Поэтому факт его гибели меня ужасно расстроил.

— За информацией? — сдержанно поинтересовался советник. И тут же уточнил: — О подземельях замка?

— Именно.

Теперь советник глубоко задумался. Какие, наверное, головоломные комбинации и планы складывались у него в голове, какие хитроумные ходы и контрходы он просчитывал... Знать бы...

— А теперь я хотел бы выслушать вас. — Юрий пытался не упускать инициативу. — Что произошло ночью? Чем это чревато? Только поподробнее. С выводами.

— Что произошло? — немедленно отозвался советник. — Перед рассветом, когда его величество обыкновенно вставали, в опочивальню вошел утренний камердинер. Король уже не дышал. Забили тревогу, а тут еще вдобавок принцессы хватились. В ее опочивальне вообще пусто, и никто ничего не видел, клянутся. Черт возьми, это мятеж! Это бунт против короны и против Данкартена!

Глаза советника оставались холодными и отстраненными.

«Мятеж, — подумал Юрий. — Мятеж... Понять бы, кому он выгоден... Наверняка именно тебе, богомол ты эдакий...»

— Послушайте, господин Трешт... Я представляю тут интересы очень, повторяю, очень могущественной державы. И я готов сотрудничать с вами или с тем, кто станет олицетворять в данный момент власть в стране. Я очень надеюсь, что сотрудничество будет двусторонним. Поэтому у меня прямо сейчас есть две довольно необычных просьбы. По сути, это, конечно, требования, но будем истинными дипломатами, назовем их просьбами, дабы никого попусту не волновать. Сейчас я их изложу. Вообще-то я мог бы не обращать внимания ни на вас, ни на вашу дворцовую охрану, ни на всю действующую армию Данкартена и спокойно делать свое дело. Но я уважаю вас и ваши сиюминутные трудности, поэтому все же прошу. Первое. Где-то здесь, в замке, содержат моего соотечественника, и я желал бы его увидеть, причем как можно скорее. И второе: после того как я его найду и с ним разберусь, я хотел бы обследовать подземелья... э-э-э... своими методами. Можете отрядить мне сопровождение, я не стану возражать, но скажите своим людям, чтобы не лезли и не мешали. Могут стоять в сторонке и смотреть. Но не более того. Пока у меня все.

— Ну у вас и аппетиты, — уныло прокомментировал советник.

— Аппетиты? — жестко переспросил Юрий. — А что я такого попросил? Короны? Или полцарства? Одного человека, появившегося у вас вчерашним вечером, и поглазеть на какие-то тухлые подвалы!

— Раз они вам так нужны, не такие уж они и тухлые, — едва заметно улыбнулся советник. Улыбка у него была соответствующая — злая и хищная. Оскал, а не улыбка.

«Ага, — оценил Юрий. — А против человека, стало быть, возражений не нашлось...»

— Ну что? Будем сотрудничать, или мне тут разнести все в пух и прах? — произнес Юрий с некоторой угрозой в голосе.

— Не надо разносить, — покорно вздохнул Трешт. — О подвигах вашего коллеги в Алгоме и Таулекте я наслышан. Просто я не ожидал, что, прежде чем объявиться в Райме, вы

выдержите такую долгую паузу. Я готов сотрудничать. Правда готов.

«Оп-ля... Коллега в Алгоме и Таулекте... Это кто ж такой? Так, связь, немедленная связь с центром!»

Советник сделал короткий, почти неуловимый жест. Юрий мгновенно напрягся и едва не выпустил шпагу, но Трешт всего лишь призвал одного из своих услужливых референтов и зашептал ему что-то на ухо.

— И спешно! — добавил он в голос. — Очень спешно!

— Слушаюсь, — поклонился референт. Поклонился и исчез. Словно невидимость включил — шасть за драпировку, и нету.

— Господин Шевела... — Советник продемонстрировал завидную память на имена. — Страну нужно спасать. Мы все скорбим по безвременно ушедшему королю, но ведь стране нужен правитель. Настоящий правитель и патриот. Тем более в такое сложное время, когда еще не улеглись волны от козней дагомейских главарей...

— Безусловно, — с готовностью подтвердил Юрий. — Нашей державе выгодно, чтобы у власти в Данкартене стояла крепкая и — главное! — готовая сотрудничать с нами личность. Например, ваша кандидатура нас вполне устраивает, и могу пообещать со своей стороны всяческую поддержку. Вы ведь это хотели услышать, господин Трешт?

— Именно это, господин Шевела. Но передел власти — дело, не терпящее отлагательства. Поэтому я убедительно прошу вас повременить с вашими делами и посодействовать в некоторых срочных мероприятиях. Начальнику тюрьмы я отдал приказ изолировать вашего человека и взять его под усиленную стражу, так чтобы ни единый волос с его головы не упал.

«Вот лиса, — уважительно подумал Юрий. — Умеет взять быка за рога! Причем даже не стал уточнять, каким человеком я интересуюсь, — явно знает, о ком речь. Ладно, помогу, раз он такой сговорчивый. Жаль только, никого нет спину прикрыть...»

— Что ж. — Юрий вздохнул и взялся за лучевую шпагу. — Я готов. Из кого будем пускать перья в первую очередь?

Перед советником уже стоял очередной референт.

— Сообщи Фабиусу и Де ла Риво, что я собираю совет в овальном зале. Тотчас же. И пусть Тоб приготовит мантию.

— Слушаюсь. — Референт поклонился и исчез. За драпировкой, понятно.

«Лихо, — подумал Юрий. — Второй день всего-навсего, а я уже по уши в дворцовом перевороте. А короля, чем угодно клянусь, этот Трешт и ухлопал. Причем именно потому, что увидел меня и связал мое появление с подвигами неизвестного мне «коллеги» в Алгоме и этом... как его... Таулекте. Нет, нужно срочно запрашивать центр относительно техногенной активности на Данкартене. Что-то мы явно проглядели».

Спустя десяток минут, следуя за советником Трештом, облаченным в алую мантию, в группе его личных телохранителей, Юрий чувствовал необъяснимый душевный подъем. Ему уже приходилось принимать участие в государственных переворотах, но так близко к верхушке — никогда.

Впрочем, все когда-нибудь происходит впервые, а опыт, как известно, за плечами не носить.

Переворот так переворот. Мятеж так мятеж.

Еще по дороге в овальный зал Трешта попытались убрать — как позже выяснилось, люди второго советника, Бенедикта Де ла Риво. Из-за очередного поворота вдруг вынырнули стремительные тени; Юрию пришлось второпях прессовать время, продираться сквозь густой неподатливый воздух и сшибать на лету короткие арбалетные стрелы. Советник (и без пяти минут узурпатор) Трешт побледнел, но дергаться не стал и паники не допустил. По внезапно сложившемуся молчаливому соглашению Юрий взял на себя оборонительные функции, а телохранители в балахонах — карательные. У них на вооружении оказались маленькие, виртуозно сработанные арбалеты, которые метали не стрелы, а металлические картечины. Убойная дальность арбалетов была невелика, но подобное оружие как раз и предназначалось для уличных боев и в особенности для стрельбы внутри помещений, на коротких дистанциях.

Телохранителей можно было смело назвать снайперами — ни один из атаковавших арбалетчиков второй выстрел произвести не успел.

После первой стычки вперед пустили закованных в броню латников. Во избежание, как говорится. Поверх доспехов латники накинули вызывающе черные плащи.

Наверное, известие Трешта о сборе в овальном зале послужило чем-то вроде сигнала к толкотне локтями у вожделенного трона. Сражаться пришлось еще раз по пути и дважды — непосредственно в овальном зале. К началу совета Де ла Риво стал бледным и шелковым, а Фабиус до начала просто не дожил. Молодого герцога с четырехсложным именем, посмевшего вступиться за честь фамилии Барнегат, живо окровенили, но не до смерти, и унесли в лазарет от греха подальше, а безымянного офицера королевской охраны без лишних слов зарезали за неизменной драпировкой, словно свиненка на бойне.

Узурпатор (в прошлом советник) Трешт знал толк в дворцовых переворотах.

Через три с половиной часа Ден Трешт стал единственным и полноправным правителем королевства Данкартен. От внимания Юрия, который за эти часы стал разбираться в местных реалиях заметно лучше, не ускользнуло, что на ключевые посты Трешт назначает в основном выходцев из соседней страны — Дагомеи. И еще: один из спешно прибывших с севера гонцов случайно обмолвился и назвал Дена Трешта Деном Гро.

Юрий к этому моменту уже знал, что в Дагомее не так давно был свергнут Кейт Гро. Но так ли важно, что к власти на этой земле приходят дагомейцы? Если планета имеет стратегическое или хотя бы тактическое значение, недолго ей осталось прозябать под правлением недалеких феодалов. А если нет — аборигены потом сами полюбовно разберутся.

Пеломенская разведка послала Юрия решить локальную задачу, и он ее решал.

Покойному Барнегату начали готовить пышные похороны; новоиспеченный глава тайной стражи издал указ о награде тому, кто первый сообщит о местонахождении принцессы Хирмы Барнегат.

Юрий тоже получил нечто вроде министерского портфеля. После недолгой беседы с Трештом он согласовал создание собственной организации, помеси пеломенской агентурной сети с местной оперативно-разведывательной службой. Организацию

Юрий, сымпровизировав, нарек Орденом Огненных Клинков, поскольку намеревался активно применять лучевые шпаги. Короткий доклад в центр — и полученные вскоре пространные инструкции, в сущности, подвели итог первому этапу операции пеломенской разведки на Данкартене.

Только после этого Юрий смог улучить момент, отловить уцелевшего в вихре молниеносного мятежа начальника тюрьмы (тюремщики с их специфическим опытом надобны любой власти...) и спуститься в сырые и мрачные подвалы королевского замка. Объемный снимок Романа Матвеева Юрий давно приготовил, поэтому отыскать нужного узника сумели весьма быстро.

Когда Юрий покидал овальный зал, он случайно встретился взглядом с рыжим котом, которого еще совсем недавно видел на коленях у короля Барнегата. Взгляд кота показался разведчику холодным и неживым. И еще — что-то смутно напомнил. Но что именно, Юрий вспомнить не смог. Да особо и не пытался.

Подземелья замка оказались совершенно обычными. Сколько Юрий таких повидал — и не счесть. Камень, волглость и темень. И еще — отчаяние и безнадега, потому что длинной винтовой лестницей за многие годы спустилось гораздо больше народу, чем поднялось. Юрий надеялся, что его случай — исключение и что он сам вкупе со стажером Матвеевым все-таки поднимется к солнцу, к теплу и свету.

Начальник тюрьмы лебезить и заискивать ни перед кем не пытался — возможно, именно поэтому он и не расстался со своим постом. Наоборот, он глядел на любого, с кем общался, как на потенциального подопечного. Юрий подозревал, что начальника тюрьмы новоиспеченные министры и советники просто до судорог боятся, а значит, у этого типа оставалось много шансов пережить в привычной должности еще не одну дворцовую пертурбацию.

Он встретил Юрия, грузный и мрачный мужчина во всем черном, у основания винтовой лестницы. Молча кивнул на приветствие. Молча взял протянутый снимок. Недоверчиво потрогал тонкий пластик, поскоблил заскорузлым ногтем. Покачал головой. Сделал знак одному из тюремщиков.

И коротко велел:

— Отведи!

После чего развернулся и канул в помещение, которое служители дворцовых подземелий уважительно называли «канцелярия».

Тюремщик, явно подражая своему шефу, молча дернул головой: «Пошли, мол!»

Чем дальше, тем, наверное, мрачнее и отвратнее делались подземелья. Но, к счастью, Романа поместили не очень далеко от лестницы. У его клети даже факел на стене пылал.

Узников замка Барнегат содержали в тесных кубических нишах, примыкающих к системе радиальных галерей. Каждая ниша отделялась от галереи решеткой от пола до потолка. В нишах было сумрачно, кроме того, там воняло чем-то прелым и прогорклым.

Роман безучастно сидел, привалившись спиной к каменной стене, у самой решетки. Глаза его казались погасшими и безжизненными, как у законченного наркомана.

— Он? — угрюмо поинтересовался тюремщик, пристраивая принесенный факел подле такого же на стене.

— Он, — подтвердил Юрий. — Открой-ка!

Тюремщик несуетливо погремел ключами и отпер маленькую дверцу в решетке.

Роман на это не отреагировал. Никак — продолжал безучастно сидеть у стены.

Приблизившись, Юрий опустился перед стажером на колени. Заглянул в лицо.

Стажер был чумаз и изможден, словно не два дня он провел в своем странном трансе, а минимум месяц.

— Рома! — тихо спросил Шевела. — Ты меня узнаешь?

Матвеев молчал и продолжал глядеть в пустоту.

— Рома! — Юрий его слегка потряс, похлопал по щекам, и только после этого стажер попробовал сфокусировать на своем шефе взгляд. Получилось отчасти: глядел Рома теперь не в пустоту, а в некую точку чуть в стороне от Юрия.

— След, — вдруг сказал он совершенно отчетливо. — Дикет О'Ву, хранитель следа. Он скоро появится.

— Что? — переспросил Юрий, пытаясь сообразить, о чем речь. — Какой след, Рома?

Но стажер опять намерился впасть в транс.

Юрий взял его за запястье — пульс был замедленный, но четкий.

«Вытаскивать его нужно, а не болтать с ним», — подумал Юрий, оживляя медицинский комплект и отращивая дополнительный эффектор.

Молчаливый тюремщик и трое сопровождающих вояк Трешта на всякий случай отодвинулись подальше.

Разбираться в показаниях диагноста Юрий не стал, не до того. Просто велел вколоть успокоительного, пищевой концентрат и пакет стимуляторов. Пусть штатные врачи с Ромой разбираются, у разведки иные цели.

— Эй! — обратился Юрий к воякам, таращившимся из-за решетки. — Помогите!

Эффектор медкомплекта уже успел рассосаться и больше не походил на внезапно выползшее из-под одежды щупальце. Но глаза у аборигенов все равно сделались чумовые и уважительные.

— Да не дергайтесь вы, он не заразный! Дряни какой-то наглотался, всего и делов-то...

Двое неохотно, но все же взяли Рому под руки и поставили на ноги.

— Давайте! — командовал Юрий. — Наверх! В гранатовый покой! А ты беги вперед и распорядись, чтобы приготовили ванну! — велел Юрий третьему.

— В гранатовом покое нет ванны, господин, — пробормотал солдат, нервно теребя перевязь меча.

— Ну, пусть приготовят, — фыркнул Юрий. — Таз какой-нибудь принесут, елки-палки. Вымыть-то его надо?

Солдат отчаянно закивал и убежал к лестнице.

Тюремщик зачем-то запер пустую камеру и на некотором расстоянии сопроводил экс-узника со свитой до самой лестницы. Начальник из канцелярии так и не показался, но Юрию он не очень-то и нужен был.

Наверху, в гранатовом покое, который Юрий объявил своей резиденцией, уже хлопотали слуги. Сдав Романа на попечение пожилого, величавого, как стыковочный разворот суперкрейсера, лакея и велев «отмыть и уложить почивать», Юрий

решил вторично посетить подземелья. На этот раз без свиты и с приборами.

Свиту, то бишь троицу гвардейцев из стражи, он оставил у гранатового покоя. И предупредил, что за бывшего узника они отвечают головой.

Стражники прекрасно помнили, каков Юрий в боевых стычках. Поэтому слова основателя Ордена имели для них особенный вес.

Вторично до винтовой лестницы, ведущей в подземелья, Юрий не дошел. Точнее, дошел, но не сразу. На полдороге его перехватил некто в ливрее и при потрясающих баках. Юрий еще подумал: какой колоритный абориген! Все-таки мода в отсталых мирах — это что-то! Где-нибудь в цивилизованном мире подобного персонажа точно сочли бы либо за клоуна, либо за сумасшедшего.

— Господин Шевела?

Юрий с неудовольствием обернулся. Одно дело, когда от первостепенных занятий отвлекают местные бонзы вроде почившего в бозе короля Барнегата или немедленно взгромоздившегося на опустевший трон Дена Трешта-Гро, и совсем другое — когда отвлекают лакеи. Но в конечном итоге от лакеев тоже многое зависит. Например, благополучие несчастного Ромы Матвеева. Поэтому Юрий подавил неизбежный порыв гаркнуть на лакея и спокойно пойти дальше.

— В чем дело? — нетерпеливо поинтересовался разведчик.

— Тебе привет от шефа, — насмешливо сказал лакей по-русски.

Юрий вопросительно уставился на обладателя бакенбардов и на всякий случай втихаря взялся под плащом за рукоять шпаги.

Хобарты тоже в состоянии говорить по-русски...

Но «лакей» тут же исправился — назвал текущий пароль и представился:

— Агент Тунец, научная разведка, Аркадия.

— А... — пробормотал Юрий, успокаиваясь. — Агент Карандаш, флотская разведка, Пеломен...

«Все, — подумал Юрий с некоторым облегчением. — Началось. Больше не тянуть лямку одной группой, да и то неполной. Теперь наших с каждым днем будет все больше и больше...»

— Люк-Люка на Вермелинье ты брал? — спросил Тунец, как показалось Юрию, опять насмешливо.

— Моя группа, — нахмурился Юрий, готовый вздыбить щетину и дать отпор извечным конкурентам-научникам.

— Поздравляю, — неожиданно сердечно вздохнул Тунец и протянул для пожатия лопатообразную ладонь. — Ювелирная работа. Он нам столько напел — мама моя... За неделю трехгодичные дыры позатыкали все до единой.

— Спасибо. — Юрий тут же смягчился. — Собственно, я как раз собирался просканировать породу под фундаментом...

— Не надо, — сообщил Тунец. — Там уже мои хлопчики копошатся... У них снаряжение, сам понимаешь, не чета твоему.

И Тунец назвал второй пароль — пароль допуска к оперативной работе на соответствующем уровне. Юрий только пароль и знал, допуска у него, по сути, не было. Точнее, не было нужных технических и теоретических знаний.

— Пойдем ко мне, погутарим... — Тунец предупредительно взял Юрия за рукав и увлек дальше по коридору, мимо лестницы.

Тут Юрий снова напрягся. Зародилось у него легкое подозрение, на уровне чутья, а не логики.

Что-то слишком уж настойчиво Тунец вкраплял в речь специфические славянские словечки, словно подчеркивая свою принадлежность к Пеломену. Хобарты в таких случаях говорят «пытался быть святее Папы». И потом, группа Юрия работала всего-навсего тре... пардон, уже четвертые сутки. Такая скорая высадка дополнительной группы казалась нереальной: Юрий только-только начал готовить почву для внедрения пеломенской агентуры, да и то, говоря начистоту, ему сильно повезло. Удачное покушение на короля, скорый передел власти, неожиданная сговорчивость преемника...

В общем, Юрий снова втихую взялся за шпагу.

Тунца, похоже, совершенно не заботили косые взгляды челяди, солдат и придворных, попадающихся навстречу. Лакей, который тащит за рукав скороспелого фаворита нового правителя, — для местных картина наверняка удивительная.

Юрий совсем было расстроился, а посему в каморку в одном из боковых отнорков входил при полном боевом режиме и готовый к любой свалке.

— Привет, — поздоровался с ним сидящий посреди каморки на шатком табурете человек.

И Юрий понял, что вообще перестал что-либо понимать.

Это был шеф, майор пеломенской разведки, которому еще вчера утром Юрий докладывался.

— А... — протянул Юрий. — Господин майор?

— Все в порядке, — буркнул шеф. — Не нужно майора, можно просто «шеф».

Тунец аккуратно затворил тяжелую и высокую дверь.

— Тут некоторые новости прошли... Твоей группе пока не сообщали. — Шеф проливал свет на факт собственного присутствия. — Оказывается, некоторое время на Данкартене действовал по крайней мере один хобарт.

— В Алгоме и Таулекте? — уточнил Юрий.

— Уже знаешь? — Шеф вскинул брови. — Молодец, мышей ловишь. Именно там. Не разведчик, простой пилот. Его наши истребители прижали, а он загодя отстрелился, видимо. Катер его сожгли. Месяца два спустя он запросил помощь на штатной пилотской волне, и его подобрали. Ничего серьезного по нашему направлению он натворить не успел, разве что помог скинуть с трона дагомейского короля Кейта Гро.

Юрий молча кивнул. Когда говорит начальство, самому лучше молчать.

— Спецы наши в один голос твердят, что именно действия этого пилота пробудили интересующий нас объект от спячки. В том смысле, что пилот применял высокотехнологичные устройства — хобартский световой меч, рацию... Кстати, кое-кто с этим же связывает и деградацию местной колонии: мол, объект весьма чувствителен к проявлениям развитой науки и техники. Так что нам тут, вполне возможно, придется туго. Понятно, что Центр форсировал события. Тем более что ты тут такой плацдарм подготовил — только успевай поворачиваться.

Майор тоже умолк. Пытливо взглянул на Юрия:

— Что, язык проглотил?

— Зачем же? — пожал плечами Юрий. — Жду резюме по предыдущим заданиям. И новых, буде таковые найдутся...

— Романа ты вытащил?

— Только что. Его вчера сдали покойному королю как колдуна. Он, мягко говоря, не в себе, но я вкатил ему чего положено и оставил полежать. Наши на орбите есть?

— Нет, — ответил майор бесстрастно и пояснил: — Незачем привлекать хобартов... Базовый модуль оставили за орбитой внешней, седьмой планеты, подальше от чужих глаз. Но регулярное сообщение будет, причем ежедневное. Ближайшая посадка — нынешней ночью.

— Надо бы Рому в госпиталь... Боюсь, что сам он не оклемается, нужно его обследовать и растормозить. Содрать чужую матрицу, поглядеть, все ли в порядке с ним самим...

— Вот ночью и заберем. Ладно, это текучка, давай о главном. Признавайся, король — твоя работа?

— Нет, шеф! Честное слово. Я почти всю ночь в городе шастал, как раз Рому искал. В процессе сошелся с Берковичем и вторым Матвеевым. Кстати, они должны были доставить в схрон прелюбопытнейший образец...

— Доставили. Образцом уже занимаются. Ты молодец, Юра. Как всегда, основной план полетел к чертям, но в конечном итоге — цель приблизилась. Значит, не ты. Интересно, кто ж тогда? Трешт, что ли?

— Думаю, да, — согласился Юрий. — Возможно, не один, а в сговоре с кем-нибудь. Ну а потом, как водится, перегрызлись и начали друг друга устранять.

— Говорят, — задумчиво протянул шеф, — что никакой он не Трешт, а на самом деле родственник Кейта Гро.

— Вполне возможно. Кстати, Кейт Гро к королевской фамилии Дагомеи отношения не имеет. При прежнем короле, Ивере Тауншенде, он одно время занимал пост канцлера.

— Талантливая семейка, — хмыкнул майор. — Не вышло в Дагомее, взялись за Данкартен...

— Кстати, — заметил Юрий. — Теперь придется следить, чтобы дочь Барнегата и младший Тауншенд, которые друг к другу очень неровно дышат, не попытались вернуть законную власть. И здесь, и там.

— Проследим. Мы ведь теперь руководители Ордена... Орденом, малыш, руководить буду я. Для остальных я буду заместителем, а ты — весьма деятельным главой, который не гнушается полевой работой.

— Есть...

У Юрия отлегло от сердца. Если честно — он очень боялся, что личную миссию на Данкартене прервут. А он успел втянуться в местную жизнь, ему было безумно интересно перекраивать жизнь целой страны по своему разумению — само собой, под чутким руководством Центра.

И ему здесь нравилось. Здесь, на далеком Данкартене, который стал вдруг таким близким.

— Ладно, — сказал шеф. — Пошли вниз. Поглядим, что там спецы...

— Кстати, шеф. Есть у меня на примете в северной слободе один подозрительный домик. Такая эманация из него прет — хоть ложись и тут же помирай. Надо бы его поглядеть — сдается мне, связан он с нашей историей. Чую.

— И когда ты все успеваешь... — проворчал шеф. — Поглядим. Непременно поглядим. Ну, пошли, что ли?

— Пошли.

И они направились к той самой винтовой лестнице. К той самой, по которой спустилось гораздо больше народу, чем поднялось. Как символ и обещание: отныне число спустившихся будет равняться числу поднявшихся.

По крайней мере воины Пеломена будут к этому стремиться.

ЭПИЛОГ

Романа Матвеева, так и не вышедшего из необъяснимого транса, увезли ночью. Весь день эксперты Пеломена провели в подземельях под замком Данкартен, но чужая база не спешила открывать древние тайны. В первый день вообще ничего не обнаружили в породе — никаких следов, никаких посторонних вкраплений. Радиационный фон — в норме. Структурный анализ — ничего выдающегося. И только когда спустя две недели принялись бурить контрольные скважины, нечто под скалами посчитало нужным принять меры.

Бурильщиков, а заодно и тюремщиков из подземелий в буквальном смысле вышвырнуло. Волной липкого иррационального ужаса; Юрий мгновенно сопоставил эти ощущения с ощу-

щениями той памятной ночи, когда был обнаружен извлеченный из плоти Романа Матвеева персональный датчик. Длинный мрачный дом на одной из улиц Раймы излучал такую же черноту, только в случае с подземельями эффект оказался во много раз сильнее. Узники, которые убежать просто не могли, либо умерли, либо сошли с ума. Наверху же, в замке, ничего подобного не чувствовалось; в городе тоже. Столица Данкартена продолжала жить прежней жизнью. Ден Трешт, действительно оказавшийся Деном Гро, братом недавнего самозваного короля Дагомеи, укреплял позиции правителя. Орден разворачивал деятельность и втягивал в свои ряды все больше и больше людей. Правительство Пеломена требовало положительных результатов исследований, все больше разведчиков и спецов вынуждены были надевать средневековые одежды и под видом послушников Ордена орудовать по всему Данкартену.

Агенты собирали информацию по крупицам — оказывается, случаи внезапных озарений у отдельных людей, случаи вытеснения памяти вокруг Раймы происходили отнюдь не редко. Что-то или кто-то медленно и неотвратимо действовало на умы людей; целью пеломенской разведки было установить — кто действует, зачем и каким образом.

Хобарт по-прежнему не проявлял активности в отношении планеты Данкартен; но все же всей этой истории суждено было завершиться не без участия Хобарта.

И история завершилась — спустя некоторое время.

Июнь — сентябрь 2000 г.
Николаев

Шаг третий

ОГНЕМ И МЕЧОМ
(Вояджер-два)

ПРОЛОГ

— Эл! Слева двое!

— Вижу, спасибо...

Вспышка! Часть колпака враз потемнела, фильтруя опасное излучение. «Чебурашка» окутался плотным дымом, который мгновенно рассеялся в окружающем вакууме.

Тедди заложил головоломный вираж, выруливая в плоскость атаки. Ага, вон еще один «чебурашка»...

«Пи-пи!» — это компьютер фиксирует цель. Но пеломенский катер врубил форсаж и резко прыгнул за пределы видимости. Несладко небось пилоту — шесть-семь «же», не меньше... И не боится, что глаза вылезут...

— Сэр, сзади!

Это Кевин.

Тело сработало само: левая рука на штурвале, правая на гашетке, нога утопила овальную педаль реверс-баланса.

Катер Тедди в долю секунды развернулся дюзами вперед, не изменив ни скорости, ни направления полета. Да, бой в космосе — это вам не атмосферные стычки с воем, грохотом и раскаленной обшивкой!

Нагонявший «чебурашка» ничего не успел понять: мгновенно развернувшийся катер Тедди всадил в него залп из всего бортового оружия. Там, где секунду назад маячил пеломенский катер, теперь бушевало неистовое облако плазмы.

— Йо-хо! — крикнул Тедди, снова разворачиваясь по курсу. Плазма нагоняла, и он поспешил нырнуть к Южному полюсу, уходя с траектории облака. К Северному отходить не ре-

комендовалось: плазма всегда отклонялась именно в эту сторону — либо сразу, либо потом.

Элтон и Гарри вывалились из плоскости атаки, испепелив предварительно еще одного пеломенца. Тедди поискал глазами Кевина — тот стрелял вслед удирающему «чебурашке», увы, безуспешно. Далековато тот успел убраться.

— Звено, на отход! — бодро скомандовал Тедди.

— Понял, босс! — отозвался Элтон. — Ты как?

— Цел. Вы тоже? — Тедди покосился на приборы.

— Испарители задели, — грустно сообщил Гарри. — Сволочи! Только вчера путем настроили...

Испарители были давним проклятием «пятнадцатки». Они вечно текли и искрили, еще с тех времен, когда в бой их водила легендарная «десятка» Мартина...

— Кевин, ты как? — Тедди счел своим долгом осведомиться о состоянии новичка.

— Отлично, сэр! — бодро отрапортовал Кевин.

Тедди усмехнулся: совсем еще пацан. Ну да, первый боевой вылет!

— База, я восьмой, прошу возврат!

— Салют, Тедди! Все целы?

— Салют, Дик! Все, слава богу.

Дежурил Дик Нузи, прожженный вояка, сам опытнейший пилот. Давний приятель Тедди.

— Скольких поджарили?

— Троих. Так, Эл? — уточнил Тедди.

— Угу, — промычал Элтон. — И одного зацепили.

Дик восторженно поцокал языком. Даже один подбитый «чебурашка» считался хорошим результатом для звена, которое возвращалось в полном составе.

На канале вылез еще кто-то, похоже, из второй сотни, сипло запрашивая возврат, постоянно кашляя и ругаясь. Дик поорал для порядка, и там затихли.

— Восьмой, пятнадцатый, семнадцатый, триста пятый — дуйте в шестую зону, расчетный — семнадцать сорок.

— Понял, шестая. Пока, Дик.

Дик уже вызывал простуженного — ему и его звену тоже требовался финиш.

Истребители понеслись к темной громаде крейсера, перестраиваясь на ходу. Даже новичок Кевин моментально сообразил что к чему и, описав восхитительно правильную параболу, вцепился в хвост ведущего — Гарри.

— Молодец пилот! — не удержался и похвалил Тедди. Обычно в летных школах экономить время и горючку не учили. Да там и летать толком мало кто умудрялся научиться.

Вообще хвалить ведомых до посадки не полагалось. Но парень вел себя просто молодцом: в бою не трусил, но и на рожон не лез, все схватывал на лету и даже ухитрился не слишком угробить катер. Тедди вспомнил свой первый вылет и вздохнул. Тогда, лет восемь назад, ведущий сошел на финишную полосу, поглядел на его катер, чертыхнулся и изрек:

— Ты, парень, привез назад груду металлолома вместо истребителя. Понял?

В тот раз Тедди не понял. Позже — дошло. Чуть-чуть сильнее давил на педали, резче, чем следовало, дергал штурвал. А катер — что твоя скрипка, он все чувствует, на все отзывается. Единение с машиной приходит лишь со временем.

— Теодор Айронсайд, ответьте штабу!

Тедди разинул рот от удивления. Штабисты интересуются пилотами? Да скорее пеломенский маршал на прямую связь выйдет, чем родимые буквоеды!

— Здесь Теодор Айронсайд, ведущий звена «Джей», сэр!

— Полковник Доусон. Возвращаетесь?

Ого! Новый командир потока. Какая честь. Что стряслось-то?

— Так точно, сэр! Возвращаемся! — Голос Тедди остался бесстрастным.

— Отлично, сядете — сразу все ко мне.

— Есть, сэр!

— Отбой...

Тедди недоумевал. Такое случилось впервые в его пилотской карьере.

Полчаса спустя все четверо стояли перед полковником. Гарри, Элтон и Кевин в шеренгу, ноги слегка расставлены, руки со шлемами за спиной. Тедди как звеньевой — чуть в стороне. Отключенные комплекты еще хранили тепло; у Гарри топ-клемма даже слабо светилась.

«Замкнуть бы ее надо... — рассеянно подумал Тедди. — Сверкнет, не дай бог. Вот будет конфуз, если полковник ненароком наложит в штаны!»

Вихревые напряжения бродили во внутреннем слое комплекта; в бою любое оборудование всегда аккумулирует пропасть энергии, которую нужно вовремя выводить. Комплект выводил просто: излучал короткий световой импульс на манер фотовспышки. Но пилоты, чтобы не уподобляться праздничному фейерверку, просто замыкали топ-клемму на оболочку.

Однако сейчас Гарри стоял перед начальством, и шевелиться без разрешения ему не полагалось.

Полковник Доусон встал, неторопливо приблизился к пилотам и разрядил комплект Гарри обыкновенной авторучкой. Тусклая фиолетовая искра прилипла к его пальцам; полковник, как водилось у пилотов, ее просто слизнул.

Все ясно: полковник не всю жизнь служил штабистом. Когда-то он водил катера в бой. Это радовало — штабистов нигде не жалуют, а пилот пилота не обидит.

Тедди расслабился, глядя на улыбающегося Доусона, и дерзнул спросить:

— Сколько вылетов, сэр?

— Тысяча двести шестнадцать. Флот «F», Алабар.

У Тедди, вместе с сегодняшним, было триста сорок семь вылетов. Полковник налетал втрое против Тедди — одного из самых опытных действующих пилотов флота «С».

— Вольно, пилоты! — скомандовал Доусон.

Звено дружно расставило ноги пошире, принимая стойку «вольно».

Полковник подал Тедди пластиковую карточку давешней телеграммы:

— Тебе?

«Данкартен, Райма; Тауншенд Х., Барнегат Х. — пилоту второго истребительного потока, флот «С», Теодору Айронсайду.

Тедди, срочно нужна помощь. Харвей. Хирма».

Эту телеграмму он получил десять часов назад, перед самой стычкой с «чебурашками», спустя одиннадцать месяцев после своей феодальной одиссеи. Тогда, по возвращении на поток,

он предоставил командованию подробный отчет. Кстати, вон он, отчет, на столе у полковника. Друзья-пилоты радостно хлопали Тедди по плечам — Теодор Айронсайд давно числился без вести пропавшим, а его номер — восьмерку — уже успели отдать другому пилоту и другому катеру.

— Да, сэр. Телеграмма адресована мне. Но я не могу понять, каким образом она послана. Технология планеты не позволяет...

— Это не важно, пилот. Вы снимаетесь с полетов и получаете спецзадание на планете... Э... Как бишь ее? — Полковник обернулся, взял со стола отчет и прочел строку из заглавия: — Эс-эн триста сорок два ноль двадцать восемь — два. Официального названия у нее нет, так ведь?

— Нет, сэр. Кстати, аборигены ее тоже никак не называют: по-моему, у них еще не развилась концепция мира как планетоида.

— В таком случае будем именовать ее Данкартен, по названию государства, где вам предстоит действовать. Шесть часов на отдых, после чего поступаете в распоряжение Дональда Фестона. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Разойдись!

Звено покинуло кабинет полковника Доусона, недоуменно переглядываясь. Ведь Дональд Фестон занимал пост шефа диверсионно-разведывательной службы флота.

Глава первая
АГЕНТ

Вереща планетарным выхлопом, бот круто уходил в зенит. Тедди проводил его пристальным взглядом, пока серебристый гриб не скрылся в низкой облачности. Миссия на Данкартене началась.

Покидая этот диковинный мир год назад, он совершенно не думал, что вернется сюда так скоро. Вообще не думал, что вернется. Однако он солдат. Данкартен попал в сферу интересов

Хобарта, и он, пилот-истребитель Теодор Айронсайд, высаживается сюда одним из первых, поскольку уже бывал здесь и ухитрился завести полезные знакомства среди сильных мира сего.

Высадили его в глухом лесу, в полусотне километров от Алгомы, города барона Роя, однажды спасенного пилотом от неминуемого захвата войсками соседней Дагомеи. Зависнув над густыми темно-зелеными кронами, бот опустил Тедди на поверхность, убрал магнитный захват и, мигнув на прощание сигнальными огоньками, исчез в облаках. Тедди остался один в чащобе, один на десятки километров.

Когда он валился на кроны сосен, стиснутый в мягких лапах захвата, длинная хвоя приятно щекотала лицо и руки. Давно забытые запахи ударили в ноздри. К чему привык он, космический волк? К бесцветно-унылому запаху пластика? К перегретому духу боевого катера? К рукотворному аромату кондиционеров в пилотской столовой?

Настроение резко склонилось к хорошему. Тедди, насвистывая старую песню («Галактики, как песчинки, мерцают у наших ног...»), сориентировался по компасу и быстро зашагал на северо-запад, к Алгоме.

На сей раз экипирован он был на славу. Пилотский комплект казался детской пижамой в сравнении со снаряжением резидента-одиночки. Чего только Тедди на себе не нес! От полного госпиталя до атомных двигателей в подошвах ботинок. От камуфляжного модуля до широкополосного радарного микропроцессора. От мощного хобартского бластера до генератора высшей защиты. От лазерного меча (того самого!) до набора тианского холодного оружия ступенчатой закалки. Ну и полевой синтезатор, понятно, приставку с произвольной объемной локализацией, последний шедевр хобартских инженеров, — тоже вещь нелишнюю. А с виду — просто путник в плаще, даже без котомки за плечами.

Мелкие зверьки, смахивающие на пятнистых зайцев, шныряли в густом подлеске, сердито цокая на Тедди. Места здесь, видать, совершенно глухие, если они людей не боятся. Странный народ эти бароны-герцоги — грызутся из-за клочка леса, когда у каждого под носом такие заповедные владения, что можно вообразить себя вовсе на необитаемом мире.

Сухие ветки смачно хрустели под подошвами. Тедди попутно сшибал по-футбольному шляпки больших пунцовых мухоморов, просто из озорства. Розовые клочья веером летели из-под ног. Положительно, Тедди нравилось на планете. Космос космосом, а есть в живой природе нечто притягательное...

Спустя час дорогу ему преградила речка — пришлось усилить отражающий слой и перебрести ее, шуструю. Хрустальная вода поднялась почти до плеч; дно было темное, илистое, Тедди увязал в нем почти до колен. Когда он выбрался на противоположный берег, кусочки склизкой грязи долго отмечали его путь, отваливаясь от прозрачной защиты.

За три часа Тедди отмахал километров двадцать. Густая чащоба сменялась перелесками, перелески — полями, поля — семейками холмов, холмы — чащобой. Раз он пересек давно не хоженную тропу, раз видел вдалеке за мшистым болотом несколько убогих домишек, наверное, глухой хутор. Комары — или кто там заменял их в этом мире? — вились над головой плотным облачком, однако встроенная в общую защиту пищалка-генератор быстро отыскала резонансную частоту и теперь мерно стрекотала, отпугивая настырных кровососов.

На двадцать седьмом километре биосканер засек впереди людей. Они шли навстречу частой цепочкой, человек семьдесят, словно выискивали кого-то в лесу. Отнести это на свой счет Тедди пока не решился — с чего бы? Засечь снижающийся бот могли разве что высокочастотные радары, до которых этот мир еще не дорос. Пришлось влезть на могучую сосну, несмотря на гладкий, словно магистральный волновод, ствол. Фантомадурилку Тедди запустить не успел: комплект известил о поисковом луче и отключился, оставив его совершенно без камуфляжа. За необычно крупную шишку пилот вряд ли сошел бы, поэтому осталось лишь в душе чертыхнуться и вжаться в смолистую кору, уповая на то, что аборигенам не придет в голову смотреть вверх.

Тедди повезло: облаву отвлекла четверка лосей, которая шумно вломилась в кустарник метрах в двадцати от его сосны. В руках людей вмиг появились светящиеся клинки, и пилот обмер: пеломенские лучевые шпаги ни с чем не спутаешь. Но откуда они, черт возьми, на Данкартене? Открытый десант

Пеломен пока не высаживал, если верить данным хобартской разведки. А если не верить? Группу Тедди готовили по рекордно сжатой программе.

Тедди присмотрелся: одеты люди были как обычные воины мечи и кольчуги. Наводок на лучи, обычных при включенном камуфляже, не наблюдалось. Откуда же поисковое сканирование, заставившее отключиться комплект? Непонятно. Средневековые ратники с лучевыми шпагами и сканером — каково, а?

В голос проклиная вспугнутых лосей, облава прошла дальше. Тедди сидел на сосне ни жив ни мертв, ожидая, пока она скроется на юге. Потом спустился и поспешил к Алгоме, тревожно вслушиваясь в пиликание ожившего биосканера.

С самого начала обстановка ему не понравилась. Настораживала обстановка. Какого дьявола явная облава? Теперь, проанализировав ситуацию, Тедди не сомневался, что это по его душу. Но какой смысл высылать на поиски олухов-аборигенов, если пеломенцы засекли высадку радарами? И откуда здесь пеломенцы? Надо будет запросить службу слежения на ближайшем сеансе. Не могли же его коллеги-соперники десантироваться незамеченными? На орбите вблизи Данкартена уже с месяц болтался спутник-шпион. Впрочем, пеломенскому спутнику тоже ничего не мешало болтаться вблизи Данкартена...

К Алгоме Тедди идти раздумал. Мало ли? Лучше не делать того, чего ждет от тебя противник. А еще лучше — делать то, чего он, наоборот, не ждет. И пилот повернул к востоку, в сторону столицы. С запада Данкартен омывался океаном, севернее тянулась дагомейская граница. Тедди вздохнул — Дагомея, Таулект, табор Энди Махонького... Какие воспоминания! Кстати, не упустить бы из виду Дика Бестию! Биочастоты у него уж больно подходящие.

Вскоре Тедди снова наткнулся на реку. На этот раз она текла в нужную сторону. Загруженная в память программа услужливо подсказала, что река зовется Оро; а дальше впадает в Эрси-Плай, приток Раймы, а уж на Райме стоит столица Данкартена. Прикинув шансы, Тедди двинулся вдоль реки. Сейчас ему предстояло выйти в людные места и разобраться в положении в стране, а также в соседних королевствах; путь вдоль реки отвечал этому плану вполне.

Особенную тревогу вселяли пеломенские шпаги.

Обнаружив в прибрежных зарослях челнок, Тедди резонно подумал, что на воде следов на остается. Может, и не про его душу облава, а хуже от того не станет, если довериться Орореке, неспешной лесной шептунье. Загребая двухлопастным «байдарочным» веслом, пилот пустил свой кораблик вниз по течению. Лес завораживал: плели сеть из нежных трелей невидимые в гуще крон птицы; вкрадчиво шумела листва и хвоя на ветру: шу-шу-шу; пронзительным фальцетом заголосил чей-то обед, расставаясь с лучшей штукой в мире — жизнью. Несколько раз пришлось переносить легонький, словно лебяжий пух, челнок через бобровые плотины. Бобрам на Оро было несть числа: их плоские хвосты то и дело звонко шлепали по воде. Вдоль берегов часто попадались обгрызенные под конус пни. Тедди вздыхал: в космосе такого не увидишь... Пустота да межзвездная пыль — осколки погибших миров. Или прах пеломенских кораблей. А может, и хобартских, прах ведь не хранит знаков отличия. Прах, прах, все прах, все, кроме обитаемых планет.

«Что-то я размяк, — встрепенулся Тедди. — Старею, что ли?»

Вскоре на правом берегу попалось возделанное поле, за ним чернела крыша одинокой избушки. Начинались людные места.

Челнок Тедди привязал к колышку у низкого дощатого мостика. Большой пес цвета меди басом залаял на пилота, громыхая цепью; запрыгал у массивной кубической будки. На шум никто не явился; Тедди поднялся по скрипучим истертым ступеням на высокое крыльцо, постучал. Тихо, как в космосе, если не считать лая рыжего сторожа. Постучал еще — безрезультатно. Пес все лаял, но уже без особой злобы, словно смирился с присутствием на своей территории чужака.

Тедди осторожно толкнул дверь — не заперто. В сенях царил свинцовый полумрак. Бадья с водой, рядом на лавке деревянный ковшик. Прямо и направо — двери в комнаты, налево — лесенка на сеновал, кладовая. Пол в сенях кто-то тщательно выскоблил, хоть глядись в него, а на стенах почему-то чернел толстенный слой копоти.

Не нашлось хозяев и в комнатах. Не успел Тедди толком осмотреть жилье, послышался стук копыт: к дому приближались несколько всадников. Пилот поспешил назад, на крыльцо.

Семь вооруженных мечами и пиками воинов спешились у самой избушки. Пес опять зашелся лаем.

— Эй, хозяин! Напои коней! — приказал один из воинов, с виду — предводитель.

Тедди стоял на крыльце, опираясь локтями на резные перила. Прислуживать он, понятно, никому не собирался.

— Эй, ты! Оглох, что ли? — Предводитель начал злиться. — Я не привык повторять дважды!

Видя, что Тедди не спешит подчиняться, он взялся за рукоять меча и, недобро зыркая, поднялся на крыльцо.

— Тысяча чертей! Тебя поторопить?

Тедди в таких случаях всегда переходил на лениво-снисходительный тон:

— Потише, приятель! Торопиться, по-моему, вредно.

Что-то в облике собеседника смущало Тедди. Но что? Борода? Так они все здесь бородатые... Плащ, сапоги, меч в ножнах... Кольчуга под одеждой...

Стоп! Вот оно: геральдический знак на груди! Герб герцога Арнея Дагомейского.

Тедди задумался. Что за небывальщина? Или он в Дагомее? Нет, бот высаживал его на территории Данкартена, далеко от северных границ.

— Ты кто такой? Хозяин этой лачуги? — напомнил о себе предводитель всадников герцога Арнея.

Пилот отрицательно качнул головой:

— Прохожий.

— Прохожий, говоришь? — насупился бородач. — Куда направляешься?

Тедди криво усмехнулся:

— А почему это тебя интересует, дагомеец?

Меч, лязгнув, покинул ножны. Злая улыбка, запутавшись в густой бороде, казалось, так и не прорвалась наружу.

— Потому что я служу герцогу, Ордену и трону, данкарт.

«Меня приняли за местного, — подумал Тедди совершенно не ко времени, — это радует».

Неизвестно, что собирался сделать или сказать бородач: проломив изящные перила, он стартовал с крыльца головой вперед, и нельзя сказать, чтобы посадка его была особенно мягкой. Меч его остался в руках у Тедди.

Убивать Тедди никого не собирался. Поэтому бородач смог подняться, пытаясь не уронить остатков достоинства. Его спутники в замешательстве топтались поодаль.

— Ты пожалеешь, данкарт! Ты просто не представляешь, с кем связался!

Из-под плаща быстро и незаметно, словно карта у шулера, появилась рукоять пеломенской шпаги. Оранжевый луч с характерным звуком вырвался из конического энергонакопителя. В просторечии накопитель именовался «дюзой».

По-видимому, Тедди полагалось устрашиться.

— На колени! — рявкнул бородатый, потрясая шпагой. Луч выписывал в пространстве замысловатые кренделя.

— Ну-ну, — усмехнулся пилот, — зачем так много трагизма? Мы не в театре...

Его меч с шипением изверг зеленый светящийся шнур. В хобартских лазерных мечах использовалось излучение с более короткой волной; кроме того, они были мощнее пеломенских шпаг. Видимый диаметр меча достигал дюйма, шпаги — едва сантиметра. Впрочем, пеломенские лучевики имели и свои преимущества. Во всяком случае, Тедди не мог сказать, чье оружие лучше.

Так или иначе, при виде меча бородач смутился, притих и словно бы даже стал ниже ростом.

— Ну что? — ехидно осведомился Тедди. — Сразимся, или ты уже понял, с кем связался?

На колени пилот решил никого не ставить.

— Имя? — требовательно произнес он.

— Рон Бади... лейтенант Ордена.

Тускло блеснул на запястье присмиревшего бородача серебряный браслет с печаткой.

— Задание?

Рон замялся. Оранжевый луч выпаривал влагу из сочной травы.

— Пароль, Высший... Вы не сказали пароль, — прогнусавил он.

Тедди, сохраняя на лице снисходительную улыбку, убрал луч. Пароль ему, ишь ты!

— Коня! — надменно сказал он, обернувшись.

На свою беду, бородатый заподозрил неладное и попытался достать Тедди шпагой. Ничего у него не вышло: получил ногой в грудь и вторично оказался на земле.

— Послушай, Рон Бади. Я не люблю глупцов. Не трепыхайся, а? Целее будешь. — И снова шестерке солдат за спиной: — Коня, олухи!

Недобро насупившись, олухи, все вшестером, приближались к Тедди, поигрывая мечами. Пилот удивился: если они знакомы с действием лучевого оружия, почему лезут с обычным металлом на лазер?

Фехтовали они посредственно. Не пришлось даже взвинчивать восприятие. Тедди отбился голыми руками.

— Скучный пошел народ, — пожаловался он неизвестно кому, сбивая с ног последнего воина, — подраться не с кем, коня попросил — не дали. Пароль еще требуют...

Делать здесь больше нечего — это ясно. Тедди вскочил в седло приглянувшегося каурого скакуна. Узкая, изрытая копытами дорога призывно убегала к городу.

У крыльца остались валяться семь тел, являя собой восхитительный беспорядок. Кое-кто даже продолжал сжимать меч. Тедди окинул прощальным взглядом место конфликта, сдерживая гарцующего жеребца.

— Семь — ноль, — изрек он и подумал: «Орден... Надо запомнить. Год назад я о нем ничего не слыхал...»

Браслет с печаткой у Рона пилот, конечно же, отобрал. Витая монограмма в виде двух букв «О» и одной «К» на плоской части обруча; нечто вроде девиза — на выпуклой: «Огнем и мечом — за справедливость!»

И была у браслета еще одна странность. Заурядная магнитная застежка, как на обычных наручных часах. В феодальномто мире.

По дороге Тедди никого не встретил. До самого города.

Город звался Диожам. Его стены, увитые бурым плющом, взметнулись ввысь посреди пышных виноградников юга. Река втекала в большую вонючую трубу, забранную рыжей от ржавчины решеткой. Для крыс это был сущий рай. Во всяком случае, их там вряд ли удалось бы сосчитать, и выглядели они вполне счастливыми. Городские ворота находились с восточ-

ной стороны, ближе к Райме. Дорога, по которой приехал Тедди, огибала Диожам с севера. Полчаса пилот трясся в седле, глазея на старые стены города. Наверху виднелись скучающие стражники; кто застыл, опираясь на длинную гвардейскую алебарду (ни дать ни взять — глубокомысленная серая цапля), кто лениво бродил по стене. Тедди нехотя салютовал охранникам рукой, ему так же нехотя отвечали.

У ворот наблюдалось некоторое оживление. Толстенная решетка, приподнятая на два человеческих роста, скалилась, словно старый, разинувший пасть дракон. Внушительные, окованные медью и бронзой створки ворот приоткрыты. Стражники под командой тучного офицера рылись в содержимом ладной трехосной телеги; хозяин охал рядом, глодая ногти попеременно то на одной руке, то на другой, а то и на обеих сразу. Пяток телег ждали своей очереди прямо на дороге. Тедди приблизился одновременно со всадником в пыльном плаще, прискакавшим со стороны Раймы.

Офицер-стражник поджидал всадника, уперев руки в необъятные бока. Подорожную спросить он не успел: всадник сунул ему под нос знакомый браслет.

— Огнем, — пробормотал офицер почтительно, махая ладонью в сторону ворот.

— И мечом, — торопливо отозвался путник, пришпоривая коня.

Тедди тут же направил своего каурого следом. Процедура повторилась по уже знакомому сценарию: браслет, кивок на ворота, «Огнем», «Мечом», все как положено. Пилот удовлетворенно крякнул, въезжая под «зубы дракона».

Путник, заслышав знакомое заклинание, придержал коня, дожидаясь Тедди.

Был он молод, крепок и наверняка силен. Упрямый подбородок, высокий лоб, голубые глаза. Девки от таких просто млеют.

Тедди подмигнул «коллеге».

Задача: затащить этого молодчика в ближайшую таверну, подпоить и выдоить побольше информации.

Прочитать мысли Тедди, роящиеся глубоко внутри и замаскированные приветливой улыбкой, не смог бы никто. Кроме Дика Бестии. Но для этого Дику и Тедди обязательно нужно было взяться за руки.

— Гонец? — спросил крепыш дружелюбно.

— А то нет? Такой же, как и ты, только с запада, — ответил пилот потенциальному «языку». — Ты из Раймы?

Крепыш кивнул. Что же, столичные новости дороже провинциальных. Ценность «языка» росла на глазах.

— А ты?

Тедди вздохнул, выигрывая время.

— Угадай...

— Гм... С запада... Из Далонга?

— Бери дальше! Из Таулекта!

Крепыш опешил:

— Это же в Дагомее!!!

Тедди захохотал, удивляясь в душе: ну в Дагомее, ну и что? Неужели у короля Данкартена нет интересов в соседнем королевстве?

— Ну конечно! Из Алгомы я. Кевин. Кевин Кеннахан.

Собеседник, приняв шутку с Таулектом, захохотал в ответ:

— Весельчак ты, Кевин! Я — Лед Метрикс из Руэтты.

Тедди напряг память; название было явно знакомым. Нужно воспоминание услужливо всплыло, активированное программой.

— Руэтта? Ха! Не мог ли я тебя встречать в харчевне Белого Бигга в тех краях?

Лед расплылся в довольной улыбке и растопырил руки:

— Еще как мог! Кто же обходит стороной логово старины Бигга! Какое у него, шельмы, вино! М-м-м...

«Видать, крепыш не прочь пропустить рюмочку-другую, — подумал Тедди. — Это заметно упрощает дело».

Они ехали бок о бок улицами Диожама. Картины средневековых городов прочно засели в памяти Тедди. Диожам мало отличался от Алгомы или, скажем, Таулекта: приземистые каменные домины, мощенные булыжником улицы, замок в центре. Под копирку их шлепают, что ли, эти города?

— Ты сразу на доклад? — поинтересовался Лед, устало потягиваясь в седле.

— Да ну их, — фыркнул Тедди. — Часом позже, часом раньше — какая разница? Будут, как обычно, полдня донимать. Стой там, помирай с голоду.

Лед одобрительно кивнул:

— В таверну небось направишься?

— А куда же еще? Может, составишь компанию? Я тут впервые...

Лед заколебался:

— Вести у меня важные... От самого Ксйта Гро.

Тедди едва не вздрогнул. Имя Гро, свергнутого год назад короля-самозванца Дагомеи, он совсем не ожидал услышать. И где — в Данкартене!

— Э-э! Не мудри, Лед. Будешь там, — легкий кивок в сторону замка, — животом бурчать. Несолидно. Подкрепимся, выпьем по чарочке — глядишь, и в мыслях стройность появится.

Лед залихватски махнул рукой:

— А, будь по-твоему. Все одно раньше прискакал, чем рассчитывал. Поехали, покажу тебе одно место.

Таверна звалась «Синий фонарь». Узкая, истертая тысячами сапог лестница вела в подвал старого двухэтажного здания. На изъеденной временем вывеске скалился зверь сродни тигру, сжимающий в лапах стилизованный светильник. Потянув за солидное медное кольцо, Лед отворил более чем солидную дверь. Вырезали ее, наверное, из цельного ствола векового дуба. Вообще все в таверне дышало солидностью: приземистые столы, обширные стулья с высокими инкрустированными спинками, висящие на толстых цепях светильники, крашенные синим, таинственный полумрак в зале. Даже приглушенный гомон посетителей звучал очень солидно и респектабельно.

Лед с Тедди облюбовали угловой столик. Поблизости пировала компания дагомейцев из дружины Арнея — знакомый герб украшал грудь каждого воина. Леда в таверне, похоже, прекрасно знали. Поприветствовав знакомых, он жестом подозвал хозяина. Тот, едва завидев вошедших, приветственно растопырил руки:

— Ба, кто к нам пожаловал! Как дела, Лед? Давненько тебя не было видно...

Метрикс нетерпеливо перебил:

— Служба, Той, служба. Давай неси... На двоих.

Той — щуплый мужичонка с бегающим взглядом — заметил:

— Судя по вашему виду, господа, лучше подать на четверых!

Лед хохотнул:

— Неси, неси, пройдоха!

Хозяин удалился. Спустя несколько минут Лед и Тедди уже вовсю уплетали жареное мясо, запивая терпким красным вином. Что ни говори, натуральное мясо — вещь, как бы ни хвалили синтетику...

Перебрасываясь ничего не значащими замечаниями, они поглотили большую часть съестного. Тедди хотел уже осторожно переходить к расспросам...

Полоса везения закончилась в самый неподходящий момент. Пошла полоса неудач: загремело кольцо, отворилась входная дверь, в таверну просочился патруль Ордена. Четверо солдат при мечах и офицер при пеломенской лучевой шпаге. И все бы ничего, да офицером этим был не кто иной, как Барри, подручный Герба Коллайти и герцога Арнея. Тедди с ним уже сталкивался, и нельзя сказать, что их встречи отличались теплотой.

Барри его узнал. Рука легла на рукоять шпаги, на губах заплясала нехорошая усмешка.

— Ба! Метрикс, ты балуешься вином, вместо того чтобы вручить послание Первому!

Обращался он к Леду, а глаз не сводил с Тедди.

— Что же мне, с голоду помирать? — пробурчал Лед с плохо скрытой досадой.

Барри побарабанил пальцами по рукояти:

— И в какой компании, Метрикс!

Тедди колебался: начать первым или подождать, пока дагомейцы начнут?

— Взять их! — прорычал Барри по-медвежьи. Солдаты сунулись было вперед; Тедди, не теряя времени, обрушил на них массивный дубовый стол.

«Опять драка в таверне... — подумал он уныло, не переставая работать при этом руками. — Неужели без драки в таверне никак нельзя?»

Пока получалось, что нельзя. Солдаты наседали. Грамотно наседали, словно на тренировке в пилотской школе. Тедди никак не ожидал, что они окажутся не полными тюфяками, а вполне достойными соперниками. Если Орден готовит таких бойцов, честь ему и хвала. Вот еще бы использовать их на нужной стороне баррикад...

Первого Тедди сшиб лишь спустя полминуты. Дальше пошло быстрее: троих удержать в восприятии все же полегче, чем четверых.

Второй проехался по соседнему столу, сгребая на заплеванный пол блюда с закусками, бутылки и кружки. Третий, воспарив над широкой стойкой, врезался в нескончаемый ряд пивных бочонков. Четвертый упал на руки остолбеневшего Леда.

Не успев обернуться, Тедди услыхал звук рвущегося из «дюзы» луча. Барри, конечно!

Свой луч пилот задействовал почти мгновенно.

Двое со светящимися клинками застыли друг против друга. Вернее, враг против врага. Под закопченными сводами зала уплотнился загадочный полумрак, прячась под столами и в дальних углах. Пировавшие дагомейцы наконец сообразили, что происходит, схватились за мечи и образовали в центре неровный полукруг.

Тедди давно не слыхал сухого треска сталкивающихся лазерных шнуров. Гроздьями сыпались на пол яркие искры, бродили по рукояткам статические разряды, щекоча руки. Поединок, однако, не затянулся, и вовсе не по вине сражающихся.

Барри вдруг осел на колени, покачнулся, выронив шпагу, и тяжело рухнул лицом вниз.

До предела ускорившись, Тедди окинул взглядом таверну. Даже он почти ничего не успел разглядеть: кончик убираемой под черный балахон духовой трубки да размытый силуэт, выскользнувший за дверь. В шею Барри вонзилась короткая игла с утолщением посредине. Наверняка игла отравленная.

Стоявшие полукругом дагомейцы дружно ринулись в атаку, но Тедди решил, что на этот раз довольно свалок. Не замедляя восприятия, он протиснулся меж лениво нападающих солдат, схватил за руку Леда Метрикса и выдернул его наружу, на улицу. Бедняга Метрикс, выпучив глаза, летел вслед за Тедди, еле касаясь носками булыжной мостовой и ничегошеньки не соображая. Единственное, что сейчас ему немного помогало, это некоторый навык бега за всадником, держась за стремя.

Миновав четыре квартала, Тедди замедлился. Город перестал быть застывшей картинкой, звуки утратили басистость, небо из зеленоватого вновь стало голубым.

Лед рухнул наземь, тяжело дыша. Позади, у таверны, суматошно организовывали погоню, если Тедди верно истолковал доносящиеся оттуда крики.

— Вставай, Лед. Пора уносить ноги, — сказал пилот заботливо оберегаемому «языку».

Метрикс, тяжело отдуваясь, поднял голову:

— Кто ты, тысяча чертей?

Пилот пожал плечами:

— Какая разница? Сейчас у нас общий противник — гвардейцы Гро, Арнея и их сообщников.

Лед угрюмо встал:

— Они мне не противники...

— Брось, Лед, — перебил Тедди. — Теперь тебе не удастся доказать свою преданность. Тебя казнят как шпиона и будут правы.

— Будь ты проклят! — прошептал Метрикс с ненавистью.

— Гром и молния, Лед! Ты, данкарт по рождению, служишь этим псам дагомейцам и их кровавому Ордену? Им, растоптавшим Данкартен? И проклинаешь меня?

Тедди почувствовал, что бьет в самую точку, и решил не останавливаться:

— Пойдем со мной, Лед! Если в тебе осталась хоть капля крови древних данкартов — пойдем! И поторопимся!

Не оборачиваясь, пилот направился прочь по улице. Спустя несколько секунд его догнал угрюмый до предела Метрикс и, громко сопя, зашагал рядом.

Они направлялись к городской стене.

Глава вторая
ПАРТИЗАН

Сизый дымок струился меж бронзовых стволов, плавно убегая в темнеющее небо. Тихо потрескивал костер, хрустя смолистыми дровами. Лед мрачно шевелил вертел, на котором поджаривалась, истекая янтарным жиром, крупная куропатка.

«Итак, что же мы имеем на сегодняшний день? — размышлял Тедди, неотрывно глядя в рыжее пламя. — Первое: в стра-

не у власти почему-то дагомейцы. Гро и компания, свергнутые год назад. Достойные ученики птицы Феникс.

Второе: Орден. Темная лошадка до поры до времени.

Третье: пеломенские шпаги. Напрашивается связь Орден — Пеломен. Вообще-то сомнительно... А впрочем, кто знает? Если в Данкартене у власти Кейт Гро... Тоже вещь, казавшаяся невероятной.

Четвертое: где Харвей? Где Хирма, король Барнегат, барон Рой? Где верхушка Данкартена, правители, голубая кровь? Почему вместо них дагомейцы? Хотя это уже было, это первое.

Так... Пятое... Ага! Почему ратники Арнея без смущения лезут на лазер, имея всего лишь стальные мечи? Мелочь, конечно, но есть здесь что-то подозрительное... Нутром чую».

Лед пошевелил вертел, жир закапал прямо в огонь, раздалось сердитое шипение.

«Далее. Что в Дагомее? Не данкарты же там правят! Шестое, кажется.

Седьмое: магнитные застежки на браслетах Ордена. Снова связь Орден — Пеломен. Может, не так уж она и невероятна, связь эта? Историки у пеломенцев вроде бы неглупые. Спровоцировали же они бунт на Вермелинье? Уж на что сонная была планета...»

Тедди машинально потрогал старый шрам на левой руке, запустив пальцы в рукав комбинезона. Шрам он заработал именно на Вермелинье, правда, еще до бунта. Во время заурядного спасательного рейда напал местный зверь, совсем еще детеныш. Насилу отмахался от него ракетницей...

«Восьмое: почему пассивны простые данкарты — горожане, земледельцы? Неужели Гро устраивает их как правитель? Или в лесах орудуют отряды сродни войску Энди Махонького? Все может быть».

Тедди вздохнул. Вопросов хватило бы до утра. Пожалуй, самое время приниматься за Метрикса.

— Эй, Лед! — окликнул пилот угрюмствующего спутника. Тот нехотя приподнялся на локтях. — Давай поиграем в интересную игру? Я буду задавать дурацкие вопросы...

— А я буду давать дурацкие ответы? — буркнул Метрикс.

Тедди усмехнулся:

— Нет уж, отвечай серьезно. Представь, что я больше года странствовал, не важно где, а вернулся, и что же я вижу? Хлоп! Гро вместо Барнегата. Хлоп! Орден. «Огнем, мечом», браслеты, дагомейцы и все такое. А я — ни сном ни духом. Ну что, идет?

Метрикс странно посмотрел на пилота.

— Все-таки ты шпион, — заключил он. — Вот только не пойму чей.

Тедди ухмыльнулся:

— А какие шпионы тебе больше по душе?

— Мертвые, — отрезал Лед. — Или изловленные и пытуемые. На дыбе там или иглами.

— Ладно, ладно, — проворчал Тедди. — Развоевался. Где ты был, когда Гро брал за горло весь Данкартен? Шпионов пытал?

Лед насупился:

— А ты где?

— Я? — Тедди рывком придвинулся и заглянул собеседнику прямо в глаза. — Я Алгому от этих ворон избавлял. А потом с принцем Тауншендом Таулект тряс. Летом. Слыхал?

Метрикс кивнул:

— Слыхал... Кто ж этого не слыхал? До сих пор по тавернам небылицы рассказывают о том рейде.

— Вот с самого рейда я здесь и не появлялся. Дошло?

Впервые в глазах Леда всплыло понимание.

— Так ты — железный воин? Человек-молния?

«Ого! — подумал Тедди. — Не рановато ли?»

Пилот совершил еще слишком мало, чтобы о нем начали складывать легенды.

— Ну, допустим, это я. И что дальше?

Метрикс разве что не светился от возбуждения:

— Тебя же пытается изловить весь Орден!

— Стоп, Лед! — скомандовал Тедди. — Давай по порядку. Что есть Орден? Откуда он взялся? Рассказывай с самого начала.

И Лед стал рассказывать. Выходило, что самая заваруха началась ранней осенью. Принц Тауншенд вошел в Авостинг и был коронован; вся Дагомея с радостью приветствовала нового монарха. Казалось, что наступали светлые времена. Однако вскоре радости поубавилось: неожиданно умер король Барне-

гат и, судя по всему, ему любезно помогли отправиться на небо. Принцесса Хирма исчезла прямо из собственной спальни — и это накануне отъезда в Авостинг, где намечалась пышная свадьба! Каким-то непостижимым образом у власти оказался никому толком не известный советник Барнегата по имени Ден Трешт; чуть позже стало известно, что на самом деле его зовут Ден Гро и самозваному диктатору Дагомеи он приходится не иначе как родным братом. Все чаще звучит слово «Орден», причем привыкли к нему на удивление быстро. Людей, служащих Ордену, много, дисциплина у них завидная, наверняка эти ребята — подпольщики с солидным стажем.

Короче, вскоре почти все, кто верой и правдой служил Барнегату и Данкартену, оказались не у дел, а люди Ордена наводнили все большие города; день ото дня правили они все круче и круче. Знать Данкартена потихоньку стала поступать к ним на службу. Теперь это даже почетно — служить Ордену.

Появились светящиеся мечи — сначала их было очень мало, носили их только офицеры Ордена, потом стали доверять и простым гвардейцам.

Лед служил Ордену с середины зимы. Ходил в караул в замке Руэтты, изредка доставлял срочные вести в столицу, Диожам или Байеск. Смысла донесений он зачастую не понимал, зазубривал набор ничем не связанных слов, и все. Орден недолюбливал — чужаки все-таки, — но отец учил его, что нужно покоряться неодолимой силе, и Лед покорялся. Тем более что ничего невыполнимого не поручали, а платили всегда исправно и щедро, да не чем-нибудь, а звонкой монетой, и это примиряло.

Весной Алгому потряс бунт, во главе которого стоял барон Рой — единственный из знати Данкартена, кто осмелился отклонить предложенную Орденом службу. К Алгоме стянули войска со всей округи, и бунт захлебнулся в собственной крови. Барон и несколько его приближенных бежали на север, в Таулект, но их поглотили дремучие пограничные леса; в Дагомее беглецы так и не появились. Поговаривали, что их схватили вездесущие гвардейцы Ордена, но веских доказательств этому никто предъявить не смог.

После смерти Барнегата верхушка Дагомеи заняла выжидательную позицию и ничего против Ордена не предпринимала.

Когда же похитили принцессу Хирму, Тауншенд с несколькими верными людьми покинул Авостинг, никому не сказав ни слова. Лишь старому канцлеру Стикамору шепнул: «Войны не начинать!»

Простой люд к Ордену отнесся настороженно: покойный Барнегат был очень популярен, и его неожиданная смерть никого не обрадовала. То, что знать быстро переметнулась на сторону пришлых, тоже мало кого обрадовало: все помнили, как правил Кейт Гро в Дагомее. Запах людской крови чувствовался тогда даже в Данкартене. Но до открытых выступлений против Ордена пока не доходило. Единственная вспышка — алгомский бунт, но там оружие в руки взяли только воины Роя, горожане же остались лишь зрителями. За что и поплатились: гвардейцы Ордена пустили в ход пеломенские шпаги, и большая часть города обратилась в обожженные руины. Данкартен замер, затаил дыхание в ожидании дальнейших событий, и похоже, любой толчок извне мог поднять бурю. А бурей пахло, и пахло весьма интенсивно.

Такова была в общих чертах ситуация в стране; Тедди надолго задумался. Пожалуй, за Орденом стоял действительно Пеломен. Это плохо. Тогда он — пилот-истребитель Хобарта, новоявленный диверсант-одиночка — почти бессилен здесь. Но отступать еще рано.

Тем более что истребители не отступают.

Примерный план действий у Тедди уже сложился. Первым делом — найти принца (пардон — уже короля) Тауншенда или Хирму. Кого раньше — время покажет. По традиции предстояло пару-тройку раз спасти принцессу из вражеского плена.

Стало быть — в Авостинг, столицу Дагомеи, город на четырех холмах! Там вернее всего отыщутся следы мятежного принца, ныне короля. Может быть, встретится кто-нибудь из команды Энди Махонького. Пожалуй, это лучшие помощники на сегодняшний день.

Лед давно уже храпел, подложив под голову внушительный кулак. Костер догорал; пламя осело на жарких углях, и лишь тусклые отсветы мерцали в плотной темени. Где-то скрипела ночная птица, словно проржавевшая шестерня какого-нибудь неухоженного механизма. Задействовав сторожа, Тедди провалился в глубокий безмятежный сон.

Короткий предупреждающий толчок комплекта вернул его в дремлющий лес. Костер погас окончательно; зато небо стало мало-помалу светлеть. Значит, проспал он часа три. «Сторож» нашарил сканером людей, подкравшихся с севера, о чем и поспешил известить Тедди.

Людей было шестеро. Опустив на глаза линзы ночного видения, пилот разглядывал непрошеных визитеров. Вооруженные; одеты — кто как, значит, не гвардейцы Ордена и не ратники Арнея, если это не военная хитрость. Но, судя по разномастному оружию — все же не гвардейцы. Те вряд ли бы догадались сменить регулярные королевские мечи на два коротких дагомейских клинка, один узкий западный, пару топоров и огромный боевой молот.

Рассыпавшись неровной цепочкой, они крались к стоянке Тедди и Леда. Минут через пять, образовав правильное полукольцо, незнакомцы остановились. Наверное, собирались перед решающим рывком.

— Эй вы, там! — громко закричал Тедди, приведя нападавших в немалое замешательство. — Будет прятаться! Выходите. Я вас все равно вижу.

Спустя полминуты двое — один с мечом, второй с топором — показались на фоне сплошной черной стены леса; теперь они стали заметны и без «ночного глаза».

Тедди засмеялся: даже хитрят! Показались лишь двое из шестерых.

— Давайте-давайте, выходите все. Эй, толстый! Что макушку скребешь? Выходи. Да не прячься ты за дерево! Вот-вот, уже лучше. Да, чуть не забыл, оружие сложите на опушке.

Остальные четверо покинули заросли, но оружие никто из шестерки не бросил. Напротив, раздосадованные словами Тедди, они намеревались потолковать с ним, как львы с кроликами, по праву сильного.

Проснулся Лед, секунду тер заспанные глаза и, разобравшись, схватился за меч.

— Ай-ай-ай, — сокрушенно покачал головой Тедди. — Какие невежливые люди. Тревожат сон мирных путников...

Речь его прервало боевое рычание и звон стали. Лед махался с обладателями мечей, двое с топорами и толстяк с молотом

навалились на Тедди. Сверкнул зеленоватый шнур лазерного меча, в руках нападавших остались лишь деревянные обрубки; тяжеленный молот, отвалившись от древка, спикировал прямо на голову толстяку, двое других, получив по удару в нервные узлы, тихо распластались на росистой траве.

Тедди глянул на Леда: тот сумел ранить одного из противников, но у него сломался меч, и схватка сама собой прекратилась.

Перехватив рукоятку лазера поудобнее, пилот в два прыжка оказался рядом с Ледом, отшвырнув нападавших. Раненый в драку лезть не стал, понадеявшись на товарищей, сидел себе тихонько и баюкал окровавленную руку. Второй получил локтем в горло, забулькал и успокоился.

Оставался один — высокий и стройный, вооруженный западным клинком, узким, длинным, с затейливой гардой, в которой угадывалось что-то до жути знакомое. Тедди сразу углядел в нем искушенного фехтовальщика. Но тешить свою небезразличную к поединкам душу было некогда: рассветало.

А парень всерьез собрался фехтовать своей железкой с лазерником. Тедди удивился, отступил на шаг и понял, что лучше всего сразу же срезать ему клинок по самую гарду и не морочить себе голову.

Взмах, выпад...

Клинки встретились, выбросив в наступающее утро сноп ярких искр.

Меч высокого устоял против лазерного меча Тедди!!!

Пилот опешил от такого сюрприза и с трудом отбил несколько грамотных атак. Весь его опыт восставал — сталь бессильна против оружия звездных пилотов. А они с высоким фехтовали так, будто оба меча были лазерными.

Постепенно Тедди пришел в себя, слегка успокоился и, парировав коварный боковой конэр, угостил противника ботинком в солнечное сплетение.

С тем же успехом он мог пнуть каменную стену. Нога заныла, Тедди взвыл и, разозлившись не на шутку, выключил высокого по всем правилам рапид-бу-дзюцу. Заняло это целую четверть секунды, что еще более подняло обладателя чудо-меча в глазах пилота.

Лед с разинутым ртом наблюдал за ходом этого диковинного поединка. В руке он по-прежнему сжимал обломок своего меча. Присмотревшись, Тедди убедился, что меч Леда не сломан, а срезан лазером, чего, собственно, и следовало ожидать.

— Свяжи-ка его, — приказал он Метриксу и взял меч высокого.

Так и есть — стандартная батарея пеломенской шпаги, вместо дюзы — точечные излучатели вокруг обычного металлического клинка. Когда тонкие лучики выпущены, клинок «одевается» в лазерную рубашку. Спектр излучения подобран в стороне от видимого света, поэтому рубашка глазом не видна. Просто и изящно: с виду — меч, а работает как лазер.

Тедди задумался: «Вот и ответ, почему гвардейцы Арнея лезли с мечами на лучевик. А сделано по уму, даже я ничего не понял. Разработка явно для феодальных миров».

А парень этот был скорее всего пеломенцем.

Лед связал всех нападавших, кроме раненого, их же собственными ремнями и преданно уставился на Тедди:

— Ну и мастак ты сражаться, Кевин! Сроду такого не видел...

Тедди оторвался от раздумий:

— Запомни, Лед: меня зовут Тедди. Впредь обращайся ко мне только так.

Метрикс кивнул:

— Ладно, Тедди. Запомню, Тедди.

И они пожали друг другу руки.

Подали голос проснувшиеся лесные пичуги. Сумрак неспешно уползал в глубь леса, небо светлело с каждой минутой.

Тедди собирался заняться пленниками, но «сторож» напомнил о сеансе связи с базой. Отстегнув передатчик, пилот воткнул «джек» питания, сунул бусинку приемника в ухо и сел на землю, держа передатчик на ладони.

Знать, что в любой момент можно поговорить со своими, было очень приятно. Куда приятнее, чем быть отрезанным от всего мира, как в прошлый раз.

Метрикс снова разинул рот, готовый высыпать на него целый ворох вопросов, но Тедди коротко отмахнулся:

— Потом, Лед, не мешай... Я быстро...

Поисковый луч уже нашарил спутник связи, подвешенный на стационарную орбиту месяц назад.

«Бип, пи-пи-пи, пи!»

— Я «База»!

— Я «Атолл»...

Компьютер Тедди в долю секунды выплюнул закодированную информацию, принял ответную, сменил пару раз частоту, дал несколько бессмысленных кодировок и убрался с канала. Переключившись на дешифрацию, Тедди приготовился слушать подготовленный для него пакет.

«Вчера вечером над океаном в атмосферу вошел пеломенский бот. Предположительно — сброс десанта, один-два человека. Вражеских спутников вблизи планеты не обнаружено.

Пеломенский флот «ТР-2» покинул систему Бозонс.

Со стороны четных баксенов идет магнитная буря: напряженность — 17 регулярных единиц.

Полностью прекращены боевые действия в секторах с N-6082 по R-0009, причина — пассивность противника.

Пеломенские лидеры опровергли сообщение «Оверсан-информа» о готовности начать переговоры с руководством Хобарта».

Крохотный наушник попискивал, Тедди слушал и запоминал. Сообщения казались разрозненными и маловразумительными, но кодировщики и служба подготовки данных знали свое дело крепко: у агентов постепенно складывалась полная картина, а составленный таким образом пакет сложнее раскодировать, даже если его перехватят.

«В секторе Z-9984 зарегистрирован неопознанный объект, предположительно — бот планетного класса. Конструктивных аналогов среди техники Хобарта, Пеломена и Земли не имеется. Информация проверяется.

Питер Кауфманн, бортовой номер 16, флот «А», сжег сотый истребитель противника.

Прогноз погоды. Данкартен: ясно, без изменений.

Конец сеанса».

Подождав еще немного под тихое шипение приемника, Тедди свернул аппаратуру и встал.

Итак, пеломенский десант. «Это становится интересным», — как сказал бы погибший Мартин.

Он повернулся к Леду и замер от неожиданности.

На поляне стояло человек шестьдесят. Мечей у них было — даже Тедди смутился. Пленников уже освободили. К ним, неторопливо ступая по росистой траве, приблизился главарь сего сброда — косматого и уголовного вида детина, не лишенный, впрочем, интеллекта, судя по живому и внимательному взгляду. Его окружали четверо мускулистых ребят с подобными же взглядами: будь детина королем, их бы нарекли советниками.

— Привет, Лед Метрикс! — холодно сказал один из них. — Я слыхал, ты впал в немилость. Чем же ты не угодил Ордену?

Лед неохотно ответствовал:

— Привет и тебе, Шен Валэда... Ты в свое время связался со Стиром, а я — вот с ним. Похоже, мы товарищи по...

Он чуть не сказал «по несчастью», но, во-первых, это вряд ли было несчастьем, а во-вторых, это вряд ли стоило произносить.

— ...по... э-э-э... случайности. Я встретил вот этого человека. Он истый данкарт, и он ненавидит Орден.

Тедди внимал, не вмешиваясь.

Косматый предводитель лесных разбойников (кем еще могли быть эти хмурые субъекты, вооруженные чем попало?) с сомнением хмыкнул и поинтересовался:

— За что же ты ненавидишь Орден?

Тедди не собирался изливать душу перед подобной аудиторией. Посему он старался отвечать кратко и по возможности вопросом на вопрос.

— А ты?

Косматый напыжился:

— Я — Стир Каудрай. Со мной считается Фил Тензи, а...

— Фил? — оживился Тедди, не дав Стиру поведать о причине своей ненависти к Ордену. — Он где-то здесь? Ну-ка веди меня к нему!

В голосе пилота прозвучал такой напор, что косматый Стир на секунду смешался, пару раз хлопнул глазами, а потом широко махнул рукой:

— Пошли! А то светает уже...

Вероятно, эта публика в любом случае намеревалась увести Леда и Тедди с собой и с радостью ухватилась за возможность проделать это без излишней свалки.

Они молча шагали по утреннему лесу. Часа три. Тедди независимо насвистывал: «Галактики, как песчинки, мерцают у наших ног...», Лед Метрикс поминутно вздыхал.

Когда прибыли, Тедди сначала показалось, что вступили в памятный табор Энди Махонького. Все точно так же: и зеленые пузатые хижины, и костры, на которых готовилась грубая походная пища, и сдержанный мужской гомон, и блеск всегда готовых к бою клинков.

Чуть впереди толпы встречающих возвышался Фил Тензи, скрестив на груди мускулистые волосатые руки. Тедди издалека широко заулыбался:

— Фил!

— Тедди!!!

Фил просиял, растопырил свои ручищи и бросился навстречу. Силы он совсем не потерял за прошедший год.

— Здравствуй, старина, — выдавил пилот, слушая, как трещат его собственные горячо любимые ребра, — я, как видишь, снова в ваших краях.

Второе (после Барри) знакомое лицо на планете. На этот раз — не враг.

Глаза Фила остановились на руке пилота, вернее, на браслете, охватывающем запястье.

— С каких это пор ты якшаешься с Орденом?

Голос Тензи стал жесток и колюч, как рваная жесть.

Тедди пожал плечами:

— Извини, Фил, если я оскорбил твои чувства! Что мне, каждому из них зубы заговаривать, что ли? Хлопнул одного, да и нацепил, чтобы попусту не приставали. Помогает, я убедился. Рон Бади его звали... лейтенант Ордена...

— А-а, так это твоя работа! — ухмыльнулся Тензи. — А мы ломали головы — кто это такой крутой? Ну и как Рон?

Пилот с деланным сожалением развел руками:

— Почти не шевелился, когда мы расстались.

— Кстати, — сказал Фил, — ты знаешь, что это родной брат небезызвестного тебе Барри?

Тедди не знал.

— Вот как? А я ведь уже и с Барри успел повидаться. В диожамском трактире «Синий фонарь». Ох и пошумели!

Фил увлек Тедди к табору.

— Ты давно объявился-то?

— Вчера утром.

— Узнаю тебя. Всего сутки — и столько шороху!

Тедди только рукой махнул.

Спустя час они сидели вокруг костра с главарями данкартских партизан, ибо были это именно партизаны, и обсуждали последние новости.

С утра патрули Ордена поставлены на всех дорогах, ведущих из Диожама. Леда и Тедди вчера не нашли только потому, что они дорогой не воспользовались, а сразу двинулись через чащу. Барри снова выжил — вовремя успели лекари с противоядием. Леда Метрикса Орден приговорил к смерти после пыток. Кейт Гро встревожен не на шутку и что-то затевает, что — пока неясно. Арней в Диожаме ждет подкрепления в лице баронов Хокуорта и Родвальда с войсками, выступивших вчера из Раймы. Принцесса скорее всего там, в Диожаме, в замке старого герцога Фарли, где хозяйничал сейчас Арней с советниками Ордена. Иначе зачем усиливать и без того мощный гарнизон Диожама?

Где Харвей — неизвестно. Энди Махонький с ним; Дик Бестия исчез полгода назад, и с тех пор его никто не видел. Фил последнее время сколачивал боеспособные отряды из ушедших в леса данкартов, которым не по душе пришлось правление Гро и Ордена. Не без успеха: под его началом собралось уже около двух тысяч человек, правда, прилично вооружены были от силы четыреста.

Сказанное Филом втекало в память Тедди и оседало там до поры; когда-нибудь нужная информация всплывет, как всплывают в оперативной памяти резидентные аларм-файлы. Для агента-одиночки никакие сведения не бывают лишними, поэтому лучше фиксировать все.

Кто помог Тедди в диожамском трактире, Фил не смог даже предположить. Оружия, хотя бы отдаленно похожего на духовые трубки, ни в Данкартене, ни в Дагомее никогда не знали.

В ближайшее время Фил намеревался захватить контроль над дорогой, ведущей из Диожама на север страны, серьезно ослабив в этом районе влияние Ордена, а также планомерно вооружать своих молодцов.

Тедди выслушал все это и прикинул шансы. Если принцесса Хирма действительно в замке Фарли, рискнуть стоило. Если нет — тогда, может быть, удастся заставить Орден и лично Кейта Гро считаться с собой. И завладеть некоторым количеством пеломенских шпаг, а может — и мечей-перевертышей, которые невозможно синтезировать в полевых условиях. Хорошо экипированные партизаны Фила пригодятся в дальнейшем.

— Послушай, Фил, — осторожно предложил Тедди. — Почему бы нам не взять Диожам?

Фил внимательно глянул пилоту в глаза. Наверное, он вспоминал знаменитый налет на Таулект.

— Думаешь, это возможно? Тогда ведь ночью действовали, даже и не подрались толком. В Диожаме большой и хорошо обученный гарнизон. И кроме того, тебе ведь для того трюка необходим был Дик Бестия, а где он сейчас — ведает только небо.

Тедди отрицательно покачал головой:

— Я не о том. Поверь, мы сможем это сделать. В Таулекте у меня не было ничего, кроме лазерного меча, теперь же я напоминаю эдакий ходячий арсенал. Собственно, в одиночку я могу превратить Диожам в груду развалин, только зачем? А вот удержать город я не сумею, ибо находиться одновременно в нескольких местах мне, к сожалению, не дано. Ну, что ты скажешь, Фил? В замке жить, поди, приятнее, чем в лесу.

Фил с сомнением кашлянул. Его помощники насквозь пропитались скепсисом и не собирались скрывать кривые улыбки. Они еще не знали, кто такой Теодор Айронсайд, пилот первого класса, ныне — резидент-одиночка хобартской диверсионной службы.

— Ладно, — сказал Тедди, вставая. Он помнил, ничто так не убеждает, как живой пример. — Видите во-он тот камень?

Все обернулись — метрах в трехстах из земли торчала серая ледниковая глыба размером с корову. Запитав комплект, Тедди ввел цель; мигнул индикатор автонаведения.

— Берегите глаза, — предупредил он, нажимая на спуск.

Фиолетовая молния с шипением рассекла воздух и разнесла булыжник на тысячи мелких осколков, брызнувших в разные стороны, как мальки от щуки. Из свежей воронки колечками поднимался светлый дымок.

Партизаны отвесили челюсти, все, за исключением Фила, который ожидал чего-то подобного. В таборе поднялась невообразимая суматоха.

— Уверяю, это даже не одна сотая полной мощности. Это так, игрушки.

Когда бородачи малость успокоились и притихли, продолжили совет. Слово взял Стир Каудрай:

— С таким оружием можно штурмовать что угодно, не спорю. Но у моих молодцев и мечей-то нет. Один на четверых. Этого мало.

— Будут мечи, это не проблема. Можно даже прямо сейчас.

Тедди встал и развернул синтезатор. Настроив его на оружейную сталь, вывел модель в объем, просчитал пропорции и запустил программу на непрерывный выпуск.

Рядом с модулем, прямо в воздухе, возник полупрозрачный силуэт доброго западного меча с широкой гардой, на глазах потемнел, уплотнился, и спустя пару секунд на землю упал меч в завершенном виде. Над ним проступали смутные очертания следующего.

Нагнувшись, Тедди взял готовый меч. Рукоятка удобно легла в ладонь; клинок тускло поблескивал; у самой гарды виднелось четкое клеймо: «Сделано в Хобарте».

— Пойдет? — спросил он Фила.

Меч пошел по рукам. Партизаны цокали языками, пробовали кромку лезвия пальцами и многозначительно переглядывались. Меч им явно нравился.

И пошло. Синтезатор пек оружие, как сноровистая хозяйка блины: четыре секунды — меч, четыре секунды — меч... Часа через два перешли на короткие дагомейские клинки; после обеда Тедди смоделировал нескольким желающим изогнутые, похожие на сабли, а также пяток двуручных для особо одаренных в плане физической силы. Потом перешли к топорам — на них тоже нашлось немало охотников.

К вечеру в таборе не осталось ни одного невооруженного человека. Вокруг синтезатора образовалась большая яма — землю сожрал ненасытный реактор. Двое верзил с лопатами устало присели на краю, свесив ноги вниз.

— Все, — объявил Тедди. — На сегодня хватит.

Народ поглядывал на синтезатор довольно жадно, но все помнили расстрелянный вдребезги камень и решали, что покушаться на заманчивую мини-оружейню сильно не с руки.

Свернув все вплоть до посаженных батарей, пилот вновь уселся в круг главарей.

— Поговорим о деталях.

Говорили допоздна.

Глава третья
ШТУРМОВИК

Парня, о которого Тедди отбил ногу вчерашним утром, не нашли. Его вообще никто не знал и не помнил, откуда он взялся. Вчерашний отряд состоял из представителей двух шаек, южанпраев и алгомских мастеровых. Южане решили, что он из Алгомы, мастеровые — что южанин. О мечах-перевертышах партизаны даже и не слыхали.

Тедди ругал себя всю дорогу до самого Диожама. Наверняка ему встретился пеломенский агент, не зря же чужой бот долго крутился в опасной близости от спутников Хобарта.

Повеселевшие партизаны бодро шагали лесной дорогой, накатанной сотнями повозок. Без дела молодцы лесных атаманов несколько застоялись, это бросилось в глаза еще в таборе. Когда нет оружия — какое дело? А тут и мечи раздали, и на Диожам двинулись — чем не повод для хорошего настроения?

Фил Тензи ожидал громкого штурма, но Тедди справедливо решил зря не шуметь. Две тысячи неплохо вооруженных лесовиков — это, конечно, сила. Однако железной дисциплине Ордена партизаны могли противопоставить лишь сомнительное повиновение своенравным главарям движения.

Высокие стены Диожама царапали блеклое южное небо. К городу подошли с северо-запада, прячась в низком винограднике, что тянулся почти до самых стен. Наверху, на стенах, торчали несколько стражников, разомлевших от зноя.

— Эй! Кто-нибудь знает, где их офицер — начальник стражи прячется от жары? — Тедди разглядывал Диожам в бинокль-

волновик. Тонкий шнур видеоусилителя щекотал небритую щеку.

Фил указал на круглую башенку с несколькими бойницами под самой крышей:

— Там. Только начальник стражи не офицер, а десятник, у него всего-то и забот, что уберечь свой участок стены. Начальник общей стражи, лейтенант чаще всего, обычно дежурит в башне у главных ворот.

Тедди шевельнул бровями:

— Когда смена?

— Судя по солнцу, часа через четыре. Нынешние заступили в полдень.

— Сколько солдат в башне?

— Десять — двенадцать, треть из них скорее всего спит.

— Замечательно. Сидите здесь, только тихо, а когда я дам знак — тут уж поторопитесь. Надеюсь на тебя, Фил!

Тензи опустил ладонь на плечо пилота:

— Не волнуйся! Все пройдет как надо. Не впервой.

Тедди проверил комплект и поднялся, соображая, с кем еще могли снюхаться его сообщники, раз им не впервой такие экзотические штурмы. Стройные ряды виноградника обрывались в пяти метрах впереди.

— Да, — обернулся Тедди. — Вот еще что: когда войдем в город — никакого грабежа и пьянства. Нужно будет еще замок взять.

Фил кивнул:

— Конечно. Я ручаюсь за всех своих.

«Хорошо бы», — подумал Тедди с надеждой.

От стены его отделяло метров сто — сто двадцать. Рука легла на пульт, пристегнутый к поясу, — крохотную коробочку размером с пол-ладони. Фантом-дурилка медленно сформировался рядом.

— Что это? — отшатнулся Фил.

Не оборачиваясь, Тедди пояснил:

— Управляемая голограмма. Что-то вроде призрака-слуги. Он не опасен.

Фил недоверчиво пялился на фантома, сжимая рукоять меча. На всякий случай пилот приделал фантому голову быка; в ос-

тальном же фигура ничем не отличалась от человеческой. Нарядив ее в ярко-красный плащ, Тедди полюбовался на свое творение, задал направление и перегнал дурилку в автоном.

Человеко-бык потоптался на месте, словно пьяный, и вышел из виноградника, направляясь на юг, вдоль стены. Шаг его быстро стал уверенным и легким.

В эту сторону Тедди больше не глядел. Партизаны, получившие приказ ждать, расселись под кустами, негромко сетуя на то, что виноград еще не созрел. Исчезновение Тедди заметили только Фил да Стир Каудрай. Строго говоря, пилот вовсе не исчез, а всего лишь включил систему боевого камуфляжа. По внешнему слою комплекта пробежал рой ярких огоньков, и фигура Тедди стала стеклянно-прозрачной.

Стир чертыхнулся и потер запястьями глаза.

— Все в порядке, — успокоил его Тедди, — это я так прячусь. До встречи в городе.

Почти невидимый пилот двинулся к стене. Рассмотреть его было почти невозможно, казалось, горячий воздух, дрожащий под полуденным солнцем, принял очертания человеческой фигуры; легкая игра света и теней, да и только.

Стена преградила ему путь — шероховатая, грубая, словно скала. На секунду включились двигатели в подошвах ботинок, плюнув голубоватым огнем, и Тедди вознесся на стену с легкостью птицы.

Тем временем стража заметила фантома; солдаты загалдели, указывая на ярко-красную фигуру, появился десятник с пеломенской шпагой на рукаве. Тедди подошел к ним сзади с биопарализатором, жалея, что приходится действовать вот так — техникой, а не мечом. Нечестно как-то... Но — задание превыше всего, а шуметь сейчас не время.

Стража полегла от первого же залпа. Теперь воинам предстояло несколько часов пялиться в одну и ту же точку — отключились даже мышцы глаз. Тоска смертная, Тедди на себе испытал.

В караулке спали еще четверо. Их постигла сходная участь. Обойдя стол с разбросанными игральными костями, пилот направился к винтовой лестнице. Внизу, у основания башни, отключил камуфляж, чтобы не садить зря батареи. Да и работать

приятнее, когда видишь собственные руки, а не полупрозрачный студень.

Активировав мощный бластер, Тедди содрал со стены два тяжелых, украшенных гербами щита и сотворил аккуратный проход наружу. Широкий, безукоризненно правильный, хоть дверь навешивай. Если бы не свежий срез на камнях, любой бы поверил, что ход сотворен изначально, по замыслу архитектора.

Знак людям Фила Тензи — виноградник, доселе мирный и вроде бы пустой, сразу же ожил, зашевелился и излил из себя потоки лесных партизан. Они шли молча, Тедди не зря инструктировал главарей. Мигом пересекли пространство до стены и стали стремительно втягиваться в новоявленный ход. Шестерых Фил сразу же заставил переодеться в плащи стражников и загнал на стену. Все это проделали предельно быстро, в городе никто ничего не успел понять.

Внутренняя дверь башни запиралась на внушительный висячий замок. Блеск лазерного шнура взорвал полумрак, нестерпимо полоснув по сетчатке глаз; замок лохмотьями оплавленного металла сполз вниз по рыжим кирпичам и мореному дереву. Взвилось легкое облачко дыма.

За дверью простерлась мощенная булыжником площадь. Наскоро сотворив себе и остальным иллюзию формы гвардейцев Ордена, Тедди повел отряд к замку. Генератор работал на пределе, перекрывая площадь в полторы сотни квадратных метров — ровно столько занимал строй вооруженных партизан. Редкие прохожие жались к стенам приземистых домов: видать, встреча с гвардейцами никого не радовала.

Замок вырос перед ними за глубоким рвом; под старым, но еще на редкость крепким мостом заунывно квакали полчища лягушек. Заслон у ворот предстояло убрать с ходу, без лишнего шума и разговоров.

Вновь импульс на двигатели и короткий полет через стену. Толпа партизан осталась без голограммного прикрытия, вместо коричневых плащей Ордена войско явило свету живописные одежды лесных бродяг, но Тедди этого заметить не успел. Ускорившись до предела, он выкосил привратную стражу и всех, кого увидел в непосредственной близости; голова привычно

загудела, впитывая накладки рапид-динамики. Засов долой, ворота настежь!

Партизаны хлынули в замок. Дальше прятаться не имело смысла, гарнизон достигал едва сотни человек, у Тедди же имелось без малого две тысячи — чудовищное по тем временам войско.

— Охрану обезвредить! Занять стены! Стир — займись!

Каудрай отсалютовал и исчез, его зычный голос, выкрикивающий команды, скоро зазвучал вдалеке, зазвучал и утонул в воинственном реве лесовиков.

— Фил, держись ближе!

Массивная, обитая медью дверь в слепой стене загрохотала на каменном полу, безжалостно содранная с петель. Сервоусилитель комплекта спел ей прощальную песню. За дверью обнаружился длинный коридор.

— Фил, где покои знати?

Тензи с готовностью засеменил впереди. Хлипкие заслоны Ордена сметались железной волной мятежного десанта. Главная зала — вскочил наместник Ордена, а два разодетых в парчу капитана даже не успели задействовать шпаги.

— Вязать их!

Ответом Тедди служили стройный стоголосый вопль и мгновенное исполнение его приказов. Пилот сейчас был богом и отцом истосковавшейся по доброй драке толпы, ненавидящей Орден. Замок захватили в десять минут, партизаны и сами дивились результатам своих согласованных усилий. Похоже, они постепенно осознавали преимущества организованного штурма перед бестолковым навалом, к которому прибегали до сих пор. Результат, как говорится, налицо, а потерь практически нет!

— Герцог Арней, если не ошибаюсь, — любезно расшаркался Тедди. — Мое почтение!

Арней, не веря, гневно сверкал глазами. События повторялись: он снова стал жертвой дерзкой атаки на неприступный вроде бы замок и вновь проиграл вчистую. Только на этот раз атаковавшие не собирались уходить — они по-хозяйски располагались в залах и комнатах.

— Фил! Выслать наряды в город! Обезвредить все патрули и охрану внешних стен!

Приказ несколько запоздал: во-первых, Стир Каудрай дело знал и расстарался вовсю. Расколошматив гвардейцев в замке, он отослал группы под началом наиболее верных людей к сторожевым башням; во-вторых, в южном районе города поднялись ремесленники и мещане и смяли растерянных гвардейцев Арнея, оставшихся без руководства. В считанные минуты разнеслась весть — Диожам более не принадлежит Ордену! Орден повержен! Повсюду сновали лесовики, бряцая клинками с клеймом «Сделано в Хобарте», преисполненные решимости и боевого пыла.

Тедди обходил замок. В сырых темных подземельях томились полсотни узников; среди них — старый герцог Фарли и его брат, истинные владельцы замка. Их немедля освободили и с подобающими почестями препроводили в лучшие покои, остальных узников Тедди велел отпустить с богом: враги Ордена Хобарту не враги.

Принцессу Хирму держали в дальнем крыле. Едва Фил, громыхая огромной связкой замысловатых ключей, отомкнул тяжелую дубовую дверь, девушка метнулась к Тедди. Губы ее были сухи, а щеки чуть солоноваты, должно быть — от слез.

— Тедди! Ты верен себе!

— Конечно, ваше высочество. Спасать принцессу — только моя прерогатива. Кстати, где Харвей?

Хирма спрятала лицо у пилота на груди.

«Не задела бы пульт, — подумал мимоходом Тедди. — Не дай бог, активирует полную защиту или наведение бластера...»

«Пижама» диверсанта не предназначалась для объятий. Но Хирма, услышав имя Харвея, отстранилась:

— Я тоже хотела бы знать, где он!

На пороге комнаты неожиданно возник огромный рыжий котище и холодно воззрился на Тедди. Сознание словно обдало внезапным сквозняком. Тедди даже вздрогнул.

В тот же миг из-за поворота показалась группа бритых наголо воинов вперемежку с косматыми партизанами. Шли они со стороны главных ворот.

— Хей! — заорал в упоении Стир Каудрай. — Глядите, кто объявился!

— Кто здесь желает знать, где я? — спросил Харвей Меткий Глаз, король Тауншенд, правитель Дагомеи, широко улыбаясь.

Принцесса, захмелевшая от счастья, обмякла в его объятиях. Тедди деликатно умолк, выжидая. Фил Тензи сиял, как аварийный вызов, и приплясывал, как скакун на старте.

— Только мы северные ворота заняли, — шепнул Стир, — горцы навалились, приняв нас за гвардейцев Ордена. Хорошо, что я узнал их младшего вождя Саная... А главное — он меня тоже узнал...

— Привет, Тедди! — сказал король. — Ты снова меня чуть-чуть опередил.

Тедди улыбнулся и заблокировал пульт, ибо настал черед крепких мужских объятий.

— Привет, Харвей! Значит, я поступил правильно, явившись в Диожам! Признаться, сначала я намеревался отправиться в Авостинг искать твои следы — ты ведь пропал.

Оба — и Тауншенд, и Тедди — были по-настоящему рады встрече, а истосковавшаяся в плену принцесса затмила бы улыбкой весь звездный певческий состав «Pat Girls» с любого рекламного постера. У кого есть верные друзья — тот поймет цену такой улыбке.

Тауншенд уже открыл было рот, чтобы задать пилоту очередной вопрос, но ему помешали: слабо тренькнула арбалетная тетива. Тедди, почуяв опасность, рывком ускорился, одновременно снимая блокировку с пульта.

Он опоздал. Стрела впилась бы ему в горло, если бы ей не преградил путь брошенный кем-то факел. Оперение умерло в огне, посеяв запах паленой органики, факел с торчащей стрелой медленно-медленно упал на каменный пол. В глазах кота отразилось пламя.

Тедди переключил внимание на ближайшее окружение.

За угол, откуда только что пришел Харвей со свитой, скользнула бесплотная фигура в черном балахоне, а сверху, с толстой деревянной балки над коридором, рухнул гвардеец, выронив арбалет. Глаза его были стеклянными, на губах пузырилась розовая пена, а из шеи торчала коротенькая иголочка от духовой трубки.

За углом, конечно же, никого не оказалось. Но Тедди, почуявший повадки мастера ниндзюцу, знал, что делать, мигом взобравшись на такую же балку.

Так и есть — стены замка не достигали потолка на добрых полметра. Гуляй себе на верхотуре, как муха по стеклу! А снизу и не разглядишь — под сводами всегда таится полумрак.

Неизвестного Тедди увидел еще раз, когда тот перемахивал через ров. Попытка просканировать его мозг наткнулась на такой мощный психоблок, что пилот потерял темп и безнадежно отстал.

Неведомый ангел-хранитель в черном балахоне вторично спас ему жизнь и растворился в бурлящей на площади толпе.

Глава четвертая
МЯТЕЖНИК

Смолистые факелы пылали на стенах высокого зала, по потолку бродили неверные косые тени. Тедди велел обшарить весь замок на предмет выявления спрятавшихся врагов — безрезультатно, но он не особо и надеялся. Гвардейцы, если кто и был, давно убрались, а неизвестный в черном дважды показал себя истинным профессионалом, и ошибок с его стороны ждать не приходилось.

Обеденный стол ломился от изысканных блюд, приготовленных карликом-поваром короля Тауншенда; Тедди отвел душу после дня на питательных таблетках. За столом сидели Хирма, Харвей, Тедди, Фил, Стир, вождь горцев Санай и герцог Фарли с братом.

Арнея и офицеров гарнизона, а также служителей Ордена заперли в подземельях замка. Фарли горел нетерпением: он поклялся подвергнуть Арнея всем изощренным пыткам, что вытерпел сам. И это несмотря на слабость старого герцога, еще не оправившегося от тех же пыток! Видит бог, ненависть сильнее боли.

Вскоре Фарли с братом удалились. Тедди, запив обед дивным местным вином, откинулся на высокую спинку кресла.

— Славно, — сказал он, довольно жмурясь. — Повар — просто волшебник.

— Да, — отозвался Харвей. — Не зря я повсюду таскаю его с собой.

— Кстати, — решил переходить к делу Тедди, — тебя не пришлось искать, ты прибыл как раз вовремя. Откуда, если не секрет?

Король улыбнулся:

— С гор на востоке. Оттуда, где я провел детство и юность. Горцы — народ честный, гордый и свободолюбивый, и они преданы мне, потому что убеждены: я приношу счастье. Однако признаюсь: меньше всего я ожидал увидеть Диожам очищенным от скверны, именуемой Орденом.

— Хм! Пожалуй, очищенным его называть еще рановато...

Харвей пожал плечами:

— Во всяком случае, он оказался уже захвачен тобой! Я-то планировал встретиться с людьми Фила и самому штурмовать Диожам.

— Рад, что помог тебе, Харвей, — сказал Тедди. — Но что же дальше?

— Дальше? Собирать всех, кто еще не оброс мхом и не зажирел, под знамена покойного Барнегата — и на Райму! Очистить от скверны весь Данкартен — вот моя цель!

— Орден силен, — задумчиво произнес Тедди. — Справимся ли?

Харвей обратился к Филу:

— Сколько собралось людей?

— Две тысячи, — ответил тот. — Все прекрасно вооружены, спасибо Тедди Айрону. Потерь почти нет.

— Отлично! — воскликнул Харвей. — Где ты раздобыл оружие, Тедди, я даже не спрашиваю. У меня пятьсот горцев, а эти воины стоят двоих каждый...

Речь короля прервал стражник у дверей зала, торжественно провозгласивший:

— Барон Рой Алгомский!

Все обернулись. В зале появились трое в запыленных с дороги плащах: барон Рой, Остин и Спик.

— Приветствую короля Дагомеи и принцессу Данкартена! — учтиво поздоровался барон.

Не доходя нескольких шагов, все трое опустились на одно колено, прижали руку к сердцу и склонили голову.

— Ваше величество! У меня всего четыре сотни кое-как вооруженных людей, — сказал Рой, — но они готовы отдать

жизни за Данкартен. Волею случая я слышал ваши последние слова — принимайте нас под начало!

— Приветствую тебя, мятежный барон! — Тауншенд встал и протянул руку Рою. — Ты один в этой стране остался верен законной правительнице — принцессе Хирме — и не склонил голову перед Орденом. Держи же голову выше и в обществе тех, кого смело можешь назвать друзьями и с кем придется сражаться бок о бок против прихвостней Ордена!

Тедди в который раз удивился: удается же этим урожденным вельможам говорить торжественно и цветисто и при этом совсем не выглядеть напыщенными пустословами.

Рой поднялся с колена и пожал протянутую королем руку.

— Принцесса! Даже плен не коснулся вашей красоты — вы все так же прекрасны!

— Спасибо, Рой! Спасибо за все — и за комплимент, и за верность. Обещаю, как только Данкартен снова станет свободным, Роям не придется сетовать на неблагодарность семьи Барнегат...

Рой увидел наконец Тедди:

— Ба! Пилот Тед Айрон снова в наших краях! Полагаю, Ордену несдобровать в ближайшее же время!

Поздоровавшись с остальными, барон сел за стол, тут же рядом устроились и Остин со Спиком. Прислуга торопливо накрывала еще на троих.

Харвей вернулся к прерванному разговору:

— Итого у нас почти три тысячи войска. Это немало. Только бы вооружить нуждающихся...

Тедди с видом заговорщика поднял руку:

— Это не проблема, Харвей. Недостатка в клинках не будет. Да и Райму мы возьмем без большой крови, это я обещаю. Но прежде у меня есть несколько вопросов. Постарайтесь ответить на них по возможности полно и четко.

Харвей и Хирма кивнули.

— Первое. Вам знаком этот прибор?

Он отстегнул передатчик и положил его на стол перед собой. Все обратились во внимание, пожирая глазами плоскую коробочку с маленьким экраном.

Харвей переглянулся с принцессой, взял передатчик в руки, бегло осмотрел и отрицательно помотал головой:

— Похожую вещь я видел однажды в Таулекте, ту самую, за которой ты охотился в прошлый раз. Больше — никогда. Что это — я не знаю.

Хирма часто закивала, подтверждая слова короля Дагомеи.

— Хорошо. Второе: не отправляли ли вы мне сообщение? С месяц назад?

Принцесса, взглянув на Харвея, развела руками.

— Как же мы могли его отправить, мы ведь не знали, где ты... Правда, когда в Алгоме барон Рой поднял бунт и меня увезли ненадолго в Райму, я страшно хотела, чтобы ты вернулся... Дела шли так плохо!

«Черт побери, — подумал Тедди. — По времени сходится! Неужели эта штука, что спрятана под замком Барнегат, способна реализовывать подсознательные команды? Хирма хотела, чтоб я вернулся, сильно, говорит, хотела, а в результате я получаю телеграмму по ноль-каналу! Вот это техника!»

— Далее. Под замком Барнегат в Райме кое-что спрятано. Поглубже самых глухих подземелий. Что известно об этом?

Хирма нахмурилась.

— Кто рассказал тебе эти сказки? Да, говорят, что давным-давно там спрятали много волшебных вещей, но за сотни лет бог знает сколько смельчаков пытались хоть что-нибудь отыскать в подземельях. Даже отец в молодости пробовал — везде сплошной камень. Никто не нашел ни мельчайшей пылинки, ни щелочки в кладке.

— Но слухи продолжают бродить? — спросил Тедди мягко.

Хирма пожала плечами:

— Мало ли слухов бродит по свету? Уж свой-то родовой замок я знаю получше многих.

— Очень хорошо. И последнее. При штурме Раймы очень бы пригодился Дик Бестия. Куда он запропал?

Принцесса, последнее время томившаяся в плену, конечно, мало что сумела прояснить. Харвей мог знать больше, однако ответ его был маловразумительным:

— Без понятия, Тедди. В середине осени в Авостинг явился какой-то его старинный приятель-колдун, Дик сказал, что на некоторое время отлучится, и с тех пор не показывался. Я уже беспокоиться начал: он исчезал и раньше, но тогда поспокойнее было, что в Дагомее, что в Данкартене, что в горах.

— Жаль, — вздохнул Тедди. — Признаться, я на него рассчитывал. Собственно, это все, что я хотел выяснить... Да, — спохватился пилот, — еще неплохо бы услышать подробности смерти короля Барнегата. Заранее прошу прощения, принцесса, но я действительно должен это знать.

Девушка опустила взгляд; Харвей предупредительно положил ладонь ей на плечо.

— Да, Тедди, я понимаю. Похоже, его отравили. Правда, тогда мы ужинали вместе, я ела и пила все то же, что и отец, и тем не менее утром его нашли мертвым в соседней комнате. Она запирается изнутри, известно, что никто не входил туда, я уверена, потому что ночью почти не спала, а через мою комнату никто не проходил. С отцом был лишь Витольд — наш кот. Это все, что я могу рассказать.

Тедди обернулся, взглянув через плечо, — кот лежал у камина и таращился на людей.

«Странно, — подумал пилот отстраненно, — мы обедали, а он не попрошайничал. Вот что значит королевское воспитание!»

— Спасибо, принцесса. Еще раз приношу извинения, — сказал он вслух.

Харвей поспешил сменить тему разговора, тем более что Рой со своими офицерами к этому времени успели насытиться.

— Ну что же, барон! Жажду услышать вашу историю: куда вы исчезли после алгомского мятежа?

Барон залпом осушил свой кубок.

— В общем, тут и поведать-то нечего, ваше величество. Шли к дагомейской границе, встретили несколько десятков беглых солдат, не подчинившихся в свое время Ордену, осели в лесу, в их таборе. Добывали оружие, народу прибавлялось — многим ведь Орден не по нутру. А сегодня на рассвете дошла весть — Диожам взят! Мы — на коней и сюда. Признаться, лесная жизнь нам порядком осточертела, и я несказанно рад, что сижу за столом, а не у костра и пью доброе вино, а не ту бурду, что ухитряются гнать мои солдаты. Вот и вся история.

— Основной отряд прибудет завтра днем, — подал голос Остин. — Коней у нас почти не осталось.

Поговорили еще немного о всяких пустяках — о необычайно жарком лете, о горцах, об охоте; вскоре Тедди поднялся из-за стола:

— Барон! Какое оружие предпочитают ваши солдаты? Сколько чего нужно? Самое время этим заняться.

Барон с жаром пустился в объяснения, Тедди машинально запоминал.

«Эх-ма! — подумал пилот. — Скоро мечи с клеймом «Сделано в Хобарте» перестанут цениться на вес золота...»

Синтезатор последней модели создавал клинки ступенчатой структуры: внутренние слои стали были тверже внешних, благодаря чему внешние стирались немного быстрее, и меч практически не нуждался в заточке, оставаясь все время острым.

Запас оружия пополняли до вечера. К этому времени принцесса Хирма, переодевшаяся в свой походный костюм и вооруженная мечом, произнесла перед горожанами страстную речь, и к войску примкнули еще сотни две ополченцев. Тедди направил Леда Метрикса произвести среди пополнения смотр и слегка потренировать их.

Перед сном порядком вымотавшийся пилот вышел на очередной сеанс, на этот раз закрытый. Пока проходил короткий импульс, в который спрессовали депешу, приемник и передатчик синхронно успели сменить три частоты.

«База» — «Атоллу».

Вблизи планеты отмечена необычайная активность сил Пеломена: два легких крейсера легли на орбиту, позволяющую в любую минуту высадить десант предположительной численностью до батальона штурм-пехоты. Ответные меры Хобарта будут предприняты не позднее шести — восьми минут после времени «икс» с одновременным перехватом всех взлетевших с территории Данкартена средств до входа ими в маршевый режим.

Захваченные на планете образцы лучевого оружия по уровню технологии и конструктивному исполнению, а также по исходному материалу не могут быть отнесены к продукции Пеломена или Хобарта. По оценкам экспертов, имеет место ловкая имитация изделий Пеломена на базе более высокой технологии.

Аналогичная ситуация с захваченным браслетом. На основании вышеизложенных фактов предписываются действия в соответствии с пунктом 12-А базовой инструкции.

Прогноз погоды. Данкартен: легкая облачность, ветер западный, температура и влажность без изменений.

Конец сеанса».

Тедди извлек бусинку-говорилку из уха. Вот тебе и пеломенцы!

Пункт 12-А базовой инструкции предполагал действия при вмешательстве третьей силы.

Выходит, кто-то еще не на шутку заинтересовался спрятанным под родовым замком Барнегат в Райме. Но кто? Его, агента Хобарта, исподволь убедили, что в стране хозяйничают пеломенцы. Пеломенцев, если они тут вообще есть (хотя наверняка есть), как пить дать убедили в обратном: Хобарт-де наводнил Данкартен своими агентами. Неужели провоцируют столкновение? Так зачем далеко ходить: который год уже деремся... Кому это нужно? Кому выгодно?

Лес загадок!

Решив, что утро вечера мудренее, Тедди откинулся на просторное ложе, забросив руки за голову. Раздеваться было лень.

Позже Тедди на бегу обрадовался своей лени: не пришлось в спешке одеваться.

За окном громыхнул взрыв; послышались крики часовых. Ночная тишина уступила место лавине звуков: подняли тревогу.

Харвея и Хирму пилот нашел во дворе. Вдалеке, над внешней стеной, диковинными фонарями висели осветительные фееры. Кто-то шел на приступ! Кто-то чуждый этому миру!

— Фил, Стир, Остин! Людей на стены! Харвей — горцев туда, где свет! Держать постоянную связь!

Никого не удивило, что Тедди приказывает королю. Даже самого короля. И уж конечно, это не удивило Тедди.

Спустя пять минут прибыли на место штурма. В стене зиял внушительный, метров около восьми, пролом; его из последних сил обороняли три десятка людей Фила. Атаковали их рослые ратники барона Хокуорта, чьи желто-черные знамена виднелись вдали.

С шипением вырвались на свободу лазерные шнуры неизвестно чьих, но очень похожих на пеломенские шпаг.

— Данкартен! — Звонкий голос принцессы увлек в самую гущу свалки отборный отряд барона Роя, который Тедди вооружил лучевиками.

— И Барнегат! — Барон Рой орал громче всех, на редкость удачно действуя новым для себя оружием. Тедди не завидовал их противникам: в дело вступили фехтовальщики первой десятки двух стран.

Уставшие защитники пролома смогли наконец перевести дух; воинов Хокуорта вмиг вышибли за пределы города. Подходили все новые и новые отряды армии Харвея и Тедди. Сражение выплеснулось наружу, закипело у городских стен, растекаясь, как река, что прорвала плотину. Рой, Хирма и Харвей рубились с Хокуортом и его приближенными, а с севера уже спешили сомкнутые ряды закованной в железо пехоты под знаменами барона Родвальда. Высыпав из виноградника, они мгновенно построились и бряцающим потоком устремились вдоль стены. Тедди нервно взялся за бластер, но тут на пехоту сверху горохом посыпались бесстрашные и свирепые Харвеевы горцы во главе с Санаем, вооруженные кривыми кинжалами и топориками. Несокрушимая рать Родвальда дрогнула и опустила копья, ряды рассыпались и смешались, так и не придя на помощь Хокуорту.

Подмога из города не иссякала: уже больше тысячи противников Ордена бились под стенами Диожама. Родвальд и Хокуорт не ожидали, что бунтарей так много, и в панике отступали на северо-запад. Не предполагали они и того, что все их недруги прекрасно вооружены.

Тедди вздохнул спокойно, сшиб со стены троих невесть как туда взобравшихся ратников Хокуорта, и тут в темноте заиграли сигнальные трубы.

Помянув черта и межзвездный вакуум, пилот веером повесил четыре «светляка»; в ночном небе вспыхнули четыре ослепительно яркие звезды. Астрономы, будь они в Диожаме, пришли бы в отчаяние.

— Ну и дела! — присвистнул Тедди. Ошарашенно присвистнул, что и говорить.

Невдалеке четкими прямоугольниками застыли шеренги гвардейцев Ордена, личная гвардия Кейта Гро и еще пяток отрядов под различными знаменами. Настоящая армия числом не менее трех тысяч. Похоже, все силы Ордена и его противников собрались в эту ночь под Диожамом.

Скомандовав отход, пилот подумал, как бы закупорить пролом в стене. Сломать он мог что угодно, а вот построить... Сломать всегда гораздо проще, чем построить, — печальная истина всех времен.

Горцы, солдаты Роя и бородачи Фила быстро втягивались назад, под защиту стен. Показались распаленные схваткой Харвей и Хирма.

— В чем дело, Тедди? — В голосе короля звенела досада и нетерпение оторванного от поединка дуэлянта.

Тедди протянул ему волновик:

— На, полюбуйся.

Тауншенд глянул. Нельзя сказать, что пополнение в рядах противника его сильно смутило.

— О-о! Много. Как поступим?

— Подумаем...

Размышления Тедди прервал запыхавшийся гонец из замка.

— Нападение! Человек десять, все со светящимися клинками, ну прямо как у вас. Выкрали из подвалов герцога Арнея, офицеров и почти всех служителей Ордена и были таковы! Мы ничего не могли поделать. — Солдат продемонстрировал срезанный лазером до половины меч.

— Куда они направились?

— К южным воротам.

— Проклятие! Не успеем перехватить.

А сам подумал: «Ловко! Отвлекли атакой в другом месте и навалились».

Харвей махнул закованной в железо рукой:

— Бог с ним, с Арнеем. Еще сквитаемся. Убитых много?

— У нас — семеро, у них — ни одного. Сильно фехтуют, да и оружие...

— Ладно. Возвращайся в замок, — отпустил солдата Тедди.

Лед Метрикс проявил похвальную смекалку и сообразительность: он уже руководил ремонтом стены. Солдаты и даже кое-кто из горожан дружно таскали камни, бревна, мешки с песком. Пилот довольно хмыкнул:

— Молодец Лед!

— Тедди! — Откуда-то сзади, из глубины окраинных кварталов, послышался зычный голос Стира Каудрая. — Ты где?

— Здесь!

Стир торопливо пересек пятачок перед стенами и взлетел по ступеням.

— Там человек тебя спрашивает. Пришел с востока, через стену перемахнул, ровно кузнечик. Сдается, это твой земляк. Назвался Кевином Коннаханом.

— Где он? — тотчас оживился Тедди.

— Там, неподалеку, мои ребята охраняют.

Усмехнувшись в душе на «охраняют», Тедди рванулся в указанном направлении. Кевин переминался с ноги на ногу в окружении четырех дюжих бородачей.

— Сэр! — радостно бросился он навстречу своему звеньевому, не обращая внимания на робкий протест стражей.

— Привет, парень! Ты очень вовремя. Боезапас?

— Полный, — смущенно улыбнулся Кевин. — Я никуда не встревал, только наблюдал...

— Молодчина! Прирожденный разведчик.

— Сэр, я из Раймы. Практически все силы Ордена покинули город. Они здесь, я еле поспел. Лучшего момента для захвата я даже не могу представить...

Тедди на секунду задумался. Брать Райму все равно придется. Рано или поздно. Если сейчас выступить из Диожама и форсированным маршем двинуться на столицу, силы Ордена отстанут минимум на полдня, пока разберутся. Это шанс. Оборонять Диожам уже незачем: эпицентр бунта предстояло сместить в столицу.

— Харвей! — позвал Тедди. Король вынырнул из темноты спустя несколько секунд, словно ждал. В двух словах обрисовав ему ситуацию и выслушав пожелания, Тедди с Кевином поспешили на стену.

Харвей собрал всех «офицеров» бунта — Фила, Стира, Саная, а также барона Роя и настоящих его офицеров — Остина и Спика. Совещание длилось недолго. Отряды один за другим отступали к замку и дальше, к восточным воротам, где сегодня было спокойнее всего.

— Не забудьте герцога Фарли с братом! — напомнила принцесса.

— Всех коней держать у ворот! Всех, какие найдутся в городе! — распоряжался Харвей.

Тем временем Тедди и Кевин создали по паре десятков несложных (благо ночь) фантомов и заставили их бродить по стенам, изображая стражу. Серия полумощных импульсов из бластеров вспахала чернозем перед строем противника; после чего Орден счел за благо резво отступить в заросли. У стен осталась лишь сотня трупов в застывших позах — неизбежный итог любой стычки. Фееров-«светляков» никто больше не запускал. Пеломенцы (или кто там?), если они здесь и были, пробили стену, немного выждали, зашли с юга, украли пленных и, похоже, убрались.

Задействовав радарный модуль, Тедди прозондировал местность. Войска Ордена, удалившись на километр, стали обтекать город с севера и юга. Назревала кольцевая осада.

— Уходим, Кевин! Только бы успеть теперь!

Они скатились со стены.

— Ускоряйся!

Город мелькнул перед глазами, словно вражеский истребитель на разлете.

У восточных ворот последние отряды бородачей покидали Диожам. Харвей что-то поправлял в сбруе своего коня, рядом, мотая головами, стояли еще два красавца скакуна.

— Ну как, Тедди?

— Они окружают город. Нужно поторопиться.

Харвей восхищенно покачал головой:

— Ты великолепный стратег, Тедди. Успеваем впритирку.

— Сколько нашлось коней?

— Много. Почти семь сотен: Орден держал здесь большой отряд кавалерии плюс полсотни Роевых плюс сотня городских — вот и набралось.

— Хорошо! Всех, кто верхом, — немедленно к столице. Остальные пусть подтягиваются.

— Да, Тедди. Я оставлю над ними Фила, барон Рой — Спика. Что касается горцев — их поведет Санай, они ведь к лошадям и близко не подходят.

— Вот как? — Тедди на всякий случай запомнил.

Подошла Хирма, ведя тонконогого дагомейского жеребца. Выглядела она грустной.

— Что случилось, принцесса? — поинтересовался Тедди.

Девушка вздохнула:

— Мы-то уходим, а каково жителям Диожама? Только вернули свободу, и опять... Завтра здесь будет хозяйничать Орден. Мне стыдно, что я не могу защитить своих подданных.

Тедди успокоил ее, как мог:

— Это лишь временно, принцесса. Нужно уметь уступить малое, чтобы позже взять все. Придет и их час. А пока подумай лучше о тех, кого только предстоит освободить в Райме и остальных городах Данкартена.

Последние отряды стражи, покинув стены, нырнули в распахнутые ворота.

— Вперед!

Тедди и Кевин вскочили на коней.

— Эй, ведомый! — весело крикнул пилот на хобарти. — Дуй справа от дороги и сканируй все на предмет засады. Чуть что — жги почем зря. Энергии не жалей, дело идет к развязке, нутром чую.

Кевин никак не мог отвыкнуть от вколоченной в пилотской школе уставщины:

— Есть, сэр!

Тедди только поморщился. Никак не оботрется пацан в войсках...

Тяжелые створки восточных ворот Диожама величаво закрылись; лязгнули внушительные запоры. Легкая фигурка воина скользнула со стены прямо на спину коня, и последний из бунтарей поспешил к столице Данкартена. Перед всей мощью Ордена город остался почти беззащитным.

Тедди скакал слева от дороги, что тянулась вдоль морского побережья на северо-восток, к Райме. Десятки и сотни воинов скорым походным шагом спешили прочь от Диожама, вздымая легкую рыжую пыль.

Войско Тедди и Харвея успело отойти километров на шесть, прежде чем Орден замкнул кольцо.

Вдоль дороги было чисто — ни единой души. Кевин тоже никого не засек. Похоже, удалось ускользнуть.

Головные отряды всадников Тедди, Кевин, Харвей и принцесса догнали часа через два. Кони шли тяжелой рысью, неся сразу двух седоков — Харвей умел обманывать обстоятельства.

Так они и встретили рассвет — на дороге, между пышными южными виноградниками и полосой прибоя.

Подъехал Рой.

— Ваше высочество! — Обращался он исключительно к принцессе, хоть и знал, что командует в основном Тедди. — Я пошлю человека предупредить свой отставший отряд, чтобы шли не в Диожам, а кружным путем к Райме.

— Конечно, барон.

— Даже не одного, а трех. И чтобы они ничего не знали друг о друге, — посоветовал искушенный в подобных делах Харвей.

Рой кивнул и пришпорил коня.

— Пожалуй, — сказал король задумчиво, — я поступлю так же. Отправлю гонцов в Авостинг. Пора Орден давить, как мерзкого ползучего гада! Энди Махонький и герцог Сангареди приведут регулярное войско Дагомеи, а старина Стикамор проследит, чтобы эта зараза беспощадно истреблялась на наших южных границах.

«Да, — подумал Тедди. — Предстоит большая драка. История этой планетки подошла к узловому моменту. Хорошо бы, чтоб эта драка оказалась последней».

Глава пятая
СТРАТЕГ

Почти двое суток они гнали коней по испещренной следами ленте дороги. Что там, позади? Не настигла ли пешую часть мятежного войска кавалерия Ордена? Тедди старался об этом не думать. Вперед, и только вперед! Редкие деревушки да придорожные трактиры и харчевни кормили и поили устремленных к столице всадников и их скакунов.

— Загубим лошадей, — шептал барон Рой, искривив губы.

Тедди молчал. Какие тут слова!

В полдень с вершины пологого холма открылся дивный вид на изогнутую, словно огромный рог, бухту; на берегу чернели стены большого города. Самого большого, что видел Тедди в этом мире.

У путников захватило дух. Зрелище поражало своим великолепием всех — и тех, кто увидел это впервые, и тех, кто уже бывал в этих краях.

— Райма! — прошептала принцесса, не скрывая восторга. — Наконец-то!

На крутых обрывистых скалах у самого моря взметнулись к небу увенчанные шпилями башни замка Барнегат. Там, глубоко внизу, под роскошными залами и мрачными темницами — цель десанта. База чужой расы. Новые технологии. Новое оружие. Шаг к победе в осточертевшей всем войне с Пеломеном. Но туда еще нужно проникнуть. Первыми. Первыми, черт возьми! И нет никакой гарантии, что Пеломен не наступает им на пятки.

Харвей командовал; всадники спешивались и отпускали коней пастись. Разбивался лагерь, сколачивались разведгруппы...

Король, Рой и Тедди мелькали тут и там, отдавая распоряжения, подгоняя одних и осаживая других, не в меру ретивых. Готовился штурм.

Только Хирма не участвовала в общей беготне. Сидела на склоне холма и глядела на Райму, город своего детства.

Харвей неслышно возник у нее за спиной, приблизился и сел рядом.

— Любуешься?

Принцесса ткнулась ему в плечо.

— Ужасные времена, Хари. Носимся, воюем... Подумать только — трехтысячное войско! И у Гро с его Орденом не меньше. Тысячи людей, тысячи судеб — когда такое было? Непостижимо...

Харвей задумался на секунду.

— Раньше у нас не было и таких стратегов. — Он указал на Тедди с Кевином. Пилоты стояли невдалеке, один разглядывал город в волновик, другой возился с рацией.

— А еще, — сказал Харвей, — раньше я не слыхал от тебя таких речей. Устала, принцесса? Или это последствия плена?

Хирма только вздохнула.

— Пойду покормлю Витольда. — Но она не успела даже встать. Котище, словно подслушав ее слова, показался из-за редких кустиков позади сидящих.

— Он здесь? — удивился Харвей. — Откуда?

Принцесса укоризненно взглянула на него:

— Привезла в седельной сумке. Не могла же я его бросить!

Кот мягкой походкой своего племени приблизился и сел рядом с девушкой, полуприкрыв глаза.

В этот же миг Кевин засек короткий всплеск в эфире — чью-то передачу. Источник ее находился где-то рядом, скорее всего во-он в тех кустиках на вершине холма. Или на дальнем склоне.

— Сэр, — прошептал Кевин, давно ожидавший чего-то подобного. — Передатчик рядом! Я поймал кодировку.

Тедди как ни в чем не бывало развернулся в сторону Хирмы с Харвеем и незаметно включил биосканер. То же сделал и Кевин.

В кустах обнаружилось несколько пичуг, семейство грызунов наподобие мышей и никого покрупнее. Тедди невозмутимо расширил сектор сканирования. Харвей с принцессой, парящий вдалеке коршун... Хм... Неужели в мертвой зоне?

— Сэр, — прошептал Кевин. — А где же кот?

Тедди глянул поверх изображения — Хирма гладила своего любимца Витольда. Но сканер отказывался воспринимать кота как живое существо.

Тедди вмиг сообразил, в чем загвоздка, и прошептал:

— Сервоблокировка. Готов? Раз, два, три, ЧЕТЫРЕ!

Мощный импульс торможения и задержки машинных команд захлестнул вершину холма.

— Принцесса, не трогайте кота! — предостерегающе заорал Тедди. Хирма в замешательстве замерла; кот словно хлебнул валерианы — встал, пошатываясь, и попытался прыгнуть на хозяйку. Блокада его затронула, но не парализовала!

— В сторону! — взвыл не своим голосом Тедди, бросаясь к ним.

Чудовищный электрический удар швырнул пилота на жидкую травку. Комплект, слабо пискнув от перегрузки, отвел энергию прямо в почву. Волосы у Тедди встали дыбом, сухо потрескивая.

— А, ч-черт!

Кевин обрушил на кота новый импульс, с близкого расстояния, подойдя почти вплотную. Рыжее тельце завалилось набок и заскребло лапами.

Тедди, как был, сидя, отыскал и попытался подавить энергетический центр псевдокота. Красная точка на схеме рентгеносканера пригасла, но секундой позже вновь разгорелась. Вот это защита!

«Ишь ты! — изумился Тедди. Это могло означать лишь одно: холодный термоядерный синтез в качестве источника питания. Кот являл собой чудо кибернетики. — Ладно. Центр команд... не в голове, а в груди, надо же! Ну-ка...»

Перегрузив управляющие цепи до максимума, Тедди хлестнул по ним мощным импульсом переменной амплитуды и сжег все до одной. Кот замер, вздрогнув напоследок всем телом.

— Все, — объявил Тедди. — Готов.

Пот градом катился с него.

— Эх! — в сердцах посетовал Кевин. — Жаль, память тоже стерлась, сэр!

Он, конечно же, все сообразил.

Тедди, по-прежнему сидя, повернулся к нему:

— Парень! Разрази тебя гром! Называй меня на «ты» и по имени! Я же не штабист...

Кевин виновато заморгал. Вколоченные сержантами рефлексы сильнее разума...

— Может быть, вы объясните что-нибудь? — В голосе Хирмы бушевала неописуемая ярость.

Тедди снизу вверх глянул на напарника:

— Покажи...

Тот выпустил луч и ловко вспорол «коту» бок. Остаточный заряд, сверкнув, стек в землю; запахло озоном.

— Глядите, — сказал Кевин довольно.

Сверхпрочная кожа вместе с шерстью разошлась, обнажая блестящий металлический каркас, гибкие шарнирные сочленения, полимерные тяги вместо мышц и гроздья крохотных шариков-микромодулей.

Хирма отшатнулась.

— Вот. — Тедди неопределенно ткнул пальцем. — Это твой, с позволения сказать, кот.

Принцесса не могла поверить. Так и стояла, прижав ладони к лицу.

— Как же это? Мне его котенком подарили... Я молоком его выкормила... Сама...

— Это киборг, принцесса. Механический зверь-шпион. Теперь понятно, почему гвардия Ордена так быстро явилась к Диожаму — они знали о всех наших планах.

Тедди помолчал.

— Наверное, его подменили не так уж и давно — скорее всего год назад.

Харвей глухо осведомился:

— Говоришь, он находился в комнате твоего отца в ночь смерти?

Хирма потерянно кивнула.

— Вот, значит, кто отравил короля Рика.

— Не отравил, — поправил Кевин. — Полагаю, просто ударил током.

— Током? — не понял Тауншенд.

— Ну да, электричеством.

— Электричеством?

— Силой, что живет в молниях, — пришел на помощь Тедди. — Это могучая сила.

— Кстати, — приподнял брови Кевин. — Полагаю, предстоит много стрельбы. Почему бы нам не использовать реактор этого прелестного малыша? Я проверял на излучение — чист, как совесть младенца. Мощность бластера возрастет не меньше чем втрое. Да и вообще не чета он нашим батареям: не садится, не перегружается...

Тедди наконец поднялся:

— А что? Это мысль. Соображаешь!

Покопавшись во внутренностях киборга, пилот извлек матовый цилиндрик реактора, напоминающий жестянку из-под пива. Разъемы, конечно, пеломенские, но на подобный случай в запаске каждого агента-одиночки имелся комплект переходников. Батареи были гораздо миниатюрнее вражеского реактора, но мощность последнего подкупала. Перед штурмом Раймы не стоило разбрасываться подобными подарками судьбы, тем более что предстояла скорее всего стационарная стрельба, да и миссия могла неожиданно затянуться.

Останки «кота» пилоты законсервировали, предварительно вживив под кожу маячок. Могло статься, что хобартские инженеры сочтут их любопытными.

— Я слышал, — сказал довольно Кевин, — скоро все перейдут на «холодный» синтез. Батареи — старье, они свое отжили.

— Пока я вижу, что перешли только пеломенцы, — проворчал Тедди.

— Почему? Наши тоже производят такие. Механики болтают...

— О том, что вводят инжект-ускорители, механики болтают уже третий год. Ты видел хоть один?

— Видел, — отпарировал Кевин. — В школе.

Тедди хмыкнул:

— Так то в школе! В тылу, в Центре. Пока до флотов очередь дойдет...

Сетовать на беспорядок считал своим долгом каждый пилот.

Харвей с Хирмой слушали их затаив дыхание и едва не раскрыв рты. Тедди, взглянув на них, осекся.

— Брек, Кевин. Нашим друзьям, вероятно, не в радость слушать подобные речи. Все в порядке, принцесса, мы даже ухитрились выудить из этого железного провокатора кое-что полезное.

Хирма тяжко вздохнула и направилась, поддерживаемая Харвеем, к наспех сооруженному лагерю мятежников. От Тедди можно ожидать чего угодно — эту истину она усвоила крепко-накрепко.

Войско, издерганное вчерашними боями и ночной дорогой, залегло на дневку в пахнущих свежей хвоей шалашах. Богатырский храп заставлял вздрагивать листву на деревьях. Лишь часовые не спали, охраняя лагерь, да еще разведчики, что разбрелись по округе. Огонь Ордена еще пылал, а меч не затупился. Но пока все замерло перед решающей схваткой.

Наутро явились три с половиной сотни солдат барона Роя — один из гонцов все же нашел их под Диожамом. Двоих других наверняка выследили с подачи «кота» гвардейцы Ордена. Люди непреклонного барона отбили у кавалерии Гро коней и ушли кружным путем, лесами, не оставив наемникам, среди которых мало данкартов, никаких шансов в погоне.

Тедди, отдохнувший и выспавшийся, передал короткое сообщение на базу и воодушевленно обернулся к Кеннахану:

— Ну что, ведомый? Встряхнем городишко?

Кевин решительно кивнул:

— Самое время, сэр!

Появились Харвей и принцесса. Не требовалось особой наблюдательности, чтоб понять — оба рвались в бой. Даже старый герцог Фарли взялся за меч, а уж о его брате, Рое, Остине и остальных и говорить не приходилось.

— Итак, Тедди! Люди отдохнули. Полагаю, не стоит дожидаться сил Ордена, несомненно, спешащих сюда. Райму надо брать немедленно.

Тедди не возражал. Что уж тут возражать!

— Какие будут соображения? — справился Харвей. Он не стеснялся спрашивать, хоть и был королем.

— Подходим, — объяснил пилот. — Мы с Кевином открываем ворота. Вы вступаете в город. Аналогично и с замком Барнегат.

В глазах короля Дагомеи и принцессы Данкартена сверкнуло недоверие — в их мире города покоряли не так.

— Все в порядке, ваше величество, — вмешался Стир Каудрай. — Вы не видели, как мы заняли Диожам. Я видел.

Харвей щелкнул пальцами:

— Полагаюсь на тебя, Тедди. В который раз.

Солнце взбиралось все выше, свершая ежедневный свой путь. По сигналу войско мятежников — почти две тысячи человек — начало спускаться с холма.

Когда стали видны хмурые лица стражников на стенах Раймы и блеск их клинков, Тедди остановил послушное ему воинство. Послушное, как обкатанный истребитель.

— Пора, Кевин!

Однако они ничего не успели сделать. Импульс из бластера сжег почву у ног пилотов; Тедди и Кевин застыли, вскинув головы. Ничего подобного никто из них не ожидал.

Над воротами, широко расставив ноги, стояли четверо в боевых пеломенских комплектах с оружием на изготовку. И не с какими-нибудь пукалками, а с малыми пехотными лучеметами. Лица у них тоже были хмурые и решительные.

«И у каждого — реактор холодного синтеза, а не наши дохлые батареи, — с тоской подумал Тедди. — Похоже, дело дрянь».

— Здравствуй, Тедди.

Пеломенцы использовали дежурную частоту, известную каждому пилоту.

— Меня зовут Юрий Шевела.

— А, — сказал Тедди, узнав в одном из четверых того самого парня с чугунным животом. — Старый знакомый. Как здоровье?

Иронию съели без видимого эффекта.

— Не советую вам затевать перестрелку. Ситуация не в вашу пользу.

— Догадываюсь, — буркнул Тедди. — Что еще?

— Вот-вот прибудет Кейт Гро и другие сановники Ордена. Рекомендую вашей банде сдаться. Райму вам не взять.

— Посмотрим, — сказал Тедди, но в голосе его было слишком мало уверенности. А зря. Именно в этот момент на город упало облако техноблокады, и все их снаряжение превратилось в мертвый металл и не менее мертвый пластик. Пеломенцы засуетились, хватаясь за свои реакторы.

— Комплекты сдохли, — сообщил Кевин. — Блокада.

— Вижу, — отозвался Тедди и достал свой верный самурайский меч. — Что-то подсказывает мне: это надолго.

Он ни на секунду не забывал о третьей силе.

— Харвей! Хирма! Драка все-таки будет. Надеюсь, это будет добрая драка. Вы готовы?

Король, принцесса и все из их окружения обнажили мечи — солнце отразилось от полированного металла.

— Мы готовы! Веди, стратег!

И Тедди повел. Пеломенцы уже исчезли — над воротами торчали стражники, поигрывая боевыми секирами. А на западе, у самого горизонта, показались горцы Саная и бородачи Фила, преследуемые передовыми отрядами Гро, за ними спешили конники Арнея во главе со своим герцогом и Гербом Коллайти, железная пехота барона Родвальда, рослые ратники Хокуорта, отборные гвардейцы герцога Инци... Волной они накатывались на прибрежные холмы, стеной объявшие Райму.

Стражи на стенах облегченно вздохнули — силы выравнивались.

Но не тут-то было: на севере зачернели ряды дагомейских солдат, приправленных молодцами Энди Махонького. Знаме-

на короля Тауншенда и герцога Сангареди гордо развевались на свежем ветру.

Харвей обвел взглядом поле грядущей битвы, глаза его нетерпеливо блестели.

— Да, — молвил он. — Это будет славная битва! Клянусь горными пиками!

— Свобода, добытая в такой битве, вдвойне дорога! — твердо добавила принцесса. Вчерашняя смертельно уставшая девушка бесследно исчезла, остался холодный и беспощадный воин, сжимающий отточенный меч.

Штурм стен Тедди, конечно же, прекратил и повел мятежников на воссоединение со своими и с подкреплением из Дагомеи.

А сверху, из безупречной голубизны утреннего неба, градом сыпались пеломенские боты. Двигатели их глохли на высоте ста метров, выручали лишь стабилизаторы да мастерство пилотов.

— Ого! — присвистнул Тедди. — Да это чистейшей воды интервенция!

Корабли Хобарта появились спустя пять минут, но к этому времени Тедди уже вовсю рубился с подоспевшими гвардейцами Кейта Гро. Звенела сталь, гнулись доспехи, мелькали арбалетные стрелы, лилась кровь...

— Огнем!

— И мечом!

— Дагомея!

— Данкартен!

И каждый воображал, что бьется за справедливость.

Кевин и Тедди, плечом к плечу, рвались к ставке главарей Ордена — братьев Гро и Арнея. Харвей с Хирмой пробились к дагомейцам, к Энди Махонькому, мечи их чертили смертные линии на телах неприятеля. Барон Рой, Фарли, Остин, Фил, Стир Каудрай, Лед Метрикс, горцы Саная — все отдались яростной битве, буре меча и секиры, сече без оглядки на жизнь.

Техноблокаду сняли ближе к полудню. Расторопные пехотинцы Пеломена бок о бок с десантниками Хобарта прошлись

с парализаторами через всю битву. Удивленные ратники валились наземь, на своих же мертвых товарищей или на врагов. Щадили только избранных — правителей и офицеров, которые могли понадобиться живьем.

Тедди, злой и раздраженный, брел к распахнутым воротам Раймы: там только что село несколько малых крейсеров-планетников; половина из них под пеломенским флагом. Кевин, придерживая перебинтованную руку, шел следом.

Все вышло совсем не так, как они затеяли. Хуже или лучше — но, во всяком случае, совершенно не так.

Пилотов-диверсантов встретили полковник Доусон и Дональд Фестон, командир потока и шеф разведки Флота; рядом стояли четверо агентов-пеломенцев в полевой форме во главе с Юрием Шевелой и офицер в чине бригад-майора.

Но и это было еще не все: с минуты на минуту ожидалось начальство повыше. Корабли продолжали садиться, запруживая небольшую долину Раймы; повсюду топтались совместные патрули, словно солдаты Хобарта и Пеломена ни секунды не могли обойтись друг без друга. Вчерашние заклятые враги!

Тедди огляделся и устало отер меч о штанину.

Палатки-адаптеры росли как грибы. Сновали посыльные, пока связисты не наладили систему коммуникаций. Все выглядели до жути деловито. И звучало забытое, непривычное слово: «Перемирие».

К сожалению, полностью расслабиться так и не пришлось: перемирие продлилось всего два часа. Еще не успели разбить все палатки и наладить связь, еще не прекратили хмуриться при встрече десантники Хобарта и пехотинцы Пеломена, Тедди еще не успел представить растерянных правителей Данкартена и Дагомеи своему начальству. В первые минуты вообще никто не мог сообразить, что же произошло.

Чудовищный энергетический залп смел все корабли, севшие у Раймы, — от приземистых десантных ботов, покрытых камуфляжной пленкой, до лабораторий РЭБа, ощетинившихся антеннами. Приборы вышли из строя, перегруженные сверх всякой меры. Оба флота были сдернуты со стационарных орбит и вышвырнуты за пределы галактики.

Люди, кто уцелел, валились на рыхлую землю: им отказывало изувеченное зрение.

Проломив высокие стены, расталкивая груды желто-серых булыжников, из города ползли чужие танки — приземистые эллипсовидные штуковины без башен. Совсем чужие.

Тедди, к счастью, не снимал комплекта, который отфильтровал опасное излучение; Хирма, Харвей, Фил Тензи, Санай и человек тридцать воинов в момент вспышки находились в штабной палатке связистов. У них зрение восстановилось уже спустя пару минут.

Откуда-то примчался Юрий Шевела с двумя пехотинцами в комплектах и при шпагах:

— Тедди! Надо уходить!

Айронсайд и сам дошел до этой мысли — танки явно собирались утюжить окраину лагеря. Вот-вот начнут. Он огляделся — группки людей ковыляли прочь от города, унося раненых и помогая ослепшим.

— Фил! Санай! Собирайте своих и уводите на северо-запад. Подальше отсюда!

Все смешалось — дикость и цивилизация. Солдаты Хобарта и Пеломена в полной боевой отступали бок о бок с закованными в железо ратниками Сангареди, с закутанными в плащи лесовиками Фила и полуголыми горцами Саная.

Тедди поднес к глазам бинокль-волновик — Райму покидали жители, разбегаясь прочь от взбесившегося города. Замок Барнегат рухнул, а из-под обломков словно чудовищные кроты выползали незнакомые исполинские механизмы.

— Уходим, Тедди! Время! — подтолкнул его Шевела.

Тедди обернулся:

— Хирма, Харвей! Поторопимся!

Когда опасность машет крыльями над самой головой и порывы ветра шевелят волосы, бегаешь особенно быстро. Сровняв лагерь с землей, танки остановились, но большинство людей успели убраться достаточно далеко от них.

Шли до самого вечера. Уже в полутьме Харвея окликнул Энди Махонький. Через несколько минут группа беглецов расселась у большого костра. Здесь нашлись и Стир Каудрай, и

герцог Сангареди, и барон Рой. Простые воины подсели к своим собратьям, готовившим тут же на огне нехитрую походную снедь.

За Тедди явились трое хобартов; один из них в чине лейтенанта.

— Теодор Айронсайд?

Пилот кивнул.

— Вас ждут в штабе.

Тедди поднялся. Военные-регулярщики всегда быстро овладевали ситуацией.

— Харвей, пожалуй, тебе стоит сходить со мной.

Поднялся и король Тауншенд.

— Я готов, Тедди.

Лейтенант повел их к месту, названному «штабом», — наверняка обычному костру, в лучшем случае — с бревнами вместо кресел. Тедди не замедлил позлорадствовать — пусть шишки из командования слегка намозолят себе задницы. Может быть, побольше станут думать о тех, кто претворяет в жизнь их высокоученые планы.

Тедди подумал, что нелишне будет сказать пару слов королю, впервые столкнувшемуся с военными высокоцивилизованного мира.

— М-м-м... Скорее всего ты столкнешься с массой непонятного, Харвей. Не старайся участвовать в совете, уж прости. Я сам не вполне представляю, что именно могут предпринять мои коллеги. Ты будешь кем-то вроде советника, не иначе.

Тауншенд вздохнул. Королю, конечно, не подобает выступать в роли какого-то там советника, но у Харвея (к величайшему счастью) ощущение реальности не уступало чувству юмора, а вкупе с недюжинным умом составляло все, что в данный момент требовалось от средневекового короля.

Штаб, вопреки ожиданиям, оказался вполне приличной избушкой. Легкий аромат горящей смолки защекотал ноздри. Вокруг массивного круглого стола разместился чуть ли не весь генералитет, и хобарты, и пеломенцы, все как один в перепачканных мундирах. Высокий и сухой будто жердь эксперт инженерной службы вещал унылым надтреснутым голосом:

— ...совершенно очевидно представляют собой биомеханические организмы. Сигналом к активной фазе вполне мог послужить мощный энергетический фон, вызванный нашей деятельностью. В соответствии с программой был устранен источник фона, то есть вся наша и пеломенская техника. Что будет предпринято дальше — совершенно не представляю. Не исключен выход в космос и атака вновь обнаруженных миров, имеются в виду любые из планет Хобарта и Пеломена, координаты которых вычислить не составит никакого труда даже при нашем уровне техники. Ситуация представляется мне крайне опасной и почти безнадежной для нас, если третья сила действительно запрограммирована на агрессию. Остается собирать информацию и пассивно ждать.

Эксперт склонил голову и сел. Даже сидя он был на голову выше любого из присутствующих.

На несколько секунд комнату захлестнула лавина молчания. Тедди, Харвей и Шевела со своими провожатыми уселись на длинную скамью, тянувшуюся вдоль всей стены.

Наконец кто-то вздохнул:

— Блестящая перспектива...

Слово взял шеф разведки Пеломена — голубоглазый блондин, едва умещавшийся в штатском костюме.

— По нашим данным, уже много лет на Данкартене существует глубоко законспирированная каста, центром внимания которой является замок Барнегат. Официальные правители Данкартена и Дагомеи о ее существовании даже не подозревали. По всей видимости, это не что иное, как обслуга дремлющих биомеханизмов и центра управления ими. По моему мнению, имеет прямой смысл захватить любого представителя этой касты и выкачать из него максимум информации по интересующему нас вопросу.

— Ха! — перебили пеломенца. — Где же его отыщешь, этого представителя?

Голос был тоскливым и скептическим.

— Не трудитесь, господа, — донеслось вдруг от входной двери, и в комнату ступил некто в бесформенном черном балахоне. Из правого рукава высовывался кончик духовой трубки.

Тедди подавил страстное желание вскочить.

— Тысяча чертей, для чего здесь охрана? — возмутился из-за стола толстый адмирал. Тедди знал его: звали адмирала Ринет Дакота.

— Не трудитесь, — повторил незнакомец. — Я представитель упомянутой касты хранителей Следа и готов сообщить вам все, что знаю.

Плавным движением он стянул с головы капюшон — знаменитая лысина Дика Бестии засияла, как полная луна.

— Дик! — в один голос воскликнули Тедди и Харвей.

«Прекрасный агент, — оценил Тедди Айрона шеф разведки Пеломена. — Он знаком с нужными людьми...»

«Безобразие! — подумал один из генералов Хобарта. — Наш человек молчал, а ведь слепому видно, что не впервые встречается с этим монахом...»

— Приветствую ваше величество! — поклонился Бестия. — Привет, Тедди.

— Где ты, черт возьми, пропадал так долго? — Король даже привстал. — Какой хранитель? Какого следа?

Бестия снова слегка поклонился.

— Я — Дикет О'Ву, хранитель Следа. След — это то, что покоится под руинами замка Барнегат. Что именно представляет собой След — никто из нас никогда не знал, да и не пытался узнать. Год назад След пробудился, как и было предсказано несколькими веками ранее. Теперь мы выполняем его приказы. Я готов провести по одному представителю от каждой группировки к Следу. Если он сочтет вас достойными, свои знания он передаст вам, но только всем вместе. Посланники уже выбраны Следом. Остальные вопросы — после.

— Имена посланников? — ровным голосом спросил главный из пеломенцев, подтянутый даже сейчас маршал.

— Теодор Айронсайд от Хобарта и Юрий Шевела от Пеломена.

Тедди вдруг осознал, что стоит на ногах и что рядом с ним стоит Юрий.

Дик обернулся к пилоту и разведчику, словно остолбеневшим.

— Готовы ли вы выступить немедленно?

— Готовы!

Ответило, конечно же, начальство. Впрочем, ни Тедди, ни Юрий не возражали. Да и что тут возразишь?

Дик набросил капюшон и вышел в темноту. Встретившись взглядом с Юрием, Тедди направился следом. Харвей увидел, как их руки одновременно потянулись к выключателям комплектов — он уже знал, что представляет собой боевой комплект и где у него выключатель.

— Провести их, — распорядились из-за стола. — И снабдить пищей в дорогу.

Когда выступили в путь, Тедди подумал: «Стоило ли весь день драпать, чтобы потом всю ночь возвращаться по своим же следам?»

Шевела тоже о чем-то думал. Потом вздохнул и протянул Тедди таблетку биостимулятора:

— На, попробуй нашу...

Дик Бестия от таблеток отказался.

Глава шестая
ИГРОК

Мутный рассвет выполз из-за гор, осветив то, что совсем недавно было столицей Данкартена. Над городом успели неплохо поработать: не осталось ни одного относительно целого здания; на месте замка возвышалась ажурная серебристая конструкция, напоминающая гигантский каркас мнемоприемника.

Тедди присвистнул:

— Ого! Ваш «След» времени не теряет!

Танки, выстроившись полукольцом, медленно ползали у остатков стен, постичь смысл их эволюций не удавалось.

— Мы должны проникнуть туда. Внутрь, где начинается След. Это довольно трудно, особенно сейчас, когда он проснулся. Но вы сможете. Готовы?

Тедди и Юрий в который раз переглянулись: в этом они находили поддержку.

Их комплекты, задействованные еще в импровизированном «штабе», должны были защитить хозяев от любого нападения.

— Готовы, Дик!

— Возьмитесь за руки!

Тедди протянул одну ладонь Дику, вторую Юрию. В памяти всплыла прошлогодняя операция «Таулект». Только там участвовал двадцать один человек, а сегодня объединяли свои разумы трое.

Мир взорвался и увеличился: Дик Бестия вбирал в себя сущности Тедди и Юрия. Опыт и ощущения каждого слились в новую сущность, превращая их в сверхсущество с тремя телами, тремя парами рук и глаз, с молниеносной реакцией, способное действовать по трем направлениям совершенно независимо и в то же время согласованно. Дик, Тедди и Юрий сползли куда-то в недра сознания, остался только ОН — могучий, быстрый и решительный.

ОН знал, что должен пробраться в зал, расположенный глубоко под городом, коснуться ладонями пульта и нажать на маленькую зеленую кнопку, кроющуюся под серебристой панелью. ОН знал, что ЕГО попытаются остановить, но верил, что хобартский меч на рукаве, пара бластеров и пеломенские иглогранаты послужат успеху. Знал, что танки нечего и пытаться вывести из строя, их придется просто обмануть. Знал...

Опасность справа! Крохотный крылатый силуэт скользнул в светлеющем небе. Импульс из бластера сжег его прежде, чем сообщение сорвалось с усика лучевой антенны.

ОН, контролируя три направления, двинулся к городу. Точнее, к руинам и ажурному дереву высотой с транспортный субсветовик.

Обломки стены; в полуразрушенном коридоре копошатся пятеро гвардейцев Гро с идиотскими улыбками на лицах. Ясно, След подчинил их себе. Улыбки так и не покинули счастливые физиономии, даже когда ОН попотчевал их паралитиком.

Свист рассекаемого воздуха, взмах рукой... Наполовину выпущенный шнур лазерной шпаги пережигает метательный нож; обломки ОН тут же сшиб на пол; они упали, оглушитель-

но звякнув. Бластер плюнул почти в то же мгновение: невдалеке повалилось чье-то тело, путаясь в цветастом плаще. Похоже, След все же засек ЕГО.

Бегом через площадь; впереди целый лабиринт, трущобы. Почти со всех домишек сорвало крыши, словно шляпы с голов в бурю. ОН нырнул в оконный проем, подсадив, а потом подтянув СЕБЯ. Покинутая конура, запах жизни еще не успел как следует выветриться. На улице слышен чей-то топот и тихий скрежет камней под приближающимися танками.

Сканеры преданно пискнули: раньше танков сюда успевали люди. Снова гвардейцы, только у этих вместо улыбок на лицах удивление. Их много, больше десятка. Пожалуй, даже больше двух. Да еще танки снаружи.

Комплект сотворил трех фантомов, камуфляжный модуль сменил внешнюю пленку, делая три сжавшихся в тесный комок ЕГО тела незаметными для человеческого глаза.

Гвардейцы молча сунулись в окно вслед за фантомами. Что было совсем непохоже на них — молча; обычно погони и потасовки всегда сопровождались невообразимым гвалтом. Но сейчас они под Следом...

ОН вскочил, намереваясь покинуть полуразрушенный дом, но тут часть дальней стены и толстенная балка под потолком брызнули серым крошевом и щепками, разбитые могучим ударом.

Робот-файтер, металлическая горилла с ногами страуса. Ну да, этому плевать на фантомы, у него локатор.

Бластер его не взял: импульсы ткнулись во внешнюю сетку энергогасителя и расползлись тусклыми искрами по вороненой поверхности. Встречный щит, скорее!

Ответные импульсы завязли в двойной защите комплектов. Файтер метнулся вперед; взвыли двигатели комплектов в подошвах ботинок, отдаваясь в мозгу стылой иглой. ЕГО (две трети ЕГО) бросило вверх, через робота, в проделанный роботом же пролом; оставшаяся треть всадила под металлические сочленения по иглогранате и прикрылась двойным колпаком силовых полей. Файтер «слетел с ходуль», тяжело загребая по захламленному полу могучими манипуляторами. Так тебе и надо, дурень, защиту нужно ставить не только противолучевую... Вооб-

ще странно: старая калоша, еще железная. След вроде бы технологически повыше должен быть. Керамика там или пластик двойной плотности — еще куда ни шло, но обычная сталь...

Стоп! Мысли прочь! Четверть секунды потеряно зря.

Ого, это еще что за новости?

Дом позади НЕГО сложился и рухнул, словно картонная коробка под колесом грузовоза. И тяжесть...

За расплющенными развалинами замаячили плавно-округлые очертания танка. Ожили сервоусилители, преодолевая мощь гравитационного удара. Ну-ка, еще и двигателями поможем!

Прыжок вперед, прямо к подножию ажурной вышки. Она вроде бы безопасна. Так, а сверху что валится? Похоже на сеть.

ОН оценил расстояние до границы поражения и скорость падения сети. Пожалуй, не стоит связываться. Еще неизвестно, боится она бластеров или нет. Еще рывок вперед, меж серебристых опор, вправо; вот и ров перед руинами замка. Вместо воды теперь в нем смесь битого булыжника (некогда стен), деревяшек (некогда мебели) и тряпок (некогда убранства). Картина безрадостная.

Атака сверху, наверное, с вышки: крылатые сигары, начиненные взрывчатой смертью. До смерти целых шесть секунд. Гм... Обычное радионаведение. За кого МЕНЯ держат? Получите помеху!

Взрывы прозвучали далеко в стороне, весьма кстати разнеся в клочья двух подвернувшихся файтеров. Солидная мощность, однако!

До сих пор препятствия попадались не опаснее детских кубиков с цветочками, утятами и буковками.

Шахта, ведущая вглубь, к Следу. Отсюда «вылупились» его непостижимые машины-гиганты. Полумрак поглотил ЕГО, прыгнувшего в черный провал. Пятнышко света вверху становится все меньше и тусклее. Радар-процессор уверенно обещает горизонтальный штрек у самого дна.

Сверху в шахту-трубу плюнули огнем и раскаленным газом. Танки, что ли? Быстрее вниз! Еще быстрее... Вот перегрузка-то! Все равно не успеть.

Торможение на «подушке», откат по горизонтали, щит...

И боль, свирепая, как лесной пожар, боль.

ЕГО часть, не защищенная комплектом, обхватила руками обожженную лысую голову и тихо отключилась. Боль исчезла.

Тот, кто остался от НЕГО, ранее впитав необходимую информацию, стал немного другим. Но цель еще не достигнута. А значит — вперед!

Подхватив тяжелое податливое тело, ОН рванулся прочь от шахты. Черный балахон слабо дымил на бегу. Аптечка-госпиталь спросонья мигнула розовым глазком и прилипла к воспаленной коже. Стимуляция, катализатор регенерации, генная активность, энергоподпитка, еще стимуляция...

В организме бесчувственного Дика бушевал смерч. Ткани, впитывая тысячи и тысячи килокалорий, восстанавливались с невиданной быстротой. Разбуженный механизм регенерации «читал» генную схему, клетки делились несколько раз в секунду, заменяя поврежденные, которые высыхали и отторгались.

Когда ОН достиг массивного шлюза, перекрывающего штрек, Дик очнулся и вновь был впитан в объединенную сущность.

Аптечка мигнула другим глазком, сигнализируя, что более в ее вмешательстве нет необходимости. ОН водворил аптечку на пояс и взялся за бластер, оценивающе глядя на бронированную дверь.

В этот момент снова ввели техноблокаду. ОН несколько раз безрезультатно надавил на спуск. Комплекты тоже отключились. Чудеса звездной науки больше не защищали от Следа, чем бы он ни оказался.

С глухим лязгом замок на двери четыре раза провернулся; медленно и величаво толстенный цельнолитой прямоугольник отворился. Казалось, дверь непременно должна была заскрипеть, а эхо разнестись далеко-далеко, затерявшись в бесконечном штреке, но она произвела не больше шума, чем крадущийся к добыче тигр.

ОН, ступая след в след, перешагнул через порог, остановившись перед внутренней дверью. Эта отворилась, едва только первая встала на место.

По ту сторону шлюза раскинулся зал. ЕГО ждали трое в балахонах, подобных одежде Дика Бестии.

ОН замер, глядя на них, осознав, что это тоже хранители. Когда капюшоны были откинуты, ОН, вскрикнув в три глотки, распался на Дика, Тедди и Юрия.

Некоторое время в голове гудело, словно в брюхе старинного бомбардировщика — Тедди довелось разок слетать на таком.

— Следуйте за нами!

— ...нами... нами...

Здесь все-таки обитало эхо.

Тедди и Юрий двинулись вслед за величавыми фигурами хранителей. Дик сумел внушить доверие к ним.

«Техноблокаду сняли бы, что ли...» — подумал Тедди с неудовольствием.

«Убрали бы они это чертово поле...» — вздохнул про себя Юрий, надеясь, что так оно и произойдет в конце концов.

Доверие доверием, а под защитой комплекта чувствуешь себя как-то уютнее.

Сменяли друг друга залы, коридоры; лифтов и пневмоподъемников тут почему-то не признавали, приходилось спускаться по крутым винтовым лестницам без перил.

«Долго еще брести-то? Башка трещит». — Тедди еще не вполне оправился после рейда по городу.

«Где же этот зал? Как бы концы не отдать, пока дотащимся», — потряс головой Юрий. Ему показалось, что внутри загремело, как в жестянке с монетками.

Дик Бестия безмолвно вышагивал позади всех. Получался треугольник: троица хранителей, потом Тедди с Юрием и следом Дик.

Снова лестница, короткий коридор. Дверь услужливо отъехала в сторону, едва они подошли.

«Автоматика? Надо же, столько лет, а она все работает!» — удивился Тедди.

«Ну и мастера это строили! Как там говорил О'Ву? Несколько веков?» — Юрий с завистью глянул на дверь, на матовые гладкие панели.

Впрочем, оба они ошибались. Дверь отворилась потому, что сидевший в кресле перед пультом человек неотрывно глядел на монитор и в нужный момент нажал на клавишу.

«Ага! Тот самый зал», — узнал Тедди. Он помнил его памятью Дика Бестии, осевшей у него в подсознании.

«Пришли наконец-то». — Юрий обозрел серебристый, как башня наверху, пульт. Со стороны входа на нем виднелись два квадрата матового стекла (или пластика) со слабо светящимися силуэтами человеческих ладоней да небольшая панель, под которой, несомненно, крылась зеленая кнопка.

Трос хранителей уже покинули зал. Дик остался чуть позади Тедди и Юрия.

— Ну, — послышался голос человека, сидящего перед пультом.

Человек пережил немало зим, став столь же седым, как все зимы, вместе взятые.

— Что же вы остановились?

— Бог мой! — воскликнул Юрий. Он пребывал в таком изумлении, словно повстречал здесь своего дедушку. — Король Барнегат!

Тедди вытаращил глаза. Он не знал отца Хирмы в лицо, но Юрий Шевела, агент-пеломенец, виделся с королем Данкартена не впервые и ошибиться не мог.

— Король? Вы же умерли год назад! — пробормотал пилот. — Вас убил кот-киборг.

Барнегат усмехнулся:

— Жив, как видите. Однако к делу. Руки! — Интонации в его голосе сквозили воистину королевские.

Не сговариваясь, Тедди и Юрий оглянулись на Бестию. Тот успокоительно подмигнул.

— Ну что? Поехали? — спросил пеломенец.

Пилот кивнул.

Их ладони одновременно коснулись прохладной поверхности квадратов, совместившись со светящимися силуэтами. Дик тут же надавил на зеленую кнопку.

«Интересно, о чем он сейчас думает?» — размышлял Тедди, косясь на Юрия.

«Что у него на уме-то в такой момент?» — спросил себя Юрий, почувствовав взгляд пилота.

Кончики пальцев легонько покалывало — в их нервные системы что-то вползало, но было оно безопасным и дружелюбным, как любопытный щенок в знакомой комнате.

А потом, спустя целую вечность, Рик Барнегат, король Данкартена, сказал:

— Все.

Дик снова нажал на кнопку и закрыл откидную крышку на панели.

Барнегат сиял; на виске у него чернела мнемоприсоска с коротким усиком антенны.

В голове в пору было гулять ветру: хоть бы что-нибудь понять!

— По-моему, — сказал король, — вы хотите о чем-то спросить. Полагаю, что смогу удовлетворить ваше любопытство. Вполне законное, отвечу.

Тедди поморщился. Попробуй объясни, что же ты на самом деле желаешь узнать!

— Прежде всего, — осторожно начал Шевела, — чем мы тут занимаемся?

— С вами знакомился Бак. Это... э-э-э... машина, которая думает.

— Компьютер, что ли?

— Гм... Да, Бак сказал, что это слово подходит. На самом деле его зовут несколько иначе, а Бак — это сокращение. Я так и не научился выговаривать вслух его полное имя.

— Цель знакомства? — ковал железо Юрий.

«Сразу видно: дока по части допросов», — отметил Тедди, вслушиваясь.

— Бак выяснял истинную позицию Хобарта и Пеломена по отношению к себе, считывая информацию прямо у вас из памяти.

— Неужели мы в состоянии отразить истинную позицию громадных содружеств? — недоверчиво обронил Тедди.

— Можете, — отпарировал король. — Бак знает, что творит. Кстати, мы убедились, что все обстоит именно так, как и ожидалось, а мы все сделали правильно. В основном.

— Кто вы на самом деле?

— Урожденный король Данкартена Рик Барнегат, год пообщавшийся с Баком. Должен признать, что я здорово изменился за этот год. Да любой бы изменился, факт. Я даже говорить стал иначе.

Барнегат вздохнул.

— Я наткнулся на замаскированный ход в подвалах своего замка пятнадцать лет назад. О чем-то таком говорили давно, мои предки по традиции некоторое время каждый искали это, но в течение сотен лет подземелья ревностно хранили свою тайну. Мне повезло: помогла даже не случайность, а целых четыре. Благодаря им я узнал о хранителях и о том, что рано или поздно Бак проснется. Впрочем, тогда я еще не знал этого имени и звал его просто «Следом», как и остальные посвященные. Он проснулся сразу после того, как ты, Тедди, нашумел у стен Алгомы прошлым летом. Мне не довелось с тобой встретиться, но дочь много рассказывала о тебе. Вскоре после этого я впервые пообщался с Баком и понял, что он хранит древние знания, которые могут помочь моему народу и всему моему миру. Но я плохо понимал Бака, да и сейчас понимаю далеко не все. Я не мог донести его знания до людей и сам не мог воспользоваться ими. Приходилось ждать. Тем временем Бак «слушал пустоту» и заключил, что в небе идет война могучих звездных королевств — Хобарта и Пеломена. А тут еще Кейт Гро со своим Орденом... Я переключился на внутренние дела. Орден креп и наглел. Бак, следивший и за этим, предупредил, что на меня готовится покушение. Пришлось с его помощью инсценировать смерть и спуститься сюда. Бак продолжал следить за событиями, помогая мне советами. Через Дена Трешта я продолжал управлять...

— Через Дена? — перебил Юрий. — Но он ведь служит Ордену. Он брат Кейта Гро.

Барнегат отрицательно покачал головой:

— Ложь. А поддержать Орден мне посоветовал Бак.

— Зачем? — в один голос изумились Тедди и Юрий. — Сколько людей погибло!

— Затем, что еще больше погибло бы, выступи я против Ордена. Гораздо больше. Кроме того, Бак следил за разведчиками

Пеломена, действовавшими в Дагомее и Данкартене, и разглядел в них силу, которая свалит Орден, если заинтересуется им, Баком. Но отдать знания только Пеломену Бак не мог — так он устроен. Поэтому он подбрасывает Ордену кое-какие вещи вроде шпаг и браслетов, а Пеломену и Хобарту сообщает о себе как о хранилище тех-ноло-гии.

Последнее слово король произнес по слогам, тщательно выговаривая каждый звук. В его устах оно прозвучало достаточно странно, из чего Тедди заключил, что с ними разговаривает и Бак тоже.

— В результате Хобарт немедленно высаживает нескольких разведчиков. Среди всех Бак выбрал вас двоих, потому что вы очень похожи. Даже думаете одинаково.

Тедди и Юрий переглянулись.

«Неужели правда?» — подумал один.

«Не может быть!» — подумал другой.

— Правда, правда. Все остальные события Бак устроил так, чтобы вы оказались здесь одновременно. Дика Бестию он направил охранять Тедди, другого хранителя — тебя, Юрий. Правда, вы тоже без дела не сидели: умудрились дважды встретиться, попутно затеяв самую большую битву в истории моего мира. Короче, Бак рассердился и вызвал войска Хобарта и Пеломена прямо сюда, предварительно вынудив их заключить перемирие.

А вот дальше я и сам не вполне понял: зачем ему понадобилось оживлять своих монстров? Правда, в итоге Бак добился, чего хотел, — вы здесь. Вдвоем, как он и планировал. Он убедился, что ни в чем кардинально не ошибался до сих пор. Следовательно, и дальше не должен ошибиться. Его знания получит и Хобарт, и Пеломен, а через вас — и мой мир. Стало быть, и мне есть чему порадоваться, если я и мой народ заживем лучше.

Барнегат перевел дыхание. Давно ему не приходилось произносить такую длинную речь.

Тедди и Юрий молча переваривали новости, глядя на Бака-мудреца, точнее, на видимую его часть. Дик безмолвствовал в сторонке, и лишь Вигольд, большой рыжий кот, играл с соб-

ственным хвостом в дальнем конце зала. Тедди его только сейчас заметил.

— Этот-то хоть живой? — спросил он. — А то мы уже имели честь познакомиться с его двойником.

— Живой, — улыбнулся король. Сегодня он пребывал в прекрасном расположении духа. — Витольд не пожелал меня оставить, и я забрал его с собой. А копию изготовил Бак.

— Ну да, — проворчал Тедди. — Вот как он за нами следил...

— А скажите на милость, — вмешался Юрий, — зачем Баку понадобился весь этот цирк с прорывом сюда, с пальбой, с танками? Глупо ведь.

— О, — ответил король, — взгляните на Витольда. Все мы немножко дети. И все любим немножко поиграть. И потом, возможно, он хотел взглянуть, на что способна ваша... э-э-э... техника? Да, техника. Бак говорит, что это правильное слово.

Эпилог

Вокзал шумел, как рыночная площадь где-нибудь в Дагомее или Данкартене. Мерцали информационные табло, дикторша мелодично втолковывала что-то насчет рейса «Хобарт-4 — Морита Грифона», пассажиры ломились на посадку, словно это последний рейс в текущем тысячелетии.

Тедди встал, прошелся вдоль стойки автоматического бара, выпил пива и вслушался в новое объявление. На него глядели с уважением: парадная пилотская форма в сочетании с гроздью наград и впрямь впечатляла.

На этот раз объявили рейс на Вермелинью. Тедди вздохнул и побрел к ряду кресел, где в ожидании посадки томились с полсотни непосед туристов. Здесь смотрели новости: ну конечно, у всех на языке недавний визит лидеров Хобарта на Пеломен, достигнутые мирные соглашения и предстоящая ответная встреча на Хобарте-4. Хорошо, черт возьми, что война закончилась!

Тедди улетел с Данкартена неделю назад. Там, в сотнях парсеков отсюда, кипела зарождающаяся колония двух звездных содружеств, эксперты взахлеб общались с Баком, строители растили города взамен разрушенной Раймы и допотопных каменных коробок, врачей понаехало, учителей, торговцев... Когда Большие Политики действительно захотят, любую планету можно превратить в конфетку лет за десять.

— ...вылетающих на Хобарт-2 просим пройти на посадку в сектор девятнадцать. Повторяю...

Вместе с толпой других пассажиров он влился в посадочный шлейф, потом на узкую полоску трапа, в пассажирский салон и, наконец, уселся в кресло поближе к проходу.

«Пилотское кресло удобнее, — подумал он рассеянно, — но будь я проклят, если не рад тому, что сижу в этом, а не в пилотском».

Два месяца он провел в Райме безвылазно. Его знание Данкартена и знакомства с местными правителями весьма пригодились. Танки и «кроты» Бака уползли назад, в подземелья. Пострадавшие от излучения люди быстро выздоравливали, а пропавшие из наблюдаемого космоса флоты вскоре вышли на связь по сверхдальнему каналу и сообщили, что возвращаются.

Перемирие как-то само собой переросло в мир, пока официально не были подписаны соответствующие документы.

— Мир... — повторил с удовольствием Тедди.

Слово было на редкость вкусное.

Лайнер мягко вознесся в небо. Никаких тебе перегрузок, никакой болтанки. Правильно, потому что — мир.

Но Мартин не дожил до этого дня. Весельчак Мартин, неунывающая «десятка». И Берти Форсаж, и Ник Леденец...

Тедди летел домой. К матери и сестрам. Он помнил всех — и Мартина, и Ника, и Берти, и Элтона, и Гарри, и Кевина Кеннахана, и Хирму, и Харвея-Тауншенда, и барона Роя, и Остина, и Фила, и Энди Махонького, и Дикета О'Ву по прозвищу Бестия, и Стира, и Леда Метрикса...

Помнил и то, что через месяц к нему в гости прилетит Юрий Шевела, пеломенец.

И конечно, он помнил человека по имени Рик Барнегат. Короля с дикой феодальной планеты, который ухитрился достичь взаимопонимания с инопланетным компьютером и положить конец звездной войне, тянувшейся долгие годы.

За иллюминаторами темнело — лайнер выходил за пределы атмосферы. Теодор Айронсайд, без страха и упрека дослужившийся до пилота-капитана и уволившийся из Флота, летел домой. Впервые за девять лет.

Декабрь 1991 — ноябрь 1992 г.
Киев — Николаев — Южно-Сахалинск

Веселый Роджер на подводных крыльях

От автора

Я родился в городе корабелов — Николаеве. Поэтому неудивительно, что морская тематика интересовала меня с детства. Зачитывался произведениями Станюковича, Новикова-Прибоя, Джозефа Конрада. Естественно, что и сам не смог миновать подобную тему. Кто из подростков не воображал себя бравым корсаром, крушащим жирного купчину из полусотни пушек, а потом идущим на лихой абордаж? Ручаюсь: попадись мне в то время повесть «Веселый Роджер на подводных крыльях» — проглотил бы взахлеб и не один раз.

Попутно могу добавить, что судно, описанное в повести, разработали и даже начертили в разрезе поуровнево студенты Николаевского кораблестроительного института (тогда он так назывался). Так что многие подробности отнюдь не с потолка.

Глава первая
ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СЕМЕРКА
1

Ночной Нью-Кросби стрелял в небо волшебством разноцветной рекламы, гудел клаксонами мобилей на перекрестках, зазывал гуляк-прохожих в питейные, увеселительные и еще бог весть какие заведения. В этом районе города с наступлением темноты жизнь только начиналась: выходили на охоту накрашенные девицы, изрядно подвыпившие компании совершали шумные рейды по барам и кабакам, из-за каждой двери, будь то жалюзи из бамбука или стеклопластик на фотоэлементах, доносились гомон, смех и музыка. По улицам носились ревущие стада мотоциклистов-лихачей; за ними гонялись приземистые полицейские машины, истошно воя сиреной и невыносимо слепя вспышками мигалок. Ярко иллюминированные громады небоскребов напоминали нарядные рождественские елки, только невообразимо большие.

Арчибальд Элмер, двадцати шести лет, без определенных занятий, свернул с Брамм-стрит на Гарднер-авеню напротив центрального парка. Здание национальной библиотеки вторую неделю ремонтировали, и Арчи двинулся вдоль невысокого ограждения.

— Эй, мистер!

Голос, произнесший это, был тихим и отчетливо-зловещим. Арчи лениво обернулся. Позади стояли три верзилы-негра.

— Слушаю вас, господа, — вяло проговорил Элмер, нисколько, впрочем, не испугавшись, хотя нож, выхваченный одним из них, внушал некоторые опасения.

— Советую опустошить карманы, — внятно сказал верзила с ножом, — и поживее!

Арчи усмехнулся: всего лишь карманы!

— Пошел вон, шоколадка!

Негры даже присели от неожиданности. Арчи ловко извлек из рукава куртки нунчаки и, не теряя времени даром, треснул ближайшего грабителя по курчавой башке. Раздался глухой стук, и негр рухнул, как кедр на лесоповале. Перехват, размах — второй последовал за ним так же быстро и почти беззвучно, если не считать слабого удара тела об асфальт. Третьего словно ветром сдуло, только куртка мелькнула над оградой. Арчи удовлетворенно крякнул и спрятал верные свои палочки. Потом нагнулся, подобрал нож — отличный охотничий клинок со скобой и кровостоком, острый, как акулий зуб. Справедливо решив, что трофей он вполне заслужил двумя прекрасными ударами, Арчи сунул нож в узкий карман на бедре и быстро покинул место конфликта.

Через десять минут он опустился на высокий вертящийся табурет у стойки бара «Двенадцать баллов» и закурил почерневшую от времени трубку. С виду трубка пережила гораздо больше, чем ее хозяин. На спине кожаной куртки Элмера явственно проступал старый мастерский рисунок — ощерившийся череп и две скрещенные кости под ним.

— Привет, Арчи! — Бармен привычно поставил перед Элмером бокал пива и аккуратно налил стаканчик доброго яванского рома.

Арчи кивнул, молча выцедил ром и ушел с пивом в угол, где дожидались дружки — Джон Трисель, Архипелаг и Сид — Пивная Бочка.

Спустя примерно час в «Двенадцать баллов» ввалился приземистый крепыш в коричневом летнем комбинезоне, остановился у входа и долго оглядывался. Завсегдатаи вроде Элмера смерили незнакомца ленивым оценивающим взглядом — подумаешь, забрел какой-то пижон! — и тут же забыли о нем.

Вспомнить пришлось через четверть часа. Крепыш возник у столика, где сидел Арчи, мгновение изучал сидевших, потом хрипло осведомился:

— Кто из вас Арчибальд Элмер?

Отвечать не спешили. Арчи мрачно разглядывал незнакомца, соображая, за что могла бы им заинтересоваться полиция, если это, конечно, полицейский. А похоже. Незнакомец нисколько не тушевался под пристальными взглядами. Наконец Сид — Пивная Бочка прищурился и нагло спросил:

— А ты кто такой, мистер Спрашивающий?

Крепыш даже не шевельнулся в его сторону.

— Я ищу Арчибальда Элмера.

Сид смешно хрюкнул и обернулся к друзьям.

— Гм! Он не понимает, когда к нему обращаются!

Крепыш с презрением глянул на Сида.

— А тебя, Пивная Бочка, я попросил бы заткнуться.

Сид вскочил.

— Чего?

Крепыш легонько двинул его по лбу.

— Потухни, приятель! — и тихо добавил: — Я — Капитан Фло.

Капитана Фло знали все, но мало кто его видел. Фло, имя-легенда! Лгать крепыш не мог, спекулировать именем Капитана Фло было равносильно самоубийству. Сид испуганно засопел, потирая лоб; Арчи рывком выдернул стул из-под дремлющего за соседним столиком старика. Старик сверзился на пол.

— Садитесь, Капитан! Я — Элмер.

Фло кивнул, но не сел.

— Пойдем, Арчи. Разговор есть. — Он развернулся и побрел к выходу. Элмер послушно двинулся следом.

2

Бруно Фальконе, более известный как Бруно Кертис, двадцати шести лет, без определенных занятий, валялся на измятой постели и таращился на экран эс-ви. Передавали бейсбольный матч на первенство штата. По вогнутому экрану метался мячик, слышались резкие щелчки бит.

Только что Бруно выгнал очередную подружку, подцепленную ночью, выдул остатки пива и теперь размышлял, где бы раздобыть денег на начавшуюся неделю. Можно было спереть мобиль. Но сержант его уже предупредил: еще раз, и Бруно не миновать пары лет тюрьмы. Позавчерашняя попытка заняться рэкетом вылилась в несколько крепких подзатыльников и продолжительный бег через самое сердце трущоб Манотекса. Изображать из себя слепого гитариста на площади не стоило, во-первых, из-за мизерного сбора, а во-вторых — кто поверит, что он слепой, если в последний раз едва на площадь ступил Бельмондо, Бруно уже улепетывал во все лопатки, прихватив, впрочем, и гитару, и шляпу с монетками. Денег не осталось совершенно — кто бы мог предположить, что хрупкое и юное ночное создание жрет виски, как рассохшаяся бочка, и постоянно требует еще?

Вероятно, предстояло снова слоняться по городу в поисках случайного заработка.

Но судьба распорядилась иначе. Засвистел видеофон; Бруно встрепенулся и ударил по клавише ответа.

— Привет, макаронник! — улыбнулся с экрана Арчи Элмер.

— О-о-о! — обрадовался Кертис, и неспроста: звонок Арчи сулил новости. Позади Элмера в будке стоял еще кто-то. Бруно решил пока побольше слушать, поменьше болтать.

— Ты, как всегда, на мели, приятель?

Бруно развел руками:

— Увы, Арчи, женщины так много пьют, едят и курят, что на себя денег уже не остается.

Элмер обернулся к своему спутнику с видом: «Я же говорил!»

— Слушай, Бруно, есть выгодное дельце. Со стрельбой, погонями и потасовками. В прекрасной компании. И не говори, пожалуйста, что тебе надоели приключения — платит нам сам Капитан Фло!

Арчи обернулся еще раз и указал на коренастого крепыша позади себя.

Кертис и не думал отказываться. Унылая жизнь бездельника уже порядком приелась ему, натуре живой и непоседливой.

— Согласен! — немедленно завопил он и добавил уже спокойнее: — На Бруно Кертиса можете положиться, капитан!

3

Подойдя к кассе, Крис, улыбаясь, сунул миловидной кассирше бакс и вежливо произнес:

— Пожалуйста, девяносто семь центов, мисс!

Улыбка Криса всегда обезоруживала девиц, подобных этой. Левой рукой он тут же стащил пачку пятидолларовых бумажек. Увидел бы кто, как вывернулась при этом его рука! Словно и костей-то в ней вовсе не было...

Кассирша улыбнулась в ответ, ничего не замечая, и пока она стучала по клавишам, Крис стянул все семь стодолларовых банкнот.

— Спасибо за покупку, мистер!

Девушка так ничего и не поняла. Крис расшаркался, прижимая к груди купленный мяч, и неторопливо покинул универмаг.

Около мэрии в переулке, похожем на чисто выметенную крысиную нору, он воровато оглянулся и зафутболил ненужный мяч через ограду.

Потом Крис сел в автобус, едущий в сторону ипподрома. За три остановки в его карман перекочевали два бумажника, четыре золотых кольца, семь наручных часов и одни карманные, а также витой серебряный браслет, кажется, с гранатом. Выйдя напротив ресторана «Глоб», Крис загадал: если в бумажниках больше трех сотен, на сегодня хватит, если меньше — продолжу.

Солнце сияло вовсю, деревья зеленели и радостно шевелились, приветствуя наступающее лето. Крис довольно жмурился, усаживаясь на скамейку у памятника Хлайку, чтобы проверить добычу.

В бумажниках оказалось семьсот двадцать долларов с мелочью, водительские права на имя Роберта Дуайта и куча визиток. Крис удивился: какого черта публика с такими бумажниками и золотыми кольцами ездит в общественном транспорте? Непостижимая страна! А впрочем, ладно, поработал сегодня на славу, можно несколько дней отдыхать, или, как говорил его учитель-русский, оттягиваться.

И тут рядом на скамейку опустился парень в кожаной куртке и линялых ковбойских джинсах. Возник он словно из-под земли, Крис едва успел спрятать бумажники в карман.

— Привет, Крис! С днем рождения!

Кристофер Дейзи, которому сегодня и вправду исполнилось двадцать шесть лет, нахмурился.

— Простите, мистер, вы, должно быть, ошиблись.

— Да ладно, Крис, брось, тебе это не идет. Я-то знаю, кто ты и чем занимаешься — пощипал олухов на совесть, пол-автобуса небось сейчас охает и ругается. Кстати, — Арчи ухмыльнулся, — верни мои часы, пожалуйста. «Кросс-оптим».

Дейзи мрачно сунул руку в карман и извлек несколько наручных часов.

— На, забирай.

Арчи нацепил свои «Кросс-оптим» и весело представился:

— Меня зовут Арчибальд Элмер...

— Что нужно? — хмуро перебил Крис. Он не любил, когда оставались свидетели его промысла.

— Есть дело.

— К дьяволу! Я завязал с громкими делами. Хватит.

— Дело того стоит, — пожал плечами Арчи.

Крис свирепо выпалил:

— Я же сказал — к дьяволу!

Арчи встал.

— Жаль. — Он выдержал положенную паузу, вздохнул и скорбно добавил: — Капитан Фло сказал еще, чтобы ты не очень удивлялся, если на свет божий всплывут некоторые подробности мармоннской резни.

Дейзи чуть заметно побледнел и уставился на Элмера. Взгляд его вполне мог воспламенить газету. Арчи выжидательно глядел ему в глаза.

— Ладно, — протянул Крис напряженно. — Что я должен делать?

Арчи был краток:

— Всего лишь выслушать Капитана Фло. Пошли!

Крис Дейзи медленно поднялся со скамьи.

— Надо же! — горько усмехнулся он. — Минута, и я иду за тобой, словно собачонка. Весело же я встретил свое двадцатишестилетие!

Арчи обернулся и легонько потрепал его по плечу.

— Ничего, приятель! Через два часа ты это расценишь как подарок на именины.

Крис вяло отмахнулся и спросил:

— Слушай, а почему ты молчал, когда я снимал с тебя часы?

Арчи расплылся в улыбке:

— А что, мне нужно было хватать тебя за шиворот и орать: «Держи вора»?

4

Днем кафе почти всегда пустовало, тишину в зале нарушал только слабый стрекот вентилятора-кондиционера. Стереовизор хозяин выключил еще утром, и редкие посетители развлекались как могли: парочка у окна рисовала на салфетках чертиков и поминутно прыскала, отворачиваясь к окну; какой-то трудяга мирно спал, уронив голову на столешницу, рядом с ним стояла недопитая чашечка кофе. Эрвин Капелька, задрав ноги на стойку и попыхивая сигарой, читал «Утренние новости». Ничто не предвещало неожиданностей.

Тяжелый трейлер компании «Лопл Триджентик» вывернул со стороны Западного шоссе и пополз прямо на кафе. Перед самым входом дорога резко сворачивала влево, и посетители могли часто видеть, как скоростные мобили, готовые вот-вот въехать прямо в зал, вдруг уходят в сторону и только жужжание приводов мягко толкается снаружи в стеклопластик. Поэтому никто сначала не обратил на грузовик внимания. Выстрелы в кафе услышать не могли. Девушка у окна, взвизгнув, дернула своего приятеля за руку, лишь когда трейлер подмял под себя полосатый бордюр, сбил столбик дорожного знака и въехал на тротуар. Парочка едва успела отскочить, грузовик с хрустом вломился в прозрачный стеклопластик; раздвигая столики и опрокидывая стулья, доехал почти до стойки бара, заглох и остановился.

Бармен, выскочив из подсобки на грохот, ошарашенно застыл посреди зала. В наступившей тишине слышались только нервные шаги по осколкам пластика — это, стараясь казаться незаметным, крался к выходу заспанный трудяга. Парочка исчезла еще раньше. Бармен, видимо, потерял дар речи; замерев и опустив руку с полотенцем, он таращился на грузовик, словно неандерталец на воздушный шар.

Эрвин Капелька опустил газету, аккуратно сбил пепел с сигары и с ужасающим спокойствием предположил:

— Может быть, он хочет кофе, Джимми?

Бармен вздрогнул и посмотрел на Эрвина. Он ожидал, что толстяк вновь уткнется в газету, но Капелька проявил больше интереса, чем обычно: чтение отложил, снял ноги со стойки и приготовился наблюдать, дымя сигарой.

И только сейчас Джимми-бармен заметил в лобовом стекле грузовика две дырочки от пуль и пустоту на месте водителя. Он, нетвердо шагнув, открыл дверь; сверху на него мешком свалился мертвый шофер в синем комбинезоне «Лопл Тридженгик». Крови почти не было, стрелял, наверное, снайпер. Джимми беспомощно склонился над безвольным телом и так же беспомощно повернулся к Капельке, который, как болтали в округе, мог абсолютно все.

Капелька, вынув сигару из пухлых губ, сказал:

— Пожалуй, стоит вызвать полицию.

Полиция явилась через семь минут. У кафе на улице собралось с десяток зевак, Джимми, заикаясь от волнения, объяснялся с инспектором, сержант расхаживал с рулеткой, блокнотом и очень умным видом, еще двое копов стояли у входа и у дыры в витрине, никого не пуская внутрь.

Эрвина Капельку Арчи дождался только спустя полтора часа. Городишко был крохотный, Арчи, шагая рядом с Эрвином, вынужденно раскланивался со всеми встречными. Толстяк делал это с видимым удовольствием. Наконец они подошли к небольшому, увитому плющом домику, избранному Капелькой под жилище. Двор утопал в сочной мясистой зелени, навевающей смутные догадки о тропиках. Внутри домик оказался таким же милым, как и снаружи. Арчи приятно изумился уюту и умиротворенности, царящим в комнатах Эрвина. Невольно он сравнивал их со своей берлогой, и сравнение было явно не в пользу последней.

— Итак, — сказал хозяин, разливая дорогой французский коньяк по изысканным хрустальным рюмкам в виде морских раковин, — что понадобилось от меня Капитану Фло?

Арчи вздрогнул: он не успел еще и полслова сказать Эрвину о цели своего визита.

— Простите, — Арчи слегка замялся, — а из чего, собственно, следует, что меня послал Фло?

Толстяк усмехнулся:

— Из Нью-Кросби с такой татуировкой к старине Эрвину могут пожаловать только от Капитана Фло.

Арчи покосился на свое левое запястье — там красовался вытатуированный еще во время службы на флоте якорь.

— А почему вы решили, что я из Нью-Кросби?

Толстяк прямо-таки цвел от счастья, когда демонстрировал свою проницательность. Он вытащил у Элмера из нагрудного кармана свежий номер «Нью-Кросби джорнинг пост».

— Это утренний выпуск, я вижу заглавие статьи о процессе Буша. До Брендона он докатится только к обеду.

— Н-да, — протянул Арчи. Выводы показались ему несколько натянутыми, хотя Капелька все угадал верно. — Ладно. Капитан Фло просил передать, что есть возможность одновременно развеяться, поплавать, поработать головой и попутно оказать Капитану Фло услугу, кроме всего прочего, еще и прилично заработав.

Арчи пытливо взглянул на Капельку. Тот молча прикуривал сигару. Фло предупреждал, что толстяк консервативен и может упереться, поэтому Арчи очертя голову принялся уламывать его, на все лады понося унылую серую жизнь в провинции и расхваливая прибыльность интересного предприятия. Эрвин слушал его минуты две. Потом прервал коротким энергичным жестом:

— Не пыли, приятель. Из тридцати девяти лет жизни двадцать три я отдал Капитану Фло. Я согласен.

Арчи облегченно вздохнул.

5

Гордон Лу, известный на весь Бьюк-Даунт двадцатишестилетний шалопай, словно сквозь землю провалился. Арчи обошел все данные капитаном адреса, все девять; многочисленные родственники Лу однообразно повторяли: «Горди ушел, может быть, он у тетушки...»; «...нет-нет, не появлялся, долж-

но быть, навещает матушку»; «Нет его, проваливай, приятель»; и так девять раз подряд.

Неизвестно, кого он там навещал, но Арчи обнаружил Лу в полицейском участке. Тот держался уверенно и беспардонно, словно решетки на окнах и рослый долдон у двери, состоящий в основном из квадратной челюсти, каски и рыжих волосатых кулаков, милы ему беспредельно, а полицейский участок — дом родной.

Впрочем, последнее было не так уж далеко от истины. К Лу здесь привыкли. Лысоватый полный полицейский, расстегнувший рубашку чуть ли не до пупа, уныло спрашивал; Горди — отвечал, живо и очень охотно.

— Ну что он тебе такого сделал, Лу?

— Как что?! Сказал, что я — дерьмо!

— И из-за этого стоило вышибать ему мозги?

Лу удивился:

— А что, надо было сказать, что он тоже дерьмо?

— Ну хоть бы и так, черт возьми!

— Ты же знаешь, Пит, это не в моих правилах.

— Но он вдвое больше тебя! И вчетверо сильнее!

Лу напыжился и, казалось, даже засветился от гордости:

— Ну и кто кому вышиб мозги?

Полицейский схватился за голову:

— Господи, убрался бы ты из города, я бы ламбаду сплясал на площади, при всех, ей-богу! Ну скажи мне, Лу, скажи на милость, какого черта ты поколотил этого быка?

Лу пожал плечами:

— Он сказал, что я — дерьмо...

Полицейский взвыл и обернулся, заметив наконец Арчи.

— Здравствуйте, сэр! — Арчи шагнул вперед, к столу. Полицейский потянулся к шее, словно хотел поправить галстук, но потом сообразил, что галстук висит на спинке стула, махнул поднятой рукой и сел.

— В чем дело?

Арчи, вопросительно глядя на него, уточнил:

— Похоже, вы не прочь избавиться от этого типа?

Пит прищурился, словно хотел сказать: «Что-что?»

Арчи твердо, насколько смог, предложил:

— Если он ничего серьезного не натворил, сэр, и вы согласны его отпустить, я обязуюсь увезти его отсюда минимум на полгода.

Коп повернулся к Горди.

— Ты слышал?

Тот кивнул.

Тогда Пит вскочил, пересек комнату и с треском распахнул дверь. Долдон в каске даже не пошевелился.

— Убирайся! Я не знаю, почему я должен верить этому человеку, но я даю тебе шанс. И учти: если завтра я встречу тебя в городе, Лу, будь уверен, упеку на шесть месяцев. Надоел ты мне до смерти!

Арчи мысленно поздравил себя с успехом. Но Лу вдруг развалился на стуле и заявил с крайне независимым видом:

— А может, я с ним и не пойду!

Арчи заулыбался:

— Эй, Горди, не дури и не заставляй называть себя дерьмом, тебе это, кажется, не по нраву.

Полицейский заорал:

— Все! Хватит! Или ты идешь с этим... гм... джентльменом, или шесть месяцев заключения. Сегодня! Сейчас! Девятьсот девяносто девять тысяч чертей!

Лу поспешно вскочил:

— Иду, иду! Выбор не очень-то велик, Пит, и я думаю, что не ошибся.

Он схватил кепку, на которой сидел все это время, и выскользнул за дверь. Арчи попрощался и вышел следом. Лу, не оборачиваясь, шагал прочь по улице.

— Эй, Гордон Лу! — окликнул его Арчи. — Иди-ка сюда.

Что-то в его голосе заставило Лу замереть и неохотно вернуться. Арчи подождал, пока он приблизится.

— Нам в другую сторону, — сказал он жестко.

Развернулся и пошел, зная, что Лу не посмеет сбежать и последует за ним.

Арчи не ошибся.

6

Если Лу обнаружился в полицейском участке, то Марка Мортимера Арчи нашел и вовсе в тюрьме. Мортимер был единственным, чьей фотографии не оказалось у Капитана Фло, и единственным, кому Фло посоветовал с ходу выложить всю правду.

Арчи бесстрастно и негромко выложил.

— Остался ты, Марк, и еще один парень по имени Оскар Слэш.

Марк казался спокойным.

— Кого ты уже успел завербовать?

Арчи стал отвечать, потому что так советовал Фло.

— Сначала Капитан Фло нашел и уговорил меня, а я уже сумел найти общий язык с четырьмя парнями — моим дружком Бруно Фальконе...

— Это тот, которого все называют Бруно Кертисом и которого терпеть не может Бельмондо?

Арчи удивился, что Мортимер это знает, но виду не подал.

— Да, это он. Кроме того, один малый из Бьюк-Даунта в Паноме, зовут его Гордон Лу, далее — Крис Дейзи из...

— Крис? Ты хочешь сказать, что уговорил на эту авантюру Криса? — Марк презрительно хмыкнул.

Арчи поколебался.

— Его пришлось припугнуть, — наконец пояснил он.

Марк откровенно заулыбался:

— Парень, если ты хочешь сказать, что способен запугать Криса Дейзи, то скажи это кому-нибудь другому.

Смешался Арчи всего на секунду.

— Собственно, я передал ему всего одну фразу Капитана Фло: если он откажется, раскроются некоторые детали мормонского дельца. И все.

Мортимер недоверчиво посмотрел на Элмера.

— Фло ничего не может об этом знать.

Арчи немедленно пожал плечами:

— Спросишь у Капитана Фло сам. Не в свои дела я никогда не лезу.

Прозвучало это достаточно убедительно, и Арчи решил, что стоит перевести разговор в другое русло.

— Кстати, откуда ты знаешь Криса?

Мортимер криво усмехнулся:

— А откуда я знаю Бруно Кертиса?

Арчи зашелся смехом. Однако этот парень не промах!

— Извини! Это ведь тоже не мое дело.

Арчи умолк, ожидая, что решит Мортимер. Тот сидел за мелкой проволочной сеткой с крайне независимым видом, словно происходило это не в Трэдфилдской тюрьме, а где-нибудь в баре на Гринли.

Молчали они долго, охранник даже стал с неудовольствием коситься на них, словно хотел спросить: «Какого черта было добиваться свидания? Чтобы сидеть и молчать?»

Наконец Арчи не выдержал:

— Ну, так что же ты скажешь, Марк?

Тот равнодушно опустил взгляд с потолка, куда неотрывно глядел последние минуты. Глаза его были невинными, словно у младенца.

— А какое отношение имеет все это ко мне? Конкретно ко мне?

— То есть? — не понял Арчи.

— Я отбываю срок. Осталось еще порядком. Во всяком случае, двадцатисемилетие я тоже встречу в камере.

Арчи хлопнул себя по лбу.

— Черт! Я совсем забыл! Капитан Фло сказал, что в случае согласия оставшийся срок тебе скостят.

Элмер действительно забыл об этом упомянуть, но Мортимер ему, конечно же, не поверил. Впрочем, это не имело особого значения: Марк знал, что Фло слов на ветер не бросает. В душе он давно уже согласился. Однако нужно было соблюсти знаменитый имидж Марка Мортимера, и он делал вид, что еще колеблется, взвешивает все «за» и «против».

Но вдруг парень по ту сторону сетки, назвавшийся Арчибальдом Элмером, понимающе усмехнулся:

— Да будет тебе, Марк! Я же вижу, что ты согласен. Не скажешь ведь ты, что полтора года тюрьмы прельщают тебя больше предложения Капитана Фло?

И Марк сдался:

— Ты прав, черт возьми!

7

Остался один: Оскар Слэш по кличке Бегемот. Оскар не был ни толстым, ни просто крупным человеком; прозвище прилипло к нему еще в юношеские годы, когда на пикнике он в одиночку слопал целый котелок гречневой каши, предназначавшийся семерым, и навеки стал Бегемотом.

С ним вообще не возникло никаких проблем: Оскар валялся мертвецки пьяным в собственной квартире недалеко от центра Хрид-Сити. Арчи просто погрузил его в такси, отвез к станции междугородки и через минуту уже ловил такси в Нью-Кросби. Слэш не подавал никаких признаков жизни. В таком виде Арчи и доставил его в резиденцию Капитана Фло.

Первое задание босса можно было считать выполненным.

Глава вторая
ВПЕРЕД, В ПРОШЛОЕ

1

Когда к пробездельничавшей неделю шестерке присоединился свежевыбритый и благоухающий Марк Мортимер, Капитан Фло собрал всех в небольшом холле перед своим кабинетом. Одну из стен украшал черный пиратский флаг с неизменным черепом и песочными часами.

Арчи Элмер и Капелька выглядели спокойными; Кертис цвел от восторга — целую неделю он ел, спал и пил, не утруждая себя мыслями о деньгах; Крис Дейзи был мрачен, как зимний Везувий; Слэш Бегемот — равнодушен; Горди Лу старался смотреться посолиднее, но получалось это у него не очень; о Мортимере пока трудно было что-нибудь сказать.

Фло посмотрел на собранную команду, рассевшуюся в креслах, улыбнулся и начал:

— Итак, господа, насколько я знаю, каждый из вас не всегда и не во всем ладил с химерой, именуемой «законом». И — что вполне естественно — каждый кое-чему научился.

Фло сделал паузу, никто его не перебил, и это Капитану понравилось, еще раз убедив его в правильности выбора.

— Мне нужно ваше умение. Умение бойцов, ловчил и авантюристов. Разумеется, не задаром. Вы, конечно, не прочь завести кругленький счет в Национальном банке и до конца дней своих не знать нужды в средствах. Это я предлагаю вам взамен вашего умения.

Фло снова умолк и слегка выждал. Глаза всех присутствующих, обращенные к нему, выражали интерес — в зависимости от темперамента — от живейшего до сдержанного. Фло снова улыбнулся.

— Я предлагаю попиратствовать, господа. Нет-нет, никакого риска, — поднял руку Фло, — действовать будем в семнадцатом веке.

С Международной Комиссией по охране морских перевозок Фло конфликтовать не собирался. Это радовало.

В холле напряженной струной запела абсолютная недоуменная тишина.

— Я имею в своем распоряжении машину времени. И намерен ее использовать. Все, что нам придется делать, это отбиваться на современном, оснащенном последними системами оружия и боевой техники судне от средневековых парусников с их смехотворными фитильными пушками и в лучшем случае — мушкетами.

Капитаном «Орхидеи» буду я. Позвольте представить вам команду, куда вы, надеюсь, органично вольетесь.

Фло встал, пересек холл и толкнул дверь в собственный кабинет.

— Питер Зборовски, старший помощник капитана. В рекомендациях не нуждается.

Питер был свиреп. От башмаков с квадратными носками до повязки на глазу. Эдакий бравый корсар, не хватало только повязанного по-пиратски пестрого платка да степенного попугая на плече.

— Ларри Робинсон, механик.

Худенький, чтобы не сказать плюгавенький, человечишка в круглых старомодных очках. Руки по локоть в масле, все как положено. На флибустьера он никак не смахивал, хотя... Но об этом позже.

— Ван Баттум, кок.

Дебелый голландец, зачатый и выросший на камбузе, из тех, кого на суше преследует «береговая болезнь» и кто в состоянии при восьми баллах есть салями без хлеба и закусывать сгущенкой, искренне изумляясь при этом, почему бедняги-пассажиры повисли на фальшборте и блюют.

— Сэр Юстас, шеф спасательной команды.

Тут семерка и вовсе разинула рты. Вернее, шестерка, ибо Эрвин Капелька был как раз в курсе.

Из кабинета неспешно и величаво вышел громадный песньюфаундленд. Роскошная черная шерсть с медным отливом, мощные клыки и лапы, умнейшие темные глаза. Сэр Юстас прошествовал мимо изумленной команды и уселся, разинув пасть и свесив набок длинный розовый язык, у ног Капитана Фло.

— Эрвин Капелька назначен боцманом, Арчибальд Элмер — его помощником. Остальные, понятно, матросами. Первейшим моим условием будет железная дисциплина. С момента вашего согласия на участие в плавании я — ваш бог, ваш папа и ваша мама. Приказы выполнять немедленно и не рассуждая. За это я вам, собственно, и плачу. Кто согласия не изъявит, может встать и уйти, его миллион золотом будет поделен между оставшимися. Прошу всех вновь прибывших по очереди подтвердить согласие. Звукозаписывающая аппаратура включена. Мистер Элмер и мистер Капелька уже высказались в пользу своего участия в предприятии. Итак, мистер Слэш?

Бегемот поскреб подбородок.

— Хоть оружие-то дадут?

— Сколько угодно! — заверил Фло.

— А выпивку?

— Только не на вахте.

Слэш развел руками:

— Что же тут решать-то? Согласен, ясное дело.

— Мистер Мортимер?

Марк переглянулся с Крисом Дейзи (они сразу же оказались рядом, с первых минут).

— Надеемся, что вы сознаете, что делаете, Капитан. Мы ваши.

Крис кивнул, едва только Марк умолк. Кивнул солидно, как представитель «Форд Моторс» на Всемирной Автоярмарке.

— Прекрасно! Бруно?

— Нет вопросов! На абордаж! По марсам и салингам!!

— Спокойнее, приятель! Меньше страсти, — поумерил пыл итальянца Фло. — Лу?

Горди напыжился:

— Только покажите, в кого стрелять, Кэп!

— О'кей, — подвел черту Фло. — Я вижу, что не ошибся в вас.

Он замолчал, потрепал Юстаса по лохматой голове. А потом его голос враз из вежливого стал капитанским.

— С сегодняшнего дня командует вами Питер. Общая подготовка, изучение «Орхидеи» и оружия. Слэш, ты, кажется, в прошлом механик — углубленный курс, Ларри, займешься им. Чтоб тебя заменить смог! Ясно?

Очкарик кивнул, Слэш вздохнул.

— И не пищать, корсары! Дрейк по сравнению с нами — мальчик! Доступно?

— Йо-хо-хо! — совершенно серьезно сказал Дейзи.

«И бутылка рома», — подумал каждый.

И началось. Питер гонял их, как сержант новобранцев, даже Капельку. Кстати, толстяк оказался не таким уж заплывшим: от пола отжимался полсотни раз даже не запыхавшись, а на перекладине такие вещи вытворял, что маленький, склепанный из сплошных мускулов гимнаст Лу рот разевал от удивления. Капелька явно держал себя в форме в своем занюханном провинциальном Брендоне.

Выяснилось, что Крис так стреляет из любого оружия, что вызывать его на дуэль было чистым самоубийством, даже если Крису завязать глаза;

что малыш-Лу голой рукой шутя ломает шесть кирпичей, легко садится на поперечный шпагат и ловит на лету стрелу, пущенную из спортивного лука;

что Арчи лучше не трогать, если с ним нунчаки, а если не с ним, то лучше нападать вдвоем-втроем, и желательно с Лу;

что Оскар Слэш водит все — от вертолета до подводной лодки;

что Юстас понимает человеческую речь — провалиться всем на месте, если это не так! Дьявольски смышленый пес;

что Бруно Кертиса можно последовательно запаковать в смирительную рубашку, наручники, кандалы, мешок и бросить

с моста в море: он освободится еще в полете и рассмеется вам в лицо;

что Ван Баттум — кок милостью божией;

что механик Робинсон вовсе не такой хлюпик, каким кажется. Шесть кирпичей он, правда, не мог осилить, а вот с тремя справлялся вполне;

что Питер тоже мог все это и еще чуть-чуть, а уж сам Капитан Фло мог еще больше.

Выяснилось, что «Орхидея» — чудо. Плод инженерного гения военных судостроителей. Композитный корпус, управляемые суперкавитирующие крылья, водометные движители прогрессивного режима, скользящее покрытие типа «чешуя», резервные воздушные винты регулируемого шага...

Тримаран на подводных крыльях! С разделяемыми секциями. Средняя — основная, четырехуровневая. Боковые — двухуровневые. И скорость, скорость — 86 узлов в штиль! Сказка...

Оскар Слэш с Ларри-очкариком неделями не вылезали из машинного отделения.

В общем, месяц пролетел как один день. Команда постепенно становилась Командой, где каждый за всех и все за одного. Фло подобрал именно таких людей, на которых впоследствии мог положиться. Не зря он так долго выбирал.

2

Рассекая умопомрачительно синюю волну, «Орхидея» понеслась прочь от причала, мгновенно встав на крылья. Арчи не переставал поражаться ее способностям: пройти над Бермудскими банками на тридцати узлах даже не чиркнув по песку! И глубина-то, глубина под килем... ох, пардон, под крыльями! — всего-навсего два фута! Ну и ну! Ларри что-то объяснял насчет разницы давлений под и над крылом, песок-де — более плотная среда, чем вода, поэтому над мелью давление снизу на крылья возрастает, судно приподнимается и проходит словно на подушке. Арчи сразу не поверил: мель есть мель, что там давление... Пришлось убедиться.

Фло, Питер и Капелька расположились в рубке; Капитан в кресле у мониторов, Питер за штурвалом, боцман просто у двери.

Навстречу тримарану, изредка вспенивая макушки, стройными рядами ползли океанские волны. Рубка находилась на самом верху, на четвертом уровне, от воды ее отделяло добрых сорок футов. Сразу за рубкой, надежно принайтованный, притаился небольшой боевой вертолет класса «Шершень». Остальное пространство четвертого уровня занимала открытая палуба.

На третьем уровне располагались все боевые системы — пушки, ракеты, пулеметы, оперативный боезапас, торпедные пускатели, военный компьютер «Полтава» (кличка — Зародыш), датчики систем наблюдения, мониторы, и прочая, и прочая, и прочая...

Здесь, прильнув к лобовым стеклам, вглядывались в морские дали трое: вахтенный — Арчибальд Элмер и зашедшие поболтать Марк и Крис. Последнее время эта троица много времени проводила вместе.

А Бруно Кертис очень сдружился с Гордоном Лу — оба невысокие, ладные и достаточно беззаботные. Сейчас они сидели у Ван Баттума на камбузе, где были частыми гостями. Камбуз располагался по правому борту второго уровня, ближе к носу. Весь нос занимала просторная для одиннадцати человек кают-компания. Пожалуй, в ней и тридцать человек не чувствовали бы себя стесненными. Напротив камбуза по левому борту тянулись склады, а на корме находились жилые каюты. Капитан Фло и Питер Зборовски поселились в одноместных, остальные жили по двое: Мортимер с Дейзи, Арчи с толстяком Капелькой, Лу с Кертисом, а Слэш Бегемот с механиком Ларри, понятно: они сошлись на почве своих машин. Кок Ван Баттум обитал прямо на камбузе, там у него имелась крохотная уютная каютка. Для Юстаса соорудили на самой корме специальный вольер, всегда открытый и на кормовую палубу, и в коридор-твиндек. В настоящий момент пес беззаботно спал, потому что его никто не потрудился разбудить, а на качку он обращал не больше внимания, чем мы на вращение Земли.

Второй ярус опоясывала замкнутая галерея, от фальшборта до стен кают целый ярд. Балкон балконом, да простят моряки...

Весь нижний ярус занимали склады, топливные баки и машинное отделение, царство Ларри и Бегемота. Оба сидели в дежурке — чистой, полной датчиков и приборов каюте.

Итак, «Орхидея» отчалила второго июля в два десять пополудни. Лу отдал носовой, Кертис — кормовой, Зборовски дал «малый вперед», ожили два из четырех водометов средней ступени...

А потом все собрались там, где описано.

— С богом, — вздохнул Капитан Фло, начиная свое предприятие. Питер стоял у штурвала, сунув левую руку в карман. Капелька вышел на воздух, оставив дверь открытой; в рубку врывался соленый ветер, принося шум волн и крики чаек. Капелька чадил трубкой: в море сигар он не признавал.

— Да, — сказал Марк Мортимер, вспоминая осточертевшую камеру, — сидел бы я сейчас в Тредфилде...

Арчи улыбнулся, вспоминая разговор во время свидания и недовольного охранника; Крис косился то на Марка, то на Элмера. Тихонько тикали на запястье Арчи часы, однажды уже побывавшие у Криса в кармане.

— Ну и кофе ты варишь, Ван... М-м-м... — зажмурился от удовольствия Бруно. Кофе он обожал.

Кок разлил ароматную жидкость по чашечкам.

— Почему ты его называешь «Ван»? — проворчал Горди, принюхиваясь. Кофе он обожал не меньше. — Это же только полфамилии. Все равно что тебя назвать не Фальконе, а Фаль.

— Да ладно, — вздохнул голландец. — Все так называют. Тебе сколько сахару, Лу? Никак не запомню...

Работу водометов лучше всего было слышно внизу, в трюме. Тихий гул никогда не покидал дежурку машинного отделения, разве только у причала.

— Подумать только — машина времени! Это же... — Слэш Бегемот развел руками, не в силах выразить свои чувства.

Ларри, развалясь в кресле, невнимательно листал журнал «Турбина».

— Да она с приветом, Оскар. Военные ее поэтому и продали Капитану.

Слэш не понял.

— Что значит «с приветом»?

Ларри отложил «Турбину».

— А ты не знаешь? Капитан вроде объяснял... Хотя вас тогда еще не было. В общем, она работает только назад, в про-

шлое. Относительно нынешнего года. Прыгнул сегодня, пробыл в прошлом месяц, возвращаешься ровно через месяц после старта, и никак иначе. Понял?

Слэш кивнул:

— Фиксированный сдвиг, ясно.

— Вот. А прыгать можно только на тринадцать лет. Ровнехонько, ни больше ни меньше. Или на двадцать шесть, если в два приема. Три приема — тридцать девять, и так далее.

— Почему? — изумился Бегемот.

— Откуда я знаю? С приветом машина. Бракованная. Намудрили небось военные, сами не расхлебали. Но это не все. Ты заметил, что многие из нас одногодки? Мне, тебе, Крису, Марку, Лу, Бруно и Арчи по двадцать шесть лет, Капельке, Питеру и Вану по тридцать девять, а Капитану — пятьдесят два. Улавливаешь?

— Ого! Тоже привязка к цифре «13»?

— Точно! Машина переносит только те живые организмы, возраст которых кратен тринадцати годам. Плюс-минус несколько месяцев. Так что у нас не так много времени. До конца лета.

Слэш покачал головой. Действительно, с приветом машина!

— Стоп, Ларри! А Юстас? Как с ним?

— Ему шесть с половиной лет. Тринадцать пополам.

— А-а...

Ларри усмехнулся:

— Вот такие дела. Честно говоря, я не уверен, что это ВСЕ ее заскоки. Думаю, есть и другие. Поживем — увидим, прав я или нет.

— Внимание, команда! — прозвучал по внутренней связи голос Капитана Фло. — Начинаем первый прыжок!

Заслышав голос хозяина, Юстас проснулся, взлетел по кормовому трапу, пересек палубу четвертого уровня и вошел в рубку, зевая на ходу.

Мир на мгновение померк, а потом пасмурный день и легкое волнение сменились безудержным летним солнцем и полным штилем.

Оскар Слэш прилип к иллюминатору. За стеклом была резиновая лодка и конец двадцатого века, девяностые годы, середина лета.

— О'кей, ребята, все в норме, эта штука работает, — сообщил Капитан Фло. — Дальнейшие прыжки без предупреждений. Поехали!

Снаружи раз за разом темнело, волны и ветер то и дело меняли силу и направление, солнце то сияло посреди бездонной голубизны, то пряталось за лохматыми сахарными облаками, то терялось за сплошной пеленой свинцовых низких туч. Раз «Орхидею» омыл неистовый летний ливень, а раз попали в бешеный шторм: огромная волна пихнула судно в левую скулу, столкнула с крыльев и посадила брюхом на воду, но в следующую секунду, тринадцатью годами раньше, «Орхидея» вновь поднялась на крылья.

Раз совсем рядом мелькнул пароход, оставляя длинный шлейф дыма и копоти; позже вдали на миг поднялись высокие мачты какого-то парусника, а за кормой все время маячила резиновая лодка с единственным человеком, вцепившимся в весла.

Оскар, заметивший лодку, так и не сообразил сначала, что она тащится вслед за «Орхидеей» сквозь времена.

Наконец прибыли. Солнце жарило, как встарь, затихли водометы, «Орхидея» легла днищем на воду и неспешно заскользила по легкой ряби семнадцатого века.

Фло, Питер, Капелька и Юстас вышли на палубу.

— Красиво, черт возьми, — вздохнул Фло. — Даже дышится вроде бы легче.

Море было синее-синее, почти как дома, в двадцать первом веке.

— Да уж, — заметил Эрвин. — Наслаждайся. Ни тебе смога, ни тебе нефти...

Юстас вдруг, рыкнув, рванулся на корму, встал на задние лапы, оперся на леер и залаял.

Невдалеке лениво покачивалась ярко-оранжевая резиновая лодка; в ней стоял человек и отчаянно махал курткой.

— Гм... — оторопел Капитан. Резиновая лодка в семнадцатом веке? Или что-то неладно с машиной?

— Кэп, лодка за кормой! — прокричал кто-то снизу, со второго уровня.

— Вижу, — отмахнулся Фло, направляясь в рубку.

— Все наверх! Кертис и Лу — принять человека!

«Орхидея» величаво развернулась и медленно сблизилась с лодкой.

Через минуту Кертис привел наверх перепуганного паренька-подростка; Лу втаскивал злополучную полуспущенную лодку на корму второго уровня.

Фло подозрительно рассматривал пришельца. Рыжая шевелюра, спасательный жилет, шорты, шлепанцы... Сын какого-нибудь рыбака из припортовых районов, наверное.

— Тебя послал Бейкер? — жестко спросил Капитан. — Отвечай!

Мальчуган съежился:

— Какой Бейкер? Я от родителей сбежал... А лодка лопнула. Старая уже...

— Как тебя зовут?

— Слава... Слава Лебедев.

Капитан удивился:

— Русский, что ли?

— Угу, — промычал парень. — Эмигрант.

— Сколько же тебе лет, эмигрант?

— Тринадцать...

Сходится возраст-то! Фло переглянулся с Питером.

Вряд ли Бейкер послал бы такого сопляка... — думал Капитан. — Да и что он знает о машине? Ничего, кроме того, что я купил что-то у министерства обороны.

— Что делать, Капитан? Мы почему-то приволокли его с собой.

Питер поедал Капитана единственным глазом.

— Кажется, я знаю, — сказал вдруг Оскар Слэш. Все взглянули на него.

— Нас было одиннадцать плюс Юстас. До тринадцати одного не хватало. Вот и зацепили ближайшего, кто подошел по возрасту. Эта машина свихнулась на цифре «13», Кэп. Ей-ей.

Капитан хмыкнул. А ведь верно! Молодец, Бегемот, голова варит. Ну, и что делать? Отправить пацана назад (или — вперед, хрен теперь разберешься). Ищи потом тринадцатого в экипаж. Не приведи Господь, Бейкер узнает. У него везде уши, а информация имеет свойство просачиваться...

«Оставлю, — решил Капитан. — Все едино, говорит, сбежал. А вернемся, еще спасибо скажет. Сдадим его прямо родителям под крылышко...»

— Эй, Слава!

Парень вытянулся. «Не отправляйте меня домой, дяденька», — читалось в его взгляде.

— Зачисляю тебя юнгой! Марш на камбуз к Ван Баттуму! Все вопросы к нему!

3

Бирюзовая волна Карибского моря мягко шлепала «Орхидею» в белоснежный бок. Легкий ветер гулял над миром, покачивал упругие усы антенн над рубкой. Черный флаг с черепом и скрещенными костями развевался на голо-стеньге над короткой, в сажень всего, мачтой. Флаг совершенно игнорировал ветер, ибо был лишь голограммой, как и сама стеньга. Она потому и называлась голо-стеньгой.

Ван Баттум, свесив ноги с кормовой палубы «Деи» (правой секции тримарана. Левая звалась «Орха»), пристально наблюдал за пузатым пестрым поплавком. Справа от него стояло ведро с белым трафаретом «Веселого Роджера»; в ведре плескалось несколько рыбин. Рядом чинно восседал сэр Юстас, виляя хвостом и вежливо облизываясь. С другой стороны устроился Слава, негромко насвистывая модную телемелодию минувшей недели, которая наступит только через триста с чем-то лет. В рубке «Деи» возились Питер и Слэш — настраивали систему лазерного наведения.

Поплавок нырнул, леска натянулась, словно струна, Ван Баттум сноровисто подсек.

— Оп-ля!

На крючке трепыхался небольшой тунец.

— Твой, сэр Юстас. Маловат для котла.

Кок небрежно подбросил рыбину; Юстас привстал на задние лапы...

«Клац-клац!» Рыбий хвост исчез в объемистой пасти. Ньюф облизнулся не без благодарности.

Поплавок снова закачался на волне.

Очередная поклевка была гораздо мощнее. Ван вцепился в удилище обеими руками.

— Эй! Слава! Сачок!

Юнга изготовился. Удилище выгнулось правильным полукругом; пластик тихо запел, но пока выдерживал. Из воды показалась серая голова с растопыренными жабрами. Размером голова была с добрую дыню.

— Ого! — присвистнул Слава.

Сверху как раз спускались Питер и Бегемот.

— Чего свистишь, юнга? — неодобрительно заметил Зборовски. На борту свистеть положено только двоим: боцману и ветру!

Слава не растерялся:

— Так точно, сэр! Больше не повторится, сэр! Извините, клюет, сэр! — и схватился вновь за подсаку.

И тут засвистел тот, кому положено, — боцман. Пронзительный звук дудки сменился зычным голосом:

— Все по местам, бездельники! Паруса слева! Трам-тарарам!

Ругался Капелька исключительно для порядка, по старой морской традиции.

Плененный тунец забился в сачке, разбрасывая сверкающие на солнце жемчужины брызг.

— На камбуз, живо! — скомандовал кок.

Питер и Бегемот уже убежали; Юстас исчез еще раньше.

Команда занимала места. Капитан и Зборовски — в ходовой рубке; сюда же на всякий случай вызвали и юнгу. Капелька, Дейзи и Мортимер — в боевой рубке третьего уровня. Арчи и Слэш — в рубке «Орхи», слева; Лу и Кертис — справа, в «Дее». Ларри дежурил в трюме, у машин; кок с Юстасом остались на втором уровне.

Слева, с юга, приближался парусник. Слегка накренившись, он рассекал набегавшую волну. Белые полотнища парусов недвижимо застыли, наполненные ветром доверху. Следом шло еще несколько кораблей. Передний изменил курс и двигался теперь прямо к «Орхидее». Скоро он подошел совсем близко; стали видны даже шкентеля и юферсы. Матросы, стоя на пертах, сноровисто управлялись с такелажем; судно вмиг легло в дрейф.

— Голландцы, что ли? — предположил Питер. — Гляди, все брам-стеньги вперед выгнуты...

Фло усмехнулся. На голландском судне командовать мог кто угодно.

— Эй, пираты! — послышался неожиданно громкий голос. Говорили по-английски.

«Орхидея» носом глядела в правый борт парусника. Разделяло их саженей тридцать.

— Подойди ближе, — сказал Фло и вышел на мостик.

Питер подал «Орхидею» вперед, расстояние сократилось вдвое. Теперь стало видно, кто говорил, — разодетый в шелка и парчу бородач, должно быть, капитан «голландца», а возможно, и адмирал всей эскадры. В руке он держал рупор.

— Эй, пираты! Вы на прицеле моих молодцев.

Что правда, то правда: сквозь порты выглядывали жерла корабельных пушек.

— Предлагаю сдаться, и вас не тронут до суда...

— Простите, капитан, но сдаваться я не собираюсь. — Голос Фло подхватывал приколотый к лацкану микрофон-муха и транслировал через внешний акустик. — В свою очередь, предлагаю вам идти своей дорогой, ибо вы не те, кого мы ищем.

Фло переключился на служебку:

— Что у вас, Эрвин?

— Зародыш рекомендует своротить им руль, бушприт, утлегарь и уходить на сорок градусов от миделя. Цели введены, — отозвался боцман.

— Хорошо. Залп по команде.

— Есть, сэр!

Дымный шлейф окутал один из портов ближнего парусника, грохнул выстрел; ядро вздыбило фонтан воды в нескольких саженях от «Деи».

— Это предупреждение! — надменно сообщили с парусника. — Если ваш бочонок...

— Ну ладно, — проворчал Фло. — Пеняйте на себя. Залп, Эрвин!

Сухо гукнули две кассетные пушки; бушприт и утлегарь дернуло в сторону, кливера поникли; все это жалко повисло на фор-брам-штаге. Тотчас же ожили водометы «Орхидеи», все

восемь. Вмиг встав на крылья, тримаран развернулся и помчался прочь.

Бомбарды голландца с запозданием плюнули ядрами и дымом, но на прежнем месте вместо дивного белого судна лишь буруны опадали да стлался шлейф мелкой водяной пыли.

В мгновение ока «Орхидея» оставила эскадру позади, убежав далеко к горизонту.

— Ты заметил, как назывался этот корабль? — спросил Фло помощника.

— Да, Капитан. «Аарбели».

— Запомни: нам нужна «Санта Розалина». Она будет идти под испанским флагом с юга, из Картахены.

Зборовски кивнул.

В рубке «Деи» Гордон Лу с досады сплюнул.

— Что-то не спешит Капитан потрошить эти каракатицы. А, Бруно?

Кертис пожал плечами. Он предпочитал, не дергаясь, дожидаться обещанного миллиона золотом.

— Внимание, команда! Маленькая репетиция. Захват эскадры. Восемь кораблей. Вспоминайте, чему вас учили. Разделение!

С легким жужжанием заработали сервомоторы. Пилоны отделились от боковых секций и откинулись назад, на манер крыльев боевого истребителя. «Орха» и «Дея», став самостоятельными судами, плавно пошли на разворот вслед за секцией-маткой.

— Хо-о-о! — заорал в упоении Лу. — Вводи цели, Бруно!

Три стремительные молнии рассекли эскадру парусников на части. Беспорядочно стреляли бомбарды, не в силах поспеть за перемещениями пиратских судов, на палубах поднялась суматоха.

Кассетницы-металлорезки, повинуясь программам Зародыша, смели парусникам все мачты и рули, сковырнули бушприты, оставив совершенно неуправляемыми.

— Абордажный удар! — скомандовал Фло.

Разворот, новый заход на цель, ракеты к пуску, пуск!!

Хищные остроносые пчелы взвились в чистое небо семнадцатого века и взорвались над дощатой палубой каждого из ко-

раблей. Нервно-паралитический газ окутал парусники, настигая всех без разбора — матросов, офицеров, пассажиров. Люди падали как чумные — на бегу, прижимая руки к лицу.

Спустя три минуты газ разложился на безвредные составляющие, сизый туман, застивший глаза, рассеялся без следа. Солнце вновь озарило разгромленные корабли: обломки мачт, клочья парусины, щепы, валяющиеся в нелепых позах люди...

Репетиция удалась.

4

Золота и драгоценностей на захваченных кораблях оказалось совсем мало. Обшарить все и погрузить на «Орхидею» успели за каких-то два часа. Кое-кто из матросов уже начинал шевелиться, но это никого из пиратов не взволновало: чтобы те пришли в себя окончательно, потребовалось бы еще столько же времени.

Наиболее ценной добычей все сочли богатейшую коллекцию превосходных португальских вин.

С тем «Орхидея» и покинула собранные в кучу, намертво пришвартованные друг к другу увечные парусники.

На следующее утро команда, протрезвев после обильной дегустации, собралась в кают-компании. Ван Баттум в очередной раз удивил всех новым блюдом — умел голландец исхитриться и выдать шедевр кулинарного искусства.

Беззаботный завтрак прервал резкий сигнал автовахтенного.

«Полундра!»

Спустя полминуты экипаж «Орхидеи» изготовился к действиям. Горизонт оставался девственно чистым, однако акустик Зародыша предупреждал, что невдалеке кипит морское сражение. То ли англичане пускают перья из испанцев, то ли испанцы из англичан, а может, еще кто сцепился.

Фло насупился и задействовал камуфляж. Зародыш, секунду поколебавшись, выбрал облик трехмачтовой баркентины с бермудским вооружением грота и бизани. Голограмма окутала «Орхидею», поглотила тримаран, и вот уже несся по волнам полным бакштагом стремительный парусник, еле слышно урча

водометами и оставляя за собой странную тройную кильватерную струю.

— Кэп, — смущенно сказал Питер. — Бермудские паруса появились только в середине девятнадцатого века. Врет Зародыш.

Фло махнул рукой: «Пусть!»

— Слэш! Поднимай вертолет!

Подстегнутый командой Капитана, Бегемот метнулся на верхнюю палубу. Разошлись паучьи лапы автонайтовки, ожил двигатель, расплылся призрачным кругом винт... Узкая полупрозрачная стрекоза вспорола небо, взмыла над «Орхидеей» и волнами, горизонт разом отпрянул куда-то вдаль, а внизу раскинулась синяя водная гладь, бескрайняя, чистая и умопомрачительно свежая. У Бегемота захватило дух. Красиво, бизань пополам, якорь в глотку!

Прямо по курсу, сцепленные бортами, окутанные сизыми облаками порохового дыма, застыли два корабля: испанский сорокапушечный галеон и небольшой кеч под «Веселым Роджером». Грот-мачта испанца лежала на воде, кеч, судя по всему, взял его на абордаж.

Слэш переключил сигнал с внешних датчиков на трансляцию. Теперь и Фло в ходовой рубке, и боцман в боевой видели все происходящее на своих экранах.

Пираты на кече убрали оба кливера и фор-стаксель, бак выглядел странно пустым, ибо фок-мачту кеч не нес. Но команда «Орхидеи», натасканная Питером, уже знала, что вместо мачты на баке парусника притаились карронады — примитивные пушки, способные, впрочем, потопить даже «Орхидею» (но только если повезет). Судно даже называлось устрашающе: бомбардирским кечем. Последствия залпа пиратов налицо: вдвое больший испанец уже потерял грот-мачту, рули, изрядное количество парусов и рангоута; пробоины зияли в надстройке юта, в бортах...

Скоро галеон был захвачен. Пираты выбрасывали за борт убитых, добивали тяжелораненых, перетаскивали на свой корабль сундуки со скарбом, перегоняли пленников, словом — вели себя, как любые корсары во все времена.

«Орхидею» они откровенно прозевали, опьяненные победой. Фло успел приблизиться на добрую милю, прежде чем на

кече поднялась суматоха. Вертолет уже сел, Слэш присоединился к Арчи Элмеру. Пираты, пристально глядя на лжебаркентину с «Роджером» на брам-стеньге, застыли у бортов своего судна. Несомненно, что пушки левого борта и палубные каронады могли выстрелить в любую секунду.

Корабли сближались в полном молчании.

— Шлюпку на воду! — скомандовал Капитан Фло. — Элмер, Лу, на весла! Остальные — полная боевая готовность. Связь по служебке, общий канал!

Питер Зборовски проводил отвалившую шлюпку пристальным взглядом. Чмокнув, она проколола границу голополя и, покачиваясь на спокойной волне, устремилась к пиратскому кечу.

Храбрости и хладнокровию Капитана Фло оставалось только позавидовать.

Глава третья
УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ
1

Шлюпка возвращалась. Арчи и Лу изображали греблю: на самом деле работали миниатюрные движители на корме. Однако Фло решил не настораживать пиратов.

Команда «Орхидеи» замерла в ожидании.

Пока шлюпку поднимали, Фло направился в рубку. Зборовски встретил его вопросительным взглядом.

— «Санта Розалина» в Маракайбо. Туда и направимся. Вот, союзников нашел...

На кече, который, кстати, звался «Колибри», ставили и поднимали паруса; сильно поврежденный испанец пошел ко дну, едва только пираты убрали абордажные крючья.

Фло договорился с капитаном «Колибри» о совместном походе на Маракайбо. В принципе пираты ему были без надобности: «Орхидея» в состоянии сломить любые заслоны испанской твердыни. Однако надо же на кого-то списать нападение? Фло хотел опередить пиратов («Колибри» намеревался

зайти на Тортугу за подмогой), сделать свое дело, а потом пусть себе потрошат Маракайбо и испанскую эскадру, а заодно и присвоят всю славу.

К вечеру ветер посвежел, кеч, зарифив паруса, шел галфвиндом, сильно накренившись. Волны бодали белопенными макушками его исхлестанный ветрами и морем борт. «Орхидее» тоже доставалось, пришлось втянуть крылья, а боковые секции вплотную прижать к центральной. «Колибри» скоро потерялся за крутыми валами. Ветер крепчал, волны становились все выше и выше, а «Орхидея» покачивалась себе, словно бочонок. Вернее, словно три бочонка, накрепко связанных вместе.

Экипаж давно разбрелся по каютам. Боцман обосновался в гамаке, рассказывая очередную байку, Арчи слушал, глядя в иллюминатор. Мортимер с Дейзи молча пили вино, стараясь расплескать поменьше. Лу и Кертис играли в карты, насколько позволял шторм. Механик Ларри, убаюканный качкой, спал; засыпал и Оскар, намаявшись за день. Фло с Питером негромко разговаривали в капитанской каюте; здесь же, опустив голову на толстые мохнатые лапы, залег и сэр Юстас. Кок с юнгой пытались прибрать в кают-компании, но до окончания шторма это вряд ли удалось бы, и они удалились в каюту голландца, где поселился и Слава.

Шторм! Владыка морей! Что может устоять перед твоим бешеным натиском? Бесконечно малым и ничтожным кажется любое творение рук человеческих в сравнении с тобой. В твоей власти швырнуть беззащитный корабль, утлую песчинку в твоих ладонях, на скалы, разбить вдребезги, в щепы. Горе тем, кому уготована такая судьба. Ты можешь сломать мачты, оборвать снасти, лишить руля. Ты всесилен!

Однако что за дерзкое суденышко? У него нет мачты (убрана внутрь), нет ничего, за что можно ухватиться. И волны ему нипочем! Ну-ка, бросим его на прибрежные скалы!

Арчи почувствовал, как палуба уходит из-под ног, словно пол в скоростном лифте. И вдруг навалилась тяжесть. Рывок!

«Орхидея» вздрогнула, словно раненая птица, и стремительно ринулась вперед. Заработала гравиподушка; оттолкнувшись от скал, судно прыгнуло через мель, через высоченные валы, через смерть и понеслось туда, где было глубоко, где не могли

распороть днище острые каменные клыки, где волны пониже и опасности нет.

Спустя несколько минут подушка отключилась, и «Орхидея» вновь закачалась на штормовой волне.

За ночь Зародыш включал подушку еще дважды.

2

Утро выбралось из-за горизонта, шлепая босыми ногами по притихшему морю. Шторм ушел буйствовать на юг, к экватору. Волны еще вздымали «Орхидею», но это были уже не свирепые пенные горы, а пологие синие холмы. Зародыш оценил погоду в 2,7 балла. К восходу солнца под гул сервомоторов боковые ступени разъехались в стороны, крылья отделились от корпуса и, нетвердо щелкнув, зафиксировались в рабочем положении. Выползла наружу мачта, взмахнув полуреями, как руками.

Первым проснулся Юстас. Отворив носом незапертую дверь капитанской каюты, он прошествовал на корму, спихнул за борт тик-трап и с наслаждением плюхнулся в воду. Поплавал вокруг «Орхидеи» минут десять, довольно отфыркиваясь, несколько раз нырнул и взобрался назад на корму. Деловито отряхнулся, вытащил тик-трап на палубу. Оставляя мокрые следы и небольшие лужицы, побрел вдоль фальшборта второго уровня на нос.

И тут с верхней палубы донесся хриплый разбойничий крик.

— Пиастры, пиастры!

Сэр Юстас басом гавкнул и галопом понесся к трапу. От крика и лая проснулись четверо: Лу, Кертис, Арчи Элмер и Капитан. А сверху продолжали громогласно орать:

— Дукаты, дукаты! Тугрики, тугрики!

Кто в чем, пулей устремились на четвертый уровень.

Там происходило следующее: на полурее, как раз под усом УКВ-антенны, сидел нахохлившийся зеленый попугай и сердито орал; сэр Юстас, опираясь передними лапами о стабилизаторы вертолета, возмущенно лаял на него.

Фло, ежась от утренней прохлады, замер у трапа.

— Ну и ну! — сказал Арчи, кутаясь в одеяло, которое почему-то захватил с собой. На далекий, еле слышный гул никто не обращал внимания.

— Забей заряд! — разорялся попугай. — И стань на фитиля!

— Гав-гав!

— Кливера долой! Обрасопить реи! Трам-тарарам!

— Что это за птица, Кэп?

— Гав-гав!

— Марселя на гитовы! Абордаж! Полундра! Полундра!

— Во дает!

— Может, поймать его? Он, поди, ручной.

— Юстас, фу!

— Гав-гав!

— Правый борт, залп! Трам-тарарам-тарарам! Пам-пам!

Пес, все еще недовольно взрыкивая, подошел к Капитану и сел у его ног.

— Пиастры, пиастры! — крикнул напоследок попугай. Похоже, он успокаивался. — Дукаты, дукаты! Тугрики, тугрики!

Арчи расправил одеяло, намереваясь использовать его вместо ловчей сети, но горластая птица вдруг взмахнула крыльями и мигом перепорхнула на плечо Кертису.

— Мама миа! — изумился итальянец. — Точно, ручной! У-тю-тю!

Попугай, не обращая внимание на сюсюканье Кертиса, нахохлился и стал деловито чистить травянисто-зеленые перья. Ярко-желтый хохолок на макушке то вставал дыбом, как у удода, то прижимался к голове.

— Остров Бугеля! — сообщил он не очень уверенно и что-то неразборчиво прощебетал.

Капитан протянул палец; птица с готовностью заняла этот импровизированный насест.

— Ты кто? — спросил Фло, не особо надеясь на ответ.

Попугай и не ответил.

Завтракали под невнятное бормотание зеленокрылого гостя и ревнивое ворчание сэра Юстаса.

— Кстати, сэр, — обратился к Капитану Гордон Лу. — Неплохо бы дать этой птице какое-нибудь имя.

— Морское, — поддакнул Кертис. — Позабористее.

Фло хмыкнул.

— Предлагайте.

Сэр Юстас нервно гавкнул.

Капитан задумался.

— Гав? А что, неплохо. Попугай по имени «Гав». А?

— Нет, сэр, это не звучит. Нужен какой-нибудь морской термин, — убежденно сказал Арчи.

— Скажите, Капитан, — поинтересовался вдруг Кертис, — а почему вашего пса так неподходяще зовут? Вы же моряк.

Фло отодвинул тарелку и в упор взглянул на Кертиса.

— Как же мне следовало его назвать?

Бруно пожал плечами.

— Ну, Бимс, скажем, или... или уж Риф, на худой конец.

Фло усмехнулся.

— Скажи, Бруно, а тебе было бы приятно, если бы тебя звали «Палуба» или «Клюз»?

Кертис смутился.

— У этого пса известны предки до тридцать шестого колена по обеим линиям. Ты можешь похвастать подобной родословной?

Итальянец смутился еще сильнее. Фло продолжал:

— Да будет тебе известно, его зовут даже не просто Юстас, а сэр Юстас Олаф Готти де Монтабар. Его родной брат носит имя Юкон Лотар Форсайт де Монтабар. А ты — Бимс...

Кертис развел руками.

— Прошу прощения, сэр...

Повисло недолгое молчание. И вдруг попугай тихо, но отчетливо сказал:

— Бимс.

Эрвин Капелька, выпустив клуб дыма, заметил:

— По-моему, это имя пришлось ему по вкусу.

Попугай склонил голову набок, словно прислушивался.

— Абордаж! — тревожно крикнул он и захлопал крыльями. — Полундра!

В тихий плеск моря за бортом вплелся далекий утробный гул.

— Ч-черт! Что это?

Зародыш подал сигнал тревоги.

— По местам!

Команда вмиг рассыпалась.

Фло ворвался в рубку и с ходу защелкал переключателями на пульте. Зародыш лихорадочно анализировал ситуацию.

— Два легких истребителя класса «Пустельга». Вооружены ракетами «воздух-вода», — выдал он экспресс-анализ. — Вероятность атаки — 74%. Прошу снять блокировку.

Капитан нахмурился. Истребители в семнадцатом веке?

Питер безмолвно следил за экранами. Скрипнув зубами, Фло ввел личный код в охранный модуль. Запертая ниша, сухо клацнув, открылась. Сорвав ногтем пломбу, Фло вытащил микрочип и бросил его в специальный ящичек здесь же.

— Атака! — взвыл Зародыш, отдавая неуловимые команды автоматике. Две противоракеты правого борта немедленно стартовали, хлестнув реактивными струями прочную обшивку.

Спустя доли секунды в полумиле от «Орхидеи» синхронно вспухли два воздушных взрыва.

— Вот они! — воскликнул Зборовски.

У самого горизонта мелькнули две серебристые черточки.

— Уходят, — сообщил Зародыш.

И вновь все стало тихо и очень спокойно. Только чайки суматошно носились над верхней палубой.

Бой занял меньше минуты. Такие темпы семнадцатому веку и не снились.

— Капитан, — негромко сказал Питер. — Зародыш не может определить наши координаты.

Фло метнул взгляд на соответствующий монитор, который пестрел беспомощными иксами. Пальцы сами пробежались по клавиатуре. На головном экране возникли четкие контуры Карибского моря. Контрольная метка, обычно рдевшая на месте, где в данный момент находилась «Орхидея», отсутствовала.

— Что за черт? Неужели шторм унес нас так далеко?

Фло изменил масштаб. Теперь на экране умещалась вся Центральная Америка, часть Южной, половина Мексики и значительный участок Атлантики. Метки не нашлось и за пределами Карибского моря.

— Мистика, — проворчал Фло, еще раз тронув клавиатуру. Перед ними возникли два полушария, все моря, оксаны и континенты. Если верить компьютеру, «Орхидея» на планете Земля отсутствовала.

Фло переглянулся с помощником.

— Ты что-нибудь понимаешь, Питер?

Зборовски пожал плечами. Капитан поскреб подбородок и решительно забарабанил по клавиатуре. На экране возникла забавная мультяшная рожица — именно так представлял себя Зародыш. Фло вызвал его «поболтать», в режим акустической беседы.

— Хэлло, Кэп! Как дела?

— Хэлло, Зародыш. Неважные дела. Никак не пойму где мы находимся.

Голос у Зародыша тоже был мультяшный — озорной, скрипучий. Рожица на экране шевелила губами и гримасничала; чуть ниже, в правом углу, дублировался текст.

— Сейчас взгляну, Кэп.

Рожица на экране отвернулась, показав на секунду затылок. Фло ждал.

Выражение недоумения и растерянности, написанное на рожице, невозможно было передать словами.

— Что такое? — насторожился Фло.

— Не знаю, как и сказать, Кэп.

— Говори! А лучше — покажи.

Рожица, уменьшаясь в размерах, уползла в левый верхний угол экрана; рядом высветился масштаб: один к десяти миллионам. На мониторе вместо ожидаемой навигационной карты возникла эмблема пиратов — череп, кости и песочные часы. Судя по контрольной метке, «Орхидея» находилась точно между глаз мертвой головы.

Фло с Питером долго таращились на экран.

3

В дверь капитанской каюты осторожно постучали. Юстас вскинул лобастую голову и вильнул роскошным хвостом.

— Да! — сказал Фло, не двигаясь.

На пороге стояли Эрвин Капелька и Арчи Элмер. Толстяк выглядел озабоченным; Арчи так и светился решимостью.

— Команда желает поговорить с вами, сэр! Немедленно, — твердо сказал Капелька.

Фло ждал чего-нибудь подобного. Что же, он не младенец и прекрасно сознает: на полуправде далеко не уехать.

— Хорошо, Эрвин. Собери команду в кают-компании.

— Все уже собраны, сэр. Ждут вас и Питера.

Фло поднялся. Тем лучше!

Постучать старпому не успели. Дверь плавно скользнула в сторону; за нею стоял Зборовски.

— Я все слышал, Капитан. Я готов.

— О'кей.

Команда расселась за столиками кают-компании. Еще издали донеслись громкие спорящие голоса; когда Фло, Зборовски, боцман и Арчи вошли, голоса враз стихли.

Капитан окинул взглядом своих людей. Молочно-белые панели под потолком источали ровный приглушенный свет.

— Итак, матросы, я слушаю, — твердо сказал Фло. — Есть ли у вас основания для недовольства?

Элмер присоединился к команде, как бы подчеркивая, что разделяет мнение большинства; Капелька, напротив, остался стоять за спинами Зборовски и Капитана. Сидящие за столиками переглянулись, потом поднялся Марк Мортимер.

— Не воспринимайте это как бунт, сэр. Вы по-прежнему наш капитан, а мы — ваши матросы. Просто мы хотим, чтобы вы внесли ясность, ибо не все обстоит так, как представлялось вначале. Готовы ли вы дать ответ на наши вопросы и выслушать наши пожелания, сэр?

Фло бесстрастно произнес:

— Спрашивайте!

Мортимер обернулся, черпая поддержку у остальных.

— Это предприятие нам представили как рейд за золотом, причем имелось в виду, что действуем мы против техники семнадцатого века. С истребителями и ракетами это как-то не вяжется. Не подумайте, что мы струсили, сэр. Мы всего-навсего хотим знать, ради чего рискуем. По-нашему, это справедливо.

— Согласен, — кивнул Фло. — Дальше? Я отвечу, когда выслушаю все ваши требования.

— О'кей. Следующее: что-то незаметно никакого желания наполнить трюмы. За все наше пребывание здесь мы практически не добыли ни унции золота. Давайте сначала загрузимся

доверху, чтобы каждый из нас увидел свою долю и был спокоен за свой карман, а потом уж станем гоняться за вашей драгоценной «Санта Розалиной». А иначе наш черный флаг выглядит просто как издевательство. Это все, сэр.

Марк сел. Вздохнув, Фло собрался с мыслями.

— Итак, начнем. Ради чего мы здесь? Очень несложно: у меня есть недруг по фамилии Бейкер. Причин ненавидеть его вполне достаточно. Мне он сильно мешает, а поделать я ничего не могу по той простой причине, что он дьявольски богат.

В начале двадцать первого века он нашел вблизи Канарских островов затонувшую каравеллу «Санта Розалина», перевозившую слитки золота на полтора миллиарда долларов из Южной Америки в Испанию. С тех пор как он ее поднял, у меня серьезные трудности.

Сначала я решил действовать силой и просчитался. Золото Бейкера било все мои козыри. Позже мне удалось завладеть машиной времени, буквально под носом его людей. К сожалению, вы уже сами убедились, что это весьма капризный механизм. Я вернулся на тринадцать лет и попытался устроить все так, чтобы Бейкер не попал в 2002 году на Канары и никогда не узнал о «Санта Розалине». В результате я обнаружил, что он поднял золото двумя годами раньше, чем в варианте до моего вмешательства. Я сделал еще одну попытку и едва не погиб — казалось, само небо восстало против меня. Бейкера я нашел богатым и процветающим. Наверное, я попробовал бы еще что-нибудь сделать, но мне исполнилось сорок и машина отказалась переносить меня в прошлое. Поразмыслив, я послал двоих своих парней, велев им убить Бейкера в молодости, как убил кто-то его родного брата. Первый не вернулся, второй сделал все как надо, но после его возвращения я с ужасом понял, что в новом варианте живет другой Бейкер — брат, который оказался гораздо хитрее и опаснее, а исполнитель пребывал во всемирном розыске со смертным приговором. Я понял, что послужило причиной смерти одного из Бейкеров — моя воля. Я просто поменял их местами и выбрал худший вариант. Пришлось послать очередного исполнителя, чтобы убить их обоих, но и этот не вернулся. Зато все стало на свои места: появился прежний Бейкер, а более опасный брат вновь числился погибшим много лет назад при невыясненных обстоятельствах.

Постепенно я пришел к мысли, что время так просто не обманешь. Необходимо придумать нечто, сработающее наверняка.

К этому моменту машина времени включалась, если считать запуски военных, двенадцать раз...

Ларри и Оскар при этих словах вскочили.

— Как вы сказали? Двенадцать? — пробормотал Оскар.

— Да, — сказал Фло. — Зная странную привязанность сией своенравной леди к числу «тринадцать», нетрудно предположить, что наше путешествие в прошлое — последнее, тринадцатое по счету. Боюсь, что это мой единственный шанс. Я построил «Орхидею» и решил сделать так, чтобы «Санта Розалина» никогда не попала к Канарским островам, а ее золото стало моим. Вот и вся история. Хочу добавить только одно: для меня это очень важно.

— Сэр! — вмешался Слэш. — А как вам удавалось посылать своих людей? Машина ведь переносит только тринадцать человек?

Фло невесело усмехнулся:

— Только сейчас я это и понял. Машина утаскивала в прошлое и моего посланца, и ближайших людей подходящего возраста. Людей или животных — уж и не знаю. Только перенос происходил в городе, а не в море, и заметить попутчиков, которые, наверное, находились в разных зданиях и на разных улицах, не так уж просто. Никто и не замечал. Кстати, именно так исчезла моя двадцатишестилетняя жена. Но — увы! — понял я это слишком поздно.

— Постойте! Но ведь машина должна возвращать тоже тринадцать человек!

— Должна, — подтвердил Фло. И возвращала. Только никто, кроме исполнителей, не знал об обратном переносе. И снова попадались те, кто оказывался вблизи. Люди, провалившиеся в прошлое без предупреждения, отнюдь не сидели на месте. Назад возвращались совсем другие. Может, помните сенсацию «Нью-Кросби джорнинг пост» четырнадцатого года? Полагаю, это был один из бедняг, выдернутых из прошлого.

Команда «Орхидеи» внимательно слушала и нерешительно переглядывалась.

— Вы удовлетворены? — спросил Капитан. — На вторую часть ваших требований отвечу вот что: начинаем пиратствовать всерьез. Можете заранее отделить свою часть добычи, я не возражаю. Но «Санта Розалину» мы должны найти, это первое условие.

— О'кей, сэр! Мы к вашим услугам!

Оставалось одно — понять, что же случилось с Зародышем и куда, черт побери, унес «Орхидею» вчерашний штормовой ветер.

4

Испанское судно заметили под вечер. Бегемот, рыскавший над морем на вертолете в поисках берега, увидел вместо суши одинокую каравеллу. Далеко на юго-западе. Чуть раньше Фло дедовским методом — с помощью секстанта — определил координаты «Орхидеи». Они по-прежнему находились в Карибском море, изрядно южнее острова Гаити. Что стряслось с Зародышем, оставалось загадкой. Зборовски сбился с ног, пытаясь привести его в чувство. Безуспешно: ориентироваться компьютер словно разучился; отказал сканер, а остальные функции вроде бы не пострадали.

— Паруса вижу! Зюйд-зюйд-вест, одна посудина! Флаг испанский, зовется «Инфанта»!

Фло занял место в рубке.

— Берем! Все к бою!

Радостно потирая руки, корсары разбежались по местам. Вспенивая чистую соленую гладь, «Орхидея» встала на крылья и стремительно рванулась навстречу добыче. Камуфляж Фло включать не стал.

Каравелла шла крутым бейдевиндом на юго-восток. Видимо, испанцы намеревались обойти стороной оживленные трансатлантические пути, ведущие в Европу. А это значило, что в трюмах «испанца» скрывалось нечто ценное.

В облаке брызг, рвущихся из-под носовых крыльев, «Орхидея» настигала «Инфанту», как легкая газель настигает черепаху.

— Холостым поперек курса! — скомандовал Фло. Крис Дейзи немедленно тронул пульт управления огнем. В десятке саженей от бушприта каравеллы диковинной розой расцвела дымная вспышка. На «Инфанте» спешно заряжали пушки и открывали порты.

Фло проорал в лучевой узконаправленный акустик:

— Эй, сеньоры! Стойте или стеньги обрушатся вам на головы!

— Добавьте «Каррамба!», сэр! — хихикнул Кертис. — Думаю, подействует!

— Заткнись, макаронник, — одернул его Капелька. — Не мешай Капитану.

Бруно что-то невнятно проворчал и заткнулся. На «макаронника» он никогда не обижался. Зато неожиданно заорал Бимс:

— Забей заряд! Пор-рох! Пор-рох! Пир-роксилин!!

Лу с Кертисом немедленно заключили пари: скажет попугай «динамит» или «тротил». Сделали они это тихо, чтобы не слышали боцман и Капитан.

Канонир-испанец поднес пылающий фитиль к одной из двенадцати бортовых пушек. Зародыш среагировал мгновенно: повела стволами правая металлорезка, вколачивая снаряд точно в жерло испанской пушки.

Ба-бах! В воздух взвились щепы и доски.

— Эй, полегче! — предупредил Капитан. — Не хватало, чтоб они затонули...

Мортимер пробежал по пульту пальцами, словно пианист по клавишам.

— Давай, Зародыш!

Компьютер не оплошал: мигом сковырнул «Инфанте» все три мачты и бушприт. На плаву остался голый пузатый корпус.

— Газ!

Три ракеты взвились в небо и, описав плавную дугу, легли на палубу. Испанцы падали, ползли и замирали. Крови почти не было — двоих задавило мачтами да несколько человек пострадало при взрыве.

— Все на «Дею»! Швартуемся!

Сверкающие хромированные крючья впились в поврежденный фальшборт. Арчи сноровисто намотал на кнехт тонкий пластиковый трос.

— Юнга! Наверх!

Слава с готовностью вынырнул с нижних уровней.

— Держи! Будешь прикрывать! Отрабатывай свою долю!

Питер метнул мальчишке тяжелый автомат М-72.

В рубке остался лишь Капитан; на верхней палубе с автоматами в руках застыли Зборовски и Слава; остальные, сжимая такие же автоматы, прыгали на палубу «Инфанты».

— На абордаж! Пленных не брать! — орал снизу Бимс. Воинственно так.

Ван Баттум на бегу кинул Капельке:

— Вот курица зеленая! Говори после этого, что он ничего не понимает!

Один за другим пираты исчезали в дверях надстройки юта. Спустя несколько минут Эрвин радостно крикнул:

— Кэп! Золото! Мы попали в самую точку!

Фло криво усмехнулся:

— Надеюсь, вы довольны?

Восторженный вопль, вырвавшийся из девяти глоток, был ему однозначным ответом.

Золото грузили до темноты. Его было много: по курсу 2020 года миллионов на семьдесят. Кроме того, трюмы и каюты каравеллы скрывали изрядное количество серебра, драгоценностей, монет. Однако, если оценивать презренный металл не просто по весу, если учесть, что статуэтки инков, наследие древней цивилизации, стоят неизмеримо больше, каждый из команды «Орхидеи» смело мог считать себя миллиардером.

Бимс все время важно кричал:

— Пиастры, пиастры! Дукаты, дукаты! Тугрики, тугрики!

Команда хохотала. Сэр Юстас лениво бродил по палубе, щелкая зубами перед носом очнувшихся испанцев. Никто не осмеливался встать. Зубы у сэра Юстаса были весьма убедительные.

Заметно повеселевшие корсары покидали борт обреченной «Инфанты». Отвалили в полночь, в густой тропической темноте. «Орхидея» сидела в воде несколько ниже, чем пару часов назад, и это не могло не радовать.

Едва запустили водомсты, Бимс, задремавший было в каюткомпании, вдруг встрепенулся.

— Полундра! Абордаж! — заволновался он. — Барракуда!

— Чего это он? — поинтересовался Оскар. — Взбеленился...

— Пойду гляну. На всякий случай. — Капелька поспешил в рубку. Его крик гулко растекся по каютам и коридорам, усиленный акустиком: — Полундра! Мины! Полный назад!

Фло, как на крыльях, взлетел в рубку. Боцман уже переключил водометы на реверс.

Точно по курсу «Орхидеи», выставив из воды шипастые макушки, лениво покачивались на волнах две морские мины.

— Белые молнии! — похолодел Фло. Взрыв каждой из мин обратил бы их всех в ничто.

Скорость медленно гасла. Тихо, очень тихо Капитан разворачивал тримаран, так тихо, чтобы не поднялась даже самая незначительная рябь. Вот средняя секция уже избавила свой нос от опасной близости; мимо зловещих плавучих «ежиков» плавно скользила «Дея»...

Казалось, время встало. Зародыш, и тот затаил дыхание.

Наконец мины остались далеко за кормой.

— Взрываю! — предупредил Капелька.

Дважды гукнула пушка; посреди водной глади выросли две пенные свечи высотой с пятиэтажный дом. Волна нехотя колыхнула «Орхидею» и ушла дальше. Вздох облегчения прокатился по всему судну.

— Можете считать меня ослом, Капитан, но первым «полундра» закричала эта неугомонная птица, — отдуваясь, сообщил боцман.

Зборовски поднял глаз на Капитана.

— Послушай, Стив, а ведь когда появились истребители, Бимс тоже предупреждал нас. Теми же словами: «абордаж» и «полундра».

Фло пожал плечами:

— Что ж, прислушивайтесь впредь к его мнению. Однако и сами... того... Как говорится, на Бимса надейся, а верблюда привязывай! Усекли?

— Да, сэр!

Бимс тотчас был обласкан. Впрочем, он уже утратил интерес к происходящему и вернулся к вяло-сонному состоянию.

«Орхидея» уходила на север.

Глава четвертая

КТО ПОДСТАВИЛ «ВЕСЕЛОГО РОДЖЕРА»?

1

За трое суток потрошили «испанцев» еще четырежды. Два раза напали на одиночные суда, раз на тройку, раз на целую эскадру из семи кораблей. «Орхидея» с неизменным успехом одерживала скорую победу в коротких артиллерийских дуэлях, а настроение ее команды улучшалось по мере заполнения трюм-складов.

Утром четвертого дня Фло сказал: «Довольно», — и направил тримаран в Маракайбо. Бодро вспарывая соленый атлантический хрусталь, «Орхидея» неслась на северо-запад наперегонки с дельфинами и альбатросами. При виде дельфинов здоровый глаз Питера увлажнился — хорошим приметам старый морской волк всегда порадуется.

Старпом стоял на вахте, остальные занимались кто чем: Капитан удалился к себе в каюту, боцман с Арчи возились в боевой рубке, заряжая опустевшие кассеты металлорезок и меняя ленты в пулеметах; Ларри с Бегемотом затеяли мелкий ремонт топливного насоса в машине «Орхи»; Крис спал после ночной вахты; Слава, весело хохоча, боролся с Юстасом на корме; Ван Баттум, приведя в порядок камбуз, варил кофе по заказу Бруно и Гордона, которые вместе с Марком писали «пулю», попивая трофейную малагу. Лу проигрывал и поэтому нервничал, итальянец азартно атаковал, Марк, как всегда, оставался внешне спокойным. Однако общее настроение было весьма благодушным.

Вошел кок, неся изящные кофейные чашечки на золотом подносе — последнее время пираты могли себе это позволить.

— Эй, картежники! Кофе! — весело объявил Ван. — Лу, сколько тебе сахару? Никак не запомню.

— Ух! Как пахнет! Спасибо, Ван! Ты настоящий виртуоз камбуза! Сдавай, Марк...

Карты ловко тасовались в длинных пальцах Марка. Впрочем, соперничать в ловкости с Крисом Дейзи не смог бы даже он.

— Хоть бы музыку включили, что ли... — заметил голландец, расставляя чашки на столике.

— Вон плейер, Ван. Поставь что-нибудь. Лучше старое — «Битлов», Джеггера. Или Фогерти...

Кок выпрямился. На полке сверкал новенький «JVC Autem», рядом россыпью валялись старомодные кассеты с магнитной пленкой.

— Ух ты! — присвистнул он. — Антиквариат! Моя молодость. Твой, Бруно?

— Гордона, — ответил Кертис. — Включай, включай...

Ван утопил кнопку «Power» — динамики тотчас зашипели. Переключатель «Tape — Radio» стоял в положении «Radio».

«Бип-бип! — пискнул приемник. — Бип-бип!»

Сигнал повторялся каждые две секунды. Кок покрутил настройку — пиликанье стало громче и четче.

Картежники вскинули головы.

— Что там, Ван?

Палец кока лег на переключатель. Однако Марк уже заподозрил неладное.

— Стоп, Ван! Не трогай!

Приемник размеренно попискивал.

— Что за черт! Мы же в семнадцатом веке! В мире еще нет передатчиков! — дошло наконец до Кертиса.

— Питер! — вызвал Марк по служебке.

— Ну? — отозвался тот.

— Послушай, что бы это могло быть?

«Бип-бип! Бип-бип!»

— Это мы или нет? Ван поймал это на обыкновенный радиоприемник.

— Частота? — спросил Зборовски недоуменно.

— М-м-м... Сто пятнадцать с чем-то мегагерц. Точнее не скажу, шкала бытовая.

— Ядро в корму! Это не «Орхидея» и не Зародыш. Сигнал сильный?

— Похоже, да.

Питер связался со Слэшем.

— Эй, Оскар, где твой пеленгатор или как там ты его зовешь?

— В каюте, сэр.

— Тащи в рубку. Немедленно.

— У нас ремонт...

— Немедленно! — рявкнул старпом.

— О'кей, несу...

Мортимер схватил «JVC» и метнулся наверх. Лу, Кертис и кок последовали за ним.

Вскоре Бегемот принес пеленгатор для охоты на «лис» — черную коробочку величиной с пачку «Кэмел», из которой торчали длинные серебристые усы узконаправленной антенны. Его подключили к Зародышу. Питер сел за клавиатуру, вводя поисковую программу.

— Ах ты, акульи зубы!

Старпом изумленно таращился на монитор.

«Бип-бип!»

Зародыш наотрез отказывался работать с пеленгатором, что было вещью просто-напросто невозможной.

— Ну и ну, через клюз на палубу! Только этого и не хватало.

— Дай-ка, — сказал Бегемот, протягивая руку. — Попробую на слух.

Он прикрепил к ушам телефончики-клипсы и пошевелил антенной.

«Бип-бип!»

Оскар с сомнением водил прибором, направляя его то вниз, то вверх.

— Разрази меня гром! — Он зажмурился, не переставая манипулировать антенной.

— Послушай, Питер... Это звучит глупо, но похоже, что источник на борту «Орхидеи».

Старпом хмуро глядел на Бегемота.

— Отыскать сможешь?

— По-моему, нос, второй уровень.

— То есть кают-компания?

— Выходит...

— Кертис, на вахте, — скомандовал Зборовски и кивнул Слэшу. — Веди!

— Есть, на вахте, сэр... — разочарованно протянул Бруно, выпадавший из следствия. Он прекрасно разбирался, когда

старпома можно запросто, на «ты» и по имени, а когда нет. Бегемот с пеленгатором шагал впереди, вслушиваясь в отчетливое пиликанье, остальные пристроились в кильватере.

Кают-компания была пуста. Столики, банкетки да Бимс на жердочке, специально для него подвешенной к потолку.

Медленно, шаг за шагом, Бегемот приблизился к попугаю. Антенна глядела прямо в гущу зеленых перьев.

«Бип-бип!»

Оскар демонстративно снял клипсы.

— Та-ак... — протянул Зборовски. — Ну-ка, птичка, поди сюда!

Бимс заволновался, учуяв опасность, но поздно: железные пальцы старпома сомкнулись на его тельце.

— Полундра! Кар-раул! — крикнул он и попытался укусить Питера за палец.

— А не просветить ли нам тебя, пернатый?

2

— Вот! — Марк протянул руку. На ладони лежал крохотный шарик размером с булавочную головку. В другой руке поблескивал скальпель. — Был введен под кожу, в жировую ткань.

«Бип-бип!» — равнодушно пиликал приемник.

— Я проверил, — сказал Ларри, ни к кому конкретно не обращаясь. — Это одна из входных частот Зародыша. Следящая, только на прием.

— Так-так... — Фло обвел взглядом присутствующих. — Дайка, — подставил он ладонь.

Микроглушилка перекочевала к нему. Левой рукой Фло вытащил из кармана плоскогубцы. Тихо хрустнув, шарик скончался меж стальных плоскостей. Пиликанье враз смолкло, только девственно-чистый эфир наполнял рубку размеренным шипением да потрескивали далекие грозовые разряды.

Зародыш оживленно замигал мониторами, потом высветил навигационную карту. Контрольная метка находилась где и положено — у берегов Венесуэлы.

— Непростой попугай, — покачал головой Ларри. — Но чего можно добиться, сбивая Зародыш со слежения? Ну потеряли мы ориентировку, ну и что?

Фло пощелкал плоскогубцами, стряхивая остатки раздавленного шарика.

— А вдруг эта штука со временем меняет частоты? Парализуй в нужный момент боевые цепи Зародыша — что тогда случится? Не берусь предсказать...

В полдень приблизились к проливу в бухту Маракайбо. Интересно, побывал уже здесь капитан Блад? Если да, то Капитан Фло надеялся добиться не меньшего успеха.

Хорошо укрепленный форт оседлал макушки пологих холмов. Слева раскинулось обширное мелководье, непроходимое для обычных судов. К городу «Орхидея» могла подойти шутя — из форта простреливалась только фарватерная часть пролива. Испанская эскадра стояла на якорях в заливе. Кораблей насчитывалось шесть.

Фло с Питером разглядывали форт. Прибегать к подзорным трубам, биноклям или иной оптике, как в старину, им было незачем: Зародыш дал на мониторы изображение с тридцатикратным увеличением, самостоятельно менял ракурсы и каждую пушку, каждый ствол выделял светящейся меткой и коротким звуковым сигналом.

— Кэп! Наши коллеги на траверзе!

«Орхидея» была обращена к проливу левым бортом. Справа приближались три корабля: уже знакомый кеч «Колибри», небольшой ладный бриг и трехмачтовая гафельная шхуна с вызывающе яркими желтыми триселями.

— Ага! Союзнички, — оживился Капитан. — Замечательно. Шлюпку!

Переговоры заняли всего час. Все это время команда «Орхидеи» не спускала глаз с форта и пиратской эскадры. Фло вернулся, насвистывая старую пиратскую песню:

Я жду, когда снова порадует море ветрами,
И бакштагом полным пойдет гордый парусник наш.
На мачте взовьется, как птица, черное знамя,
И вновь прозвучит команда: «На абордаж!»

— Ну как, Кэп? — спросил Зборовски, встречавший у трапа.

Фло поднялся на палубу, сделал три шага и обернулся. На фоне парусников его помощник выглядел восхитительно пофлибустьерски, особенно повязка на глазу. Правда, картину слегка портило отсутствие огромного кривого тесака.

— Атакуем, Питер! Прямо сейчас. А эти монстры, — Фло кивнул на пиратов, — доведут разгром до конца.

Зборовски повеселел.

— Кстати, — сообщил он, — я починил сканер. Эта чертова попугайская глушилка сожгла все приемные цепи.

— Спасибо, Питер.

Они молча зашагали в рубку. Фло встал у штурвала.

— Команда, готовы?

— Рубка-три, готовы, сэр! — доложил Капелька.

— «Орха» — готовы, сэр! — сказал Арчи.

— «Дея» — всегда готовы! — бодро гаркнул Лу.

Юнга Слава Лебедев почему-то засмеялся.

— Хо-хо! Вперед, корсары!

На Фло снизошло боевое вдохновение.

Заурчали водометы, Зародыш во все датчики следил за «испанцами». Тримаран встал на крылья, описал шикарную дугу и рванулся в узкий пролив.

Артиллеристы в крепости, не сводившие глаз с пришельцев под «Веселым Роджером», поднесли к пушкам зажженные фитили. Зародыш только этого и ждал: термосканер нащупывал готовые выстрелить орудия, компьютер посылал туда снаряд с упреждением в секунду-другую. Над фортом вставали смертельные дымно-черные грибы взрывов. Слэш прошелся на вертолете, едва не задев флагшток с золотисто-пурпурным флагом, и выстриг из бортовых пушек и четырех «Вулканов» все, что только мог.

— Прекрасно, — сказал Фло. — Залив наш. Очередь за эскадрой.

Питер, уже с минуту не отрывающийся от мониторов, вдруг тихо сказал:

— Капитан, среди «испанцев» «Санта Розалины» нет.

Фло опешил. Такого он даже в мыслях не допускал.

— Как нет?

Питер пожал плечами:

— Смотри сам. Есть «Валенсия», «Сен-Санчес», «Бутрагеньо», «Реал», «Андалузе» и «Санасьон».

«Орхидея» мчалась вперед, прямо на парусники. Пираты-союзники как раз входили в залив.

Второй форт, внутренний, подавили одним залпом. Недолго возились и с эскадрой: спустя полчаса союзники уже вовсю хозяйничали на почти не поврежденных судах противника.

Фло стал мрачнее тучи.

Пленный испанский гранд, капитан «Сен-Санчеса», сказал, что «Санта Розалина» отбыла в Картахену. Собственно, это совпадало с исторической правдой. Она затонула у Канар, выйдя именно из Картахены и пересекши Атлантику. Бухту Маракайбо «Санта Розалина» покинула только вчера. Перехватывать ее сейчас не имело смысла — капитан Фло сообразил: ну вышлют из Картахены другую каравеллу с золотом, ну затонет она у Канар... Не в названии ведь дело.

Решили слегка пополнить золотой запас за счет Маракайбо, выспаться и отдохнуть, а потом караулить «Санта Розалину», курсируя вдоль северного побережья Колумбии и Венесуэлы.

Пираты с парусников уже успели обстрелять город, высадить до зубов вооруженный десант и начать грабеж.

Скоро сползли тягучие летние сумерки. Звенели тучи москитов — если бы Зародыш не включил радиозащиту, экипажу «Орхидеи» пришлось бы довольно туго.

На берегу, в городе, пылали костры, слышались выстрелы и крики. Впрочем, скоро город затих, зато на кораблях пираты продолжали гулять. Ветер разносил далеко над заливом пьяные песни, смех, громкую ругань.

Дележ добычи назначили наутро.

«Орхидея» замерла неподалеку от «Колибри». Все спали, только Арчи Элмер остался на вахте. Он сидел в рубке, пил горячий кофе, которого Ван специально наварил целый термос, поглядывал на обзорные экраны и дулся с Зародышем в странную компьютерную игру, подцепленную в русских программах, — нечто среднее между шашками и бадминтоном. Зародыш выигрывал.

Забей заряд и стань на фитиля, —

доносилась хмельная пиратская песня.

Купчина лезет прямо на рожон!
За тесаки, ребята, помолясь,
Ведь с нами Бог и шкипер дядя Джон!

Дважды приходил Юстас; обойдя рубку, лизнув руку Арчи и вылакав по чашечке холодного кофе без сахара, он удалялся, поскольку все было спокойно.

3

Перед рассветом луна села и стало совсем темно. Арчи вышел на палубу, побродил на свежем воздухе. Откуда-то взялись крупные летучие мыши — целыми стаями они носились над заливом.

Арчи Элмер, двадцатишестилетний шалопай из Нью-Кросби, который верил лишь в море, нунчаки и удачу, а о чем-то серьезном задумывался крайне редко, вдруг осознал, что мир, которого он в сущности не знает, прекрасен. Эта тихая ночь, когда в сорока футах внизу ласково шепчет теплая волна, когда ветер доносит терпкие солоноватые запахи, когда над головой мелькают бесшумные тени рукокрылых и незримой хрустальной пеленой висит вокруг тихий звон москитов — разве не такой же она будет через три столетия? Правда, в море к тому времени будет больше нефти и меньше живности, а в воздухе больше углекислоты... Но все равно — мир велик и бесконечен, а любой человек — и безудержный грешник, и аскет-праведник — неизбежно уйдет из этого мира...

Тихий шорох привлек внимание, оторвав от раздумий. Шорох доносился с кормы.

«Юстас, что ли? — подумал Арчи, вглядываясь в сумерки. — Пойду взгляну...»

Он спустился по трапу в твиндек второго уровня. Юстаса в вольере не было; дверь на корму, конечно же, оставалась открытой.

Арчи не успел ничего больше разглядеть, потому что его сильно ударили чем-то твердым по затылку и чудный мир, о котором он только что с благоговением думал, вмиг погрузился во тьму.

Пират с «Колибри», бородатый детина в рваной тельняшке, не успел порадоваться своему успеху: с рычанием на него напал сэр Юстас, а что такое сэр Юстас в бою, не дай бог кому узнать!

На корму карабкались новые «гости», сжимая ножи и сопя от нетерпения.

Потревоженный шумом Бимс проснулся и заорал на весь второй уровень:

— Полундра! Абордаж! Измена!

Нападавшие дружно ринулись в твиндек, но команда «Орхидеи» уже получила предупреждение. Бесшумно отворилась дверь, и первый защитник выскочил из каюты. Ближайший корсар-бородач взмахнул длинным ножом...

К несчастью для него, этим первым оказался Гордон Лу. Нож с тихим свистом рассек пустоту, а пират вдруг с удивлением обнаружил, что не может вдохнуть и не чувствует под собой палубы. В следующее мгновение он мирно потух в углу, у вольера. Лу голой пяткой своротил челюсть следующему.

Мортимер с Дейзи, спина к спине, отмахивались у своей каюты. Ларри спросонья сломал ногу какому-то коротышке и тот орал не своим голосом, потому что все по нему топтались. Оскар, поработав немного кулаками, вспомнил наконец о револьвере и, решив, что «так надежнее», метнулся в каюту. Зборовски, подобрав в темноте саблю, яростно рубился с кем-то у первого склада.

Ван Баттум, огрев ближайшего неприятеля рукояткой кухонного ножа по уху, догадался включить свет в твиндеке. Молочные панели вспыхнули с секундным запозданием.

Юстас на корме сбил с ног четвертого пирата и не позволял своим пленникам встать.

Фло вышвырнул из капитанской каюты сразу двоих. Несколько корсаров поспешно поднимались по трапу на третий уровень.

Оскар уложил двоих из револьвера, и тут кривой нож вонзился ему в плечо.

Крики, хрип, проклятия, свистящее дыхание...

Новые и новые пираты забирались на корму «Орхидеи».

Бруно Кертис, сообразив, что к корме пристали шлюпки, вылез в иллюминатор из каюты, перебрался через фальшборт, попутно сбросив кого-то в воду, и полез на верхнюю палубу, цепляясь за стойки стабилизаторов.

Из камбуза выскочил взъерошенный юнга с автоматом наперевес.

— «Орхидея» — на палубу! — ломающимся голосом закричал он и дал первую очередь, повыше, над головами. Пули, высекая искры из обшивки твиндека, загрохотали о сталь. Один светильник разлетелся вдребезги, брызнув осколками белого пластика.

Лу, Питер и Ван Баттум послушно упали на пол; Бегемот уже и так лежал; Дейзи и Мортимер ретировались в каюту, Фло с Ларри — в другую.

Слава вновь нажал на спусковой крючок.

В тот же миг Бруно, достигший ходовой рубки, включил водометы, и «Орхидея» лягушкой прыгнула вперед.

Слава не устоял, потерял равновесие; пули загрохотали о палубу. Корсары тоже попадали — кто от пуль, кто от рывка.

Тримаран несся прямо к проливу; в кильватере у него болтались две большие шлюпки, прихваченные к кормовым кнехтам крепкими манильскими тросами. Когда «Орхидея» рванулась с места, часть пиратов полетели за борт, остальные упали на дно. Высокие буруны захлестывали неуклюжие, задравшие нос шлюпки.

В этих широтах светает очень быстро, буквально за несколько минут. Пираты рассчитывали захватить «Орхидею» на рассвете, и пока длилась битва на корме, ночь растворилась без следа.

Пролив перегораживали бриг и шхуна с желтыми парусами. Капитаны пиратов, сговорившись завладеть чудесным кораблем, делали все, чтобы не выпустить его из бухты.

Бруно, чертыхнувшись, отвернул. Пальцы исполнили на клавиатуре понятный Зародышу танец. Ожил авторулевой. Итальянец схватил автомат и ринулся прочь из рубки.

На палубе как раз показались первые захватчики, поднявшиеся по кормовому трапу.

Фло, отобрав у Славы автомат, перебил оставшихся в твиндеке и поспешил на третий уровень, в боевую рубку. Лу метнулся на корму, Ван — к раненому Оскару, остальные спешно вооружались.

Тут очнулся и Арчи.

Грянул выстрел с «Колибри»; авторулевой, гонявший по кругу, резко изменил курс. Новый толчок сбил с ног почти всех: Фло едва не сверзился с крутого трапа, Ван ткнулся лицом прямо в окровавленную руку Бегемота, отчего тот заорал басом, как грешник на сковороде.

Пираты наверху горохом покатились по палубе, а Бруно, перевалившись через леера, вверх тормашками полетел в воду. От неожиданности он выпустил в небо всю обойму. За пилон уцепиться ему не удалось, и, подняв тучу брызг, Бруно окунулся точно между средней и правой секциями. «Орхидея» сразу же оставила его далеко за кормой; сэр Юстас, верный своим обязанностям, уже плыл ему на выручку, расстелив по воде большие лопухастые уши и мощно загребая лапами. Мимо, вздымая крутобокую волну, пронеслись на буксире шлюпки; пираты в них молились и ругались наперебой.

Четверка, которую прежде держал пес, поднялась и скопом насела на Арчи, но тот уже успел извлечь из рукава свои верные нунчаки.

Гордон Лу, видевший падение своего дружка Кертиса, решил, что «Орхидея» осталась без управления, и ловко полез по станинам кормовых металлорезок к основанию стабилизатора.

Марк, Крис, Ларри и Слава, непрерывно стреляя, ворвались на третий уровень по мидель-трапу; Фло — по кормовому. Пираты отступали, карабкались наверх, на палубу. Осталось их всего семеро. Троих положили в боевой рубке, одного на трапе.

Арчи Элмер отправил последнего противника за борт, остальные трое валялись на корме без признаков жизни — крепкие дубовые палочки и человеческая голова понятия не очень-то совместимые, а если и совместимые, то с плачевным для обладателя головы исходом.

На втором уровне, кроме трупов, остались только бедняга Слэш да перевязывающий его кок. Арчи поспешил к трапу.

Снова прогремел пушечный выстрел, но на этот раз «Орхидея» не изменила курса: ядро разорвалось в стороне.

Последний из уцелевших пиратов на пути к рубке замер, потому что оттуда вышли четверо с автоматами.

Фло нажал на курок, но магазин опустел и пират все еще стоял живехонек. Глаза их встретились; М-72 лязгнул, ударившись о палубу. И тогда пират сообразил, что пощады ждать нечего, что он уже, в сущности, мертвец, и метнул с проклятием нож, желая отомстить напоследок вражескому капитану.

Неизвестно, что сталось бы с Фло. Он продолжал стоять прямо, даже не шелохнувшись. Время вдруг замедлило свой размеренный и неизменный бег, пригвоздив его к месту. Вот медленно опустилась рука, метнувшая нож; вот вскидывает автомат Крис Дейзи; вот нож, вращаясь лениво и неспешно, приближается...

Мягко перекатившись через спину, Гордон Лу ногой отбивает смертоносный клинок в сторону, встает...

...звякая, нож прыгает по палубе...

— Стоп! Не убивайте его!

Но поздно: Лу в высоком прыжке наотмашь бьет пирата ногой по физиономии, а Крис всаживает в падающее тело пулю.

Пират мертв.

Фло, придя в себя, чертыхнулся.

— Это зря. Он бы мог нам кое-что рассказать.

Арчи поднялся по трапу, расслышав только последние слова.

— Вам необходим язык, Кэп? На корме валяются по меньшей мере три.

Фло, переступив через мертвого пирата, направился в рубку.

— Бруно Кертис за бортом, сэр! — громко сказал ему в спину Горди.

— Знаю, — устало ответил Фло. — Сейчас...

Зборовски уже взял управление на себя. Зародыш, прочесав сканером каждый квадрат залива, отыскал плавающих Кертиса и сэра Юстаса среди десятка еще не потонувших пиратов.

«Орхидея» пошла на разворот. Палуба опустела: Фло скрылся в рубке, остальные спустились на второй уровень. Марк, Арчи и Слава вязали пленных, Лу помог голландцу отвести Оскара в каюту, Крис вышел на корму и вскинул автомат.

Два выстрела — и шлюпки, до сих пор волочившиеся следом, клюнули носом и отстали. Остатки веревок Крис сбросил в воду.

Через минуту подобрали Бруно и Юстаса. Все это время они проплавали бок о бок. Хорошо — лето, море теплое... А хотя в этих широтах холодов и не бывает.

С одежды Бруно струйками стекала вода, ньюф отряхивался с чувством выполненного долга.

Мертвых вышвырнули за борт акулам на прокорм.

— Куда пленных, сэр? — вызвал Арчи Капитана.

— В третий склад... — Голос Фло звучал озабоченно. — Где боцман?

Все переглянулись. Выяснилось, что Капельку с самого начала боя никто не видел.

— Ищите! — скомандовал Фло. — Везде!

Однако Капелька нашелся сам. Кряхтя, он поднялся снизу, с первого уровня. Скоро стало понятно, почему он кряхтел: тащил за шиворот двух пиратов, избитых и покорных.

Напротив камбуза он остановился, бросил тела и вытер вспотевший лоб.

— Фу-у! Эй, кто-нибудь, помогите, там внизу еще трое.

Капитан облегченно засмеялся:

— А я уж испугался, Эрвин... Всегда ты все втихомолку делаешь.

В который раз Капитан убедился, что его Команда — лучшая в мире.

Оставались пираты на «Колибри» и двух кораблях поддержки. Они снова напомнили о себе выстрелом. Неудачным — ядро разорвалось, далеко не долетев до «Орхидеи».

— Мортимер, Дейзи — в рубку! Остальные — помогите Вану и юнге прибрать.

Фло всерьез рассердился. «Колибри» под шумок успел отойти к проливу. Видимо, пираты все еще надеялись не отпустить «Орхидею» на волю.

— Торпеды! На уничтожение! — скомандовал Фло. — Нечего с ними цацкаться. «Испанцев» тоже ко дну.

Марк занялся наведением на цели. Одна за другой короткие, меньше трех футов, смертоносные сигары понеслись к

обреченным парусникам, вспенивая спокойные воды Маракайбо. Взрывы кромсали чуткую утреннюю тишину.

Пираты в заливе молча наблюдали, как «Орхидея» потопила всю испанскую эскадру с помощью своего непонятного оружия, светлой молнией метнулась навстречу, а потом вдруг отвернула и птицей понеслась через мелководье, окутанная белопенным ореолом.

Шкипер «Колибри», Джон Бест, именуемый своим сбродом «дядей Джоном», бывший союзник Фло, громко выругался. Тройной диковинный корабль, оказывается, мог ходить по мелкой воде, как это дико не звучит. Они проиграли.

Поняли это и другие пираты. Чудесный корабль ускользнул. Ну и пусть: у их ног все сокровища Маракайбо, с ними по-прежнему Бог и шкипер дядя Джон, и делиться ни с кем не надо...

Поэтому они без особого волнения глядели на три светлые черты, тянущиеся к каждому из кораблей.

Три взрыва прозвучали одновременно.

«Орхидея» уходила в море, спеша в Картахену. Позади остался ограбленный город, останки девяти парусников и еще один выигранный бой. «Веселый Роджер» гордо развевался на голо-стеньге.

Впереди ждала «Санта Розалина».

Обыскать боковые секции никто из команды Фло не удосужился.

А зря. Паршивая вещь — недостаток опыта.

Глава пятая
ТЕРМИНАТОР (КРЕЙСЕР-УБИЙЦА)
1

Истребители прошли над «Орхидеей» спустя девять часов. Перечеркнули небо серебристыми стрелками и исчезли за горизонтом.

Тримаран успели вычистить и отдраить от крови, лишь вмятины от пуль в титановой обшивке напоминали о недавней

схватке. Пленников допросили и высадили на берег где-то в районе будущей границы Колумбии и Венесуэлы.

Фло был мрачен. Команда видела, что Капитану не по себе, и каждый старался как мог подбодрить его. Ван Баттум поднапрягся и подал к обеду, кроме тривиального черепахового супа, сразу два экзотических блюда: нечто южноамериканское вроде люля-кебабов, только побольше и гнутых, словно молодой месяц, и еще странный гибрид овощного рагу с салатом из лангустов, щедро приправленный специями. Все, включая Юстаса и Бимса, отдали должное усилиям кока. Матросы громко переговаривались, причащались остатками португальского и зыркали на хмурого Капитана украдкой, исподтишка.

И тут Зародыш засек истребители. Они не атаковали, пронеслись в пронзительно-голубой вышине, напоминая, что Бейкер не дремлет.

— Полундра! — встрепенулся Бимс. — Абордаж!

Но самолеты вскоре ушли, и попугай успокоился.

— У-у, прихвостень бейкеровский... — проворчал Кертис без особой злости.

Фло вздохнул:

— Да ладно тебе... Бестолковая ведь тварь. И бессловесная...

— Ничего себе бессловесная! — фыркнул Бруно и передразнил: — Полундра! Абордаж!

Бимс оживленно захлопал крыльями:

— Абор-рдаж! Алебарды и стингеры! Р-ракетомет! Вр-рагинедруги!

— Сам ты враг, — холодно заметил Лу.

Бимс перепорхнул на стойку бара.

— Вр-раг! Вр-раг! Шухер! Бейкер!

— Бейкер! — негромко сказал Фло, ожидая что ответит на это попугай.

— Бейкер! Хозяин! Брамселя долой!

Фло насупился.

— Хозяин, говоришь?

— Бейкер! Бейкер! Дир-рик-фал!

— «Орхидея», — в тон ему проскрипел Крис Дейзи, не отрываясь от тарелки.

Бимс охотно сообщил:

— Тримаран! Воор-ружение! Зар-родыш! Вдребезги! Растерзать!

Фло встал, отбросил вилку и вышел из кают-компании. За ним последовал и Питер Зборовски. Казалось, кровью налилась даже повязка на его глазу.

— Чертова птица! — процедил Арчи. — За борт бы тебя...

— За борт! Прибой! Крюйт-камера! — бормотал Бимс без умолку.

Сэр Юстас, поддавшись общему настроению, облаял попугая и ушел вслед за Капитаном. Кок вздыхал, Оскар Слэш скрипел зубами, не то от боли в забинтованном плече, не то просто от досады. Эрвин Капелька безостановочно курил трубку и тосковал по свежим газетам. Остальные мрачно пили кофе. Попугай перепархивал с места на место, что-то невнятно бормоча; наконец он уселся на макушку Кертиса. Тот замахал руками и обругал его по-итальянски. Бимс немедленно обиделся и, обозвав Бруно «нок-клампом», исчез в твиндеке. Команда захохотала, а Бруно допил кофе одним глотком и, проклиная горластую птицу, пошел к Питеру узнавать, чем же это таким его нарекли.

Рана не позволяла Слэшу водить вертолет, поэтому над морем, распугивая чаек, носился Ларри. Каравеллу заметили вечером следующего дня.

— Все наверх! — Фло словно воспрянул к жизни. Все утро он провалялся в каюте, преисполненный черной меланхолии. — Капелька, к Элмеру на «Орху», Ларри — вертолет не сажать! Слэш, в машинное!

— Есть, сэр!

— Крис, Марк, вдвоем справитесь? Могу дать юнгу.

Боевая немедленно ответила:

— Справимся, Кэп!

— О'кей!

Зародыш самостоятельно поймал в телеобъектив высокую корму каравеллы, вычленил квадрат по центру и увеличил его на весь экран.

Над резной женской фигуркой не то в плаще, не то в тоге вилась затейливая старинная надпись «САНТА РОЗАЛИНА».

— Наконец-то! — воскликнул Капитан. — Йо-хо! Вперед, корсары!

В один голос команда ответила:

— Йо-хо!

Только Бимс тревожно загорланил:

— Полундра! Абордаж!

«Орхидея», влекомая восемью водометами, устремилась к каравелле.

— Полундра! Ракеты! Пор-рох! Пор-рох!

— Заткнись, пернатый, — рявкнул на попугая Марк. — Хвост выщиплю!

Бимс притих, затаился и вдруг внятно сказал:

— Козел! Ненавижу...

Смеяться было некогда.

Неладное первым почуял Питер, сменив несколько ракурсов на мониторе слежения.

— Что за чушь, Стив?

Только он мог обратиться к Капитану по имени, которого остальные попросту не знали.

Фло недовольно оторвался от клавиатуры — вколачивал в оперативку Зародыша экстренную программу.

— В чем дело, Пит?

— Гляди сам. — Зборовски перебросил на монитор Фло изображение кильватерной струи «Санта Розалины». Оно было белесым от множества мелких пузырьков.

— Убей меня бог, если это не кавитирующие винты!

Фло уставился на экран.

— Сэр, обратите внимание еще и на вымпел... — деликатно посоветовал Мортимер.

Фло обратил. Вымпел развевался против ветра, раздувающего паруса.

— Проклятие!

Водометы взвыли, переключенные на реверс, но поздно: подойти успели слишком близко. Чмокнув, вырвалась из голополя парусника боевая ракета. В рубке «Деи» ругались Лу и Кертис, наиболее несдержанные в минуты опасности.

Зародыш успел среагировать: ракету сбили точно посередке между «Орхидеей» и лжекаравеллой. Осколки дождем ворвались в кают-компанию, прошив иллюминаторы и корпус. Два носовых датчика приказали долго жить; заклинило одну из двух металлорезок.

— Дьявол! Разделение!

Ларри всадил в неприятеля малую ракету и поспешно отвалил в сторону. По вертолету вовсю лупили из крупнокалиберных пулеметов, светлые гроздья разрывов вспухали в опасной близости.

«Орха» и «Дея» освободились, расходясь в стороны. Пилоны прикрыли борта второго уровня. Секция-матка сворачивала вправо, огибая «каравеллу» (или что там пряталось под голополем). Марк хладнокровно поливал ее огнем левого борта. Пули и снаряды смачно влипали в поле и взрывались внутри; поле шло уродливыми пузырями и вдруг, сверкнув напоследок, исчезло. Вместо «Санта Розалины» предстал серо-стальной мини-крейсер класса «Ихтиозавр».

— Вот ты кто! — рявкнул Фло. Его не удивило, что крейсер-малютка не имеет собственного названия. Такие суда имели лишь бортовой номер. Но здесь и этого не было.

«Орхидея» и «Дея» пошли на разворот; «Орха» скрылась по другую сторону крейсера.

— Ларри, изображение сверху! — потребовал Фло. Тотчас резервный монитор дал нужный ракурс. «Орха» по прямой уходила прочь.

«Ихти» разворачивался к «Орхидее» носом.

— «Дея», расходимся!

— Есть, Кэп! — Лу завертел штурвал. «Дея», грациозно накренившись, отвалила вправо, на запад. Секция-матка продолжала идти к югу.

— Торпеды, сэр!

— Вижу!

Несколько резвых сигар нетерпеливо неслись к ним. — Зародыш давил их последними ракетами.

— Ракеты, сэр!

— Вижу, Ларри!

Две из трех сбил Марк, еще одну — вертолет, пронесшийся над самой антенной. Крейсер наддал следом.

Крис вылез наружу и ковырялся у поврежденной кассетницы, распластавшись на белой обшивке носа, как муха на стекле.

— Эрвин, что у вас?

Фло вдруг сообразил, что с «Орхи» уже несколько минут доносится лишь прерывистое дыхание да глухие удары, будто там сцепились врукопашную.

Капитан взглянул на монитор, работающий с вертолетом: «Орха» рыскала на курсе, словно у руля никто не стоял. Собственно, так оно и было.

2

Когда пилоны освободили «Орху» и характер качки изменился, Арчи переключился в автоном.

Капелька вскрывал ящики с кассетами, подаваемые снизу подъемником. В машинное, на нижний уровень, никто не спускался, было не до того.

Каравелла-оборотень сбросила свою личину. Арчи несколько секунд глазел на крейсер.

— Ух ты! Погляди, Эрвин, кого нам подсунули!

Капелька обернулся, но смотрел вовсе не на монитор, а за спину Арчи. Глаза его сделались удивительно круглыми.

Арчи обернуться не дали: колючая веревка, пропахшая смолой, захлестнулась вокруг шеи. Дышать сразу стало невозможно. Арчи забился, как тунец у кока на крючке.

Трое пиратов с кеча «Колибри», прятавшиеся внизу, поднялись в рубку. Выйти наружу раньше они не могли: после стычки на борту «Орхидеи» Зародыш намертво задраил все люки, замуровав их в железном коконе. Просидев почти двое суток взаперти, оголодав и озлобившись, пираты действовали отчаянно и дерзко. Один придушил Элмера, двое других насели на Капельку. Кроме ножей, у них ничего не было; у боцмана не было даже ножа. Толстяк казался неуклюжим, но когда пираты получили ногой по зубам, движения их стали ловкими и осторожными. Капелька отлично владел техникой единоборства, но перед ним пританцовывали от напряжения тоже не выпускники воскресной школы. Просоленные морем убийцы, годами разбойничавшие в компании себе подобных и вдобавок убежденные, что отступление означает неминуемую смерть.

Постепенно Капельку оттеснили в самый нос. Штурвал слабо шевелился, «Орха» нетвердо прыгала с волны на волну, предоставленная самой себе.

Одного боцман все же выключил. Но второй вцепился в него бульдожьей хваткой, приставив нож к горлу; вдобавок вмешался третий пират, связавший к тому времени Арчи.

— Дьявол! Вяжи его, Хэнк, вяжи крепче! Клянусь всеми акулами Атлантики, они научат нас управляться с этим адским кораблем!

Хэнк вязал. Крепко.

Арчи не мог даже пошевелиться: удавка тотчас врезалась в горло. Дышал он хрипло, тяжело, с надрывом.

Капельку бросили рядом с ним.

— Эрвин, что у вас? — спросил Капитан отрывисто. Чувствовалось, что он занят.

Пираты всполошились.

— Кто здесь, тысяча чертей?

Фло их слышать не мог, микрофоны, пристегнутые к лацканам Капельки и Элмера, фильтровали посторонние звуки.

— Эрвин, отвечайте!

Грохот взрыва. Пираты смешались и отступили к трапу.

— Эй, кто там? Порази вас брочинг...

Взрыв, еще взрыв, натужный лай пулеметов...

— Вниз их! — скомандовал один из пиратов. Второй, тот, что звался Хэнком, приводил в чувство пострадавшего товарища.

Арчи и Капельку бросили внизу, прямо у трапа. Пираты возились в рубке, проклиная все на свете.

Связанные руки затекали, по коже бродили стада неприятных мурашек. Вязать пираты умели, чувствовался большой навык.

«Дьявольщина! — подумал Арчи. — Бруно Кертис, конечно же, давно уже сумел бы освободиться. А тут без ножа никак...

Стоп! Нож! Он же у меня до сих пор! Тот, что добыл в уличной драке в день, когда встретился с Капитаном Фло! Острый, как акулий зуб!»

— Эрвин, — прошептал Арчи. — Нож!

Капелька с трудом обратил лицо к напарнику.

«Орху» завалило набок при крутом повороте.

— Разрази меня гром, Хэнк, если это не штурвал!

Хэнк, должно быть, брякнулся на пол от такого рывка. Пират-экспериментатор, несомненно, крутанул штурвал, словно находился на мостике парусника.

— Нож, Эрвин! В кармане! Я не могу пошевелиться! — Арчи заметно страдал.

Капелька, извиваясь словно неуклюжая личинка, подбирался к карману. Арчи закряхтел, когда толстяк навалился на него всем телом.

— Не здесь! На бедре!

Наконец Капелька нащупал карман-невидимку. Минута ушла на то, чтобы расстегнуть клапан, еще полминуты — чтобы извлечь нож.

Набрав воздуха в легкие, Арчи затаил дыхание. Капелька на ощупь пилил веревку. Колючая просмоленная змея немилосердно терзала горло. Капелька пыхтел и ворочался — было очень неудобно. Раз шесть или семь приходилось останавливаться и давать Арчи отдышаться.

Постепенно веревка поддалась. Кое-как двигая затекшей шеей, Арчи освободился. Боже, какое блаженство дышать полной грудью!! С минуту он приходил в себя. Потом стянул путы с рук.

— Скорее! — торопил Капелька. Пираты сквернословили в рубке и, похоже, собирались спускаться. Свободными руками орудовать было куда удобнее. Веревка, стягивающая кисти Эрвина, развалилась на обрезки в одно мгновение. Теперь ноги...

Капелька бесшумно вскочил, стряхивая остатки пут, взял нож из ладони Арчи.

Первый пират, угодивший в его стальные объятия, захрипел, забулькал и упал, заливая кровью ворсистый пол твиндека. Второго Арчи огрел кстати подвернувшимся гаечным ключом, потому что нунчаки вывалились в рубке. Этот ушел лицом вперед с третьей ступеньки трапа, даже не пикнув.

— Ну что там, Хэнк? — донеслось сверху. Капелька исчез на секунду в машинном и вернулся с автоматом наперевес. Арчи массировал шею, сидя на полу.

— Эй, отродье! — крикнул Эрвин, поднимаясь. — Молись!

Хлопнул одиночный выстрел.

— Капитан, говорит Капелька...

3

Крейсер гнался за «Орхидеей», не отставая больше чем на четверть мили. На «Ихтиозаврах» применяли хитроумное сочетание редана, крыльев и подушки, в скорости «Орхидее» крейсер не уступал.

Фло пытался уклониться от схватки.

— Лу, что у вас?

— Следуем в стороне, сэр! — отозвался Горди. — Торпедирую, но торпеды он топит!

— Неудивительно... — фыркнул Капитан.

Зборовски манипулировал программами Зародыша. Термосканер давал обычную картину военного судна, биосканер ничего живого на борту не выявил.

— Это робот, Стив! Крейсер-убийца, водный терминатор-уничтожитель!

Фло только вздохнул.

— Кэп, впереди островок! — предупредил Ларри. Сверху он видел гораздо дальше. — Семь градусов влево!

Капитан забарабанил по клавиатуре. Когда остров попал в поле зрения, врубил подушку на запуск. Под крыльями оставалось все меньше воды, «Орхидея» вылезала наверх, обнажая даже водометы. Загудели воздушные винты, крылья подтянулись и прилипли к днищу, судно пошло на подушке над прибрежной мелью, над полосой песка, над низкими кустиками...

«Ихти», не снижая темпа, прорывался следом.

— Не оторвемся, — констатировал Питер.

— Это ж военный крейсер, — пожал плечами Фло. — Даром что терминатор. Что ему суша? Игрушки...

Вышла на связь замолчавшая было «Орха».

— Капитан! Капелька говорит. У нас гости случились...

Крейсер крепко вцепился в цель. Принять бой? «Орхидея» не слабее «Ихтиозавра», значит, ко дну суждено пойти вместе. Но ведь есть еще «Дея», «Орха», Ларри на вертолете.

Боеприпасов маловато. Кто же рассчитывал на встречу с крейсером? Ну, Бейкер, ну, бестия! Как сумел пронюхать? Где раздобыл машину времени? Золото, золото — вот причина! Желтый металл может все.

Арчи, более или менее придя в себя, поднялся в рубку. Капелька сидел за пультом. Они успели забраться далеко к востоку, оторвавшись от «Орхидеи» и крейсера. Боцман уткнулся в навигационный экран.

Паруса заметил Арчи.

«Каравелла, — сразу определил он. — Испанская...»

Конечно, это была «Санта Розалина».

— Капитан! Вижу «Санта Розалину»! — воскликнул Капелька, убедившись, что на этот раз голополем и не пахнет. — Координаты...

Фло сжал кулаки.

— Топите, Эрвин! Любой ценой!

— Есть, сэр!

«Ихти» безмолвно плевался ракетами. Пока Зародышу удавалось их сбивать.

— Лу! Держитесь в стороне. Будьте готовы принять нас на борт прямо из воды.

— Есть, сэр... — несколько удивленно отозвался малыш-Лу.

— Питер! Сейф к эвакуации! Ван, Слава, помочь старпому! Марк, Крис, Ларри, приготовьтесь всадить в терминатора весь боезапас. А потом — на корму.

— Есть, сэр!

— Есть...

— Есть...

— Юстас! Место!

Пес, повинуясь команде хозяина, умчался к своему вольеру.

— Оскар, что машина?

— Норма, сэр! Пыхтит.

Руки Капитана легли на штурвал.

— Йо-хо!

«Орхидея» величаво заложила вираж, разворачиваясь к крейсеру носом.

— Огонь!

Смертоносный шквал рванулся навстречу «Ихти». На столь короткой дистанции терминатору просто не хватило быстродействия. Кое-что крейсер сбил, кое-что отклонил. Кое-что...

Взрыв взметнул в небо тучи огненных осколков. Вражеские снаряды рвали тело «Орхидеи», Зародыш тоже не справ-

лялся со всеми. Нос «Ихти» с каждой секундой приближался к левой скуле детища Капитана Фло.

Сам Капитан на корме нажал на кнопку экстренной эвакуации. Надувной пластиковый плот отшвырнуло прочь, словно пущенный из катапульты камень.

Два корабля соприкоснулись, затрещала сталь, сминаясь, как бумага. А потом их охватило море огня, неистовый полыхающий смерч, вставший на ноги вблизи побережья.

— Прощай, Зародыш... Прощай, «Орхидея»...

Фло припал к большому иллюминатору. Аварийный плот качался далеко в стороне, краснея на темной вечерней воде. Пришла ударная волна, сверху дождем сыпалось железо...

С собой захватить успели сейф с документами и машиной времени, десяток автоматов, два ящика патронов да немного пищи и воды сверх той, что входила в комплект плота.

С запада на выручку спешила «Дея».

4

Никогда еще в рубке маленькой «Деи» не было так людно. У пульта сидели Капитан, Питер и Лу, поникший, потрясенный потерей всего золота «Орхидеи». В кармане у него осталось несколько побрякушек, но, право же, это не слишком утешало. Конечно, координаты записали в судовой журнал... Но ведь еще поднять надо...

В машинном обосновались Бегемот, кок, юнга и растерянный Бимс. Марк с Крисом Дейзи отправились на кормовую палубу, к пулеметам. Сэр Юстас улегся у трапа, понимая, что людям сейчас не до него.

От «Орхи» и «Санта Розалины» их отделяло миль пять — семь. «Дея» встала на крылья и устремилась на восток, вслед за низко летящим вертолетом.

Гул турбин они услышали через несколько минут. Ларри зашипел, словно рассерженная кобра.

Все в рубке «Деи» впились взглядами в монитор.

Там, рядом с неуловимой каравеллой, тонула «Орха», истерзанная близкими разрывами малых ракет, а навстречу «Дее» хищными остроносыми птицами мчались два истребителя.

— Белые молнии! — Фло даже вскочил. — Ну конечно! «Ихтиозавры» несут два истребителя «Пустельга», это и младенцу ясно. Они защищали каравеллу, пока терминатор занимался секцией-маткой.

Мертвый крейсер ожил в двух самолетах-роботах. Им неведом страх. Они не знают пощады. И не боятся смерти. Роботы-терминаторы умеют только повиноваться программе. А в ее содержании сомневаться не приходилось.

— Ракеты! — сцепил зубы Фло и нажал на пуск. Ракет осталось всего семь, противоракет — четыре.

Истребители прошли над «Деей», развернулись и скользнули в разные стороны. Ларри повис над полупогрузившейся «Орхой».

— Вижу Элмера и Капельку! — сообщил он, сбрасывая два спасательных круга.

Фло выпустил по «Санта Розалине» пару торпед, но истребители стерегли парусник на совесть. Роботы иначе и не могут.

— У меня плохое предчувствие, Стив, — устало сказал Зборовски. Пора готовить второй плот...

Фло промолчал. Дуэль с истребителями не затянется. Слишком уж те быстры.

«Почему они не стреляют? — удивился он. — Ракет, что ли, жалко?»

Капитан не знал, что в бою с «Орхой» оба истребителя истощили практически весь боезапас. Экономить, как и отступать, роботы не умеют. И сейчас они стали просто летающими железками. А раз они не могут больше охранять каравеллу, остается уничтожить противника единственным оставшимся способом — ценой собственного существования.

Пискнув, очистился экран монитора перед Капитаном Фло.

«Немедленная эвакуация! Вероятность тарана — 100 %» — прочел он.

— Все на плот! — взревел Капитан и первым подхватил сейф. Он знал: поступки компьютера лучше всего предскажет такой же компьютер. Ибо на «Ихтиозаврах» стоят стандартные «Полтавы», а на истребителях — модули, аналогичные модулям «Орхи» и «Деи».

Они успели. Чудом или нет, но успели. Пушки достали пикирующий истребитель в полусотне саженей и осеклись:

опустели кассеты. В «Дею» врезалось облако раскаленных осколков. Спустя несколько секунд взорвалась и «Дея», но плот уже рассекал волну далеко в стороне.

Второй истребитель протаранил вертолет. Еще одна смертельная роза расцвела над океаном.

«Боже мой, — подумал Фло. — Сколько взрывов принесли мы в этот неспешный век...»

Впрочем, тут хватало и своих взрывов.

Ларри выпрыгнул из вертолета секунд за двадцать до столкновения. Сейчас он покачивался на волне недалеко от Арчи и Капельки. Осколки его пощадили. Сэр Юстас, натасканный на цвет спасательных жилетов, прыгнул в воду и поспешил на помощь. С другой стороны к нему гребли Арчи и Эрвин, цепляясь за спасательные круги.

На маленьком плотике было тесно. Марк завел подвесной мотор и дал газ, направляясь к «Санта Розалине».

Все взялись за автоматы, даже раненый Слэш и юнга Слава. Каравелла приближалась, быстро увеличиваясь в размерах. Похоже, наступало время последнего, действительно последнего боя.

— Стрелять, Кэп? Ниже ватерлинии, потопим ее к черту, — горячился преисполненный решимости Кертис.

Капитан засмеялся.

— Зачем? Там же золото!

Кертис вопросительно уставился на Капитана. Действительно зачем? Зря, что ли, таскались в этот золотой век?

Единственное, чего опасался Кертис, это малые размеры плота. Вдруг все золото не влезет?

Испанцы, запуганные развернувшейся на их глазах битвой, толпились у борта.

Крис Дейзи снял с предохранителя штурм-трап.

«Пок!»

Блестящие крючья легли поверх планшира каравеллы и намертво вонзились в темное дерево. Вниз свесилась плетеная лестница, похожая на корабельные ванты.

— Лу, Кертис! Наверх!

Кто-то из испанцев сунулся к лестнице с тесаком. Зборовски выстрелил, и тот свалился на палубу под ноги своим собратьям с дыркой в курчавой башке.

— В стороны! Живо!

Лу и Кертис орали на матросов, прижавшись спинами к фальшборту и хищно поводя стволами автоматов. Всех, кто не подчинялся, клали на месте. Никого не волновало, что испанцы могут не понять по-английски.

Через десять минут все, кроме Марка, поднялись на борт каравеллы. Плотик отвалил, пофыркивая сорокасильным двигателем.

— Все на корму! Шлюпки на воду! Шевелитесь, если жизнь дорога! — командовал Фло, на этот раз по-испански, подбадривая зазевавшихся пинками.

Марк подобрал Арчи, Капельку, потерявшего сознание Ларри, Юстаса и вернулся к штурм-трапу.

Испанцев загоняли в шлюпки и отправляли подальше. Скоро на каравелле осталась лишь команда погибшей «Орхидеи» да несколько трупов.

Лу и Кертис, успевшие совершить короткую разведку, вернулись на палубу. Оба цвели, как вишни по весне.

— Золото, Кэп! Полные трюмы!

Фло улыбнулся. Черт возьми, они все же добились своего! «Санта Розалина» не затонет у Канар, а ее груз не попадет в лапы к Бейкеру.

Испанцы, грустно глядя на захваченные корабли, мерно работали веслами.

— Даже не верится, — вздохнул Зборовски, моргнув здоровым глазом. Автомат он лениво забросил за спину. Сэр Юстас, которого общими усилиями втащили на борт, сосредоточенно вылизывал влажную шерсть. Ван Баттум склонился над Ларри, рядом стоял Слава и придерживал открытую аптечку, бросив великоватый для него М-72 на истертые доски полуюта. Лу, Кертис, Мортимер, Дейзи и Бегемот передавали из рук в руки тяжелые слитки золота и восторженно цокали языками. Арчи с Капелькой выжимали промокшую одежду, смеясь и довольно ухая. Над головой тихо гудели паруса, скрипели реи, стонали на ветру снасти.

— Эй, кто-нибудь, станьте к штурвалу! — крикнул Капитан. — Рыскаем, словно гончая, потерявшая след!

Бимс, нахохлившись, сидел на планшире рядом с крюком штурм-трапа.

— Пиастры, пиастры! — закричал он. Вышло как-то устало и неубедительно.

— Слушай, — сказал Арчи, встряхивая комбинезон. — Ты не находишь, что эта бестолковая птица орет всегда удивительно подходящие слова?

Боцман глубокомысленно кивнул.

Капитан Фло расчехлил машину времени.

— Дукаты, дукаты! Тугрики, ту...

Голос попугая оборвался, словно кто-то выкрутил регулятор громкости. Все обернулись. Взъерошенное зеленое создание медленно растаяло в воздухе.

— Что с ним? — насторожился Кертис.

Лу подошел и потрогал планшир. Ничего, кроме гладкой оструганной древесины.

— Исчез, — развел он руками.

Фло ввел программу. Машина времени, странно неравнодушная к цифре «тринадцать», тихонько загудела. В прошлом пробыли ровно пятьдесят два дня.

— Поехали, — сказал Капитан и нажал на клавишу старта. Бруно Кертис успокоился — все золото следовало за ними в будущее. В этот самый миг Ларри Робинсон открыл глаза, а испанцы, тоскливо озиравшиеся на каравеллу, увидели, что она неторопливо растворилась, не оставив ничего, кроме зыбких следов на водной глади.

— Каррамба! — только и сказал экс-капитан «Санта Розалины».

Глава шестая и последняя
КОМАНДА

С тех пор как «Санта Розалину» отбуксировали в порт Нью-Кросби, прошло десять часов. До прибытия в резиденцию о судьбе Бейкера и его состоянии Капитану Фло узнать ничего не удалось. После бурного финиша корсарской одиссеи усталость свалила всех. Даже Капельку и Зборовского, хотя они казались склепанными из стали и гранита. Капи-

тан Фло дал указания своим людям и отключился в кабинете прямо за столом.

Погожим августовским утром, когда солнце пронизывало толстые стекла особняка Фло, команда «Орхидеи» в полном составе расселась в глубокие кресла холла, где впервые собралась в начале лета. На стене, рядом с картой мира, все так же висел черный пиратский флаг.

Фло, хоть и отоспался, выглядел уставшим и опустошенным.

— Ну как, Кэп? — Нетерпение всех можно было понять.

— К черту! — буркнул Фло. — Мы занимались ерундой.

Он швырнул Питеру пожелтевшую газету.

— Можешь прочесть вслух...

Зборовски подхватил хрустящий ком на лету и ловко развернул. Газета была датирована октябрем 2007 года.

— Филипп Бейкер поднимает со дна моря остатки судна на подводных крыльях с грузом драгоценных металлов и камней, — прочел Питер. — Сенсация века... радиоуглеродный анализ показал, что судно провело под водой триста с лишним лет... Поиски в прибрежной зоне острова Аруба ведут сотни подводников-любителей...

— Вот это номер, — протянул Арчи. — Он поднял «Орхидею»...

Питер потрогал повязку на глазу. Потом вздохнул:

— Знаешь, Стив, а ведь у нас золота было больше, чем на «Санта Розалине»...

«И мы сами его добыли», — подумал каждый.

Фло неподвижно сидел за столом, скорбно уставившись в одну точку.

— Эх, еще бы разок попиратствовать... — мечтательно сказал Гордон Лу, взъерошив черную шевелюру.

Но все знали, что путь в прошлое закрыт. Машина времени рассыпалась мельчайшей серой пылью прямо на палубе испанской каравеллы, едва они вернулись назад, в будущее.

— Увы, господа. Свой миллион каждый из вас получит, как и договаривались, но, выходит, зря я затевал это предприятие. Наверное, время невозможно обмануть. Результат останется прежним, даже если идти к нему другим путем.

И тогда поднялся Марк Мортимер.

— К черту время, Капитан. Может, попробуем потягаться с Бейкером сейчас, сегодня? По-моему, у нас сложилась непло-

хая команда. Ведь золото Бейкера по праву принадлежит нам. Не так ли, Капитан?

Фло словно очнулся. Взгляд его вновь сделался живым и осмысленным.

— Но что скажут остальные?

— Йо-хо!! — сказали остальные.

Громче всех кричал Слава Лебедев. Фло обратился к нему:

— Как же твои родители, юнга?

Мальчишка отчаянно махнул рукой:

— К дьяволу родителей! Пора делом заняться...

Одобрительный гул встряхнул тихий особняк.

Фло смотрел на Команду и неожиданно на глаза ему навернулись слезы. Команда! Я навеки ваш Капитан!

Он потрепал сэра Юстаса по мощному загривку.

— Ну что, Юсти? Не так уж и плохи наши дела?

Пес преданно сопел.

А в голове назойливо вертелся старый матросский мотив:

Мы ждем, когда снова порадует море ветрами,
И бакштагом полным пойдет гордый парусник наш.

— Я думаю, стоит попытаться, — сказал Питер, старпом.

На мачте взовьется, как птица, черное знамя,
И вновь прозвучит команда: «На абордаж!»

Фло взглянул на календарь.

— Пиастры, пиастры! Доллары, доллары! — заорал Бимс, сидящий на большом пузатом глобусе.

— Проклятие! — воскликнул Капитан Фло. — Откуда снова взялась эта жуткая птица?

Команда засмеялась. Да что Команда? Сам Веселый Роджер, скалящийся на стене, подмигнул ему пустой глазницей и оскалился еще больше. Или это просто ветер шевельнул черное полотнище?

Вперед, Капитан! Ведь Команда с тобой.

Эй, капитан! Наша жизнь — это только дорога,
Эй, капитан! Этот бой — остановка в пути.

Эй, капитан! Остановок не так уж и много.
Эй, капитан! И все меньше их впереди!

Фло сжал кулаки. На абордаж, Капитан!
Йо-хо!

Январь 1990 — декабрь 1991 г.
Николаев — Киев

Повести и рассказы

От автора

С написанием этой повести никаких особенных историй не связано. Зато уже в девяностые годы произошел один забавный эпизод.

Как-то просматривая телепрограмму, я обнаружил, что вечером должен демонстрироваться американский фильм «Город-призрак». Естественно, я не мог пропустить такое событие! В назначенный час включаю телевизор, усаживаюсь в кресло... И буквально с первых же кадров меня пробирает озноб. Представьте: плоская равнина, рассеченная надвое полоской пустынного шоссе. И навстречу зрителю приближается одинокий автомобиль.

А теперь прочитайте первые абзацы повести. Лично я чуть из кресла не выпал. Хотя в целом фильм оказался весьма средним и, кроме первых кадров, ничего общего с повестью не имел...

Город-призрак

Фантастическая повесть

Глава 1

К полуночи Алик начал клевать носом, «жигуленок» то и дело вилял к обочине. Шоссе стремительно рвалось под колеса — гладкое, как олимпийский каток, и почти прямое. Андрей вздрагивал на заднем сиденье и тихо ругался.

— Все, — тряхнул головой Алик, притормаживая. Машина облегченно фыркнула, прокатилась еще метров сорок, тихо шурша протекторами по шершавому асфальту, и затихла на кромке дороги.

— Засыпаю, — виновато сказал Алик. — Извини.

Андрей заворочался.

— Ладно, спим...

Он вел машину весь день. Алик же выдержал всего четыре часа. Правда, вчера Алик из-за руля не вылезал, а выспаться ночью не удалось ни тому, ни другому.

Шоссе в полуночный час оставалось совершенно пустынным. Встречные автомобили перестали попадаться сразу с наступлением сумерек; попутные — чуть позже, часам к десяти. Это было странно, шоссе ведь отличное, настоящий автобан, да и местность достаточно оживленная... Но — мало ли?

Алик откинул спинки передних сидений, Андрей поджал ноги. Малыш, устраиваясь, что-то тихонько насвистывал, и Андрей с улыбкой поглядывал на напарника.

Вокруг таилась зыбкая ночная тишина, а когда Алик погасил в кабине свет, в окна заглянули звезды.

— Есть хочешь? — лениво и сонно спросил Андрей. Алик только вяло отмахнулся, свернулся калачиком и почти сразу же уснул, уютно посапывая. Андрей вздохнул, вытянул ноги, чувствуя, как дремота обволакивает и его, и подумал, что маловато за сегодня просохали.

Они гнали потрепанный «жигуленок» на восток — к финишу традиционного майского авторалли «ПРЫЖОК», от которого их отделяли (если верить спидометру и карте) две с половиной тысячи километров. Экипаж номер восемь, Андрей Шаманов и Алексей Загородний по прозвищу Малыш, ну и, понятно, стальной их брат, «ВАЗ-2107», семьдесят шесть лошадок, полторы тысячи кубиков, проверенная родная колымага, на которой они выиграли две гонки в прошлом году.

По графику заночевать планировали в Белорецке, крохотном сонном городишке, приткнувшемся к великолепному трансазиатскому шоссе. Прибыть в него Андрей с Аликом рассчитывали часов около восьми, но дорога мерно тянулась навстречу, а городка все не было и не было. Стемнело, время шло, а впереди по-прежнему виднелась лишь широкая асфальтовая лента и еще — степь, колышущееся море ковыля от горизонта до горизонта.

Усталость взяла свое, заснули прямо в машине, справедливо решив, что утро рассеет все сомнения, путь сверится с картой и вновь станет ясным и понятным, ралли пойдет своим чередом и лидерства они не уступят. А сейчас спать, спать, расслабиться, провалиться в сладкую призрачную негу, когда не нужно вертеть баранку и жать на акселератор, втискивая покорный «жигуль» в прихотливые изгибы трассы. Вытравить из тела противную свинцовую тяжесть, снова ощутить свои мышцы полными сил и готовыми к борьбе.

Андрей не мог сказать наверняка, но ему показалось, что за время сна ни одна машина не проехала мимо них.

Первым проснулся Алик. «Жигуленок» ожил, зафырчал и послушно рванулся вперед. Как истый раллист Алик не умел медленно ездить, шум мотора быстро перешел в привычный надсадный рев, а за окном замелькали придорожные кусты. У ручья гонщики задержались, чтобы умыться и вновь почувство-

вать себя людьми — бодрыми и совсем не сонными. А после дорога снова стремительно ныряла под колеса и убегала назад, в лобовом стекле отражалось солнце и нескончаемой казалась тонюсенькая асфальтовая ниточка, рассекающая степь надвое.

Андрей, вручив Алику бутерброд, хмуро изучал карту.

— Ч-чертовщина! — прошипел Андрей. Алик беспокойно косился через плечо, хотя легче было просто глянуть в зеркало.

— Ерунда какая-то, Малыш! По спидометру мы уже давно должны проехать Актюбинск. И движение по трассе просто обязано быть плотным. А я уже забыл, как выглядят машины со стороны.

— Остановить? — с готовностью спросил Алик.

— Зачем? — не понял Капитан.

— Посмотришь на нашу клячу со стороны! Ха-ха!

Малыш от души веселился. Усмехнулся и Андрей.

— Тоже мне, Петросян... Лучше бы за дорогой следил.

Алик лихо вписался в плавный поворот и «жигуль» мощно пошел в гору.

— Чего за ней следить? — пожал плечами Малыш. — Ровная, ей-богу, как стекло. Дави себе на газ и все.

Взобравшись на холм, машина покатилась еще быстрее; стрелка спидометра дрожала в правом углу шкалы, то и дело задевая за ограничитель, а впереди раскинулся город, ясно видимый с высоты. Огромный, как степи вокруг, и серый, как стадо мышей. И, наверное, более пустой, чем покинутый муравейник, потому что на дороге между ними и городом транспорта по-прежнему совсем не было. По мере того как они подъезжали, крепло ощущение заброшенности и опустошенности. Вывеска-указатель с названием города насквозь проржавела и сильно покосилась, чуть не падая. Дома на окраине дышали затхлостью и пустотой, глядя в мир побитыми пыльными окнами. Гладкое покрытие шоссе сменилось старым растрескавшимся асфальтом, пропускавшим сквозь себя буйную майскую зелень. Машину сразу стало трясти и Алик теперь вовсю ворочал рулем, выискивая путь получше. Андрей ошарашенно озирался, стиснув в руках бесполезную карту. Города-призраки на ней не значились.

— Куда это нас занесло, Кэптейн? — поинтересовался Алик без особой надежды на ответ. — Может, это Бедуиния?

«Жигуленок» катил безлюдными захламленными улицами мимо безлюдных захламленных домов. На тротуарах попадались сдвинутые с проезжей части автомобили — ржавые, облупленные или просто здорово помятые. Слева тянулась размытая рельсовая колея. О названиях улиц оставалось лишь догадываться, попадались только таблички с номерами домов. Числа были четырехзначные.

Алик, изредка отрываясь от дороги, поглядывал на Капитана.

— Шеф, скажи, что мы спим. Ну!

Андрей хмурился. За спиной оставались все новые и новые кварталы, а картина совершенно не менялась. Все та же заброшенность и пустота.

— Малыш, может, ты вчера не туда свернул?

Алик уверенно помотал головой:

— Не-а, шеф. Трассу от проселка я, слава богу, отличаю. Да и не было вчера развилок, я помню. Собственно... гм... — Алик запнулся.

— Что? — поднял голову Андрей. Резко, настороженно.

Алик с непонятным выражением лица остановил машину и повернулся к нему.

— Последние два часа, как только стемнело... А может, раньше?.. В общем, от шоссе не ответвилась ни одна дорога. Даже самая захудалая.

— Ну?

Алик пожал плечами:

— Так же не бывает, Капитан! К трассе всегда стекаются десятки дорог, от простой колеи до...

— Интересно, — перебил Андрей, — сегодня, кажется, наблюдалось то же самое?

Алик напрягся.

— Кажется...

Они посидели молча, поглядывая то друг на друга, то за окно. Алик, вздохнув, направил «жигуль» дальше, в глубь города. Деревья на улицах не росли, даже трава, взламывавшая покрытие мостовой и тротуаров на окраине, исчезла — только асфальт, бетонные и кирпичные коробки домов, ржавое железо и битые стекла под колесами. И всего этого очень много.

Минута тянулась за минутой, и скоро Алик не выдержал.

— Черт! Может, у него вообще конца нет? Давай осмотримся, Кэп.

«Жигуленок» замер посреди улицы. Вокруг высились относительно нетронутые семиэтажки. Андрей выбрался из машины; сухой хруст закрываемой дверцы гулко растекся окрест. Алик уже стоял рядом и озирался. Было тихо, как ночью в запертом кинотеатре. Метрах в пятнадцати впереди, слева чернела высокая арка, открывая ход во двор в сплошной стене домов.

До того, как его покинули, дворик наверняка был зеленым и уютным. Вдоль низеньких деревянных заборчиков бесформенными пузырями буйствовали давно не стриженные кусты, царапали глаз безобразные лавочки, некрашеные и потемневшие от дождей. Песок детского городка от ржавчины стал совсем рыжим, а почти все бельевые веревки прогнили, лопнули и валялись на земле длинными темными змеями; кое-где к ним цеплялись лохмотья, бывшие когда-то выстиранным бельем. И еще: под ногами шуршал многолетний ковер из опавших листьев, асфальт прятался глубоко под ним.

Андрей и Алик застыли, пораженные. Потрепанные фасады домов и ржавые автомобили не тронули их так, как этот опустевший дворик.

— Мистика, — проворчал Андрей, — не верю!

Алик оглянулся и потянул его за руку к ближайшему подъезду.

Внутри царил сумрак, на ступенях и перилах скопилось много сероватой пыли, а в углах под потолком пауки свили настоящие белесые джунгли. А вот двери в квартиры выглядели, наоборот, вполне жилыми. Все были заперты. Открытые попались на пятом этаже, но Капитан решил попытать счастья на верхних, сверху-то больше шансов что-нибудь рассмотреть. Внушительный амбарный замок запирал некрашеный люк на чердак, зато две квартиры из трех оказались открытыми. Дверь под номером «34» послушно пропустила их внутрь.

Обстановка хранила следы долгого запустения — уже знакомая пыль и паутинные джунгли. Мебель вполне обыкновенная, только все книги в шкафу и пара газет на столе были почему-то на польском языке. Пока Андрей рассматривал их, Алик отворил дверь на балкон. Петли при этом жалобно заск-

рипели и по квартире метнулось глухое, мгновенно застрявшее в пыльной рыхлости эхо.

Вид сверху открылся солидный. Алик машинально вцепился в ажурное ограждение балкончика, Капитан отпихнул в сторону ржавый велосипед и пристроился рядом.

Город тянулся сколько хватало взгляда и терялся в туманной дымке где-то у горизонта. Слева, километрах в двух, на шпиле высокого, похожего чем-то на Московский университет здания трепыхался незнакомый бело-зеленый флаг, а рядом поднимался легкий дымок, словно там жгли костер. Все это гонщики разглядывали минуты две.

— Ну, — протянул Андрей, — что скажешь, Малыш?

Малыш не нашел что сказать.

— По-моему, стоит поинтересоваться во-он тем дымком.

Алик пожал плечами:

— Может, это просто пожар. Жара-то какая...

— Может, — согласился Андрей. — А может, и нет.

— Резонно, — кивнул Малыш. — Пошли?

Капитан еще с минуту обозревал местность, а Алик тем временем слонялся по квартире в надежде отыскать подсказку.

— Что-то мне здесь не нравится! — с сомнением пробормотал он. — Такое чувство, будто чего-то не хватает.

Андрей молча направился к выходу, Малыш вяло взялся за телефон, найденный на кухне.

— Работает! — изумился он. Перед этим Алик безуспешно пробовал включить телевизор и зажечь свет.

Андрей замер на пороге. В повисшей тишине отчетливо раздавалось стройное гудение зуммера.

Алик вопросительно глянул на Капитана.

— Набирай, чего уж там... — махнул рукой тот.

— Ноль-два? — ехидно спросил Малыш.

Андрей буркнул: «Остряк!» — отобрал у него аппарат и наугад набрал пятерку.

Послышались короткие гудки — отбой.

Алик выразительно указал на аппарат: крохотный белый прямоугольничек хранил номер этого абонента — 2754118.

Андрей примирительно фыркнул, накрутил 275, а затем первое, что взбрело на ум.

Им ответил женский голос:

— Да-а?

Андрей от неожиданности нажал на рычаг.

— Ч-черт!

И тут снаружи донеслось далекое рычание мотора. Андрей метнулся на балкон — по улице, вдали, полз бронетранспортер. А посреди дороги прямо напротив балкона стоял их «жигуленок».

— Вниз! — скомандовал Капитан. — Поживее!

Алик внял. Из подъезда он выскочил первым и одновременно с этим раздались выстрелы, четыре подряд. Стреляли, как будто, в соседнем квартале. Гонщики нырнули в полутьму арки. Алик сунулся было на улицу, но Андрей поймал его за ремень.

— Потише!

Он осторожно выглянул, одновременно отпихивая Малыша назад.

Броневик приближался. Кроме того, перекресток бегом пересекли несколько человек, одетых в темное и явно вооруженных.

— По-моему, пора смываться! — предположил шепотом Малыш. Он все же изловчился и выглянул.

— Согласен!

Мгновение — и они юркнули в свой «жигуленок».

— Эй! Стойте!

Стекло в ближнем окне первого этажа вылетело вместе с рамой, на асфальт боком вывалился исцарапанный и запыхавшийся человек. Одного взгляда хватило, чтобы понять: его преследуют.

— Быстрее! — распахнул дверцу Алик. Андрей молча завел двигатель, нога его застыла на акселераторе. Незнакомец прыжком втиснулся на заднее сиденье. Капитан лихо развернулся, почти на месте, так что истошно завизжали шины и сама собой захлопнулась дверца. «Жигуленок» всхрапнул и рванулся вперед как подстегнутый. Алик успел заметить в выбитом незнакомцем окне несколько размытых лиц, и Андрей круто свернул направо. Вслед сухо пролаяла автоматная очередь, перекрывая рев мотора; воздух рассек на части веселый звон разбитого стекла. Мимо

проносились дома, а сзади уже маячил на редкость быстроходный бронетранспортер. Незнакомец тяжело дышал и кусал губы.

Впереди, кварталах в двух, на дорогу выкатился еще один бронетранспортер и, взревев, устремился навстречу. Андрей вновь с жутким визгом развернулся и шмыгнул в переулок. Алик вцепился в поручень на панели, а незнакомца швыряло вместе с походным сундучком.

— Могешь! — похвалил Малыш Капитана. Тот молча ворочал рулем, пристально всматриваясь в дорогу.

— Влево! — вдруг сказал незнакомец, мучительно скривившись. Андрей рефлекторно свернул, и вовремя — из-за угла показались два мотоциклиста, сразу севшие им на хвост. Незнакомец озабоченно пялился в заднее стекло: преследователи маячили сзади, не отставая. И вдруг, приоткрыв на ходу дверцу, что-то выбросил на дорогу.

Позади сильно ухнуло, улицу заволокло клочьями светлого дыма; мотоциклисты из него так и не появились.

— Все, — бесцветно сообщил незнакомец, — последняя граната.

Алик обернулся и увидел, как сквозь дым позади прорвался броневик. «Жигуленок» еще раз свернул и помчался по пустынному проспекту. Незнакомец продолжал хмуриться.

— Сейчас надо будет свернуть налево, в проулок.

— Зачем? — не отрывая глаз от дороги, спросил Андрей. — По прямой они нас не догонят...

— У них рации и полно броневиков! Все равно выследят и загонят в тупик. Вот, сюда!

Но здесь путь преграждали сразу три бронетранспортера.

— Ч-черт! Назад!

Андрей вернулся на проспект и погнал машину дальше.

— Куда?

— Я скажу, — ответил незнакомец. Сзади натужно гудели двигатели преследователей. Алик с похоронным видом пристегнулся и скептически спросил:

— У вас что, принято на бэтээрах разъезжать?

Незнакомец оторвался от стекла, глянул в затылок Алику (тот, задавая вопрос, даже не обернулся), но смолчал.

— Вправо, — скомандовал абориген чуть погодя, и «жигуленок» ушел в узкую улочку. Впереди, метрах в ста, она упиралась в дом.

— Что такое? — опешил Капитан. — Это же тупик!

Назад возвращаться времени уже не оставалось — подоспели броневики.

— Давай-давай, в самый конец! Уйдем пешком, все равно на колесах не оторваться, они уже весь сектор на ноги подняли!

Машина затормозила у самой стены.

— Живее! — Незнакомец взял командование на себя; Алик с Андреем молча повиновались. Уже знакомо, боком, вожак вломился в окно, туда же юркнули гонщики. Дверь, дальше — лестница, коридор; и тут сзади ахнуло так, что содрогнулся дом. Пробегая мимо окна, Алик выглянул и невольно вздрогнул — на месте верного «жигуленка» теперь зияла черная смердящая воронка, по улице бежали люди, а за ними лениво полз броневик.

Алик очнулся и кинулся вслед за товарищами.

Они долго уходили по крышам, Андрей тихо ругался, понимая, что квартал оцеплен, а незнакомец все бегал, минуя чердаки, пока Алик не взвыл от досады. Но тот знал, что делал — преследователи еще пыхтели на высоте, а они втроем спустились по пожарной лестнице на выщербленный забор, оставили за спиной какие-то ужасные трущобы-задворки, гаражи и просочились, как тараканы, в подвал в самом центре квартала.

В подвале было темно, как в ящике с углем, но незнакомец несся вперед, словно запаздывающая электричка. Алик с Андреем, вовсю распахнув глаза и вытянув руки далеко вперед, изо всех сил старались от него не отстать.

— Сюда-сюда, — нетерпеливо сопел незнакомец.

Они пробрались в крохотную комнатку. Из узкой щели под потолком прорывался слабый намек на свет, ровно столько, чтобы тьма перестала быть кромешной. В углу стоял шкаф.

— Сюда, — прошептал незнакомец и бесшумно распахнул створки.

Шкаф был пуст. Алик озадаченно уставился на незнакомца.

— Помогите, — не успокаивался тот, пытаясь подцепить днище. Андрей послушно помог. Под квадратной деревянной

крышкой обнаружился канализационный люк. Тяжелый чугунный блин они мигом сдвинули.

— Вниз! Быстро!

Алик сиганул вниз и в полете похолодел. Прыгнул он совершенно бездумно, повинуясь властному голосу незнакомца, и не задумался о глубине. Пролетев метра четыре, он обрушился на крепкие деревянные ящики и, шипя и проклиная все на свете, откатился в сторону. Почти сразу же мягко спустился Андрей. Абориген задержался — закрыл двери шкафа, опустил днище, поставил на место люк и, цепляясь за ржавые гнутые скобы в стене, присоединился к гонщикам. Луч света, вырвавшийся из его фонарика, резанул по глазам и осветил маленькое, похожее на склеп помещение. В центре виднелась беспорядочная груда дерева — посадочная площадка Алика. Один-единственный коридор уходил куда-то вправо, под землю.

— С богом! — вздохнул незнакомец и предупредил: — Идти часа три.

Под ногами шмыгнула крупная жирная крыса; Андрей брезгливо поморщился:

— Кажется, ралли мы завершили, Малыш.

Алик только вздохнул: жаль «жигуля»...

Коридор однообразно тянулся навстречу, иногда слегка изгибаясь.

— Вспомнил! — остановился вдруг Малыш. — Вспомнил!

Незнакомец оторвался шагов на десять вперед.

— Что вспомнил? — уныло спросил Андрей.

— Знаешь, Капитан, чего не хватало в той квартире?

— Ну и чего же?

Алик вдруг понизил голос:

— Там не было ни одного зеркала!

— Ну и что?

Алик замялся:

— Ничего...

Но так ведь не бывает!

— Догоняй! — проворчал Капитан и подтолкнул его вперед.

Глава 2

По стенам убежища бродили причудливые черные тени, варево многообещающе булькало в закопченном котелке, уютно потрескивал костер, и только теперь Андрей позволил себе расслабиться. Новый знакомый хлопотал над ужином.

— Меня зовут Вилли. Вилли Квайл.

— Алик, — тут же встрепенулся Малыш.

— Андрей, — представился Капитан. — Может, расскажешь, куда это нас занесло?

Вилли хмыкнул:

— В самое логово нонки — Скул-риджент, кварталы со сто семнадцатого по двести восемьдесят первый.

— Понятно, — буркнул Андрей. — Врубаешься, Алик?

Алик тупо переводил взгляд с Вилли на Капитана.

— Извини, Вилли, — миролюбиво объяснил Малыш, — мы в городе только с утра и поэтому эти твои кварталы для нас пустой звук.

Вилли выпрямился, но изумления в его глазах было очень немного.

— Так вы совсем свеженькие! Поздравляю! — Он покачал головой. — Держались молодцом. Я уж было решил, что вы либо люди Старого, либо откуда-то из Верховий.

— Вилли, черт тебя побери! Скажи по-человечески, где мы?

Квайл положил ложку и сел. Костер тихо гудел и его извечная песня успокаивала.

— А занесло вас, ребятки, в Город-призрак. — Вилли замолчал.

Андрей с трудом удержался, чтобы опять не сказать «Понятно». Ведь все было как раз наоборот — совершенно непонятно.

— Раз вы оттуда, — Вилли неопределенно махнул рукой, — то, наверное, знаете легенду о Летучем Голландце?

Это уже что-то — гонщики кивнули.

— Вот. Город — нечто подобное. Бродит по белу свету и заманивает людей.

Алик поднял бровь:

— Бродячий город? Забавно!

— Как это город может бродить? — не поверил Андрей.

Вилли попробовал объяснить:

— Вообще-то он, конечно, никуда не бродит. Просто иногда вдруг появляется в разных местах. По всей планете. И тогда в него забредают люди.

— Ну, допустим, — смирился Капитан, — пусть так. А как выбрести обратно в нормальный мир?

Вилли всплеснул руками:

— В том-то и дело, что никак. Отсюда невозможно выбраться. Это город-ловушка.

Алик потряс головой.

— То есть как это — нельзя? А если я выйду на улицу и пойду все время прямо? А?

— Во-первых, тебя скорее всего отловят нонки. Или просто бандюги какие-нибудь. А во-вторых, даже если бы никто тебя и не тронул, иди хоть тысячу лет — Город бесконечен, как Вселенная. В это трудно поверить, но это так. Вряд ли он безграничен в обычном смысле — по-моему, некоторые его места просто замыкаются друг на друга. Можно всю жизнь идти прямо и в итоге кружить в полусотне знакомых районов. Но одно я могу сказать точно: путей наружу отсюда нет. Это железно.

— Интересно, — пробормотал Андрей. — Ладно, а кто же здесь живет?

— Люди, — пожал плечами Вилли, — те, кто попал в западню из внешнего мира.

— А ты давно попал?

— Я здесь родился.

— Даже так?

— А что? Жизнь есть жизнь. Привыкнете — поймете. Вообще-то нас, родившихся в Городе, почти не осталось. — Квайл вдруг ощерился.

— Нонки? — предположил Алик.

— Да!

— Кто они?

— Сволочи! — лаконично ответил Вилли.

— А конкретнее?

— Конкретнее? Какая-то женская религиозная секта, проникшая в Город лет двести назад. Теперь они держат под

контролем почти двадцать районов и продолжают захватывать новые.

— Что же они с вами не поделили?

Вилли замялся.

— Это трудно объяснить... Те, кто здесь родился до прихода нонки, очень хорошо знают Город. А знание дает власть. Другое дело, что они к власти стремятся, а мы, Квайлы, нет...

— Постой, — перебил его Алик, — ты сказал, что родившиеся до прихода нонки хорошо знают Город?

— Да.

— И ты тоже?

— Да. А что?

— Ты родился до прихода нонки?

Капитан понял, чего добивается Алик.

— Да, незадолго, — ответил Квайл.

— Но они же пришли двести лет назад! — Алик торжествовал.

Вилли понял и усмехнулся.

— Это тоже один из фокусов Города. Сколько, вы думаете, мне лет?

— Ну-у... — протянул Алик, — тридцать.

Вилли вздохнул.

— Двести семьдесят два.

Алик вытаращился на него.

— Чего?!

Вилли спокойно сказал:

— Живущие в Городе очень медленно стареют. А родившиеся здесь, по-моему, не стареют вообще. Лет эдак после двадцати пяти. Но нас, детей Города, всегда было очень мало, не больше сотни. А теперь осталось человек пять от силы.

Экс-гонщики переваривали обрушившуюся на них информацию.

Квайл продолжал размышлять вслух:

— Я знаю достаточно хорошо около трехсот районов Города. Род Квайл, мой родственник с севера, считает, что это меньше одного процента реальной территории Города. Роду скоро тысяча лет, и он рассказывает, что иногда возникают новые районы — вероятно, Город растет, как гриб. Не знаю, не уверен, я еще слишком молод, чтобы анализировать собственные наблюдения.

Ужин яростно клокотал в котелке, напоминая о себе; Вилли поднялся.

— Ладно, постепенно все уложится и у вас в голове. А пока смиритесь с тем, что жить отныне придется в Городе. Довольно долго, кстати. Так что можете не спешить, не принято. И еще: здесь никто серьезно не болеет. Насморк да механические травмы, вот и все. Понятно? Приятного аппетита!

Потом они спали. Алик думал, что не заснет после всех странностей, однако сразу же провалился в зыбкое фиолетовое небытие. До сих пор он видел либо обычные сны, либо вовсе ничего не видел. А тут перед глазами сплошная фиолетовая пелена. Фиолетовый сон, ничего не значащий и не несущий. Алик проснулся со странным чувством: очень хотелось громко и длинно выругаться, но что-то удерживало. Он приподнялся на локтях и сел. Рядом сразу же вскинулся Квайл.

— А... это ты... — Вилли вытер рукавом лоб. — Фу! Извини, последнее время я всегда был один, привык реагировать на любое движение.

Он уставился на еле тлеющий костер и, словно раздумывая, произнес:

— Скоро утро. Пожалуй, стоит двинуть к югу, в Верховья.

Алик разбудил Капитана. Вчерашнюю похлебку Вилли оставил среди угольков костра, она до сих пор хранила тепло.

После скорого завтрака Квайл прибрал в убежище — уволок все три матраса куда-то в темноту, котелок и ложки вымыл в ручье, невесть откуда и куда текущем в этом подземелье, кострище разбросал и тщательно затоптал оставшиеся искры. Когда глаза привыкли к темноте, стали видны сотни тускло-синих точек на потолке и стенах; света они вроде бы и не давали, но тем не менее Алик с Андреем различали все вокруг себя метров на пятнадцать — двадцать. Квайл вернулся с маленькой заплечной сумкой и небольшим автоматом.

— Извините, из оружия я здесь прятал только эту хлопушку, так что вы покамест остаетесь с пустыми руками. Впрочем, — поспешил успокоить он, — по дороге подстрелим пару нонки, будет и вам что-нибудь.

Алика передернуло, но он, как и Капитан, смолчал.

— Пошли, — махнул рукой Вилли, и они двинулись во влажные сумерки тоннеля.

На поверхность выбрались спустя приблизительно час из подвала, набитого бурым, неприятным на ощупь углем. Старая заброшенная котельная торчала в центре просторного, окруженного однотипными шестнадцатиэтажками двора. Квайл с минуту наблюдал из окна и, успокоившись, поманил спутников за собой.

Алик уже начал привыкать к запустению. Капитан все еще хмурился.

Вилли направлялся к угловому подъезду с южной стороны, видимо, хотел осмотреться с высоты. Вообще Капитан быстро сообразил: здесь принято сначала осмотреться, наметить путь, а потом уж идти. И так циклами, раз за разом — осмотрелся, наметил, прошел, осмотрелся, наметил, прошел...

С крыши шестнадцатиэтажки видно было куда больше, чем с седьмого этажа, но существенной разницы Капитан не уловил. Город распластался внизу, словно огромный невиданный кристалл; четко виднелись границы соседних кварталов. Справа, над большим стадионом, кружила стая крупных темных птиц. Квайл протянул Капитану бинокль и указал на еле видимое здание вдали, то самое, с бело-зеленым флагом на шпиле. Флаг выглядел сейчас как неясная точка.

— Это штаб-квартира нонки, — сказал Квайл, — советую держаться оттуда подальше.

Андрей передал бинокль Малышу и тяжело вздохнул.

— У! Кто это? — спросил вдруг Алик. Смотрел он совсем в другую сторону. Квайл отобрал у него оптику, глянул и невнятно зашипел, словно выругался.

Алик шепнул Капитану:

— Там какие-то люди, здорово потрепанные.

Вилли продолжал смотреть туда; смотрел он долго и внимательно. Потом опустил бинокль и обернулся к спутникам.

— Кажется, в Верховья мы сегодня не поедем. Это люди Берта Квайла, моего двоюродного брата. У них явно неприятности.

Вилли поспешно направился к ходу вниз, в подъезд, где принялся наугад толкаться в двери.

— Ищите телефон, — посоветовал он Капитану и Малышу.

Нашел Алик, на десятом этаже. Квайл уверенно набрал номер, Капитан с Малышом осматривались. Пыли в этой квар-

тире скопилось меньше, чем в семиэтажке, но хватало и здесь. Книг в комнатах почти не было — всего несколько, все по судомодельному спорту.

Минут через пять к Капитану приблизился Алик.

— Кэп! — шепнул он. Здесь тоже нет ни одного зеркала! Даже в ванной.

Андрей вопросительно уставился на друга.

— Ну и что?

Алик разозлился.

— Что — что?! Не бывает так! Не бывает дорог без ответвлений и жилья без зеркал!

— Как видишь, бывает, — перебил Андрей и повернулся к Вилли. Тот как раз заканчивал разговор:

— ...угол сто седьмого и сто пятьдесят третьего. Приезжайте, нас трое.

Трубка с легким стуком легла на аппарат.

— Послушай, — спросил Андрей. — А как получается, что телефон работает? Или кто-то из вас следит за АТС?

— Город следит, — коротко ответил Вилли. — Пошли.

— Не понимаю, — пожал плечами Капитан. — Объясни.

Вилли остановился и сонно взглянул на него. Секунду поразмыслил.

— Город следит. Как — не знаю. Но некоторые телефоны работают. Точно так же, как кое-где есть свет или работает водопровод. Это может прекратиться в каком-то одном месте, но это же и значит, что в тот же миг заработало в другом.

— И как долго это обычно длится?

— Несколько лет. Десять. Иногда больше. Пошли, время.

Они спустились вниз, еще раз пересекли двор, нырнули в широкий проход и остановились на углу квартала. Шестнадцатиэтажное здание взметнулось высоко вверх, казалось, оно падает прямо на них, наверное, иллюзию создавали облака, торопливо бегущие по небу и исчезающие за краем крыши шестнадцатиэтажки. Угол нависал над людьми, как нос гигантского ледокола; вместо названия виднелись белые таблички «0107» и «0153».

Алик отшатнулся и потряс головой. Дом сразу перестал «падать». Стены неподвижно застыли и уходили ввысь строго перпендикулярно асфальту.

Минут через пятнадцать из арки на противоположной стороне перекрестка показались четверо. Один заметно хромал, у другого перед грудью висела наспех забинтованная рука. Хромой держал маленький автомат, такой же, как у Квайла, раненный в руку был без оружия, остальные двое имели обыкновенные «калашники». Вся четверка выглядела изрядно потрепанной — царапины на лице и руках, рваная потертая одежда... Компенсаторы автоматов чернели нагаром, Андрей мог поклясться, что стволы еще горячие.

Вилли мрачно разглядывал их. Передний, высокий плотный парень лет двадцати пяти, мучительно закашлялся и сказал:

— Берта взяли...

Вилли молчал.

Подошли остальные. Андрей и Алик безмолвно стояли за спиной Квайла.

— Где? — наконец спросил Квайл.

— В Грэтте. Часа полтора назад. Мы пытались отбить, но...

— Знаю, — буркнул Вилли, — нонки не ходят в одиночку.

Высокий виновато понурил голову, словно извиняясь.

Вилли задумчиво оглядел всех, оценил что-то одному ему понятное и решил:

— Заглянем-ка мы на Зелсную Базу.

Высокий кивнул и осведомился:

— Транспорт?

Квайл не замедлил с ответом:

— Пригони бэтээр из Конуса. Вон их, — он указал на Алика с Андреем, — их бери, и вперед. Мы здесь будем, в 407-й, десятый этаж. — Вилли кивнул на дом и отвернулся.

Алик с Капитаном переглянулись. Им уже приказывают! Но перечить не стали.

Высокий качнул головой — пошли, мол! Капитану дали «калашник» и два магазина в придачу к примкнутому. Он привычным движением забросил оружие за спину, привычным, несмотря на годы, минувшие после службы. Алик лишь вздохнул, когда Капитан отдал ему тяжелые рожки, из которых выглядывали желтенькие цилиндрики патронов.

Вилли и трое с ним скрылись во дворе; высокий дождался, пока его нагонят экс-гонщики, и зашагал влево по 107-му проспекту.

— Меня зовут Богдан, — на ходу бросил он, — если короче — просто Би. Все так и зовут.

— Алик.

— Андрей.

— Я вас что-то не видел раньше в Команде Вилли Квайла.

Капитан спокойно объяснил:

— Мы второй день в Городе.

Би внимательно присмотрелся к ним.

— Из России?

— Да.

— Я тоже, — вздохнул он. — Уже четырнадцать лет здесь.

— Ну и как? — поинтересовался Капитан.

Би склонил голову набок и приподнял брови.

— Да так... Но в общем нормально. Не хуже, чем ТАМ. И уж во всяком случае, гораздо интереснее.

Они свернули и двинулись по улице под номером 6219. Богдан шел быстро; вскоре стандартные коробки многоэтажек остались позади, и они оказались в районе, похожем на киевский Подол.

— А что скажешь о нонки?

Би нахмурился.

— Нонки? Гм... Хорошо организованная банда. Женская. Чего они добиваются — не знаю. По-моему, ищут некие предметы, религиозного, если не ошибаюсь, содержания. Вылавливают всех новичков. И еще — не то строят, не то достраивают что-то у себя на Базе. Именно поэтому охотятся на Квайлов, Детей Города, имеющих огромный опыт жизни в нем и знающих очень много. Из этого делаю вывод — они не могут отыскать необходимые для завершения строительства вещи, а те спрятаны где-то в Городе.

Вдалеке послышался характерный треск мотоциклетных моторов. Богдан метнулся через улицу в подъезд, Алик и Капитан бросились за ним. Би прислушался, смешно наклоняя голову, прикрыл дверь.

Вскоре по дороге проехали два мотоциклиста в черных комбинезонах и таких же черных шлемах. На перекрестке они притормозили, спешились и свернули на поперечную улицу. Шли оба очень медленно, словно что-то выискивали.

Богдан жестом поманил Капитана за собой, Алик остался в подъезде. Когда они скрылись в квартире на первом этаже, Малыш выглянул — улица оставалась пустынной, виднелись лишь два мотоцикла, застывшие на мостовой у перекрестка, да проржавевшая легковушка, смятая в гармошку и сдвинутая вплотную к стене дома, выглядевшая на пустом тротуаре сиротливо и одиноко.

Би с Капитаном через открытое окно попали во двор. Андрей в очередной раз подивился знанию местности горожанами, потому что Би легко вскочил на балкон, потом миновал квартиру, и вид при этом сохранял совершенно отстраненный, какой, вероятно, имел сам Капитан, когда отправлялся дома за почтой. Андрей уже начал привыкать к тому, что квартиры в Городе являются частью пути. Раньше города были для него только улицами и дворами, дома оставались чем-то запретным. Здесь же дома, подъезды, квартиры — все это стало частью дорог, которыми пользовались все. По крайней мере во многих квартирах первого этажа встречались хоженые тропинки в скопившейся пыли, от дверей к окнам и на балконы. Дома можно было и не обходить, а просто проколоть насквозь.

Они поднялись на второй этаж; Би с опаской взглянул наружу и пробормотал слегка удивленно:

— Что за черт?

Улица была пуста, хотя именно сюда свернули мотоциклисты. Капитан осторожно спросил:

— Подождем?

Би продолжал изучать улицу.

Алик тем временем все выглядывал из подъезда. Когда на лестнице вверху послышались крадущиеся шаги, он решил, что это возвращаются спутники.

Малыш обернулся и вздрогнул. Совсем рядом, направив прямо в грудь маленький «Узи», стоял один из мотоциклистов.

— Привет, квайлин.

Алик ждать не стал: ногой мягко отбросил в сторону кусок отвалившейся штукатурки. Ударившись о стену, тот зашуршал, мотоциклист тут же повел автоматом вправо, и Алик, собрав себя в крохотную жесткую точку на ступне, пнул его в грудь. Мотоциклист выронил «Узи» и сочно шмякнулся о дверь, не-

лепо взмахнув руками. Дверь со скрипом распахнулась, человек в черном рухнул через порог, а Малыш, подцепив оружие за ремень, кинулся прочь из подъезда. О втором мотоциклисте он в тот момент совершенно забыл и вдруг полетел кубарем, споткнувшись о подставленную ногу. Трофейный автомат с размаху лязгнул об асфальт. Второй человек в черном стал над ним, «Узи» глядел вниз; Алик, растянувшись на краю тротуара, не двигался и не пытался встать. Человек указал на автомат:

— Дай сюда!

Гермошлем искажал голос, но Алик решил, что звучит он чересчур звонко. Протянув оружие, Алик замер. Человек нагнулся, собираясь взять автомат, и на секунду отвел глаза от Малыша. Малыш мигом подцепил его за ногу и опрокинул на асфальт рядом с собой. Очередь из «Узи» бесполезно ушла в небо. Алик проворно перекатился и вскочил на колени. Следующая очередь всковырнула мостовую на месте, где он только что лежал. Вставать не было времени: Алик с колен провел высокую «минутную стрелку». Автомат загремел по мостовой, мотоциклист взвыл, согнулся и прижал к груди ушибленные пальцы. И только когда из подъезда бегом вырвался Богдан, а следом Андрей, Алик окончательно успокоился.

— Все в порядке, Капитан! Я тут мимоходом добыл нам оружие, — и бросил ему один из трофейных «Узи».

Би склонился над лежащим, сноровисто связал ему руки и потащил в подъезд. Капитан догнал Алика, направившегося туда же, и доверительно хлопнул его по плечу:

— Молодчага, Малыш!

Алик зарделся от удовольствия. На трассе получить похвалу от Капитана удавалось нечасто.

Первый мотоциклист все еще неподвижно валялся у входа в квартиру. Сейчас Алик заметил, что в падении шлем с него слетел, и с немалым удивлением убедился, что это молодая белокурая девушка. Сопоставить ее с мрачной фигурой автоматчика, совсем недавно угрожавшего ему, никак не удавалось. Малыш завороженно смотрел на нее, а сзади уже возник Би, опуская рядом вторую девушку, такую же молодую и белокурую.

— Ну, Малыш, поздравляю! Неплохое начало для новичка — в одиночку, без оружия, против двух нонки. Совсем неплохо! Ей-ей!

Нонки. Женская секта. Или женская банда. Те, кто вчера полдня преследовал их с Квайлом. Малыш никак не мог поверить в это — две хрупкие миловидные девчонки лет двадцати. И в то же время они — нонки. «Нонки» — слово, произносимое всеми, кого они успели встретить в Городе, со страшной ненавистью.

— Чертовщина... — прошептал Алик и ткнулся лицом в плечо Капитану.

Глава 3

Моторы мотоциклов звучали очень странно — не то трещали с присвистом, не то хрустели. Ни Алик, ни Андрей никогда раньше не слышали подобных звуков. Впереди несся Богдан, именно несся, ибо бешеный полет сквозь город, когда встречный ветер норовит оторвать тебя от мотоцикла, а мотоцикл от асфальта, иначе никак не назовешь. Ту девушку, что оставалась без сознания, привязали к Богдану, чтоб не свалилась. Вторую втиснули между Капитаном и Аликом, пристроившимся на втором мотоцикле сзади, почти на стоп-сигнале. Андрей пытался не отставать от Богдана. Малыш придерживал девушку за плечи, слегка вьющиеся волосы нонки хлестали его по лицу.

В Конус они попали спустя полчаса. Просторный двор, до отказа набитый всевозможным металлическим хламом, напоминал захудалую сельскую МТС. За воротами Би свернул влево, минуя вереницу не то боксов, не то ангаров. Вскоре он притормозил; остановился и Капитан. Алик соскочил, помог сойти нонки и пошел отвязывать вторую пленницу от Богдана. Андрей заглушил двигатель и задумчиво поглядел на руль — зеркало заднего вида отсутствовало на обеих машинах. Случайно ли?

Би тем временем отпер ворота и возился у стоящего в боксе бронетранспортера, темно-зеленого восьмиколесного монстра, похожего на гигантского поросенка.

— Кэп! — крикнул Би Андрею, услышав, что Алик так его называет. — Грузите нонки в бэтээр и спрячьте в боксе мотоциклы!

Андрей взял за локоть девчонку, понуро стоящую рядом, и повел ее к броневику. Алик без напряга нес вторую. Он подождал, пока Капитан загонит свою в люк; тут нонки на руках у Малыша слабо застонала и открыла глаза. Алик немедленно скорчил зверскую рожу, и девушка вздрогнула. Вообще то, что она очнулась, было даже хорошо. Алик слабо представлял, как сумеет втянуть расслабленное податливое тело в узкий люк бэтээра. Поэтому он сразу поставил ее на ноги и указал на «поросенка». Она послушно полезла внутрь; перед тем как скрыться, длинно и напряженно посмотрела на Алика, словно хотела о чем-то его спросить, но не решалась. Очень хотелось показать ей язык, но Алик удержался от подобного ребячества.

Богдан уже завел машину; из бокса рвались сизые клубы выхлопа. Бэтээр взревел и нехотя выполз во двор. Капитан не торопясь закрыл ворота, запер замок и швырнул ключ Богдану, а сам нырнул в десантный люк позади башни. Алик устроился справа от Богдана, выглядывая в маленькое наклонное оконце. Нонки рядышком сидели посреди отсека, руки у них по-прежнему оставались связанными за спиной.

Бэтээр урчал и резво несся по улицам. Пока Андрей осматривался, Би успел вырулить из лабиринта ангаров, но выбрал почему-то не ту дорогу, по которой они только что пронеслись на мотоциклах. Капитан припал к боковому триплексу: Город его завораживал, чем — он не понимал, но эти пустые улицы и дома действовали на него, как море на старого, списанного на берег боцмана. Би гнал бэтээр очень быстро, иногда используя тротуары. Раз они наткнулись на старую угрюмую баррикаду, пришлось объезжать ее кривыми похожими на татарские кварталы задворками.

Час пролетел очень быстро. Богдан затормозил у подъезда, где Алик с Андреем и Вилли Квайлом уже побывали утром.

Квайл ждал их внизу.

Зеленая База оказалась насмерть замаскированной крепостью. С виду — квартал как квартал, но стоило туда углубиться, как сразу чувствовалось неладное. Андрей позже понял: дворы были совершенно пусты. Голый асфальт, будто на плацу, ни лавочек, ни обычных в этом районе низких ажурных оградок,

зато неимоверное количество каменных домиков, трансформаторных будок и колодцев, похожих на канализационные, только побольше диаметром. И еще — дома были без балконов. Но это все внутри, а снаружи — квартал как квартал.

За километр от него Квайл сунул руку в обширный карман на груди и извлек продолговатый, смахивающий на карманный приемник предмет с двумя антеннами, и Алик, сидевший рядом, услышал тоненький писк, более всего походивший на сигналы радиомаяка. Во дворе они подъехали к одной из трансфор- маторных будок. Малыш ожидал, что Квайл пойдет отпирать замаскированные ворота, но те распахнулись сами, и Алик с Капитаном убедились, что ЭТО изнутри так же похоже на трансформаторную будку, как ананас на велосипед.

Это оказалось ни больше ни меньше лифтом. Простым грузовым лифтом. Они спустились на несколько уровней, и Би повел бэтээр по широкому прямому тоннелю. За двести метров пути прошли серию шлюзов и наконец попали в большой зал, где бэтээров стояло больше, чем обычно бывает пчел в улье.

— Приехали, — буднично хлопнул себя по коленям Вилли. Прибор с рожками висел у него на шее рядом с биноклем.

База поразила и Алика, и Капитана. Огромное многоярусное сооружение, напичканное оружием и электроникой, полное отсеков, кают и залов. Если бы космический линкор каким-нибудь непостижимым образом брякнулся оземь и врос в окруживший его Город — получилось бы нечто подобное.

Нонки заперли в небольшой комнате, пустой и унылой. Люди Квайла, видимо, часто здесь отсиживались, потому что сразу разбрелись по каютам, расположенным недалеко от набитого экранами и аппаратурой зала, куда скрылся Вилли. На двери этого зала висела невзрачная серая табличка с надписью «Вахта 2Р». Пахло казармой, военщиной и пылью.

Богдан показал Капитану на комнату напротив своей:

— Туда, туда! Устраивайтесь пока. Придется здесь некоторое время покуковать.

Малыш вздохнул и несильно пихнул Андрея под бок:

— Пошли, Кэптейн. Мы пока что чужие на этом празднике жизни. Нечего и голову ломать.

Богдан обернулся и скороговоркой выпалил, будто извиняясь:

— Да ничего, мужики, скоро освоитесь. Просто нонки словно озверели, пришлось лечь на дно. Такое иногда случается.

Он поглядел на них и, улыбнувшись, потрепал Малыша по плечу.

— Советую выспаться хорошенько. Ну, отдыхайте!

Би повернулся и шагнул к своей комнатке. Перед тем как захлопнуть дверь, он замедлился на миг и тихо сказал:

— Вы очень понравились Квайлу, ребята. Держитесь за него.

Щелкнул, закрываясь, замок, и экс-гонщики остались одни.

Алик проснулся, когда с хрустом распахнулась дверь каюты. На пороге стоял Богдан.

— Ну как? — поинтересовался он.

Алик пожал плечами:

— Кажется, выспался...

Капитан промолчал.

— Пошли. — Богдан развернулся и вышел. Алик с удовольствием потянулся и направился следом; Капитан позевал немного и поплелся за ним.

Они пришли в зал, похожий на центральный пульт большой электростанции или автоматического завода. Кругом пестрели экраны, датчики, индикаторы и кнопки. На экранах просматривались подходы к границам Базы. В кресле у пульта сидел Вилли Квайл и мрачно поедал консервы, ловко орудуя длинным пиратским ножом. Остальные занимались тем же; и Алику с Капитаном вручили по банке.

— Слушай, Вилли, — прищурился Алик и склонил голову набок, — а где вы жратву берете?

Вилли на секунду перестал жевать и вопросительно уставился на Малыша.

— Как где? В Городе, конечно. Там же пропасть складов — и еда, и оружие... Нужно просто уметь искать.

— Но когда-нибудь все съедят и износят, так ведь, долгожители? Что тогда?

Вилли отодвинул пеструю банку и положил нож на пульт.

— А тебе не страшно, что мы весь воздух выдышим, прости за корявую фразу? Все никогда не съедят. Город есть Город — он непостоянен и не терпит пустоты. Новые склады найдутся

там, где вчера их не было и в помине. Между двумя соседними улицами однажды ты сможешь найти целый район — новенький, с иголочки. Это Город, Малыш. Тут особые законы. Нужно только стать здесь СВОИМ. И еще — уметь искать. Если Город разглядит в тебе СВОЕГО, можешь больше ничего не бояться. Разве только нонки.

Алик хмыкнул и взялся за консервы — банка была уже открыта.

— Ну-ну... Непонятно, но здорово. Приятного аппетита, Кэп!

Андрей сокрушенно покачал головой и тоже принялся за тушенку. Похоже, она была здесь национальным блюдом.

Пока Алик с Капитаном спали, явно что-то произошло. Команда Вилли тихо переговаривалась у пульта. По экранам бродили невнятные тени. Андрей присмотрелся внимательнее и подошел ближе.

Нонки! Черные комбинезоны он узнал сразу. Много: десятка два, не меньше. В отдалении на пыльном тротуаре замерли три бэтээра. Ребристые следы убегали за край экрана. Камера глядела на это откуда-то сверху, должно быть, с края плоской крыши одного из «домов».

Андрей оглянулся на Вилли: тот, мрачно уставившись на монитор, подкручивал пузатый цветной верньер на пульте.

— Что происходит? — поинтересовался Алик, выглядывающий из-за спины Капитана.

Вилли, не отрываясь от экрана, ответил сквозь зубы:

— Я тоже хотел бы это знать!

«Вход в Базу ищут, что ли?» — подумал Малыш без особой уверенности.

Квайл исподлобья наблюдал за изысками нонки; те возились вблизи бэтээров, нарочито не кроясь. И вдруг — залп! Половина экранов взорвалась фиолетовыми брызгами, так, что кольнуло глаза. Алик чертыхнулся и полез за темными очками, с которыми никогда не расставался. Датчики донесли сочный раскатистый звук взрыва, потом зазвенели стекла.

Цветные пятна долго плясали перед глазами, постепенно тускнея.

— Вилли! Снайпер на связи! — обыденно сообщил Богдан. Квайл натянул на уши гарнитуру, даже не поправив микрофон-бусину у губ.

Зрение быстро восстановилось, Алик с воодушевлением пялился на уцелевшие мониторы. Нонки вновь закопошились.

Богдан тихонько пояснил Алику и Капитану:

— Снайпер — это наш человек, стрелок-одиночка. Квайлы души в нем не чают. Сколько он нонки-разведчиц перебил — не счесть. Они потому и боятся в районе базы лишний раз появиться.

— Да уж... — саркастически заметил Алик, взглянув на бессмысленно-молочные экраны поврежденных мониторов. — Боятся...

Нонки сгрудились вокруг бэтээров, замышляя очередную пакость.

— Ну, бывают, конечно, случаи. Вроде этого... — ничуть не смутился Богдан.

Квайл говорил со Снайпером недолго — минуты две. Неловко стянул с головы гарнитуру, медленно обернулся к остальным. Лицо его было угрюмым, как у разорившегося банкира.

— Плохо дело... Нонки раздобыли схемы коммуникаций Зеленой Базы...

Словно в подтверждение пропала картинка еще на нескольких мониторах, свидетельствуя о кончине наружных камер-датчиков.

Прочный и надежный мир Вилли рушился на глазах. Всегда, когда становилось горячо, он и его команда скрывались на Базе, уверенные в свой неуязвимости. Теперь нонки имели схему и достаточно сил. Захват Базы стал лишь вопросом времени. Ведь в сущности, что нужно? Подавить все камеры слежения и зоны автоматического огня, постричь антенны дистанционки, взорвать чего помощнее в нужном месте и все. База строилась с расчетом на достаточное число защитников. А команда Квайла насчитывала ныне семь человек.

Неужели в команде предатель? Иначе — откуда у нонки схема?

Квайл стиснул кулаки.

Схема всегда — ВСЕГДА! — хранилась на Базе. В таком месте, где никто не стал бы ее искать. Да и понять, что это именно схема, мало кто смог бы.

Кто? Раньше команда состояла из трех десятков бойцов. Плюс Снайпер, конечно. Нонки давили их настырно, холодно и методично. Хастли, его братья, Ваулин, потом Берт Квайл... Кто же? Или существует еще одна схема?

— Уходить надо... — негромко предложил Богдан.

Вилли поднял на него свинцовый взгляд.

«Этот? Нет, не могу поверить».

Действительно, пора уходить. Мысли прыгали, нестройные, обрывочные.

«Может, эти двое? — подумал он об Алике и Капитане. — Играют в новичков, а сами...»

— Гасите всю электронику! — скомандовал Квайл и щелкнул несколькими тумблерами на пульте, отключая основные генераторы.

Тотчас мигнули и погасли все мониторы, став одинаково матовыми; враз оборвались наружные звуки; отключился почти весь свет, лишь редкие аварийные лампы скупо выхватывали из воцарившегося полумрака гладкие стены да низкий потолок. Но вскоре и они гасли, сразу после того, как люди уходили прочь.

«Вахта 2Р» осталась далеко позади.

Квайл шел первым, торопливо впечатывая толстые подошвы ботинок в ворсистый пол коридора.

— Стоп! — вспомнил вдруг Капитан. — А нонки-пленницы?

Вилли удивленно замер.

— Что — пленницы?

— Они же заперты. И руки у них связаны, — тихо сказал Андрей.

— Ну и хрен с ними, — отмахнулся Вилли. — Некогда.

Он собрался идти дальше.

— Это не по-людски, Вилли. Их же завалить может, — так же тихо добавил Андрей.

Он ожидал, что Квайл снова возразит, но тот вдруг швырнул ему связку плоских ключей.

— Ждать вас никто не будет, — предупредил Вилли. — Выход в секторе «G», второй шлюз. Изнутри откроется без проблем, мы снимем блокировку.

Его подозрения против этих двоих укрепились.

Алик переглянулся с Капитаном — в одиночку в Городе? Без поддержки Квайла и его людей? Они уже успели понять, что тут небезопасно и новичку вряд ли стоит уповать на везение.

— Я подожду их, — сказал вдруг Богдан. — Земляки все-таки...

— Как знаешь, — сухо ответил Квайл. — Сбор у Снайпера завтра.

Богдан кивнул. Вилли и троица из его команды быстро исчезли в полутьме коридора.

— Шевелитесь, — посоветовал Богдан. Одобрения в его голосе не нашел бы и самый отпетый оптимист.

Гонщики заторопились назад, к центральному пульту и жилым каютам.

— Дались они вам... — недовольно буркнул Би им в спины.

Нонки неподвижно сидели у стены в своей комнате-тюрьме. Капитан бесцеремонно поставил их на ноги, схватив за воротники комбинезонов. Алик приподнял брови — на отсутствие или недостаток силы Андрей никогда не жаловался, но такого Малыш не ожидал. Впрочем, девчонки на вид хрупкие...

— Пошли! — скомандовал Кэп.

Выскользнули за дверь. Обстрел продолжался: пол под ногами то и дело слабо вздрагивал, а потом, после короткой паузы, доносился едва различимый гул. Коридор бесконечной кишкой тянулся навстречу. Наконец они оказались у массивной герметичной двери во всю стену. Богдан ждал их, усевшись на пол под кнопкой-пускателем.

Одна из нонки вдруг отрывисто сказала:

— Город найдет силы отомстить вам, квайлины!

— Заткнись, — огрызнулся Би, вдавливая пускатель до отказа. Дверь бесшумно и величаво скользнула в сторону. Открылся тесный тамбур, упирающийся в точно такую же дверь с жирной буквой «G» в рост человека; ярко-красная эмаль искристо поблескивала. Дверь, в которую они только что вошли, неслышно затворилась. Алик обернулся — с этой стороны на ней красовалась выведенная эмалью буква «К».

Спустя несколько секунд вторая дверь уползла в сторону, пропуская их в сектор «G». Богдан сразу же повернул налево.

А в это время нонки, пробив очередным залпом стену рабочего коридора, стали просачиваться в крепость.

Зеленая База, верный бастион Квайлов, впервые за много лет пропустила в себя их упрямого врага.

Глава 4

Би, Алик и Капитан выбрались на поверхность, миновав уже знакомую трансформаторную будку. Или другую, но в точности такую же. Нонки громили беззащитную Базу на противоположном краю, а здесь было тихо и на вид — спокойно. Вилли и его спутники давно успели раствориться в окрестных кварталах.

— Ну, и что теперь с ними делать? — спросил Богдан, неприязненно зыркая на нонки. Девушки не менее неприязненно глядели на всех троих.

«А ведь они близнецы...» — удивился Алик. Раньше он этого не понял. Странно.

— Отпустим, — предложил Капитан.

Би взглянул на него, как садовник на плодожорку.

— Ты спятил? Они же всю банду нам на хвост повесят.

Капитан хотел пожать плечами, но не успел. Зло затрещала автоматная очередь. Алик, не раздумывая, бросился на пыльный асфальт; на зубах сразу заскрипело. Андрей замешкался, но тоже залег невредимым. А вот Би, схватившись за бедро, неловко повалился рядом. Из-под ладони обильно сочилась кровь, на асфальте под ним быстро расползалось темное пятно.

Одна из нонки-пленниц резко ударила Богдана ногой, вторым ударом вышибив из рук автомат. Би отчаянно заругался.

— Не двигаться! — послышался громкий отчетливый крик. Теперь Алик понял, откуда стреляли: справа, с крыши очередной лжебудки, шлюза соседнего сектора.

В арку с гулом ворвался серо-зеленый бронетранспортер, из него горохом посыпались нонки с автоматами.

— Лицом вниз, руки за голову!

— А пошли вы... — отозвался Богдан и тут же получил по голове вороненой сталью.

Алик с Капитаном повиновались.

— Шелли! — в один голос воскликнули девушки-близнецы. Потом кто-то засмеялся.

С полминуты нонки радостно переговаривались. Выходило, что близнецы были важными персонами, по крайней мере такое складывалось впечатление.

Капитан, приподняв локоть, пытался осмотреться, елозя небритой щекой по асфальту. В итоге ничего он так и не рассмотрел, только получил сапогом между лопаток.

— Вяжи их! — скомандовала одна из двойняшек, Алик узнал по голосу.

Теперь уже Андрея, Богдана и Малыша грузили, плененных, в бэтээр. Вчерашняя ситуация перевернулась с ног на голову, отразилась в кривом зеркале.

Раненного в ногу Богдана никто и не думал перевязывать. Кровь так и сочилась из раны, окрашивая плотную ткань защитного комбинезона в черный цвет.

Ехали недолго — минут сорок. Алик видел небо в приоткрытый люк; иногда — верхние этажи домов. Ощущение реальности покинуло его, казалось, что все происходит в горячечном бреду.

Из бэтээра их вытащили на руках, предпочитая не давать свободы вовсе, хотя Алик с Капитаном втайне надеялись на это. Би не надеялся — он слишком хорошо знал нонки.

Первое, что увидел Алик по прибытии, — бело-зеленый флаг на длинном, как зимняя ночь, шпиле. Нонки привезли их на свою штаб-квартиру в Скул-риджент. Здание мало походило на Зеленую Базу, но некоторое сходство все же угадывалось. Витающий везде оружейный дух? Подспудная готовность к немедленному выстрелу? В общем, нечто милитаристское.

Освободили от пут их только в камере. Богдана сразу же куда-то увели, а Капитан с Аликом остались стоять посреди небольшой комнатушки, малые длина и ширина которой компенсировались непомерно большой высотой. Более всего комната походила на шахту грузового лифта в четырехэтажном доме. Никаких окон; светильник на высоте трех метров в углу, пара

низких нар у стен да тонкая книга на полу. Дверь закрылась плотно, лишь едва заметная щель волоском темнела на фоне кофейного пластика.

Алик с Андреем мрачно переглянулись. Разом, словно по команде, сели. Капитан протянул руку к одинокой книге на полу. Малыш с интересом воззрился на него.

— Чушь какая-то, — сказал Капитан брезгливо спустя несколько секунд. — Закорючки.

Алик взглянул — ничуть не понятнее клинописи. А на ребус вроде непохоже.

— Картинок нет? — с надеждой спросил он. Впрочем, иронии в голосе тоже хватало.

Капитан невозмутимо пролистал — ни одной. Только схема в самом конце: правильный пятиугольник (ну прям знак качества...), поделенный на четыре неравные части двумя пересекающимися линиями, и буква «W», совпадающая рожками и углом с перекрестием и малыми крыльями линий. Все это здорово смахивало на задачку из учебника геометрии.

Капитан вздохнул и нехотя отбросил книгу к стене.

Дверь тотчас мягко ушла в глубь стены, ни дать ни взять как у «Икаруса»-междугородки; на пороге возникла невысокая нонки с внушительной кобурой ни боку.

— На каком языке читаете? — отрывисто спросила она. Лицо ее при этом не выражало ничего, кроме презрения.

Алик с Андреем снова переглянулись. Издевается, что ли?

— На том же, что и говорим, — буркнул Малыш неприветливо.

Нонки уставилась не него, словно бармен на посетителя, который отказался от выпивки за счет заведения в новогоднюю ночь.

— Говорят здесь все на одном, я спрашиваю, на каком читаете? На английском? Испанском?

— На русском, — тихо и спокойно сказал Андрей.

Охранница обернулась и крикнула в темнеющий проем двери:

— Русскую копию!

Нагнулась, подобрала валяющуюся у стены книгу с закорючками.

Алик вежливо осведомился:

— Простите, а эта копия на каком?

Нонки, не оборачиваясь, ответила:

— На тамильском.

И вышла. Почти сразу же в камеру впорхнула нонки помоложе и рангом явно пониже. Преклонив одно колено, она бережно опустила на пол точно такую же книгу, только вместо непонятных завитушек на обложке четко выделялась золоченая надпись: «Завет».

— Приобщитесь к Учению, квайлины, — негромко промолвила нонки. — И не смейте швырять эту священную книгу. Второй раз вам этого не простят.

Когда дверь за ней плотно затворилась, Капитан осторожно взял книгу в руки.

На следующие два часа мир для Алика и Андрея перестал существовать. Они погрузились в чтение, проглатывая страницу за страницей и не замечая ничего вокруг.

Это была история Мира в странной интерпретации. Есть Мир и есть предначертание, — говорилось в книге. — Когда оно исполняется, Мир становится другим, более сложным. И так раз за разом, словно по лестнице, одолевая ступень за ступенью.

А еще есть те, кто исполняет предначертанное. Имя им — нонки.

Вначале была Точка. Когда Свершилось, стала Черта. Когда в другой раз Свершилось, стало Пятно. Когда в третий раз Свершилось, стал Город. Когда снова Свершится — Город станет чем-то иным, чему нет еще названия; и там будет такой же «Завет», но будет в нем больше на одну главу. Главу, где будет изложено предначертание для Того-Что-Будет-После-Города. И так все выше и выше, дальше и дальше, ибо нет конца Миру и Изменениям.

Каждое предначертание так или иначе связано с Отражениями. Нонки чтили Отражения и поклонялись им. Поэтому в их иерархии наивысшее место занимала мать близнецов, а также и сами близнецы.

В этом месте Алик единственный раз оторвался от текста, чтобы значительно шепнуть Капитану одно-единственное слово:

— Зеркала!

Предначертание для Города сводилось к тому, что однажды придут Те-Кто-Несет-Отражения, и если они сумеют отразить Свет четырежды, Город уйдет Вверх.

На этом книга обрывалась. И они не нашли слова «Конец».

Некоторое время пленники молчали. «Завет» бережно опустили на пол в центре комнаты.

— Черт возьми! — Алик все еще оставался под впечатлением прочитанного. — Вот почему у них нет зеркал!

Капитан задумчиво покачал головой:

— Не путай причину со следствием, Малыш. У них почему-то нет зеркал, и поэтому они поклоняются Отражениям.

— Пусть так, — поморщился Алик. — То-то они штурм учинили из-за своих близнецов-двойняшек...

Капитан вскользь глянул на «Библию» нонки.

— Странная секта. Под стать Городу. Но тогда непонятно: при чем здесь Квайлы?

— Может, они знают, где искать зеркала?

Андрей с сомнением прищурился.

— Во-первых, эти самые Отражения могут оказаться вовсе не зеркалами, а чем угодно. А во-вторых: зачем Квайлам что-то скрывать?

Малыш пожал плечами:

— Мало ли? Кто знает — что будет после Города?

— Может, Квайлы знают? И это их не устраивает?

Андрей поразмыслил. А что? Это многое объясняло.

Он еще раз осмотрелся. Удрать отсюда наверняка невозможно. Выручать их тоже вряд ли кто явится: некому. Будущее представлялось крайне туманным; понять, чего добиваются от них нонки, смог бы разве что телепат. Схватили, посадили под замок, всучили «Завет» свой непостижимый... Фарс с языками какой-то. И ведь все так многозначительно! Неужели пытаются обратить в свою веру? А зачем? Кто они — Алик с Андреем? Новички в Городе, котята слепые. Непонятно.

И тут в стену напротив двери осторожно постучали: «Та, Та, Та-та-та».

Семерочка, для тех, кто знает морзянку.

— Ответь, — прошептал Капитан.

«ЕР», — послушно ответил Алик, что значит «здесь».

«АС», — отбили из-за стены.

— Ждем, — перевел Малыш.

Подождали. За стеной кто-то еле слышно возился. Может, Богдан? Алик осторожно прижал ухо к стене. Шорохи усилились. Однако Капитан предостерегающе потянул его за рукав.

Малыш оторвался от прохладного пластика и в тот же миг могучий удар проломил стену. Дождем брызнули острые осколки, исцарапав пленникам лица и руки. Из рваной дыры кошкой выпрыгнул человек в черном комбинезоне нонки, но это был мужчина. Он выдохнул всего одно слово:

— Ноги!

Повторять не пришлось. Алик, а за ним и Андрей мигом шмыгнули в дыру. Город быстро выработал в них мгновенную реакцию и тараканьи рефлексы. В сторону открывшейся двери и нонки-охранниц, возникших на пороге, полетела граната. Взрыв встряхнул все здание.

Вниз вели крутые пыльные ступени. Ход был невероятно узок. Тем не менее впереди кто-то ухитрялся нести Богдана и делал это на редкость быстро.

Вверху ахнул еще один взрыв, потом еще — гранат не жалели.

Алик отказывался что-либо понимать. Ситуация вопреки логике менялась каждые несколько часов. Сначала они захватили нонки-близнецов неясно как попавших в ничейные кварталы без охраны. Позже нонки проникают в Зеленую Базу — самую совершенную крепость, какую можно представить. Теперь их спасают из самого сердца вражеской штаб-квартиры. Что здесь, все в сговоре?

Погоня, похоже, не состоялась: взрывами завалило ход. Позади беглецов по крайней мере. Алик прыгал через две ступеньки, а длинная лестница все не кончалась и не кончалась. Опуститься успели этажей на тридцать — сорок, не меньше, если сравнивать с пролетами стандартных многоквартирок. За спиной сопел Капитан. Еще дальше дробно топотал спаситель в комбезе нонки. Передний нес раненого Богдана не снижая темпа: ни дать ни взять — горилла с детенышем. Ну и силища у него, однако!

Внизу оказался тоннель с полукруглым сводом. Алик сразу и не сообразил, что спуск завершился, пока не налетел с разго-

ну на новенький желтый электрокар. Горилла перевалил Би через низкий бортик в кузов, а сам живо уселся за руль.

— В кузов! Ну! — скомандовали сзади.

Алик тотчас сиганул через борт; сверху на него рухнул Капитан, словно куль с мукой. Кар рванул с места, как «Формула-1» на старте. Человек (даже нет — человечек, сухощавый и невысокий) в черном успел пристроиться рядом с Гориллой.

— Перевяжите Би! — кинул он через плечо.

И вдруг обернулся, привстав.

— ...! ...! .....! ... ... задница!!!

Ругаться он умел.

Андрей как ни в чем не бывало перевязывал Богдана, достаточно ловко для немедика. Малыш, виновато сморгнув, спросил:

— Что-то не так?

Горилла притормозил было, но, повинуясь короткому энергичному жесту Черного, вновь погнал кар с прежней скоростью. Мощные электромоторы тихо урчали да шелестел еще встречный поток воздуха.

— Черт возьми! — сказал черный уже спокойнее. — Я был уверен, что один из вас — Берт Квайл.

Вот оно что! В пылу побега эти ребята спасли не того, кого хотели. Ну а теперь-то в стан нонки соваться — дело гиблое. Если они, конечно, на данную минуту покинули стан нонки...

— Мне очень жаль... — развел руками Алик.

Ему и правда было очень жаль. Старались же ребята.

— Что вы делали в камере Квайла?

— Сидели, — развел руками Алик, — часа два.

Черный не ответил.

Капитан еще раз взглянул на Богдана, вытер ладони о брюки и выпрямился. Ветер ударил ему в лицо, взлохматил волосы, стал трепать остатки подранной футболки. Богдан безжизненно лежал рядом, перевязанный, но без сознания. Не повезло парню, крови много потерял...

Вдруг кар резко затормозил. Горилла и Черный враз соскочили: первый ловко схватил Богдана, без видимых усилий взвалил его на плечо и легко потрусил в левый коридор; второй сумрачно смерил взглядом Алика с Капитаном и, вздохнув (куда уж вас деть!), призывно взмахнул рукой.

Короткий коридор привел в небольшой круглый зал, посреди которого застыл малютка-вертолет. Единственная пыльная лампочка под самым потолком с трудом разгоняла темень.

Черный скользнул в кабину; Горилла бережно опустил Богдана за сиденья и едва заметно шевельнул головой: «Полегче, мол!»

Алик с Андреем не заставили себя ждать. Вертолет заурчал, завибрировал, медленно зашевелил винтами. Черный оживленно щелкал переключателями на пульте, не отпуская кривую ручку управления, похожую на длинный джойстик.

Горилла тем временем рванул рубильник на торце пузатого металлического шкафа у стены и бегом вернулся к вертолету.

Потолок зала разделился на три изогнутых сегмента, которые уползли в стороны; на одном продолжала сиротливо гореть лампочка. Хлынувший сверху поток яркого дневного света затмил эту жалкую искорку подземелья. Вертолет, словно большая неторопливая стрекоза, взмыл и на секунду завис над круглой дырой, очень странно выглядевшей посреди покалеченной клумбы.

Улица провалилась вниз; под прозрачным брюхом вертолета зачернели плоские крыши зданий, утыканные антеннами и вентиляционными трубами. Совсем рядом, на уровне глаз, трепыхался на четырехгранном шпиле флаг нонки. Из окон по вертолету стреляли.

«Что он делает?» — подумал Алик с холодом в груди.

Черный, вместо того чтобы уносить ноги (точнее — винты), развернул «стрекозу» и несся прямо на шпиль, постепенно снижаясь. Прямо под пулеметы.

Но Черный отнюдь не стремился в камикадзе. Вертолет едва заметно тряхнуло, и к зданию потянулись два дымных следа.

«Ракеты! — понял наконец Алик смысл маневра. — Вот это да!»

Теперь Малыш вспомнил, что вертолет был окрашен в серо-стальной цвет. Военный, стало быть...

После залпа Черный враз отвернул. Алик успел заметить, как брызнули стекла, когда ракеты взорвались в толще здания, как кусок стены провалился внутрь и как просели три верхних этажа. Плотность огня со стороны нонки заметно упала.

Вертолет накренился, разворачиваясь. Город раскинулся внизу и чуть сбоку — серый, угловатый. Близко, казалось, протяни руку — и коснешься ближайших крыш.

Позади разрастался, подпирая небо, столб рыхлого черного дыма, слабый ветер откусывал от него неровные куски, величаво плыли в стороны косматые жирные клочья. Ракеты достигли цели.

— Кто вы такие? — отрывисто спросил Черный. — И где Берт Квайл?

Капитан степенно объяснил. Поверил Черный или нет — поди разберись? Богдана он, похоже, знал, но тот все еще не приходил в сознание. Негромко стрекотал мотор, свистели винты, да еще вплелся в этот размеренный шум сверлящий зуммер рации. Вызов!

Черный щелкнул тумблером и взялся за микрофон с тангентой, странно похожий на миниатюрную электробритву. Витой двухжильный шнур усиливал сходство. Того и гляди зазвучит ровное жужжание и Черный примется деловито елозить микрофоном по сизой щеке.

— Эй, Снайпер!

Говорил кто-то из нонки.

— Ну? — ответил Черный неприветливо.

Алик приподнял брови. Так вот кто их спас!

— Мы найдем тебя, Снайпер! Слышишь? Где бы ты не укрылся!

— Бог в помощь, — равнодушно ответил тот. — Могу, в свою очередь, пообещать, что Берта я все-таки вытащу из ваших вонючих лап.

— Черта с два! Сегодня ты остался с носом, останешься и впредь!

— Посмотрим. В следующий раз я захвачу побольше ракет.

— Будь ты проклят, коротышка! — В голосе нонки звучало плохо скрываемое бешенство.

— Ну-ну, Шелли! Меньше фанатизма. Ищите лучше свои дурацкие Отражения. А Квайлов в покое оставьте...

Снайперу никто не ответил. Видимо, нонки отключилась. В эфире только что-то мерно попискивало, наверное радиомаяк.

Горилла громко засопел, по-прежнему не вымолвив ни слова.

— Так ты — Снайпер? — спросил Алик зачем-то. Все и так было ясно.

Не отрываясь от управления и даже не глянув в сторону Малыша, Черный ответил:

— Угу. А это, — он указал на своего гориллоподобного приятеля, — это Гризли.

И такое прозвище здоровяку вполне подходило. На медведя гризли он смахивал, пожалуй, еще больше, чем на гориллу.

Откуда-то снизу чуть слышно хлопнул одиночный выстрел, ровный гул моторов тотчас сменился надсадным воем и хриплым клекотом раненой машины.

— Падаем! Держитесь крепче! — без эмоций, очень буднично сообщил Снайпер.

Двигатели стихли; вертолет не рухнул сразу только благодаря вращающимся винтам. Мостовая рванулась навстречу с пугающей быстротой.

Бам-м-м-м-м!

Алик, оглушенный, тряс головой, пытаясь придти в себя. В голове гудело, словно после удара в Царь-колокол. Капитан, придерживая Богдана, кривился и тер ушибленный локоть. Зато Гризли как ни в чем не бывало ногами вышиб дверцу и мягко, словно бы нехотя, вывалился наружу.

Еще выстрел! Пуля вжикнула чуть выше, задев лениво вращающийся винт. Со стороны ажурного, основательно искореженного хвоста вертолета наползали вонючие клубы дыма.

Едва Богдана погрузили на Гризли, едва Алик с Капитаном, оба пошатываясь, отбежали под прикрытие домов и скрылись в подъезде, едва Снайпер, не целясь, навскидку, снял в окне верхнего этажа нонки с автоматом и поспешил за остальными, накренившийся вертолет вспыхнул, а еще через несколько секунд взорвался, высадив стекла во всем квартале.

— Ого! — удивился Капитан. — Что это так бабахнуло? Неужто горючка?

Снайпер снисходительно поглядел на него.

— Боезапас!

Гризли угрюмо вышиб ногой еще одну дверь, на этот раз ведущую в квартиру второго этажа. Коротко, без замаха, слов-

но картон проломил. Опустил Богдана в комнате прямо на ковер. Снайпер, не выпуская свою винтовку с оптическим прицелом, скользнул к окну, на секунду подставив себя. Тотчас грянул выстрел, уцелевшие после взрыва остатки стекла весело звякнули, разлетаясь по всей комнате.

— Чертовы бабы! — сплюнул Гризли на пол. Это были его первые слова.

Снайпер еще разок выглянул, и снова прогремел выстрел.

— Видать, патронов у них мало, одиночными бьют, — протянул Снайпер глубокомысленно. — Ну-ка, Гризли, пошерсти малость.

Гризли кивнул, подхватил один из двух принесенных в одной охапке с Би автоматов (во силища!) и убрел на кухню. О существовании эмоций он, видимо, не догадывался с рождения. Пребывал, так сказать, в блаженном неведении. Затарахтел его автомат, потянуло из кухни едким пороховым газом, всковырнулась штукатурка на стене дома напротив...

Снайпер на короткое мгновение возник в проеме окна, нажал на спуск и вновь спрятался за стену. Он не целился, Алик готов был поклясться! Просто вскинул винтовку, шагнул в сторону и прямо от живота саданул по нонки. Все заняло едва ли полсекунды: появление, выстрел и уход.

Из окна третьего этажа нехотя вывалился автомат и гулко загремел внизу об асфальт, а за окном неловко осела темная фигура.

Так повторилось трижды — Гризли знай себе постреливал из кухни, сидя под подоконником, спиной привалившись к стене. Автомат он поднял над головой и лупил, не глядя, короткими очередями, меняя, когда нужно, обоймы. А Снайпер убивал нонки, мгновенно и наповал.

«Зачем ему оптический прицел? — подумал Алик с уважением. — Все равно ведь не пользуется...»

После третьей жертвы нонки прекратили стрелять и высовываться.

— Уходим! — скомандовал Снайпер.

Цепочкой выскользнули во двор. Пересекли палисадники, детскую площадку. Нырнули в кривые ходы, разделяющие приземистые кирпичные сараи. Пахло сыростью и кошками, как в подвале.

Потом были целые кварталы одноэтажных домов, сплошь утопающие в зелени; новые широкие проспекты с нескончаемыми двадцатиэтажками; районы, которые Алик привык именовать «хрущобами» — тесные панельные домишки, бестолково громоздящиеся в метре друг от друга; просторные, мощенные булыжником площади, которые они видели только мельком, при входе в целый лабиринт подземных переходов и при выходе из него.

Наконец Снайпер привел всех на станцию метро. Алик вытаращил глаза. Подземные переходы он еще принял как должное, но когда они свернули в длинный коридор, миновали стеклянные (или пластиковые, черт их разберет!) двери с тусклыми надписями «НЕТ ВХОДА», спустились по мертвому эскалатору и оказались на платформе станции, чаша переполнилась.

— Ё-моё! Так тут и метро есть?!

Снайпер задержал на нем стеклянный взгляд.

— Угу. Правда, не надейтесь подъехать — кроме освещения, здесь ничего не работает.

Впрочем, и освещение работало еле-еле. Едва выхватывало из плотного мрака станцию, а в тоннелях хозяйничала тьма, как в цистерне с мазутом, да на самом дне.

Снайпер деловито прыгнул на путь и побрел в тоннель. Гризли половчее ухватил Богдана и сиганул следом. Алик с Андреем переглянулись на краю платформы.

— Бог знает что! То с Квайлом, то у нонки в плену, то в бегах... Калейдоскоп!

— Пошли, — проворчал Капитан. — Небось еще и не то переживем.

Снайпер хитрил. Тоннель метро обладал одним странным свойством: если спуститься на этой станции, в Песках, и пройти всего один перегон, попадешь к старому автовокзалу. Если же идти в том же направлении по поверхности, сначала углубишься в Старые Пески, потом на пути встанет обширная промзона со странным названием Водопой, дальше раскинется «спальный» район Пасифик Трай, а за ним — Верховья. Автовокзал же останется далеко справа.

Со стены, из-под путаницы кабелей, Снайпер извлек фонарик, один из пяти припасенных; впереди заплясал круг све-

та, вырывая из мрака ниточки рельс и своды тоннеля. Идти было удобно, хотя желоб между рельсами пропал сразу по выходе со станции. Казалось, что навстречу из давящей темноты вот-вот с грохотом и лязгом покажется поезд, но тишина нарушалась лишь звуком шагов да негромкой крысиной возней.

— Снайпер, — не утерпел Алик, — а почему тебя так назвали?

Тот неохотно ответил, по своему обыкновению не оборачиваясь:

— Стреляю потому что...

— А правда, что ты ни разу в жизни не промахнулся?

Снайпер замялся; вместо него неожиданно подал голос Гризли:

— Правда. Хотя однажды он не попал в цель — ствол разорвало. Промахом это не считается.

— Понятно, — вздохнул Алик. — Врожденная способность к стрельбе. Здорово.

Метров сто прошли молча.

— А почему ты с Квайлами заодно?

Снайпер даже остановился. Направил фонарик прямо в глаза Малышу, в пору надеть верные солнечные очки, Алик даже потрогал их сквозь ткань кармана, другой рукой заслонившись от луча. Сколько раз Алик их ронял, очки свои безотказные, в какие передряги не попадал на трассах — они оставались целыми. Да и в Городе им уже немало досталось, однако ничего, выдюжили.

Спустя несколько секунд Снайпер резко убрал фонарь и зашагал дальше.

— Не с нонки же быть... — неприветливо буркнул он.

Алик не унимался:

— А правда, что Квайлы не хотят изменений в Городе и поэтому прячут от нонки Отражения?

Снайпер молниеносно обернулся и вскинул винтовку.

— Не слишком ли много ты болтаешь? Вилли еще спросит вас, кто сдал схемы Зеленой Базы нонки. Ну-ка, шагайте вперед, да без фокусов: чуть что — пулю в спину, и уж будьте уверены, не промахнусь!

Капитан укоризненно глянул на Алика и прошел вперед мимо Гризли и Снайпера. Малышу тоже ничего больше не ос-

тавалось. И они зашагали вперед, по тоннелю, чувствуя спинами холодный зрачок Снайперовской винтовки.

Дрожал позади слепящий свет фонаря. Миновали два полных перегона; одна из пройденных станций утопала во тьме, вторая кое-как освещалась аварийными лампами. Приглушенное эхо брело где-то рядом — не то позади, не то чуть впереди, а может, и там, и там.

— Направо! — скомандовал вдруг Снайпер посреди третьего перегона.

Вбок уходил узкий ход, завершающийся колодцем с лестницей.

— Сидеть у стены!

Сели. Гризли опустил Богдана рядом. Сам Снайпер полез вверх, погремел немного и откинул люк. Сразу стало светлее: в колодец заглянул солнечный день.

Зашуршала карманная рация. Капитан пригляделся — похоже на «Уоки-Токи». Неплохо.

Снова, как и в вертолете, громко запищал радиомаяк. Рядом он где-то, что ли?

Вскоре ответил знакомый, хотя и искаженный электроникой голос Вилли.

— Снайпер! Вы где?

— На четыреста тридцать второй, метро «Риска». Скоро будем.

— Удалось?

— Богдан жив, но без сознания, а вместо Берта в камере оказались те два типа, что пристали к тебе позавчера...

Алик чуть не задохнулся от возмущения. Они пристали! Да если бы не они да не «жигуль» верный, сидел бы сейчас Вилли где-нибудь рядом с Бертом, если, конечно, нонки оставили бы его в живых.

— ...к сожалению, мы их сначала вытащили, а потом уж рассматривали. Поверь, я был убежден, что это Берт и Хейниц! И на стук они ответили...

— Где Берт? — сухо перебил Вилли.

— Не знаю. В той камере больше никого не осталось.

— Паршиво, — протянул Вилли. — Живее сюда.

— О'кей.

— Кстати, — спросил Вилли, — что за помеха?

— Черт ее знает, — хмыкнул Снайпер, — она и раньше была, я уже слышал утром.

— Мощная, — вздохнул Вилли сокрушенно. — Где-то рядом. Находят же люди батареи... Ладно, жду. Отбой.

Снайпер выбрался из колодца, позвал остальных. Когда Гризли вытолкнул Богдана и выбрался сам, люк намертво закупорил тайный ход. Команда Квайла знала Город!

Углубились в тесные уютные дворики, заросшие вишней. Алик все молчал, зло поскрипывая зубами. «Они передали схемы нонки!» Чушь какая! Третий день всего в городе. Хотя как это докажешь? Неприятно. Оправдываться всегда неприятно. А если не виноват — вдвойне. Однако надежда не покидала — умные же люди, поймут. И Квайл, и Снайпер, и Богдан, когда очнется. Как он, кстати? Гризли его так бережно несет, словно ребенка. Младенца. Сокровище.

Скоро пришли. Невесть откуда вынырнули двое с карабинами.

— Снайпер?

Гризли криво улыбнулся; Снайпер помахал свободной рукой.

— Привет, бродяги.

Одного из дозорных Алик с Капитаном уже встречали — на Зеленой Базе.

Поднялись на третий этаж старого, сплошь в лепных украшениях дома. Гризли осторожно опустил Богдана на низкую кушетку и с наслаждением опустился в кресло. Снайпер прошел к окну и некоторое время внимательно изучал пустынную улицу. Вскоре вошел Вилли в сопровождении крепкого негра и двух белых-автоматчиков.

— Ну? — сказал он с нажимом.

Снайпер отошел от окна.

— Что — ну? Би нашелся там, где ты и говорил. А напротив вместо Берта с Хейницем — эти двое. Я сослепу не разглядел, бежим, говорю. Побежали... И главное — они на стук ответили!

— Очки носить надо, — жестко процедил Вилли.

— Мог бы сам пойти, — огрызнулся Снайпер. — Я и без тебя неплохо жил.

Вилли охладел.

— Ладно... — Он обернулся к Андрею: — Берта видели?

Капитан покачал головой:

— Нет... успели только «Завет» прочесть, тут Снайпер и явился...

— И как вам «Завет»?

Андрей пожал плечами:

— Непонятно, но здорово.

Квайл глянул на Алика и отрывисто произнес:

— Ерунда все это, и «Завет», и Отражения. Не обращайте внимания. Нонки — просто секта, только чересчур уж воинственная.

Капитан пошел вслепую, поскольку не поверил.

— Так дай им Отражения, Горожанин, и дело с концом. Глядишь, и отстанут.

— Не отстанут, — убежденно сказал Вилли. — Да и где я возьму Отражения-то? Я ведь и сам толком не знаю, что это такое.

— Но они существуют?

Квайл замялся.

— Не знаю, не встречал. Если «Завет» — дело рук нонки, то вряд ли, а если порождение Города, тогда пожалуй. Но это вовсе не значит, что Отражения имеют какой-либо смысл.

— Почему же нонки думают, что Отражения у тебя?

— Хрен их знает! Скорее всего они почему-то решили, что я знаю, где их искать. Я и другие Квайлы...

Вилли не договорил. Снайпер вдруг скользнул к окну, распахнул его и пальнул по-своему, без прицеливания. Внизу, на тротуаре, рухнула фигура в черном комбинезоне.

— Проклятие! — вскинулся Квайл. — Откуда они тут?

«И чем заняты часовые внизу?» — подумал Капитан, и вдруг до него дошло, что часовых скорее всего больше нет. Сняли. И хорошо, если не насмерть.

Тихо запищал вызов квайловой рации. Странно, объемно, глубоко. Потом Алик сообразил, что звучала еще и рация Снайпера. Вызов стерео, так сказать...

— Эй, Квайл! Привет.

— Шелли? Это ты, старая сука?

Нонки хмыкнула:

— Неужто такая старая?

Отчетливо пищал давешний радиомаяк.

«Что за чушь? Такое впечатление, что он все время находится рядом...» — подумал Алик.

О том же, видимо, подумал и Вилли.

— Обыскать! — рявкнул он.

Малыша и Капитана мигом обшарил один из стражников. Ничего не обнаружив, повернулся к Квайлу и покачал головой.

Вилли подозрительно глянул на Гризли, невозмутимо сидящего в кресле. Здоровяк отрицательно качнул головой, совсем как перед ним охранник.

И тогда Снайпер метнулся к недвижимому Богдану. Долго искать не пришлось: в боковом кармане комбеза нашлась плоская металлическая коробочка с усиком-антенной и парой батареек «Trident», прихваченных прозрачным скотчем.

— А ч-черт! — в сердцах выругался Вилли.

— Вот именно, — насмешливо произнесла рация, то бишь Шелли. — Конец вам, Квайл. Советую не трепыхаться.

— Дудки! — сказал Квайл и выключил рацию. — Ходу!

В тот же миг дверь слетела с петель, в квартиру шумно ворвались нонки в шлемах и неизменных черных комбинезонах. Огнестрельного оружия у них не было, только пластиковые щиты и полицейские дубинки. Вилли, негра, охрану, Алика и Андрея скрутили тут же. Снайпер успел застрелить одну из нонки, в щель между наплечником и щитом, и лег под ударами дубинок. В рукопашном он был совершенно бесполезен, ибо был Снайпером. Зато Гризли старался за четверых и продержался долго. Дубинки ловил на лету и выворачивал противницам руки; пинал ногами щиты, и нонки разлетались по комнате словно теннисные мячи.

Утихомирили его лишь минут через пять, да и то с помощью баллончика слезогонки. Всех сразу же выволокли в подъезд, даже недвижимого Богдана и истекающего слезами и соплями Гризли. На полу остались только осколки стекла и фарфора да плоская коробочка с усиком и батарейками «Trident».

Глава 5

Штаб-квартира нонки была совсем не та, что пару часов назад. Верх здания отсутствовал, нельзя сказать чтобы напрочь, но осталось всего часть дальней стены, почерневшей от копоти. Пожар нонки быстро потушили. Не было и шпиля с бело-зеленым флагом. Площадь перед центральным входом напоминала горный заповедник — сплошные глыбы да обломки, разбросанные хаотично и беспорядочно. И причиной этому — всего-то две ракеты. М-да.

Всех вытолкали из грузовика у бокового, наименее пострадавшего подъезда. Снайпер не устоял и упал, перевалившись через борт, в кровь разбив лицо. Гризли заботливо поднял его на ноги. Здоровяк тоже не блистал — красное после слезогонки лицо, воспаленные глаза, разбитые губы.

Нонки-охранницы сноровисто построили всех пленников: дюжину парней из команды Квайла, самого Вилли, Снайпера, Гризли да Алика с Капитаном — семнадцать человек. У всех, кроме экс-гонщиков, почему-то — Гризли и еще лежавшего в стороне Богдана, были связаны за спиной руки.

Встретила их нонки в коричневом комбинезоне и несколько пар близнецов в таких же, но с синими рукавами и штанинами, среди них и знакомые белокурые двойняшки.

— Добро пожаловать, Вилли! Ты — последний из Квайлов, кто разгуливал на свободе.

Вилли вздрогнул:

— Врешь, Шелли...

— Род Квайл приветствует тебя из своей камеры.

Вилли сразу сник. Нонки-предводительница вдруг обратилась к Капитану:

— Отлично, ребята, поработали на славу. Спасибо.

У Алика отвисла челюсть — она давала понять Квайлу, что они, Малыш и Капитан, заодно с нонки. Какое коварство! Алик задохнулся от гнева, готовый кинуться на бестию в коричневом.

— Вилли, она лжет. Мы ни о чем не знали, — сказал Капитан уныло, ни на что особенно не надеясь.

Алик все же ударил, хлестко, изо всех сил. Но его встретила пустота и молниеносный тычок в затылок. А потом — твердые булыжники, что секунду назад были под ногами.

Шелли на миг замерла в стойке, потом медленно опустила руки. Алика подобрали охранницы и унесли в здание.

Квайл, угрюмо наблюдавший за всем этим, тихо произнес, скривив разбитые губы:

— Брось, Шелли, они же желторотые. Скажи лучше, чем Богдана накачали. Морфием?

— Не важно, — ничуть не смутилась нонки, — скоро и он к вам присоединится. А тебе советую вспомнить все об Отражениях.

Она повернулась, бросив через плечо: «Обыскать всех и к допросу!» — и вместе со свитой исчезла в подъезде. Пленников обшаривали и по одному уводили туда же.

Очнулся Алик на теплом линолеуме. Под головой лежало что-то мягкое, оказалось — остатки капитанской футболки.

— Жив? — заботливо спросил Капитан.

Алик вздрогнул — теперь напарник был одет в черный комбинезон нонки. Ничего другого не нашлось, что ли?

Под пятиугольным потолком бессмысленно белели лампы дневного света.

— Очнулся, — сказал Капитан обернувшись.

Алик приподнялся. В комнате, кроме Капитана, находились Квайл, Снайпер, Гризли и Богдан. Ближе к дальнему углу пятиугольной комнаты стоял стол, рядом — высокий вертящийся табурет. На столе, хищно изогнув шею, застыла металлическая лампа. Обыкновенная настольная лампа, каких в мире миллионы.

Дверь располагалась точно посредине одной из стен; Алик лежал неподалеку. На стене выделялся мастерский рисунок, непонятно чем выполненный, во всяком случае, не красками. Глаза. Огромные, гипнотические. Бездонные. Хотелось утонуть в них, глядеть, не отрываясь.

Между глазами — двери. Запертые.

Капитан стоял рядом с Аликом на коленях.

— Ты как, Малыш?

Алик прислушался к себе.

— Нормально.

На самом деле голова сильно болела, особенно разбитый лоб. Но стоит ли расстраивать Капитана?

— Нормально, Кэп. Встаю.

Он и правда встал.

Почему комната пятиугольная?

Гризли привалился к стене недалеко от правого глаза. Квайл взгромоздился на стол, игнорируя табурет-вертушку. Богдан, неловко выпростав раненую ногу, лежал в центре, на бледном его лице блуждала потусторонняя улыбка. Снайпер, невнятно что-то бормоча, кружил по периметру комнаты, словно взбесившийся сателлит, то ускоряя шаг, то замедляясь.

— Где мы? — поинтересовался Алик.

— Все там же, — зло буркнул Вилли.

Капитан ободряюще похлопал Алика по плечу:

— У нонки, Малыш. Скоро будет допрос.

Ободрил, нечего сказать!

Мимо сомнамбулой прошаркал Снайпер, и Алик наконец понял, что именно тот бормочет.

— Отвертку... Отвертку...

Малыш потряс гудящей головой, ничего не соображая. Что происходит? Как долго он провалялся без сознания? Все задерганные, злые, нервные...

— Зачем отвертку? — безнадежно спросил он Снайпера.

— Зачем? — остановился тот резко, будто якорь бросил. Взглянул на Малыша — бессмысленно, отсутствующе. Алик попятился. И вдруг Снайпер, схватив его за руку, увлек за собой к одной из стен, прилегающих к дальнему углу.

Посреди стены, разделяя ее надвое, тянулась резиновая полоса, тоже разделенная по вертикали пополам тоненькой черточкой. Более всего это напоминало закрытые двери поезда метро или электрички. Такие же «двери» виднелись и на другой прилегающей к дальнему углу стене.

— Что это, по-твоему? — Снайпер указал пальцем на резину.

Алик еще раз добросовестно изучил стык. Голова раскалывалась.

— Раздвижная дверь?

— Именно! — воздел руки Снайпер.

«Неужели откроет с помощью одной лишь отвертки?» — усомнился Алик. Пригнано на совесть, плотно, планария не просочится.

— На, держи! Пойдет? — протянул Снайперу десантный нож-стропорез, память о службе.

Алик не знал, что был единственным, кого нонки не обыскивали, потому что унесли чуть раньше, чем остальных. А люди Квайла, когда искали маяк-предатель, нож почему-то не отобрали.

Снайпер схватил тяжелую ладную рукоятку. Толкнул язычок. Лезвие, сухо щелкнув, вырвалось на свободу.

— Хо! — Снайпер преисполнился восторга.

Сначала Алик решил, что он ковыряет стену. Однако присмотревшись, сообразил: Снайпер пытается поддеть небольшую прямоугольную крышку, почти неразличимую на гладкой серой поверхности.

Щелчок! Крохотная, с почтовый конверт, крышка-дверца откинулась на миниатюрных петлях. Внутри контакты, провода, клеммы, рисунок с черепом и молниями...

— Осторожнее, Снайпер!

Это голос Вилли.

Ослепительная синяя искра, треск. Крик Снайпера, отброшенного в сторону. Гаснет верхний свет, зато вспыхивает лампа на столе. Светит она прямо в глаза, нарисованные на противоположной стене. Нож намертво приварился в нише, закоротив два контакта.

Легкий шум сервомоторов — двери разъехались в стороны. Сработало-таки, молодец, Снайпер!

— Бог ты мой! — просипел Гризли, подавшись вперед всем телом.

Это вовсе не двери! Это нечто вроде жалюзи, закрывающих два огромных, во всю стену зеркала! Теперь дальний угол образовывали две гигантские серебристые плоскости.

Вилли вытянул палец и беспомощно прошептал:

— Отражения...

Алик обернулся — Капитан стоял между Глаз, скрестив руки на груди. Малыш бросился к нему, потряс:

— Кэп, это Отражения! «Завет» не врал!

Андрей поморщился. Малыш всегда очень спешил: со словами, с выводами, с оценками...

Отпустив Капитана, Алик вновь бросил взгляд на зеркала. Слепила яркая лампа. Где там верные очки?

Два зеркальных овала прикрыли уставшие глаза Алика. Комната погрузилась в полумрак, лишь тремя восклицательными знаками светили три огня — лампа и два ее отражения. Несколько шагов вперед, и огней стало много, целая вереница, уходящая в бесконечность, в глубь каждого из зеркал.

Вилли Квайл ошарашенно уставился на Алика, скрывшего глаза под зеркальными «сейковскими» очками.

— Отражения... — тупо повторил он, на этот раз указав пальцем на Алика. Очки немного искажали и в них отражалась не слепящая точка, а вытянутый ромб.

Алик захлебнулся неясным восторгом. Происходило что-то захватывающее. Отражения!

Он опустился на табурет.

Свет лампы ударил в стекла очков, отразился; упал на зеркала, еще раз отразился; застыл светлыми зайчиками на дальней стене, рядом с Глазами.

И тут Капитан все понял. Схема в конце «Завета»! Пятиугольник — это комната. «W» — лучи света. От лампы к стеклам очков, от стекол — к зеркальным стенам. А две линии, делящие пятиугольник на части, — это продолжение, отраженные от больших зеркал лучи. Свет отразился четырежды, от двух стекол и от двух зеркал, как и гласил «Завет». Предначертание выполнено.

В углу стонал Снайпер, его здорово дернуло током.

Свершилось! Свершилось ли?

Движимый неясной догадкой, Капитан обернулся — Глаза невозмутимо таращились на происходящее, чернота клубилась в зрачках.

Загремел ключ в замке — открывалась настоящая дверь.

И тогда Капитан прыгнул, боясь, что может не успеть. Толкнул Малыша в спину, обернулся.

Медленно, как во сне, Алик подался вперед, к лампе, изменив угол отражения. Зайчики на стене ожили, поползли к нарисованным Глазам. Ну! Ну же, Малыш!

Дверь открылась, на пороге возникла Шелли и свора нонки-охранниц. Но поздно: светлые пятна зайчиков совместились с темными провалами зрачков.

Почему-то Капитан был уверен, что сделать это должны были они, а не нонки.

СВЕРШИЛОСЬ!

Глаза подернулись туманом и мигнули. Стало очень светло.

Нонки, побросав автоматы, прямо у порога опустились на колени.

СВЕРШИЛОСЬ!

Город, невообразимо огромный блин на теле Земли, вздрогнул, пошел могучей волной и скомкался. Встал дыбом асфальт, не ломаясь, гнулись свечи высотных зданий, и тоже не ломались, словно мир состоял из пластилина. Город вздрогнул еще раз и свернулся в морщинистый клубок, словно исполинский еж.

Потом воцарилась тьма: ком Города отделился от планеты под названием Земля и нырнул в щель-складку в том, что люди именуют трехмерным пространством.

Замер. И стал стремительно распухать посреди громадного Нигде.

А потом вывалился назад через другую щель. Не было больше Города-призрака, бродяги планетного.

Рассекая межзвездную пыль, неслась в бескрайнем космосе Планета-призрак, бродяга Вселенной, ловушка для звездолетов. То-Что-Стало-После-Города начало свой путь. Что станет после? Система-призрак? Звезда-призрак? Галактика-призрак?

Подождите. Планета только начала путь на очередной ступени. Вместе с Квайлами, нонки, Аликом, Капитаном и всеми, кто населял канувший в прошлое Город, вместе с «Заветом», выросшим на одну главу, в ожидании нового Свершения и новых Отражений. Кто знает, как они будут выглядеть? Никто.

Пока — никто.

Эпилог

Пришло время, и как-то на ночную сторону Планеты опустился очередной заплутавший звездолет. Небольшая трехместная посудина, сбившаяся с курса, лидер престижной межзвездной регаты.

Он сел на пустынной площади. В сверкающей полированной обшивке четко отражались огни уличных фонарей.

Январь 1990 — октябрь 1991 г.
Николаев — Киев — Николаев

От автора

Эта повесть запомнилась первыми опытами по изучению натуры. Практически все описанные места в Коблево и Ялте предварительно мною посещались; я рисовал планы в тетрадочке (где-то она до сих пор хранится), наносил разнообразные подробности вплоть до цвета вывесок кафе и характера покрытия мостовой — где плитка, где асфальт. А спустя примерно года два, будучи в Крыму с приятелями-одесситами Василием Спринским и Михаилом Бурдейным, мы даже совершили турне по «хирургическим местам Ялты». Было весело.

Хирурги

Повесть

0

Что может быть обиднее? Судите сами: 31 декабря, время — 23.45, вас ждут у новогоднего стола, правда, на другом конце города, куда на тачке пилить не менее получаса, а все машины, редкие, как оазисы в Сахаре (не психи же они — праздник!), проскакивают мимо, обдав морозным ветром и выхлопом.

На город валились рыхлые хлопья белого до умопомрачения снега. Окна унылых девятиэтажек освещались бликами елочной иллюминации или просто тривиальными лампочками малопочитаемого ныне Ильича. Отовсюду доносились обрывки музыки, смех и, казалось, даже звон бокалов.

Мимо на бешеной скорости промчался приземистый «жигуленок». Отчаянно махавшую рукой Ольшу водитель проигнорировал. Можно было обругать его, но смысл?

Ольша зло подышала на ладонь, замерзшую, несмотря на двойную варежку, Риткин подарок. Все, пропал праздник...

В тот же миг с проспекта, разгоняя мутную полутьму новогодней ночи, вывернула еще одна машина. Ольша без особой надежды воздела руку.

Гляди-ка, притормозил!

Ольша рванулась к машине. Странная тачка, вместо фар — сплошная светящаяся полоса над бампером. Иномарка, наверное. Ольша пригляделась.

Точно, иномарка. Отдаленно смахивает на сорок первый «Москвич», но не более, чем этот же «Москвич» на пристойный автомобиль.

Дверь уползла вверх, на крышу, но Ольше уже некогда было удивляться. Мало ли чего напридумают проклятые буржуи!

— Шеф, на Намыв, полста, если за полчаса докатишь!

За рулем сидел невыразительный парень в зеркальных очках. Это зимой-то!

«Сейчас он заявит, что ему в Соляные!» — решила Ольша. Но парень качнул головой: «Залезай, мол!» Ольша, взглянув на часики, (23.45), уселась рядом. Шофер тронул что-то справа от руля и дверь тихо встала на место. Приборов и циферблатов в машине было больше, чем привык бывший советский человек.

Автомобиль мягко скользнул вперед.

— Пристегнись, — негромко попросил парень.

Ольша насмешливо уставилась на него. Зеркальные очки раздражали.

— Что, автоинспекции боишься? Они уже пьяные давно...

— Пристегнись, — не меняя тона, повторил парень.

Ольша решила не спорить — еще упрется и высадит. Ремень безопасности сухо щелкнул, сам собой выбрал слабину, принайтовав ее к креслу, удобному, как и все заграничное.

А парень вдруг развернулся и, утопив акселератор, погнал машину совсем в другую сторону.

— Э! Нам не туда! — сказала Ольша. Стало страшно. «Вляпалась!» — решила она.

Парень, не глядя на нее, ответил:

— Помалкивай.

Ольшу вдавило в кресло. Машина почему-то задрала капот, потом завалилась набок, скользнула меж троллейбусных проводов и взмыла, словно самолет. Земные огни провалились вниз.

Ольша вцепилась в дверную ручку. Мысли расползлись и попрятались. Так ведь не бывает!

Плавно развернувшись, парень повел машину (или что там?) прямо на Намыв, над рекой. Ольша затравленно глянула назад — за стеклом плясало неистовое малиновое пламя. И было очень тихо, ни гудения, ни рокота, словно двигатель вообще не работал.

«Ракета? — подумала она, чувствуя себя полной идиоткой. — Бред ведь собачий!!»

Справа и внизу угадывались очертания порта. Город сверху напоминал рой разноцветных светляков. Плясавшие за стеклами снежинки придавали ощущение сказки.

На Намыв (точнее — над Намыв) они ворвались спустя семь минут.

— Какой дом? — спросил парень вполне буднично, что-то переключая на панели управления.

Неким непостижимым образом Ольше удалось объяснить. Парень кивнул, взявшись за руль обеими руками — до сих пор он руля вообще минуты две не трогал.

— Седьмой этаж, — добавила Ольша неизвестно зачем. Наверное, вспомнила старый новогодний фильм.

— Подать к балкону? — ехидно осведомился шофер (или пилот?).

Пришлось указать и балкон. Чудо-машина зависла вровень с перилами. Снова сама-собой отворилась дверца.

Ольша медлила.

— Слушай, — сказала она, — ты, часом, не Новый год?

В голове имела место совершеннейшая каша.

— Нет, — ответил парень серьезно. — Вытряхивайся. Денег не надо.

Кое-как Ольша перебралась на балкон, уже там сообразив, что забыла отстегнуться. Но удивляться не осталось сил. Трехнув головой, в последний раз заглянула в машину.

— Я тебя еще увижу? — спросила зачем-то.

Парень долго, секунд пять, глядел на нее, потом вдруг снял очки.

— Возможно.

Лицо его Ольша запомнила накрепко.

Дверь плавно встала на место, чудо-машина, слегка накренившись, отвалила от балкона и рванулась ввысь, задирая капот к звездам. Казалось, она так и уйдет, затеряется среди мерцающих небесных огней и пропадет из виду. Колеса у нее были почему-то горизонтально, под днищем.

«Бек ту зе фьюче...» — пробормотала Ольша. Приди после такого в себя!

Сверху сыпал и сыпал пушистый новогодний снег. На балконе было холодно и неуютно; Ольша легонько постучала в заиндевевшее стекло. Дверь отворилась.

Компания за столом дружно отвесила челюсти.

— Ольша? — не своим голосом спросил Юра-Панкрат. — Ты откуда?

— С неба, — вздохнула Ольша и вошла одновременно с первым ударом курантов. — Это ничего, что я не в дверь?

Невзирая на общее замешательство, шампанское все же откупорили, и Ольша, как была, в пальто и варежках, опустошила бокал.

— С Новым годом!

1

Июнь поливал морское побережье плотным изнуряющим зноем. Песок накалился до того, что обжигал босые ноги. Нескончаемый коблевский пляж кишел загорелыми телами, надувной резиной, цветастой материей над ажурными металлическими грибками. Все, кто еще не одурел от солнца, плавились у прибоя или мокли в горько-соленом месиве среди посиневших от долгого купания детишек и сизых от рождения медуз. Большинство пряталось в тень. Над морем плясали призраки: до того прогрелся воздух.

Ольша томно потянулась и ойкнула, ненароком коснувшись песка. Глеб с Юрой-Панкратом как по команде подняли головы.

— Граждане! — сказала Ольша. — Я кипю, шипю и пузырюсь.

Фраза была ритуальной. Перед купанием ее обязательно кто-нибудь произносил.

Море не принесло желанного облегчения. Возникла весьма здравая идея сходить за пивом. Тут же и выступили.

За первой шеренгой пансионатов, старых, еще старорежимных, тянулась асфальтовая лента дороги, рассекая надвое узкую полоску сосновой посадки. По дороге сновали курортники и редкие автомобили. Навстречу попалось несколько счастливых компаний, бережно несущих полные бутыля (канистры,

фляги, графины...). Значит, пиво наличествовало. У первой же компании выяснили где именно — у «Ракеты». В принципе баночное пиво постоянно водилось в любой кафешке, но большинство отдыхающих предпочитало бочковое, потому как изрядно дешевле.

На Ольшу и Ритку все пялились — мужики голодно, женщины — с завистью. Девчонки давно привыкли. Нельзя сказать, что Глеб с Юриком особо радовались этому, однако вид оба сохраняли гордый и снисходительный. Кому не станет приятно, когда рядом шагает симпатичная девчонка с лицом и фигурой голливудской кинозвезды, загорелая до бронзы, а ты еще вдобавок точно знаешь, что она не полная дура, как большинство красавиц, но и не дремучая интеллектуалка, скучная и занудливая? Пока ребята, пристроившись в очередь, ожидали живительной пенной влаги, Ольша с Риткой сунулись в кафе-стекляшку здесь же, у «Ракеты». Посетителей было немного, всего с десяток. Последнее время подобных стекляшек развелось по всему побережью без счета, не то что пять лет назад. Несмотря на внушительное количество курортников, очереди у стоек кафе и баров как-то сами собой рассосались. Да и цены многих устрашали: мороженное — пятерка, стакан массандры — двадцатник, а банка паршивого баварского пива — сорок гривн!

Ольша скользнула глазами по уставленным разноцветными и разнокалиберными бутылочками полкам. Кола, оранж, лайм, «Траминер», «Гратиешты», красная «Варна», мускат «Ливадия», «Южное игристое»... еще сухенькое что-то, кажется, феодосийский «Сильванер». Четыре сорта пива плюс николаевское бутылочное. Ритка рылась в сумочке-ксивнике, носимой на поясе.

И тут что-то заставило Ольшу обернуться, странный зуд между лопатками, словно в спину ей уперся тяжелый внимательный взгляд. Открытая дверь сияла в полутьме стекляшки ослепительным восклицательным знаком. Подкатила серо-зеленая иномарка, поблескивая и искрясь в лучах солнца. Мутные тонированные стекла не позволяли разглядеть сидящих в салоне.

Закругленная дверца машины знакомо уползла вверх, на крышу. У Ольши захватило дух. Дальнейшее происходило словно в замедленном кино.

Вышли двое — одинаково рослые, загорелые, в сланцах-вьетнамках, истертых шортах, легкомысленных майках с трафаретными ухмыляющимися рожами, озорных панамках-колокольчиках вызывающе красного цвета и одинаковых зеркальных очках.

Ритка, застывшая у стойки, машинально посторонилась. Бармен угодливо заулыбался:

— Привет, ребята! Как обычно?

— Ага... — отозвался один из парней, поправив очки, и осекся. — О! Мускат! Ящик!

Бармен свистнул подручным; ящик вина и две упаковки пива тут же вынесли и погрузили в машину.

— Ну, и здесь по бутылочке... — вздохнул второй.

Две запотевшие «Дак Гессер» вкрадчиво возникли на стойке.

— Три шестьсот, — объявил бармен.

На стойку шлепнулись восемь кредиток по пятьсот гривн с лихим гетманом Петром Сагайдачным. Бармен сгреб все и рассыпался в благодарностях. О сдаче речь, видимо, не шла.

Второй парень стянул очки, и Ольша убедилась, что именно он подвозил ее к Глебу в новогоднюю ночь.

— Привет, — сказала Ольша улыбнувшись и шагнула вперед. — Ты меня помнишь?

Парень прищурился и посмотрел в ее сторону.

— Ну, привет...

На стойку легла еще одна кредитка.

— Хью, выдай им чего попросят...

Одинаковым движением парни вернули пустые бутылки на стойку, переглянулись и вышли из кафе. Дверцы машины плавно встали на место, и серо-зеленое искрящееся чудо унеслось в сторону молдавских баз.

Ольша потерянно глядела вслед. Зато Ритка не растерялась.

— Два муската и по мороженому!

Бармен мигом соорудил в белых пластиковых вазочках две маленькие зимы с сиропом и шоколадом, а бутылки с вином заботливо упаковал в плетеную корзинку с затейливой ручкой. Сдачу требовать не решилась даже Ритка.

Девушки заняли дальний столик. Ольша не могла прийти в себя.

— Кто это, Оль? — Любопытство Ритки нетрудно было понять. Но вот попробуй ответь на этот простой вопрос!

Ольша вздохнула:

— Еще не знаю. Помнишь Новый год? Когда я с балкона заявилась?

Ритка кивнула. Ольшиной истории с летающей машиной никто, конечно же, не поверил. А придумать она ничего не смогла. Да и не пыталась.

Ольша сонно ковырялась в мороженом. Узнал ее тот парень? Или просто кинул кредитку, чтоб отвязаться?

Этот вопрос мучил ее два последующих дня.

Чудо-машину она снова увидела ранним утром. На «Черноморце», у телефонов межгорода. Большинство курортников еще спало, несколько жаворонков торопливо похмелялись в буфете. Жестяные ведра громкоговорителей уныло разразились новостями.

Ольшин знакомый стоял, привалившись плечом к окрашенной в бодро-зеленый цвет будке; его приятель звонил, нервно постукивая свободной монеткой по стеклу.

Сердце почему-то заколотилось сильнее, Ольша удивилась и рассердилась одновременно. Вскинула голову, подошла поближе.

— Привет!

Парень склонил голову. Выражение его глаз осталось невыясненным: очки он, видимо, снимал лишь в исключительных случаях.

— Ты помнишь новогоднюю ночь? Машину, поданную к балкону?

Две зеркальные капли продолжали отражать Ольшу.

— Ну?

— Я верила, что мы еще встретимся.

Парень пожал плечами без следов выражения на лице. Это было до жути странно, лицо вообще без выражения!

— Это та самая машина? — спросила Ольша, чтобы не молчать.

Парень ответить не успел; его дружок повесил трубку и обернулся, оценивающе разглядывая Ольшу. Впрочем, смотрел он вполне дружелюбно, без цинизма.

Ольша смутилась; смутилась до того, что уронила книгу, которую читала с утра. Ветер зашелестел страницами, мягкой лапой вытащил закладку — мгновенную фотографию. С неделю назад пристал к Ольше какой-то заезжий монстр-воротила. В ресторан водил, сфотографироваться вместе заставил. Насилу отвязалась. А потом вместо закладки фотка эта под руку подвернулась.

Ольша присела одновременно с парнем. Тот подобрал книгу, мельком взглянул на фотку...

И замер.

— Ты его знаешь?

Ольша растерялась.

— Немного...

— Где живет?

— В «Лазурном»...

— Поехали!

Ольшу бережно взяли за локоть.

В салоне было прохладно, пахло перегретой пластмассой и ландышами. Днем панель управления выглядела не менее загадочно, чем в ту памятную ночь.

— Как тебя зовут?

— Ольша...

Бесшумно развернувшись, машина устремилась к воротам по узкой аллее.

Ольша набралась храбрости:

— А вас как?

Знакомый парень с готовностью ответил:

— Я — Сеня. Сеня Бисмарк. А это — Енот.

— Енот? — не поняла Ольша.

Сеня рассмеялся.

— Это прозвище. Вообще его Олегом кличут.

За окном шелестел горячий ветер, мелькали сосны и курортники.

Ворота в «Лазурный» охранялись заржавленным амбарным замком. Сеня притормозил и выскользнул наружу. Ольше по-

мог выйти Енот. Дверцы, слабо клацнув, опустились и закупорили машину.

— Пошли!

Енот тащил Ольшу за руку, Сеня нетерпеливо семенил рядом.

— Какой корпус?

Ольша все больше терялась.

— Вон тот...

— Как этот тип себя назвал?

— Боря... Борис Завгородний...

Войдя в корпус, Сеня с Енотом вмиг утратили суетливость: ни дать ни взять — два лентяя забрели в гости к знакомой девушке. Даже настырная сухопарая кастелянша лишь едва повела носом в их сторону.

Завгороднего в номере не было. На стук никто не ответил, зато за спинами возникли двое гориллоподобных шестерок Завгороднего — Ольша часто их замечала, когда ее обхаживал этот деляга.

— Кого ищем?

В голосах сквозила ленивая надменность. Сеня и Енот явно уступали гориллам в силе.

Дальнейшее произошло очень быстро. Енот по-медвежьи переступил с ноги на ногу: «Топ-топ!» Движение было совершенно не боевым, Ольша даже назвала бы его уютным. Однако один из громил с размаху въехал в стену и затих, рухнув на линолеум. Второй принял красивую стойку.

«Х-хех!»

Нога, словно пушечное ядро, летела Еноту прямо в грудь. «Топ-топ!» — Енот снова потоптался на месте. Он не бил и не отбивал удар! Тем не менее второй оппонент-каратека головой вперед улетел вдоль по коридору, причем ноги его болтались существенно выше головы. Он тоже так и не поднялся.

Сеня за это время открыл номер Завгороднего — именно открыл, а не взломал. Ольша застыла на пороге, Сеня с Енотом быстро и профессионально обшарили обе комнаты, ванную. Если они чего и искали, в этот раз не нашли.

Дверь Сеня за собой запер. Чем — Ольша не рассмотрела. Она ощущала себя втянутой в какую-то чудовищную игру.

Немного отошла она только в машине. За руль сел Енот. Ее привезли в уютный маленький коттедж на самой границе молдавских баз. На веранде спал еще один парень — если не близнец Сени с Енотом, то по крайней мере двоюродный брат.

— Это Паха Толстый. С ним лучше не заговаривать, ясно?

Парень был совсем не толстый. Наоборот, поджарый и подтянутый, как Енот или Сеня.

В комнате хозяйничала благодатная прохлада. Виной этому служил небольшой импортный кондиционер.

— Пить будешь? — спросил Енот вполне буднично, кивая одновременно на просторное заманчивое кресло.

— Буду! — храбро ответила Ольша и ухнула в податливую бараканную глубину. Кресло и она, похоже, создавались специально друг для друга. Ребят этих она бояться перестала. Если что — все равно ведь достанут. Из-под земли. Да и вообще — интерес к ней возник, только когда выяснилось, что она знакома с Завгородним, чисто деловой интерес. А пить согласилась, памятуя о ящике муската — вчера они приговорили обе бутылки с Глебом, Юриком и Риткой и нашли сей напиток весьма замечательным.

Впрочем, Енот извлек на свет божий бутылку «Еким Кара». Рубиновая жидкость темнела в старомодной пыльной посудине.

— «Солнечная долина»; урожай 57-го года. Цени!

На дне бутылки скопился слой похожего на рыжий лишайник осадка. «Ну их, эти проблемы!» — зло подумала Ольша и взяла протянутый бокал.

2

Следующий фокус компания Сени Бисмарка выкинула наутро. Ольшу никто пальцем не тронул, хотя сначала она полагала, что ее пытаются напоить, ибо за «Черным доктором» последовали не менее пыльные и выдержанные бутылки южнобережного «Токая» и «Кагора», а потом казахского фиолетового муската какого-то особого элитного разлива.

Ольша проснулась в том самом чудном кресле (оно незаметно трансформировалось в диван), укрытая пушистым клетчатым пледом. В углу на голом матрасе посапывал Енот.

На улице буянило июньское солнце; с каждым часом укорачивались и без того куцые тени. Сеня в позе лотоса сидел на капоте машины.

— Доброе утро, мистер йог! Вам не горячо на железе-то?

Сеня не шевелился, уставившись в пустоту. На веранде бессовестно дрых Паха Толстый. Кажется, он так и не просыпался со вчерашнего дня. В винопитии он тоже не участвовал, а когда Ольша спросила почему, Сеня с Енотом рассмеялись и сказали: «Ему не нужно...»

Когда наконец все проснулись, ни о чем, кроме завтрака, поговорить не удавалось. Сеня заикнулся о корейском ресторанчике на «Дельфине», за что и был посажен на место шофера.

Ольша устроилась рядом. Странно: раньше она не замечала, что не только буквы, но и цифры на шкалах приборов были чужими. Даже не римскими. Ольша никогда прежде не встречала таких знаков. Спидометр, например, делился на шесть секторов, каждый сектор — на шесть делений. Что означали угловатые символы у каждого сектора, оставалось только догадываться. Километры? Мили? Лиги?

— Сеня, просвети меня, темную. Это чья машина? Штатовская? Или японческая?

— Гианская, — ответил Сеня совершенно серьезно. — Называется «Аз-Б'ат». «Северный ветер» по-вашему.

— Гианская? — Ольша наморщила лоб. — Это в Африке небось?

— В созвездии Змееносца.

— Шутить изволите?

Сеня пожал плечами:

— Отнюдь...

Завизжали тормоза. На дороге, вытянув руку вперед, стоял один из громил Завгороднего. Ольша, притянутая ремнями к креслу, слабо ойкнула.

Автомобиль врос в асфальт у самого колена громилы, бампер едва не касался варсной штанины.

— Толстый, разберись, — поморщился Сеня.

Паха неторопливо вылез из машины и достал винчестер. Знаете, такая пушка, ствол калибром со средний огурец, а затвор там, где цевье. Ольша такие только по видикам знала. Где Паха прятал эдакую махину, осталось загадкой. Не под футболкой же?

Громила, увидев винчестер, смутился. Курортники, которых угораздило именно в этот момент проходить мимо, торопливо рассасывались кто куда.

На лице Пахи красноречиво цвел единственный вопрос: «Ну?»

Сзади подъехали две «Самары», из них полезли угрюмые плечистые субъекты. Шестеро. Еще трое показались из ворот ближайшей базы. Для вящей солидности им очень не хватало бейсбольных бит.

Ольше стало весьма неуютно.

— Гм! — сказал Сеня несколько озадаченно. — Болваны.

И выбрался наружу. Енот — тоже. В руке его зачернел большой пистолет а-ля кольт-магнум.

«Боже мой! — похолодела Ольша. — Куда же я, дура, влезла?»

Вид оружия оппонентов слегка охладил, однако вряд ли испугал.

— Где Завгородний? — жестко спросил Сеня, видимо, не желая упускать инициативу.

Громилы переглянулись.

— Спрячь пушку, — предложил один. — Потолкуем.

— Толкуй, — согласился Сеня, но пушку не спрятал.

Их взяли в кольцо. Счет десять—три внушал Ольше серьезные опасения насчет исхода конфликта. Очень хотелось стать прозрачной. Впрочем, оставалось только крепче вжиматься в кресло.

— Кто вы такие? Кому служите?

— Не твое собачье дело, — чуть ли не беспечно ответил Сеня.

— Хамишь, — констатировал громила-предводитель. — Накажем.

Сеня неожиданно легко согласился:

— Валяй, наказывай.

И шепнул негромко Еноту:

— Гэр орми?

— Туу, — был ответ.

В ту же секунду трое из оцепления сноровисто извлекли оружие, но сделать ничего не успели: сверкнуло ярче солнца, и все трое рассыпались черным бархатистым пеплом, а пистолеты багровыми раскаленными комками медленно вязли в асфальте, окутываясь едким дымом.

Уцелевшие громилы ошалело переглядывались. Их осталось семеро. Ольша испуганно хлопала глазами. Она могла поклясться: ни Сеня, ни Паха, ни Енот не применяли своего оружия. Сияние обрушилось на громил сверху, из выцветшей голубизны неба.

— Ну их к дьяволу, — снова по-русски сказал Енот. — Поехали.

Сеня тут же спрятал свой пистолет и сел за руль. Енот полез на заднее сиденье.

— Э-э! — запротестовал громила-предводитель. — Постойте!

Паха Толстый хладнокровно поднял винчестер.

«Ду-дут!»

Громилу швырнуло на пыльный асфальт. Вместо головы у него стало сплошное кровавое месиво. Ольша схватилась за щеки, чувствуя, как к горлу подступает противный ком.

С хрустом передернув затвор, Паха сел в машину и захлопнул дверцу резким, сверху вниз, движением. Винчестера у него в руках уже не было — спрятал. Куда — непонятно.

Верзилы застыли кто где стоял, словно дожидались звона прыгающей по асфальту гильзы — логического завершения эпизода, которого действительно не хватало.

В этот день коблевский асфальт впитал в себя много: кровь, пепел и три куска железа, бывших некогда пистолетами. Впрочем, пепел быстро развеялся на ветру.

3

Завтрак в ресторанчике совершенно не отложился у Ольши в памяти. Сеня и Енот жевали куксу как ни в чем не бывало. Паха почему-то остался в машине — его товарищи сказали, что «ему не обязательно».

Насытившись, заказали вина и долго сидели в полутьме зала. Сеня с Енотом явно не торопились, потягивая коллекционный херес, и тихо беседовали, кажется, не по-русски. Ольша помалкивала. А что оставалось? Спутники ее церемониться не привыкли, если судить по последним часам...

Негромко наигрывала музыка, сначала старенький «Спейс», потом Крис Ри. Ближе к обеду налегли на что-то модно-танцевальное, Ольша поморщилась: не любила она слюнявые песенки прилизанных мальчиков-шоуменов. И чего народ с них так млеет?

Она даже не заметила, что произошло: Енот вдруг вскочил и произнес отрывистую фразу, словно коротко ругнулся. Сеня оказался на ногах лишь секундой позже. Оба они мельком глянули в окно; Сеня подхватил Ольшу под локоть и потащил к выходу. Енот на ходу сунул официанту веер кредиток и поспешил вослед.

У машины стояли четверо парней, один заглядывал в полуоткрытое окно и что-то втолковывал Пахе. Паха, соответственно, молчал, видимо, уже довольно давно. Парни злились.

— Эй, ребята, — с неподдельной ленцой протянул Енот. — Чего к немому пристали?

Сеня успокаивающе поглаживал Ольшину ладонь, но хотелось сжаться или исчезнуть, потому что скорее всего сейчас снова все начнут хвататься за пистолеты и палить друг в друга.

— Клевая у вас тачка, — с нехорошей улыбочкой протянул один из парней, худощавый и длинноносый, как тапир. — Наверное, жалко будет, если кто-нить стекло раскокает. А?

— А кому мешает наше стекло? — Енот являл собой само благодушие, разве что не зевал в лицо длинноносому.

Длинноносый оскалился:

— Пойдем-ка потолкуем, умник...

— Пойдем! — даже обрадовался Енот. — Куда?

— Да вон, в тир хотя бы...

Невдалеке стоял крашенный в зеленое автобус, переделанный в пневматический тир еще при «совке». Енот немедленно зашагал к полуоткрытой двери.

— И ты иди, чего уж там... — предложил длинноносый Сене. — Вместе с телкой своей...

«Гад!» — подумала Ольша и вдруг поймала себя на мысли, что злорадствует. Ибо не без оснований полагала, что ее новые знакомые сейчас разнесут автобус в клочья — и это еще в лучшем случае.

Сеня невозмутимо двинулся к тиру, по-прежнему придерживая ее за руку.

— Не бойся, — шепнул он. — Ничего они нам не сделают. Это лохи какие-то...

В тире покуривали еще двое типов, таких же неприятных, как и те, что приставали к Пахе.

— Постреляем? — предложил длинноносый, переламывая винтовку. — Кто лучше стреляет, того и тачка. Идет?

Енот молчал, выжидая чего-то. Длинноносый тем временем зарядил все пять ружей и выложил их в ряд на стойку.

— Ну, так что? — повторил он. — Постреляем?

Вскинув ближайшую к себе винтовку, он выстрелил. Сухо клацнула пулька, и первая мишень — душманистого вида всадник на верблюде — закачалась, перевернутая. Второй выстрел — и из пузатой бочки с надписью «Пиво» вылез рогатый черт, сжимая трезубец.

Стрелял длинноносый неплохо: пять выстрелов, пять попаданий. При том, что он почти не целился.

— Твоя очередь, — пододвинул он жестяную коробочку из-под ваксы, наполненную пульками. — Стреляй!

— Из этих пукалок, что ли? Ну уж нет! — ответил Енот и добавил: — Паха!

Длинноносого снесло в сторону — в тир вошел Толстый и мрачно достал винчестер, со скрежетом передернув затвор. Ребята несколько присмирели.

«Ду-дут!»

Первый выстрел проделал в задней стене автобуса изрядную дыру.

«Ду-дут! Ду-дут!»

Сеня и Енот синхронно палили по мишеням из своих чудовищных пистолетов, не целясь и не меняя обойм — словно в рукоятках прятались миниатюрные фабрики патронов.

Внезапно повисшая тишина ткнулась в барабанные перепонки. Парни боязливо жались к металлическим бортам. Длинноносый, казалось, стал даже ниже ростом.

Вместо стенда с мишенями наблюдалась сплошная дыра с неровными краями, словно в злополучном автобусе разорвалась граната.

— Мы выиграли, — удовлетворенно, даже нет — радостно сказал Енот. — Пока ребята.

И вышел. Сеня вывел истерически хохочущую Ольшу на улицу, следом шагал Паха. Ольша продолжала хохотать даже в машине, успокоившись только, когда Сеня заговорил с кем-то по радио.

После Сениного разговора все веселье мигом улетучилось — Ольша уловила это безошибочно. Что-то произошло.

Енот направил «Аз-Б'ат» к почте и долго звонил по межгороду; Ольша ждала в машине вместе с Пахой. Сеня разгуливал вокруг, наверное, высматривал нежелательные хвосты.

Потом они вернулись в коттедж, где ночевали. Паха тотчас же повалился спать на веранде. Сеня и Енот, оба мрачные, как ночная тайга, сели друг против друга в комнате. Ольша боязливо забилась в кресло.

— Что со мной будет? — спросила она тихо. — Я даже не спрашиваю, кто вы, лучше не знать. Но со мной-то что?

Сеня часто-часто закивал.

— Собственно, можешь не бояться. Найдем Завгороднего — и гуляй себе.

— А если не найдете?

— Найдем, — уверенно сказал Сеня. — Никуда он не денется. А тебя-то защитить мы сумеем, не сомневайся. Раз втравили, придется защищать. А это мы можем...

Ольша вздохнула:

— Я видела...

Последствия Пахиной стрельбы до сих пор стояли перед глазами.

— Ты поспи лучше, — посоветовал Сеня мягко.

Ольша замотала головой — заснешь после такого, как же! Но Сеня вдруг протянул руку, заговорил о чем-то теплом и знакомом...

...и проснулась она только следующим утром. Ни Сени, ни Енота в комнате не было; Паха валялся на своей любимой веран-

де, словно манекен. Со вчерашнего дня он не двигался и вроде бы даже не дышал.

Потянувшись так, что хрустнул позвоночник, Ольша прислушалась к себе. Голова была легкой и свежей, а еще зверски хотелось есть. И не мармеладу какого-нибудь, а желательно мяса. Жареного. И побольше.

К коттеджу, жалобно скрипнув протекторами, подкатила иномарка, но не Сенина. Выскочила она из-за угла совершенно неожиданно, Ольша даже вздрогнула. Дверца уползла вверх точно так же, как и на «Северном ветре».

Взору явился парень — высокий, поджарый, естественно — в темных очках.

— Доброе утро, — поздоровался он приветливо. — Ты — Ольша, да?

Ольша кивнула.

— Где Сеня?

Ответить она не успела: Бисмарк и Енот рысцой вырвались из-за другого угла. На лицах их читалось выражение, близкое к легкой панике.

Незнакомец открыл было рот, но его перебили:

— Проблема, Артур. Они сковырнули спутника-«сторожа».

Вероятно, это было нехорошо. Ольша вспомнила, как вчера нечто из поднебесья поджаривало особо ретивых боевиков, и сообразила, что лучше иметь над головой такого «сторожа», чем не иметь.

— Не кипи, Сеня. А ты чего ждал — что они петь и плясать станут? Я бы на их месте точно так же поступил.

— Но это же война! Неприкрытая!

Говорили почему-то по-русски.

— Пойдем-ка в дом...

«Разведка! — решила Ольша. — Это западная разведка. Созвездие Змееносца, как же... Морочат голову. Вот нарвалась!»

Каким образом удрать, Ольша даже боялась представить. Да и найдут ведь наверняка — вчера Сеня так солидно обещал найти скользкого и неуловимого Завгороднего. Отыскать перепуганную девчонку не составит для подобных спецов никакого труда. Документы ее давно уже изучены — идиоты они, что ли?

Хотелось выть от страха. Ранняя смерть совсем не входила в Ольшины планы.

Тем временем эта контора совещалась, даже не пытаясь скрыть что-нибудь от Ольши.

— Завгороднего нужно брать. Перебить этих его подручных, засаду устроить...

— Не клюнет он. Да и куда мы без «сторожа»? Пуля-то дура, как здесь говорят.

Енот нервно барабанил пальцами по столу.

— Пахе пули не страшны.

«Это почему же? — подумала Ольша. — Железный он, что ли?»

— А может, плюнуть на соглашение? Вызовем модуль, пусть сядут, оцепят все вокруг. А? — предложил Енот, но особой уверенности в его голосе не чувствовалось.

— Не мели ерунды, — прервал его Сеня. — Настоящей войны хочешь?

— Пусти Паху с Хасаном, — не то попросил, не то приказал Артур. — Они уж отровняют всех как следует, невзирая на туземные пукалки...

«Хасану ихнему пули, по всей видимости, тоже до фени...» — растерянно решила Ольша.

— Я за Хасаном. У «Лазурного», минут через десять.

Артур тут же выскользнул.

— Пошли, — велел Сеня Ольше.

Она послушно встала, потому что перечить на ее месте осмелилась бы либо Мата Хари, либо полная дура.

— Я есть хочу... — жалобно вздохнула она.

— Пошли, пошли...

Енот взял ее за руку. Ладонь его была твердая и странно сухая. Паха вышел последним, заперев домик на ключ.

Они свернули за угол; у Сениной машины топтались двое полицейских и трое в штатском. Поодаль виднелся желто-голубой джип с мигалкой.

«Нашли убитого и кто-то вспомнил машину, благо таких здесь больше нет», — догадалась Ольша. Почему-то казалось, что на этот раз убийств не будет.

Сеня сокрушенно вздохнул:

— Тьфу ты... Полиции как раз и не хватало...

Он нагнул голову и упрямо и независимо пошел к «Северному ветру». Ладонь легла на ручку двери.

— Минуточку, — сказал один из полицейских.

Сеня с неудовольствием обернулся. Енот невозмутимо открыл заднюю дверцу и запихнул Ольшу внутрь.

— Инспектор, у меня мало времени. — Тон Сени был вполне миролюбивым и в меру неприветливым. — Мы поедем.

— Не раньше, чем мы вас отпустим, — столь же миролюбиво и неприветливо ответствовал полицейский.

Сеня полез на рожон:

— Вот уж не собираюсь с вами трепаться.

— Ты потише, — вмешался вдруг штатский, с виду — начальник. — Ты в убийстве замешан, понял?

— Да пошел ты, — процедил Сеня с таким презрением, словно перед ним был последний подонок. — Фраер хренов. Да-да, это оскорбление при исполнении...

Штатский вспыхнул:

— Взять!

Полицейские шелохнулись, но тут Енот дважды выстрелил в полуоткрытое окно; штатский и один из полисов тяжко осели на выгоревшую траву. Сеня тем временем зарядил второму штатскому в лицо, да так, что кровь брызнула, и тут же еще одному, вроде бы ногой. И опять Ольша готова была поклясться — так не дерутся! Движение скорее напоминало попытку устоять, сохранить равновесие.

Оставшийся полис схватился за кобуру, но Сеня потряс у его носа невесть откуда возникшим пистолетом с большим черным глушителем.

— Умолкни, приятель!

Приятель умолк как ошпаренный. В ворота базы на полном ходу ворвался автомобиль Артура. Скрипнула резина, взвыли тормоза. Артур и еще один парень восточной наружности мигом выскочили, хлопнув дверцами.

— Перед «Лазурным» кордон, не проехать...

— Здесь тоже, — проворчал Сеня. — Зашевелились, работнички... Ладно, поехали поглядим.

Артур обозрел валяющиеся тела блюстителей порядка; уцелевший полицейский, подняв руки, опасливо переминался с ноги на ногу у джипа.

— Толстый, — распорядился Сеня, — испорть им машину. И рацию не забудь.

Паха мрачно достал винчестер.

«Ду-дут!»

Хруст затвора.

«Ду-дут!»

Хруст затвора.

И так несколько раз. Он прострелил колеса и разворотил панель управления. Напоследок ткнул полицейского, что с ужасом взирал на этот беспредел, в бок, и тот безвольно улегся рядом с разгромленным джипом.

Винчестер исчез, словно ледышка в пламени. Паха его сунул вроде бы в карман брюк. Эдакую махину — и в карман, р-раз! И все. А карманов на брюках у него просто не было, это Ольша знала точно. Несколько раз присматривалась.

Они съехали на дорогу и скользнули за ворота. У «Лазурного» и впрямь хватало полиции. Сеня с Артуром припарковались неподалеку, наблюдая за суетой у корпуса.

— Толстый, — скомандовал Сеня, и Паха послушно толкнул дверцу вверх. Вылез. Хасан тоже выбрался из машины.

Ольша вытаращила глаза. Только что Паха сидел перед ней в своих коричневых брюках, футболке и кедах, а когда ступил на асфальт, на нем уже красовалась форма лейтенанта полиции — новенькая, хрустящая, от ладных туфель до лихой кепки с кокардой-трезубцем.

Хасан был в форме сержанта.

«Дьявольщина! — Ольша до боли прикусила губу. Эдак и впрямь придется поверить в созвездие Змееносца. Никакие шпионы-американцы не смогут переодеться быстрее чем за секунду. И потом — летающая машина. Для Земли это тоже чересчур круто.

Неужели действительно чужаки?»

Вот теперь стало по-настоящему жутко. Ольша сжалась в комок и забилась в угол, подальше от Енота. Тот на нее даже не глянул.

В спину ей впилась какая-то рукоятка на дверце, но Ольша словно вознамерилась вжаться в тесную щель между сиденьем и обшивкой.

Спустя минуту-другую донеслись вроде бы приглушенные выстрелы. Сеня, не оборачиваясь, спросил:

— Кажется, взяли кого-то?

Енот сжал виски, посидел секунду и утвердительно замычал.

Вскоре показались Паха с Хасаном; заломив руки за спину одному из громил Завгороднего, они вели его к машинам. Полицейский из оцепления сунулся к ним, но Хасан потряс у него перед глазами блеснувшим на солнце жетоном, и тот мигом отстал, козырнул даже напоследок.

Громилу усадили в автомобиль Артура. Ольша полагала, что Сеня пожелает убраться подальше от кордона; так и произошло, правда, Ольша ждала спешки, а отъехали спустя минуту и без излишней суеты. Прокатили почти до причала и остановились в тени у парка аттракционов. Сеня с Енотом пересели к Артуру, с Ольшей остался только Паха. Он вновь нарядился в обычные свои брюки, футболку и кеды. Шорты, как Сеня и Енот, носить он почему-то не желал. Теперь она не пропустила момент переодевания: когда Паха садился в машину полицейский мундир на мгновение приобрел зеркально-стальной цвет и в две секунды «перетек», став футболкой и брюками. Кепка словно бы расползлась и впиталась в голову, что поразило Ольшу больше всего.

Пока в машине Артура совещались, Паха молча сидел впереди, изредка тихонько постукивая ногтями по лобовому стеклу. Ольшу он начисто игнорировал.

Сеня и Енот вернулись минут через семь, ведя пленного громилу.

— Ольша, сядь вперед, — приказал Сеня, и она послушно пересела. Вообще она старательно разыгрывала паиньку, хотя подмывало рвануть от «Северного ветра» с той же скоростью, благо место людное. Но — не решилась.

Артур с Хасаном уехали в глубь молдавской зоны; Сеня повернул назад к кордону. Но у «Лазурного» они не задержались, покатили дальше. За «Кристаллом» Сеня притормозил.

— Проводи его, Толстый, — велел он негромко.

Паха вылез, извлек из машины громилу и мрачно достал винчестер. Как всегда — непонятно откуда. Выразительно мотнул головой. Громила неохотно углубился в посадку; сосенки, вымахавшие за три десятка лет, поглотили их, заслонив от глаз бронзовой колоннадой стволов.

Вернулся Паха один, с пустыми руками. Буквально через минуту. Спокойно сел рядом с Енотом.

— Все? — осведомился Сеня.

Паха без выражения кивнул.

Сеня нажал на газ. Асфальт, истертый тысячами босых и обутых ног, стелился под колеса; горячий полуденный воздух пел в раскрытых окнах.

— Сеня, — робко спросила Ольша, — а где тот тип?

— Паха его пристрелил, — равнодушно ответил Бисмарк. И взглянул из-под очков на Ольшу. — А что?

Ольша втянула голову в плечи.

Притормозили у «Черноморца». Ольшино сердце замерло — ее очередь? Или решили отпустить?

Нет. Сеня заглушил двигатель и повернулся к ней.

— Сейчас ты пойдешь к себе. Успокоишь Риту, ну, и Глеба с Юрием, если встретишь. Бери все свои вещи и возвращайся. Понятно?

Они все про Ольшу знали. Где живет, друзей и прочее. Ну конечно, профессионалы... Стоит ли удивляться?

— Зачем? — не надеясь на ответ спросила она. Но Сеня с готовностью объяснил:

— Завгородний ночью удрал. В Крым — в Ялту. Мы едем туда же. Немедленно.

«Так-так. Одиссея продолжается».

Ольшу провожали Енот и Паха. Ритки в домике не оказалось, но дверь была не заперта. Ольша вошла; провожатые уселись на лавочку неподалеку от входа. Енот непринужденно плел Пахе какие-то небылицы об Антарктиде.

Она почти уже собралась, когда Енот умолк на полуслове, а спустя секунду в домик ворвалась Ритка.

— Где тебя носит? — без обиняков начала она. — Что за приколы — два дня черт-те где непонятно с кем? Я тут с ума

схожу... — В голосе Ритки звучало праведное, ничем не прикрытое возмущение.

— Я еду в Ялту, — тихо сказала Ольша.

Ритка вмиг почуяла неладное.

— Кто эти двое — на лавочке? — понизив до предела голос спросила она.

Ольша промолчала. Не говорить же — инопланетяне?

— Да объясни ты, — не унималась подруга.

— Они обещали меня отпустить.

В стену деликатно постучали, занавеска отодвинулась и в щель просунулась, поблескивая очками, голова Енота.

— Время!

Ольша взяла сумку и, на секунду встретившись взглядом с Риткой, вышла.

Не успели они отойти и тридцати шагов, как из-за домиков показался десяток парней; Глеб и Юра-Панкрат, понятно, сию процессию возглавляли. Этого Ольша и боялась.

— Минуточку...

Еноту и Пахе преградили путь. Кое-кого из «спасательного отряда» Ольша знала — волейболистов с НКИ, Максима Саенко, Боцмана, Вовку Наумова... Внутри что-то оборвалось: двое из созвездия Змееносца просто не умели останавливаться. Язык прилип к гортани, Ольша хотела вмешаться, но навалившееся оцепенение сковало ее, словно смирительная рубашка.

Поправив очки, Енот кивнул Пахе. Тот мрачно достал винчестер. Два негромких выстрела, заглушенных истошным Риткиным криком; с Юры-Панкрата и одного из волейболистов сорвало одинаковые желтые кепки с «Кэмелом». Ольша смертельно побледнела; но никто не падал, все продолжали стоять.

Паха наступил ногой на гильзы и спрятал свое оружие. Енот подхватил Ольшину сумку.

Ее друзей почему-то пощадили. До сих пор валили всех неугодных направо и налево, а тут — припугнули, и все. Она никак не могла понять — почему? Не из-за нее же?

Когда Паха двинулся прочь, Ольша заметила, что гильз на асфальте уже не было.

До машины она дошла как в тумане.

4

— Если тебе что-нибудь нужно — скажи, мы купим.

Сеня небрежно вел машину и говорил с Ольшей; Енот читал свежий «Спорт-экспресс». Паха по обыкновению спал.

Ольша вяло кивнула. Ее спутники были мрачны, как Черное море в бурную зимнюю ночь. За исключением всегда безмятежного Пахи.

После стрельбы по кепкам они ненадолго заскочили в свой коттедж, Енот принес откуда-то две исполинские пиццы, а когда с ними расправились, сразу же стартовали в Ялту. Днем летать команда Бисмарка не решилась, поэтому поехали как все, по дороге. Правда, на редкость быстро, обгоняя даже прилизанные «мерседесы» с одесскими номерами.

Неприятности начались уже на полпути к основной трассе: слева, уткнувшись смятым капотом в штабель бетонных плит, неловко приткнулась красная машина Артура. Внутри никого не было; Сеня, связавшись с каким-то Сластом, сказал, что Артур тяжело ранен, его унес Хасан на реабилитацию. Автомобиль кто-то повредил. Грешили, конечно, на Завгороднего и его боевиков.

С этой минуты Сеня и Енот сцепили зубы и погрузились в непонятный транс — лишь за Нечаянным к Ольше впервые обратились. А она все еще видела белое, как костюм теннисиста, лицо Юры-Панкрата, уставившегося на ствол Пахиного винчестера. Самым парадоксальным было то, что она отказывалась воспринимать эту троицу как врагов, хотя они уже убили нескольких человек — ее, Ольшиных соотечественников. И сопланетников. Наиболее неприятен ей был Паха Толстый. Скала, закрытая книга, запертая наглухо дверь, а ключ выброшен много лет назад неизвестно куда. От него веяло холодом и бездной. Иногда ей казалось, что это вообще не человек, а манипулятор Сени, бездушный и исполнительный. Толстый, сделай то, Толстый, убери это. Не ест, не разговаривает... Сеня с Енотом выглядели совсем обычно, как сотни и тысячи людей вокруг, если бы не их фокусы. Впрочем, это как раз неудивительно: агент не должен выделяться из толпы, иначе это мертвый агент. Закон, единый для всех планет.

— Ты что, испугалась? — спросил Сеня странно родительским тоном. С заботой, участием, что ли? Сыграть такое не всякий актер сумел бы. Ольша вопросительно уставилась на него.

— А чего вы ждали?

— Не нужно нас бояться. Мы не приносим зла людям.

Ольша зябко поежилась.

— Как же... Я видела.

Положили человек десять и бровью никто не повел. И это называется «не приносим зла!»

— Если ты имеешь в виду боевиков Завгороднего, то их мы к людям не относим. Поднявший руку на себе подобного заслуживает лишь смерти.

— А полицейские? Они что, тоже не люди?

Сеня усмехнулся:

— Можешь не продолжать. Мол, семьи у них, жены, дети, родители... Я знаю. Но полицейских-то мы не убивали!

Он ловко добыл из-под тонкой джинсовой рубашки знакомый пистолет с набалдашником глушителя. Все-таки прятать оружие они были великие мастера.

— Это биопарализатор. Он не убивает, только обездвиживает на некоторое время. Полицейские около нашего домика давно очухались и, наверное, горюют у обломков своего джипа.

Сеня помолчал.

— Настоящее оружие только у Пахи.

— Этот его винчестер? — спросила Ольша.

Сеня уточнил, вновь делая непроницаемое лицо:

— Если ты имеешь в виду его пушку, то она выглядит под «снайдер», а не под истинный винчестер.

— Какая разница! — перебила Ольша. — Стреляет что «снайдер», что винчестер одинаково — насмерть!

Сеня вновь умолк.

— Послушай, девочка, — сказал он после минутного раздумья. — Ваше общество больно. А когда болезнь вцепится в организм, наступает время скальпеля. Никто не плачет, когда сталь вырезает пораженные ткани. И никто не смеет называть хирурга убийцей.

Ольша в упор глядела на Сеню.

— Ваша хирургия больше смахивает на ампутацию.

— Нет. — Сеня покачал головой. — Ампутация делает человека инвалидом. А если мы пристрелим нескольких подонков, нескольких бандитов и убийц, обществу будет только лучше. Мы не собираемся оздоравливать все ваше общество — тут у вас такая помойка, что, боюсь, уже поздно. Но тем, кого эти уже не ограбят, не убьют, не унизят, — им будет лучше.

— Круто, — констатировала Ольша. — Вселенские судьи. Но вас сюда никто не звал, между прочим, на нашу помойку.

Сеня поморщился:

— Только не говори, что мы не имеем права, и так далее. Имеем. Уничтожать тех, кто строит свое благополучие за счет других, считается долгом. Это закон всего космоса. Поэтому мы и впредь будем их уничтожать.

В голосе Сени не было злости, и это Ольша сочла главным. В чем-то он был, пожалуй, даже прав.

— А остальные? Если у вас на пути случайно встанет совершенно посторонний человек? Как мои друзья час назад?

Сеня пожал плечами:

— Сегодня ты уже могла воочию убедиться в нашей реакции на подобную ситуацию. Припугнем... В крайнем случае, — он потряс парализатором, — это. Малоприятно, конечно, зато никакого ущерба. Гарантия.

Теперь задумалась Ольша. Ловко это у вас получается, господа хирурги! Но с другой стороны, эта шваль, эти молодчики с тупыми взглядами, но с тугими мускулами, получают как раз то, чего заслуживают. Диалог ведется на их языке, и пусть, черт возьми, они хоть раз, хоть перед смертью узнают, каково приходится их жертвам.

Если только Сеня не врет.

Но Ольше казалось, что он говорит правду.

— Скажи, — понизив голос спросила она, — а почему Паха не ест и не разговаривает?

Позади деликатно захихикал Енот, шелестя газетой. Сеня тоже усмехнулся:

— Разговаривать он не может, потому что он не человек. Ну а питается он по-своему.

— Не человек? — спросила Ольша с недоумением. — Неужели робот?

— Нет. Колония кристаллических микроорганизмов, дружественных нам. Точнее, крохотная часть колонии. Они удерживают форму, подобную человеку, сохраняют видимость одежды, стреляют из «снайдера», но на самом деле все это, вплоть до пули, вылетающей из ствола, плоть. Они могут принять вид чего угодно — хоть куста, хоть автомобиля. Когда придет время, эта часть сольется с остальной колонией. Здесь Паха всего лишь посол. Как и Хасан, кстати.

Вот они, ответы, разгадка многих тайн и нелепиц. Неуязвимость для пуль, переодевание в рекордные сроки, неведомо откуда возникающий винчестер... Или, как его там — «снайдер»...

Сеня обогнал колонну румынских грузовиков и вновь повернулся к Ольше, в глазах которой застыл вполне закономерный вопрос.

— Ну а мы с Енотом — обыкновенные люди. Правда, разных рас. И для нас, как и для тебя, огнестрельное оружие смертельно.

— Люди? Из созвездия Змееносца?

— Я — да, Енот — со звезды, которая имеет пока только номер в ваших астрономических каталогах. С Земли ее не видно. Это в созвездии Рыб.

— Со звезды?

— С одной из планет, конечно, — фыркнул Сеня. — Так говорят только, что со звезды. Когда ты говоришь, что ты с Украины, это не значит ведь, что ты живешь и в Киеве, и во Львове, и в Донецке?

Ольша вздохнула. Почему-то она воспринимала это как должное — словно друзья-иностранцы рассказывают о своей далекой Америке. Все равно ведь глупая девчонка там никогда не была и не будет и не отличит правду от заурядных баек.

— Что же вас сюда привело?

— На Землю? Или в Коблево?

— На Землю.

Сеня пожал плечами:

— За всеми населенными планетами ведется наблюдение. Вы не исключение.

— И везде вы занимаетесь подобной... хирургией?

Сеня с уважением взглянул ни нее — совершенно непонятно почему, словно она сама дошла до некоей скрытой истины.

— Нет. Только там, где приходится вмешиваться.

— Разве у нас что-нибудь не так? — поинтересовалась Ольша с ревностью в голосе.

— Да все у вас не так! — раздраженно стукнул по баранке Сеня. — Вы стали опасны. Природу губите, себя не щадите... А оружия сколько накопили — это ж рехнуться можно! И это при том, что треть населения голодает, а еще треть едва сводит концы с концами.

Ольша жадно слушала. Наверное, она была первой из землян, кто слушал мнение о себе со стороны.

— И ведь вместе с тем удивительно способная раса! За каких-то шесть тысяч лет подняться из грязи, из дикости в космос. Но в то же время во многом так и остаться в грязи. Ваши ученые на ощупь, по наитию постигли то, до чего нам пришлось доходить столетиями, набивая без счета шишек. Мы уже устали вам поражаться. Вы начисто убили в себе экстрасенсорику — средние века, инквизиция — и тем не менее сплошь и рядом ставите наших специалистов в тупик.

Сеня умолк. Но Ольше было мало.

— Что же заставило вас вмешаться?

Сеня, не отрываясь, глядел на дорогу. Миновали Половинки — до Николаева оставалось минут десять езды.

— Погибли два наших агента. В Коблево. Двенадцать дней назад. Как раз когда «сторож» находился в тени вашего метеоспутника, в течение всего полутора минут.

— Завгородний?

— Не лично, конечно. Но, похоже, он за этим стоит.

— А кто он? Тоже ваш? Из созвездия?

Сеня снова глянул на нее с уважением.

— Догадалась? Молодец. Нет, он не имеет отношения к нашей службе. Земля, безусловно, заинтересует любую высокоразвитую цивилизацию. Похоже, мы столкнулись с конку-

рентами, о которых до сих пор не подозревали. Причем ребятам пальца в рот не клади. И уступить мы не можем просто так, и на рожон не полезешь... Иди-знай, кто они? А нам объявили войну, пока тихую: «сторожа» сковырнули, Артура пытались устранить. Короче — незавидное положение.

— Значит, Завгородний не землянин?

— Наверное. Хотя может, и землянин. Его могли завербовать.

— А почему вы решили, что он имеет отношение к смерти ваших агентов?

Сеня покосился на Енота.

— У одного из них сработал аварийный прибор для фиксации изображений. Вроде фотоаппарата, только миниатюрный. На последнем снимке Завгородний и один из его громил. За секунду до смерти.

Сеня тяжело вздохнул.

— Он был соотечественником Енота. Они готовились в одном центре...

Некоторое время слышался только шелест покрышек по асфальту, сильно сдобренному гудроном.

«Почему они мне все это рассказывают? — подумала Ольша и сама же себе ответила: — А чего им бояться? Мне и стукнуть-то некуда. Але, это управа безпеки? Тринадцатый отдел по борьбе с нечистой силой? У меня тут инопланетяне-разведчики. Люди — две штуки и колония кристаллических микроорганизмов — одна штука...

Заикнешься ведь — в психушку упекут. Мне даже Ритка, лучшая подруга, — и та не поверит. Отец — не поверит. Не тащить же с собой Паху с винчестером в качестве доказательства?»

Прерывая ее мысли, замигал тревожный красный огонек на пульте. Сама собой выскочила короткая трубочка антенны и зазвучала незнакомая речь. Сеня ответил на том же языке. Наверное, это был его родной язык. Ольша никогда не слышала ничего подобного.

Уже через минуту Сеня, не прекращая слушать, свернул с трассы и поехал пыльным проселком вдоль куцей полоски не то высокого кустарника, не то деревьев-недорослей.

Голос не умолкал ни на секунду; было в нем что-то от скороговорки темпераментного футбольного комментатора-итальянца. Непременно итальянца — никто так не захлебывается, не глотает окончаний и не тараторит, пытаясь спрессовать информацию, как горячие жители Апеннинского сапога.

Вскоре Сеня остановил машину. Антенна втянулась в приборную доску, голос умолк. Енот распахнул дверцу, выбрался и немедленно полез в багажник. Паха помогал ему доставать содержимое — несколько небольших чемоданчиков, два ящика вина да Ольшину сумку. Сеня опустошал бардачок.

— Что случилось-то? — спросила Ольша на всякий случай.

Сеня выгреб стопку тысячегривных банкнот толщиной с кирпич, в карман даже не лезла. Еще две такие же он отдал Еноту.

— Ищут нас, — просветил он. — Полиция, отдел по борьбе с терроризмом. Машину срисовали, надо сменить.

«Ага, — догадалась Ольша. — Эту бросят, а на шоссе кого-нибудь тормознут. Убить не убьют, наверное, но оставят посреди дороги с разинутыми ртами, это точно».

Но, поразмыслив, решила: нет. Не станут они этого делать. Нельзя, добытая таким образом машина очень быстро станет «горячей», ибо пострадавшие немедленно сообщат в полицию. А Сене энд компани подобная реклама ни к чему. Как они умудрятся выкрутиться, Ольша даже не представляла.

Тем временем Енот с Пахой отнесли немногочисленные пожитки метров на двадцать в сторону.

— Пошли, — сказал Сеня. В руках его чернел предмет, напоминавший пульт дистанционки от видика.

Отошли к вещам; Паха уселся на ящики, Енот, скрестив руки на груди, приготовился наблюдать. Сеня открыл капот, покопался внутри и извлек черный плоский ящичек размером с дипломат. На верхней его плоскости красноречиво скалился череп с костями.

Сеня присоединился к остальным, бережно водрузив ящичек на чемоданы. Ольша нервно переминалась с ноги на ногу. Наконец на машину был направлен пульт и надавлена одна из кнопок. Сначала ничего не менялось. Потом послышался не-

громкий хруст, и корпус «Северного ветра» стал медленно сминаться, словно его со всех сторон сдавливал гигантский пресс. Металл обшивки пошел складками, машина сворачивалась в ком, в округлый морщинистый ком, быстро уменьшаясь в размерах, словно проваливалась внутрь себя. Последними скукожились покрышки колес.

Минут через десять все было кончено: вместо машины на укатанной дороге покоился изъеденный каньонами извилистых впадинок шарик, похожий на грецкий орех, только покрупнее. Раза в два. Пульт тихонько пискнул и высветил неяркий в свете дня красный огонек. Спустя какое-то время пульт пискнул вторично, и огонек изменил цвет на зеленый.

Енот немедленно подобрал шарик и присел у одного из чемоданов. Ольша вытянула шею, вглядываясь: в чемодане в специальных нишах таких шариков насчитывалось больше десятка.

— Что возьмем? — спросил Енот, оглянувшись на Бисмарка.

— М-м-м... «Оксо», пожалуй.

Енот вынул другой шарик, неотличимый от прежнего, и отнес его на дорогу, закрыв предварительно чемодан.

Все повторилось в обратном порядке: шарик распух и превратился в новенький, сверкающий лаком автомобиль. Другой модели. Цвета «мокрый асфальт».

Писк, красный огонек.

Ольша завороженно шагнула к этому четырехколесному диву.

— Куда! — схватил ее за локти Енот. — Спятила, что ли? Там же излучение!

Ольша вздрогнула.

— А здесь?

— Здесь экран... — пояснил Енот.

Вскоре на пульте зазеленел веселый разрешающий огонек. Енот сразу схватился за чемоданы, Паха — за ящики. Сеня взял «дипломат» с черепом и откинул крышку капота. Ольша подошла и глянула: никакого двигателя там не было. И в помине. Пустота, словно у старорежимного «Запорожца». Но двигатель не мог располагаться и сзади, как у того же «Запорожца», — Енот с Пахой как раз грузили пожитки в багажник.

А Сеня ловко закрепил «дипломат» в специальных зажимах и подсоединил единственный разъем. Черная вязь проводков терялась в недрах корпуса.

«Эта коробка небось и есть двигатель», — решила Ольша. Паха с Енотом уже уселись внутрь.

Земля рядом с новорожденной машиной была теплой, Ольша чувствовала это даже сквозь пластмассовые подошвы туфелек-мыльниц.

— Прошу, — пригласил Сеня, распахивая дверцу. Ольша не без удовольствия уселась: машина ей нравилась и вселяла какой-то смутный восторг. Казалось, под искрящимся металлом дремлет тугая, но покорная водителю мощь.

Сеня взялся за руль, приборы ожили, «Оксо» едва ощутимо завибрировал и приподнялся над почвой, одновременно разворачиваясь. А потом земля разом провалилась вниз и в кабину ворвалось неистовое солнце — до сих пор они стояли в жиденькой тени. Они уходили в неощутимую голубизну неба, оставляя под собой и проселок, и асфальтовую трассу, и близкий уже Николаев. Сеня брал курс на Крым, на Ялту. Наверное, он спешил.

— Скажи, — обратилась к нему Ольша, — а что значит «Оксо»?

Сеня, оставив руль, зевнул, прикрываясь ладонью. За него ответил Енот:

— Птица такая. Вроде орла.

5

Горы околдовывали: сплошь покрытые лесом, они напоминали уснувших ежей. С высоты на них можно было глядеть бесконечно. Впрочем, «Оксо» летел совсем низко. Внизу причудливым серпантином вилась ниточка дороги.

Сеня выбрал момент, когда на коротком участке, зажатом между двумя крутыми поворотами, не оказалось ни одной машины, снизился, сел и как ни в чем не бывало покатил к Ялте. При этом он очень ловко поднырнул под троллейбусные про-

вода, царапнув днищем о макушки кипарисов. Гурзуф и Медведь-гора уже лежали позади, вскоре проехали ботанический сад и Массандру с ее новыми многоэтажками. Впереди раскинулась Ялта — шумная многоцветная Мекка курортников-толстосумов. О здешней дороговизне ходили легенды, но Ольша не смущалась: хирурги-разведчики явно не испытывали недостатка в средствах. Так что, глядишь, еще и удастся кутнуть на халяву.

Город встретил их пестрыми нарядами тысяч отдыхающих, скупо разбавленных деловитыми аборигенами. Сеня уверенно обогнул автовокзал и повел машину по Киевской, словно бывал здесь сотни раз. Енот лениво пялился в окно.

— Да-а-а... — протянул он многозначительно.

Перед площадью Сеня свернул направо и проскочил бывшую улицу Маркса, ныне Платановую, потом вырулил на Садовую, проехал под канаткой, мимо собора Александра Невского, и почти сразу снова свернул направо, на улицу Манагарова. «Оксо» шел в гору легко, без надрыва.

Они остановились у серой девятиэтажки времен горбачевской перестройки. Рядом возвышалась еще одна. Дорога, извиваясь, уходила вверх, взбираясь по склону горы. На следующем «витке» она проходила уже на уровне четвертого этажа. У единственного подъезда стояла пара «жигулей» и одна иномарка. Ольше показалось, что она тоже гианская (надо же, запомнила!). Чувствовался некий единый стиль, неповторимый и своеобразный — и в «Северном ветре», и в машине Артура, ныне разбитой, и в «Оксо», и в этой, цветом походившей на перезрелый лимон.

— Ага, Хасан уже тут, — с удовлетворением заметил Сеня. — Прекрасно.

Ольша вышла и сладко потянулась — тело жаждало движения. Захлопнула дверцу с видимым сожалением и погладила «Оксо» по выпуклой крыше. Идеально ровная поверхность приятно холодила руку.

— Да, замечательные у вас тачки! И что радует, при случае легко помещаются в чемодан. По нескольку штук.

Сеня серьезно кивнул:

— Мне тоже нравятся. У вас, увы, эмбриомеханика еще только зарождается как наука. Полагаю, вы быстро нас обставите, если только не передеретесь к тому времени.

Вошли в подъезд.

— Какая квартира? — спросил Енот деловито.

— Шестнадцатая. Это на четвертом.

Гудящий и скрежещущий лифт вознес их на нужный этаж. Квартира была трехкомнатная.

Их встретил высокий голубоглазый блондин — вылитый швед в представлении среднего обывателя. Первый из ЭТИХ, увиденный без очков с самого начала.

— До нэзи...

Он осекся, увидев Ольшу, и заговорил по-русски:

— Добрый день.

Сеня и Енот обменялись с ним хитрым, с зацепом, рукопожатием, Паха сдержанно кивнул и сразу ушел в комнату. В щель Ольша углядела валяющегося на диване Хасана.

«Швед» с ходу принялся докладывать, не дожидаясь, пока Сеня начнет его теребить.

— Клиент осел в гостинице «Ореанда», это недалеко, на набережной. Прибыл в девять утра.

— Чем занимался?

— Сидел в кабаке и клеился ко всем девицам напропалую. Не без успеха, должен заметить.

«Конечно, с такими бабками... Шампанского извел, поди, не один ящик...» — подумала Ольша. Впрочем, одних только денег лично ей всегда было мало. Даже под шампанское.

Сеня вздохнул.

— Как здесь вообще?

«Швед» улыбнулся:

— Как у нас на Саните. Но в целом спокойно.

Паха с Хасаном тем временем спустились за вещами. Сеня представил голубоглазого:

— Ольша, это наш человек, зовут Римас. О тебе он все знает.

«Так уж и все», — фыркнула про себя Ольша.

«Швед», косивший под прибалта, с достоинством кивнул.

— Вот твоя комната, — продолжал Сеня, распахивая одну из дверей. — Напоминаю: если что-нибудь понадобится, тут же говори.

Паха, неслышно возникший за спинами, поставил ее сумку у кровати и вышел.

Комната Ольше понравилась. Небольшая, уютная, вся завешенная коврами, толстыми, как пуховое одеяло. Обширная, на вид весьма соблазнительная кровать в углу. Огромное зеркало. Окно, выходящее как раз на склон — за стеклом величаво покачивались зеленые лапищи кипариса.

Пока Ольша устраивалась, в соседней комнате совещались. Из-за полуоткрытой двери отчетливо доносился густой голос Римаса:

— ...дважды проявлялся один фрукт по имени Сергей Затока. Кто такой — неясно. Трется среди серферов у Фороса, там какой-то волногон в прошлом году запустили, они туда и сползлись со всего побережья. Приехал с дружком на «Полосе» зеленого цвета.

— С Завгородним встречался? — Сенин голос.

— В первый раз — нет, не застал. Отсиделся в подвальчике, знаешь, рядом с канаткой, в проулке? Внизу?

— Знаю.

— Потом снова в «Ореанду» сунулся. К этому моменту Завгородний уже основательно надрался. Затока получил дипломат и тут же уехал. Содержимое — все что угодно, кроме металлических предметов. Полагаю, деньги.

— Куда он делся дальше?

— Вернулся к Форосу. За ним Кейси присматривает.

— Хорошо. Сегодня ничего не предпринимаем. Сходим в ресторан, развеемся. Вина тут неплохие, говорят. — Сеня чем-то звякал все время, должно быть, ключами.

«Интересно, меня возьмут?» — подумала Ольша. Хотелось бы. Ялта, лето, ресторан...

Ее взяли. Ужин вышел на славу — уютный зал, ненавязчивый тапер на крохотной сцене, потрясающая кухня. Сеня, Енот и Римас устроили форменную дегустацию: заказали все двадцать шесть сортов вин, имевшихся в ресторанчике. Кажется,

Сеня с Енотом всерьез интересовались виноделием — официанта они просто запытали узкоспециальными вопросами. Тот вскоре прослезился и довольно дешево выкатил пыльную бутылку «Алеатико Партенит» тридцать какого-то года из личных запасов.

— Запомните, господа, это вино не делают уже полвека...

Ольша по очереди танцевала со всеми; наконец она поняла, почему Енот не снимает темных очков — у него были совершенно нечеловеческие глаза. Темно-пурпурного цвета, больше, чем у землян, и вдобавок необычного разреза. Щелевидные, как у кошки, зрачки, но не вертикальные, а чуть наклонные, как буква «V». Увидев это, Ольша вздрогнула и снова надела на Енота его зеркалки. Как она осмелилась их снять, и сама не поняла. Танец, наверное, сблизил. Енот не противился, только поправил прическу, скрывающую уши.

Без очков он выглядел чужим, но не отталкивающим, в облике его чувствовалась своя неповторимая гармония.

Танцевал он лучше всех — спустя полчаса Ольша и Енот сбацали такой рок-н-ролл, что за остальными столиками дружно зааплодировали, подвыпившая парочка в углу зала все хваталась за видеокамеру, хотя что они там наснимали в полумраке, Ольша не понимала, а кто-то даже прислал бутылку новосветовского брюта.

К полуночи все заметно захмелели — дегустация выдалась обильная, да и реликтовое вино оказалось на редкость коварным. Ольша смутно запомнила обратную дорогу. За руль сел, кажется, Римас, но сразу же вроде бы задремал, сунув руки в карманы.

Утром ее разбудил Сеня.

— Едем на пляж, — сообщил он. — Не забудь купальник.

Ольша заметила, что голова, несмотря на вчерашнее, удивительно ясная.

На кухне шкварчала исполинская яичница — ребята-хирурги с удивительным спокойствием меняли изысканность ресторанов на домашнюю холостяцкую неприхотливость. Ольшу к стряпне они не привлекали, видимо, из принципа. А может, и еще почему-то.

Людные городские пляжи их не интересовали. Сеня гнал «Оксо» на юго-запад, вдоль побережья. Дорога петляла, как напуганный муравей. Зелень, скалы, море — все это сменялось с калейдоскопической быстротой. Ухоженные ряды виноградников, свечки кипарисов, серые башенки Ласточкиного Гнезда... Ливадия, Гаспра, Мисхор, Алупка, Симеиз...

Сеня притормозил, когда взгляду открылась совершенно необычная для южного Крыма картина: прямая береговая линия. Желтоватый песок устилал длинный, добрых два километра, пляж. Горы величаво застыли в отдалении. Несмотря на достаточно спокойное море, на берег обрушивались крутые метровые волны; темная синь воды цвела белопенными барашками. И стоял нескончаемый гул — это пело море, как пело оно уже миллионы лет. Каждая волна имела свой голос, вела свою партию в извечном концерте природы.

Машину они оставили прямо на обочине. Ольша справедливо решила, что украсть ее скорее всего непросто. И свинтить что-нибудь типа зеркальца — тоже. Гвардия Сени, во всяком случае, нимало не беспокоилась, оставляя «Оксо» у трассы.

На бесконечной ленте пляжа группками загорали люди. Свободного места хватило бы, чтобы разместить еще не одну сотню курортников. Наверное, сюда могли добраться лишь те, кто имел собственные колеса. И деньги на бензин. Или друзей с колесами и деньгами на бензин. Вдоль пляжа тянулась пыльная дорога, там и сям торчали, как грибы-дождевики, зачехленные автомобили. Ольша знала, что на Южный берег частный транспорт из-за пределов Крыма не пускали уже лет восемь. Сеня объяснил, когда менял номерные знаки на «Оксо».

Почти никто не купался, зато на гребне волны скользили несколько серферов, окутанных радужным ореолом брызг и клочьями пены. Зеваки на берегу подбадривали их нестройными криками и разбойничьим свистом, но вероятно — зря, потому что море шумело громче.

Едва они ступили на желтый, как масло, явно привозной песок, Сеню окликнул стройный мускулистый парень в пестрых плавках и темных очках. Казалось, он только-только слез с

доски и сияющие в лучах солнца брызги так и остались у него на плавках.

«Их человек», — немедленно решила Ольша и не ошиблась. Звали его Кейси.

Не прошло и пяти минут, как Ольша, Сеня, Римас, Енот и Кейси в компании десятка серферов и их подружек — просоленных, загорелых до синеватого блеска парней и девушек — уже хохотали, общались, пили коблевский мускат и пиво, которого Енот принес целую сумку, купались, играли в волейбол, обсуждали какие-то внутренние, малопонятные посторонним серферовские проблемы — одним словом, вели себя как любая нормальная молодежная компания на пляже. Ольша плюнула на все земные и космические неприятности и откровенно развлекалась, тем более что за ней немедленно стали ухаживать сразу трое аборигенов. Постепенно тусовка росла и ширилась, подходили новые люди, все больше с портвейном; то и дело кто-нибудь хватал ярко раскрашенную пластиковую доску, бежал к морю и скользил на виду у всех вдоль пляжа. Асы демонстрировали прыжки. Народ радовался с берега. Ольшу пытались научить держаться на доске — в результате она раз пятнадцать сверзилась в воду и нахохоталась на несколько лет вперед. Потом их вызвали на состязание соседи, расположившиеся в полумиле левее. На макушке волны состоялось такое представление, что Ольша на час с небольшим забыла, кто она и где она. К этому времени ветер с моря окреп и волны выросли еще на полметра, что серферов весьма обрадовало. Проигравших выявить не удалось, посему дело спрыснули очередной дозой пива.

Приближался вечер, когда Кейси и Римас обратили внимание Сени на светловолосого парня с доской в руках. Он шел, увязая в песке, со стороны Фороса.

— Это дружок Сергея Затоки, — шепнул Римас.

Сеня неторопливо и словно бы даже нехотя обернулся. Ольша, сидевшая так близко, что расслышала слова Римаса, тоже.

Енот встал и вразвалку пошел навстречу. Смуглая кожа, драные джинсы, усохшие от долгой и тяжелой жизни до шорт с

бахромой внизу, и длинная, скрывающая уши шевелюра делали его похожим на завсегдатая дикого пляжа.

Увидев его, незнакомец с доской замер.

— Эй, Куня! — крикнул кто-то. — Где тебя носило весь день? Мы чуть понизовским не продули!

Тот, кого назвали Куней, настороженно попятился, потом стал бочком отступать к морю. Сеня вскочил, Енот прибавил шагу, а справа, от дороги, появился Паха, успешно скрывавшийся с самого утра.

Куня со всех ног кинулся к прибою, плашмя рухнул на доску и что есть духу погреб от берега. Енот, затормозивший у самой кромки мокрого песка, обернулся к Пахе.

— Корса-а отра-а! — крикнул он протяжно.

Беглец отгреб уже метров на сорок.

Паха метнул Еноту что-то вроде короткой трости.

— Быстрее! — тихо процедил Сеня, косясь то на Енота, то на Куню. Тот уже успел встать на доску и невероятно быстро заскользил прочь, в сторону Симеиза и Ялты.

«Трость» в руках Енота раскрылась на манер веера, превратившись в незамкнутый диск-полубублик. Не хватало сектора градусов в сорок — сорок пять. Енот швырнул его плашмя под ноги; раскрытый веер странным образом завис в двадцати сантиметрах над мокрым песком. Под весом Енота он просел еще сантиметров на пять.

Серферы со всего пляжа давно уже стояли на ногах, превратившись в зрителей. Встала и Ольша. Римас и Кейси, ни во что не вмешиваясь, застыли поодаль.

Енот, являя собой нечто среднее между серфером и скейтбордером, несся над волнами. Пенные макушки хлестали веер, рассыпаясь светлыми брызгами, отчего он плясал под ступнями Енота, словно норовистый конь.

— Ч-черт! — тихо ругнулся Римас. Ольша перехватила его взгляд — вдали стоял человек с видеокамерой и снимал погоню на пленку. Наверняка с самого ее начала. Секундой позже его заметил и Сеня, и пронзительно свистнул.

Человек с камерой прекратил съемку и кинулся наутек. Сеня, Паха и Енот, заскользивший наперерез к берегу (види-

мо, камера была важнее сбежавшего Куни), попытались догнать его, но тщетно: невдалеке стояла зеленая «Полоса», машина, как известно, мощная и быстроходная. Человек с камерой молниеносно прыгнул за руль и был таков. Благополучно удравшего Куню вместе с доской он подобрал спустя пару минут у всех на виду.

Лица у Сени и Енота стали непроницаемыми (у Пахи оно другим не бывало). Компания серферов как-то вдруг сразу вытянулась полукольцом, медленно надвигаясь.

— Что вы с ними не поделили, ребята? — не без угрозы прозвучал первый вопрос.

Первый и последний. Других не возникло — Паха мрачно достал винчестер. Хруст затвора имел свойство мгновенно отрезвлять.

Сеня взял Ольшу за руку, Енот подхватил одежду и опустевшие сумки. Ни на Римаса, ни на Кейси никто даже не глянул, видимо, им незачем было раскрываться.

Ольша обернулась и беспомощно глянула на загорелую пеструю толпу. Так и не удалось стать частью ее. А хотелось.

Еще издали стало заметно, что «Оксо» изуродован до неузнаваемости. Стекла и фары, правда, лишь покрылись мелкой сетью трещин, но уцелели, зато по корпусу словно кувалдами молотили. И шины изрезали в клочья.

— Так! Замечательно... — процедил Сеня. — Минут на двадцать, не меньше. Теперь их точно не догнать.

Спешить хирурги сразу перестали. Вообще, даже совершив ошибку, Сеня с Енотом никогда не злились и не сетовали. Старались исправить по возможности быстрее и прилагали к этому все силы.

Увечную дверцу совместными усилиями удалось немного приоткрыть, вернее, приподнять. Внутрь просочился Паха, сделавшись плоским, как доска. Он тронул что-то на пульте и поспешно покинул машину.

Раненая «Оксо» ожила. Мутными пленками «потекли» стекла, с покрышек лохмотьями начала отваливаться поврежденная резина, захрустел, выпрямляясь, металл. Вмятины пропадали. Автомобиль восстанавливался на глазах.

— Что это Паха там сотворил? — буднично спросила Ольша. Удивление на этот раз не пришло.

Сеня пояснил:

— Задействовал программу машинной регенерации...

Вот так. Машинная регенерация. Будто у ящерицы: оттоптали хвост, да и хрен с ним. Новый вырастет.

Ольша вздохнула. Ведь на самом деле перед ней стояла воплощенная смерть всех станций техобслуживания. В виде кнопки на панели управления и какой-нибудь крохотной коробочки в недрах инопланетного автомобиля.

Сеня не ошибся со временем: спустя двадцать две минуты «Оксо» вновь стал как новенький.

— Поехали...

Невзирая на кажущееся спокойствие и невозмутимость, настроение у хирургов было на редкость отвратительное.

— Скажи, Сеня, — спросила Ольша, глядя прямо в бисмарковы очки, — почему из «ореха» машина вырастает целиком за десять минут, а регенерирует вдвое медленнее?

Сеня помолчал, потом буркнул:

— Это к Еноту. Он спец...

— Программы разные, — вздохнул Енот. Наверное, он не мог взять в толк, как можно не знать таких простых вещей. — Разный уровень сложности: или расти по готовой программе с форсажерами, или отслеживать повреждения и заново создавать программу. Да и энергии на регенерацию раз в семь больше уходит...

Ольша вздохнула. Эмбриомеханика... Слово какое-то неживое.

Зеленую «Полосу» по дороге они так и не нагнали. Что, собственно, и ожидалось.

В Ялту въехали уже затемно. Ночное небо атаковали мириады огней по всему побережью, тьма висела только сверху, над горами, а в городе потоки электрического света захлестывали каждую улицу.

— К «Ореанде»? — спросил Енот. Сеня кивнул.

«Оксо» свернул на улицу Гоголя и покатил вдоль канала, куда люди упрятали шуструю горную речушку Учансу.

Они припарковались на стоянке между «Фордом-Венера» и низенькой пальмой у тротуара. Пальма очень походила на детскую игрушку.

— Толстый! Проверь номер и ресторан. Потом возвращайся.

Ольше Сенин приказ напомнил школьные задачки по программированию. «Взять шар из полосатой урны...»

Паха безмолвно ушел к шикарному порталу, по пути «переодевшись» в денди-стилягу, вплоть до хризантемы в петлице. Швейцар в дверях поклонился ему словно арабскому шейху, набитому нефтедолларами. Ольша хихикнула: если Паха сотворил кредитку из собственной ткани, швейцар останется в дураках, ибо Паха тканями не разбрасывался, даже гильзы после пальбы втягивал в себя.

Вернулся он очень быстро. Покачал головой — мол, нет нигде.

Енот тронул машину. Эмоции они с Сеней сдерживали.

Площадку перед домом на Манагарова освещал старинный фонарь на металлическом столбе а-ля Лондон, девятнадцатый век. Только не газовый, а электрический. И яркий, словно галогенная фара.

Едва они покинули «Оксо», не успев даже опустить двери, сбоку, из-за деревьев, кто-то прокричал:

— Руки! Вы окружены. Стреляем без...

— Фонарь! — шепнул Сеня. Паха мрачно достал винчестер. Тихое «Пок!» вместо обычного «Ду-дут!» утонуло в грохоте трех выстрелов из огнестрелки. Фонарь брызнул осколками матового стекла, и сразу навалилась полутьма, едва рассеиваемая светом в нескольких окнах.

Ольшу мгновенно и бережно уложили на асфальт. «Не шевелись», — прошептала ей на ухо смутная тень голосом Сени и исчезла. Словно по волшебству. Только что была рядом, а в следующую секунду уже никого не осталось.

«Пок, пок», — раздалось справа. Потом глухо и очень громко заговорили земные пистолеты. Шум драки, ругательства (тоже земные) и вдруг — тишина. Долго-долго. Еще шум драки и снова тишина. На этот раз насовсем.

Голову от асфальта Ольша еще долго не решалась оторвать. Наконец осмелилась, подняла и увидела торопливо идущих от

соседней девятиэтажки Сеню и Енота. С другой стороны приближался Паха.

Сеня поставил ее на ноги, словно весила она не больше плюшевого медведя. Потянулся к своим очкам, поправил. Два зеркальца отражали испуганную Ольшу.

— Кто это был?

Сеня вздохнул:

— Поехали... Не бойся, все уже в порядке.

«Оксо» так и стоял с поднятыми дверьми и сейчас очень напоминал птицу, воздевшую на взлете крылья.

Ольша подумала, что дела у хирургов неожиданно усложнились. Наркоз перестал действовать, и пациент опасно зашевелился.

Ночевали они в гостинице «Южная» напротив морвокзала.

6

Утром Сеня с Енотом получили по связи взбучку и выглядели соответственно. Заказали завтрак прямо в номер (Ольше, живущей в одноместном за стеной, — тоже) и безрадостно поглощали «Пино Гри Ай-Даниль», купленный в вестибюле.

Часам к десяти явился Хасан. Если он и сообщил нечто новое, то прибег к чему-то иному, нежели речь. Сеня с Енотом сразу оживились, допили «Пино Гри» и велели Ольше собираться «гулять на набережной».

Паха с Хасаном тут же удалились. Минут через пять спустились и они втроем. На этот раз Сеня решил пешком, да и ходьбы-то до набережной было всего около минуты.

Едва они показались из вестибюля, невесть откуда появился полицейский из отдела регулировки движения. Пришлось задержаться. Ольша заметила, что Енот втихомолку взялся за парализатор. Вряд ли это предвещало что-либо хорошее.

— Простите, господа, не вам ли принадлежит во-он та машина, хэтчбек, темно-серого цвета?

Сеня, сохраняя каменное лицо, согласился:

— Да, это моя машина.

— Прекрасная модель! Как, кстати, называется? Что-то не припомню такой, хотя регулярно просматриваю европейские, американские и японские каталоги.

— «Кондор Кордильера», — без запинки ответил Сеня. — Мне тоже очень нравится.

Ольша еле сдержала улыбку. Ведь «Оксо» действительно был птицей «вроде орла».

— Первый раз слышу! Чья сборка?

— Южноамериканская. Перу. Дочернее предприятие австралийской фирмы «Бас-роллс». Экзотика, знаете ли... А что не так, офицер? Страховка...

— Видите ли, — перебил полис, — вчера эту машину, сильно поврежденную, видели недалеко от Фороса...

Сеня очень натурально рассмеялся:

— Что вы! Моя в полном порядке, можете взглянуть. — Он приглашающе повел рукой.

Енот предупредительно придержал Ольшу за локоть.

— Стой на месте... он сам разберется.

«Не сомневаюсь», — мысленно фыркнула Ольша.

Полицейский некоторое время бродил подле «Оксо», взирая на нее то с одной стороны, то с другой, потом долго пялился в бумаги, слушая объяснения Сени, и, козырнув напоследок, величаво удалился.

— Болван, — констатировал Сеня, вернувшись. — Однако оперативно работают, этого не отнимешь. Хорошо, что вчера номера сменить не поленились...

Ольша покачала головой, глядя на Сеню: «не поленились»! Да там всего-то и делов, что нажать кнопку на пульте. Точнее, несколько: набрать на компе команду и ввести данные. Вот шланги!

Енот вздохнул:

— Ладно, потопали...

Свернули направо. Сеня мельком глянул на вывеску с многообещающей надписью «Таверна» и твердо направился мимо. На набережную они попали, миновав гостиницу «Крым», дом моряка и крохотный чуть выгнутый мостик с ажурными зеле-

ными перилами. Перед памятником Ленину трюкачила пацанва на скейтах. Позади Ленина синел щедро сдобренный медным купоросом бассейн; казалось, что вождь большевиков только что вынырнул и взошел на гранитный пьедестал, потому что сам памятник весь был покрыт зеленоватым налетом. Время никого не щадило. Убирать Ленина, похоже, никто не собирался.

«И правильно, — решила Ольша. — Пусть себе стоит. Мешает он, что ли? В конце концов, он тоже история. Я вот даже не помню имени последнего русского царя. Не то Николай, не то Александр, не то второй, не то третий — вовек не вспомнить. Может, и знала бы, не смети мятежный Октябрь всех героев прошлого с постаментов».

Море синело слева неподдельной (некупоросной) краской. Набережная кишела гуляющими, торговцами, фотографами, попрошайками, лотошниками... Глаз ловил беспрерывное движение. Пальмы, ели и кипарисы шелестели о чем-то своем, растительном. Надувные куклы и звери фотографов ярчайшими кляксами пестрели на фоне серого асфальта, размягченного неистовым ялтинским солнцем. Громадный, сверкающий белизной лайнер являл взору необъятный, в оспинах иллюминаторов бок.

Чуть дальше расположились художники, оккупировав все лавочки. Похоже, проходила какая-то выставка. Вдалеке кто-то гнусно орал под гитару, зеваки ошибочно принимали эти немилосердные вопли за пение. Поглазеть на выставку решили попозже и свернули в «Штурман». Там подавали двенадцать сортов мороженого. Ольша наугад заказала три. Енот не сводил глаз (точнее очков) со входа. Удивительно, но Сеня с Енотом не стали пить — обыкновенно они не упускали случая попробовать что-нибудь им еще незнакомое.

— Помнится, за «русалкой» пивная была, «Парус», — вздохнул Сеня мечтательно. — Бармен сидел еще такой пузатый... не помню как звали. Жонглер, ей-богу, бокалы так у него и порхали... В девяностом, кажется...

Ольша в девяностом еще в школу бегала. Бантики, фартучек белый. И — уже сережки, предмет особой гордости.

После «Штурмана» спустились в подвальчик, похожий на подземелья рыцарского замка. Внутри прятались два крохотных зала. Енот с порога вслушался в музыку.

— Здорово, — прошептал он. — Что это?

— «Пинк Флойд». — Ольша села за столик. — Семьдесят пятый год. «Wish you were here», самое начало.

Енот, завороженно внимая магическому действу английской четверки, скорбящей по Сиду Баррету, опустился на стул.

Пришел Сеня с заказом.

— В их мире подобная музыка в большом почете, — пояснил он Ольше. — Кстати, может, ты не знаешь: Енот слышит гораздо лучше нас с тобой. И в более широком спектре.

Ольша глядела ему в очки.

— А у вас что в почете?

Сеня усмехнулся:

— Все понемножку. Пожалуй, нечто вроде вашего кантри, только потяжелее — это наиболее популярно. Вроде «Криденса» или «Зет Топ». Ритм плюс мелодия. Стравинского у нас вряд ли оценили бы. Хотя я лично очень люблю ваш «Дип Перпл» и «Металлику».

«Перпл» и «Металлику» только ленивый не любит», — подумала Ольша и покосилась на Енота — тот даже дышать перестал.

— Надо будет подарить ему компакт, — решила она. — Хотя найдете ли на чем прослушать?

Сеня покачал головой:

— Не стоит... В архиве наверняка есть.

Ольша глянула на него с уважением. Если архив инопланетной разведки содержит «Флойд», «Перпл» и «Криденс», значит, они не просто балбесы с рефлексами зеленых беретов. Значит, они готовы не просто размахивать скальпелем, но и попытаться понять нас. Понять!

Потому что резать может и обезьяна, а понять — лишь Человек.

Но разве может Человек убить другого человека, даже если тот — негодяй? Кто ответит? Кто вразумит?

Ольша сжала кулаки. Эти двое и, наверное, их соотечественники на двух планетах решили вопрос в пользу скальпе-

ля, раз и навсегда. Ольша еще не решила — для себя. И еще она радовалась, что оказалась среди тех, кого хирурги пытаются понять, а не сразу из винчестера...

Значит, операция имеет шанс пройти успешно.

Полдень лежал на остроконечных маковках кипарисов. Очень не хотелось из прохлады подвальчика выходить на душную свободу летнего дня. Однако Сеня с Енотом неумолимо влекли к известной лишь им цели.

Народу на набережной поубавилось. В тень, наверное, попрятались, в кофейни. Лишь фотографы стоически торчали под своими цветастыми зонтиками, терпеливые, словно пауки в сетях. Каждый норовил нацелиться в Ольшу заморским объективом.

Прошли мимо художников; Завгороднего Ольша увидела только после того, как Сеня легонько двинул ее локтем.

— Гляди! Он?

— Он...

«Будто и сам не знаешь...» — подумала.

— Подойди поздоровайся, — велел Сеня. — Поговори. Хотя бы полминуты.

Ольша на миг растерялась. Сеня и Енот шмыгнули в стороны, будто в воздухе растаяли.

Завгородний фланировал чуть впереди двоих громил. Ни шагу он не ступал без охраны — Ольша еще в Коблево это заметила.

Ну что же, задержать, так задержать. Вскинула голову, заставила себя улыбнуться, хотя и без особого энтузиазма.

Завгородний ее узнал, расцвел, руки растопырил, даже его бульдоги от неожиданности дернулись.

— Ба! Старая знакомая!

— Здравствуй, Боря!

Ольша говорила нараспев, чтоб потянуть время.

Завгородний продолжал цвести:

— Ты какими судьбами в Ялте?

Ольша неопределенно пожала плечами:

— Да вот, занесло... Ветер попутный.

Завгородний оценивающе взглянул на ее наряд. Несмотря на некоторую эфемерность (летний ведь), он стоил Сене неме-

реных баксов в валютном отделе гостиничного шопа. Ольша выглядела как удравшая из дому дочь миллиардера, прихватившая с собой кредитную карточку папаши.

Краем глаза Ольша заметила, что Сеня и Енот положили двоих телохранителей, следовавших несколько в отдалении. Как Римас с напарником кладут еще двоих совсем уж в отдалении, не заметил бы с ее места и Аргус, даже будь у него подзорная труба: дело происходило за углом, в Черноморском переулке, выходящем на набережную.

— Может... — начал было Завгородний, но тут громилы за его спиной рухнули навзничь, не издав ни звука, а их босса аккуратно взяли под локотки возникшие прямо из асфальта Паха с Хасаном.

Упаковали его в секунду.

Тут на грех себе показались двое полицейских. Оба растерянно потянулись за оружием.

Хасан покрепче ухватил Завгороднего и повел его в сторону, Паха мрачно достал винчестер.

«Пок!» — так говорило его ружье, когда Паха не хотел никого пугать, а старался, напротив, действовать потише и по возможности незаметнее.

Пистолет одного полиса вышибло из рук; второй, повинуясь жесту Пахи, сам бросил свой на землю.

Из переулка задним ходом вынырнула машина; Хасан втолкнул Завгороднего в салон и нырнул следом. За рулем сидел вроде бы Римас.

Ольшу дернули за руку — это оказался Сеня.

— Шевелись!

Прямо на набережной стояла еще машина. Ее появление Ольша прозевала напрочь. Енот держал ногу на акселераторе и рванул с места, едва Сеня захлопнул дверцу. Дороги Енот не разбирал: набережная, лавочка, клумба, кусты — все ныряло под капот, под днище. Потом колеса коснулись асфальта; Ольша отстраненно глядела в окно. Улица Екатерининская, памятник Лесе Украинке, дом-музей с шикарным резным балконом... Леся осталась слева. Улица Кирова, поворот.

— Цвет! — нервно напомнил Сеня. Енот кивнул.

Капот, до сих пор отчетливо белевший за лобовым стеклом, вдруг налился красным, словно застеснялся. Енот обращался с компом со сверхъестественной скоростью.

Минут сорок они катались по городу без определенной системы. «Наверное, обрубают хвосты», — решила Ольша. О Пахе спрашивать она не стала. Уж этому уйти от полиции проще простого: свернул за угол, обернулся собакой, скажем, или стаей воробьев, и тю-тю. Или того проще — в воду, и поминай как звали. Дышать ему вроде бы не обязательно.

В гостиницу они вошли со служебного входа, отсидевшись с часок в «Чарде». Швейцар, попивавший кофе на страже, при виде крупной купюры подобострастно заулыбался. Купюра перекочевала в его карман. Отныне здесь никогда не проходили двое молодых людей в темных очках и девушка в потрясающем наряде.

— Переоденься и приходи к нам, — сказал Сеня, отпирая номера.

Он дождался Ольшу в коридоре, скользнул в ее комнату и закатил что-то размером с горошину под кровать. Потом вышел и запер дверь.

Паха валялся на кушетке, напоминая, как всегда, мумию. Енот разговаривал по-гиански с кем-то прячущимся в «дипломате». Сеня стал рядом, чуть повернув стол; теперь Ольша видела в зеркале отражение внутренностей того, что внешне выглядело как обычный «дипломат». Почти всю стоящую вертикально крышку занимал плоский экран. На экране наличествовало лицо пожилого мужчины, отмеченное печатью начальственности. Одежду его было не рассмотреть.

«Небось их шеф, — подумала Ольша и налила себе вина из стоящей на столе початой бутылки. — Вещает из поднебесья. Со спутника, например...»

Взглянула на этикетку, прежде чем пригубить: десертное, «Золотое поле».

Любят эти монстры хорошие вина, трам-тарарам!

Монстры, то бишь Сеня с Енотом, смиренно внимали начальству. Вероятно, их снова ругали.

Наконец начальство угомонилось и лже-«дипломат» был закрыт.

— Фу! — вздохнул Сеня и немедленно потянулся за бутылкой. Темно-рубиновая жидкость полилась в хрустальные фужеры, подводя черту под незапланированной одиссеей Ольши.

Сеня с Енотом расслаблялись. Сделал, как говорится, дело...

Ближе к вечеру передавали местные новости по каналу «Южный Крым». Енот заранее включил телевизор. Обещали сногсшибательный репортаж взошедшей недавно звезды тележурналистики Сергея Градового. Здесь он успел снискать популярность, какая и не снилась в свое время Политковскому. А сногсшибательный репортаж не мог не иметь отношения к сегодняшним событиям на набережной.

Ольша равнодушно ждала, удобно устроившись в кресле и слушая вполуха Сеню с Енотом. Те болтали на винные темы, планируя, что они здесь закупят, чтоб увезти «к себе».

Ее обещали отпустить, как только поймают Завгороднего. Вроде бы теперь пора. Она ждала, не решаясь напомнить о себе. Бормотание телевизора пролетало мимо сознания.

Вдруг Сеня с Енотом умолкли на полуслове. Ольша уставилась на экран.

Крупный план: вид Ялты с гор. Солнце, море, зелень.

Хорошо поставленный голос:

«...кого только не увидишь у нас в Крыму. Стекаются отовсюду, были бы деньги».

Ряд лотков с трех-четырехзначными ценами. Лениво-наглые лоточники в фирме, беспрестанно жующие какой-нибудь «Орбит» или «Стиморол».

«Приходят...»

Экзотического вида ребята — хайрастые, с гитарами и пухлыми рюкзаками — бредут вдоль дороги.

«Прибывают морем...»

Теплоход у причала. Чайки. Флаг треплется на ветру.

«Приезжают... кто на чем».

Троллейбус из Симферополя. Двери с шипением открываются, выходит разномастный народ с поклажей и без; на заднем плане мелькает шикарный «мерс», камера несколько секунд провожает его.

«А иногда даже прилетают».

Ольша чуть не выпала из кресла.

«Оксо» над дорогой. Парит; сзади почти невидимое в свете дня пламя. Колеса горизонтально под днищем. Вот «Оксо» заваливается набок, ныряет под троллейбусные провода, колеса становятся как положено и касаются покрытия дороги.

«Те, кто прибыл в Ялту таким непривычным способом, свое появление не афишировали».

Пустынная дорога, «Оксо» долго катит в одиночестве.

«Наверное, им есть что скрывать».

Крупным планом — Сеня с Енотом. Оба в зеркальных очках, похожи не то на легкомысленно одетых дипломатов, не то на контрразведчиков из приключенческого фильма.

Невозмутимый Паха, смахивающий на манекен. Полностью неподвижный, хотя хорошо видно, что вокруг него вьются несколько пчел.

Смеющаяся Ольша — ее сняли вчера на пляже.

Сеня тихо выругался по-гиански. Ольша ни слова не поняла, но интонацию вполне уловила. Да, от такой рекламы добра не жди...

«Сия симпатичная команда весьма небезразлична к еще одному гостю Ялты. Тоже не особо желанному».

Завгородний крупным планом.

«Завгородний Борис Александрович, 1952 года рождения, гражданин России, житель города Волгограда. Замешан в громком деле двухгодичной давности, связанном с торговлей редкоземельными металлами, а также в ряде более мелких махинаций. Благополучно скрывается от правоохранительных органов уже несколько лет».

«А это... — камера скользит по лицам громил-телохранителей, — это его руки. Точнее, кулаки. Железные кулаки».

Набережная, прогуливающийся народ.

«Но вернемся к более симпатичной команде».

Сеня, Енот и Ольша. Гуляют. В толпе мелькает лицо Пахи, с ним рядом — Хасан, но на Хасана оператор внимания не обращает. Это снято уже сегодня. Незадолго до того, как взяли Завгороднего.

«Никто из них не числится в розыске ни в нашей, ни в какой-либо из соседних стран. Личности их установить пока не удалось. Однако это лихие ребята».

Сеня кладет громилу Завгороднего. Ловко, почти без движений. Енот стреляет из парализатора, кто-то падает.

Енот на лету ловит «трость», раскрывает ее «веером» и мчит сначала над песком, потом над водой.

Паха прямо из тела достает винчестер и стреляет в полицейского. Точнее, в его пистолет. Рука полицейского дергается, самого его разворачивает, пистолет, лязгая, прыгает по асфальту.

«Это не монтаж и не спецэффекты. Все снималось на обычную видеокамеру за один раз».

Замедленный повтор: «веер» падает и замирает над песком, повиснув в воздухе. Без всякой опоры. Енот прыгает на него, отталкивается и скользит к морю.

Паха тянется к боку. Посреди ладони его набухает бугорок — рукоятка винчестера. Из локтя другой руки и прямо из футболки тянутся, текут два потока податливой плоти, сливаясь в один. Хорошо видно, где футболка меняет цвет и становится винчестером. Все это стыкуется с рукояткой, течет, пока не отделяется от тела. Выстрел. Вылетевшая гильза отскакивает к Пахе, касается правой руки и впитывается кожей, не оставив ни малейшего следа.

Паха у гостиницы «Ореанда». В хорошо сшитой паре и стильных «саламандровских» штиблетах. Вдруг вся его одежда начинает оплывать и в несколько секунд превращается в брюки, футболку и кеды.

«Они дерзки и отважны. Полиции совершенно не боятся».

Сцена на набережной. Охрана перебита, Завгороднего, заломив руки за спину, уводит Хасан, обезоруженные полицейские хмуро взирают перед собой.

«Трое из «железных кулаков» убиты на месте. Один скончался по дороге в больницу. Один полицейский отделался вывихом кисти, второй не пострадал вовсе. Замечу, что, несмотря на стрельбу, не пострадали и случайные свидетели».

Летящая над тротуаром машина, сигающая через кусты и лавочки, словно скаковая лошадь. Колеса под днищем. Это не «Оксо», это та, на которой они кружили по городу, еще белая.

— Двумя камерами снимали, — угрюмо заметил Енот. Сеня молчал.

«Кстати, об их машинах. Вот одна из них».

«Оксо» перед гостиницей «Южная».

«Если поверите мне на слово: вчера она подверглась нападению банды хаммеров в районе Фороса. Стекла, как ни странно, не поддались. Зато остальное...»

«Оксо» вчера. Вид плачевный. Номерной знак крупным планом.

«А это она же сегодня утром».

«Оксо» в добром здравии. Номерной знак, не имеющий ничего общего со вчерашним.

«Она же вчера вечером...»

«Оксо» на стоянке у «Ореанды». Паха удаляется. Видно, что машина цела. Номер вчерашний.

«Кстати, так и не удалось узнать, что это за автомобиль. Ни один каталог не дает ответа, а наш эксперт просто озадачен. Такое впечатление, что на старушке-Земле его не делали. Ау, может, кто подскажет?»

«Эк он ловко на межпланетные темы свернул!» — подумала Ольша.

«А вот еще один».

Машина Римаса, оранжево-желтая, словно впитавшая летнее солнце.

«И еще».

«Северный ветер», на котором сегодня увезли Завгороднего.

«Эти автомобили тоже не значатся в каталогах. Не встречались ранее и подобные товарные знаки».

Крупным планом — птица на «Оксо», потом два переплетенных символа на «Ветре» и машине Римаса.

«Добавлю еще кое-что, — продолжал вещать голос. — Позавчера утром в зоне отдыха Коблево (это между Одессой и Николаевом) полиция и служба безопасности пытались арестовать четырех человек по подозрению в совершенном накану-

не убийстве с применением огнестрельного оружия. Девушку и трех парней. Им удалось скрыться на иномарке неустановленной модели. Убитый, а также трое без вести пропавших по странному стечению обстоятельств оказались жителями Волгограда и области и в Коблево прибыли вместе с Завгородним. Днем позже найден труп еще одного волгоградца из охраны Завгороднего. Смерть наступила в результате выстрела из крупнокалиберного ружья незадолго до полудня того самого дня, когда таинственные обладатели странных автомобилей покинули Коблево.

Полиция, совершавшая арест, подверглась действию оружия, не имеющего земных аналогов. Справедливости ради стоит отметить, что жизнь и здоровье полицейских не ставились под угрозу — все уцелели, несколько часов пробыв в полной неподвижности. Зато служебной машине досталось сполна».

Черно-белая картинка: фотография разгромленного Пахой джипа.

«Из Коблево они исчезли около часа дня. В Ялте объявились уже в три двенадцать. Неплохо для расстояния в полтыщи километров. По-моему, за два с небольшим часа преодолеть его можно единственным способом: вот так».

«Оксо» в небе. Полет его стремителен и неудержим.

«Наверное, они люди, — вел дальше голос, — во всяком случае, ничто человеческое им не чуждо...»

Кадр: Сеня покупает вино в гостинице.

Енот с Ольшей танцуют. Здорово танцуют. И снято здорово: полумрак, цветные блики.

— Это те, за угловым столиком, с камерой! — черным голосом сказал Енот. Ольшу даже передернуло.

«Почему-то они прячут лица».

Несколько кадров подряд:

Сеня в очках.

Енот в очках.

Римас в очках.

Снова Сеня, но уже вечером, в полутьме.

Енот.

Ольша.

Енот.

«Впрочем, однажды нам удалось заглянуть под очки. И увидеть, что там прячут».

Замедленная съемка: Ольша и Енот танцуют что-то явно блюзовое. Рука Ольши тянется к лицу Енота, берет за дужку очки и плавно снимает их. Рывком укрупняется план, освещение улучшается.

Снимая очки, Ольша задела длинные пряди волос Енота, сама не заметив этого. Хорошо видно открывшееся ухо Енота — остроконечное, а не закругленное, как у землян или Сени. Енот машинально прячет его под прической. Теперь акцент переносится на его глаза. Красноватые, огромные, с наклонными щелевидными зрачками.

Рука Ольши возвращает очки на место и опускается Еноту на плечо. Танец продолжается.

Многозначительная пауза.

Панорама Ялты.

«Понятия не имею, чем завершится эта история, поскольку в дело вступили работники службы безопасности. Но на вашем месте, господа телезрители, даже если вы и не верите в летающие тарелки, и межзвездную экспансию, и прочую чушь, повстречав этих ребят...

(Снова лица Сени, Енота, Ольши и Пахи.)

...я бы спросил у них: «Откуда вы?»

Последние кадры репортажа растаяли на телеэкране, канал давно уже разразился рекламой, а Ольша все пялилась на светящийся прямоугольник. В ушах звучал чуть хрипловатый голос Сергея Градового.

— Это Затока с дружком, — угрюмо сказал Сеня. — Они журналисты, оказывается. Бог мой, я же предупреждал — это великая раса!

Ольша взглянула на него с сочувствием.

— Да. Засветили вас талантливо.

Енот уже общался с раскрытым «дипломатом». Спустя минуту Паха встал, превратился в... Ритку, точно скопировав одежду Ольши, и вышел из номера. Ольша подняла брови.

Сеня выглянул в окно сквозь занавесь.

— Дьявол! — сказал он и взялся за парализатор. Наверное, внизу творилось что-то нехорошее.

Ольша встала и приблизилась к светлому проему окна. На стоянке у «Оксо», совершенно не кроясь, стояли несколько типов в штатском, все как на подбор плечистые и крепкие.

Сеня вышел на балкон, прямо у них на виду выдавил стекло в номере Ольши, проник внутрь и вынес ее вещи. Типы внизу забеспокоились, не обращая внимания на приближающуюся Ритку, то бишь Паху.

Спустя минуту (а может, и меньше — Ольше казалось, что все происходит на удивление медленно) у балкона завис «Оксо». В дверце и стекле зияли быстро затягивающиеся пулевые отверстия. Вещи как попало побросали в салон. Енот подсадил Ольшу и влез следом. Последним сел взъерошенный Сеня. Он уже захлопывал дверцу, когда в дверь номера громко и требовательно постучали.

— Жми! — скомандовал он. «Оксо» стремительно вгрызся в прогретый летом воздух. Вдалеке урчали вертолетные двигатели.

Но летающая машина оставила их безнадежно позади.

— До свидания, Ялта! — прошептала Ольша с непонятным сожалением. Внизу умопомрачительно синело море.

— Знаешь, Сеня, — серьезно протянул Енот. — А мы ведь не заплатили по счету в гостинице...

6,81

Ольшу высадили в Николаеве. На пустынной улочке недалеко от центра.

— Уж извини, до дому придется добираться самой.

Ольша кивнула.

— На вот... — Енот порылся в объемистом бардачке и выгреб толстенную пачку тысячегривнок.

Сеня пошарил в «дипломате» и добавил столько же.

— Мы все равно уходим... Купишь себе что-нибудь. Не бойся, кстати, они настоящие.

Ольша как попало свалила деньги в сумку, взглянула на часы, потом — по сторонам.

— Извини, что пришлось тебя... гм... задержать. Ты нам очень помогла. Кстати, Завгородний, похоже, совсем невиновен в смерти наших. Просто волею случая оказался рядом. А спутника-«сторожа» сбил шальной метеорит. Представляешь, угодил в единственное уязвимое место и под нужным углом. Вероятность — один к пятнадцати миллиардам. В ближайший галактический год такого больше не случится. Но все равно спасибо тебе.

Даже не верилось, что придется расстаться с этими ребятами. Похожими на ее друзей и непохожими. Добрыми и безжалостными.

— Вы... к себе? Домой?

Сеня пожал плечами:

— Сначала на базу. За головомойкой. Тысяча чертей, нигде мы так не проваливались!

— Не зарежьте Землю, хирурги, — попросила Ольша серьезно.

— Постараемся, — пообещал он и вздохнул.

— Ну, давай лапу...

Ладонь Ольше легонько сжали — сначала Енот, потом Сеня, а потом (к несказанному удивлению Ольши) и Паха. Рука у него была горячая и чуть-чуть влажная. На лице сохранялась все та же непрошибаемость. Пожав руку, он показал Ольше раскрытую ладонь, ставшую матовой, как экран ноутбука. Под «кожей» медленно возникали буквы, складываясь в короткое предложение:

«Ты очень привлекательная самка своего вида».

Ольша смутилась, Сеня с Енотом заржали на всю улицу. Паха невозмутимо «погасил» надпись и вернулся в машину.

— Эй, Толстый! Когда-нибудь я научу тебя делать комплименты гуманоидам, — пообещал Енот, усаживаясь за руль. Ольше он сделал ручкой.

Сеня задержался, заглядывая ей в глаза. На секунду показалось, что сейчас он ее поцелует. Но Сеня только снял очки и протянул ей.

— Возьми. На память.

Ольша приняла подарок обеими руками. Взгляды их встретились.

— Я еще увижу тебя?

Сеня усмехнулся:

— Однажды ты уже задавала этот вопрос.

Он резко повернулся и шагнул к машине. Сухо клацнула дверца, опускаясь на место.

«Оксо», подобрав колеса под днище, круто ушел в зенит. Ольша провожала его глазами, пока темную точку не поглотило небо. Осталась лишь самая обычная улочка, каких в Николаеве десятки. Чудеса закончились, вернулась обыденная серость, но остались еще воспоминания и неожиданное ощущение минувшего праздника.

Вздохнула. Надела подаренные очки.

Сеня, Сеня, разведчик-гианец. Растворился, исчез из ее жизни, как предутренний сон.

«А ведь ему бы очень пошел белый халат», — подумала Ольша, подхватила сумку и зашагала домой, зная наверняка, что ее путь гораздо короче, чем у троицы там, наверху.

Апрель 1992 — январь 1993 г.
Николаев

От автора

Несомненно, что братья Стругацкие косвенно повлияли на все ныне действующее поколение пишущих фантастику. Их идеи и антураж то и дело тянет преломить через призму собственного восприятия; особенно заметно это желание проявляется на ранних этапах творчества, когда еще не накоплен свой жизненный опыт и собственные идеи еще не могут похвастаться глубиной и размахом. Наверное, повесть «Проснуться на Селентине» — как раз дань подобным порывам. Она писалась в два приема: первая половина в 1993 году, вторая — в 1999-м. Интересно, в состоянии читатель разглядеть, где именно проходит шов?

Дописать начатый и надолго заброшенный текст меня побудил один из сотрудников журнала «Если» Дмитрий Байкалов. Однако редколлегией повесть была отвергнута, как и практически все мои произведения, когда-либо попадавшие в «Если».

Кроме того, могу добавить, что в результате развития придуманных миров я решил включить повесть «Проснуться на Селентине» в еще недописанный роман под названием «Заповедник» — в качестве одной из сюжетных линий. По всей видимости, линию придется продолжить.

Проснуться на Селентине

Фантастическая повесть

Глава первая

1

«Назову ее Селентиной», — решил Ник.

Планета была красивая — голубовато-зеленый шар, похожий на елочную игрушку, маленькое чудо на фоне бестелесного космоса и равнодушных далеких звезд.

Ник не любил звезды. Впрочем, звезды способны любить лишь те, кто никогда не выходил в пространство. Это только считается, что космолетчики жить не могут вдали от звезд и шалеют от расстояний: без этого не сможет жить только законченный псих. Любят обычно то, чего лишены. Лишены хотя бы частично.

Космолетчики, например, любят кислородные планеты. А что еще любить? Не метеориты же...

Рейдер переходил из маршевого режима в маневровый, потом — в орбитальный; Ник, зевая, слонялся по рубке и пялился на услужливые экраны. Желтое, словно сыр, солнце какого-то там спектрального класса искрилось, как ему и положено, да сияло. Ника оно мало заботило — спецы будут с ним разби-

раться, а у него, Ника то есть, свои дела. Не заботил его и узкий серпик планеты-соседки на внешней орбите. Или, возможно, спутника Селентины — Ник не стал даже уточнять. «Сядешь — все само собой прояснится», — давно усвоил Ник. Подыскать имя луне можно и позже, внизу, через сутки-другие. Куда спешить? Вдруг луна снизу как-нибудь по-особому выглядит?

Ник ввел имя планеты в картотеку и пошел выращивать разведзонды.

Рейдер был огромен — даже по меркам дальнего флота. Идеальный цилиндр полутора километров в длину, километр в поперечнике. Летающий склад. Жилой сектор на двух человек занимал едва полпроцента объема. Ник, правда, летел один, без напарника. Бурундук на огромном мешке с орехами...

По идее он должен был испытывать какую-нибудь фобию — психологи перед вылетом голосили вовсю, предсказывая всевозможные ужасы. Однако Ник ничего подобного не испытывал, разве только раздражение, когда приходилось тащиться в дальние отсеки. Вместо привычных велосипедов в промтангаре оказались некие хромированные конструкции, абсолютно Нику неизвестные и вызывающие ощущения, сходные с теми, что испытываешь при виде древней бормашины с механическим приводом. Трогать их Ник не решился и ходил пешком.

Запустив зонды, Ник отправился спать, потому что делать человеку на рейдере, как правило, нечего.

Часов через десять, взбодрившись душем и подкрепившись какой-то синтетической дрянью — безусловно, совершенно безвкусной, но зато страшно питательной, — Ник долго колебался: идти ли в рубку за данными разведки или же предаться гораздо более приятному занятию — подготовить к охоте любимую винтовку, которой Ник уделял больше внимания, чем всей аппаратуре рейдера вместе взятой.

Чувство долга победило — он поплелся в рубку. Впрочем, возможно, что победила самая заурядная лень: если на Селентине неподходящие условия, никакой посадки не будет, а значит, прощай охота и регулярно являющийся во снах шашлык по-крымски. Тогда винтовку и расконсервировать не стоит, до следующей планетной системы где-то там, в пустоте, на дру-

гом конце пути длиной в несколько десятков парсек. Но списать решение, разумеется, следует на чувство долга.

Ник даже прогудел нечто бравурное у самой перепонки: «Пам-парам-пам-пам!»

Перепонка лопнула и тут же затянулась, уже за спиной; Ник оказался в рубке. Усевшись перед терминалом, он уткнулся в экран и стал невнимательно перелистывать поступающие данные.

Так. Кислород, азот... проценты... В картотеку все, не глядя...

И зеленая рожица на весь экран — довольная, ухмыляющаяся.

Это означало, что вид homo sapiens, оказавшись без скафандра на поверхности Селентины, не помрет ни от удушья, ни от жары, ни от радиации; ни сразу, ни потом. Если бы рожица была красной и озадаченной — тогда Ник попросту развернулся бы и улетел. Если желтой, сомневающейся, тоже улетел бы, но сначала заставил бы лабораторию сделать все замеры, а резюме немедленно скормил бы ненасытному кристаллическому мозгу.

Цифры, по-прежнему не глядя, Ник сваливал в компьютер рейдера — они сыпались в бездонную память машины и оседали там плотными слоями, чтобы скучные спецы на Земле, Венере, Коломбине или Офелии могли в любой момент запустить туда любопытную руку и выловить необходимую информацию. А какое, к примеру, магнитное склонение на Селентине, система звезды такой-то (Ник не помнил), в точке с такими-то координатами? А такое-то!

Ник вздохнул и попытался представить себе человека, которого могло бы всерьез интересовать магнитное склонение на Селентине в какой-нибудь точке.

Ничего не вышло.

Сам он запоминал только то, что действительно понадобится там, внизу.

Полный оборот вокруг оси — 32 часа. Ровно.

«Здорово!» — обрадовался Ник. Биоритм у него перекрывал стандартные земные сутки чуть ли не в полтора раза. В результате, привыкнув в рейдах есть и спать, когда этого требовал организм, на Земле Ник бодрствовал то днем, то ночью, в самое непредсказуемое время, отчего родственники приходили

в необъяснимый ужас. Почему-то они были твердо убеждены, что в темное время суток непременно нужно спать, а делами заниматься днем. Ник это утверждение с негодованием отметал, но частенько сам страдал от скачущего ритма, ведь нужные ему люди ночью, как правило, предпочитали спать. Приходилось ждать утра, а на рассвете вдруг наваливалась неодолимая сонливость и зевота, Ник падал на диван и отключался до следующей полуночи...

Два континента, площадь каждого — больше чем у Евразии.

Гравитация — 106% от земной. Блеск.

Климат — преимущественно тропическо-умеренный. На полюсах шапки; впрочем, обе довольно скромные.

Леса. Сплошные леса — странно. И странные какие-то леса.

Технологическая активность — ноль. Стало быть, людей нет. Точнее, разума нет — поправил себя Ник.

В целом Селентина являла собой курорт. Мечту космолетчика. Природа, сафари...

Ник скопом обрушил оставшиеся данные в картотеку, сделал себе обязательную инъекцию биоблокады, подготовил винтовку и пошел выращивать посадочный бот.

Через сутки единственный человек покинул рейдер и гигантский цилиндр погрузился во тьму, потому что автоматы включали освещение только там, где находился кто-либо из экипажа.

Нику предстояло вырастить первый на Селентине городок. На две с половиной тысячи жителей. Настоящий городок с коттеджами, пешеходными дорожками, энергетической станцией, посадочной площадкой, лабораториями, кафешками, детским садом, парком... Что еще бывает в небольших земных городках? Грузовой отсек бота до отказа был забит механозародышами, из которых постепенно разовьются здания, дороги, машины, приборы — все, что понадобится первым поселенцам. Поскольку Ник работал в одиночку, на это уйдет около года. Через несколько месяцев, наверное, Земля пришлет еще одного человека на Селентину — биолога. Когда первые коттеджи будут выращены, кто-то ведь должен будет заняться огородиками, городским парком? К приходу поселенцев даже первому урожаю полагалось созреть.

Ник вздохнул. Здорово это все, конечно. Прилетает на Селентину, скажем, какой-нибудь абстрактный Ванька Жуков. Или Джон Смит с семьей, астроном. А здесь его уже ждет новенький, с иголочки, городок и домик, а перед крыльцом во-от такенные яблоки на ветках, прямо рви и наслаждайся, а за углом обсерватория, развернутая по полной программе, прямо садись, работай и наслаждайся, а комп даже успел принять и высветить первое распоряжение от шефа. И кофе в чашечке на столе дымится...

Покосившись на обзорник, Ник отвлекся от мыслей о городке, который покоился, еще не разбуженный, в грузовом отсеке в виде сотен одинаковых яиц-эмбрионов.

У экватора над океаном буйствовали мощные циклоны, плотные спирали облаков казались живыми. Чуть дальше к северу простиралась широкая полоса, свободная от туч, захватывая большую часть северного континента. В южном полушарии заканчивалась осень, поэтому Ник сразу устремился к северу.

Бот быстро снижался; светился слой плазмы, в которую превращался воздух Селентины, трущийся о силовой экран. Комп рассчитал траекторию и повел бот на посадку. Всматриваясь в картинку на мониторе, Ник впервые ощутил какую-то неправильность. Потом он отвлекся — автоматы потребовали, чтобы «экипаж пристегнулся», и пришлось подгонять ремни.

Бот мягко коснулся грунта, и Ник, освободившись, побрел к выходу, даже не взглянув на экраны. Перепонка внешнего люка, слабо чмокнув, расслоилась на несколько пластов, рыхлых с краю, и лопнула, впуская в бот первые запахи Селентины.

Ник замер на пороге. Пахло цветочной пыльцой, клейкими молодыми листьями и еще чем-то растительным. Но замер Ник не от этого.

Деревья.

Они были огромны. Ник никогда в жизни не видел таких огромных деревьев. Стволы метров восьмидесяти в диаметре возносили к небесам величественные кроны, и, даже задрав голову, невозможно было разглядеть верхушки.

— У! — Ник схватился за комп-анализатор, наведя визор на ближайшее дерево-исполин. Комп немедленно выдал параметры, из которых понятны были только высота, размах ветвей

и диаметр ствола у основания, все остальное — сплошная ботаника. Выходило вот что:

высота 5324,75 м; размах ветвей в развертке север-юг 564,2 м; в развертке запад-восток 522 м; диаметр ствола 87,6 м.

— Елочки! — Ник с уважением глянул на дерево. — Пять километров! Биологи с ума сбесятся, точно!

Проигнорировав выращенный трап, он прыгнул прямо на почву, приятно толкнувшуюся в подошвы ботинок. Повернулся, снял бот для бортжурнала, отошел метров на десять и снова снял; не удержался и тут же скриэйтил пробные оттиски. Все получилось очень красиво, прямо как на рекламном туристском проспекте. Маленькие цветные голограммы Ник сунул в карман комбинезона.

Супердеревья росли не слишком густо: между стволами влезло бы три-четыре небольших футбольных поля. Имелись и деревья нормальных размеров, выглядевшие на таком фоне скромными кустиками. Медленно поворачиваясь, Ник снял панораму в режиме видео и сунул комп в чехол. Пора было кончать прохлаждаться и приниматься за работу, по которой он даже успел слегка соскучиться.

Выбрав подходящее место, Ник вынес несколько зародышей, разложил их на положенное расстояние друг от друга и вскрыл пакет с активаторами. В первую очередь надо вырастить коттедж — наполовину жилье, наполовину лабораторию, — энергетическую станцию и вездеход. Коттедж — семь зародышей, станция — три, вездеход — один. Они лежали прямо на траве Селентины — невзрачные округлые яйца размером со страусиные.

Ник хмыкнул. Именно за такие моменты он безумно любил эмбриомеханику.

С хрустом сломалась печать на первом активаторе; из недр продолговатого темного стержня исторгся предварительный импульс и под пальцами запульсировала упругая кнопка.

— Расти! — скомандовал Ник и нажал ее. Кнопка мягко ушла в глубину стержня и зафиксировалась.

Яйца лежали точно так же, как и до этого, но Ник знал, что внутри пробудилась сложнейшая программа. Конкретно сейчас, в данную минуту, идет перекрестное тестирование. Нали-

чие опознанной программы роста, наличие сырья, наличие дополнительных зародышей в пределах обозначенной досягаемости, наличие сервомодулей на контроле, наличие...

— Расти!

Похожая в целом, но отличная в мелочах программа запустилась в базовом зародыше энергостанции.

— Расти!

Единственный зародыш, которому предстояло вырасти в вездеход, Ник положил ближе к боту.

— Ну-с! Поброжу, пожалуй. — Довольно потирая руки и держа пакет с активаторами под мышкой, он зашагал к боту, предвкушая, как сейчас возьмет винтовку и отправится в лес Селентины, пока еще незнакомый и полный безобидных загадок.

Первый зародыш проклюнулся спустя полчаса, но Ник этого не видел — он был в лесу.

2

Когда Ник вернулся, вездеход уже вырос, станция затягивала двухскатную кровлю силикоидной пленкой под венскую черепицу, а коттедж гнал внешние стены. Станция, похоже, оживет под вечер, жилье же будет готово только завтра. Ник вздохнул: придется пару ночей провести в кабине посадочного бота. Не катастрофа, конечно, но кто же не тянется к комфорту?

Он бросил на траву тушу убитой косули. Косуля как косуля — только мех с зеленоватым отливом да рожки иной формы, чем у земных косуль. Даже повадки те же, Ник замучился подбираться к пасущейся добыче, ветер все время менялся, а обоняние у зверушек будь здоров... Впрочем, интеллект все равно победил инстинкты. Собственно, именно поэтому Ник прилетел на звездолете и охотился на никогда не покидавшую свой лес косулю, а не наоборот. «Хищник всегда побеждает», — подумал Ник, но тут же вспомнил, что человек, строго говоря, не хищник, человек всеяден. «Тем более, — подумал он. — Узкая специализация — враг разума. Побеждает тот, кто умеет приспосабливаться».

Сноровисто разделывая тушку, Ник насвистывал какой-то варварский мотивчик; руки его по локоть испачкались в крови, а перед этим он основательно извозился в траве, скрадывая добычу.

— Я являю собой образ кровожадного захватчика. — Ник ухмыльнулся. — Видела б меня сейчас Светка...

Требуху Ник отнес в сторону и закопал поглубже, мясо поставил замачиваться в холодильник, а шкурку растянул в кондише сушиться. Взял допотопный топорик вместо обычного лазера и, продолжая насвистывать, отправился за дровами.

— Да, — глубокомысленно сказал он кривому деревцу, отчего-то засохшему на корню. — Никогда травоядным не стать разумными. Разум — удел охотников.

Топорик взметнулся и пал. Сухая древесина брызнула желтоватыми щепочками, а отчетливое тюканье разнеслось далеко окрест.

Срубив дерево, Ник поволок его к боту.

— Все, граждане. — Он на секунду повернулся к лесу. — На Селентину пришли люди. Покоя больше не будет, и не надейтесь.

И поволок дрова дальше.

Вездеход уже завершил рост, до вечера вполне можно успеть его оттестировать. Маслянисто поблескивающий металлокерам был теплым и шершавым на ощупь. В салоне пахло хвоей и свежей пластмассой. Ник пошевелил ноздрями, втягивая воздух.

— Вот он, запах цивилизации, — патетически воздел руки и плюхнулся в кресло перед пультом. Притянул клавиатуру и запустил реактор. Вездеход ожил. Ник даже не сомневался, что машина в полнейшем порядке. Вот если бы яйцо росло до утра, сожрало бы пару кубов почвы, а вездеход пах серой, тогда бы Ник погонял его как следует и скорее всего свернул бы в сырьевой зародыш, активировав предварительно новый. Чем быстрее вырастало его детище, тем больше уверенности в полном детища здравии. Закон эмбриомеханики.

Когда начало темнеть, Ник развел костер. Иссохшие дрова сгорали, превращаясь в жарко тлеющие угли. Близилась ночь, первая ночь на Селентине, и Ник хотел, чтобы она надолго запомнилась.

Потом он деловито вертел над жаром шампуры и поливал шашлык вином; угли сердито шипели. Ветер упруго шумел в кронах супердеревьев, звук доносился откуда-то высоко сверху, из самого поднебесья, и это было очень непривычно. У земли ветра совсем не чувствовалось, наверное, ему трудно было сюда спуститься с высот. Еще доносился многоголосый стрекот. Ник вдруг подумал, что на деревьях такого размера и цикады должны обитать соответствующие. С человека величиной. Или даже больше.

— Эге-гей, насекомые! — заорал он озорно. — Это я, Никита Капранов, хомо сапиенс, Земля! Встречайте!

Цикады скворчали как и раньше — до пришельца из другого мира им совершенно не было дела.

От мяса на шампурах растекался умопомрачительный запах. Ник выпил еще вина и уселся в любимое плетеное кресло, которое всюду возил с собой, на каждый проект. Оно повидало уже шесть миров, ныне активно заселяемых. Селентина стала седьмым.

Первый вечер под этим небом вполне получился. Ник с удовольствием поел пряного шашлыка, пропахшего дымом, выпил две бутылки «Хванчкары» и, довольный, завалился спать в грузовом отсеке бота. Можно было устроиться и в вездеходе, но Ник не любил упираться ногами в гулкий плексовый колпак — а во всю длину на сиденье он не помещался.

Утром Ник бодро попрыгал у бота на травке, отжался раз пятьдесят, опрокинул на себя с полведра холодной воды и, мурлыкая, словно объевшийся сметаной котище, пошел смотреть на станцию и почти готовый коттедж. Станция выросла целиком; на коричневой, под бук, стене присохла валлоидная пленка со сморщенным активатором.

— Лентяища, — любовно проворчал Ник, — не могла эти двести граммов куда-нибудь пристроить?

И подумал: «Нужно будет проверить программу роста энергостанции. Неужели там нет органов с валлоидными вкраплениями? Обычно зародыши съедают все сырье вокруг себя, даже собственную оболочку. Потому что из камней и чернозема те же валлоидные цепочки еще нужно синтезировать, а тут уже готовые под боком, бери и втискивай куда нужно...»

Внутри станции пахло озоном и той же, что и в вездеходе, пластмассой. Ник пнул дверь и вошел в пультовую. Ряд экранов слепо таращился на него.

— Привет, родимый, — сказал Ник с подъемом. Привычку беседовать с подросшими зародышами он перенял у своего босса, вечно печального Пита Шредера, легенды эмбриомеханики. Ник полтора года стажировался в его саутгемптонском центре.

Повертевшись в кресле и подогнав его под себя, Ник слинковал местный комп с корабельным и прогнал предварительные тесты. Результаты были вполне утешительные: зародыш вырос почти без сбоев, пара огрехов в генераторной, почему-то не работающий кондиционер в комнате отдыха и непрозрачное окно в предбаннике-прихожей. Сходив за ремонтными зародышами — с виду такими же матовыми яйцами, — он вручную запустил нужные куски программы и активировал ремонт через комп. Непрозрачный стеклит в предбаннике держался весьма крепко и Ник изрядно помучился, пока его вышиб.

До обеда он ползал по базовой программе роста этого типа станций и искал в структурных потоках запросы на валлоидные цепочки. Запросы попадались, но куда зародыш отправлял синтезируемые порции, Ник долго не мог отследить из-за кольцевых ссылок. Ругаясь и проклиная бесхитростного программера, Ник прокручивал запросы раз за разом и наконец нашел сбой: чертовы ссылки, вместо того чтобы адресовать готовые цепочки на активные зоны, пересылали туда весь синтез. Когда валлоиды требовались в другом месте, синтез тут же переезжал в новую область, так и не завершив прокладку в прежнем потоке. А едва началась доводка, синтез шел уже из накопленного резерва, посторонние материалы зародыш к тому моменту перестал усваивать, поэтому и не тронул подсохший активатор на остатках оболочки. Дурацкий эффект, неудивительно, что его никто не предвидел.

Обозвав неведомого программера ламером, Ник вылизал процедуру запросов, убрал к черту кольцевые ссылки, заменив их стандартной адресацией на зоны первичного накопления. Вышло несколько длиннее, зато на порядок надежнее. Осталось накатать гневный отчет и отослать исправленную программу боссу. С ядовитыми комментариями, разумеется. Ник

прямо видел, как неподражаемый Питер неподражаемо вздыхает и печально глядит в лицо взъерошенному и злому программисту.

«Хорошо бы его из отпуска вызвали», — подумал Ник мстительно. И тут же представил: вот приехал он, Никита Капранов, в отпуск после Селентины, валяется себе на пляже под Ай-Данилем, и тут в исправленной им сегодня программе всплывает какая-нибудь непредвиденная фича, которая на самом деле скорее баг, и его вызывает неподражаемый Шредер и неподражаемо вздыхает, печально глядя Нику в лицо... Бр-р-р!

— Ладно, — милостиво согласился Ник. — Не буду ругаться в отчете.

Хоть принцип «ламерс маст дай» Ник старался свято соблюдать, приходилось иногда идти на уступки собственному негодованию. Впрочем, в программе были и свои приятные места: несколько остроумных решений в управлении синфазировкой Ник очень даже поприветствовал. Да и вообще в принципе все было написано достаточно грамотно и не без изящества, просто парень этот незнакомый скорее всего не прикладник, а структурщик. Лабораторная мышь, в поле выезжал небось только на практике, вот и прокалывается в самые неподходящие и неожиданные моменты.

После обеда (плов с тмином из той же косули и бокал малаги) Ник засел в рубке бота, пересылая отчеты на Землю через ретранслятор рейдера. Коттедж отправился смотреть уже под вечер.

Тут работы по доводке накопилось куда больше, и спать он пошел глубокой ночью, так и не реанимировав ущербные кухонные автоматы.

За следующие два дня Ник вырастил только линию энерговодов, а остальное время без передыху возился в коттедже, но зато оживил абсолютно все, даже водопровод. Подключив новорожденный дом к станции, Ник победно взвыл и принялся перетаскивать вещи из бота в новое жилище. Вездеход он загнал в ангар левого крыла, чтобы не торчал у крыльца на манер памятника механизированному человечеству. Утром обнаружилось, что в набор оборудования лаборатории входил не привычный комп класса «Фрип», а некое тайваньское чудо, кри-

вое до невозможности и вдобавок совместимое только с азиатским софтом по подращиванию. Ругался Ник очень долго, попутно в уме прикидывая, что проще: демонтировать «Фрип» с бота или вырастить новый? Решил вырастить.

Он не очень удивился: дальний флот — рассадник бардака. Так всегда было и пребудет скорее всего во веки веков, аминь. Проклятия в адрес комплектовщиков давно уже стали обыденностью в любом проекте. Даже скорее традицией.

О супердеревьях и охоте Ник, что и неудивительно, на некоторое время начисто позабыл.

3

В следующий раз на охоту Ник выбрался только через неделю. Коттедж потихоньку утрачивал запах свежевыращенного механа, а сам Ник постепенно привыкал к новому жилью. Любимое плетеное кресло стояло на веранде, и каждый вечер можно было любоваться красотами Селентины, что Ник регулярно и проделывал, попивая вино и слушая шелест леса. Впрочем, музыку Ник тоже слушал.

На месте, где Ник намеревался заложить главную улицу городка, группками росли молодые деревья толщиной с человеческое бедро. Навесив на вездеход захват с лучевиком, он срезал все до единого, только пеньки остались, и уволок стволы в сторону, свалив беспорядочной кучей. Потом, конечно, придется все убрать, но это потом. «Деревья высохнут, будут дрова на шашлык, целая прорва, вовек не сжечь», — подумал Ник отстраненно. Пеньки он рассчитывал выкорчевать завтра, когда велит зародышам: «Растите!» Или сначала на охоту сходит, а потом выкорчует. «Надо будет навесить на вездеход нож-бульдозер...»

Наутро, дорассчитав наконец параметры первой улицы, Ник скрупулезно установил группы зародышей, активировал их и в полдень отправился в заросли, прихватив, естественно, винтовку.

В прошлый раз он ходил на север от места посадки, сейчас отправился на запад. Лес совсем не отличался от привычного

Нику, если не брать во внимание громады супердеревьев. Но они как-то и не воспринимались: стоят себе округлые, невероятно толстые столбы, и все. Только солнце Ник видел редко, да и то в просветы между гигантскими ветвями. Вот солнце как раз выглядело нереально. Ветви на большой высоте казались зеленоватым маревом, никаких подробностей на фоне неба рассмотреть было невозможно. А едва ступишь в местный подлесок — между обычных деревьев, — близкие кроны тут же скрывают все необычности и чувствуешь себя вполне уверенно. По крайней мере Ник чувствовал.

Живности в лесу хватало, но почуяв человека, понятно, все прятались. Ник далек был от мысли, что местные звери видели когда-либо людей и прятались именно поэтому. Просто он как достаточно далекое от природы существо производил, наверное, слишком много шума. Вот и все.

Деревья были больше лиственные, с плоскими пятиугольными листьями, немного похожими на кленовые. Будь Ник канадцем, непременно прикрепил бы несколько штук на входную дверь. Впрочем, у него оставался шанс подстрелить двуглавого орла и украсить чучелом лабораторию. Хотя вряд ли здесь водятся двуглавые орлы. Вряд ли тут водится хоть кто-нибудь двуглавый — ни на одной планете земляне не встретили необычных форм жизни. Все более или менее привычное, такое впечатление, что попадали не на новую планету, а на неизвестный ранее материк. Нечто вроде собачек, нечто вроде кошек (размеры варьируются), нечто вроде коров и коз. Хоботные. Полорогие. Парнокопытные. Птицы. Змеи. Даже скучно как-то. Тут вот — косули, точь-в-точь как на Земле. Даже на вкус. И еще небольшие шустрые длинноухие, наверняка ближайшие родственники зайцев. Правда, энтомологи обыкновенно рассыпались в восторгах, но кто, кроме них, настолько разбирается в насекомых, чтобы уловить разницу между земным москитом и местным кровопийцей с такой же парой крылышек и бурым ненасытным брюхом?

Ник неслышно шагал по слежавшемуся за долгие годы ковру. Вверху кто-то беззаботно щебетал, радуясь жизни. В кустах шуршало и попискивало: дичи в округе было много. Ягоды Ник пробовать боялся: давно собирался проверить, насколько

они съедобны, да все забывал прихватить анализатор из аптечки. Первое время вертел головой в поисках грибов, а потом сообразил: конец весны — начало лета, какие, к лешему, грибы? Гордый оттого, что додумался до этой в общем-то тривиальной мысли, Ник шагал в глубь леса.

— Вот он я, — сказал он неизвестно кому. — Дитя технологического века лицом к лицу с первозданной дикостью. Щаз что ни попадя покорять стану...

Выйдя к ручью, Ник поискал тропу к водопою и скоро нашел: узкая щель в густом кустарнике вела к самой воде, тихо журчащей и скрадывающей посторонние звуки. Ник форсировал ручей вброд и засел напротив, приготовившись стрелять. Сразу, конечно, никто не появится, подождать нужно. Но какой эмбриомеханик не приучен ждать?

И Ник замер. Охотничий комбинезон слился с окружающей зеленью. По матовой синтетической ткани медленно ползали маскировочные пятна в такт шевелению листьев на ветру.

Первым явился похожий на енота поджарый зверек с интенсивно полосатым хвостом. Явно хищник, потому что мордочка его была перепачкана кровью. Видать, только что закусил кем-то нерасторопным. Ник мысленно поздравил коллегу с удачной охотой, стараясь ничем себя не выдать. Енотов пробовать на вкус он не собирался. Зверек, налакавшись вволю, холодно взглянул на Ника, прямо в глаза, словно бы говоря: «Ну-ну...», и растворился в подлеске. Только он убрался, пришла косуля с детенышем, точно такая же, какую Ник подстрелил в первый день. Матку трогать никакой охотник не стал бы, разве что с голоду умирающий поднял бы на нее или на детеныша оружие. Эти пили чутко, прядая ушами и то и дело отрывая точеные головы от воды.

А потом добыча пришла что надо: семья кабанов. Секач со свирепо загнутыми клыками, тройка свиней с выводками шустрых полосатых поросят и несколько подсвинков, прошлого, видать, года. Эти вели себя достаточно вольно, наверное, папаша при случае мог построить даже парочку волков на задние лапы. Ник прицелился в подсвинка и плавно спустил курок. Выстрел сухо отдался в чаще, свиньи шарахнулись в заросли,

исчезнув, словно по волшебству. В том числе и подсвинок, в которого Ник целился.

— Что такое? — изумился он. — Промазал, что ли? С такого-то расстояния...

Перед ручьем виднелись пятнышки крови, уводящие в заросли. Свинтуса Ник по меньшей мере ранил. Надо же, почти в упор бил — и не наповал. Хотя всякое случается.

Ник забросил винтовку за спину и пошел по кровавому следу. Опыт подсказывал ему: скоро зверь ослабеет от потери крови и упадет. Надо только успеть раньше остальной лесной братии, несомненно, готовой закусить на дармовщинку в любой момент.

Кабаны перли прямо сквозь густой кустарник, не разбирая дороги. Ник едва продирался, раздвигая колючие ветви руками и наклоняя голову. В самом сердце зарослей вдруг обнаружился необъятный ствол супердерева, кабаны обежали его справа. Морщинистая кора была похожа на пересохшую растрескавшуюся землю, но не производила, как земля, впечатление чего-то безжизненного. Потом дорогу перегородил верх чудовищного корня, и Ник ненадолго потерял след. Но вскоре опять набрел на кровавую дорожку.

Добыча выдохлась спустя два часа. Ник удивлялся такой силище и страсти жить. Хотя, подстрели человека, затрави его, словно зверя, — еще неизвестно, как человек себя поведет. Ник, во всяком случае, цеплялся бы за жизнь до последнего.

Подсвинок лежал на круглой полянке посреди каких-то местных лопухов. Еще издали Ник его почувствовал — затылок тупо заныл от всплеска чужой адской боли, и сразу необычное ощущение пропало. Вздрогнув, охотник двинулся дальше. На поляну он вышел уверенно, хотя отметил, что почему-то некоторое время не слышно птиц. Нагнувшись над бурой шерстистой тушей, Ник ткнул ее стволом винтовки.

— Готов, — констатировал он и присел на корточки, рассматривая рану.

В следующее мгновение Ник на некоторое время утратил способность дышать. Кровь течь уже перестала, но не потому что запеклась. Рана была покрыта слоем полупрозрачной розовой сукровицы, словно над подсвинком минут двадцать рабо-

тал психохирург. А рядом, в траве, валялась деформированная, похожая на неровный гриб пуля. Ее заставили выйти из поврежденных тканей, а потом упорно заживляли рану, но подсвинок потерял слишком много крови и сил и умер раньше, чем рану сумели залечить.

— Черти меня дери! — прошептал Ник, оглядываясь. Вокруг стеной смыкался лес, а над острыми верхушками обычных деревьев уходил в небеса могучий коричневый ствол. И тихо — птиц по-прежнему не слышно.

Стало вдруг страшно неуютно. Наверняка на него сейчас кто-то пристально смотрит из зарослей, и скорее всего смотрит с ненавистью. Как на убийцу.

Но в конце-то концов! Он же охотился! Не самку с детенышем пристрелил и не все стадо положил. Одного-единственного подсвинка. Ради свежего мяса. Косулю он доел и пошел на охоту только сегодня, когда пришлось бы вновь ужинать таблетками, а кому по нраву питаться таблетками?

Подумав, что оправдывается, Ник сердито подхватил добычу за лапы, рывком взвалил на плечи и зашагал к базе. Винтовка больно давила в бок, и пришлось попрыгать, устраивая ее поудобнее. Но ощущение смутной тревоги все равно не покинуло Ника, и он подумал, что в следующий раз выйти на охоту будет очень нелегко.

Птицы запели, когда он прошел полдороги. Разом, будто по команде. Плечи скоро начали ныть под грузом безжизненной туши, и Ник невольно ускорил шаг.

Он приблизился к коттеджу, огибая вчерашние пеньки. Они сплошь были покрыты молодыми побегами, словно не вчера свалил деревья Ник, а несколько недель назад. Побеги жадно ловили местное солнце клейкими зелеными листьями.

Ник замер с ношей на плечах. Когда он уходил, пеньки выглядели как пеньки: свежий срез, светлые колечки на месте бывших веток... Мистика! Не могли же побеги прорасти за два часа, вымахать по полметра в длину да еще покрыться здоровыми листьями?! Хотя кто знает Селентину? Ник ведь не биолог, а эмбриомеханик. Он привык иметь дело не с изначальной жизнью, а с созданной людьми. Впрочем, механы можно было назвать живыми только с большой натяжкой. С

тем же успехом можно назвать разумным корабельный комп. Но ведь не разумен же он в обычном понимании! И программы его неразумны.

«Кто знает Селентину? — подумал Ник снова. — Вон деревья какие вымахали, по пять километров! Вдруг такими вырастают все срезанные или срубленные?

А с какой стати? Неужели в них просыпается какая-нибудь скрытая программа?»

— Чушь, — вслух сказал Ник. — Не может такого быть.

Он добрел до коттеджа и сунул добытого подсвинка в холодильник. Вряд ли сегодня у него хватило бы духу приготовить ужин из свежатины. Нервы, чтоб их...

Пытаясь вернуть душевное равновесие, Ник влез в вездеход и за два часа извел все пеньки до единого на площадке подращивания. Даже корни отследил и сжег прямо в грунте. Даже траву обратил в сероватый пепел. Осталась голая коричневая земля Селентины.

Хмуро осмотрев результаты своей работы, Ник сходил на склад и принес с десяток охранных датчиков. Датчики, да еще его верная винтовка были единственными механизмами, которые привозились в рейд уже готовыми. Вдавливая таблетки датчиков в податливый лёсс по периметру ростовой площадки, Ник чувствовал себя гадко и неуютно. Словно совершал нечто постыдное или непристойное. Но все же активировал все датчики до единого и запустил неусыпную программу-сторожа.

«Все, — грустно подумал Ник. — Теперь даже муха к коттеджу незамеченной не пролетит. Только на мух сторож все равно не среагирует, потому что это хороший сторож. Современный».

А винтовку он запер в сейф.

Потом он долго бродил среди проклюнувшихся зародышей: яйца лопнули почти все; в почву из них тянулись жадные стебли эффекторов и стробоводов. Коттеджные группы уже опознались и начали вязаться в системные массивы, отдельные яйца-зародыши становились единым растущим механом. Сервис-центр пока тестировался на уровне подчиненных субъединиц, впрочем, он так напичкан мелкими приборами, что расти будет дольше всего, наверное. Громадная сеть зародышей спорткомп-

плекса еще не осознала себя чем-то целым, отдельные массивы пока оставались независимыми. Дальше всех продвинулся легкоатлетический комплекс и футбольное поле — там и расти-то особо нечему, дорожки да стойки... А вот медицинский блок отстает, что с ним?

Ник прокрутил статистику роста: почему-то не хватало кремнийорганики и все тех же валлоидных цепочек. Пришлось подправлять программу на ходу, искать избыток в других массивах и срочно сочинять корректную переадресацию. Это несколько отвлекло Ника, и неясная тревога, захлестнувшая его на охоте, отошла куда-то на второй план.

Вечером, поужинав опостылевшей еще в рейде синтетикой, Ник засел за комп посадочного бота и поднял в небо еще с десяток зондов. Потом скрупулезно листал отчеты запущенных ранее, потому что автопоиск результата не дал, но и после этого не обнаружил ни одной странности, ни одного факта, ни одной зацепки — ничего, что можно было бы списать на разумную деятельность. Селентина была девственна и чиста, ни малейших следов технологической активности.

— Мистика, — проворчал Ник.

Все, что не укладывалось в привычные рамки и не формулировалось понятными словами, Ник называл мистикой.

Ладно. Предположим, что на Селентине есть разум. Предположим, абсолютно атехнологичный. Гипотетическая биоцивилизация. Кстати, тогда понятны попытки оживить подстреленного свинтуса и абсурдная скорость роста срезанных деревьев. Но! Разум предполагает хоть какую-нибудь созидательную деятельность. А где на Селентине...

Ник вздрогнул. Супердеревья! Они вполне могут быть искусственными, ибо трудно поверить, что эволюция пощадила бы эти исполины... Но ведь ты не биолог, Ник. Вдруг они все же естественные?

«А вдруг нет?» — возразил себе Ник.

«Хорошо, что у нас есть помимо них? — Ник пошарил в памяти. — Ничего. Только не до конца заживленная рана на мертвом подсвинке и ненормально большие побеги на пеньках, отросшие за несколько часов».

Кстати, побегов, строго говоря, уже нет, Ник их сжег.

«Черт возьми, они могут быть разумными, но еще слаборазвитыми. Биосредневековье... А супердеревья — это их замки. И периодически они осаждаются неприятелем...

Мистика. А точнее — бред. Но, с другой стороны, что знает Земля о биоцивилизациях, не изучив ни одной, потому что еще ни с одной не столкнулась?»

«Все когда-нибудь случается в первый раз, — подумал Ник, пожимая плечами. — Однако не будем пороть горячку. Просто отправим на Землю экспресс-отчет. С голыми фактами и извинениями за внеплановость».

Ник досадливо поморщился. Тут же примчатся контактеры — эти только и ждут возможности куда-нибудь влезть и что-нибудь запретить. Объявят супердеревья разумными и выгонят Ника с его недоросшими механами. А он уже успел влюбиться в Селентину. Даже подумывал назвать этот континент Светланой. Ну, если не континент, то хоть реку ближайшую...

Но если впоследствии выяснится, что здесь есть разум, Ника взгреют по первое число. Могут вообще из флота выпереть. Есть прецеденты — Гринёв, например, или Франк Даусс. Нужно ли тебе это, Ник? Не лучше ли прослыть излишне подозрительным и чересчур дотошным?

Сомнения разрешил писк дешифратора — пришла первая депеша с Земли в ответ на его базовый отчет. Ник вызвал ее на экран.

— О как! — сказал он, приподняв брови. Оказалось, что биологи буквально встали на рога от известия о супердеревьях и уже мчатся сюда, категорически требуя анализов (раздел Био-АА002, пункты с первого по двенадцатый, кои может проделать комп рейдера через аппаратуру зондов, нужно только переподчинить ему парочку и соответственно озадачить). Результаты НЕМЕДЛЕННО отослать на адрес крейсера «Калахари» и поместить в интерсеть, конференция www.botanik. Кроме того, наличествовал в достаточно вызывающей форме изложенный запрет на дальнейшую работу и обещания санкций, но тут же нашлась спасительная пометка Шредера: «Не обращай внимания, Никки».

— Во, блин, испоганят всю работу, — искренне огорчился Ник. Впрочем, биологи — это все же не контактеры. Те могли

бы не обращать внимания на пометки Шредера и вообще вытурить Ника на орбиту, и он не смог бы не подчиниться.

Зато отпала необходимость ломать голову. Вот пусть и разбираются с заживлением ран и аномальным ростом побегов. А он, Ник, займется городком. И будет посылать биологов ко всем чертям, свалив на них заодно и обязательный комплекс общей тест-программы Селентины.

Связавшись с компом рейдера, Ник создал автономную процессорную область, дал команду на выполнение биораздела, выделил шесть зондов, а потом пошел навешивать на эти зонды дополнительное оборудование — всяческие манипуляторы и кассеты с контейнерами для образцов.

Крейсер выйдет к Селентине через три земные недели, прикинул Ник. Надо успеть вырастить для биологов жилье и биоцентр. Сожрут ведь, если не успею. Как пить дать сожрут.

4

Биоцентр на шесть лабораторий он активировал прямо с утра, чтобы не оплошать перед биологами, если вдруг с зародышами что-нибудь не заладится. Потом подумал и рассчитал вторую улицу, решив не селить биологов в уже готовые коттеджи на первой, а поднять штук пять новых около биоцентра — пускай и живут рядом с работой. К похожему на краба спорткомплексу Ник присоседил пару кафешек-автоматов, а десятиметровый шпиль метеостанции должен был начать третью улицу. Закладывая все новые и новые зародыши, Ник отвлекся от странностей Селентины, в вездеход не совался с неделю, а на лес даже не взглянул ни разу. Подстреленный кабанчик так и остался лежать в холодильнике — ни времени, ни желания освежевать его и закатить шашлык не случилось. До сих пор процесс роста зародышей до такой степени совпадал с хрестоматийным, что Ник даже удивлялся: обычно в полевых условиях доля зародышей, по тем или иным причинам свернутых в сырьевые, не опускалась ниже семи процентов, здесь же пришлось свернуть всего пять штук, что составляло меньше двух десятых

процента. Неподражаемый Питер мог бы быть доволен своим подчиненным.

Тем временем дорос сервис-центр, и Ник теперь мог слать отчеты на Землю прямо из своего коттеджа. Да и ретранслятор он вырастил помощнее корабельного. Городок медленно, но верно обретал лицо.

Управлять процессом роста теперь тоже можно было не выходя из лаборатории в коттедже, Ник выбирался наружу только для закладки новых улиц и строений-механов.

С момента получения депеши от биологов прошло десять дней. Коттеджи для них Ник завершил еще трое суток назад, биоцентр дошлифовывал. Все это время биологи почему-то молчали. Ник удивлялся: он был готов, что его запытают просьбами исследовательского толка, но то ли запросы биологов последнее время стали ниже, то ли эффекторы зондов стали покруче. Впервые Ника потревожили лишь на одиннадцатый день. Комп на столе заулюлюкал и заверещал, как ирокез на тропе войны. Ник, отсыпавшийся после бурной ночки с закапризничавшей программой третьей энергостанции, вяло отозвался:

— Огласите...

— Телеграмма с крейсера «Калахари», — бодро отозвался комп во все саунд-бластеры. — Никите Капранову, эмбриомеханику второго класса, находящемуся в экспеди...

— Опусти, — поморщился Ник. — Текст давай.

Комп осекся, выдержал положенную паузу и продолжил:

— Просьба от института ксенобиологии Свилена Илкова; предмет — исследование аборигенной флоры; согласование с институтом эмбриомеханики П. Шредера — согласовано.

В интересах получения более полной информации о так называемых супердеревьях крайне необходимо провести дополнительные тесты по прилагаемой программе для детект-расширителя к стандартному компьютеру космолетчика. Каких бы то ни было специальных знаний для выполнения сего не требуется. Нужно только в точности следовать рекомендациям программы.

Справившись с этой работой, вы, Никита, оказали бы неоценимую услугу современной науке.

Подпись: Руслан Терещенко, доцент био...

— Опусти, — проворчал Ник, вставая. Началось, подумал он.

К телеграмме прилагался необъятный драйвер. Ник сразу же слил его на свой переносной комп.

Ни одного детект-расширителя ближе чем на рейдере не обнаружилось, пришлось тратить несколько минут на поиск описания, час на программу и час на выращивание. За это время яйцо трансформировалось в квадратную коробочку со стандартным разъемом и усиком двухпотоковой антенны. Ник сразу заподозрил неладное и запустил полученный драйвер. Так и есть: первая же рекомендация сводилась к просьбе подчинить компу обычный зонд-леталку и два шагающих. Ругаясь пуще прежнего, Ник вызвал незанятые зонды, и тут оказалось, что для них тоже нужно выращивать комплект манипуляторов.

Короче, день улетел неизвестно на что. Ник под вечер мельком взглянул на сводку за сутки и, не обнаружив ничего срочного, решил завтра с утра предаться оказанию неоценимой услуги науке. Если только эти чертовы биологи не врут.

Он посмотрел какой-то тупой боевик времен ядерной войны, с горя хлопнул бутылку «Керкинитиды» и завалился спать.

Назавтра он встал с неясной пустотой в душе. Совершенно неохота было заниматься чужой работой, но разве оставался у него выбор? Да и босс, похоже, не прочь, чтоб Никита попахал во славу науки. Но сначала Ник все же проверил свои зародыши. У тех рост вполне ладился и подправлять было нечего; только метеостанция потребовала еще два яйца для расширения базового массива сверх стандарта. Ник пожал плечами и принес зародыши — хочет расширяться, пусть расширяется, кто их знает, теперешние стандарты...

Полчаса ушло на то, чтобы навесить на незанятые зонды выращенные намедни манипуляторы — манипуляторы были специфическими, ими пользовались только биологи-профессионалы, и неудивительно, что Ник с ними провозился дольше, чем рассчитывал. Хорошо, хоть описание попалось толковое — бывает, на такие перлы наткнешься, что и не поймешь сразу, издеваются над тобой неведомые составители описаний или это просто ты такой непроходимый и дремучий идиот, что не можешь с ходу разобраться в самых тривиальных вещах.

После этого Ник сел за комп и вновь запустил полученный вчера драйвер. С минуту в кристаллах процессорной области вершились таинственные процессы, сути которых Ник никогда не понимал и никогда не стремился понять. Потом шевельнулись шагающие зонды возле крыльца — Ник видел их в окно. Потоптавшись на песчаной тропинке, они вышли на дасфальтовую ленту дороги и разбежались в разные стороны — один на север, второй на юг. Тут же следом от крыльца косо взмыл в небо зонд-леталка.

И все. Больше от Ника драйвер ничего не потребовал.

— Ну, спасибо! — проворчал Ник ядовито. — Ну, добрый!

Он вышел на крыльцо. Невольно покосился туда, где еще недавно торчали из почвы подозрительные пеньки, — там вовсю разрасталась дасфальтовая полоса. Выжженная земля скрылась под сероватой поверхностью будущей дороги. А сквозь дасфальт прорасти никакому дереву не под силу...

Хотя жизнь — штука поразительная. Может, тут, на Селентине, какой-нибудь особо упрямый побег сумеет взломать даже сверхпрочные связи дасфальтовых макромолекул. Тогда можно будет отослать невинный отчет шефу: так, мол, и так, имеющиеся в распоряжении материалы не отвечают по характеристикам местной специфике, срочно разрабатывайте работоспособный аналог, данные прилагаются... То-то отцы дасфальта забегают, засуетятся...

Но такого не случалось на доброй сотне миров. Ни разу. Дасфальт неизменно оказывался сильнее жизни, потому что был создан человеком по образцу живых тканей. Эдакий псевдобелковый полимер-универсал. Бионики угрохали массу средств и сил в его разработку, но, похоже, дасфальт оправдывал все затраченные средства и усилия.

До полудня Ник провозился с метеостанцией — все же интересно было: отчего это зародыш решил вырастить базовый массив сверх стандарта? Ползая по статистическим выкладкам, Ник сверял запросы с хрестоматийными и долго не мог найти отличий. И только перед самым полуднем понял, в чем соль: в на шесть процентов большей, чем земная, силе тяжести. А это значит, что у метеозондов чуть меньший радиус охвата. Заро-

дыш недостающую статистику решил компенсировать увеличением числа базовых зондов.

— О как! — изумился Ник. — Умнеем, слы-палы!

Раньше механы решали эту проблему примитивнее: увеличивали число циклов анализа. Точность при этом падала; правда, не увеличивай метеоавтоматы число циклов, от недостатка статистики точность падала бы еще сильнее. Увеличение же числа зондов влекло за собой целую лавину проблем: энергия — раз, процессорные мощности — два, новая программа с расширением потоков анализа — три, надстройка индикации на новые каналы — четыре... В общем, можно было долго продолжать. Растущие механы до недавнего времени с такими сложностями просто не справились бы. Новые — похоже, решились на риск, и не похоже, чтобы сложности особо их пугали.

«Неужели и программу новую самостоятельно сляпают? — подумал Ник недоверчиво. — Дорастет — проверю!»

Он обедал, когда детект-расширитель коллег-биологов истерически заверещал. Ник уронил ложку в миску с таблеточным борщом и помчался к компу.

На экране мигала алая строка:

Шагающий зонд 2 атакован!

Шагающий зонд 2 атакован!

Упав в кресло, Ник лихорадочно прогнал аларм-подпрограмму и вызвал полную картинку с датчиков второго шагающего. Экран мигнул и тотчас на нем возникло изображение: зелень, трава, сучья... Изображение немилосердно прыгало и тряслось: зонд резво удирал сквозь заросли.

Ник переключился на задний обзор: там тоже шевелилась зелень. Но в неверные просветы виднелось что-то движущееся.

Не успел Ник запустить следящую подпрограмму, чтобы вычленила и прокрутила несколько раз нужные участки записи, как зонд выскочил к ручью. На голый вытоптанный пятачок, лишенный даже травы. Было отчетливо слышно, как журчит в русле вода и как шумно минует заросли преследователь. Или преследователи.

В следующий миг из зарослей появилось... появился... появились...

Ник долго не мог подобрать нужного слова.

Обтекаемый двояковыпуклый диск-линза, парящий в воздухе. На нем — толстый бочонок грязно-желтого цвета. У бочонка имелась голова с парой больших черных глаз и два шикарных уса-антенны со стопочкой пластин. Ну прям как у майского жука.

И руки у бочонка были — коротенькие и пухлые.

Следом выскочил второй диск, раза в два меньше по размерам. У этого из передней части росли шикарные, чуть изгибающиеся рога. Ну прям как у индийского буйвола.

«Я же не биолог», — поразился Ник своим сравнениям.

На втором диске сидела словно бы миниатюрная снежная баба: три шарика разного диаметра, насаженных друг на друга, и два шарика сбоку — руки.

Зонд тем временем перебредал ручей. На несколько секунд он погрузился полностью, и изображение затянулось мутной пеленой воды. Потом вновь прояснилось.

Дисков над ручьем было уже три: появился еще один, самый маленький. Этот вообще-то больше был похож на морского двустворчатого моллюска, чем на правильную линзу, а наездник его казался уменьшенной копией бочонка, но был, кажется, мохнат до невозможности.

— Вот он! Вот он! — заголосили преследователи. — Лови!

У Ника окончательно отвисла челюсть.

Голосили по-русски.

В тот же миг изображение на экране дрогнуло и провалилось вниз, словно зонд кто-то подхватил и поднял.

А потом на Ника глянуло лицо. Очень похожее на человеческое. Только глаза явно больше да уши остроконечные.

— Попался? — сказал человек довольно. — Никогда таких шныриков не видел!

Губы его шевелились вроде бы в такт русским словам, но поручиться Ник не мог: когда он смотрел толково дублированные голливудские фильмы, тоже казалось, что американцы-актеры шевелят губами в такт русским словам.

В поле зрения влетел один из дисконаездников, заглядывая человеку через плечо. Самый здоровый. Глаза его, два черных пятна, казались кусочками космической вакуумной бесконечности.

Спустя секунду изображение, снова дрогнув, погасло, и экран заполнился самодовольным интерфейсом детект-программы. Того самого необъятного драйвера.

Это могло значить, что зонд уничтожен. Но Нику почему-то показалось, что зонд попросту отключили.

Трясущимися руками он слил запись в рабочий каталог и пошел отправлять отчет на Землю.

Все. На работе можно было смело ставить жирный крест. Теперь-то сюда точно примчатся контактеры. Одна радость: биологов с Селентины тоже попрут как пить дать.

Ник прокрутил запись раз двадцать, не меньше. Задержал на экране лицо парня-туземца. Долго и пристально вглядывался ему в глаза.

По земным меркам парню было лет двадцать — двадцать пять. Скуластое решительное лицо; четко очерченные губы; падающие на лоб непокорные вихры... Во взгляде его Ник почему-то прочитал непонятное веселое упрямство, словно отлавливая шагающий зонд, этот человек нарушал какой-то таинственный запрет. Цвет глаз Ник определить не смог. Зато кончики ушей, торчащие из-под темных, со странным зеленоватым отливом волос, разглядел прекрасно.

Кроме лица, зонд ничего не смог заснять, но даже сейчас можно было смело утверждать, что парень этот — гуманоид и морфологически чрезвычайно близок к землянам.

Близок, как ни одна раса освоенного космоса.

«Ну что? — зло спросил у себя Ник. — Убедился? Дождался неопровержимых доказательств, умник? Может, свин, до сих пор индевеющий в холодильнике, — домашний? Любимый свин вот этого самого парня. А ты его — бабах! Из «Стетсера». Картечью. Хотя нет, не картечью, пулей. Рана ведь была всего одна».

Перед глазами снова встала наспех, второпях заживленная плоть подсвинка. Ник беспомощно таращился на слепой экран компа.

А ведь земному психохирургу понадобилось бы минут двадцать, если не полчаса, чтоб изгнать из тела пулю и затянуть поврежденные ткани. Местные умельцы справились вдвое быстрее. Или втрое.

Невольно Ник покосился в окно, на маячивший в отдалении неохватный ствол супердерева. Словно этот молчаливый исполин мог дать ответ на все вопросы одинокого, затерянного в рейде землянина.

Когда взвыли саунд-бластеры, Ник все еще находился в ступоре и от неожиданности подскочил в кресле, словно его ужалил скорпион.

«Тревога! К смотровой площадке приближаются посторонние!»

Ник вскочил. Ноги противно дрожали. Он сделал несколько неверных шагов к сейфу с ружьем и замер посреди комнаты. Вытер о брюки мгновенно вспотевшие ладони и бросился к окну.

Но из коттеджа ничего разглядеть Ник не сумел. И тогда он решительно выдохнул, усилием воли унял дрожь в коленках и направился к выходу.

Ружье он все-таки взял с собой.

Давешнюю троицу симбионтов-наездников Ник заметил сразу: они шныряли у самой границы обозначенной зоны, рядом со стволом ближнего к ростовой площадке супердерева. Едва Ник появился на крыльце, все трое на миг замерли, зависли над травой.

В тот же миг от ствола отделились сразу два силуэта; Ник прищурился. В одном он узнал того самого остроухого парня, что охотился на биозонд. Вторая — девушка, похожая не то на фею, не то на дриаду. Во всяком случае, было в ней что-то сказочное.

Ник покрепче сжал ружье. Совершенно непроизвольно.

Ему никогда еще не приходилось иметь дело с инопланетянами. Тем более — с доселе неизвестной расой.

А девчонка, похоже, выговаривала парню, причем сердито и резко. Парень пожимал плечами, совершенно по-человечески, и время от времени вставлял слово-другое. Девчонка морщилась и возобновляла гневную тираду.

Наконец они заметили Ника. Или просто снизошли до того, чтобы обратить на него внимание. Ник стоял у самого крыльца, переминался с ноги на ногу и пытался унять неприятную дрожь в коленках, которая все не проходила.

Девчонка помахала ему ладонью — иди, мол, сюда. Ник нервно сглотнул и, не зная куда деть руки с ружьем, медленно зашагал в их сторону.

Когда Ник приблизился, парень неохотно шагнул вперед и протянул руку с добычей. Схваченный за манипулятор зонд обреченно болтался «головой» вниз.

— Вот твой шнырик, — хмурясь, сказала девчонка. — Извини, что мой брат схватил его. Это не была охота.

Она говорила по-русски, без всякого акцента. Ладони у Ника мгновенно вспотели, он едва не выронил ружье. Перехватив ружье в левую, правой рукой он осторожно принял зонд и наспех осмотрел. Зонд был включен и готов к самостоятельной деятельности. Ничего остроухий парень с ним не сделал. В смысле — ничего фатального. Тогда Ник опустил зонд на землю и легонько шлепнул по гладкому кожуху. Зонд сразу оживился, вскочил на ноги-манипуляторы и проворно побежал к крыльцу коттеджа.

— Спасибо, — чужим голосом поблагодарил Ник. — Вы понимаете меня?

Парень с девчонкой загадочно переглянулись, а самый большой симбионт-наездник радостно, как показалось Нику, запищал.

Чувствуя себя донельзя глупо, Ник лихорадочно пытался отыскать линию поведения. У него едва хватило сил на вымученную улыбку, когда под ногами дрогнула земля. Вернее, не земля, а Селентина.

Толчок был таким сильным, что Ник не устоял на ногах; он даже услышал, как заверещала в коттедже аларм-система.

«Бедные мои механы», — с тревогой подумал Ник. Во что могли развиться зародыши в условиях землетрясения, не сумел бы предсказать и неподражаемый Пит Шредер, легенда эмбриомеханики. Скорее всего зародыши просто погибли бы. Но крохотный шанс у них все же имелся.

— Землеходы! — взвизгнула девчонка. — Наверх, скорее!

В тот же миг лужайка перед коттеджем вспухла черноземным фонтаном. А следом вспух хваленый земной дасфальт, раскалываясь и крошась, словно слюда.

И пошло. Из почвы лезли иссиня-черные лоснящиеся тела, похожие на гигантских земляных червей. Вздрогнул и покосился коттедж, но, не устояв перед исполинской силой землеходов, жалобно всхлипнул и схлопнулся, как карточный домик. Землеходы показывались на поверхности и вновь ныряли в землю, словно это была не плотная слежавшаяся почва, а вода в стоячем пруде. Селентина судорожно вздрагивала.

Ник зачарованно глядел, как дорожка кипящей земли движется к нему, движется быстро-быстро и как-то до ужаса неотвратимо.

Он даже не успел попрощаться с жизнью: сознание оцепенело, не в силах принять увиденное.

Кто-то схватил Ника за руку и рывком дернул вверх, к небу. К смутно зеленеющим где-то вверху ветвям супердерева. Потом Ника перехватили за ногу; мир неожиданно крутнулся, и земля с небом поменялись местами.

— З-з-з-з-з! Хлю-хлю-хлю-хлю! Бз-з-з-зж!

Звуки напоминали саундтреки компьютерных игр для самых маленьких, карапузов лет четырех-пяти. Нику даже показалось, что рядом улюлюкает мини-флиппер.

Но это оказался наездник самого большого из дисков. Тот самый грязно-желтый бочонок. Ручищи у него оказались будь-будь: мускулистые, толстые, с плоскими, похожими на лопату ладонями. Наездник держал Ника за лодыжку, вниз головой, и не похоже, чтобы это его сколько-нибудь утомляло.

Диск поднимался ввысь, вдоль ствола супердерева, и под Ником распахивалась быстро углубляющаяся бездна. Земля внизу продолжала кипеть. Несостоявшийся земной городок перемалывался, как песчаный замок под ливнем на пляже. На месте коттеджа уже щерился безобразный бурый разлом, обнаживший скрытые глубинные слои почвы. Сервис-центр обратился в неясные серые обломки на дне конического кратера. Ажурная чаша ретранслятора обреченно валялась на потревоженной почве и напоминала порванную паутину. На месте энергостанции оседало рыжее облако — освобожденная энергия ушла в недра Селентины, но на землеходов это не повлияло — теперь они буйствовали на территории почти доросшего стадиона. Первой улицы, можно считать, уже не осталось: только косые

стены крайнего коттеджа-механа сиротливо торчали из черноземного месива. Когда шпиль метеостанции с грохотом надломился и рухнул на спину гигантского червяка, Ник зажмурился.

Подняли его уже на добрые полста метров. Два диска поменьше дважды мелькнули рядом и стремительно ушли вверх, обдав Ника плотным порывом ветра. Висеть головой вниз на такой высоте — радость сомнительная, Ник боялся шевельнуться. Вдруг симбионт его уронит?

Спустя вечность диск опустился на шершавую широченную полосу. Ник, успевший сочинить себе судорожную эпитафию, нервно сглотнул и повалился на коричневую поверхность. Казалось, каждый нерв дрожит и дергается от пережитого.

Ник с детства не любил высоту. И никогда не думал, что когда-нибудь будет висеть, поддерживаемый за ногу, над добрым полукилометром пустоты.

Симбионт на диске радостно жужжал, улюлюкал и булькал. Опираясь на руки, Ник приподнялся. Полоса упиралась в толстенный морщинистый ствол супердерева. И Ник понял, что он находится на одной из веток. Под самыми облаками.

Ружье он, конечно же, выронил там, внизу.

Глава вторая

1

— Нет, — сказала Криста. — Так не получится.

Ник беспомощно поглядел на нее.

Вроде бы и по-русски говорит, а ничего не понятно.

— Но мне нужно туда спуститься! Там остались мои вещи, приборы... Связь, в конце концов.

— Внизу ничего не осталось. Да и опасно спускаться туда, куда прорвались землеходы. Вот подожди, загонят их в заповедник, тогда и спустишься.

— Криста, — взмолился Ник. — Я уже три дня торчу на этом чертовом дереве. У меня голова кружится. Я вниз хочу! На поверхность!

— Голова кружится? — удивилась Криста. — Почему?

— Потому что я не привык жить между небом и землей, на ветру!

— Ты не любишь ветер? Ну и сидел бы в дупле, там ветра нет.

— В дупле эти... как их... слизни, что ли. Бр-р-р... Лучше уж на ветру.

— Слизни тебя не тронут, я же объясняла. Какой ты капризный, Ник. Ужас.

— Капризный... Вот запихнут тебя в каюту на недельку — я на тебя посмотрю...

— Что такое каюта?

Ник вздохнул.

— Это такое дупло. Только квадратное.

— На твоем ко-раб-ле? — тщательно, по слогам выговорила незнакомое понятие Криста.

Именно понятие, а не слово. Потому что на самом деле Криста не издавала никаких звуков. Она была телепаткой. Как и все аборигены Селентины.

— Я ведь объяснял уже, это не мой корабль. Точно так же, как это дерево не твое.

— Не мое, — подтвердила Криста. — Это дерево дядюшки Влоха.

Ник непонимающе уставился на нее.

— То есть? У деревьев все-таки есть хозяева?

— Не хозяева. Опекуны. Те, кто заботится.

Это стало для Ника новостью. За три дня он успел кое-что выяснить о социуме аборигенов. Но — вот ведь парадокс! — чем больше узнавал, тем сильнее запутывался.

У селентинцев практически отсутствовало понятие собственности. На чем зиждилось их общество, Ник вообще не смог разобраться. Жили они в лесах, не то общинами, не то вообще как попало. Кочевали. Постоянных жилищ не строили. То бишь не выращивали — биоцивилизация все-таки. Ник судорожно пытался вспомнить все, чему в свое время учился на спецкурсах, и убедился, что помнит постыдно мало.

Откровенно говоря, на дереве Ник больше всего страдал вовсе не от ветра и не от слизней в дупле. Первый день он свалился от перепада давления — его за несколько минут под-

няли больше чем на полкилометра. На второй стало полегче, но остался панический страх высоты. Ник не осмеливался отходить далеко от дупла, да и то только по самому центру ветви, подальше от закруглений.

За эти три дня Ник так и не пришел к однозначному мнению: кто более цивилизован, земляне или селентинцы? Слишком уж отличались они, две расы двух миров. С одной стороны, селентинцы похожи на дикарей: живут в лесу, едят плоды, ягоды, грибы, корешки всякие, иногда — охотятся, иногда — ловят рыбу. Огнем почти не пользуются. Сколь-нибудь цельного в планетных масштабах сообщества селентинцев Ник пока не углядел, но кто знает, может, оно и существует. Просто за три дня его не углядишь.

С другой стороны, ни Кристу, ни ее братца Бугу, ни даже с виду безмозглых симбионтов-левитантов совершенно не смутило объяснение Ника, откуда он, собственно, взялся. Они явно прекрасно понимали, что собой представляют звезды и что собой представляют планеты. Собственно, их больше всего заинтересовал способ, посредством которого Ник перенесся к Селентине из другой звездной системы. Выслушав путаные объяснения, Буга разочарованно протянул: «А... Реактивная тяга...» И к тихому ужасу Ника, с разбегу сиганул с ветки, которая возносилась над поверхностью Селентины на добрых полкилометра. Разбежался, резво засеменил по закруглению ветви, а потом оттолкнулся, мелькнул и пропал из виду. Криста проявила больше интереса, причем сразу же, в лоб заметила: способом, который описал Ник, преодолевать пустоту очень долго. Ник еще более путано объяснил, что реактивная тяга суть просто маневровый режим, а маршевый режим суть цепочка нуль-переходов или пульсация, но физики Ник объяснить не сможет, поскольку не специалист.

Криста вздохнула, но без особого, как показалось Нику, сожаления.

А уж психотехника и психомедицина у аборигенов были развиты — куда там землянам!

О целях своего пребывания здесь Ник рассказывал долго и в общем бесплодно. Строить жилища? Но полноте, здесь ведь хватает деревьев! Люди не живут на деревьях, терпеливо

объяснял Ник, люди живут в домах. А зачем? — допытывалась Криста.

Ник с ума сходил от подобных вопросиков.

— А зачем вы живете на деревьях?

— Мы не живем на деревьях, — сказала Криста.

— А где вы живете?

Криста засмеялась:

— Здесь! На Селентине. Здорово, что ты угадал ее имя, Ник. Ты, наверное, очень способный.

Похожая на фею девчонка вдруг грациозно подпрыгнула и заложила лихую мертвую петлю — в полный рост, только чуть изогнувшись. За спиной ее, как показалось Нику, затрепетало что-то полупрозрачное и эфемерное, вроде тончайшей фаты или призрачного марева, как в жару над дасфальтом. Затрепетало и исчезло. А Криста мягко опустилась на шершавую кору ветви дерева-исполина. Сохраняя горделивую вертикаль.

Точно, фея.

Скудная ее юбочка из чего-то растительного во время воздушных упражнений не сдвинулась ни на сантиметр, даже в момент, когда Криста оказалась в положении вниз головой, вверх стройными, словно у балерины, ножками. Ни дать ни взять пупс пластмассовый, у которого юбочка просто нарисована...

Ник тяжко вздохнул. Все-таки видеть такую девчонку — испытание для любого мужика. Даже если она инопланетянка. Ник тихо радовался, что его вынужденное рабочее отшельничество только началось. Вот просиди он тут полгода без женщины — волком бы взвыл...

Кормили его то кашицей, вкусом подозрительно напоминающей мясной салат, то плодами, вкусом вообще ничего земное не напоминающими, но невероятно сытными, то вообще не пойми чем. Подавали на овальных листьях с загнутыми, как у блюдца, краями. Вместо вилок или ложек пользовались палочками с плоскими концами. Выяснив, что Ник не умеет жить на дереве, Криста весьма непринужденно продемонстрировала ему место в дупле, где можно было справить нужду. Хорошо еще, что пример не показала, а то с этих детей природы станет-

ся... Выскользнула из дупла и пропала куда-то, предоставив Нику самому вникать в тонкости.

А в дупле, как оказалось, даже ручей тек. Эдакий водопровод местного значения. И канализация заодно. Правда, в ручье была не совсем вода, но это уже детали.

В общем, Ник пытался хоть что-то выяснить об аборигенах, пока не прилетят контактеры. А свою судьбу, чтобы не шипели со злобы, Ник заранее решил объявить пленом. Форс-мажорными обстоятельствами. Ибо по инструкции любой космолетчик, убедившись, что столкнулся с инопланетным разумом, обязан свернуть все работы, по возможности уничтожить следы своего пребывания, в кратчайшие сроки покинуть место контакта и ожидать прибытия комиссии...

Что-что, а эту часть инструкции Ник помнил назубок.

Работы он свернул, равно как и следы своего пребывания начисто уничтожил. Точнее, свернул работы и уничтожил следы не он, а исполинские черви-землеходы, но какая, по сути дела, разница? Единственная проблема — ружье Ника валяется где-то там, внизу, да, может, еще какая-нибудь запретная техногенная мелочь. Осиротевшие зонды, останки эмбрионов...

Городок только жаль. Ник успел с ним сжиться. Он вообще быстро сживался с механами, которых выращивал.

А вот покинуть место контакта у Ника не было никакой возможности. То есть абсолютно. Криста просто не пускала его вниз, а каким образом спуститься с супердерева самостоятельно, Ник совершенно не представлял. Не просить же симбионтов в самом деле? Да и слушаются они селентинцев-гуманоидов во всем. Не согласятся, поди.

До прибытия группы контакта, по подсчетам Ника, оставалось около недели. Пять местных суток.

— Криста, — спросил Ник, устраиваясь поудобнее. Он присел на неровность коры и оперся спиной о бугорок размером с добрый вездеход. — А как получается, что вы летаете?

— Летаем? — удивилась Криста. — Разве мы летаем? Мы просто не падаем.

Ну вот. Как прикажете понимать подобный пассаж? Софистика какая-то.

— Ну хорошо, — согласился Ник. — Как получается, что вы не падаете, даже если сиганете с ветки?

Криста наморщила лоб, задумавшись. Скорее всего она никогда над этим не задумывалась. Все равно что спросить у человека, как он ходит.

— Ну... — протянула она и неопределенно повела руками, словно хотела обнять что-то огромное и округлое. — Мы не позволяем Селентине себя взять, вот и все.

Очень мило. Локальная отмена законов физики. «Сим велю гравитации быть надо мною не властной...»

— А как? — допытывался Ник.

Криста некоторое время честно думала. Потом досадливо отмахнулась:

— Ник, если уж задаешь вопросы, задавай настоящие, пожалуйста!

Вот так вот. Под настоящими вопросами Криста, вероятно, подразумевала нечто вроде «Зачем люди живут в домах?».

А ведь в сущности требования контактеров не так уж глупы, подумалось Нику. У нас, кажется, мышление совершенно иное. В принципе. Или, как выразилась бы, наверное, Криста, — в корне. Тут психологи нужны. Ксенопсихологи. А Никита Капранов — всего-навсего эмбриомеханик. Правда, хороший эмбриомеханик. Но разве оттого, что он хороший эмбриомеханик, Ник хоть на йоту больше понимает психологию селентинцев?

Есть вопросы. Нет ответов. Вернее, ответы есть, но непонятные.

2

Контактеры явились даже на сутки раньше, чем рассчитывал Ник. Причем на селентинские сутки, которые почти в полтора раза длиннее земных. Спешили, видимо, выжимали из крейсера все, на что были способны его движители.

Вообще это символично — мчаться к контакту с инопланетным разумом на военном корабле. Было в этом что-то от дипломатии канонерок, солидное, весомое и непререкаемое.

Где-то в поднебесье родился рокочущий звук; озадаченно притихли птицы. Ник вскинул голову, но сплошное зеленоватое марево над головой не позволяло рассмотреть ни само небо, ни идущий на посадку бот.

Что ж... На место погибшего городка навелись весьма точно.

— Криста! — заорал Ник, суматошно пританцовывая у дупла. — Ты где? Криста! Буга!

Сейчас Ник был бы рад видеть даже неприветливого братца лесной феи. Кажется, абориген Буга Никиту Капранова невзлюбил. Ревновал, что ли? Поди пойми, что селентинцы вкладывают в понятие «брат» или «сестра»...

Но Криста и Буга куда-то исчезли на рассвете, по обыкновению оставив Нику еду на листьях. Ник как раз собирался позавтракать, когда услышал идущий на посадку бот.

«Блин, — подумал Ник едва не с отчаянием. — Еще решат, что я погиб... Родным телеграмму отошлют — мама с ума сойдет...»

Относительно спуска с полукилометровой высоты у него не возникло ни единой позитивной идеи.

На крики явилась только неразлучная троица симбионтов. Зависнув в метре от Ника, они в три голоса заулюлюкали и задребезжали.

— Чего — у-лю-лю? — зло бросил им Ник. — Мне вниз надо! Вниз! Понимаете, безмозглые вы жучары...

Ник присмотрелся-прислушался и отметил, что звуки издавали только два симбионта — большой и средний. В основном большой. Маленький вертелся рядом, но молчал.

Тяжко вздохнув, Ник прислонился к своему любимому бугорку. Гул в поднебесье постепенно нарастал.

Криста явилась спустя час.

— Эй! — закричала она, Нику показалось, радостно. — Твои друзья упали!

— Упали? — встревожился Ник. Гул садящегося бота затих минут двадцать назад, причем, судя по звукам, сел он совершенно нормально.

— Ага! Упали! Плод, в котором они падали со звезд, раскрылся, и теперь они копошатся на рытвинах твоей делянки. Наверное, плод это и есть ко-рабль?

«Господи! — подумал Ник. — Да они просто сели и осматриваются! Ну, Криста, ну, дитя природы! Так и до инфаркта недолго довести».

— Нет, Криста. Корабль остался там, высоко-высоко. На орбите. А это посадочный бот.

Потом Ник забеспокоился:

— Криста, а землеходы? Там же опасно?

Тот факт, что выращивание городка селентинцы восприняли как что-то вроде возделывания огорода, Ник принял еще вчера. В конце концов, согласно своему неотрывному от природы мышлению, они даже были в чем-то правы. Хотя сравнение его, эмбриомеханика, который стажировался у самого Шредера, с каким-то там дачником-огородником все-таки немного обижало.

— Землеходов прогнали, Ник. Еще вчера вечером. Кстати, ты можешь спуститься.

— Так пошли скорее!!! — заорал Ник. — Мне нужно к своим!

— Зачем? — насторожилась Криста.

Ник запнулся на полуслове. М-да. Как объяснить этой простодушной обаяшке, что такое начальство? Что такое флот и что такое штатное расписание? Что такое устав дальнего флота и что такое наставление по работе на внеземных территориях и почему всему этому надлежит неукоснительно следовать? Как?

— Ну... — Он протянул. — Там есть человек, который главнее меня.

— Главнее?

В зеленющих глазах Кристы светилось полное непонимание.

— Ну... Старше. Ответственнее. Информированнее. Собственно, это он послал меня сюда выращивать город...

— А! — встрепенулась Криста. — Твой наставник?

— Ну да, вроде того.

— Он упал, чтобы посмотреть, как ты справился? — догадалась Криста. — Тогда он будет недоволен.

«Да уж, — подумал Ник меланхолично. — Недоволен — просто не то слово...»

— Криста, у нас не говорят «упал», у нас говорят «прилетел».

Криста удивилась:

— Почему? Плод ведь не прилетел, а упал. Со звезд. Ну, ты понимаешь, что «упал» — это всего лишь удобная метафора? Мы вовсе не считаем Селентину центром Вселенной, просто принять ее точкой отсчета было во всех отношениях удобно.

— Я понимаю, — ошарашенно промямлил Ник. — Но у нас все равно говорят «прилетел»... Упасть — это когда полет неконтролируемый. И тогда бот... плод получает повреждения. Я могу испугаться, если услышу слово «упал». Испугаться и огорчиться.

Криста снова смотрела на него без тени понимания. Кажется, у нее в сознании не укладывалось понятие неуправляемого полета. Или это она относительно испуга и огорчения недоумевает?

— Ладно, — сменил тему Ник. — Как я спущусь вниз?

Криста встрепенулась.

— Падай... то есть лети, — велела Криста и разом вознеслась метра на три над ветвью.

Ник, понятно, остался стоять, где стоял.

Криста успела отдалиться метров на двадцать; потом оглянулась.

— Ну, что же ты?

— Криста, — беспомощно протянул Ник. — Я не умею летать... То есть я не умею не падать. Если я соскользну с ветки, я просто шлепнусь оземь и умру. Разобьюсь. Переломаю все кости.

Криста вернулась; теперь лицо ее выражало легкую озадаченность.

— То есть ты умеешь только подниматься?

— И подниматься я не умею. Я могу только ходить по поверхности. Или по какой-нибудь твердой и надежной опоре вроде этой ветки.

— А почему?

Ник только руками всплеснул.

— Ладно, — поспешно согласилась Криста. — Не злись, пожалуйста, я просто тебя плохо понимаю. Ладно, я тебе верю. Но как-то ведь ты на эту ветку забрался? Когда пришли землеходы. Может быть, ты просто забыл?

— Нет. Не забыл. Меня сюда принесли эти ваши жуки-шнырики. Вон тот, здоровый.

Симбионт, когда о нем зашла речь, радостно завжикал и заулюлюкал.

— Шнырики?

— Да. Цапнул за ногу, принес на ветку. И бросил. А потом уже вы с Бугой прилетели.

Криста похлопала глазами и вдруг завжикала-заулюлюкала не хуже симбионта. Все три жучары радостно заплясали над ветвью, беспрерывно скрипя, цокая, бибикая и черт еще знает каких звуков не издавая. Хотя нет, самый маленький, похоже, снова молчал, только двигался. Больной он, что ли, и оттого бессловесный? Или просто мал еще?

— Странно, — вернулась Криста к русскому языку. — А почему ты раньше не сказал? Мы думали, ты сам.

— А я думал, вы знаете, — развел руками Ник. И на всякий случай добавил: — Извини.

— Ну, — решительно сказала Криста, игнорируя извинения, — раз шнырик тебя поднял, то шнырик тебя и упадет! То есть прилетит!

«Опустит», — хотел подсказать Ник, но в голову пришла слишком уж неуместная аналогия. И он промолчал. Прилетит, так прилетит. Главное, чтобы не упал...»

Не в меру активный симбионт неожиданно поддал Нику сзади под колени, и Ник, сдавленно охнув, невольно уселся на диск-линзу. Бочонок оказался у него между ног; чтобы не упасть, Ник схватился за могучие, не по росту симбионта, плечи и затаил дыхание.

Диск косо валился долу, ветвь уже пропала где-то вверху. Свистел ветер, вынуждая щурить глаза. В какой-то момент рядом мелькнула Криста в своей нарисованной юбочке и приклеенной маечке, потом средний симбионт, с рогатым диском.

А потом симбионт сделал мертвую петлю, Ник не удержался и с воплем свалился, но оказалось, что высота к этому моменту составляла едва тридцать сантиметров, поэтому в лопатки сразу же толкнулась земля. Селентина. Твердь.

И сразу вслед за этим в глазах стремительно потемнело — за несколько секунд Ника спустили с полукилометровой высоты на уровень моря.

— Ох-х-х... — выдавил из себя Ник и перевернулся набок.

И вдруг ему разом полегчало.

— Эй! — его легонько потормошили.

Ник открыл глаза. Он все еще лежал на траве у подножия супердерева, а над ним склонилась встревоженная Криста.

— Что это с тобой? — спросила она с интонациями медсестры.

— А? — переспросил Ник и прислушался к себе. Самочувствие было в полной норме, словно его только что чинил психохирург.

Впрочем, так оно скорее всего и было. Криста любому земному медицинскому светилу сто очков вперед даст — Ник видел, как она затягивала царапины своему непутевому братцу. Если, конечно, можно назвать царапинами длинные рваные раны, похожие на следы от когтей какой-нибудь местной рыси.

— Фу... Встаю, Криста. Уже встаю, — пробормотал Ник, действительно поднимаясь на ноги. На миг ему показалось, что снова накатывает дурнота — но нет, все оказалось в норме.

Посадочный бот класса «Капитан» жабой льнул к Селентине метрах в восьмистах от ствола супердерева. Перепаханная землеходами почва напоминала плацдарм планетарного десанта, где недавно кипело жаркое сражение. Огромные воронки чередовались с целыми терриконами потревоженной и отваленной в кучи породы.

Бот сидел рядом с местом бывшей метеостанции.

Ник искоса взглянул на Кристу и направился к боту.

Криста сначала двинулась за ним, но потом, словно почувствовав тревогу Ника, остановилась.

— Ник! — сказала она. — Я, наверное, не пойду. Потом меня позовешь, ладно?

Стало совсем тихо, даже балаболы-шнырики заткнулись.

Ник задумался. Наверное, это правильное решение.

— Хорошо, Криста. Как я тебя найду?

— Позови. Я услышу.

— Ладно, Криста. До встречи. И... спасибо. Тебе и Буге. Без вас я бы погиб.

Криста серьезно кивнула:

— Да. До встречи, Ник. Надеюсь, твой наставник не очень рассердится.

И она легко побежала к деревьям — прямо по рытвинам и отвалам. Несколько секунд — и ее поглотила зеленая стена леса. Шныряки, разумеется, исчезли вместе с ней.

Тоскливо поглядев на бывший городок, Ник тяжко вздохнул и побрел к боту.

— Капранов! — окликнули его по громкой связи. — Стоять! Не приближайся к боту!

Ник замер.

— Тебе нужна медицинская помощь? Если да, подними обе руки вверх. Если нет, разведи руки в стороны.

Ник послушно развел руки в стороны.

— Отлично. Извини, ты сначала должен пройти карантин и дезактивацию.

— Уроды, — пробормотал Ник. — Если б не Криста и ее сородичи, никакого карантина точно не понадобилось бы...

Но, понятно, остался стоять на месте.

Теперь он заметил, что справа и слева от него на кучах вывороченного чернозема стоят десантники в легких скафандрах. Вооруженные.

Из грузового трюма бота тем временем вырулил здоровенный походный вездеход «Харьковчанка» со здоровенным красным крестом на борту. Расшвыривая гусеницами комья земли, он помчался к Нику.

Приблизился. Замер метрах в пяти. Двое во все тех же легких скафандрах полезли наружу.

— Здравствуй, Никита, — поздоровался передний.

Ник не сразу его узнал под шлемом — Николай Федорович Гребенников, флотский врач. Перед экспедицией на Селентину Ник проходил обследование именно у него.

— Чего это вы в скафандрах? — удивленно спросил Ник. — Я так разгуливаю — и ничего.

— Из-за тебя, Ник.

— В смысле?

— Ну, ты ведь имел контакт с аборигенами. Значит, карантин...

— А откуда вы знаете, что я имел контакт с аборигенами?

Гребенников замялся.

— Ник, ты же в рабочем комбинезоне.

— А... — спохватился Ник. — И действительно. Одичал я тут, Федорович, забыл обо всем и о датчиках ваших забыл. Давайте свои хлорофосы, а то я, если честно, замаялся уже в дупле жить.

— Пошли.

В корме вездехода отворился овальный люк в дезкамеру. Некий англоязычный шутник в приступе остроумия сподобился на двери намалевать череп с костями и ниже написать: «Death-camera». Единственно, что скрашивало этот безрадостный пассаж, — это ухмыляющийся череп. Выглядел ни капельки не угрожающе, а наоборот, словно подбадривал: «Держись, космолетчик!»

Ник забрался внутрь, улегся на теплый пластиковый пол и блаженно раскинул руки.

Люк задраили, и секундой позже на эмбриомеханика дальнего флота Никиту Капранова обрушился стерильный ионный душ.

— Если заразы нет, — философски заметил Ник, обращаясь к запертому люку и нарисованной мертвой голове, — ее нужно придумать.

3

Начальник контактеров оказался субъектом на редкость угрюмым и неприятным. Лицо бледное, залысины, тонкие губы, странно бегающие глаза. Будь Ник аборигеном — ни за что не стал бы иметь дело с подобным типом. Звали начальника Геннадий Градиленко, и Ника он, похоже, невзлюбил еще до того, как впервые услышал о его существовании.

— Значит, вы, памятуя о пункте три седьмой главы наставления по работе на внеземных территориях, тем не менее не выполнили ни одной инструкции из этого пункта? — в который уже раз спросил Градиленко, глядя куда-то выше и левее Ника.

Ник сидел посредине крохотной шестиугольной каюты на легком табурете. Градиленко устроился за столом, и там ему было неизмеримо удобнее, нежели Нику.

— Повторяю. — Ник уже успел стать безучастным. — Аборигены сами вышли на контакт. У меня просто не было времени свернуть лагерь и растущие зародыши, случилось непредвиденное. Форс-мажор. Понимаете?

— Когда вы впервые установили, что Селентина обитаема?

— Достоверно — примерно за полчаса до нападения землеходов на город. В момент, когда просмотрел видеоролик шагающего зонда.

— Значит ли это, что у вас были косвенные доказательства раньше?

— Доказательств — не было. Были догадки, подкрепленные логическими натяжками. С тем же успехом я мог и ошибиться.

— Расскажите о своих догадках подробнее.

«Чтоб тебе провалиться, зануда... — раздраженно подумал Ник. — Господи, как только земля таких носит?»

— Послушайте, Геннадий...

— Викторович.

— Послушайте, Геннадий Викторович! Может быть, вы сразу скажете — чего вам от меня надо? Я — эмбриомеханик. Я выполнял свою работу здесь, на Селентине. Прямых свидетельств обитаемости Селентины не было и быть не могло. Как только я столкнулся с аборигенами, я был готов свернуть городок и убраться на орбиту. Но Селентина не предоставила мне такой возможности, понимаете? Я бы просто погиб, если бы не аборигены. И я не мог самостоятельно спуститься с этого чертова дерева-переростка и именно поэтому провел почти неделю в обществе аборигенов. Поэтому, а не с целью запороть вам стандартную процедуру контакта! В состоянии вы это понять? Или нет?

Градиленко холодно воззрился на Ника.

— Извольте отвечать на вопросы, Капранов. Вы обязаны мне подчиняться.

— Обыкновенно я подчиняюсь, — заметил Ник. — И вам подчинялся. Но этот дурацкий допрос по десятому кругу начал меня раздражать.

Градиленко откинулся на спинку кресла и чуть склонил набок голову.

— Так вы будете отвечать или нет?

Ник устало взялся за виски.

— Я уже отвечал. Не один раз. За несколько дней до контакта я охотился в лесу. Подранил кабанчика, потом долго его выслеживал в зарослях. Когда выследил, оказалось, что ему пытались заживить рану. То есть, осмотрев рану, я подумал, что это похоже на заживление методами традиционной психохирургии. А вернувшись на базу, нашел пеньки деревьев, которые срезал только накануне, обросшими молодыми побегами. И это все. Вы бы рискнули на основании таких скудных и неубедительных данных делать выводы об обитаемости неисследованной планеты?

— Рискнул бы, не рискнул бы — это к делу не относится, — сухо заметил Градиленко.

— А я вот не рискнул. Но отчет тем не менее отправил, исправно и своевременно. Что еще вам от меня нужно?

— Мне нужно понять, почему вы не выполнили пункт третий седьмой главы наставления по работе на внеземных территориях...

— Ну, все, — рассвирепел Ник.

Он вскочил, швырнул в испуганно пискнувшего Градиленко легкий пластмассовый табурет и решительно направился к выходу. Люк он отворил увесистым пинком, так, что десантник с прикладным лучевиком у каюты невольно отпрянул.

— Э! — Десантник тут же опомнился и попытался схватить Ника свободной рукой за локоть.

— Убери лапы, горилла! — рявкнул Ник во весь голос и пихнул десантника. Очень сильно пихнул, злость помогла. Десантник впечатался в переборку. Кажется, он поверить не мог, что это происходит на самом деле.

— Арестованный! Приказываю остановиться! Лицом к стене! Руки за голову! — окончательно опомнился десантник. Наверное, он навел на Ника свой лучевик, но Ник не видел этого, потому что просто шел прочь по твиндеку. Не оборачиваясь. Не станет же этот вояка стрелять в самом-то деле?

На шум, естественно, примчались еще десантники. Ника прижали к переборке и дали знать дежурному офицеру. Когда дежурный офицер явился, Ник заявил, что будет разговаривать

только с капитаном и только в присутствии на связи своего непосредственного начальника — Питера Шредера.

Градиленко из каюты так и не появился, и возможно, именно поэтому Ника действительно повели под усиленным конвоем к капитану крейсера «Калахари».

Капитанская каюта тоже была шестиугольной, но по размерам превышала ту, где допрашивали Ника, раза в четыре.

— Арестованный Капранов доставлен, сэр! — отрапортовал сержант из конвоя. Докладывал он по-английски, отсюда и это «сэр».

Ник поморщился. В работе от конторы Шредера были и свои минусы — приходилось иметь дело в основном с англичанами и американерами. Единственные земляки на «Калахари» — и те из группы зануды-Градиленко. Вот повезло-то!

— Идите, сержант! — велел капитан. С виду невозможно было сказать, злится он или нет.

— Сэр! Оставить ли конвойного?

— Не нужно, сержант. Арестованный не станет буянить. Ты ведь не станешь? — Капитан обратился к Нику, и Ник мгновенно понял — не станет. В этого человека он ни за что не решился бы метнуть табурет. Потому что в каждой морщинке лица, в зрачках, в упрямом абрисе скул, в еле влезающей в мундир груде мускулов капитана читалась такая сила и уверенность в себе, что невольно хотелось съежиться.

— Есть, сэр!

— Когда потребуется, я вызову конвойного.

— Так точно, сэр!

Странно, но ответы сержанта не показались Нику данью пустой муштре. Такому капитану хотелось отвечать четко, отрывисто и непременно добавлять в конце уважительное «сэр!».

Тем временем сержант выскользнул из каюты и затворил тяжелый герметичный люк. Ник откуда-то знал, что режим герметичности сейчас не включен. Знал он и то, что на военных кораблях использовались только такие люки — никаких перепонок. У военных свои представления о надежности.

— Что, сынок? Достал тебя этот книжный червь? — неожиданно миролюбиво спросил капитан.

— Не то слово, — сумел выдавить из себя фразу Ник. Откровенно говоря, он ожидал разноса, давления, угроз — чего угодно, но только не вот такого устало-доверительного, почти домашнего тона.

— Он и нас всех успел достать, пока мы к Селентине шли. Так что я тебя понимаю. К сожалению, он тут вроде как шишка — мне приказано оказывать ему и его людям всяческое содействие. В утешение могу сказать, что его люди — совсем другой народ, обычный и свойский. И шефа своего, опять же по секрету, совсем не жалуют. Но — вынуждены терпеть. Так что ты там натворил?

Ник вдохнул побольше озонированного воздуха, пахнущего не то пластиком, не то чуть подогретой керамикой, и одним духом выпалил:

— Да ничего особенного! Когда он в сто первый раз задал мне вопрос, на который я уже сто раз перед этим ответил, я не выдержал и запустил в него табуреткой. И направился в каюту, которую мне отвели. Но ваши орлы меня в коридоре повязали...

Капитан скудно улыбнулся:

— Ты, помнится, требовал связи со своим шефом?

Ник немного смешался:

— Да...

— Терминал там. — Капитан указал на небольшой пульт в одном из шести углов каюты. — Вперед!

Ник взглянул на часы, прикинул, что в Англии сейчас около одиннадцати утра, встал, прошел к пульту, уселся и набрал в адресной строке вызов шефу. Питеру Шредеру.

Ответила заместительница — рыжая английская леди средних лет. Долорес Хиллхардт. Тоже светило эмбриомеханики мировой величины, тетка въедливая и строгая, но ничуть не вредная.

— Ник? — Она даже обрадовалась. — Тебя уже отпустили эти кабинетные крючкотворы?

— К сожалению, нет, мадам. Скажите, я могу поговорить с шефом?

— Вообще-то он занят. У тебя что, проблемы, малыш?

— Откровенно говоря, да.

— Жди, — отрезала Долорес и пропала из кубического экрана.

Спустя минуту экран переключился, и из пространства над пультом на Ника взглянул шеф.

— Здравствуй, Ник. Я рад, что с тобой все в порядке. Я уже посмотрел твои отчеты — проблему с валлоидным синтезом мы действительно прошляпили. Ты молодец. Жаль, что тебе не удалось довести работу до конца.

— Спасибо, шеф, — от души поблагодарил Ник.

— Я слышал, у тебя какие-то проблемы с контактерами?

— Не то слово, шеф! Я ведь нарушил пункт три седьмой главы наставления... А до того, что мне при этом разворотили всю рабочую площадку, угробили все зародыши и выросшие механы, что сам я вынужден был спасаться на дереве — до этого им дела нет. Кстати, я арестован.

— Арестован? — Брови Шредера сошлись над переносицей. — С какой стати?

— Да все с той же.

— Так! Ты на «Калахари»?

— Да.

— Побудь на связи. Кстати, откуда ты меня вызвал?

— Из капитанской каюты. Капитан был настолько любезен, что предоставил мне эту возможность.

Ник покосился на капитана — тот невозмутимо сидел в кресле и глядел в какой-то пестрый журнал.

— А... Тогда можешь не висеть на связи. Я все утрясу и сам вызову «Калахари». Сиди тихо и на рожон не лезь. Понял?

— Понял, шеф! — с воодушевлением заверил Никита. — Жду!

Он отключился и встал.

— Капитан! Честное слово — офицеры вроде вас заставляют думать о военных как о людях, а не как о солдафонах. Огромное вам спасибо!

Капитан, казалось, не обратил на его слова никакого внимания. Он отложил журнал в сторону, потер переносицу, и, словно бы куда-то в сторону, сказал:

— Из-под стражи я тебя освободить не могу, сам понимаешь. Лучшее, что тебе сейчас можно предпринять, — это тихо

засесть в каюте. Поэтому я тебе объявляю капитанский арест. Бессрочный. Учти, без моей санкции Градиленко тебя оттуда вытащить не сможет. А когда твой шеф все утрясет — я арест сниму.

— Спасибо, капитан! — Благодарности Ника не было предела.

— Конвой! — Капитан обернулся к пульту.

На пульте неусыпно мигал глазок громкой связи.

— Кстати. — Капитан словно бы вспомнил что-то и подошел к встроенному в переборку шкафу. Отвел в сторону дверцу, взял что-то продолговатое, замотанное в камуфлированную тряпицу. — Это, не иначе, твое?

Он осторожно развернул тряпицу, и Ник увидел свое ружье. Изрядно погнутое и слегка покореженное, но Ник узнал его даже таким.

— Мое...

— У тебя есть вкус, парень. Мои ребята его подобрали... Если б его нашел этот гриб, тебе бы пришили еще и статью о передаче аборигенам техногенных изделий из запрещенного реестра.

Ник судорожно сглотнул.

— Уляжется все — получишь обратно. Его еще можно починить.

— Спасибо, капитан.

Капитан спрятал ружье в шкаф, а в дверь как раз постучалась охрана.

— Сэр! — молодецки рявкнул давешний сержант.

— Поместить его под капитанский арест! — приказал капитан. — Без моей санкции не допускать никого. Повторяю: никого, включая офицеров корабля и гражданских лиц с любыми полномочиями. Местом содержания назначаю выделенную ему каюту. У каюты выставить удвоенную стражу, наряд назначить по распорядку. Выполняйте!

— Есть, сэр!

Сержант качнул головой, приглашая (или веля?) вытряхиваться из каюты.

На пороге Ник хотел еще раз поблагодарить, но, столкнувшись со взглядом капитана, проглотил готовую уже вырваться

фразу и молча зашагал прочь следом за сержантом. Чуть поотстав от Ника, шествовали два десантника с лучеметами.

«Поздравляю, Ник, — сказал Капранов сам себе. — Теперь ты дважды арестован».

В каюте он с некоторым даже удовольствием послушал, как клацнул наружный запор, и с многострадальным стоном повалился на откидную койку.

4

Целых четыре дня Ник провел в полном одиночестве. Едой и питьем исправно снабжала корабельная линия доставки. Под койкой, которую, похоже, давным-давно не поднимали и не крепили в походном положении, обнаружился пластиковый ящик со старыми журналами. Терминала в каюте не нашлось вовсе — сначала Ник подумал было, что его просто отмонтировали. Но нет — «Калахари» оказался довольно старым крейсером, наверняка построенным еще до колонизации Офелии. Ник валялся на койке, читал журналы и ни о чем особенно не думал.

Первое время.

Но потом, на третий-четвертый день, в голову потихоньку начали лезть разнообразные мысли.

Как долго ему еще здесь торчать в четырех стенах? Вернее, в шести — «Калахари», похоже, проектировал латентный пчеловод. Все, что только можно было сделать шестиугольным или шестигранным, здесь таким и было. От формы помещений до поручней на стенах и потолке.

Крейсер может пробыть в зоне контакта сколь угодно долго, а запас автономии у такой громадины наверняка исчисляется годами. Из-под ареста Ника вряд ли освободят, несмотря на обещания Шредера. Если бы имелась такая возможность, шеф бы ее точно уже осуществил. Значит... До Земли — эта успевшая опостылеть каюта, а там — слушание дела, и прощай дальний флот? И кто-нибудь потом перед рискованным шагом будет думать-тревожиться: «Ох, вышибут меня из флота, как Гринёва, Даусса или Капранова...»

Мрачная перспектива...

Ник вспомнил прибытие на Селентину, свои мысли о том, что космолетчики не любят космос, а любят кислородные планеты. И понял, что был тогда не совсем прав.

Может быть, он и не любил космос. Но все равно стремился туда. Мысль, что отныне предстоит сворачивать в зародыши устаревшие механы и выращивать на замену новые, посовременнее; что придется безвылазно торчать на Земле, в толпе, в мегаполисе; что вряд ли теперь светит всласть поохотиться в неведомой глуши — эта мысль Ника угнетала. Подавляла все его естество. Слишком уж он привык к свободе дальних рейдов.

«Нарвался все-таки... — подумал Ник с отчаянием. — Но ведь не мог я свернуть программу, не мог, не успевал! Я Бугу увидел буквально за четверть часа до землеходов... Неужели они не хотят этого понять?»

Ник представил лягушачье лицо Градиленко и вздрогнул от омерзения и злости. Может, не стоило швыряться табуреткой? Повилял бы хвостиком, изобразил раскаяние — глядишь, и обошлось бы выговором да штрафом. А так — прощай флот...»

Но почему молчит Шредер? Он же обещал...

К вечеру четвертого дня журналы были напрочь забыты; Ник лежал на койке лицом в подушку и чуть не до крови кусал губы.

Щелчок дверного запора буквально подбросил его. Ник вскочил и застыл напротив медленно отворяющегося люка.

Вошел капитан. Плотно затворил люк и внимательно поглядел на Никиту. В руке капитан держал сложенный вдвое лист пластика, похоже — с какой-то распечаткой.

— Ну, как ты, сынок? — спросил капитан вполне нейтрально.

— Хандрю, — признался Ник угрюмо. — Выпрут меня из флота, похоже.

— А тебе бы этого не хотелось? — поинтересовался капитан. Похоже, вполне искренне.

Ник пожал плечами:

— Да привык я уже... Седьмой рейд. Я ведь двенадцать лет в космосе. Даже не думал, что это так быстро закончится...

Капитан мелко закивал.

— Да. Это затягивает, что и говорить... Вот, держи, это тебе.

Он протянул Нику распечатку.

— От шефа? — с надеждой спросил Ник.

— Наверное. — Любой на месте капитана пожал бы плечами. Капитан остался неподвижен. — Я не смотрел.

Ник торопливо расправил лист.

«Ник! — гласила распечатка. — Дело сложнее, чем мне показалось сначала. Придется тебе посидеть под арестом до самой Земли. Будет процесс и следствие, но одно я обещаю наверняка: из флота тебя не отчислят. Я пригрозил свернуть сотрудничество с Управлением, если они вздумают тебя уволить, так что не распускай нюни и не мрачней. А чтоб не терять формы и не обленииться — займись-ка нашей давнишней и любимой проблемой, адресацией параллельного синтеза. Если сумеешь построить корректную и работоспособную модель мультисинтезной программы, дядюшка Пит будет очень доволен... Не хандри».

И — размашистая подпись.

Ник непроизвольно расплылся в улыбке.

— Что? — невозмутимо спросил капитан. — Хорошие новости?

— Лучше не бывает, капитан! — радостно сообщил Ник. — Меня не уволят!

Капитан едва заметно улыбнулся. Похоже, он все-таки прочел распечатку перед тем, как отнести Нику. Ну скажите на милость, какому капитану громадного крейсера взбредет в голову самолично доставлять послание от шефа какому-то там арестованному эмбриомеханику из гражданских? Да еще вечером, в неслужебное время?

— Очередное вам спасибо, капитан! Скажите, а терминалом я смогу воспользоваться?

— Арестованным запрещено пользоваться корабельными терминалами...

Ник осекся. А как, собственно, он тогда сможет работать? На бумаге программу не напишешь и не откомпилируешь, и уж точно — не проверишь...

— ...но в наставлении ничего не сказано по поводу личных капитанских терминалов, — закончил фразу капитан и заговорщицки подмигнул.

После чего развернулся и вышел.

Ник недолго маялся — спустя четверть часа явился щуплый вестовой с портативным терминалом под мышкой.

— Вот! — сказал он, протягивая плоский брикет Нику. Потом выудил из кармана складную антенну-георгин и установил ее на откидном столике. — Наводку от корабельной магистрали берет на ура! Работай...

— Спасибо, воин, — вздохнул Ник. — Да не падет на тебя гнев сурового начальства...

Воин продемонстрировал Нику белозубую улыбку и отправился по загадочным (для Ника) вестовым надобностям.

В каюту мельком заглянул охранник с неизменным лучевиком в волосатых лапах, громыхнул запором, и Ник снова остался один.

Впрочем, нет. Не один. Теперь он мог дотянуться до любого человека в пределах обитаемой Вселенной, до любой информации.

Потому что у него появился выход в сеть.

Ник подсел к столику, откинул крышку терминала, запитал его и подсоединил джек антенны ко входному разъему. Терминал пискнул, загружаясь; над столом развернулся призрачный кубик экрана.

Первым делом Ник подключился к родимому спеццентру в Саутгемптоне, отыскал свой холд, наколотил пароль и вошел.

— Отлично, — пробормотал он, шелестя клавиатурой.

Параллельно проверил — на месте ли шеф?

Шефа не было, рабочий день в Англии уже закончился.

— Ладно, — вздохнул Ник, загружая рабочие библиотеки и отладчик. — Параллельный синтез, говорите? Будет вам параллельный синтез от Никиты Капранова! Клянусь своей треуголкой! И только попробуйте обругать метод...

Когда Ник окунался в работу, время переставало для него существовать.

5

Прошло суток, наверное, двое. Во всяком случае, с начала работы Ник дважды прерывался на сон. Мультисинтезные процессы поглотили все его внимание, все, без остатка. В принципе у Ника имелось несколько идей относительно того, как возможно поддержать в растущем механе мультисинтезные процессы. От одной из них Ник и оттолкнулся, но, как водится, по мере медленного продвижения вперед стали неумолимо накапливаться мелкие и очень неудобные проблемы.

Первое: как увязать запросы пробудившейся программы с планировщиком очагов синтеза? Зародыши все одинаковые, но программы роста — совершенно друг на дружку не похожи. Будущим механам необходимы совершенно разные компоненты и в совершенно различных количествах и пропорциях. Стало быть, о жесткой планировке и речи быть не может. А дробить единый синтез на несколько субочагов — тоже не выход. Обычная программа все равно будет обслуживать их по очереди, и пока работает один, остальные будут тупо дожидаться своей очереди. Шредер ждал от Ника вовсе не этого.

И Ник резонно подумал: а что, собственно, мешает сдублировать нужное количество раз саму программу? Планировщик выясняет объем и характер будущего синтеза, дробит его на несколько очагов по типу синтезируемых составляющих и на каждый очаг натравливает копию программы! Естественно, нужно изрядно вылизать и оптимизировать саму программу, но вот это-то Ник как раз и умел делать лучше всего.

И он ухнул в мир операторов и исполняемого кода. Раз за разом компилируя и отлаживая отдельные кусочки, каждый из которых отвечал за завершенный процесс. Поглощая в неимоверных количествах кофе и приведя шевелюру на голове в неописуемый беспорядок.

Третий день он корпел над терминалом, отрывая взгляд от куба-экрана только изредка.

Ник не сразу сообразил, что в каюте помимо него находится еще кто-то — над плечом выразительно покашливали уже с минуту. Деликатно так, без нажима. Отрываться не хотелось,

да и нельзя было, поэтому Ник с удовлетворением досмотрел, как вспомогательная подпрограмма совершенно корректно отследила наличие сырья для каждого из будущих очагов синтеза, и с неудовольствием обернулся.

Позади стоял Градиленко, еще двое контактеров — смуглые бородатые ребята — и два десантника из охраны.

— Что такое? — посмурнел Ник. Пока он работал, унылая история с нарушением флотских инструкций успела отойти на задний план и совершенно перестала Ника волновать. Теперь же он вспомнил все — и как швырял табуреткой в несимпатичного руководителя группы контакта, и как Шредер сообщал, что все не так просто, как могло показаться сначала...

— У тебя есть шанс реабилитироваться, — по обыкновению, глядя куда-то в сторону, сказал Градиленко. — Собирайся. Бот на поверхность стартует через четверть часа.

— На поверхность? — недоумевая, переспросил Ник. — Но это же нарушение вашего любимого пункта три седьмой главы наставления...

— Собирайся, — перебил Градиленко. — И не умничай. Вадим, проведешь его.

Сказав это, Градиленко качнул головой одному из бородачей и торопливо удалился вместе с ним. Десантники и второй бородач остались.

Ник некоторое время задумчиво смотрел в проем распахнутого люка.

— Я могу узнать, что происходит? — как можно более дружелюбно обратился он к оставшемуся бородачу по имени Вадим.

— Можешь, — угрюмо ответил бородач. — Мы, похоже, снова сели в лужу.

— Вы — это группа контакта? — уточнил Ник.

— Да.

— А я-то тут при чем? — удивился Ник. — Опять станете выяснять, что, где и сколько раз подряд я нарушил, пока торчал на ростовой площадке?

Бородач отрицательно покачал головой.

— Они сказали, что будут разговаривать только с тобой, — объяснил бородач. — Градиленко как ни извивался, а все равно в итоге был вынужден прийти к тебе.

По глазам собеседника Ник понял, что подчиненные Градиленко ничуть этим фактом не опечалены. Кажется, они недолюбливали своего шефа. Впрочем, стоит ли удивляться?

— Они? Кто — они? Селентинцы, что ли?

— Да. Девчонка и ее приятель. Других мы пока и не видели...

— Буга? Буга не приятель, — заметил Ник. — Буга ее брат.

— Вот видишь, — вздохнул бородач. — А мы даже имен их не сумели выяснить. Как, говоришь, парня зовут? Буга?

— Да. А девчонку — Криста.

— Криста? — удивился Бородач. — Но это же земное имя!

Ник пожал плечами:

— Они телепаты, Вадим. Криста просто выбрала из известных мне имен наиболее соответствующее. Наверняка она называет себя как-то иначе, но из-за того, что я думаю о ней как о Кристе... — Ник развел руками.

Вадим заинтересованно взглянул на Ника.

— Телепаты? Так вот почему они так складно говорят по-русски и по-английски... Да ты собирайся, собирайся, время-то идет...

Понимая, что возражать бессмысленно, Ник засейвил и забекапил результаты трехдневной работы, покинул сеть и погасил терминал. Брать с собой ему было нечего. В сопровождении Вадима и под конвоем безмолвных лбов из охраны Ник пришел в грузовые отсеки крейсера. В одном из них распластался на синтетическом жаропрочном покрытии посадочный бот класса «Медуза». Посудина не особенно поворотливая и маневренная, зато надежная, как молоток, и очень вместительная.

Градиленко уже сидел в боте, пристегнутый и упакованный. Второй бородач — тоже. В багажном отсеке кто-то тихо переговаривался и изредка доносилось сиплое покашливание. Ник молча уселся в свободное кресло, пристегнулся и глянул в наружный экран. У бота муравьями копошились техники, отсоединяя стояночные разъемы и шланги.

Спустя пару минут начался стартовый отсчет, а еще через некоторое время бот приподнялся и рванул к уже отверзнутым шлюзам. Когда на экране стало сине от звезд, на глаза Ника едва не навернулись слезы.

А потом все заслонил голубовато-зеленый шар Селентины. Прекрасный и манящий. И где-то там, под толщей атмосферы, ждала его рожденная в лесу девчонка, сама часть селентинского леса.

Ник чувствовал, что еще не все успел ей сказать. И она ему — тоже.

Чем хороша неповоротливая и маломаневренная «Медуза» — ее практически не трясет в атмосфере. Бот снижался солидно и уверенно, без той легкомысленной болтанки, которая заставляет вспомнить о буйстве стихий и о том, что человек вкупе с творениями своих рук — всего лишь песчинка на ладонях мироздания. Траектория полета «Медузы» и сама была незыблема, как мироздание. Нисходящая гипербола, медленно обращающаяся в пологую спираль.

Невдалеке места, где бесчинствовали землеходы, был разбит лагерь контактеров. Четыре силикоидные палатки вокруг кострища. Ник, едва вышел наружу и это увидел, откровенно отвесил челюсть.

— Х-хосподи! Что, коттеджик вырастить не смогли?

Градиленко, показавшийся из «Медузы», неодобрительно поглядел на Ника и соизволил процедить сквозь зубы:

— Мы не вправе пользоваться достижениями технологий при контакте со слаборазвитой расой.

— Слаборазвитой? — удивился Ник. — Я бы так не сказал о селентинцах. Они просто другие, вот и все...

— Ты специалист, чтобы делать выводы? — сердито прервал его Градиленко.

— Нет, — честно признался Ник. — Но у меня есть голова, чтобы думать. И еще — я неделю провел с селентинцами бок о бок. Они прекрасно знают, что такое звезды. И что у звезд бывают планеты. И что на многих планетах есть жизнь. По крайней мере рассказ о том, откуда я взялся, их ничуть не удивил.

Градиленко так и обмер.

— Ты рассказывал им о своем инопланетном происхождении? — прошипел он негромко.

Ник пожал плечами:

— Да. А что? Не нужно было?

Градиленко схватился за голову и что-то тихо забормотал.

Его бородачи тем временем таскали упаковки с провиантом из «Медузы» в складскую палатку. Кто-то принялся разжигать костер, причем на редкость неумело. Ник сжалился и пришел на помощь — огонь сразу ожил, повеселел и принялся бойко пожирать сначала щепочки, а потом и дрова. Контактер-неумеха благодарно щурился сквозь линзы старомодных очков в роговой оправе.

Вскоре пришлось снова помогать контактерам — на этот раз греть чай. Варварским способом, на костре, хотя что мешало привезти с «Калахари» банки воды с химподогревом? Наверное, очередная инструкция, до коих был зело падок шеф контактеров. Ник не ожидал, что контактеры окажутся настолько неполевым людом. Теоретики, блин. Кабинетные стратеги. Гении-заочники. Эх, ма...

Наконец «Медуза» была разгружена и немедленно улетела, вещи перетасканы и упрятаны в палатку, а вся немногочисленная братия Градиленко (семь человек, включая его самого) расселась вокруг костра на бревнышках. Ник был восьмым в этой странной компании.

Чаепитие, по-видимому, служило контактерам чем-то вроде ритуала. Неким общим собранием, подведением итогов — наверное, так.

Градиленко дождался, пока ему нацедят в керамическую кружку пахучей густой жидкости, прокашлялся и, словно бы ни к кому не обращаясь, приступил:

— Итак, коллеги? Кто введет новичка в курс дела? Матвей?

— Лучше пусть Гарик, — отозвался один из контактеров. — Гарик дежурил, когда девчонка назвала его, — Матвей кивнул в сторону Ника, — имя.

— Ладно. Давай, Гарик, — велел Градиленко.

Пиротехник-неумеха поправил очки и виновато поглядел на Ника.

— Прежде всего позволю спросить, — начал он, как показалось Нику — не то смущенно, не то виновато. — Вы осведомлены о базовой процедуре контакта?

— Нет, — ответил Ник и свойски подмигнул. — При обнаружении аборигенов мне предписывается сворачивать работы и убираться восвояси.

— Что, кстати, не было проделано, — вполголоса проворчал Градиленко. Не удержался, встрял-таки.

— Уважаемый, — миролюбиво ответил Ник. У него почему-то установилось хорошее настроение, даже зануда-контактер не мог настроение испортить. — Вам приходилось попадать в эпицентр поверхностного землетрясения? Нет? Так вот, нападение землеходов — это гораздо страшнее. Я вас уверяю. И не будем об этом, ладно? Вам уже прищемили хвост однажды, так не заставляйте меня снова звонить шефу!

Градиленко насупился и уткнулся в кружку с чаем. Ник с некоторым изумлением отметил, что его наглый блеф возымел желаемые последствия, и мысленно поставил себе пять баллов за смекалку.

— В общем, — осмелился продолжить робкий Гарик, — мы пытаемся наладить взаимопонимание с аборигенами. Ищем точки соприкосновения, общие понятия, общие константы... До сих пор это срабатывало. На Селентине мы впервые зашли в тупик...

Ник заметил, что Градиленко еще ниже склонился над чашкой, чуть нос в чай не макнул.

— Мы неделю бьемся, но аборигены либо не хотят нас понять, либо не могут. Сегодня утром девушка, с которой мы контактируем чаще всего, рассердилась, накричала на меня и заявила, что если мы хотим с ними общаться, мы должны вызвать вас.

— Понятно, — кивнул Ник и не смог не съехидничать: — Не могу сказать, что очень удивлен.

— Мы прочли все ваши отчеты о пребывании у аборигенов. Мы пытались вести себя по вашей схеме. Бесполезно. С сегодняшнего утра на нас не обращают внимания — Матвей три часа простоял у подножия супердерева, но никто так и не спустился. У нас нет выхода, кроме как просить вас о помощи.

— А если я откажусь? — Ник склонил голову набок и покосился на Градиленко. Он угадал — ответил, конечно же, начальник контактеров:

— Не дури, Капранов. Пусть твой шеф и большая шишка, но неподчинение прямым приказам и он покрыть не сможет. Не заставляй меня приказывать.

Ник хмыкнул.

— Да я так спросил, абстрактно, — сказал он. — Зачем мне противиться? Ладно, что я должен делать?

— Попробовать стать мостом между нами и селентинцами. Ты должен попытаться понять их. И объяснить все нам.

— Ладно.

— Смотри. — Гарик вытащил из внутреннего кармана книжицу, потрепанную и засаленную. У Ника при виде ее брови неудержимо поползли вверх — не привык он к книгам в таком состоянии. Да что там — он привык к книгам исключительно в электронном виде. Распечатки распечатками, а книги Ник воспринимал как череду строк в экранах терминалов.

— Это руководство по...

«О боже, — мысленно простонал Ник. — И тут руководство... Неужели правительство Земли состоит сплошь из одних непрошибаемых чинуш?»

Но он продолжал покорно слушать. И покорно вникать.

Потому что это временно стало его работой. Здесь, на Селентине, которую он успел полюбить больше, чем все виденные доселе миры.

Глава третья

1

Ветер шастал даже здесь, внизу. От дерева к дереву, от куста к кусту. Налетал неожиданно, спутывал длинные ветви шавош, заплетал их в беспорядочные косы. Ник поежился — скорее по привычке. С некоторых пор он перестал мерзнуть,

несмотря на минимум одежды — шорты, легкая майка травянистого цвета да мокасины на шнуровке.

Компьютер и груду всякой мелочевки из контактерского реквизита он перестал таскать с собой довольно быстро, когда понял, что никакого проку от них все равно нет. Только руки занимают да плечи оттягивают. Градиленко попытался на него надавить, но Ник лишь досадливо отмахнулся: коли поручили программу вести мне, так извольте не мешать, господа теоретики.

В самом деле — пластиковые квадратики с нарисованной примитивной арифметикой и геометрией Кристу заинтересовали только в начальный момент.

— А, система счета и измерений? — взглянув, догадалась она с первого раза. — Зачем ты это принес?

Ник пожал плечами и принялся неубедительно лопотать что-то насчет взаимопонимания и мостов, как учили его бородачи-контактеры, но потом сам устыдился этой пурги и честно признался:

— Не знаю, Криста. Мой наставник порекомендовал мне взять это и показать вам.

— Твой наставник? — удивилась Криста. — Но ведь ты говорил, что твой наставник сюда не при-ле-тел, а остался дома и ты общался с ним посредством дальней связи.

— Ну, не мой наставник, а наставник земной миссии на Селентине, — поправился Ник. — Я должен его слушаться тоже. Он отвечает за то, чтобы вы, селентинцы, и мы, земляне, получше поняли друг друга.

Криста удивилась еще больше:

— А разве не ты теперь за это отвечаешь? Мы ведь выбрали тебя. Значит, наставником стал ты.

Ник не сразу нашелся что ответить.

— Видишь ли, Криста, — сказал он, поразмыслив. — Я скорее не наставник, а исполнитель. Я прихожу в лагерь землян и все-все им рассказываю. Наставник со своими помощниками выслушивают, думают, совещаются и говорят мне, что делать дальше.

— Ага, — фыркнула Криста и смешно наморщила носик. — Все в точности так. Пичкают тебя глупостями, ты пытаешься

вывалить эти глупости на нас, мы, естественно, отмахиваемся, после чего ты все наставления забываешь, наконец-то становишься самим собой и появляется возможность говорить с тобой как с нормальным человеком. Ник, мне кажется, что этот наставник вместе с помощниками занимает чужое место — твое. Убери всю эту математику подальше, я все равно в ней плохо разбираюсь.

— А кто разбирается хорошо?

— Кто? Те, кому это нужно. Шныряки некоторые. Вот он, например. — Криста показала на самого маленького наездника на летающем диске, того, который все время молчал.

— Он? — изумился Ник. — А он что, разумен?

Криста, кажется, обиделась.

— Ник! Он, между прочим, селентинец!

— Прости, — поспешно выпалил Ник. — Я думал, на Селентине разумны только такие, как ты, только люди.

Криста поглядела на него странно.

— Ну и чушь иногда лезет тебе в голову, Ник! Я бы до такого ни за что не додумалась, даже нарочно.

— Прости, Криста, — искренне извинился Ник. Еще раз. — Я многого просто не понимаю. На Земле разумны только люди, вот я и подумал, что у вас то же самое.

— Только люди? — с внезапной жалостью переспросила Криста. — Бедные вы, бедные... Нет, постой! А тот шнырик, которого поймал Буга? Он ведь брал какие-то пробы у озера. Ты хочешь сказать, что он неразумен?

Ник едва не поперхнулся — закашлялся и Криста не замедлила увесисто шлепнуть его по спине. Кашель сразу же прошел.

— Э-э-э... — протянул Ник, отдышавшись. — Тот шнырик был не живой. Точнее, не совсем живой, хотя в нем присутствуют органические элементы. Я его вырастил, точно так же, как выращивал дома. Понимаешь?

— Нет, — честно призналась Криста. — Если ты его вырастил, как он может быть неживым?

— Ну, понимаешь, его придумали и создали люди. Он — механ, инструмент. Вроде палки, которой ты можешь дотянуться

до плода, если рук не хватает. Ты ведь не считаешь палку разумной, хотя она когда-то тоже выросла?

Криста нахмурилась и некоторое время думала.

— Нет. Это неправильно. У тебя ошибочные аналогии, — заявила она.

Ник пожал плечами.

— Помнишь, я тебе рассказывал, что земляне пошли по механическому пути развития? Из мертвых предметов — камня, дерева, железа — они строили различные приспособления и механизмы, со временем все более сложные...

— Дерево — живое, — рассеянно заметила Криста. — Ник, давай поговорим об этом позже, ладно?

Нику пришлось согласиться.

В общем, еще два дня он брал с собой реквизит, но даже не доставал его из рюкзачка, а на третий резонно подумал — какого черта? И оставил рюкзачок в лагере. Градиленко не замедлил наехать на него по этому поводу, но Ник, почувствовав свою очевидную нужность, осадил шефа контактеров без всякой жалости и церемоний. Не сумел справиться сам? Вот сиди теперь, не вякай и другим не мешай.

Градиленко заткнулся, но (Ник это чувствовал) затаил злобу.

«Ну и пусть, — подумал Ник сердито. — Какое мнение селентинцы сложат о землянах, если одним из первых познакомятся с типом вроде Градиленко?»

Ник и себя-то не считал достойным представлять всю Землю. Но лучше уж он, Никита Капранов, существо без особых достоинств и далеко не без недостатков, но не Градиленко же...

Ник огляделся, непроизвольно ёжась. Казалось, на таком ветру его должен был пробирать озноб, но ничего подобного. Ничего. И, кстати, Ник неожиданно сообразил, что давно уже не чувствует давний вывих левой ноги. Обыкновенно вывих напоминал о себе: ступишь неудачно или споткнешься — и привет. Пара дней хромоты и боли.

На Селентине Ник не вспомнил о нем ни разу.

Поскольку заняться было все равно нечем — а ожидание назвать занятием не поворачивался язык, — Ник плюхнулся у

ствола особо раскидистой шавоши, повозился во мху и помассировал ногу.

Нет. Не чувствуется вывих — даже если подняться, поставить ногу на внешнюю часть стопы и легонько перенести на нее тяжесть тела.

А ведь раньше стоило так сделать, и поврежденные в том злосчастном матче связки тотчас начинали противно ныть.

Вздохнув, Ник покосился на ближайшее супердерево, от которого его отделяло метров семьдесят. Могучий ствол возносил ветви и листву высоко в поднебесье. Подумать только, самые старые из этих невозможных растений выше земной Джомолунгмы...

Биологи, кстати, заявили, что супердеревья невозможны. В принципе. Что они нарушают целый ряд фундаментальных биологических принципов и законов. И с присущей ученым непоследовательностью принялись их изучать — вполне невозмутимо, словно существование принципиально невозможных растений их нисколько не смущало.

Ник и сам многого не понимал. На высоте нескольких километров холодно — на той же Джомолунгме сплошные снега, какая зелень, какие листья? Супердеревья этому и не думали внимать — они были покрыты листвой до самой макушки, царапающей небо.

Впрочем, сколько раз жизнь делала на первый взгляд невозможное возможным? Считалось, что жизнь в межзвездном вакууме возникнуть не может. И — здрасте-пожалуйста! События в заколдованном секторе ADF-пятьсот три-четыреста семнадцать. Астахов догадался, что принимаемые ими за чужие звездолеты объекты на самом деле являются животными, приспособившимися к обитанию в вакууме.

Считалось, что...

Крупная шишка, пущенная ловкой рукой, угодила Нику прямо в лоб. От неожиданности Ник подскочил и, конечно же, отвлекся от размышлений.

Из ближайших кустов нехотя выступил Буга. Брат Кристы.

— Привет, Ник! — поздоровался он. — К тебе даже подкрадываться неинтересно. Можно топать, можно шуршать листвой и хрустеть ветками — ты все равно не заметишь.

— Привет, Буга. Извини, я задумался.

Буга фыркнул:

— О чем ты можешь задуматься? О своих картинках на пла-сти-ке?

— Тебе Криста рассказала?

— О картинках? Нет, шнырик. Самый мелкий. Пожаловался, что загадки на картинках были очень простыми.

Ник смешался.

— Погоди... Но я же никому не показывал эти картинки! Как он мог их видеть?

— Ему Криста нарисовала. Слушай, пойдем к реке сходим, а? Мне рыбы наловить нужно, наставник просил. А когда наставник просит, отказываться как-то неудобно, сам понимаешь...

— Погоди, Буга! Пойдем, пойдем мы с тобой на реку, только ответь — Криста ведь тоже не видела этих картинок!

— Видела, — перебил Буга. — Как бы она их нарисовала шнырику, если она их не видела?

— Ну, видела, конечно, — сдался Ник. — Но она их не рассматривала, просто взглянула один раз, и все.

— А разве этого недостаточно? — удивился Буга. — Взглянула и запомнила.

— Но она говорила, что не разбирается в математике!

— Так и есть. Не разбирается. Поэтому она и рисовала непонятные картинки шнырику.

— То есть... ты хочешь сказать, что Криста их просто запомнила? А потом воспроизвела?

— Да! Ник, ты находишь это странным? Прости, но я нахожу странным то, что ты находишь это странным.

Ник поскреб в затылке. Ну и ну. Похоже, аборигены обладают фотографической памятью. Или это уникальная способность одной лишь Кристы?

— Буга, — спросил Ник, — а ты смог бы нарисовать шнырику такие картинки, если бы взглянул на них разочек?

— Конечно, смог бы! — не задумываясь, заявил Буга. — Любой смог бы. Что в этом сложного? Запомнил и нарисовал. Каждый карапуз смог бы. При условии, конечно, что он уже в состоянии держать в руках стило или хотя бы веточку.

«Значит, все-таки каждый, — подумал Ник. — М-да. Запомним...»

Неприязнь Буги к Нику со временем бесследно прошла, и последние недели они довольно много времени проводили вместе. Если в беседах с Кристой Ник больше узнавал о селентинцах, то общение с ее братом помогало познавать лес. Буга чувствовал себя в лесу примерно так же, как Ник на ростовой площадке или за экраном терминала. Казалось, нет ни единой вещи, ни единого события, которое Буга не был бы в состоянии объяснить — от внезапного скрипа какой-нибудь пичуги до причины, по которой засохла во-он та кривая шавоша.

Они уже шагали мимо ствола супердерева. На северо-запад, к реке.

— А как мы будем ловить рыбу? — поинтересовался Ник.

— Не знаю, — беспечно отозвался Буга. — Там разберемся, на месте.

— А где Криста?

Буга пожал плечами:

— Не знаю. Кажется, с наставником. Да, точно, я вспомнил, она с утра занята с наставником. Слушай, Ник, ты без нее прожить, что ли, не можешь? Целыми днями с ней болтаешь.

— С ней интересно болтать, — ответил Ник, стараясь не отставать от проворного, как кот, селентинца. — К тому же сейчас это мое задание — болтать с кем-нибудь из вас.

Буга скептически хмыкнул:

— А я тебе для болтовни не подхожу?

— Почему? Подходишь. Но, если честно, общаясь с Кристой, я узнаю о вас намного больше.

— Ты еще с наставниками не общался, — бросил через плечо Буга.

— Да я готов! — Ник на ходу пожал плечами.

Буга даже остановился, и Ник налетел на его могучую спину.

— Готов? Ну-ну! — Буга ухмыльнулся. — Что-то по тебе не скажешь. Тебе еще просыпаться и просыпаться, Ник! Это даже шнырику понятно.

— Просыпаться? — не понял Ник.

— Просыпаться. Ты ведь спишь.

— Я не понимаю тебя, — жалобно протянул Ник. — Объясни, а?

Буга, кажется, озадачился такой постановкой вопроса.

— Что объяснить?

— Ну... — Ник неопределенно пошевелил пальцами рук. — Почему я сплю и как это — просыпаться?

— Спишь, потому что спишь! — веско сказал Буга. — Опять ты о пустом болтаешь. Пошли.

Ник вздохнул. Спит, значит. Спит...

На реке они провели часа два, не меньше. Способ рыбной ловли, избранный Бугой, сперва показался Нику малоэффективным, однако уже к исходу первого часа на берегу оказалось столько крупных рыбин, что Ник в одиночку всех не поднял бы. Второй час Буга посвятил нанизыванию рыбин на необъятный кукан, больше похожий на тонкую, но очень прочную жердь. Кукан этот они взвалили на плечи, причем хвосты некоторых рыбин свисали почти до пояса.

Так и двинулись — впереди Буга, следом Ник, а от плеча селентинца к плечу землянина тянулась жердь с уловом. Ник уныло подумал, что все самые примитивные мосты между различными сообществами почему-то чаще всего связаны с пищей.

Потом Ник сообразил: раз Буга взял его в носильщики, значит, предстоит увидеть селение аборигенов! До сих пор никого из землян туда не приглашали. Собственно, кроме Ника никого и не могли пригласить, но даже и его не приглашали.

У Ника сразу же разыгралось любопытство — попасть в селение ему хотелось давно. О селении несколько раз упоминала Криста, но все как-то вскользь, неконкретно. Ни кто там живет, ни сколько там жителей — ничего этого Ник не представлял даже приблизительно. Из бесед с Кристой получалось, что далеко не все селентинцы похожи на людей, но из тех же бесед Ник заключил, что никакого принципиального неравенства в связи с этим не существует. Селентинцы разные — и это никого не смущало. Из селентинцев по меньшей мере.

Криста, к примеру, считала равными себе даже с виду безмозглых жуков-шныриков. Как оказалось, самый маленький из них — математик...

Ветер все завывал в вствях. Кажется, он даже усиливался.

Не меняя шага, Буга заметил:

— Будет буря.

— Буря? — переспросил Ник. — Сильная?

— Довольно сильная. А ты не чувствуешь ее приближения?

Ник промычал нечто малопонятное, потом честно признался:

— Ну... Я вижу, ветер усиливается. И небо в тучах. Наверное, по этому можно кое-что понять.

— Можно, — подтвердил Буга. — Только гораздо больше можно понять, наблюдая за животными, если ты не чувствуешь бури сам.

— А ты чувствуешь?

— Конечно, — сказал Буга не оборачиваясь. — Как ее можно не чувствовать?

— Слушай, — вдруг заинтересовался Ник. — А у вас часты бури?

У него уже ныло плечо от тяжести кукана, но пока Буга был склонен к беседе, Нику не хотелось его отвлекать по пустякам.

— Не особенно. Но случаются.

— Супердеревья не ломает?

Буга засмеялся:

— Нет! Их невозможно ни свалить, ни сломать. Они очень живучие и прочные.

Действительно, сколько Ник ни шастал по лесу последнее время, он не видел ни одного поваленного или сломанного супердерева. И сухих супердеревьев не видел, хотя вывороченных и засохших нормальных деревьев повидал очень много.

В селение они успели одновременно с моментом, когда бурю можно уже было считать серьезной. Деревья стонали и скрипели, кущи полоскались по ветру, как знамена. Супердеревья же стояли недвижимо и незыблемо, и Ник очень удивлялся: с такими размерами и с такой парусностью им полагалось раскачиваться и ломаться, как тростинкам. Но буре они были явно не по зубам.

Ник уже начал беспокоиться, не привалит ли их падающим деревом или не случится ли еще какой неприятности, как вдруг сообразил, что они прибыли на место. В селение селентинцев.

Оно походило на огромный дряхлый сгнивший пень. И еще — на античный цирк-амфитеатр. Концентрические террасы спускались к центру «пня»; остатки коры образовывали вокруг селения нечто на манер корявого забора, более похожего на крепостную стену. Там и сям виднелись темные провалы пещер; некоторые были занавешены зеленоватыми... циновками, что ли? В целом террасы заволакивались обильной зеленью — растениями с необычно большими, не меньше одеяла, листьями. Вероятно, и цветов здесь обыкновенно хватало, но буря заставила их свернуться в тугие кожистые бутоны и спрятаться меж листьев.

— Пришли, — заметил Буга и сбросил с плеча кукан. Ник последовал его примеру. Из ближайшей норы-пещеры тотчас выбралось несколько... созданий.

Иного слова Ник подобрать не смог.

Одно было похоже на серого богомола, сохранившего, впрочем, следы антропоморфности. Конечностей у него по крайней мере было четыре. Зато голова скорее смахивала на велосипедное седло, чем на голову человека, даже с учетом общей карикатурности.

Второй был похож на сказочного гнома — очень толстый и очень низенький человечек с пышной бородой по пояс; на голове седые волосы человечка были схвачены в хвостик, но не на затылке, а на макушке. Этот носил одежду — необъятные желтые шорты на перехлестнутых крест-накрест лямках.

Третий вообще походил на обыкновенного лохматого пса. Вплоть до репейника в шерсти. Он и вел себя как пес — кинулся к Буге, взлаял пару раз и принялся восторженно прыгать вокруг.

Четвертое создание показалось Нику плохой пародией на Кристу. Оно выглядело совсем как женщина, молоденькая симпатичная женщина, но какая-то словно бы мультяшная, нарисованная. Слишком большие глаза, непривычные пропорции тела — в общем, героиня какого-нибудь анимэ в чистом виде.

Вся эта компания издавала разнообразные звуки; Буга их явно понимал. Ник же ничего похожего на речь отследить не смог.

Вскоре к этой четверке присоединилось еще несколько селентинцев, столь же пестро выглядящих и столь же разительно отличающихся друг от друга. Они дружно занялись уловом — снимали рыбин с кукана и растаскивали в разные стороны.

С неба упали первые капли дождя.

— Пойдем, — Буга пихнул Ника в нужном направлении, — не то вымокнем.

И он увлек землянина к одной из занавешенных пещер.

Краем глаза Ник увидел, как откуда-то сверху спикировала еще одна похожая на фею туземочка. Эта была почти неотличима от Кристы, вплоть до приклеенной юбочки. Во всяком случае, она отличалась от Кристы не больше, чем любая земная девчонка отличается от одноклассницы.

«Господи, — подумал Ник с тоской. — Ну почему я не контактер и не ксенолог? Мне же в этой каше вовек не разобраться...»

В пещере было сухо и — к великому удивлению Ника — светло. Не так, как снаружи обычным днем, но и не темнее, нежели сейчас, в бурю. Ко все тому же удивлению, в пещере нашлась обстановка — столы, стулья, лавки какие-то вдоль стен, шкафы, уставленные посудой. Но все это было частью пня, диковинными выростами древесины, и поэтому ни стулья, ни стол невозможно было сдвинуть с места.

Широкое, похожее на обычный топчан, только попросторнее, ложе устилали бесформенные мохнатые пледы. Ну не поворачивался язык назвать это шкурами — пледы, и все тут!

— Сейчас поесть принесут, — сообщил Буга, садясь к столу. — Ых, навернем ушицы свежей!

И хитро подмигнул.

«Ушицы? — подумал Ник. — Так ее еще сварить надо. Или не мы одни рыбачили сегодня?»

Действительно, из глубины пещеры показалась... сначала Ник решил, что это Криста. Но это была не она. Возможно, недавняя пикирующая туземочка, а может быть, и нет. В руках туземочка держала поднос, на котором стояли две миски и несколько небольших блюдец. От мисок распространялся ни с чем не сравнимый аромат ухи. Просто умопомрачительный, до голодных спазмов в желудке.

На блюдцах обнаружились: лепешки (невероятно вкусные), какая-то острая приправа сродни аджике, сметана и две рюмки граммов по сто пятьдесят с прозрачной жидкостью.

Буга первым делом потянулся к рюмке.

— Ну, — сказал он так, будто произносил тост, — с удачной рыбалкой!

Ник по примеру селентинца тоже взял рюмку и опасливо понюхал.

Пахло водкой. Хорошей, идеально очищенной водкой.

Машинально Ник потянулся чокнуться; Буга на секунду замешкался, а потом, словно догадавшись, что нужно делать, потянулся навстречу. Рюмки сухо цокнули, встречаясь; они явно не были стеклянными.

По давней русской традиции Ник коротко выдохнул «Ху!» и опрокинул содержимое в рот.

Водка. Хорошая водка. Настолько хорошая, что даже закусывать или запивать не хотелось — провалилась в желудок и улеглась томным согревающим слоем.

Уха тоже была прекрасной, причем с тем неповторимым привкусом, который возникает, лишь если в котел добавить немного все той же водки.

Ник выхлебал свою порцию вмиг, заедая лепешкой, которую не забывал макать попеременно то в аджику, то в сметану.

Только расправившись с едой, он рассмотрел посуду.

Ложки были явно деревянными, но настолько тонкими, что вряд ли их выстрогали из цельного куска дерева. Напротив, судя по некоторой неправильности формы, можно было предположить, что их выращивают. Прямо на кусте. То же и с мисками — они были тонкими и податливыми, как фольга, но форму держали безукоризненно.

— Здорово! — довольно пробасил Буга и откинулся на спинку стула.

А снаружи бушевал ветер и хлестал ливень.

И вдруг Буга напрягся. Словно бы прислушивался к чему-то.

— Ой, — сказал он не то смущенно, не то обеспокоенно. — Сюда идет наставник. Я побежал...

И он, не замечая протестующего жеста Ника, вскочил и поспешно скрылся в глубине пещеры. Фея-туземочка молние-

носно прибрала со стола посуду, а крошки и тому подобную мелочь вмиг размела стайка невесть откуда взявшихся насекомых, исчезнувших так же неожиданно и стремительно, как и появились.

Ник остался за стерильным, вылизанным до блеска столом — ни жив ни мертв.

«Господи, — подумал он снова. — Ну почему я не контактер?»

Слово «идет» появление наставника описывало не очень точно. Нику сначала показалось, что напротив, по ту сторону стола разом сгустился воздух и кто-то похожий на привидение сделал вид, будто перестал парить и теперь сидит на стуле. На месте Буги. Потом туман сгустился плотнее, стал синеватым и мерцающим, как кисель. Или как плоть медузы. И вдруг, почти без перехода, обрел вид человека.

В принципе Ник ожидал, что наставник в конце концов примет облик человека. Хотя бы из присущей разумным существам вежливости. Но он ожидал увидеть почтенного старца, убеленного сединами и умудренного годами.

Как же! Привидение обратилось в молодого, моложе Ника, белобрысого парня. Лет девятнадцати-двадцати.

«И то правда, — уныло подумал Ник, машинально нашаривая на груди пуговицу. — Какая радость высшему разуму обращаться в старика с подагрическими ногами и непременной одышкой? Куда приятнее вот так, брызжеть здоровьем и сверкать румянцем».

Пуговицы Ник, естественно, не нашарил, поскольку шастал по Селентине в легкомысленной майке. Сообразив это, он опустил руку.

— Здравствуй, Ник, — сказал наставник.

Голос у него был тоже молодой. А вот интонации — нет. Но и старческими их не назовешь: какие-то машинно-бесстрастные, что ли?

— Здравствуйте, — послушно отозвался Ник на приветствие. — Вам известно мое имя?

— Конечно. — Наставник не выразил удивления или досады. — Кристе ведь оно известно? Значит, и мне известно.

— То есть. — Ник по недавно сложившейся привычке тут же взял быка за рога и принялся тянуть информацию. — То есть вам известно всё, что известно Кристе?

Наставнику, будь он классическим старцем, сейчас полагалось устало усмехнуться. Юнец, напротив, лишь чуть поморщился, и, надо сказать, это показалось Нику куда более естественным.

Ник вдруг подумал, что здесь, на Селентине, все почему-то кажется естественным, до странности естественным, без всякой ненужной натуги и показухи.

Она была честной, Селентина, честной перед всеми и со всеми. Даже с землянами, увы, гораздо больше привычными ко лжи и недомолвкам, чем к этой обескураживающей и совершенно бескорыстной честности.

— Почему же — всё? — не согласился наставник. — Только то, что она не скрывает. У каждого есть свой потаенный уголок в душе, куда заказан путь даже самым близким.

Наверное, из Ника получился бы неплохой контактер, избери он в свое время эту стезю. Еще пару недель назад он боялся, что не будет знать — как себя вести и какие вопросы задавать. Но на деле все получалось словно бы само собой, и к этому не приходилось прилагать ни малейших усилий. Вот и сейчас нужные слова возникли сами. Подвернулись, вовремя подвернулись:

— Вы считаете, что душа существует?

Наставник едва заметно искривил губы:

— Существует ли бесконечность? Существуют ли отрицательные величины? Существует ли прошлое? В каком-то смысле — да, существуют, поскольку разум оперирует подобными понятиями, хотя их невозможно потрогать или увидеть. Думаю, и с душой нечто подобное. Причем ни секунды не сомневаюсь, что у землян все обстоит именно так, как я только что обрисовал. Так ведь?

— Ну, в общем так. Хотя можно поспорить. Только я не вижу смысла. Ну ладно. Мое имя вы знаете. А как мне вас называть?

— Наставником. Просто наставником. Пусть даже я и не твой наставник. И, кстати, тебя не раздражает манера обращения на «ты»? Я знаю, у вас больше принято вежливое обращение.

— Ничуть не раздражает! — заверил Ник. — Я еще не в том возрасте, когда обращение на «ты» начинает казаться панибратством.

О кажущейся молодости собеседника Ник заставил себя не думать.

— Тебе, естественно, страшно интересно узнать — зачем я захотел тебя увидеть. Так?

— Естественно, — подтвердил Ник. — Очень интересно.

— Увы. — Наставник развел руками совершенно по-человечески (Ник даже на секунду напрягся, вспоминая — делал он при нем подобный жест, но потом сообразил, что при Кристе наверняка делал). — Вынужден тебя разочаровать. Никакого особого умысла у меня не было. Мною двигало чистое любопытство.

— Значит, и наставникам оно не чуждо?

Юнец засмеялся, запрокинув голову:

— Полноте, Никита! Неужели вы, земляне, воображаете нас всезнайками, окончательно потерявшими интерес к жизни? Это противоречит самой природе разума. Разум всегда сознает, что все отпущенное ему время он только и делает, что карабкается вверх по лестнице. А без любопытства кто же станет карабкаться?

— Скажите, наставник, — Ник снова выловил откуда-то из омута собственных мыслей очередной вопрос, который, вероятно, сумели бы оценить только контактеры, — а насколько выше вы забрались по этой лестнице? Выше, например, меня, среднего землянина?

— Для того чтобы оценить насколько, нужно стоять еще выше меня. Я ведь, в сущности, ничего не знаю о землянах. Единственный, о котором мне известно хоть что-нибудь, — это ты. Прибегну к сравнению, достаточно вольному и поэтичному, но при этом довольно жестокому. Так что не обижайся. Видишь вон ту бабочку, что прячется от дождя в пещере?

Ник невольно обернулся, но, конечно же, не увидел никакой бабочки. Стол, за которым сидели они с наставником, от-

деляло от входа в пещеру добрых пятнадцать метров. Разглядеть какую-то там бабочку, сидящую в трещинах древесины, не смог бы, наверное, и самый дальнозоркий из людей.

— Ее путь таков: яйцо — гусеница — куколка — бабочка. Если использовать подобную аналогию, ты — яйцо. Я, вероятно, гусеница, готовая превратиться в куколку.

— А Криста? — выпалил Ник. — И Буга?

— О! — улыбнулся юнец. — Они, несомненно, недавно вылупившиеся гусеницы, неугомонные и вездесущие! Они охотно ползают с места на место, поедают листву, резвятся и познают мир.

Ник вздохнул.

Ему не врали. Селентинцу незачем врать.

Яйцо. Всего лишь яйцо, неподвижное и жалкое. Зародыш, заготовка будущей бабочки. Не об этом ли ему неустанно твердили Криста и Буга: «Ты спишь, Ник!»?

О чем же еще, если не об этом?

— Наставник, — сдавленно спросил Ник. — А землянин Никита Капранов вообще способен стать гусеницей? Хотя бы гусеницей, не говоря уже о бабочках? Проснуться?

— Любой, обладающий разумом, способен. Безразлично — землянин или нет. Ты считаешь себя разумным?

Ник снова поискал на груди пуговицу — конечно же, безуспешно.

— И способность к полету — это тоже один из факторов пробуждения? — поинтересовался он.

Юнец неожиданно перестал улыбаться.

— Ник! Способность к полету — это просто сопутствующая мелочь. Ты можешь проснуться и при этом не научиться летать. Если тебе не нужно. Пробуждение — это переход на качественно иной уровень взаимодействия с миром. Ты уже способен постичь это, иначе наш разговор не склонился бы в нужную сторону, да и вообще не состоялся бы. Собственно, тебе осталось только окончательно поверить, в чем я тебе и пытаюсь помочь. Надеюсь, ты сознаёшь, что готовых рецептов не существует. Селентина — именно то место, где стоит проснуться. И где легко проснуться. Я сам когда-то проснулся здесь. И, —

наставник вдруг доверительно склонился в сторону Ника, — у тебя замечательная помощница.

Ник глупо хлопнул глазами, а наставник вдруг потерял материальный облик и снова стал синеватым маревом, похожим на привидение. Он становился все прозрачнее и прозрачнее, пока совсем не исчез.

Совсем.

Некоторое время Ник пребывал в форменном ступоре. Он пытался осмыслить все, что сейчас услышал, но в голове кто-то настырно бухал в большой надтреснутый колокол, отчего мысли норовили расползтись и попрятаться по самым дальним и темным углам.

А потом его позвали.

— Ник! Пойдем скорее! Дождь закончился!

Когда он вышел из пещеры, селение-амфитеатр сияло мириадами капелек росы, в каждой из которых ослепительно отражалось солнце Селентины. Остро пахло озоном и мокрой листвой. На фоне исполинской, в полнеба, радуги — Криста, улыбающаяся зеленоокая дива. Это она звала его.

И — как достойный всему внезапному великолепию фон — громада супердерева чуть поодаль.

«Ой, мамочки», — подумал Ник.

И еще он подумал, что же будет рассказывать контактерам?

2

— Мне кажется, — хмуро заявил Градиленко, — ты от нас что-то скрываешь.

— А что мне скрывать? — искренне удивился Ник. — Думаете, я набрел в лесу на месторождение алмазов и втихую его разрабатываю? Так здесь алмазы мало ценятся.

Градиленко кутался в пуховик, который, увы, плохо защищал его от пронизывающего осеннего ветра. То, что Ник был лишь в шортах, майке и босиком, раздражало шефа контактеров еще сильнее.

— Ты сорвал процедуру контакта, — сказал Градиленко. — Отчетов от тебя я не видел уже полтора месяца.

— Коллега, — с чувством произнес Ник. — Напротив, я довольно далеко продвинулся на стезе контакта с обитателями Селентины. И именно поэтому я хочу остаться. Остаться здесь, чтобы окончательно понять и вообразить мост, который можно будет навести между Землей и Селентиной. По-моему, это вам только на руку.

— Нам на руку твоя помощь, которой мы не видим. Я не понимаю, чем ты занимаешься там, в лесу. Я не понимаю, почему ты не мерзнешь на этом чертовом ветру. Я не понимаю, почему общение с каким-то летающим жуком для тебя стало важнее, чем общение с людьми. Я не понима...

— Коллега, — проникновенно и очень спокойно перебил Ник. — Если бы вы дали себе труд осмотреться окрест, возможно, вы отыскали бы первые ответы. Это так, совет вам и всем остальным. На будущее.

Бородачи-контактеры, подчиненные Градиленко, неприкаянно топтались около посадочного бота. Им было тоскливо, холодно и неуютно. И десантникам с прикладными лучевиками тоже было тоскливо, холодно и неуютно.

Земная миссия на Селентине готовилась к отбытию. Готовились все, за исключением бывшего эмбриомеханика Никиты Капранова. Контактеры ничего, ровным счетом ничего не добились здесь — аборигены на контакт не пошли. Тем более обиден был явный успех какого-то там эмбриомеханика, слыхом не слыхавшего о типовых процедурах контакта и тем более о ксенопсихологии. Градиленко злился. Но вредный экс-эмбриомеханик, похоже, всерьез вздумал обосноваться здесь. На запретной для любого землянина (кроме группы Градиленко, разумеется) Селентине. И сейчас предстояло решить — считать Капранова членом вышеупомянутой группы или уже нет.

— Между прочим, — заметил Градиленко, — я имею право приказывать десантникам. Одно мое слово, и тебя попросту пристрелят, щенок!

— Бросьте, — фыркнул Ник. С некоторых пор он перестал скрывать естественные реакции — к чему их скрывать? — Не станут они стрелять.

— Ты нарушил закон! Ты нарушил устав!

— Считайте, что я уволился из флота. А что до земных законов — так можете меня и землянином больше не считать.

Ник чувствовал, как напряглась в отдалении Криста — она прекрасно помнила разрушительную мощь человеческого оружия. Правда, в прошлый раз был пулевик и был подсвинок... Ник, как мог, успокоил ее.

Не станут десантники стрелять. Не станут. А если и станут... Что же... Скорее всего Ник их опередит. Он нисколько не собирался подставлять собственное тело под смертоносные импульсы лучевиков.

— Геннадий Викторович! — окликнули Градиленко от раскрытого пассажирского люка «Медузы». — Капитан на связи! Время!

Шеф контактеров еще некоторое время зло ел глазами улыбающегося Ника, потом досадливо махнул рукой и уныло побрел к боту.

Ник, не двигаясь с места, наблюдал, как грузятся в бот его бывшие соплеменники — десантники, контактеры. То есть это они думали, что бывшие.

У Ника на этот счет сложилось свое мнение.

Задраен люк. Пилот сейчас прогоняет предстартовые тесты... «Медуза» неторопливо отрывается от почвы и, ускоряясь, рвется в зенит, в холодное октябрьское небо Селентины. Супердеревья прощально машут ветвями.

Странно, но Ник почти не испытывал тоски по дому — в другое время при виде стартующего бота непременно заныло бы где-то в области сердца.

Почти не испытывал.

Все-таки он сильно изменился в последние месяцы.

Прошло минут пять; стряхнув наконец оцепенение, Ник обернулся и позвал:

— Криста!

Девушка помахала ему рукой с ветви здоровенной шавоши, с высоты добрых, наверное, тридцати метров.

— Иди ко мне! — позвала она негромко, но Ник ее, естественно, слышал так же ясно, как если бы она находилась совсем рядом.

Он зажмурился и побежал. Все быстрее и быстрее. На десятом или одиннадцатом шаге Ник неуверенно оторвался от земли, между лопатками под тоненькой линялой майкой набухли два тугих кома, а потом на свободу вырвалось еле различимое в свете дня мельтешение чего-то эфемерного и полупрозрачного, словно у Ника вдруг отросли стрекозиные крылья и трепетали сейчас за спиной, и трепетали, вознося его все выше и выше.

Уже на встви шавоши он на секунду обернулся, мельком взглянул на темное пятно посреди лужайки, потом на низкие тучи, в которых скрылся бот с крейсера «Калахари», а потом сгреб Кристу в объятия и радостно прошептал ей в самое ухо:

— Доброе утро!

1994—1999 гг.
Николаев—Москва—Николаев

От автора

Эта повесть — произведение сравнительно свежее в отличие от большинства в этом сборнике. Написана она всего год назад, хотя задумана гораздо раньше, в самом начале девяностых. Могу сказать, что повесть больше чем наполовину автобиографична — многие описанные события действительно имели место (кроме, разумеется, провалов во времени и путешествий в параллельные миры), хотя хронология и география не соблюдены. И многие приведенные тексты — реальные песни группы «Проспект Мира», взбудоражившей Николаев и юг Украины на переломе 80-х и 90-х годов. Музыканты и их последующие судьбы списаны с натуры; единственное, что я счел неуместным, — это приводить реальные имена. Поэтому шестерка из «Проспекта Мира» фигурирует под псевдонимами.

Рок на дороге

Полуавтобиографическая повесть с сильными преувеличениями.

Любые мысли о сходстве описанных в повести людей с людьми реальными остаются на совести читателя, даже если имена, фамилии или иные приметы совпадают. Автор также осведомлен о некоторых хронологических нестыковках в тексте.

1. Who Do We Think We Are? (1973)

До появления Димыча группа даже еще не обрела название. Не было и клавишника Пашки. А были...

Было их пятеро. Давно и прочно, на уровне «семьи-родители» знакомые Андрюха Шевцов и Игорь Коваленко. Прибившийся к ним несколько позже Данил Сергеев. Приятель и сосед Андрюхи — Вадик Орликов, которого обыкновенно именовали просто Малый. И недавний знакомец Данила, человек—иерихонская труба, Костик Ляшенко.

Ну и, разумеется, Шура Федяшин — личность совершенно свихнувшаяся. Ну скажите на милость, кому еще паяльник может быть привычнее авторучки, как не психу?

Впрочем, обо всем по порядку.

Кто был молодым, тот знает этот странный зуд в руках, это непреодолимое желание взять все, что можно хоть с натяжкой

именовать музыкальным инструментом, объединиться с приятелями, включить на запись простенький магнитофончик, недавно подаренный родителями и...

У кого нет подобных какофонических записей юности? Когда к обычной акустической гитаре добавляются подушки и пуфики в качестве барабанов, крышки от кастрюль вместо тарелок и какая-нибудь экзотика для создания шумового фона типа пищащего счетчика Гейгера, гордо именуемого «синтезатором»? Через это прошел каждый. Ну, почти каждый.

Разумеется, и Димыч (в миру — Дмитрий Василевский) в свое время через это прошел. Отдельно от будущей группы; ему компанию составляли собственные друзья юности — Андрей Дроботов и Валерка Уца. Группа, помнится, звалась «Небритый кактус» и конкурировала с другими дворовыми группами, которые носили не менее гордые названия «Помидоры» и «Кожезаменитель».

Основной состав будущей группы переболел страстью к какофоническим концертам сравнительно быстро. И к моменту знакомства с Димычем Игорь Коваленко уже являлся счастливым обладателем очень неплохой ударной установки брянского завода (подарок родителей), Малый — красной ромбической гитары «Стелла» средней паршивости, с которой он управлялся на редкость шустро и умело; Андрюха Шевцов успел обзавестись достаточно внятным басом «Тверь», который покорял с упорством маньяка. Ну а Костик и Данил пытались петь.

Димыча привел Шурик Федяшин, к тому моменту охотно взваливший на себя обязанности штатного инженера-электромеханика и оператора группы. Сказал как-то, слушая пока еще далекие от цельного звучания рулады:

— Знаете, парни... Со мной в бурсе тип один учится. Димычем зовут. В радио он, говоря начистоту, ни хрена не рубит, но зато на гитаре играет. И — прошу внимания! — пишет песни. Мне нравятся, слышал как-то на мальчишнике.

В этой компании песни пока пробовал писать только Костик. Успел он сделать лишь три; и если просто под акустическую гитару они еще худо-бедно звучали, то командный вариант не устраивал никого.

— Веди, — после короткого совещания резюмировал Андрюха, выполнявший функции администратора и босса.

На следующую репетицию Шура явился в сопровождении сутуловатого парня в круглых очках. В потрепанном чехле парень принес гитару — как оказалось, самодел. Самодел был куда лучше инструмента Малого. Назвался парень Димычем. Подключил гитару, примочку, взял несколько риффов. Цокнул языком.

— Ну, — сказал он после этого, — показывайте.

Коллектив не очень уверенно, но почти без сбоев сыграл «Беду земли».

— Рыхло, — резюмировал Димыч. — Драйва не хватает. Какая там тема? До-мажорчик, да?

Малый с готовностью нарисовал на бумаге обозначения аккордов.

— Гитару твою пожестче надо. Металла в тембра подпустить. Сможешь, Шурик?

— Не вопрос! — пожал плечами Шурик и принялся колдовать над микшерским пультом и эквалайзером. — Пробуйте!

— Поехали! — скомандовал Димыч.

Со второго квадрата его гитара вплелась в общее звучание. И — о чудо! — дотоле рыхлое и расхлябанное, оно неожиданно слиплось в довольно плотную основу, на фоне которой громыхал могучий голос Костика. Все натурально ахнули.

Перед припевом, после ритмической сбивки, ритм-секция разъехалась: Игорь на барабанах протянул целый такт, а Андрюха направил бас в припев уже после двух четвертей. Костик растерялся, и вместо жесткого, подчеркнутого музыкой «Нет! Я не хочу, что было так!», прозвучало нечто маловразумительное.

— Стоп-стоп-стоп! — замахал руками Димыч. — Давайте определяться. Нот и вообще музыкальной грамоты я, извиняйте, не знаю. Поэтому объяснять буду на пальцах.

Остальные музыкальной грамотой владели в той же мере, что и Димыч: а именно — вообще не владели. Но объяснения Димыча оказались на редкость простыми и доходчивыми; даже Андрюха, которому басовые премудрости давались с некоторым трудом, все понял с первого раза. Надо было просто по-

считать в нужном месте про себя: «Раз, два, три, четыре» — и только после этого входить в припев.

Попробовали. Получилось. Попробовали еще раз. Опять получилось. Попробовали другую песню — и снова получилось весьма приятственно.

— Заметно лучше, — резюмировал Димыч после полутора часов музицирования. — Теперь осталось гитарные темы прописать как следует... Малый, ты технарь, как я погляжу.

— Ну... — пожал плечами Малый и непринужденно сыграл скоростную гамму. — Такое умею.

— Отлично. У меня со скоростью худо... — признался Димыч. — Я тебе медленно покажу, а сыграешь как следует.

— Не вопрос! — радостно согласился Малый.

Со скоростью у Малого и впрямь все было в порядке. Воображения не хватало, это да. Если ему показывали, что именно и как именно играть, — Малый воплощал все с математической точностью и удивительной легкостью. Но сам придумать что-либо путное Малый был, похоже, не в состоянии.

Но все уже поняли: в группе появился тот, кто умеет придумывать.

Через несколько репетиций идеологическим и музыкальным лидером с молчаливого согласия остальных сделался Димыч, тогда как вне репетиционного зала делами административного свойства и менеджмента продолжал заправлять Андрюха Шевцов. Такая ситуация устроила абсолютно всех.

Спустя месяц усиленных репетиций Димыч поразмыслил, почесал в затылке и высказал идею:

— Клавишника надо. Мы ж не чистую тяжесть валим... Не помешает, клянусь. Есть кто-нибудь на примете?

— Есть! — не стал возражать Андрюха.

На следующей репетиции появился Паша Садов со своей многократно перепрошитой «Шексной», и вот тут-то группа зазвучала по-настоящему.

А потом был конкурс самодеятельных групп в кирхе, на улице Декабристов. Накануне долго придумывали название; остановились на варианте «Проспект Мира». Во-первых, песню такую сделали — очень приличную, кстати. А во-вторых, абсолютно все участники группы обитали либо непосредствен-

но на проспекте Мира, либо поблизости. Почему нет, в конце концов?

Завсегдатаи конкурса к новичкам всегда относились снисходительно; «Проспект Мира» никто тоже не воспринял всерьез. А они, впервые играя на пристойном аппарате, сами ахнули после первого же аккорда. «Звучим!» — кричали немые взгляды. Андрюха глядел на Димыча, Димыч — по очереди на всех.

Короче, первое место присудили «Проспекту Мира». Завсегдатаи приходили жать руки.

За успех в тот вечер было выпито немало пива, и долго еще вспоминали, как зал пританцовывал в такт «Демократии» и жег зажигалки во время «Замка на песке».

О группе заговорили в городе.

Уже через полгода, на концерте городского рок-клуба, неумолимая председательша мадам Портнова заявила после предварительного прослушивания: всем группам будет позволено сыграть от одной до трех композиций, в зависимости от оценок, выставленных жюри.

«Проспекту Мира» позволили сыграть шесть композиций. Даже старички из «Магазина» и полупрофи из «Забытого континента», даже первый блюзмен города Юрка Белоруков — все получили максимум по три. А «Проспект Мира» — целых шесть. Да еще шестую песню, собственно «Проспект Мира», группа должна была выдать в финале, перед закрытием концерта, после настоящих профессионалов из «Фокстрота» и «Диалога», после тех, кого знала вся Россия.

Что творилось в зале, когда выступал «Проспект Мира»... Не описать словами. Народ выскочил на сцену и гарцевал на листе девятислойной фанеры, которым прикрыли оркестровую яму — как не проломился этот лист, уму непостижимо. Димычу сначала на гриф прилетел чей-то пиджак, а потом кто-то прошел по шнуру и выдернул его из разъема. Но ничего, все остались довольны. Кто-то из профи потом подошел и предложил купить песню «Проспект Мира».

Димыч с Костиком, как авторы, отказали. Профи ушел обиженным.

Потом были еще концерты — на море, на Южном фестивале. В ближайших городах и городках. Группа крепла и сыгрывалась, училась понимать друг друга без слов.

Но в какой-то момент все почувствовали: движение вперед прекратилось. Нужна была какая-нибудь радикальная встряска.

Вот тогда-то и началось самое интересное.

2. Deep Purple (1969)

Вероятно, во всем была виновата любовь Димыча и Шурика к фантастике. Но если первый ее только любил и читал, то второй вообще считал полной реальностью, просто пока не данной нам в ощущениях.

Ни для кого не секрет, что на Западе и в России рок-музыка развивалась в равной степени параллельно, но в то же время очень по-своему. После джаз-бума сороковых и пятидесятых на Западе возникли «Битлз», в России — «Река Слава». Даже в названиях отразилась глубинная разница западного и восточного подходов к року: на Западе нечто вроде «тараканов», у нас — нечто словесно-психоделическое, без прямого значения. Впрочем, не следует считать, будто для Запада превалирующей оставалась исключительно форма, а для русских — содержание. В конце концов, там ведь был «Кинг кримзон», а у нас «Атака». Да и шестидесятые показали, что две культуры склонны скорее брать друг у друга лучшее и дополнять чем-нибудь своим. Техногенный расцвет России в семидесятые и одновременный десятилетний кризис Америки мало что изменил: просто лучшие музыканты двух рок-культур сменили «Стратокастеры», «Джибсоны» и «Ибанезы» на «Тверь», «Кабаргу» и «Суздаль», а «Маршаллы» и «Пивеи» на ту же «Тверь», «Неман» и «Искру».

Но в одном Запад все-таки опередил Россию. Он первым придумал и провел Вудсток. Еще в шестьдесят девятом. Восток то ли в силу природной лени и традиционного русского раздолбайства, то ли из пустой гордости созрел к идее аналогичного форума только через десять лет.

Теперь это легенды. Постаревшие и погрузневшие герои русского Вудстока, звезды городка Бологое семьдесят девятого года, то и дело мелькают на телеэкранах, иногда выдавая нечто похожее на хиты прошлого.

Тогда все было проще. Талант мог пробиться без денег и раскрутки. Тогда — но не теперь. И именно поэтому первые иллюзии неграмотных музыкантов «Проспекта Мира» довольно быстро развеялись. Да, их музыка была хороша. Да, они вполне пристойно ее подавали. Но толстым столичным дядям интереснее было вкладывать бабки в безголосых дочек, чем в разбитных провинциалов.

Но писать новые песни и выступать «Проспект Мира» все равно не прекращал, тем более что отчим Шурика Федяшина, мелкий пивной фабрикант, как-то весной позвал группу озвучить районный пивной фестиваль. «Проспект Мира» так озвучил, что к лету заводик отчима утроил оборот, сожрал с потрохами самого опасного местного конкурента, укрупнился и приступил к строительству нового цеха. «Проспекту Мира» с этого обломился полный комплект аппаратуры, новые инструменты и предел мечтаний для группы их уровня — фирменный трейлер «Десна», шестиосный грузовой монстр-трансформер, который в походном состоянии вмещал всю аппаратуру и служил передвижным домом, а в стационарном — представлял собой удобную сцену-подиум. Даже колонки таскать не приходилось: трейлер подруливал к нужному месту, сдвигал крышу, опускал борта... И все. Сцена готова.

Рок-клуб, понятное дело, обзавидовался; но проспектовцы не жались: наоборот, затеяли большой концерт городских групп по всему югу. На собственном, понятно, аппарате. «Десна» показала себя во всей красе, а отчим Шурика не преминул присовокупить к каждому выступлению трейлер пива по льготной цене. Кроме того, красочные логотипы «Пиво «Янтарь» украшали борта «Десны» в походном состоянии и подножие подиума в концертном, что тоже способствовало популярности фирменного напитка.

В общем, народ «Проспект Мира» слушал с удовольствием, равно как и другие группы, колесившие в тот год по югам вместе с ними. Но попытки записать профессиональный компакт-диск неизменно заканчивались провалом. Возможно, именно оттого, что единственной в городе пристойной студией владел тот самый профи, которому в свое время Димыч и Костик отказались продать фирменную песню группы.

Так и осталось невыясненным — кто первым высказал ностальгическую идею: «Эх, на нашей «Десне» бы — да в Бологое семьдесят девятого года!»

Действительно, эх...

И никто не предполагал, что об этом можно было говорить серьезно — музыканты «Проспекта Мира» в семьдесят девятом в лучшем случае учились ходить, а Малого так и вообще еще не родилось.

Единственным, кто не умел несерьезно относиться даже к бреду, оставался штатный инженер группы Шурик Федяшин.

3. The Book Of Taliesyn (1968)

Имелся у Шурика большой засаленный талмуд, в который он скрупулезно заносил все случающиеся на концертах и репетициях неполадки и подробно описывал методы их устранения. Последние страницы талмуда часто использовались в качестве полигона для скорых вычислений или каких-то радиотехнических прикидок. Калькуляторы Шурик не любил, предпочитал считать по старинке, на бумаге, в столбик. Говорил, что так нагляднее. Мало кто из проспектовцев обращал внимание на то, что во время репетиций Шурик все чаще забивается в любимый угол у рабочего пульта и колдует над любимым талмудом, а рядом все время таинственно светится матрица его ноутбука, приросшего к глобальной сети.

Ну, колдует — и колдует, здраво рассуждал каждый из проспектовцев. У каждого свои обязанности. Димыч пишет собственные песни, гранит песни Костика и Данила, придумывает гитарные партии. Малый воплощает придуманное Димычем. Андрюха наворачивает на басе, Игорь его поддерживает. Пашка-клавишник обеспечивает красивый фон и вкрапляет в музыку изящные проигрыши. Костик с Данилом напрягают глотки. В общем, все при деле. Так почему бы Шуре-оператору не колдовать над талмудом, если весь аппарат работает без сбоев и выстроен как следует? Да ради бога, колдуй!

Но в перерыве очередной репетиции Шурик вдруг выполз из своего угла с талмудом под мышкой, приблизился к попи-

вающим «Янтарь» музыкантам и вдруг очень ровным и уверенным голосом заявил:

— Ну что? Всё еще хотите побывать в Бологом семьдесят девятого? Могу вас туда протолкнуть. Только ненадолго, меньше чем на двое суток. На дольше не получится.

Данил выронил банку с пивом. Костик насупился.

— Шура, — спросил Андрей Шевцов после некоторой паузы, — ты рехнулся?

— Зачем? — пожал плечами Федяшин. — Это действительно возможно, я посчитал. Вот, можете взглянуть...

Он продемонстрировал несколько испещренных формулами листков из талмуда. Большинство понимало там только плюсы да минусы, как приснопамятный парень из преисподней Гаг в настенной писанине увечного земляка Данга.

— Очень наглядно, — прокомментировал Димыч с ехидцей. — И что сие означает?

— А сие означает, что если через двадцать четыре дня оказаться в строго определенном месте в строго определенную минуту и запустить один приборчик — можно на двое суток провалиться в любой произвольный момент с мая по сентябрь семьдесят девятого. Через двое суток нужно будет оказаться примерно в этом же месте и инверсировать режим приборчика. Тогда вернемся. Если не сделать этого... короче, не ручаюсь я тогда за нас.

— Не, — вздохнул Андрюха с сожалением. — Ты все-таки рехнулся.

Но Шурика невозможно было вывести из себя такой мелочью, как насмешка.

— Приборчик показать? — без тени смущения спросил он.

— А ты его хоть на кошках испытывал? — поинтересовался практичный Игорь.

— Нет. — Шурик отрицательно покачал головой. — Сейчас он просто не сработает — время не пришло. А такое время случается не чаще раза в тысячелетие.

— Угу, — хмыкнул скептик-Димыч. — И, разумеется, нам немерено потрафило: это время подоспело именно сейчас.

— Именно так, — невозмутимо подтвердил Шурик. — Начало века как раз. Думаешь, случайно летосчисление многих народов привязано к миллениуму?

— А оно привязано? — удивился Андрюха. — Ну, у христиан и исламистов — еще ладно. Но китайцы какие-нибудь или евреи явно по-своему считают годы.

— Китайцы обитают в соседней геомагнитной зоне. У них свои привязки к темпоральным каналам. А евреи просто хитрые и скрытные, — парировал Шурик. — Специально не так считают, чтобы нас с толку сбить.

— Угу, — обиделся Паша, в котором частично текла и еврейская кровь, — как обычно во всем виноваты евреи и велосипедисты!

— Я не понял. — Шурик недовольно прищурился. — Вы хотите в Бологое на русский Вудсток или не хотите?

— Погоди. — Димыч допил пиво и ловко закинул банку в корзину с логотипом «Янтаря». — Расскажи-ка поподробнее. Что, переходы во времени действительно возможны?

Не зря Димыч слыл среди друзей любителем и поклонником научной фантастики. Идею перемещения в прошлое он воспринял быстрее и легче остальных — не считая, разумеется, самого Шурика, для которого фантастики не существовало вовсе, существовали только реальности, частично данные нам в ощущениях, а частично пока не данные. Целью жизни Шурик давно уже считал перемещение реальностей из второй категории в первую.

Именно между Шуриком и Димычем спустя два часа состоялся короткий, но весьма содержательный разговор о невероятной затее. Димыч заявился в подсобку, где приятель по обыкновению что-то паял; остальные музыканты удалились на перекур. Димыч не курил, поэтому и пришел раньше остальных.

— Выкладывай. — Димыч присел на старый корпус от гитарной мартышки — не так давно Федяшин выковырял из него начинку: динамик и прочие радиотехничности. Начинка ныне успешно обитала в другом корпусе, рассчитанном и собранном лично Шуриком. — Все, что ты затеял.

— С подробностями или без? — уточнил Федяшин.

— С подробностями. Но чтобы я понял.

Шурик закатил глаза, всем видом показывая: либо с подробностями, либо так, чтобы ты понял.

— Ну, ладно, ладно... — смягчился Димыч. — Совсем уж в дебри физики не лезь. Но понять я все равно хочу.

Шурик с сомнением покосился на свой талмуд, но потом махнул рукой и отвернулся. Похоже, он окончательно осознал, что его рабочие записи остальным решительно непонятны.

— Тогда я не буду тебе описывать современные представления о связях времени и пространства. Буду краток. Шесть лет назад один немец-физик, Бертольд Нёрман, вывел очень наглядную, но спорную зависимость. Основное, что из нее следовало, это то, что физическое тело способно покинуть основной вектор временного потока, сместиться относительно него и вернуться, но уже на ином отрезке. Другими словами, попасть в прошлое.

— Или будущее, — ввернул Димыч.

— Нет. В будущее невозможно сместиться. Понимаешь, будущее еще не наступило. Вектор туда просто не тянется, энергия на поддержание временного потока еще не затрачена. Так что...

— Жаль, — вздохнул Димыч.

— Величина абсолютного смещения по вектору и срок, в течение которого материальные тела будут находиться в ином времени, напрямую зависят от затраченной энергии. Поэтому во времена динозавров я вас запихнуть при всем желании не смогу — у меня нет собственной атомной электростанции.

— И, соответственно, запихнуть в тот же семьдесят девятый надолго — тоже не сумеешь. Так?

Шурик с сожалением вздохнул:

— Снова не так. Закон сохранения энергии знаешь? В полном соответствии с ним затраченная энергия на перемещение в прошлое должна выделиться при возвращении. Иначе цикл оборота энергии останется неполным. Ну, будут, разумеется, некоторые потери, которые в принципе нетрудно компенсировать. Полное путешествие во времени — это не только прыжок в прошлое, это еще и возвращение в исходную точку. Короче: у меня хватит мощности запихнуть вас в семьдесят девятый год на сорок семь часов. Меньше — будут сложности с возвращением. Больше — не хватит энергии. Я все просчитал, причем не один раз. Показывал Доку — он сказал, что численные операции проведены без ошибок. Так что... если сработает — вернемся, не дрейфь.

— Да я не дрейфлю. Ладно. Будем считать, мы тебе поверили. Теперь понять бы — что нам делать на русском Вудстоке...

— Как что? — удивился Шурик. — Выступать! Такого аппарата, как у нас в те времена, даже «Черный доктор» не имел! Они там все вспотеют и обоссутся от радости! А светотехника? Тогда ж нифига не применялось, выходили патлатые рожи на сцену, становились по стойке «смирно» и пели песенки. А я вам такое лазерное шоу зафигачу, на Луне видно будет!

— Хм... — задумался Димыч.

Пытливый и изобретательный его ум уже ухватил основную идею.

— А нам, стало быть, не хило будет разучить десятка два реальных боевиков последнего десятилетия... Как шарахнем «Обмен ненавистью» или «Череп на рукаве» — народ вообще в осадок выпадет!

— Верно мыслишь! — расплылся в улыбке Федяшин.

Димыч некоторое время молчал. Глаза его горели, в голове роились десятки сногсшибательных планов.

— Когда, говоришь, можно будет двигать в прошлое? — уточнил он.

— Восьмого июля. Ровно через двадцать четыре дня.

— Успеем! — выдохнул Димыч. — Успеем все содрать и разучить.

— А если вдруг в Бологое попасть не обломится, — донеслось от дверей, — то те же боевики мы с успехом выкатим на «Ялтинском сборе» в августе.

Шурик с Димычем обернулись. Недостающий состав «Проспекта Мира» стоял в дверях подсобки и последние минуты, затаив дыхание, явно внимал разговору.

— Ну, Андрюха, — развел руками Димыч. — Ты как всегда прав! Стало быть, в Ялту едем?

— Едем. Только что Портнова звонила. Мы закрываем первое отделение.

4. Shades of Deep Purple (1968)

К пятому июля «Проспект Мира» успел обкатать полтора десятка самых убойных песен десятилетия. Шура Федяшин, последние дни не вылезающий из подсобки, наконец выполз,

прищурился на лампочку и не терпящим возражений тоном изрек:

— Завтра с утра стартуем. Иначе рискуем не успеть.

— Не успеть? — удивился Андрюха. — Три дня еще!

— Ну, не три, а два с половиной. И потом, вдруг задержка какая-нибудь случится. Обидно будет. Отчиму я уже звякнул, трейлер пива он выделил. Причем на этот раз на халяву — можно будет раздать на концерте. То-то болелы порадуются.

Остаток дня ушел на погрузку аппарата и закупку походной жратвы. О выпивке, понятное дело, тоже не забыли: пиво пивом, а перед выступлением и чего покрепче не помешает.

Заночевали прямо в «Десне». С утра Данил мотнулся на заправку, залился под завязку, «Проспект Мира» и сочувствующие лица погрузились и экспедиция в прошлое стартовала.

На выезде из города следом пристроился трейлер с логотипами «Пиво «Янтарь» на широченных плоских боках.

— Точка перехода расположена за Киевом, — изволил сообщить Шура. — Кто рулить хочет, распределяйтесь. Я — пас. Надо дообсчитать кое-что.

Рулить, помимо Данила, умели Андрюха, Игорь и Малый. Плюс еще один из сочувствующих — Леха Азиатцев по прозвищу Муромец.

«Десна» резво катила по киевской автостраде, окаймленной сплошной цепочкой мотельчиков, закусочных, заправок, техсервисов, придорожных лавчонок. Ничего особо привлекательного в поездке не было — народ либо отсыпался, либо резался в нарды. В кабине «Десны» прочно засел Димыч, да изредка сменялись водители. Киев обошли по восточной объездной.

С этого момента Шурик стал особенно часто сверяться с подробной топографической картой, с недавних пор украсившей внутренний борт «Десны», и особо тщательно вынюхивая что-то в сети.

Наконец он шепнул в переговорник:

— Эй, рули! Притормаживай! Прибыли.

Трейлер в это время вел Игорь Коваленко, барабанщик. Характера он был ровного и довольно флегматичного, поэтому без комментариев прижался к обочине и выжидательно взглянул на Димыча.

Тем временем наружу выпрыгнул Шурик с ноутбуком под мышкой и мобильником на груди. Димыч тоже покинул кабину. Вдвоем они минут двадцать шатались по окраине придорожного поля, на котором росло что-то низенькое и зеленое. Затем вернулись.

— Эй, рули! Эта байда по полю пройдет? — Шурик кивнул на сияющую рекламными красками «Десну». — Надо будет съехать с трассы.

— Пройти-то пройдет, — пожал плечами Игорь. — Только ехать быстро не сможет.

— Скорость нам ни к чему, — авторитетно заявил Шурик. — Ладно, до перехода еще часа три. Давайте-ка вернемся к той лавке, что недавно проехали. Пожрать закупим.

Пожрать никто не отказался. Тем более что трейлер с пивом следовал в хвосте. И запустить туда лапу не составляло никакого труда.

— Слушайте, коллеги! — обратился к спутникам Димыч по пути ко входу в придорожную лавку «Елисеевъ и сыновья». При этом Димыч опасливо покосился на вышагивающего следом водителя пивного трейлера, который, понятное дело, ни о какой фантастике и перемещениях во времени слыхом не слыхивал. — А ведь надо учесть одну мелочь! Деньга-то у нас старая и новая вперемешку! Нужно купюры девяносто второго года отсеять. А то прикиньте — в семьдесят девятом расплачиваться ассигнациями с ликом государя императора Николая третьего... Могут и в участок загресть, с городовых станется.

— Дык фестиваль-то не в городе, в чистом поле... Какие там городовые? — неуверенно возразил кто-то из болельщиков.

— Ну, не городовые, ну, полицейские будут. Загребут, а нам как раз возвращаться...

— Ты, прям, мои мысли читаешь, — в одобрительном ключе высказался Шурик. — Предупреждаю: никаких эксцессов с властями. Через сорок семь часов после перехода мы как штык должны вернуться. Причем в полном составе, люфт по массе весьма невелик. Так что давайте! Новые купюры — по дальним карманам. И монеты отсейте новые.

— Тьфу! — в сердцах сплюнул Андрюха. — У меня только это! — и продемонстрировал нераспечатанную банковскую упаковку новеньких двадцаток.

— Прячь! — неумолимо велел Шурик. — Я готовился. У меня только старые бабки.

Закупились, перекусили, попили пивка, заботливо убирая пустые банки в пластиковый контейнер. В болтовне о предстоящем путешествии и вожделенном концерте незаметно прошло больше двух часов.

— Пора, — наконец скомандовал Шурик. — Все в будку, наружу никому носа не казать. Димыч... иди-ка к водиле пивняка. Успокоишь его если что — думаю, при переходе будут некоторые визуальные спецэффекты. Скажи, чтобы просто держался нашей кормы, метрах в пяти—семи. Мы медленно пойдем и без рывков. Мобильник, если что, держи наготове.

— Понял, — с готовностью согласился Димыч. — Успокою, не боись.

— Андрюха, за руль! Остальные — ховайсь!

Народ дружно полез в «Десну». Спустя несколько минут «Десна» и пивной трейлер медленно сползли с трассы в чистое поле (к вящему удивлению водителей проносящегося мимо транспорта) и замерли. Димыч не выпускал из руки мобильник.

— Че это мы? — удивленно спросил у Димыча водитель трейлера — сорокатрехлетний мужичок с испещренным красными прожилками носом, что выдавало пагубную страсть к горячительным напиткам.

— Да это... — принялся вдохновенно врать Димыч. — Магнитная буря надвигается. Молнии могут вдоль трассы встретиться. Шаровые — слыхали о таких?

— Молнии? — недоуменно переспросил водила. — Читал в детстве...

— Во! А у нас ведь колонки в «Десне», усилители — не дай боже испортятся! Да и...

Договорить он не успел — вякнул самописной мелодией мобильник.

— Алло! — отозвался Димыч без промедления.

— Готовы? — справился Шурик.

— Ага! — подтвердил Василевский и повернулся к водиле: — Кузьмич, сейчас потихоньку пойдем вперед. Держись за бампером, метрах в пяти—семи. Идти будем медленно, верст пятнадцать в час, не больше.

— Ладно, — буркнул водила, соглашаясь. По всему было видно, что происходящее он считает совершенной блажью, но спорить не собирается: жалованье за поездку ему полагалось более чем солидное.

— Двинули! — скомандовал Шурик.

— Двинули! — повторил Димыч.

Два грузовика медленно поползли по окраине поля.

Сначала не происходило ровным счетом ничего: протекторы с затейливым рисунком ярославского «Медведя» безжалостно вминали зелененькую фермерскую поросль; Димыч даже забеспокоился: а ну как сейчас хозяева набегут? Но потом вокруг вдруг сразу стало темнее, окрестности внезапно заволоклись непроглядной лиловой мутью, туманом, дымкой. Кузьмич щурился, пристально глядя вперед. Бампер «Десны» еле-еле угадывался в нескольких метрах прямо по курсу.

А потом предупредительно пискнул мобильник. Димыч взглянул на экранчик. Связь с Шуриком прервалась, да и вообще аппарат, надежный и простой, проверенный временем и снегом «Спутник», потерял сеть. Напрочь. Хотя роуминг вдоль основных трасс гарантировала любая компания мобильной связи, что «Россия», что «Небо-ТФ», что «ДемидовЪ».

За окнами грузовика продолжал клубиться туман, в котором бродили более темные смерчики, возникали особо фиолетовые, как казахский мускат, сгустки. Димыч не мог сказать, сколько продолжалась эта феерия — может, минуту, может, больше. Но закончилась она так же внезапно, как и началась.

Пасмурный вечер сменился безоблачным утром — раннимранним, солнце едва взошло, не успев даже потерять багровость и набрать нестерпимый глазу блеск. Вместо зелененькой фермерской поросли под колесами машин теперь колосилась чахлая пшеница или еще какой ячмень — в агрономии Димыч был не силен. Дорога по-прежнему оставалась слева, но теперь она лежала гораздо дальше, чем могло показаться, и выглядела неприятно пустынной. Даже со скидкой на ранний час.

«Десна» впереди дала по тормозам и остановилась; Кузьмич автоматически среагировал так же. Все-таки он был классным водилой.

Димыч выскочил наружу, сжимая в руке мобильник. Сеть по-прежнему не ловилась. Неудивительно — откуда ей взяться в семьдесят девятом году? Было одновременно и весело, и страшновато. Неужели удалось? Неужели кудеснику Шуре Федяшину посчастливилось обмануть неумолимое время?

Странно: до переходя Димыч верил в возможность темпорального сдвига больше и охотнее. Теперь откуда ни возьмись вылупился червь сомнения и принялся грызть, настырно, назойливо, упрямо.

Пионерам всегда труднее остальных. Что первому мореплавателю-неандертальцу, оседлавшему бревно, что Колумбу, первому из белых людей ступившему на австралийский берег, что Леониду Титову и Юрию Гагарину во время шага с трапа космолета на лунный грунт.

«Еще немного, — подумалось Димычу, — и шастать по временам станет так же привычно и буднично, как ездить в метро».

Отворилась дверь «Десны», из кубрика горохом посыпался народ. Шурик Федяшин и Андрюха Шевцов выпрыгнули из кабины. Федяшин неотрывно глядел на экран ноутбука.

— Ну что, коллеги, — вздохнул он. — Поздравляю. Мы в прошлом. Шесть восемнадцать утра, пятнадцатое августа тысяча девятьсот семьдесят девятого года. Через одиннадцать часов в полутыще верст отсюда стартует русский Вудсток. По коням: нам еще доехать нужно и заявиться. И аппарат расставить. Так что гнать будем шустро.

— Мамочки-и-и, — неверяще протянул Леха Азиатцев по кличке Муромец. — Утро. Надо пива хватить.

По близкой дороге неторопливо проехал легкий грузовичок с фургоном безрадостного грязно-серого цвета. Форма кабины его выглядела столь уныло и уродливо, что грузовичок казался гигантской игрушкой для непритязательных карапузов. Сияющие рекламой борта «Десны» и трейлера-пивняка разительно контрастировали с этой пародией на транспортное средство, не меньше, чем пасмурный вечер двадцать первого века в мгновении старта с праздничным утром века двадцатого в мгновении финиша.

5. Machine Head (1972)

Уродливый грузовик они обогнали только минут через пять. Вместо отличного автобана Киев—Смоленск имелась раздолбанная асфальтовая ниточка, многажды латанная. Латки были выполнены не асфальтом, а в виде залитой мерзким гудроном щебенки. Гнать больше шестидесяти верст в час по такой с позволения сказать дороге мог только законченный псих. Однако близнецы и дальние родственники недавно встреченного монстра от автомобилестроения без зазрения совести решались на это, словно убиваемые ухабами мосты им было ничуточки не жаль. Если, конечно, не попадался впереди какой-нибудь особо карикатурный тихоход, обогнать которого было тоже мудрено: дорога имела всего две полосы, по одной в каждую сторону. Приходилось выжидать, чтоб в череде встречных машин случилась достаточная для обгона прореха. Езда в таком ритме выматывала нервы, Андрюха за рулем «Десны» отчаянно матерился, Димыч, вцепившись в рукоятку, изредка вторил ему, а Шурик, сидящий справа, только загадочно ухмылялся.

— Ну и дорожка! Не думал, что наши предки строили такую пакость... А еще говорят, будто у России два счастья: гении и автострады.

Димыч грустно вздохнул и потянулся к радиоприемнику. Однако на всем ЧМ-диапазоне нашлось только ровное шипение чистого эфира. Ни одной радостанции не работало.

— Блин! И радио у них не было, что ли, в семьдесят девятом?

— Скорее ретрансляторов вдоль дорог нет, — подсказал умный Федяшин.

— Вдоль таких дорог вообще ничего нет! — фыркнул Андрюха. — Не то что ретрансляторов! Двадцать верст уже отмахали — хоть бы одна лавчонка завалящая или заправка! Поля да поля...

Наконец Димыч допер переключить приемник в АМ-диапазон и довольно скоро поймал вполне мощный и чистый сигнал. Прозвучали незнакомые позывные, шесть раз пикнуло и на удивление строгий и официальный голос дикторши объявил:

«Вы слушаете «Маяк». Московское время — шесть часов...»

— Шесть? — Димыч машинально глянул на свой понтовый механический «Крым», точности которого обзавидовались даже швейцарцы. — Не семь?

«Крым» его показывал семь — так подсказал перед выездом Федяшин. Все и перевели часы, чтоб не путаться.

— Хм... — удивился Федяшин. — Почему шесть?

— А, понял! — буквально в следующую секунду осенило его. — В семьдесят девятом еще не было перехода на летнее время! Хе-хе, так у нас даже лишний час в запасе есть до начала концерта! Хотя, с другой стороны, и сваливать на час раньше придется...

Димыч удрученно вздохнул:

— Вот всегда так! На ровном месте возьмут — и сопрут час...

Дикторша тем временем несла какую-то жуткую пургу о закромах родины, пятилетке досрочно, трудовых свершениях доярок и ратных подвигах сталеваров. Голос ее оставался все таким же умопомрачительно официальным — обращения государя императора к народу и то более живыми голосами обычно озвучивают. За четверть часа передача ни разу не прервалась рекламой.

Потом без видимого перехода «Маяк» принялся клеймить заокеанских империалистов, якобы нагнетающих напряженность, хотя, насколько Димыч и остальные помнили историю, в конце семидесятых Америка сидела в полной экономической заднице и никакой напряженности нагнести была просто не в состоянии. Арабы тогда пошаливали в Северной Африке, это правда, но бравый миротворческий контингент британцев и русских как раз летом семьдесят девятого за считанные дни вышиб из них дурь как минимум на четверть столетия.

В общем, прошлое оказалось чужим и отчаянно непривычным. Для успокоения нервов пришлось выпить по баночке пива. Даже Андрюха приложился — ему выдали из ящика специально захваченного «Шоферского», слабоалкогольного.

А буквально спустя пару минут дорожный инспектор в нелепой форме требовательно махнул полосатой палочкой и пришлось прижиматься к обочине.

6. Stormbringer (1974)

Никто, ясное дело, и не подумал вылезать из кабины. Андрюха только совсем опустил боковое стекло до того полуопущенное.

Инспектор некоторое время таращился на грузовики, потом переглянулся с напарником, сидящим в желто-голубой машине с допотопной конической мигалкой, и нерешительно дернул головой. Напарник его тут же вылез. Оба неторопливо приблизились.

— Старший сержант Белов! — козырнул инспектор, буравя глазами Андрюху. Тот как ни в чем не бывало отхлебнул пива и протянул водительское удостоверение.

Старший сержант Белов уставился на обычные права — небольшой, размером с карманный календарик, прямоугольный документ, аккуратно закатанный в ламинат. С документа на инспектора глядели: фотодвойник Андрюхи Шевцова и державный российский двуглавый орел.

Инспектор принял права Андрюхи так, словно это была бомба. Разглядывал он их непривычно долго. Потом, многозначительно переглянувшись с напарником, странно изменившимся напряженным голосом сказал:

— А-а-а... Путевой лист покажи...

И — секунду спустя:

— ...те! Пожалуйста!

«Пожалуйста» в его устах звучало с непонятной осторожностью в интонации.

— Чего? — не понял Андрюха. — Какой лист? Может, документы на машину? Вот, будьте любезны...

Он полез за откидной солнцезащитный демпфер и вынул техпаспорт «Десны», а заодно и регистрационный талон южного отделения «Руссо-Балта»: инспектор, как видно, попался редкий зануда. В какой-то момент Андрюха едва не выронил техпаспорт и неловко дернулся, расплескав чуть не полбанки, которую так и не выпустил из рук. В кабине остро запахло пивом.

Старший сержант Белов мигом забыл о документах. Шевельнув носом, он вдохнул аромат «Янтаря». На лице последовательно отразился процесс узнавания.

— А что это ты... вы пьете? — спросил он, снова сменив тон. Теперь в голосе прослеживалось давление и злорадство, как у лавочника, который поймал на горячем мелкого воришку.

— Пиво! — признался Андрюха, демонстрируя зеленую полосу, непременный атрибут слабоалкогольного «Шоферского».

— За рулем? Пиво? — зачем-то переспросил инспектор, хотя было вполне понятно, что он и с первого раза все прекрасно расслышал.

— Так «Шоферское» же! — в который раз удивился ничего не понимающий Андрюха. — Там алкоголя всего два оборота!

— Блин! — в отчаянии прошептал Федяшин на ухо Димычу. — «Шоферское» в семьдесят девятом, наверное, еще не делали!

Димыч успел подумать, что черт знает где, между Киевом и Москвой, вполне могут и не знать пива «Янтарь». Это не черноморский юг, где «Янтарь» каждая собака знает и любит.

— Выйдите из машины! — потребовал инспектор Белов.

Его напарник все время молча стоял рядом, лишь изредка бросал недоверчивые взгляды на сияющие обода и трубы «Десны» и на глянцевую роспись бортов.

Андрюха тяжело вздохнул, поставил почти пустую банку на торпеду, открыл дверь и выпрыгнул на дорогу, привычно оборачиваясь к машине и закладывая руки за голову.

— Вы тоже! — не успокаивался инспектор.

Димыч и Шура Федяшин покорно полезли наружу, причем, разумеется, не через пассажирскую дверь, а через шоферскую. Руки они подчеркнуто держали на виду.

Инспектора это, похоже, удивило, потому что он несколько секунд таращился на высадку Димыча с Шурой. Оба в итоге пристроились рядом с Андрюхой, как положено, лицом к машине, руки за головой, ноги чуть-чуть расставлены.

Народ в кубрике «Десны», словно почувствовав неладное, затаился. Ни звуком не выдавал присутствия.

Инспектор, похоже, растерялся вторично. Интересно, а чего можно было ожидать от водилы и пассажиров в ответ на требование покинуть машину? Трое из будущего какое-то время стояли, словно преступники, рожами в грузовик, а инспектор о чем-то шепотом совещался с напарником.

— Слушай, Димыч, — тихонько сказал Федяшин. — Никакие это, на фиг, не дорожники. Глянь, вообще затормозились. Чушь какую-то несли...

— А кто ж тогда? — удивленно переспросил Василевский тоже шепотом.

— Форма странная какая-то... — продолжал Шурик. — Никогда в доринспекции такую не носили, даже в семидесятые. Да и оружия у них нет. Где «Силасвы» штатные, а?

Прежде чем Димыч успел возразить или помешать, Федяшин вдруг проворно метнулся к шепчущимся «инспекторам», на ходу выуживая из кармана газовый пистолет, с которым никогда не расставался. Патрончики у него были ядреные — случилось однажды убедиться. Полчаса верной лежки гарантировано, если не час.

«Пок! Пок!» — дважды пролаяло оружие.

Оба «дорожника» кулями рухнули под колеса «Десны», кашляя и захлебываясь. Федяшин, моментально спрятав пистолет и прикрыв нижнюю часть лица полой куртки, схватил одного за шиворот и спешно поволок к обочине.

— Помогайте! — донесся его приглушенный голос.

Димыч рефлекторно подчинился. Совершенно не задумываясь.

Глаза почти сразу стали противно слезиться. Андрюха тем временем занял место за рулем.

Вовремя: едва успели впрыгнуть в кабину, приоткрылось окошко из кубрика и полупьяный голос Малого осведомился: «Какого хера стоим и когда двинем, время-то идет!»

— Едем, едем! — процедил Андрюха мрачно.

«Десна» тронулась, постепенно набирая ход. За нею двинул и пивной трейлер; глаза у Кузьмича ввиду последних событий сделались круглые и здоровенные, как два мини-диска. Хотя никто этого, понятное дело, не оценил. Желто-голубая машина с допотопной мигалкой и два истекающих соплями тела на обочине быстро пропали с мониторов заднего вида.

7. Fireball (1971)

Тут уж и самим пришлось гнать невзирая на ухабы!

«Десна» и пивной трейлер кометами неслись по поганой местной трассе. Ублюдочная легковая мелочь боязливо жалась

к обочине, позволяя себя обогнать. Карикатурные грузовики, похоже, просто не в состоянии были состязаться с могучими руссо-балтовскими моторами двадцать первого столетия.

Димыч боялся только одного: далеко им не сбежать, если дорожники все же настоящие. Передадут по рации, и привет — вся служба ополчится на два приметных фургона. На фоне тусклых местных автомобилей два расписных красавца сияют как неоновая реклама в сумерках. И не хочешь, а обратишь внимание.

Впрочем, опасался Димыч зря. Когда старший сержант Белов оклемался до той степени, которая уже позволяет совершать осмысленные поступки, он пришел к простому и однозначному выводу: доложишь начальству — примут за идиота. Подобные происшествия на дорогах Страны Советов были даже не редкостью — чистой фантастикой. А начальство фантастики не любит. Попадешь под горячую руку, отгрузят по загривку по первое число... Когда же выяснится, что никакая это не фантастика, а самая что ни на есть реальность, — будет уже поздно. Никто не вернет снятую премию, не снимет выговор, не восстановит в должности... Оно надо? Пусть другие подставляют шеи, если охота. Старший сержант Белов никаких подозрительных грузовиков, словно сошедших со страниц западных автожурналов, сроду не видывал, кроме как в тех же журналах. Ни-ни. И напарник не видывал — правда ведь, Гуля? То-то же!

К тому же Белов сильно подозревал, что начальство в первую очередь потребует номера обоих грузовиков. Дабы опознать их и в случае чего не наступить ни на чью больную мозоль и не вляпаться в неприятности покрупнее масштабом. А номеров-то старший сержант как раз и не запомнил. Как-то даже взглянуть не удосужился, до того не вписывались странные грузовики в окружающую реальность.

Так что опасался Димыч зря.

Москву решено было оставить восточнее и рвать мимо Смоленска. Трасса шла совсем не так, как было указано в атласе, но выбирать нынче не приходилось. Тем не менее убогая грязно-белая табличка, а затем и пошарпанная стелла с безвкусными металлическими буквами были встречены с некоторым облегчением.

«Смоленск».

И еще: незадолго до стеллы с табличкой у дороги попалась стеклянная башенка дорожной инспекции, почему-то увенчанная непривычной аббревиатурой ГАИ. Все ожидали самого плохого: остановки и немедленного ареста. Но инспектор у башенки шмонал какого-то беднягу-автолюбителя, а второй в башенке сидел уткнувшись в раскрытую книгу и на дорогу не глядел. В общем, пост они миновали без задержек.

— Вот видишь! — повеселел Федяшин. — Я ж говорил, никакие это были не дорожники. Бандиты, наверное, дань с грузовиков берут.

— У инспектора на посту форма была точно такая же, как и у тех двоих. И кобуры я опять-таки не заметил... — угрюмо прокомментировал Димыч, поправляя круглые очки.

Федяшин не ответил. Только скорбно засопел.

Некоторое время все молчали; потом Андрюха отвлеченным тоном заметил:

— Заправиться надо бы... Соляры верст на полста осталось.

— А вон и заправка! — Федяшин ткнул пальцем в лобовое стекло.

Заправка выглядела как и все здесь — убого и странно. Ни тебе закусочной, сверкающей зеркальными стеклами, ни тебе дорожного сортира, ни тебе станции техобслуживания, ни телефонных кабинок.

Пыльные, грязные допотопные колонки с такими же пыльными грязными шлангами. Масляные пятна на дрянном асфальте. Никаких рабочих в форменных комбезах — похоже, водитель был обязан сам отвинчивать крышку бака, вставлять пистолетище в горлышко и глотать октановые пары.

И — опять! — ни единого рекламного щита! Не говоря уже о щите-ценнике.

Семьдесят девятый год представлялся проспектовцам совершенно иначе.

Андрюха мигнул Кузьмичу и зарулил на территорию стоянки. «Десна» остановилась в метре от донельзя выцветшего и сильно покоробившегося стенда с небрежно намалеванным красноватым стягом, плакатными фигурками допотопных работяг и сюрреалистическим изречением «Коммунизм победит».

Кого именно коммунизм собирается побеждать — прошлое умалчивало.

8. Perfect Strangers (1984)

Единственное, что не отличалось от привычного, — окошечко кассы.

— Я ща... — буркнул Андрюха и выпрыгнул на асфальт. На ходу доставая деньги, он пошел платить.

Народ в кубрике, тем временем, решил размять конечности и полез наружу. К приоткрытой двери кабины приблизился Данил Сергеев. Глаза у него масляно поблескивали — не иначе публика успела принять грамм по двести на грудь.

— Сменить не нужно? — участливо поинтересовался он.

Федяшин подозрительно уставился на него.

— Ты ж бахнул уже! — сказал он с нажимом.

— Игорь не пил, — довольно сообщил Данил. — Ему выходить лень, в гамаке изволит почивать. Но если надо сменить — сказал сменит.

— Ща решим, — пообещал Федяшин.

Он отвлекся неспроста: обратил внимание на Димыча. А Димыч с тревогой глядел сквозь подернутое радужными отсветами лобовое стекло на действия Андрюхи у кассового окошка.

Андрюха чуть не по пояс влез внутрь; руки его тем не менее оставались снаружи, причем Андрюха бурно жестикулировал. По характеру жестов догадаться о предмете разговора было столь же трудно, сколь счесть звезды на небе или песчинки на пляже.

— Че-то не клеится, — мрачно изрек Димыч. — Не поездка, а какая-то сплошная жопа. Как тут наши предки жили, в этом долбаном семьдесят девятом?

— Как-то жили, — буркнул Федяшин. — Пошли, разберемся.

Они по очереди покинули кабину Десны. Димыч хмуро покосился на стайку болел, выползших из кубрика покурить. Поскольку курилки на заправке тоже не обнаружилось, народ просто отошел метров на тридцать, к чахлым деревцам на отшибе, где у некогда красной, а ныне насквозь проржавевшей пожарной бочки криво торчал из слежавшейся земли кое-как укомплектованный пожарный щит, а под ногами полным-полно валялось разнокалиберных окурков.

— Что такое, Андрюха? — Шурик хлопнул административного гения группы по спине.

Андрюха осторожно извлек плечи и голову из окошка. Лицо у него было таким растерянным и обиженным, словно он только что воочию убедился: Земля плоская, а Солнце и Луна приколочены к хрустальному своду дюралевыми гвоздями.

— Соляры нету, — похоронным тоном объяснил Андрюха. — А хоть бы и была, то только государственным машинам и только по талонам. За бабки — шиш.

— Как это? — не понял Шурик. — Что значит — нету?

— Эй, ребятки! — донеслось вдруг из окошка. — Вы что, из Финляндии, что ли? Не понимаете, как не может быть соляры? А что у нас, спиты, есть вообще, а? Кроме любимой партии...

— Так! — нашелся Димыч. — Пойдемте-ка погутарим...

— Куда? — недовольно спросил Андрюха.

— Да вот... хоть в магазин. Жратву наша банда, поди, уже всю схарчила. Ну и курева своего вонючего небось прикупите.

— Да, кстати! — встрял подошедший Костя Ляшенко. — Я как раз хотел сходить. Вон, какая-то лавка виднеется.

За куревом выдвинулась делегация человек в восемь, включая Кузьмича из пивного трейлера.

Над лавкой висела замызганная вывеска с уклончивым названием «Продовольственные товары». А товаров внутри было... В общем, остолбенели все.

Плавленые сырки такого вида, словно их грузили вилами, вековой твердости пряники и березовый сок в неряшливых и пыльных трехлитровых банках.

Больше в магазине не нашлось НИ-ЧЕ-ГО. Пустые полки и витрины. Пустые холодильные шкафы странного облика, к которым никак не подходило ласковое и щемящее понятие «ретро».

Толстая равнодушная тетка в застиранном белом халате, не поднимая головы, зло спросила:

— Ну, чего пялитесь? Будете что брать или как?

Ошарашенные гости из будущего нерешительно топтались у входа. Проходить боялись — может быть, из опасения исчезнуть вслед за исчезнувшими из лавки товарами. Ибо какой смысл держать такой торговый зал пустым? Одна аренда сожрет и перекроет любую выручку этой жуткой пародии на магазин.

— Нет, спасибо, — пробормотал Димыч и пулей вылетел наружу. За ним потянулись и остальные.

— На сколько еще хватит соляры? — мрачно осведомился Димыч, когда вернулись к автомобилям.

— Ну, верст на пятьдесят—семьдесят, — пожал плечами Андрюха. — А у тебя, Кузьмич?

— Так же, — коротко ответил тот.

— Кассир посоветовал мне отъехать чуть дальше, встать за кольцом и постопить бензовозы. Сказал, их там много с нефтебазы шастает. И за червонец зальют баки доверху.

— Так поехали! — решительно заявил Шурик. — Давай, банда, в кубрик, время не ждет!

— Сменить на... — опять затянул было Данил, но Андрюха оборвал его одним-единственным жестом. Данил осекся на полуслове и покорно побрел в кубрик.

До кольца было совсем недалеко — только успели отъехать от негостеприимной заправки и миновать негостеприимные «Продовольственные товары». Вдоль дороги незаметно встали угрюмые и безрадостные серые заборы, приземистые казематного вида строения высились за заборами. Андрюха приткнул «Десну» у бордюра за ближайшим же перекрестком, не забыв протянуться и оставить место для трейлера Кузьмича. Словно по заказу в сотне шагов от этого места на противоположной стороне улицы зеленел свежеокрашенный киоск с веселенькой надписью «ТАБАК» на жестяном карнизе. Пока Андрюха с Шуриком ожидали обещанные бензовозы, курильщики решили пополнить запасы отравы.

К киоску первыми подошли Данил, Костик и Малый.

Выбор курева оказался небогатый — шесть сортов. Все незнакомые. И если первое удивляло, то второму залетные гости из двадцать первого века не слишком удивились. В их родном времени новые сорта сигарет возникали чуть не каждую неделю, чтобы потом бесследно исчезнуть. Странно, что в продаже не оказалось ни одной старой почтенной марки вроде «Дуката». И импорта не оказалось — вездесущих «Camel» или «Winston». Имелись «Столичные» и «Фильтр» в совершенно незнакомых пачках, копеечные сигареты «Новость», бесфильтровые «Прима» и папиросы (судя по надписям) «Беломорканал» и «Вол-

на»; последние три сорта — в грубых картонных пачках, каких никто сроду не видывал.

— Бдя, ну и выбор, — хмыкнул Данил. — Что, рискнем?

— Я — «Фильтр», — решительно выпалил Костик и протянул в окошко десятку. — Пять пачек!

Стоил «Фильтр» сущие гроши — семьдесят копеек.

Остальной народ тоже полез за деньгами. Перспектива курить незнакомое почему-то никого не испугала — наоборот, хотелось экзотики, древности, чтоб потом можно было обронить ворчащему деду: «Фильтр»? Да курил я ваш «Фильтр», гадость редкая...»

Не тут-то было.

— Что это ты мне даешь? — возмутилась тетка-продавщица. — Деньги давай!

Костик озадаченно взял назад свою десятку и уставился на нее.

Десятка как десятка. Портрет государя императора, Сенатская площадь... На обороте — двуглавый орел, все как положено.

— А это разве не деньги? — осторожно спросил он.

— Ты б еще керенки принес! — фыркнула тетка презрительно. — Напьются и хулиганят! Управы на вас нету, ироды!

— Так! — насторожился Данил. — Я гляжу, у Димыча с Андрюхой тоже проблемы!

Все обернулись. Упомянутые двое бурно общались с водилой таки отловленного бензовоза. Что-то у них явно не ладилось.

— Ну-ка, пошли все! — скомандовал Данил.

Толпа неудовлетворенных курильщиков послушно последовала за ним. Но пока дошли, водила бензовоза успел запрыгнуть в кабину своего уродца и укатить вдоль по улице, гремя цепью.

— Что такое? — спросил Данил у Андрюха с Димычем.

Андрюха нервно развел руками:

— Да бабки наши ему не понравились...

— Во-во! И тетка-табачница не взяла!

Подошел хмурый Федяшин. Димыч мрачно взглянул на него и изрек сквозь зубы:

— Ну что? Ты уже догадался, что происходит?

— Почти, — хмуро подтвердил тот.

— А что происходит? — заинтересовался Андрюха.

— А то, — пояснил Димыч. — Это семьдесят девятый год, но не наш. Это какая-то другая ветка истории. Здесь все не так, как у нас. Другие деньги. Другие машины. Лозунги, вон, какие-то дурацкие...

Все невольно поглядели на ближайшую угрюмо-серую пятиэтажку, увенчанную безыскусными рябыми буквами, складывающимися в короткую и абсолютно ничего не говорящую надпись: «Слава КПСС».

— Что еще за ветка? — не понял Костик.

— Ветка истории. В этом мире, к примеру, в Первой мировой победила не Россия, а Германия с Англией. И пошло-поехало...

— А у нас в Первой мировой победила Россия?

Димыч с досады фыркнул:

— Ты в гимназии вообще не учился, что ли?

— Да я историю вечно прогуливал, — беспечно признался Костик. — У нас такая мымра училка была...

Вмешался Андрюха:

— Это все, конечно, безумно интересно... Да только время идет.

— А что время, — меланхолично заметил Федяшин. — Время нам теперь до задницы. Если это другая ветка, вряд ли здесь в те же сроки и в том же месте пройдет русский Вудсток.

Эта простая и разящая наповал мысль потрясла всех проспектовцев, кроме, разве что, Димыча, который и сам дошел до аналогичной мысли.

Последний месяц они жили этим фестивалем. Они уже не мыслили себя без него, и вдруг — все рухнуло словно карточный домик. В одночасье.

— Бабки местные все равно нужны, — вздохнул Федяшин. — Заправиться и вернуться в точку перехода. Надеюсь, назад мы попадем в свою ветку... Что-то я не учел. Помимо перехода во времени и пространстве, видимо, происходит и вероятностный сдвиг, и мы проваливаемся в параллельный мир. Не из-за этого ли...

Шурик вдруг умолк, задумчиво поскреб макушку, а потом с невнятным «я сейчас» отбыл в сторону «Десны», где немед-

ленно сунулся в кубрик, надо понимать — в свой потаенный угол, к ноутбуку и любимому талмуду.

— Ё-моё, — протянул Малый, наконец-то впечатлившись. — Параллельный мир! Охренеть можно.

— Да хоть перпендикулярный, — буркнул в сердцах Димыч. — Главное — он чужой. Совсем чужой. Точнее, мы здесь чужие.

9. Purpendicular (1996)

— Ладно, не паникуйте. — Андрюха уже взял себя в руки. — Продадим чего-нибудь. У Шурика всякого барахла по загашникам валом. Мартышку какую-нибудь загоним, динамик... Пульт вроде менять собирались. Я бы бас свой скинул, какие проблемы?

— Надо еще местных музыкантов отыскать, — задумчиво протянул Малый. — Думаешь, успеем?

— И как бы дорожники те несчастные нам на хвост не сели... — добавил Димыч.

— Точно! Надо бы поспокойнее место под стоянку найти! А ну, по коням, да поживее мне!

Через какие-то четверть часа был обнаружен глухой тупиковый дворик. «Десна» первой сунулась во дворы, на разведку, и преуспела в поисках тихого угла довольно быстро, а за оставшимся на дороге пивным трейлером Димыч и Андрюха вернулись пешком.

На улице у обычного в этом мире небольшого ларечка толпился народ, причем почти исключительно мужчины. Чем торговали, было не разобрать, но многие стояли со стеклянными банками, пластиковыми канистрами и прочими емкостями объемом от литра до десяти. У самого ларька шла вялая грызня и толкотня.

— Чтоб я сдох... — пробормотал Андрюха и принюхался.

В сторонке, в тени у низкой ограды палисадничка, несколько блаженно щурящихся счастливцев пили...

Ну конечно же, пиво! Им и пахло — дрянным разливным пивом.

— А у нас целый трейлер, — мгновенно схватил суть Димыч. — Загоним десяток ящиков — вот и бабки! Во, толпа какая!

— Точно! — у Андрюхи загорелись глаза. — Только нужно узнать, почем здесь пол-литровая банка! Вон магазин на углу, пошли мотнемся!

Несложная мысль о том, что будь в магазине баночное пиво, то либо здесь не создалась бы толпа, либо там собралась бы такая же, просто не пришла им в головы. Андрюха с Димычем без промедления зашагали в сторону магазина.

Но в перпендикулярном мире все было не так. Во-первых, и эта с позволения сказать продуктовая лавка ассортиментом не блистала. Больше всего музыкантов поразил брикет мороженой рыбы, в котором угадывались отдельные тушки, хвосты и головы. Головы смотрели из толщи брикета сурово и вместе с тем печально.

Димыч интуитивно направился к отделу, где на полках красовались уже знакомые банки с березовым соком. Кроме того, из ценника явствовало, что за десять копеек возможно испить молочного коктейля.

— Скажите, сударыня, а пиво сколько стоит? — учтиво спросил Димыч. Андрюха Шевцов безмолвно вырос у него за плечом, но и молчаливая поддержка друга дорогого стоила: суровая тетка, которую Димыч назвал сударыней, поглядела на них так, будто оба только что, не отмыв смолу, вознеслись в мир из ада и стоят сейчас все в шерсти, галантно перебросив хвосты через согнутые в локте левые руки.

— Нет пива! — буркнула тетка. — На улице в разлив...

— А если бы было, сколько бы стоила банка... или бутылка? Мы, видите ли, приезжие...

— Да уж вижу, что не местные! — все так же неприветливо фыркнула тетка. — Смотря какое. «Жигулевское» — пятьдесят две копейки. «Ячменный колос» — пятьдесят пять.

— Огромное вам спасибо! — сердечно поблагодарил Димыч, слегка поклонился и принялся отступать к выходу, невольно оттесняя туда же и Андрюху.

Так они и покинули странный магазин, где ничем не торговали, — пятясь, как раки.

— Короче, по полтиннику будем торговать. Скинем сотни две банок — на топливо хватит!

Спустя пять минут Димыч осознал, насколько он заблуждался. Нет, пиво пошло на ура, тем более что гости из двадцать первого века, изыскав решимость, подошли к очереди с открытыми банками в руках как раз в момент, когда вожделенное окошко закрылось и за мутным стеклом образовалась белая с черной надписью табличка: «Пива нет». Поэтому очередь охотно переметнулась к трейлеру, как только выяснила, что в банках именно пиво, да еще явно повыше качеством, чем в разлив...

В общем, кормовой отсек трейлера опустел за четверть часа. Сорок два полных ящика и россыпь, оставшаяся от набегов из «Десны», ухнули без следа. Димыч удовлетворенно складировал в сумочку-напузник местные купюры — смешные, незнакомые, без родимого двуглавого орла и с профилем незнакомого бородатенького индивида вместо привычного лика государя императора анфас. На купюрах меньше десятки портрета не было: пятерку украшали легко узнаваемые кремлевские башни, только почему-то с пятиконечными звездами на шпилях. Кроме того, наличествовали сюрреалистические зеленые бумажки достоинством в три рубля — не два, а три! Ну и, естественно, рубли. Правильного, кстати, цвета, но вида, понятно, незнакомого. Мелочь тоже была со странностями: например, самые мелкие монетки — копейка, две, три и пять — были желтыми. А покрупнее, до рубля включительно, — белыми. Парадокс...

Особенно Димыча впечатлил юбилейный металлический рубль с фигуркой все того же бородатенького индивида, простершего руку, и второй, явно изображающий какой-то памятник в виде громилы с мечом в одной руке и маленькой девочкой в другой. Монеты были увесистые, большие — только очень довольный собой режим мог чеканить такие блямбы для свободного обращения.

В общем, с трудом, но все-таки справившись с возмущением очереди, желавшей еще невиданного здесь пива «Янтарь», откочевали в тихий дворик, а потом заманили туда же бензовоз и залились топливом под завязку. Да и вопрос, куда ехать, решился неожиданно просто и скоро: Малый встретил у соседне-

го дома двух волосатиков с гитарой в кофре и мимо пройти, конечно же, не смог. Спустя десять минут Малый, Данил, Костик, оба волосатика и почти все болельщики сидели в кубрике «Десны» и курили какую-то дрянь. А Димыч с Андрюхой внимательнейшим образом изучали местную карту, пожертвованную волосатиками, где жирным крестом был отмечен небольшой подмосковный городок Можайск. Именно там нынешним вечером стартовал какой-то полуподпольный рок-фестиваль. А точнее даже, не в самом Можайске, а где-то под ним. Волосатики сказали, что ближе к месту подскажут, как ехать: оба уже бывали там на концертах.

И еще Димыч почему-то запомнил, что на месте Твери в этом мире находится город Калинин.

10. Come Taste The Band (1975)

Доехали быстро и на удивление спокойно. Местная автоинспекция, к великой радости Димыча, Андрюхи и Шуры, на короткий автопоезд внимания более не обращала, а остальным было все равно: обкурились до полуобморочного состояния и полегли в кубрике. Андрюха поворчал было, но в конце концов счел, что пассажиры, впавшие в лежку, лучше пассажиров буйных.

— Фиг с ними, доеду без подмены, — сказал он. — А все как раз воспрянут аккурат к установке аппарата.

— Пра-ально! — поддержал Федяшин, перебравшийся в кабину. — Ты газку-то поддай — тащимся, как «Руссо-Балт» сорок девятого года по беломорской гати...

Андрюха немного поддал — насколько позволяла дорога.

Волосатики-аборигены заодно научили, где и как при местной скудости следует закупаться съестным — закупились еще на выезде из Смоленска. Провизия была, мягко говоря, странной и в другое время никто из проспектовцев и свиты на такое не позарился бы и в сильном поддатии, но треволнения перехода да некоторый налет экзотики в итоге примирили с необходимостью намазывать бурую консистенцию, именуемую «икра кабачковая», на хлеб и вкушать кильки в томате, состоящие, казалось, из сплошных хвостов и глазастых голов. У килек взгляд

был не менее печален, чем у недавней рыбы в замороженном брикете. Видимо, печальный рыбий взор был неотъемлемой приметой этого мира и вообще этой эпохи наравне с бородатым индивидом, чей лик украшал здесь все и вся: от купюр и монет до придорожных щитов и барельефов.

Музыки по радио тут не было как класса: между новостями, от которых сводило скулы и мутилось в сознании, передавали либо что-то посконно-народное, либо что-то совершенно несъедобное и по интонациям — жутко патриотическое, либо классику. Путь коротали в досужем трепе. Тот факт, что все ездоки на рус-Вудсток находятся в чужом времени да еще вдобавок в совершенно чужом мире, уже вроде и не удивлял: привыкли. Удивлялка переполнилась и отрубилась.

— Я представляю, как мы здесь всех уберем, если у них такая музыка, — заметил Димыч перед тем, как окончательно выключить радио.

Заодно в который раз обсудили примерный порядок песен. Федяшин торопливо дописывал скрипты обещанного лазерно-светового шоу. В общем, глазом не успели моргнуть, как в окошечко забарабанили из кубрика.

— Ща налево поворот нарисуется! — сообщил один из волосатиков-аборигенов. Рожа его вельми измята и припухша была. — Туда и рули!

Приехали в сущее село вместо чинного уездного городка. По улицам бродили куры и козы, а кое-где — и коровы. Подъехали к заросшему бурьяном и крапивой стадиончику, рядом с которым смутно возвышались какие-то жуткие развалины. Оказалось, это никакие не развалины, а местный клуб, гордо именуемый малологичным словосочетанием «Дом культуры». А остальные дома что — рассадник бескультурья, получается? Проспектовцы отчаялись понять здешнюю логику. Просто мирились с неизбежностью.

— Однако местный Вудсток обставили с нужной помпой! — заметил долговязый и рыжий Костик Ляшенко, выпрыгнув из «Десны» и немедленно вляпавшись в коровью лепешку. — Село еще то, м-мать!

И принялся оттирать подошву о траву.

Все окрестные кусты и заросли в округе кишели духовными братьями волосатиков-попутчиков. Царство клешей, бисе-

ра и портвейна. Странно, но у развалин (пардон: Дома культуры!) практически не скопилось автомобилей. Вся эта гопа добиралась автостопом или электричкой. Как организаторы привезли аппарат — проспектовцы вообще не представляли. И что самое странное — концерт предполагалось проводить в этом самом Доме. В его обшарпанном до сердечных судорог зале с убитыми деревянными креслицами. Когда Димыч с Андрюхой сунулись в зал к оргкомитету мероприятия, почему-то названного заморским словом «сейшн», сердца их и вправду дрогнули. На сцене как раз устанавливали аппарат. Старомодный с виду и явно более чем наполовину самопальный.

Недобрый это был мир...

Тем не менее в зале царило бодрое оживление, кто-то кем-то командовал, кто-то таскал колонки, кто-то путался в проводах, кто-то деловито цокал в фонящий микрофон; многие толпились у сцены. Происходил обычный в таких случаях «обмер шворцев»: музыканты показывали друг другу инструменты, выслушивали мнения и высказывали мнения. Димыч с Андрюхой решили, что происходит это чуточку с большей ревностью, нежели они привыкли. Зашедший следом Игорь Коваленко, понятное дело, сунулся смотреть кухню. После осмотра он натурально вспотел и заявил, что за эти дрова не сядет ни за какие блага жизни. На что его снисходительно спросили со сцены:

— А у тебя что, «Тама» или «Премьер»?

Игорь фыркнул в ответ:

— Позарюсь я на это говно заграничное, как же! У меня четвертый «Урал» в российской комплектации плюс брянское железо.

Ответом ему было дружное ржание и вопрос:

— А у гитариста вашего тоже «Урал»?

Димыч не стал уточнять, что в привычных им местах «Урал» не делает гитар. Просто сообщил:

— У меня — «Тверь-поток», у Малого — четырехгребешковая «Суздаль».

Тот факт, что каждый гребешок-звукосниматель Малого стоит, пожалуй, поболе всего в данный момент находящегося на сцене аппарата, Димыч опять же не стал высказывать вслух.

В конце концов, они с Малым тоже не с «Твери» и «Суздали» начинали...

На сем дискуссия и заглохла, хотя Димыч видел искривленные в гримасе губы Андрюхи при виде явно самопального корпуса двойной пищалки, на которую неведомый рукодел заботливо приладил самопальную же нашлепку «Marshall». Нашли что лепить!

К идее перенести концерт на улицу организаторы отнеслись более чем прохладно. Не возымели последствий даже клятвенные уверения, что аппарат «Проспекта Мира» по мощности позволит заглушить даже старт «Союза» и «Аполлона» вместе взятых (эта реальность знала и «Союз», и «Аполлон» — проспектовцы по пути успели углядеть у кого-то из аборигенов одноименную пачку сигарет). В общем, удалось договориться, что в перерыве, когда народ выползет подышать воздухом и покурить, «Проспекту Мира» дадут сыграть пару песен.

На том, как говорится, и покалили сростень. Ни один визитер из будущего ни секунды не сомневался: вышедший подышать и покурить народ назад уже не зайдет. К тому же именно в антракте решили начать халявную раздачу пива.

И отправились проспектовцы разворачивать свой аппарат. Хороший аппарат, российский, без пошлых нашлепок «Peavey» или «Roland».

Шура Федяшин уже успел выяснить, куда тянуть силовой кабель и куда подключаться. Пашка Садов и Муромец с двумя дружками, имен которых Димыч не знал, Федяшину помогали.

Развернуть «Десну» в походно-сценическое состояние было делом нетрудным, тут требовалась не столько физическая сила, сколько знание последовательности операций. Поэтому управились много раньше, чем народ в зале. А уровни всей системы Федяшин привычно выставил по датчикам — сколько раз «Проспект Мира» убеждался, что поправлять ничего особо не придется.

В общем, уже через час команда из будущего все завершила, трейлер с пивом был поставлен позади десносцены, внеся сумбур и урон в ряды стадионных сорняков, а проспектовцы с болелами и добровольно примкнувшими на дармовой «Янтарь» аборигенами смогли почить на травке с банками в руках.

— Черт меня подери, — пробормотал Димыч после первого глотка. — Именно так я себе и представлял русский Вудсток!

11. In Rock (1970)

До начала концерта ничего особо интересного не произошло. Подошел лохматый парень из оргкомитета и хмуро переспросил, как группу именовать и какой город она представляет. Услышав название маленького южного городка, парень скептически скривился и убрался восвояси. На небольшие по размеру стенки «Неман» он лишь мельком скосил взгляд, а вот две бочки Игорехиной кухни явно привлекли его внимание. В целом передвижная сцена проспектовцев покуда выглядела почти пустой.

Перед выступлением никто не злоупотреблял веселящим, даже не слишком подверженные дисциплине Малый с Данилом. Пашка-клавишник ковырялся у своих четырех панелей, одна из которых была все той же старой заслуженной «Шексной». Костик и Данил тихо распевались, хотя до их выхода было еще далеко: часа три, не меньше, предстояло провести в душном зале Дома культуры. Федяшин чего-то, как всегда, допаивал и довинчивал, Малый с Димычем и Андрюхой лениво болтали. Болельщики и аборигены разбрелись, поскольку дармовой «Янтарь» временно иссяк, но зато они унесли и широко распространили благую весть, что в перерыве, когда «эти психи начнут валить на улице», всем желающим будет выкачено вдоволь пива.

Потом лагерь «Проспекта Мира» почтили визитом два местных мэтра. Первый, кучерявый брюнет по имени Андрей, гитарист и поэт, вел себя добродушно и приветливо. С ним за милую душу поболтали, посулили удивительное световое представление в сумерках. Расстались, пообещав обязательно прослушать их группу. Второй, длинноволосый мрачноватый субъект с повадками педика, вел себя заносчиво и нагло. Его вежливо отбрили, после чего на проспектовцев налетела возмущенная дива вся в бисере и с горящими очами. Диве показалось, что «какие-то сраные провинциалы вели себя непочтительно по отношению к гению из самого Питера». Диву тоже отбрили и тоже вежливо.

Ну а там и начало подоспело.

Оставили на часах Кузьмича и направились в зал.

Поскольку фестиваль был полуподпольный и, как понял Димыч, идущий вразрез с линией властей, групп приехало не особо много, да и те большею частью по блату. Кучерявый Андрей и его команда выступали уже третьими. Играли они классно, даже при дохлой аппаратуре, а тексты и музыка очень запали в душу всем гостям из будущего. Зал завелся с полоборота и скоро народ уже орал, скакал и пел вместе со всеми. Периодически приходилось прогонять со сцены разнообразных девиц. Федяшин, ясное дело, все писал на мини-диск, моментально снюхавшись с ребятами за пультом. Веселились довольно долго, причем проспектовцы единодушно решили, что Андрей и его ребята далеко пойдут при умелой раскрутке. Впрочем, и без раскрутки пойдут. В их песнях пульсировала сама жизнь, замысловатая и неоднозначная. Да и поэтом Андрей был далеко не последним на российских просторах любого из миров.

Потом на сцену вылезли люди гения из Питера и гений лично. Вот тут-то все крупно и обломались. Голос и манера петь у гения оказались (ожидаемо, впрочем) под стать ориентации, а тексты... Н-да. Вроде каждое отдельно слово — понятно. А все вместе — пустышка, прах. Оценка проспектовцев была единодушной: понты и отстой. Хотя часть местного народа торчала по полной программе. Но многие именно сейчас впервые поползли наружу — покурить и развеяться.

Вышли и проспектовцы. Снаружи сгущались летние сумерки, и цветные огоньки на сцене «Десны» казались случайно попавшими в этот тусклый мир осколками праздника.

Минут через двадцать объявили перерыв: гений утомился и пообещал продолжить после.

— Начнем, а? — сразу оживился Костик. — Обломаем ему малину!

— Начнем... — не стал возражать Андрюха. — Командуй, Димыч! Твое время настает.

Перед каждым концертом Андрюха традиционно передавал бразды правления Василевскому, как бы подчеркивая, что административная часть акции плавно перетекает в музыкальную. Димыч кивнул:

— Пошли. И скажи Кузьмичу, чтоб фургон откупорил. Но больше упаковки на рыло не давать — пусть еще раз подходят.

Федяшин уже поджидал в глубине сцены с традиционной бутылкой водки на всех. Перед самым выходом, для куражу — незаменимое средство! Сразу начинает хотеться всех завести, взорвать тишину и добить музыкой до самых звезд.

— Ну что? — справился Димыч, утерев губы и поправляя гитару. — Дадим джазу? Поехали с инструменталочки! «Смерть в ми-миноре»!

Пашка кивнул и переключил свои доски. Игорь для разгону пару раз бубухнул по бочкам. А потом дал палочками отсчет.

И тишину разорвала мистическая гитара Димыча.

Он был прирожденным ритмарем. Не мог играть так быстро, как Малый, — да и вообще если уходил в соляки, то только в медленных вещах. И соляки у него были медленные, густые и тягучие, как добрая малага. Но если он начинал риффовый ритм — то держись. Его размеренные рычащие повторения завораживали, заволакивали сознание наркотической пеленой и хотелось идти на эти звуки, как идут на дудочку крысолова всегда осторожные крысы. Казалось, Димыч играет не в одиночку — две, а то и три гитары звучат иногда в унисон, иногда в терцию, создавая то неповторимое чудо, что зовется рок-музыкой. Техасские бородачи во главе с Билли Гиббонсом явно приняли бы Димыча за своего.

Композиция разворачивалась; после агрессивного вступления пошло развитие. Зрители-слушатели валом валили из зала на звуки; и тут Шура взялся за свои лазеры.

Что-что, а по части световых феерий он был мастер.

Толпа застыла.

Лазеры чертили в вязком августовском воздухе причудливые мерцающие фигуры, осветители синхронно поворачивали жерла, клубами валил из раструбов сценический туман...

Действо началось.

Не давая народу передохнуть, за инструменталкой грянули «Ты — это я», совершенно убойный хит девяносто пятого года от «Системы плюс». Тут уж не стеснялся никто, ни сирена-Костик, ни математик-Малый, ни Пашка-клавишник, ни Игорь за своим свирепым рамным «Уралом». По сравнению с уже слышанными командами «Проспект Мира» звучал куда тяжелее, забористее и жестче, но вместе с тем отточеннее. И толпа начала заводиться.

12. Burn (1974)

Следующей выплеснули на слушателей «Обмен ненавистью», потом — «Штиль».

Кажущаяся неторопливость вступления и размеренно спокойное начало «Штиля» позволили зрителям хлебнуть пивка и прийти в еще более хорошее расположение духа.

«Я жду заблудившийся ветер,
Прижавшись к грот-мачте спиной.
На нашем пиратском корвете
Нежданно настал выходной», —

пел Костик еще не громко и не агрессивно под атональный перебор Димыча и Малого. Ритмично грохотали бочки под такой же ритмичный бас. Вкрадчиво фонили клавишные. А потом разом, словно с обрыва — в пропасть, обрушили на толпу мощнейший и не раз проверенный драйв второй части куплета:

«И море, как зеркало чистое, в полдень застыло,
Ушла к горизонту бескрайняя синяя гладь,
И солнце нещадное палубу нам опалило,
И нам остается лишь тщетно к Нептуну взывать».

А после тревожного и несколько щемящего куплета в четыре голоса вышли в торжествующий и столь же ритмичный припев:

«Я жду, когда снова порадует море ветрами,
И полным бакштагом пойдет гордый парусник наш.
Над мачтой взовьется, как птица, черное знамя,
И вновь прозвучит команда: «На абордаж!»

«На абордаж!» приехавшие с «Проспектом Мира» болельщики проорали так дружно и так слаженно, что глаза загорелись даже у тех, кто начал слушать заезжих южан с откровенным скепсисом.

Второй куплет Костик и Данил пели вместе, умело чередуя голоса:

«Я помню лихие походы,
Набеги, сраженья, бои,
И снова в плохую погоду

Заноют раненья мои.
Я с берега каждое утро с тоскою безумной
Смотрю на соленые брызги и пенный прибой,
Мне снятся фрегаты и шлюпы, корветы и шхуны,
И вкрадчивый шепот кильватерных струй за кормой».

На этот раз припев подтягивала уже добрая половина толпы, а «на абордаж» проорали так, что дрогнула земля.

Федяшин как раз смастерил над сценой призрачного «Веселого Роджера»; череп щерился, флаг слабо трепетал на несуществующем лазерном ветру.

А «Проспект Мира» продолжил первой, короткой перебивкой, разбавляющей размеренное течение длинной композиции:

«Эй, капитан!
Эй, капитан!
Эй, капитан!»

Короткая, напрашивающаяся каждой клеточкой музыкальной души пауза, и — ликующее, подхваченное сотнями глоток:

«На абордааааааж!!!!»

Настало время Малого: он с радостью показал, на что способен. Гитара стонала и выла, шумели на заднем плане волны, кричали чайки, звенела сталь.

Третий куплет снова пустили поспокойнее. Первую его половину:

«Мне холодно что-то порою,
И руки немного дрожат,
Ведь годы над головою
Как белые чайки кружат».

А потом снова пошел драйв:

«Но мне не забыть гром орудий и стон парусины,
Наполненной ветром, как кубок наполнен вином,
Оружия блеск и изгибы бортов бригантины,
Что, встретив пиратов, встречается с каменным дном».

Припев пели хором. А вторая перебивка вообще ввела толпу в сущий экстаз:

«Эй, капитан! Наша жизнь — это только дорога.
Эй, капитан! Этот бой — остановка в пути.
Эй, капитан! Остановок не так уж и много.
Эй, капитан! И все меньше их впереди».

На фоне перебивки припев уже казался достаточно спокойным. Но всеобщее «На абордаж!» снова всколыхнуло округу.

А следом, без остановки, Димыч свалился в короткий ритмический клинч: это означало, что прицепом пойдет и «Шторм». Обе песни игрались в одном ритме и тональности, но как одно целое их пускали не всегда из-за длины: каждая по шесть с лишним минут. Но тут сам бог велел: слушатели встречали на ура.

«Ветер гремит в парусах
И скрипят от усталости реи,
Море, огромное море нам песню поет.
Мы, победившие страх,
Мы в бою никого не жалеем.
Роджер Веселый диктует команду «Вперед!».

Это самое «впереееееееед!» тянули опять в четыре голоса, даже обычно молчащий Андрюха примкнул к Малому и в микрофон они выдохнули разом, щека к щеке.

Снова фирменные Димычевские ритмические переходы и паузы, а потом припев:

«Снова в бой! Никому,
Как обычно, не будет пощады.
Страшный бой. Обагрен
Жаркой кровью холодный клинок.
За собой нас ведет
Капитан и медлить не надо,
Лишь успеть отвести
Нож врага и нажать на курок».

Лазеры сверкали и метались над подиумом. Клубился туман. Разноцветные световые лучи шевелились, как живые, бродили по сцене, ложились яркими пятнами под ноги музыкантам.

«Пираты не помнят родства,
Стало домом соленое море,
А берег — лишь узкая пристань да шумный кабак.

Краткий момент торжества,
Крепким ромом залитое горе, —
И опять поднимаем над мачтой свой выцветший флаг».

Димыч кивнул Малому и они сошлись посреди сцены, осветители скрестились на двух фигурах с гитарами. Это означало, что Костик и Данил могут перевести дух и промочить горло: вместо припева пойдет концертный соляк, которого в студийном варианте обычно нет.

Перед сценой творилось... черт знает что. Многие размахивали над головами снятыми майками, лес рук тянулся к сцене, хотя, спасибо, никто не решался пока на нее взобраться. В общем, все шло как надо.

«Снова лихой абордаж.
И поется кровавая песня.
Есть ли у жизни пирата завтрашний день?
Воспоминаний багаж,
И от них не уйти, хоть ты тресни,
И Веселого Роджера черная-черная тень».

От этой песни всегда оставалось такое чувство, будто чего-то не доделал, не успел в жизни. Ведь есть же где-то моря и острова, и кто-то смотрит на них, а над головой у него трепещут паруса и снасти.

Припев поставил в песне жирную точку.

13. Slaves And Masters (1990)

Позже выяснилось, что именно во время «Шторма» мэтр из Питера, вкусив портвейну, решил потопырить пальцы и направился продолжать свое выступление в зал. Надеялся небось, что народ потянется за ним.

Фигу: за мэтром последовали только несколько съехавших девиц. А петь для пустого зала любой бы обломался.

В общем, обиделся мэтр. Крепко обиделся. Но «Проспект Мира» этого не знал. А и знал бы — плюнул да растер.

Решили дать народу расслабиться на медлячке, затянули «Осень стучит в окно». Эту песню начинал Малый, под пере-

бор. Продолжал Костик, а завершали все вместе. Зажигалок под медляки тут еще не жгли, но руками качали славно. Следом выдали «Замок на песке». Творение Костика Ляшенко.

Шурик устроил над зрителями лазерный дождь; по толпе скользило почти неразличимое пятно ультрафиолетового прожектора, заставляя белые — только белые! — одежды зрителей светиться на манер рекламных стоек над казино.

«В уютном месте, в уголке
Я строил замок на песке,
Совсем не думая о том,
Что смоет первым же дождем.
Там, там дам приют своей мечте,
Забыв что в жизни суете
Под ноги часто не глядят
И замок могут растоптать...»

Костик дал отмашку Игорю — это означало, что ему нужно несколько секунд передышки, посему надо вклинить в песню аритмичную перебивку, после которой последует модуляция на тон.

«Сюда однажды я приду
И лишь развалины найду.
Кругом следы, следы, следы...
Где ж вы, плоды моей мечты?»

В этом месте Федяшин всегда врубал хорус и создавалось полное впечатление, что поет сотня Костиков, а подпевает сотня Данилов:

«Куда ты смотришь, человек?
Скорей, скорей уйми свой бег.
Под ноги лучше посмотри
Любить, мечтать, не разучись».

И — с еще большим драйвом и акцентом:

«Чтоб равнодушию не дать
С твоей душою совладать,
Чтоб не угас огонь желаний,
Не превратилось сердце в камень!»

Настало время неторопливого, густого соляка Димыча. Малый оттенял. Звучало неповторимо...

Зрители стонали в сотни голосов. Казалось, вели сейчас Костик всем умереть — послушались бы, не разумывая.

Неповторимое ощущение — понять его может только тот, кто сам хотя бы раз стоял в полутьме сцены перед залом или стадионом и видел сотни горящих глаз, обращенных к тебе.

Сыграли еще «Законы толпы», «Терминатор (граница света и тьмы)», «Ветер защиты», «Перегрузку», «Держись, Москва», «Двенадцать», «Законы подъездов»...

А потом и светать начало. Зрители обессилели. Музыканты тоже. И был объявлен перерыв — реально первый со вчерашнего вечера.

Димыч, сняв гитару с ноющего плеча и залпом заглотив банку «Янтаря», почувствовал, что зверски хочет спать. Андрюха и Костик выглядели не лучше. Бедняга Игорь, чья судьба была наиболее тяжкой в физическом плане, весь лоснился от пота, а майка его давно улетела в зал.

Последовала массированная атака местных музыкантов. Вопросов было не счесть: что за аппарат? Где брали? Почем? Не продается ли?

Проспектовцы вяло отмахивались: потом, потом, пива охота, лежать охота... Все потом...

Как-то отбились.

Димыч еле добрел до закутка с топчаном, рухнул и отключился.

14. Abandon (1998)

Разбудил его Шурик, теребя за плечо. В узкие вертикальные щели между стойками и драпировкой ломилось яростное летнее солнце.

— Эй! Вставай-ка!

— А? — вскинулся Димыч.

Проспал он немного, всего несколько часов, но, как всегда после концерта, это здорово восстановило силы.

За плечом Федяшина, который Василевского разбудил, стоял озабоченный Андрюха. Выражение Андрюхиного лица Димычу сразу не понравилось: по всей вероятности предвиделись какие-то административные трудности.

— Что такое? — спросил Димыч, щурясь на свет.

— Жопа, братец. Мне тут добрые люди нашептали, что гений из Питера в припадке ревности куда-то сдул. И посоветовали сниматься отсюда подобру-поздорову, пока худого не стряслось. Я почему-то склонен к этому прислушаться.

— Так что, второй части не будет? — огорчился Димыч. Вчерашний слушатель ему понравился: оттягивалась толпа на славу.

— Не будет, братуха. Мы уже половину аппарата свернули. Пошли заканчивать.

Не подчиниться Андрюхе Василевский не мог. Его епархией оставалась исключительно музыкально-теоретическая часть.

Снаружи было на удивление пустынно; из Дома культуры доносилось ритмичное тренькание. То ли кто-то выступал, то ли настраивался. И народу было совсем мало: небось, дрыхли все по кустам. Парочками и группами. Группа поддержки проспектовцев в полном составе наличествовала перед десносценой. Что-что, а построить болельщиков Андрюха мог без излишнего напряга. Поэтому свернулись достаточно быстро. И выехали почти по-английски. Почти — потому что попрощаться пришли кучерявый Андрей со своей группой да несколько парней из других команд. И Димыч сразу понял, кто были те самые «добрые люди», предупредившие Шевцова о грядущих кознях питерского гения.

— Знаете, ребята, — задумчиво сказал напоследок Андрей. — Такое впечатление, что вы приехали к нам из завтрашнего дня. И что ваш завтрашний день куда светлее нашего, сегодняшнего.

— Ну, — вздохнул Димыч. — Если начистоту, то так оно и есть. Только не рассказывай никому, ладно?

Димыч умолк, переглянулся с Шевцовым и Федяшиным, а потом добавил:

— А впрочем, можешь рассказывать. Все равно никто не поверит. Да и ты скорее всего не веришь.

— Я — верю, — ответил Андрей серьезно.

Пива в трейлере оставили всего ничего — чтоб только на дорогу хватило. Остальное сгрузили на радость группе Андрея и немногим примкнувшим хорошим людям.

Пожали на прощание руки. Расселись.

— Ну что? Прощай, русский Вудсток? — спросил Андрюха, жужжа стартером. — Ничего, кроме банальщины, на ум не приходит.

— Погоди, — спохватился Димыч. — Я сейчас.

Он метнулся в кубрик, схватил чехол с гитарой и приблизился к Андрею.

— Возьми, — сказал Димыч, протягивая инструмент. — Тебе она нужнее. «Тверь-поток», восьмая модель. Примочка и шнуры там, внутри. Шнуры хорошие, с золочеными джеками. Да и примочка не фуфло, реальный «Шторм».

И, не дожидаясь ответных слов, вернулся в кабину.

— Вот теперь прощай, русский Вудсток! — вздохнул он, хлопая дверцей. — Пусть банальщина, зато правда.

«Десна» и пивной трейлер заурчали двигателями и медленно тронулись.

15. The House of Blue Light (1987)

Обратная дорога запомнилась как-то смутно — всем, не только Димычу. Рулил опять Андрюха, поскольку остальные умельцы после выступления хорошо поддали. Да и встреча с местными дорожниками все еще оставалась вероятной, а административные проблемы Андрюха привык решать сам. Димыч периодически задремывал, потом просыпался, вскидывал голову. Навстречу тянулась и тянулась паршивая дорога в непривычной пустоте обочин. Шурик возился с ноутбуком, вычислял точку возвращения, которая, как он сказал, перемещалась, не стояла на месте.

Пару раз останавливались на окраинах городов и городков, дабы пополнить запасы того, что местные называли продуктами. Хорошо хоть за пивом в обычных для этого мира очередях убиваться не приходилось, а отсутствие воды при наличии пива переносилось удивительно легко.

Концертная эйфория постепенно сменялась мыслью «скорес бы домой».

Домой.

Слово, которое начинаешь ценить, только когда поскитаешься какое-то время, поживешь в стороне от любимой койки, любимой кухни, любимой комнаты, любимого компьютера... Почты небось навалило нечитаной...

Дорожники однажды все-таки остановили их. Почему-то не спросили права, только путевой лист. Вопрос решился несколькими красноватыми купюрами с профилем бородатенького индивида — Андрюха обладал завидным даром убеждения, да и инспектор не слишком сопротивлялся. Похоже, он также предпочел свалить бремя разбирательств на кого-нибудь из коллег далее по трассе.

А вскоре Шурик Федяшин велел сворачивать на пыльную колею меж полей и минуты через три притормозить у жиденькой и столь же пыльной полоски деревьев. До перехода, по словам Шурика, оставалось часов семь. Кто не отоспался — немедленно завалился в кубрике, а те, кто успел, — расселись на брезенте с краю поля за бутылочкой-другой. Разговоров было. И о выступлении, и о странном семьдесят девятом годе неведомой реальности, и не только. И о звездах, точно таких же, как и в родном и привычном мире.

В предрассветных сумерках Федяшин указал направление; два грузовика вторично за последние двое суток медленно двинулись по полю, быстро влипнув в уже знакомый лиловый туман, очень похожий на подсвеченный сценический дым. А потом сразу настал вечер.

У Андрюхи запиликал мобильник в кармане, возвещая о пришедших сообщениях. Чуть впереди, между заправкой «Тюменьтопливо» и дорожной лавкой «Елисеевъ и сыновья», виднелась привычного облика трасса, по которой проносились привычного облика машины, а несколько в стороне возвышалась ажурная вышка «Российских систем дальней связи», увенчанная полутораметровой чашей спутниковой антенны. Пестик с шаровидным набалдашником, напоминающим трость, целился в ущербный полудиск Луны, что зависла меж туч в темно-голубом небе.

— Хм! — сказал Андрюха и нарочито неторопливо переложил остатки нездешних денег в нагрудный карман.

— Дома, — не замедлил расплыться в улыбке Димыч. — Как я рад, шоб я был здоров!

— Готово! — удовлетворенно провозгласил Федяшин и звонко щелкнул клавишей «Ввод». — Мы отсутствовали в своем времени... и пространстве, как оказалось, сорок семь часов и двенадцать минут с секундами. Все по расчетам.

Народ в кубрике воодушевленно отплясывал «Сударыню».

«Черт возьми! — только сейчас позволил себе сформулировать Димыч. — Я боялся об этом думать. Боялся, что мы потеряемся в чужом и неприятном мире. Наверное, не только я этого боялся».

А вслух сказал:

— Спасибо, Шурик, за то, что ты не ошибся. Трогай, Андрюха. Пора домой.

— Так ведь мы уже дома, — отозвался басист, улыбаясь от уха до уха. — И это главное.

16. The Battle Rages On (1993)

В ближайшие три года «Проспект Мира» выпустил и благополучно продал одиннадцать альбомов, мгновенно ставших платиновыми. Второй, четвертый, восьмой и одиннадцатый были чисто их альбомами. Остальные — переосмысленным материалом записей с русского Вудстока в какой-то из параллельных реальностей. Конечно, причиной мгновенного успеха послужил дебютный альбом-бомба под названием «Рок из-за барьера»; а песни «Поворот», «Все очень просто», «Скачки» и «Кого ты хотел удивить?» держались в голове практически всех хит-парадов около семидесяти недель. Музыкальные критики долго пытались выяснить, кто же реально кроется под никому не известным псевдонимом Андрей Макаревич, какой известный поэт, какой маститый композитор и какой модный аранжировщик?

Тщетно.

Вполне успешными оказались и многие другие песни с других альбомов — «Воскресенье», «По дороге разочарований»,

«Ночная птица», «Забытую песню несет ветерок», «Лилипуты-1» и «Лилипуты-2».

Но спустя три года «Проспект Мира» распался. Возможно, потому, что собственные их песни хоть и имели успех, но не такой оглушительный. Возможно, потому, что проспектовцы немного повзрослели. Возможно, потому, что Димыч Василевский все меньше стал уделять внимания музыке и все больше — любимой фантастике. Песни «Проспекта Мира» крутят по радио и сейчас, диски продаются и поныне, а клипов они никогда не снимали.

Прошли годы. Много. Пятнадцать. Или даже двадцать. Поразному сложилась судьба бывших проспектовцев. Как ни странно, миллионером ни один из них не стал — вероятнее всего из-за того, что каждый отчетливо сознавал истинную причину успеха «Проспекта Мира».

Андрей Шевцов, басист и администратор, успел отсидеть в тюрьме пять лет за экономическое преступление, которого не совершал. Жена дождалась его, и теперь он счастливый муж и не менее счастливый отец, удачливый предприниматель, хозяин собственного дела. Живет в родном городе.

Константин Ляшенко, вокалист, уверовал в Бога, выгнал шалаву-жену, воспитал двоих сыновей, которых не отдал матери. И сегодня поет в хоре одной из небольших церквей родного города. К сожалению, с ним стало попросту не о чем разговаривать помимо веры, и поэтому бывшие коллеги видятся с ним очень редко.

Данил Сергеев, вокалист, женился и переехал в соседний город, где также занялся предпринимательством. Не столь успешно, как Шевцов, но в общем на жизнь не жалуется. Когда ему бывает совсем тяжко или тоскливо, он берет телефон, набирает номер... и Шевцов со товарищи тогда хватают такси и чуть не среди ночи приезжают к нему, чтобы вытащить куданибудь в бильярдную или питейное заведение.

Вадим Орликов, он же Малый, гитарист, не устоял перед алкоголем и наркотиками, которые сгубили его на шестой год после рус-Вудстока. По распаду группы он нигде не работал и ничем определенным до самой смерти не занимался.

Игорь Коваленко, барабанщик, единственный, кто продолжает жить музыкой. Последнее время он сотрудничал с в общем посредственной группой «ХАОС», отвергая предложения куда более именитых коллективов. Вероятно, ему нравится. Выглядит он счастливым.

Павел Садов, клавишник, одно время был связан с кришнаитами, а потом просто пропал. Говорят, он устроился столяром в крохотную мастерскую где-то на окраине родного города. Говорят, в какой-то момент он почувствовал непреодолимую тягу создавать вещи своими руками. Говорят... Но это ведь тоже своего рода счастье и творчество.

Александр Федяшин, инженер, быстро стал большим и важным человеком. Его чуть ли не мгновенно по возвращении из чужого прошлого подгребли под себя какие-то секретные военные ведомства, связанные с научными разработками. Теперь увидеть его невозможно, возможно только переписываться через Сеть. Впрочем, отвечает Федяшин редко, что свидетельствует: без работы он не сидит. Местоположение Федяшина, разумеется, неизвестно и установить его не удастся никакими ухищрениями.

Ну а Дмитрий Василевский окончательно ушел в фантастику. Пишет книги. Много уже написал — не то двадцать с чем-то, не то тридцать с чем-то. Но иногда решается тряхнуть стариной и берет в руки гитару — по крайней мере два сольных альбома он выпустил. Переехал в Москву, хотя в родном городе бывает довольно часто. Однажды встретил в салоне мобильной связи Андрея Шевцова и с тех пор именно с ним видится чаще остальных. Участвовал в выездах в соседний город к Данилу. Как-то во время дружеской посиделки пообещал друзьям и коллегам описать все, что произошло пятнадцать или даже двадцать лет назад, описать честно и без прикрас. Ему можно — он ведь фантаст.

Совершенно точно можно сказать: никто из бывших проспектовцев ни капельки не жалеет о той в высшей степени необычной поездке. И вряд ли пожалеет в будущем. Именно о таких людях потом говорят: он жил не зря.

А это не всякому удается.

Март — май 2002 г.
Москва, Соколиная Гора

От автора

За время службы на южной границе СССР мною написан примерно десяток рассказов. Исписанные тетради того времени до сих пор хранятся у меня в архиве. Из дня сегодняшнего некоторые из рассказов кажутся мне наивными, неумелыми и корявыми, а некоторые давно опубликованы и блуждают от издания к изданию. «Забытая дорога» — из вторых. Окончание я переделывал то ли дважды, то ли трижды — не помню уже. Менялось и название: пару раз рассказ публиковался просто как «Дорога». Тем не менее мне по-прежнему дорог этот рассказ, написанный в два дыхания, за два боевых дежурства (не переживайте, охрана границы при этом не пострадала, на дежурстве нам разрешалось писать письма. Ну а где письма, там и фантастика...).

Забытая дорога

История византийских перстней

Ромка даже не подозревал, как отреагирует институтский друг Владислав Багдасаров на его неожиданную находку. Багдасаров был лет на пять старше Ромки и в институт поступил уже после службы в армии. Слыл он парнем серьезным, бесспорно — умным, но несколько замкнутым. Впрочем, он никому ни в чем не отказывал, но никогда и не делал и не говорил больше, чем требовалось. Со своим курсом у него сложились корректно-вежливые отношения; Ромка с Багдасаровым здоровался и на этом их знакомство исчерпывалось.

Жил Багдасаров в общежитии, и Ромка, коренной киевлянин и вчерашний школяр, несколько неуютно почувствовал себя у входа в этот особый, ни с чем не сравнимый уголок студенческого быта. Наконец он вздохнул, решительно нагнул голову и вошел внутрь. Вскоре ему подсказали, что Багдасаров живет в 88-й комнате. Миновав 87-ю, Ромка остановился, ожидая увидеть на очередной двери две восьмерки.

Восьмерок оказалось восемь. Две, ниже — четыре в ряд, и в самом низу опять две. Над этой кавалькадой восьмерок красовались два цветных снимка из «World Soccer»: Сократес, стоящий на коленях и воздевший руки к небу, и сосредоточенно глядящий куда-то влево Брайан Робсон. Насколько Ромка знал, оба

эти футболиста играли под восьмыми номерами, Сократес — за Бразилию, Робсон — за Англию.

Ромка усмехнулся. Видать, цифру «8» здесь уважали.

Он осторожно постучался.

— Открыто! — рявкнули изнутри.

Ромка вошел. Багдасаров возлежал на койке, задрав ноги на обшарпанную спинку; за столом, покрытым бордовой скатертью, сидел его закадычный дружок Дима Федоренко, который сортировал пожелтевшие от времени газеты, аккуратно раскладывая их на три стопки. Багдасаров грыз яблоко и созерцал свои кроссовки, покоящиеся на спинке кровати.

— А, Ромка, — удивился он и сел. — Заходи.

Ромка шагнул через порог и огляделся. Все стены пестрели плакатами и постерами из журналов: футболисты, кадры из фантастических фильмов, рок-группы — все это придавало комнате богемно-многозначительный вид. За дверью притихли два спортивных велосипеда, рядом с лампочкой с потолка в специально сплетенной сетке свешивался дорогой футбольный мяч, на стене, в щели между атакующим Ван Бастеном и группой «Grand Funk Railroad», тускло отблескивала электрогитара, разрисованная крестами, иероглифами и самурайскими мечами. И книги, книги везде — на подоконнике, на столе, на полу кипы, целые эвересты книг. Корешок толстенного, обернутого хрустящей белой бумагой фолианта являл миру жирную надпись: «ДМБ-87».

Ромка печально заулыбался: «Весело живут! Не то что я — как мышь в аптеке, это не тронь, сюда не сядь, и не дай бог забудешь где-нибудь свет погасить! Хорошо, хоть свою комнату удалось отвоевать. Но какой кровью!»

Вздохнув, Ромка наконец поздоровался:

— Привет, граждане!

Дима, не отрываясь от газет, буркнул нечто приличествующее моменту, Багдасаров кивнул и осведомился:

— Там у нас на кухне супчик греется... Участвуешь?

Ромка замотал головой и подумал, что жизнь под маминым крылышком все же имеет и свои преимущества.

— Я, Славик, собственно, вот чего. Помнишь, я у тебя видел два перстня? Ну, такие, с неограненными камнями?

Багдасаров резко обернулся к нему и на лице его Ромка уловил напряженнейшее внимание. Дима вздрогнул и тоже обернулся, оставив свои газеты. Ромка заторопился, сунул руку в карман и протянул вперед:

— Вот!

На ладони лежал потемневший от времени перстень. Обруч его был очень широк, шире даже камня. Сам камень бугрился едва обработанной поверхностью и поражал глаз странной асимметрией. До сих пор Ромка не видел несимметричных камней, вернее, до тех пор, пока не увидел два таких же перстня у Славки. Произошло это месяца два назад. Присмотревшись, легко было заметить, что обруч у перстня даже не цилиндрический, а слегка конический; отверстие для пальца по диаметру совпадало с обеих сторон, но внешний обвод обруча с одной стороны был устроен так, что мог подойти и прочно состыковаться с другой стороной еще одного перстня. Внутри на обруче виднелся выгравированный знак, замысловатый и непонятный.

Багдасаров трепетно взял перстень, оглядел его со всех сторон, словно хрупкую вазу эпохи Мин, на секунду задержав взгляд на знаке, и повернулся к Диме.

— Седьмой...

Еще с минуту он вертел в руках Ромкину находку, возбужденно блестя глазами.

— Где ты его взял? — спросил он, не отрываясь от перстня.

Ромка торжественно начал:

— А вот это — сплошной анекдот. Вчера случайно заглянул в кабинет отца, словарь искал, и на столе обнаружил эту штуку. Сразу вспомнил, что видел у тебя такие же. Ты ведь разыскивал их? Везде и у всех спрашивал, так ведь?

Багдасаров кивнул.

— Ну вот. Дождался я отца, спрашиваю, откуда, мол, у тебя эта вещица? Он засмеялся. Оказывается, сей перстень ему всучили в одной антикварной лавке в Швейцарии.

— Когда? — быстро уточнил Багдасаров.

— Месяц назад.

— А почему твой отец оказался в Швейцарии?

Ромка улыбнулся не без гордости: отец его был достаточно известной личностью.

— Он — журналист-международник. Мотается по всему свету, я его месяцами не вижу. — Ромка секунду помолчал. — Ну, слушайте дальше-то. Зашел он в лавку просто так, из любопытства. А продавец, он же хозяин, как узнал, что посетитель — русский, непременно захотел вручить ему что-нибудь на память. Батя счел неудобным отказаться, тем более что стоил перстень сущие гроши. Короче, купил, вернулся, принес домой — ума, говорит, не приложу, куда его приспособить. Положил на стол, да так и провалялся перстенек этот, пока я не наткнулся.

Ромка умолк.

— Все? — поинтересовался Багдасаров.

— Вроде бы да... — неуверенно пожал плечами Ромка.

С минуту все трое безмолвствовали. Ромка ждал, что произойдет дальше, Славка обменивался с Димой быстрыми взглядами.

Первым нарушил молчание Дима:

— По-моему, гора в первый раз сама пришла к Магомету, а не наоборот.

— Подожди, — сказал Багдасаров, поморщившись. — Скажи-ка, Рома, а больше ничего подобного тот швейцарский лавочник твоему отцу не предлагал?

Ромка напрягся.

— Нет! — и вдруг смущенно остановился: — Хотя... Отец, кажется, упоминал какую-то штуковину... Вроде подставки, что ли. И там, кажется, какие-то знаки... А какое это имеет отношение к перстням?

— Где твой отец? — нетерпеливо перебил Багдасаров.

— Дома...

— Телефон есть?

— Есть...

— Бежим!

Они как угорелые вырвались из комнаты, ежесекундно подталкивая Ромку. Вихрем пролетев по длинному коридору и едва не сшибив группу весело завизжавших девчонок, они скати-

лись по лестнице, прыгая через две ступеньки, и оказались у телефона. Пожилая, похожая на печального кенгуру вахтерша осуждающе покачала головой, но, видимо, Багдасаров числился у нее на хорошем счету, раз она этим и ограничилась. Багдасаров на ходу бросил: «Мариванна, мы позвоним!» — и сразу же схватил трубку. Дима, сложившись пополам, завис на перегородке у стола вахтерши. Та добродушно ворчала. Багдасаров сунул трубку Ромке:

— Ну!

Ромка покорно набрал номер. Отозвался отец. Это Ромку воодушевило и он, коротко объяснив, что собиратель перстней намеревается что-то у него выяснить, вернул трубку Славе.

— Как? Как отца-то зовут? — шепотом спросил Багдасаров, зажав ладонью микрофон.

Ромка, скорее инстинктивно, чем осознанно, подсказал:

— Андрей Сергеевич...

— Добрый день, Андрей Сергеевич!

Ромка лихорадочно соображал, не напутал ли он чего с этой «подставкой», и хоть и слышал голос Багдасарова, слова совершенно не воспринимал.

Очнулся он минуты через три. Багдасаров все еще говорил с отцом, Дима полулежал-полувисел на перегородке и напряженно вслушивался.

— И все же как человек честный я просто обязан вернуть вам те деньги, которые уплачены за перстень...

Отец что-то заговорил, по-видимому, возражал Багдасарову.

— Ну что же, в таком случае огромное спасибо! Да-да... И если будут результаты, сразу же сообщите через вашего сына. Впрочем, если результатов не будет — все равно сообщите. Да-да... До свидания.

Багдасаров опустил трубку на аппарат и медленно обернулся. Дима выжидающе смотрел на него.

— Это замок. Определенно. — Багдасаров говорил спокойно, но на физиономии его аршинными радостными буквами читалось: «Наконец-то!»

Дима взялся за голову и сел прямо на мраморный пол.

Ромка испуганно попятился.

— Ребята! — жалобно протянул он, чертыхаясь в душе из-за того, что пропустил почти весь телефонный разговор. — Может, вы все-таки объясните что-нибудь?

Багдасаров, уже было направившийся к выходу, обернулся.

— Рома... — Он ненадолго задумался. — Слушай, дружище, давай не сейчас, а? Спасибо тебе большое, но... сейчас я здорово пришиблен, мысли путаются. Приходи завтра. Мы как раз выясним кое-что... Как же замок с сельмым угодили в Швейцарию? Задачка...

Ромку снедало любопытство, но он понял, что от Славки пока действительно ничего путного не добиться. Он вздохнул:

— Значит, завтра?

— Угу...

— А вы куда?

— В архив, дорогуша, в архив, — выскакивая за дверь, бросил Багдасаров. Дима уже ждал его на улице.

— Вы хоть комнату-то закрыли, оболтусы? — крикнула вдогонку вахтерша.

Багдасаров остановился, сказал: «А-а, черт!» — и быстрыми прыжками понесся вверх по лестнице.

— И суп, суп! — напомнил ему в спину Дима.

Ромка усмехнулся. «Занятные парни! Хорошо, если познакомлюсь с ними поближе...»

— До завтра, — сказал Ромка Диме и зашагал к выходу. Уже на крыльце он обернулся и увидел, как тот за стеклянной дверью помахал ему рукой.

Однако назавтра Ромке не удалось попасть к Багдасарову — с утра сдавал давно висящую на хвосте лабу, а после двух пар друзей-сыщиков отыскать не удалось. Нигде. Нашел их Ромка лишь спустя три дня, да и то случайно — в институтской столовой. Разговорились, Багдасаров затащил Ромку к себе. Все эти дни Ромка строил самые фантастические теории насчет перстней, заранее зная, что все они ничуть не будут походить на правду.

Багдасаров извлек из недр видавшего виды шкафа стильную коричневую папку и небольшую коробку, похоже — от электробритвы. Водрузил их на стопку книг, возвышающуюся

в центре стола, сел. Ромка опустился напротив, оседлав шатучий табурет.

— Небось сгораешь от любопытства?

Ромка фыркнул: «Еще бы!»

— Тогда, слушай. Началась эта детективная история с перстнями, наверное, невероятно давно. Но для меня — всего-навсего семь лет назад, за год до службы. Как-то раз копался я в семейных бумагах и обнаружил любопытный документ. — Славка вынул из папки несколько пожелтевших листков почтенного возраста. На них змеился рукописный текст на неизвестном Ромке языке, и рисунок присутствовал — знакомого вида перстень, — весьма незаурядно выполненный углем.

— Понятно, что меня это заинтересовало. Я расспросил отца, но он почти ничего не знал, сказал только, что это одно из исторических увлечений деда. А дед как раз за неделю до этого уехал лечиться в Феодосию. Я еле дождался его, так как в поисках еще чего-нибудь, имеющего отношение к первому документу, обнаружил целый архив и два перстня. Вот эти. — Багдасаров указал на пару перстней в коробке. Они покоились в ячейках, около которых виднелись аккуратно наклеенные бирочки с цифрами. Эти значились под номерами 1 и 4. Кроме того, сейчас были заняты ячейки 2, 5 и 7. Третья и шестая пустовали.

— Второго, пятого и седьмого тогда еще не было, — сказал Багдасаров, коснувшись тремя пальцами, как пианист, соответствующих перстней. — Кстати, три дня назад ты принес вот этот, седьмой. Но вернемся к деду. Вот что он рассказал. Во время войны — а мой дед прошел всю войну, с первого до последнего дня — служил вместе с ним один парень, историк Андрей Щелкалов. Как-то так вышло, что с дедом он сдружился: знаешь ведь, как это бывает — котелок один на двоих, ели вместе, спали рядом, одной шинелью укрывались. И носил этот парень на шее перстень — на цепочке. Дед спросил, что это за странная вещь. Выяснилось, что перстень имеет свою собственную биографию. Андрей рассказал все с самого начала, как я тебе пытаюсь.

Багдасаров хлопнул ладонями по столу.

— Придется совершить небольшой экскурс в историю. Приблизительно в 1570 году, во время правления Ивана Грозного, начал действовать русский корсарский флот. Знаешь, что это такое?

Ромка не знал.

— Собственно, это узаконенное пиратство. Или антипиратство, если угодно. Одно государство топит торговые суда другого. На Балтике тогда сложилась весьма напряженная ситуация. Россия рвалась к морю — ей необходимо было торговать. Европейские страны как могли противились этому. Тогда Иван Грозный решился на следующий шаг: сделал ряд уступок английским купцам — снизил пошлину, приказал торговать с англичанами по низким, выгодным им ценам и так далее. Понятно, что англичане, по сути дела, получившие монополию на торговлю с Россией, крепко ухватились за эту возможность и слетались, а точнее — сплывались к берегам России, словно мухи на мед. Европу это взбесило, в первую очередь, польского короля Сигизмунда-Августа. Он и натравил свой корсарский флот на английские суда. Иван Грозный в ответ сколотил свой флот, с помощью иностранных мореходов и русских корабелов, для защиты англичан. Дрались эти корсары, без сомнения, много, одно море знает сколько моряков там погибло. На русских судах матросами служил всякий сброд — головорезы со всей Европы, хотя хватало и русских моряков. На одном из таких корсарских кораблей и подвизался прапра-, не знаю уж, сколько раз «пра-» дед Андрея — Федор Щелкалов. В этом же 1570 году в одной из морских баталий корабль получил серьезные повреждения и затонул немедля. Из экипажа спаслись восемь человек и, видимо, спасли они помимо собственных жизней еще нечто, нечто очень важное для царя Ивана. Что именно — ни Андрей Щелкалов, ни дед, ни я так и не выяснили. Но услуга, видать, вышла немалая, потому что царь пожаловал всем восьмерым определенную сумму денег — факт для того времени достаточно необычный — и в память вручил семерым матросам по такому вот перстню, а восьмому, голландцу-штурману, — то, что мы условно называем «замком». Так предок Андрея Щелкалова стал обладателем перстня, который впоследствии передавался из поколения в поколение, от отца к

сыну, пока не добрался до Андрея. В 43-м году Андрей погиб под Курском. Родных у него не оказалось, и перстень оставил себе мой дед. Андрей успел сказать, что все перстни и замок, собранные вместе, имеют какие-то необычные свойства, и дал адрес архива, где могли найтись сведения об остальных перстнях.

Деду повезло больше — он дожил до победы и, помня о словах друга, стал искать архив. Оказалось, что его эвакуировали из Москвы куда-то в Сибирь. Добрался до него дед аж в 58-м году, в Новосибирской области, в Искитиме. И выяснил интереснейшие вещи.

Перстни с замком уходят корнями в глубокую древность. Упоминание о них нашли в византийских документах. Представляешь? Византия! Видишь вот эти знаки внутри? — Багдасаров показал на замысловатые письмена. — Это цифры. Правда, с письменностью Византии, то бишь с греческим языком и алфавитом, они не имеют ничего общего, но именно из византийских документов узнали, что это просто цифры, от 1 до 7. Подобных знаков, насколько я сумел установить, ни один народ мира ни ныне, ни в древности не употреблял. По крайней мере в течение последних трех — пяти тысяч лет. Другими словами, науке они неизвестны. Далее. В тех же документах сказано: «Кто соберет воедино все перстни, сложит их в ключ и вставит ключ в замок — тот откроет некую «забытую дорогу человечества». Что это за дорога и куда она ведет — не упоминается. Забавно, правда? Я, честно говоря, до сих пор не понял: перстни — это ключ, замок тоже имеется, а вот где дверь? Или что-то вроде нее?

— Постой, — перебил его Ромка. — А почему тот же Иван Грозный не открыл эту дорогу? Ведь у него были под рукой все семь перстней и замок в придачу. Или тот, кто все это царю доставил?

— Ха! Дело-то как раз в том, — объяснил Багдасаров, — что византийские рукописи нашли почти через триста лет после того, как Иван Грозный раздал все матросам. Замок и перстни разбрелись по Европе. Царь просто не знал предназначения ключа и замка, не знал даже, что это вообще ключ и замок.

Багдасаров умолк. Ромка сидел здорово ошарашенный. Такие истории всегда интригуют до крайности, а если ты еще и их участник...

— Вот и начал мой дед искать следы всех перстней, кроме номера четвертого, который уже был у него. Шесть лет спустя дед напал на след второго: Андрей Щелкалов еще до войны сумел установить имена трех матросов, получивших перстни. Кроме Федора Щелкалова, это были Степан Гурьев, крестьянин богатого соликамского купца Аникея Строганова, ставший корсаром, и эстонец из Колывани Леокс Тит, о котором, кроме имени, ничего не было известно. Дед пошел дальше — он узнал имена всех. Всех восьми. Ими оказались: польский сорвиголова Ян Вылчек, почему-то пошедший в русский корсарский флот, хотя биться ему приходилось со своими же соотечественниками-поляками; мореход-датчанин Ганс Гофман; фламандец Клаус Морке и сын крымского татарина и русской девушки Марат Мурзаев, прижившийся в Холмогорах и также посланный в корсары Аникеем Строгановым. Замок получил шкипер — голландец Йохан Ван-Бук. Дед упорно стал раскручивать этот, казалось бы, безнадежный клубок. Он выяснил, что Степан Гурьев скоро попал в опалу царю и опричнине, бежал и осел где-то в Сибири. Морке и Ван-Бук вскоре вернулись на родину, Вылчек и Тит тоже впали в немилость и вынуждены были перебраться не то в Литву, не то в Польшу. Мурзаев позже несколько раз участвовал в стычках с крымским ханом и, вероятно, обосновался в Крыму, скорее всего в Кафе — Феодосии. Остался Гофман, о котором не находилось сведений вплоть до 64-го года. Именно тогда дед узнал, что под Витебском есть усадьба, которую местные жители издавна называли «замком Ханса Перстеня». Дед ухватился за эту слабую ниточку, навел справки, и оказалось, что построил замок некий Ханс Хофман! Примчавшись туда, он разыскал усадьбу, и можешь представить его радость, когда он увидел портрет этого Ханса: на шее у него был изображен этот самый перстень! В замке тогда действовал пионерлагерь. Дед попытался выяснить, куда подевались различные вещи хозяев и где сами хозяева. Оказалось, что Ханс (или Ганс — как больше нравится) построил усадьбу и мирно зажил в ней с 1590 года. Там же

жили и его потомки, вплоть до революции 17-го. Куда забросила их судьба после — неизвестно, некоторые предметы обстановки и драгоценности сохранились и были переданы витебскому краеведческому музею. Дед побывал там, и не зря: перстень значился в списке драгоценностей «замка Ханса Перстеня». Однако в выставленной экспозиции его не было. После разговора с сотрудниками и раскопок в резерве перстень все же нашли. Дед каким-то непостижимым образом убедил отдать ему перстень — в те годы вещь немыслимая. Это оказалась первая и последняя его победа. Вообще-то он увидел еще два перстня — вот эти, второй и пятый, но их вычислил уже я. Перстень Гофмана значился под первым номером. Кстати, когда я наткнулся на первый документ, дед ездил в Феодосию — помнишь? Вернулся невеселым. Это неспроста, он выяснил судьбу перстня Мурзаева. До войны какой-то его потомок жил себе в Феодосии, его помнили из-за перстня, носимого как медальон. Так вот, во время оккупации этот перстень прикарманил один немец-офицер. Видать, он и увез его при отступлении. Это и все, что выяснил дед. А я установил, что обер-лейтенант Курт Фиц не погиб впоследствии, а по окончании войны бежал в Южную Америку. Кстати, его имя, точнее псевдоним, обнаружилось среди недавно выловленных ИНТЕРПОЛОМ главарей кокаиновой мафии. Кажется, его даже судили.

Но вернемся на пару лет раньше. До 84-го года дед ни на шаг не продвинулся в поисках. Двадцать лет он ворошил архивы, но ему не везло. Вдвоем мы копались еще год, тоже безрезультатно. Потом я ушел в армию, досадуя, что целых два года потеряю в своих поисках. Можешь представить мои чувства, когда в первые же дни службы я узнал, что среди новобранцев есть эстонец по имени Леокс Тит! Я сразу же познакомился с ним. Вскоре выяснилось, что у них полдеревни носит фамилию Тит и один из селян владеет перстнем, который, по слухам, подарен его предку царем. Леокс хорошо знает этого человека и даже приходится ему дальним родственником. В результате переписки тот соглашается продать перстень. Так, спустя два года в мои руки попадает третий экземпляр. Его номер — пятый. Дед, понятно, очень обрадовался, и мы с новой энергией взялись за поиски. Вскоре я переехал в Киев, поступил в инсти-

тут. Через год я списался с архивом города Гданьска и получил копию документа — что-то вроде судебного протокола. Вот, смотри. — Багдасаров достал очередную бумагу из папки. — Судили некоего Вылчека, русского корсара и изменника. Несомненно, это был тот самый Ян Вылчек, данцигский шалопай, удравший от правосудия в корсары. Его повесили в 1584 году. Списавшись со специалистами Гданьского института истории, я попросил попытаться выяснить судьбу перстня. И, представь, на их публикацию в каком-то журнале откликнулся один краковский рабочий. Перстень хранился у него, но каким образом попал он к родителям, рабочий не имел ни малейшего представления.

Перстень переправили мне в обмен на обещание сообщить в институт результаты дальнейших поисков. Это оказался перстень номер два. Теперь мы их собрали уже четыре — больше половины! И когда я безнадежно зашел в тупик, являешься ты с седьмым номером, да еще находятся следы замка! Если знакомый твоего отца действительно сумеет разыскать и передать замок, останутся всего два перстня — не так уж много.

Ромка спросил:

— А чей перстень принес я?

Багдасаров кивнул:

— Я тоже задавался этим вопросом. Возможны три варианта: либо это перстень Степана Гурьева, но вряд ли он мог попасть из Сибири в Швейцарию. Марат Мурзаев тоже скорее всего отпадает. Самое вероятное, что это перстень Клауса Морке, фламандца. Улавливаешь? Швейцария не так уж и далеко.

— Значит, остается замок и два перстня?

— Выходит так...

— И ты надеешься их найти?

— Надеюсь, — твердо сказал Багдасаров.

Ромка мечтательно закрыл глаза.

— То-то обрадуется твой дед, когда узнает, что ты отыскал еще один перстень и напал на след замка!

Багдасаров вздрогнул и тускло взглянул на Ромку.

— Дед умер в прошлом году... — и добавил шепотом: — И завещал мне найти забытую дорогу...

* * *

Прошла еще неделя. Все это время Ромка с нетерпением ждал известий о замке. Теперь он знал, что отец договорился с кем-то из своих женевских знакомых, чтобы тот зашел в ту самую лавку и узнал насчет замка. Как-то придя вечером домой, Ромка ощутил неясное напряжение: отец был дома, что нехарактерно для столь раннего часа. Ромка кинулся к нему в кабинет.

Отец сидел в кресле и курил, пуская под потолок правильные колечки дыма. А на столе в луче настольной лампы тускло поблескивал необычный предмет. Ромка замер. Предмет формой и размерами напоминал кирпич. Он твердо стоял на ножках, слитых воедино с его корпусом. Подойдя поближе, Ромка рассмотрел, что предмет представляет собой брусок того же дикого необработанного камня, что и в перстнях, только размером побольше. Поверхность его была неровной и тоже едва-едва сглаженной. Брусок искусно вправили в подставку, наружу выступал только прямоугольник верхней грани «кирпича». Сбоку на оправе, вдоль открытой поверхности камня, с равными промежутками виднелись такие же знаки, как и на перстнях, все семь в ряд. А на малых сторонах прямоугольника выделялись неровные выступы с пазами, видимо, для закрепления каких-то предметов. Подставка-оправа была выполнена из того же металла, что и перстни. Вещь казалась очень старой, но нигде не была повреждена; от нее исходило нечто непонятное, внушающая невольное уважение эманация, что ли?

— Вот, — нарушил молчание, отец, — это та самая вещь. Твой друг просил побыстрее переправить ее. Так что дальнейшее в твоих руках. Можешь забирать эту штуковину. И еще вот. — Отец встал, неторопливо прошел по комнате и взял со стола конверт из плотной розоватой бумаги. — Здесь кое-какие факты, тоже передашь своему другу.

Ромка восторженно прошептал:

— Замок!

Отец усмехнулся в усы и ненавязчиво поинтересовался:

— А что, твой товарищ любитель старины? Коллекционер?

— Нет, — замотал головой Ромка. — Он ищет забытую дорогу.

Потом до Ромки дошло, что отцу эти слова ровным счетом ничего не скажут, но объяснять было слишком долго. Он бережно уложил замок в дипломат, сунул туда же конверт и бросился к выходу.

— Это длинная история, па. Я тебе после расскажу, ладно?

— Беги-беги — проворчал отец. — Пинкертон...

В увлечения сына он никогда не вмешивался.

К общежитию Ромка приближался ильфо-петровским «фривольным полугалопом», моля бога, чтобы Багдасаров оказался дома. Начинало темнеть. Ромка уже собирался нырнуть в вестибюль, когда его окликнули:

— Эй, Рома!

Он оглянулся. От спортплощадки неторопливо и даже както вымотано тянулась вереница парней в футболках. Среди них был и Багдасаров. Он шел чуть поотстав от передних, держа под мышкой пестрый ромбиковый мяч.

Вместо ответа Ромка поднял дипломат и выразительно ткнул в него пальцем. Багдасаров бегом кинулся к нему. Громко дыша, он остановился около Ромки.

— Замок? — с такой отчаянной надеждой спросил он, что Ромка внутренне содрогнулся, представив всю глубину разочарования Багдасарова, если бы замка найти не удалось.

Ромка, довольно улыбнувшись, кивнул. Багдасаров немедленно потащил его в комнату. Ловко забросив мяч в сетку под потолок, он нетерпеливо повернулся к Ромке: «Ну?»

Но Ромка и не думал тянуть: он уже открывал дипломат.

Багдасаров осторожно прикоснулся к «кирпичу» и еще более осторожно взял его в руки.

— Замок, старший... — прошептал он завороженно.

Диму Федоренко он называл «старшим», потому что они родились в один год и один день, но Дима на полтора часа раньше.

Ромка молчал.

— Черт меня побери, это же действительно замок! — уже громче сказал Багдасаров, бережно ставя его на стол, и плюхнулся на кровать. Ромка вынул из дипломата письмо и протянул ему.

— Тут еще какие-то факты. — Он так и сказал: «факты», повторив выражение отца.

Багдасаров живо подскочил и распечатал плотный забугорный конверт. По мере чтения лицо его вытягивалось, отражая безграничное удивление. Прочитав, он медленно протянул письмо Ромке и вновь опустился на кровать. В письме говорилось, что женевский знакомый отца без труда отыскал и антикварную лавку, и упомянутую необычную вещь. Продавец-хозяин, видя, что «замком» интересуются всерьез, заломил за него кругленькую цену, но позже все-таки удалось столковаться на вполне приемлемой сумме. Насчет перстней: их у торговца было два. Один он продал болгарскому туристу еще зимой, второй — русскому, всего с месяц назад: без сомнения, подразумевался Ромкин отец. На расспросы о болгарине лавочник совершенно неожиданно дал исчерпывающий ответ: оказалось, они обменялись сувенирами. Болгарин уступил продавцу антикварную книгу, где оставил памятную надпись, свое имя, фамилию и адрес. На вопрос, откуда у него в лавке подобные предметы, торговец дал уклончивый туманный ответ. Насколько понял знакомый Ромкиного отца, лавочник не брезговал скупкой краденого и эти вещи, вероятно, стащил какой-нибудь воришка. По-крупному торговец не играл, это выяснили точно. Потом все же удалось выудить признание, что замок и оба перстня он перекупил у некоего итальянца, часто посещающего Женеву. Итальянец зовется Пьетро Трускалотти, на момент разговора он в Женеве отсутствовал. Этими «фактами» письмо исчерпывалось.

— Прочел? — спросил Ромку Багдасаров. — Однако, знакомые у твоего папани! Хватка, как у Штирлица.

Ромка усмехнулся:

— А я знаю, кто все это раскопал. Ни много ни мало — шеф охраны нашего консульства в Женеве. Профи.

— Н-да, впечатляет. Теперь еще и итальянец какой-то входит в круг. — Багдасаров умолк на некоторое время. — Я так и не понял, каким путем два перстня и замок попали в Швейцарию, а тут, оказывается, еще и Италия...

— Что же ты хочешь, четыреста лет прошло, — пожал плечами Ромка, — сколько раз эти перстни из рук в руки переходили...

— Подожди, — поморщился Багдасаров. — Если перстней было два, то чей же второй? Гурьева или Мурзаева? А? Как ты думаешь?

Ромка осторожно ответил:

— Полагаю, что не Гурьева.

— Точно, — подтвердил Багдасаров. — И я так думаю. Значит, перстень Мурзаева каким-то образом перекочевал из рук немца, из Южной Америки в Швейцарию. Или сначала в Италию? Черт, голова кругом идет!

— А может, он вообще в Южной Америке не бывал?

Багдасаров двинул плечами.

— Может, и так...

Ромка обернулся к столу и несколько секунд глядел на замок.

— Слава, — робко спросил он, — а ты не задумывался, почему замок и два перстня оказались вместе? Они ведь сначала находились достаточно далеко друг от друга. А?

Багдасаров прищурился.

— А ты можешь это объяснить?

Ромка развел руками:

— Может быть, кто-то уже пытался собрать все перстни? Может, кто-то узнал о забытой дороге, о ключе и замке?

— Я тоже об этом подумал, — медленно кивнул Багдасаров. — Это самое вероятное. — Он усмехнулся. — Но этому человеку что-то помешало.

Довольно долго они молчали, рассматривая замок. Потом Багдасаров достал коробку с перстнями, открыл ее и положил на столешницу рядом с замком. Ромка, затаив дыхание, следил за руками Багдасарова. Тот взял один из перстней, внимательно осмотрел сначала его, потом замок.

— Они как-то должны соединяться... — сказал он задумчиво.

Ромка протянул руки:

— Можно?

Багдасаров уступил перстень, с интересом глядя в его сторону.

Ромка взял еще один перстень и аккуратно соединил их оправы — обруч к обручу, камень к камню. Перстни идеально подошли друг к другу: выступы на одной стороне обруча прочно вошли в зацепление с пазами другого. Получилась занятная

штуковина — нечто вроде короткой трубочки с двумя состыкованными камнями на внешней грани.

— Вот, — сказал Ромка, протягивая Багдасарову соединенные перстни. — Я понял, что они должны соединяться, еще когда рассматривал перстень в кабинете отца. Эти пазы явно предназначены для этих шипов. — Ромка мягко указал пальцем на перстни.

— У тебя хорошее пространственное мышление, — одобрительно покачал головой Багдасаров, — кубик Рубика, небось, в секунды складываешь...

Ромка покраснел от удовольствия. У него действительно было завидное геометрическое воображение.

— А дальше-то что?

— А дальше — вот, — повинуясь внезапному озарению, Ромка взял перстни и попытался, перевернув их камнями вниз, состыковать с выступами на торцах каменной полоски замка.

Но у него ничего не вышло. Камень перстня уперся в камень замка раньше, чем соединения на обруче и оправе замка оказались на одном уровне. Неровности камня мешали им состыковаться.

— Как же так? — растерялся Ромка.

— Э-э-э, не спеши, — улыбнулся Багдасаров. — Вот ведь подсказка, — он указал на знаки, выгравированные на подставке замка, — их нужно располагать в строгой последовательности. Это ж ясно как божий день.

— Правильно! — обрадовался Ромка, взглянув на знаки и убедившись, что он пытался втиснуть седьмой и четвертый перстни на место первого и второго.

— Надо вот так...

Он осторожно взял первый и второй перстни, соединил их и аккуратно состыковал с замком. Камни и не подумали упираться — они подошли друг к другу, каждый выступ нашел свою выемку. Соединение на обруче крайнего перстня ловко сочленилось с торцовыми креплениями на оправе замка.

— Потом так, — подхватил Багдасаров, отсоединяя седьмой перстень от четвертого и закрепив его на противоположной стороне полоски замка. Камни снова подошли друг к другу и крепление перстня с замком сработало.

— И еще вот так, — радостно закончил Ромка, соединив четвертый и пятый перстни и опустив их камнями вниз на камень замка в промежуток между вторым и седьмым.

Теперь на каменной полоске замка не хватало всего двух перстней чтобы получилась длинная, сантиметров десять — двенадцать, трубка, прочно соединенная с замком.

Багдасаров, Ромка и молчун-Дима переглянулись.

— Двух не хватает, — вздохнул Ромка.

Багдасаров выпрямился.

— Ну-ка, где адрес того болгарина?

Осенью Багдасаров добрался до следующего перстня. Он списался с болгарином, договорился с ним и ждал только случая, чтобы переправить перстень из Пазарджика в Киев. Случай подвернулся в октябре: несколько матчей в Болгарии проводили киевские волейболисты. Связка сработала безотказно: перстень под номером три присоединился к своим близнецам. Оставался единственный перстень — шестой, увезенный Степаном Гурьевым куда-то в Сибирь. Багдасаров методично принялся за поиски, изредка привлекая Ромку. Они дали совершенно неожиданный результат. Не в Сибири, не где-то далеко, а здесь же, в Киеве, на кладбище при одной из старых церквей, Багдасаров наткнулся на скромный дубовый крест с полустертой надписью: «Русский мореход Степан Гурьев». Перерыв кучу документов и литературы, в том числе церковную библиотеку, он выяснил, что перстня у Гурьева к моменту смерти почти наверняка уже не было. Кому и когда передал он свою реликвию, оставалось только догадываться.

Это был тупик, безнадежный тупик, и преодолеть его могло помочь лишь чудо. А Багдасаров в чудеса не верил. Отступить сейчас, когда до заветной цели остался лишь шаг, было вдвойне, втройне обидно. Ромка разделял отчаяние Багдасарова, но помочь ничем, увы, не мог.

Однако история с перстнями на этом не закончилась. Развязка наступила летом следующего года. Ромке осенью предстоял уход в армию. Багдасаров с Димой Федоренко закончили практику и уехали восвояси, в маленький южный городишко. Ромка целыми днями жарился на пляже в Гидропарке, заявля-

ясь домой только для того, чтобы переночевать. В один прекрасный день он обнаружил на зеркале в прихожей телеграмму. Она была короткой; прочитав неровно наклеенные строчки, Ромка сжался и почувствовал в груди прозрачный холодок.

«Восьмого августа открываем дорогу. Будь дома. Багдасаров».

— Восьмого августа, — пробормотал Ромка. — Август... восьмой месяц. Гм... восьмого восьмого восемьдесят восьмого — надо же, сплошные восьмерки, и день, и месяц, и год.

Ромка вздохнул, вспомнив, как уважал Багдасаров эту цифру. Все его футболки неизменно носили на спине восьмерку. Или две. И комната в общежитии была 88-я.

Ромка еще раз вздохнул и на всякий случай вспомнил, когда родился Багдасаров. Результат заставил его вздрогнуть. Восьмого августа, около полудня! Ромка, сообразив, что Славкин друг-неразлейвода Дима Федоренко всего на полтора часа старше, яростно зашипел и стал столь же яростно стаскивать рубашку. В проеме дверей появилась мать.

— Где тебя носит, несчастный? — не особо сердито осведомилась она. — Дома тебя не увидишь. Я начинаю забывать, как ты выглядишь...

Ромка чмокнул ее в щеку.

— Завтра целый день дома сидеть буду! — пообещал он и подумал, что дает обещание не только и не столько матери...

День провел он словно на иголках. Отоспавшись на пляже на месяц вперед, он проснулся рано, не пробило еще и семи часов. Уныло пожевав чего-то на кухне, Ромка забрался в самый темный и самый прохладный угол своей комнаты и попробовал почитать, но в голову ничего не лезло. Мысли вновь и вновь возвращались к Багдасарову.

Значит, он все-таки отыскал последний перстень. Гадать, как он узнал о судьбе реликвии Степана Гурьева, было, конечно же, бесполезно.

Отбросив книгу, Ромка стал бродить по квартире, мучительно ожидая вестей от Багдасарова. К десяти часам он едва не завыл от тоски. К двенадцати стал поминутно направляться к двери и всякий раз останавливался в прихожей. К часу он жутко проголодался, видимо, от волнения, и на какое-то время отвлекся от своего тревожного ожидания.

Багдасаров позвонил только в четыре.

— Рома?

— Да!!! Наконец-то! Я чуть с ума не сошел! Ты нашел перстень Гурьева?

— Э-э-э... В общем, да.

— Где? У кого? — затараторил Ромка.

— Не будем спешить, — философски хмыкнул Багдасаров. — Мы сейчас на вокзале, ты подходи к нашей общаге через полчасика. Ладушки?

— Понял! — выдохнул Ромка. — Бегу!

С треском опустив трубку на аппарат, он бросился к выходу. С Подола до Севастопольской площади выходило поболее чем полчаса. Так что бежал Ромка не зря.

Багдасаров на вокзале отнял коротко гудящую трубку от уха, глянул на нее и проворчал:

— Беги-беги... — Он повернулся к стоящему позади Диме Федоренко. — Ну и мы пошли...

Они отмахнулись от назойливых таксистов и зашагали в сторону «Украины», к остановке девятки.

Когда они приблизились к общежитию, в глаза сразу же бросилась приплясывающая от нетерпения фигура Ромки. Увидев их, Ромка со всех ног кинулся навстречу.

— Ну? Ну, что?

Багдасаров с Димой переглянулись и одновременно захохотали.

— Может быть, здравствуй для начала?

Ромка смутился. После крепких рукопожатий все трое поднялись наверх, в 88-ю.

На столе за время их отсутствия скопился толстый слой буроватой пыли. Багдасаров вытер ее газетой и водрузил на стол новенький кожаный дипломат.

— Ну что, расскажем? — спросил он у Димы. Тот утвердительно кивнул.

Багдасаров покосился в сторону окна и начал:

— Значит, так, Ромочка. Последний перстень, номер шесть, — это вовсе не перстень Степана Гурьева. Тот перстень был среди тех двух, что попали к женевскому лавочнику. Либо это тот, который принес ты, подарок (хотя какой, к чертям,

это подарок — за деньги) твоему отцу, либо тот, что успел побывать в Болгарии. Во всяком случае, эти два перстня когда-то принадлежали Гурьеву и Марату Мурзаеву, правда, какой кому, уже вряд ли удастся узнать.

Ромка слушал раскрыв рот. Багдасаров продолжал:

— Но мы этого даже не предполагали, считая, что перстень Гурьева в Сибири. И пошли по неверному пути. На самом же деле у нас не хватало перстня Клауса Морке, который, как мы считали, давно был у нас в руках. Найти его в который раз помог случай.

Багдасаров задумчиво провел ладонью по волосам.

— Я еще подумал, не слишком ли много случаев помогало мне в поисках? Словно вел кто-то сквозь туман и неизвестность.

— Разве это плохо? — тихо спросил Ромка.

— Кто знает? — неопределенно отозвался Багдасаров после недолгой паузы.

— В общем, когда я вернулся из Киева домой, — возобновил он рассказ, — меня ждало письмо. От кого, думаешь?

— От женевского торговца? — храбро предположил Ромка.

Багдасаров улыбнулся и покачал головой.

— Нет. От моего сослуживца — Леокса Тита. Помнишь?

Ромка кивнул.

— Так вот. Леокс теперь живет в Таллине. Работает в порту. Этой весной он заметил на шее одного иностранного моряка цепочку, а на цепочке...

— Перстень! — догадался Ромка.

— Два перстня, — поправил Багдасаров. — Целых два!

— Как два? — опешил Ромка. — Их же семь! А получается уже восемь!

И подумал: «Снова восемь! Магическое число!»

— Вот и я также удивился. Леокс познакомился с моряком. Его зовут Эрвин Гийс. А девичья фамилия его бабки, — Багдасаров сделал паузу, — Морке.

— Морке, — выдохнул Ромка. И повторил: — Морке.

— Да, Морке. Он служит матросом на судне, которое ходит по маршруту Антверпен — Таллин. Поэтому он часто бывает в Таллине.

— И ты помчался в Таллин, в Эстонию?

— А что оставалось делать? Мы с Димой собрались и живо уехали. Четыре дня назад Гийс, вместе со своим судном, разумеется, пришвартовался в Таллине. Мы за него взялись. Леокс еще раньше пытался уговорить его обменять или продать перстни. Но тот неожиданно уперся, заявив, что если и продаст когда-нибудь, то только человеку, собирающему их. Я его все же уломал, хотя он упирался донельзя.

Тут-то и началось самое интересное. Перстни Гийса значились под номерами шесть и два. Я поинтересовался: откуда они? Тот ответил, что это семейная реликвия, передающаяся по наследству, — стандартный расклад, значит, правда. Истории перстней Гийс не знал, но догадывался, что их несколько штук. У него возникла смутная идея сделать себе целое ожерелье. Гийс в первые часы даже пытался склонить меня к продаже моих перстней. Боже, как я с ним намучился, пока уболтал!

В общем, теперь у меня было восемь перстней, среди них два вторых. Я обратился к одному старому искушенному ювелиру, и оказалось, что... — Багдасаров вдруг замолчал.

— Что? — не выдержал Ромка.

— Что перстень Яна Вылчека, присланный мне из Польши, — поддельный.

Ромка ошарашенно фыркнул, всем своим видом показывая: «Вот это да!»

— Да, подделка. И подделка настолько искусная, что внешне их практически не отличить, все подогнано до микрона. А различаются они вот чем: настоящие перстни изготовлены из сложнейшего сплава, который и в наше-то время получить непросто, а тогда и вовсе невозможно...

— Когда — тогда? — перебил Ромка.

— В середине восемнадцатого века. Когда сработали поддельный перстень, — ответил Багдасаров. — Видишь ли, он изготовлен знаменитым ювелиром-фальшивомонетчиком Уильямом Кроу, настолько искусным, что вскоре подделанные им драгоценности стали цениться не дешевле, чем настоящие, чем оригиналы. Так что этот перстень тоже солидная редкость.

— А поляки тебе его так, за здорово живешь, отослали? — ухмыльнулся Ромка.

— Выходит так, — пожал плечами Багдасаров. — Но вернемся к нашим баранам... Так вот, в сплаве поддельного перстня начисто отсутствует иридий, в настоящих же перстнях и металле оправы замка иридия довольно много. И камень: в настоящих перстнях, ну и замке, конечно, какой-то необычный минерал со странной кристаллической структурой, редкими примесями и анизотропными свойствами. В подделке — самый заурядный александрит, правда, до неправдоподобия похожий на этот самый минерал.

— Вот она, подделка. — Багдасаров протянул Ромке перстень, на первый взгляд ничем не отличающийся от остальных. — И вновь нам остается только гадать, кому и зачем понадобилось подделывать такой перстень.

— Чем дальше заходит эта история, тем больше в ней темных мест, — заметил до сих пор упорно молчавший Дима. Ромка никогда не понимал, говорит ли он серьезно или шутит. Не понял и в этот раз.

Багдасаров тем временем открыл дипломат и поставил на стол завернутый в хрустящий целлофан замок и коробку с перстнями. Теперь все семь ее ячеек были заняты.

Освободив замок от упаковки, Слава сказал:

— Пожалуй, самое время вставить ключ в замок...

Они неторопливо соединили перстни в нужном порядке. Толстая составная трубка, в которую превратились семь перстней, приятно утяжеляла руку. Все трое по очереди подержали ее в ладонях. Потом Багдасаров перевернул ее камнями вниз и решительно вставил в замок.

Трубка уверенно встала на место, тихо щелкнув.

Минута тянулась за минутой, в комнате повисло напряженное молчание. Они ждали, но ничего не происходило.

Наконец Ромка не выдержал:

— Где же дорога?

Его вопрос прозвучал на удивление жалобно.

— Я ничего не вижу...

Багдасаров внимательно взглянул на Ромку и отрешенно прошептал:

— Дорогу не обязательно видеть. По ней нужно просто идти. Где-то я это читал...

Шаг к столу они сделали одновременно, к столу, где покоился вставленный в замок ключ.

— Откуда я знаю? — сердито сказал Багдасаров, словно огрызнулся. — Не сработала, и все.

Ромка требовательно таращился на него и отставать не собирался. Перстни уже рассовали по ячейкам, замок, завернутый в замшу и целлофан, остался в центре пыльного стола.

— Может, мы не учли чего-нибудь. Не выполнили некое условие. Или, наоборот, сделали что-нибудь лишнее. Или выбрали неудачное время. Да мало ли? Что мы в сущности знаем? Почти ничего — собери ключ и вставь в замок. А вдруг это нужно делать лишь в полночь с четверга на пятницу, убив предварительно летучую мышь и сориентировав замок по компасу? Да чтобы в радиусе десяти метров не было ничего железного? А?

— Ерунда, — отрезал Дима.

Ромку распирала досада.

— Ерунда, конечно, — уныло согласился Багдасаров. — Но ведь не сработала эта штуковина!

Федоренко поморщился.

— Погоди, Слава, не пыли. Во-первых, с чего ты взял, что не сработала? Вдруг это мы, олухи, попросту ничего не рассмотрели? Думал над этим?

Багдасаров сел на диван.

— Иносказание? — неуверенно предположил он.

— Необязательно, хотя и не исключено.

— А что еще? Не отпирайся, старший, я вижу, что у тебя есть теория.

Багдасаров оттаял и вновь превратился в прежнего Багдасарова — пытливого, цепкого, расчетливого и спокойного. Ромке, как всегда, досталась роль слушателя.

Дима помедлил, словно взвешивал в последний раз свои мысли и доводы.

— Ты не задумывался, почему практически все восточные философские системы так или иначе называются «Путь»? Путь длинного кулака, путь дракона, звенящий путь? Дажс каратэ —

это «Путь пустой руки», а не просто «пустая рука», как все привыкли переводить. Каратэ-до!

— Своеобразный метод самоуглубления? — вдумался Багдасаров, подхватив мысль и развивая ее. — А что? Сколько мы документов переворошили, сколько информации впитали и перелопатили... Это ведь тоже способ самосовершенствования, путь к себе, грубо говоря. Хм... забавно!

— Другой вариант, — продолжил Дима. — Экзамен. Дорóга открывается только со второго раза. Или с третьего. Цель — проверить, насколько ты в ней нуждаешься. Если один раз попробовал и охладел от неудачи — гуляй, такие не требуются. А если ищешь, пробуешь снова и снова...

— Да ты просто кладезь мудрости, — усмехнулся Багдасаров. — Только у тебя чересчур уж... астральный подход.

— Предложи материальный, — парировал Дима.

— Я уже предлагал: невыполнение какого-либо условия-фактора.

Дима покивал.

— Знаешь, — досадливо сказал Багдасаров, — поспешили мы с тобой в Киев. Зря не стали копаться в дневниках Филиппа-ключника. Откуда у него такое странное прозвище?

Федоренко пожал плечами:

— Еще не поздно!

Багдасаров вздохнул и глянул на Ромку.

— Вот так-то, Ромочка!

Улыбка его была азартной и чуть-чуть грустной. Ромка улыбнулся в ответ.

— Знаете, ребята... Мне кажется, вы уже давным-давно в дороге. Один я на обочине застрял. Возьмите меня с собой, а?

— То есть? — не понял Дима.

— Можно с вами в архив? Ни разу ведь не был. Авось, помогу что-нибудь раскопать.

— Эк хватил! — покачал головой Славик и обратился к Диме: — Ну что, берем его?

— Но учти, — честно предупредил Федоренко, — архив Филиппа в Ярославле, а куда нас потом занесет...

— Ну и ладно, — не смутился Ромка. — Дорога есть дорога!

— Вот и отлично.

Багдасаров любовно уложил футляр с перстнями и замок в дипломат и направился к выходу. Только теперь Ромка вдруг увидел на внутренней стороне двери полустертую надпись. «Via est vita» — гласила она. — «Дорога — это жизнь».

И Ромка понял, что согласен.

Июнь 1987 г.
Багир

От автора

Еще одно обращение к наследию братьев Стругацких, на этот раз осознанное. Рассказ написан в рамках проекта «Время учеников» и впервые опубликован в третьем одноименном сборнике.

Перестарки

Рассказ по мотивам

— Тирьямпампация, — пробормотал Кондратьев.
А. и Б. Стругацкие

Полдень, XXII век

Маврин, конечно же, надулся. Умеет он дуться — лицо сразу делается до невозможности презрительным, уголки рта опускаются, взгляд становится надменным. Сквозь прищур. Выстрел, не взгляд.

Капитан терпеливо вздохнул.

— Ну хорошо. Что ты предлагаешь?

— Ответить! — Маврин даже удивился. Словно бы говоря: «А что тут еще можно предложить?»

Капитан усмехнулся. Ответить! Можно подумать, у них энергии — пруд пруди. Или он сначала замедлиться предлагает?

Связь с Землей они утратили шесть лет назад. То есть теоретически они могли получить сигнал с Земли, теоретически могли даже отправить ответный... но после этого «Форвард» вряд ли бы сумел завершить очередную пульсацию. Завис бы навеки неизвестно где, в душной щели между нормальным

пространством и... пространством ненормальным. Нелинейным. В общем, застрял бы, как монетка за подкладкой.

— Ладно...

Капитан еще раз переспросил. На всякий случай:

— Тебе точно не померещилось?

Маврин опять надулся, но теперь капитан не обратил на это внимания.

— И за аппаратуру ты ручаешься?

— Ручаюсь. Как за себя.

Капитан фыркнул. Это звучало слишком двузначно: либо Маврин правдив до конца, либо свихнулся на пару со своим хваленым фар-спикером.

— Пошли поглядим... Кстати, сигнал дешифруется?

— Не знаю. По-моему, он вообще не шифрован. Кто-то шпарит открытым текстом — в записи скорее всего. На фар только самое начало прорывается, я прослушал и сразу сюда.

Капитан уже более или менее отошел от экстренного пробуждения. Он натянул синий комбинезон, морщась, выпил стакан какой-то дрянной микстуры, поднесенный услужливым диагностером, пошел вслед за Мавриным. В рубку.

Как всегда, после пробуждения зверски хотелось есть. По коже бродили стада мурашек с иголочками вместо лапок, и капитан то и дело массировал затекшие мышцы рук и торса. До которых был в состоянии дотянуться. Очень хотелось — не меньше, чем есть — помассировать и ноги тоже — но не на ходу же? А останавливаться капитану не хотелось вовсе — Маврин опять, наверное, надуется. Нервный он стал какой-то...

«Все мы стали нервные, — подумал капитан. — Все. Черт бы побрал этот космос! Зачем он такой безграничный? Летим к одной из самых близких звезд, давно летим, двадцать лет уже, и только-только подползаем к середине пути. Или к четверти, если обратный путь тоже считать...»

Маврин что-то говорил, оживленно жестикулируя, оборачивался, заглядывал в глаза капитану, и капитан машинально кивал, поддакивал, шевелил бровями, когда было нужно, но думал совсем не о выходках фар-спикера. Думал он обо всем сразу — и ни о чем конкретно.

«Нервные. Станешь тут нервным — «Форвард» прет сквозь пространство, а на экранах ничего не меняется. Ни-че-го. То есть ничего и не должно меняться, и все это прекрасно знают. Но что-то внутри протестует. Вот проснешься к очередной смене — и первым делом на обзорники в галерее. Жадно, словно от этого что-нибудь зависит. И наблюдаешь ту же картину, ту же паутинистую сеть звезд, рисунок которой успел заучить еще на позапозапрошлом дежурстве. Только алая точка на диаграммере смещается дальше от условного знака Солнца. Единственная перемена в рубке...»

— ...не может быть и эхом, потому что ближайшее скопление... — вещал Маврин, и капитан согласно кивал. Солидно так кивал, по-капитански, и глаза Маврина теперь становились занчительными и даже чуть-чуть торжественными. Маврин любил, когда его хвалили. А, впрочем, кто этого не любит?

Двадцать лет. С лишним. Восьмая звездная стартовала и ушла к Сальсапарелле — в долгий, почти нескончаемый путь сквозь световые годы и — увы! — сквозь годы обычные. На Земле прошло уже больше семидесяти. Три поколения, черт побери! Три поколения успело смениться! А они только полпути к Сальсапарелле одолели.

Может быть, правы те, кто считал звездные экспедиции преждевременными? Кто считал их трагическими шагами в бездну? Самарин, например.

Тогда, двадцать лет назад... хотя нет, не двадцать. Меньше — ведь большую часть времени капитан и остальные из экипажа «Форварда» провели в гиперсне. Но иногда капитану казалось, что он действительно постарел на двадцать лет. И — соответственно — стал смотреть на многие вещи немного иначе. Тогда, перед стартом, он презирал всех, кто высказывался против звездных. Считал их перестраховщиками и где-то трусами. И лицо, наверное, при этом у капитана делалось совсем как у Маврина, когда тот недоволен.

Капитан вздохнул. Маврин осекся на полуслове, вопросительно заглянул капитану в глаза. Нескончаемый коридор вел в головную часть «Форварда» — коридор длиною в полтора километра.

— Может быть, стоило взять велосипеды? — озабоченно справился Маврин. — А?

— Ничего-ничего. — Капитан бодро расправил плечи. — Пройтись после сна даже полезно. Сам, что ли, не знаешь?

Маврин смолчал, но взгляд у него теперь сделался подозрительным. Наверное, он воображал, что капитан не умеет читать его взгляды. Хотя Маврин скорее всего также научился читать чужие взгляды...

Восемь человек в огромном корабле. Восьмая звездная. Они изучили друг друга, как узники-соседи по камере, приговоренные к пожизненному заключению.

Полтора километра от жилого блока до рубки. Это еще что, от жилого до реакторного кольца — шесть. Шесть километров. И еще столько же от кольца до дюз, но там коридора, естественно, нет. Там длинные сужающиеся трубы векторных ускорителей и пузатые нашлепки инжекторов на каждой трубе. Людям за реакторным кольцом нечего делать — да и не выживет там человек. Скафандр высшей защиты превратится там в излучение в миллионные доли секунды. Но все же чуть позже, чем человек внутри скафандра. За дюзами оставались обширные области искореженного, изломанного пространства, и никто, даже физики, не мог внятно представить, что там, во-первых, творится, и когда, во-вторых, возмущения сгладятся и пространство придет в норму. А уж почему все это происходит... это вообще вопрос отдельный.

Впереди вставала овальная переборка с овальной же створкой шлюза. Маврин подошел к створке первым, откинул панель и бодро настучал код. Створка медленно провалилась внутрь, освобождая проход. Едва она закрылась, как ожила другая створка, напротив.

Кольцевая галерея, опоясывающая рубку, имела прозрачные стены. То есть, строго говоря, стены были непрозрачные — просто внутренняя поверхность стен представляла собой сплошной панорамный экран. И изнутри галерея выглядела как гигантский прозрачный бублик, зависший между звезд.

Капитана всегда раздражало, что на части экрана, обращенной к корме, где полагалось быть коридору и могучим тягам-станинам, телу «Форварда», беззаботно сияли звезды. В том

числе родное наше солнышко. Отчего-то все время казалось, что рубка оторвалась от корабля и летит себе не пойми куда, в межзвездную пустоту, не в силах ни замедлиться, ни ускориться, ни даже сманеврировать.

Какой психолог это просмотрел? Его бы сюда, да после шестимесячного дежурства... В голос бы взвыл!

Едва миновали еще один шлюз, из галереи в рубку, капитан свернул налево. В сортир. Организм просыпался после долгой спячки. Маврин тактично покосился и ушел собственно в рубку, где сразу же уселся у пульта фар-спикера.

Капитан вернулся спустя несколько минут.

— Вот! Вот! Глядите сами! — заорал Маврин, едва капитан вошел в круглый, как монета, зал. Мозг «Форварда», если угодно. Самое главное помещение на звездолете.

Но капитан первым делом взглянул, конечно, на диаграммер. Алая точка сместилась, но не так далеко, как он ожидал. Конечно, ведь разбудили его раньше, чем предполагалось...

На рисунок звезд капитан взглянул еще в галерее. На знакомые до отвращения очертания созвездий.

— Глядите! Опять принимает! — не унимался Маврин.

Приемник фар-спикера мигал глазком индикатора. Он действительно что-то умудрялся выловить из окружающего эфира. Немного — всего шестьдесят четыре символа. Шестьдесят четыре байта. Одну-единственную строку. Остальное обрезал странный и неразгаданный пока закон фар-связи в режимах пульсации.

форвард прекратите пульсацию экстренно объяснения после земля

Шестьдесят один символ и три пустых в конце.

Капитан тупо глядел на монитор. До сих пор он не мог поверить, до сих пор надеялся, что все как-нибудь просто и естественно объяснится, что все окажется не более чем неожиданным и приятным приключением, отвлекающим от рутины нескончаемого полета к Сальсапарелле.

Но все оказалось не так. Маврин ничего не напутал и ничего не приплел. Ничего ему не померещилось, и он не сошел с ума. Хотя оставался шанс, что они оба сошли с ума и что у них сходный горячечный бред.

До завершения очередной, семнадцатой пульсации оставалось еще полтора месяца. Потом — короткое пребывание в обычном пространстве, придирчиво-тщательная ориентировка, расчеты и очередной прыжок за подкладку мироздания, когда четырнадцатикилометровый корабль-песчинка замирает посреди бесконечного ничто и только далекие и равнодушные звезды видны из-за подкладки. Вблизи же не видно ничего. Да и нет ничего вблизи, кроме осколков пространства.

Но кто тогда посылает сигнал? Осколки пространства?

Капитан с трудом подавил желание длинно выругаться.

— Надо тормозить! — без обиняков сказал Маврин. — А, капитан? Раз ответить не сумеем — тормозить надо.

«Дьявол! — подумал капитан. — Представляю, что начнется, когда придет Самарин, штатный циник восьмой звездной!»

Капитан наперед знал, что тот скажет, потому что Самарин уже тысячу раз говорил это. При всех. Еще на Земле, перед стартом.

Что они не долетят до Сальсапареллы. Что за годы полета на Земле пройдет уйма времени — и люди научатся прыгать к звездам. Прыгать, а не тащиться годами. И что все их мучения окажутся напрасными.

Капитан знал даже, какие именно слова скажет Самарин. Способ быстрого полета к звездам он назовет тирьямпампацией. Он будет говорить о музее Самарина в Вологде, сплошь мемориальных досках и о рогатом шлеме, который якобы носил Самарин в детстве. И о нехороших ассоциациях, связанных с бюро Вечной Памяти. И о моложавых потомках еще что-то скажет. А участников восьмой звездной назовет перестарками.

— То-то Самарин раздухарится, — проворчал Маврин, косясь на капитана.

Капитан слабо пошевелился.

— Мысли ты, что ли, читаешь?

— Только учусь, — отозвался Маврин с неожиданной тоской в голосе. — Капитан, неужели он прав?

— Как видишь, не совсем. — Капитан пожал плечами. — Он прогнозировал веселье по возвращении из полета, а потомки, похоже, оказались гуманнее. Они решили предупредить нас еще по пути туда.

— Предупредить? — не понял Маврин.

— Предупредить, — холодно пояснил капитан. — Что Сальсапарелла давно изучена, что они туда летают на уик-энд и что там теперь искусственная планета-курорт размером с Юпитер. Или как там в книге-то?

— А-а-а, — дошло до Маврина. — И на том спасибо. Сколько лет мы сэкономим? Шестьдесят, что ли?

— Около того, — отозвался капитан. Мрачно отозвался. Очень мрачно.

— Зося не выдержит, — вздохнул Маврин. — Столько лет коту под хвост? Нет, точно не выдержит.

форвард прекратите пульсацию экстренно объяснения после земля

— Буди экипаж, — устало сказал капитан и поднял глаза на Маврина. — Слушай, где ты коньяк прячешь?

Маврин покраснел.

— Вы действительно знали?

— Сережа, в моем экипаже идиотов нет. Просто мой коньяк нашел Шапиро и, конечно же, выдул. А в каюту идти мне лень.

Маврин вздохнул и полез под кресло, в зип фар-спикера. Извлек початую бутылку «Юбилейного», сбегал на кухню и притащил пару стаканов. Дунул в них зачем-то, налил на два пальца каждому.

— Может, еще и бутербродики сообразишь? — попросил капитан. — Чес-слово, шевелиться не хочется... Ноги дрожат.

— Момент, Михалыч! — Маврин засуетился, поставил стакан с коньяком на пульт, отпихнул ногой раскрытый чемоданчик зипа и вскочил.

— Побудку-то все-таки включи. Время идет... — проворчал капитан.

Маврин торопливо заколотил по клавишам дежурного терминала. В полутора километрах отсюда вспыхнул ослепительный свет, выдергивая медблок из темноты, зацокали диагностеры, поднялись колпаки камер гиперсна. Пятеро звездолетчиков начали двухчасовой путь от небытия к жизни. А Маврин зайцем ускакал на кухню и чем-то там зашуршал, чем-то зазве-

нел. Там Маврин чувствовал себя хозяином. Почти как за пультом фар-спикера.

— Кстати, — спросил капитан, повысив голос, — а где Маша?

— Спит! — прокричал Маврин с кухни, заглушая ровное гудение микроволновки. — Я на нее наорал, и она обиделась. Неделю уже.

— В смысле — гиперспит? — удивился капитан; одним глотком выпил коньяк и болезненно поморщился. — Осел ты, Серега. Разве можно так с женщинами?

Маврин виновато шмыгнул носом, опять громче микроволновки.

«Гиперспать» — это слово Маша же и изобрела. «Пойду-ка я погиперпосплю...» Остальные на «Форварде» радостно подхватили это громоздкое словечко и употребляли его к месту и не к месту.

Маврин вернулся с подносом; увидел, что стакан капитана пуст, и вновь плеснул на два пальца «Юбилейного».

— Между прочим, — едко сказал капитан, — коньяк принято пить из бокалов. Пузатых таких бокалов. — Он показал каких. — На кухне в шкафу стоят, мог бы и отыскать. А ты — как студент, из гранчака.

Глаза у Маврина сделались наполовину виноватыми, наполовину озорными; сочетание было на редкость забавным. Капитан даже фыркнул. От выпитого коньяка по жилам растекалось приятное тепло, и отступала противная пустота в груди.

Пустота, порожденная боязнью, что Самарин окажется прав. Что дело, которому они посвятили всю жизнь, уже сделано другими людьми, сделано лучше, проще и надежнее.

И что они вернутся на чужую Землю, Землю будущего века, вернутся в качестве живых ископаемых, в качестве беспомощных экспонатов исторического музея.

Они чокнулись и выпили — капитан восьмой звездной Виктор Сперанский и кибернетист восьмой звездной Сергей Маврин. Выпили и взяли по бутерброду с изящного, разрисованного диковинными цветами подноса.

— Кстати, — сказал Маврин с набитым ртом, — а пульсацию прервать? Время-то идет, как вы изволили выразиться...

— Не раньше, чем проснутся остальные и мы обсудим этот вопрос, — спокойно отозвался капитан. Так спокойно, что Маврин даже жевать перестал.

— То есть — обсудим? Вы же капитан!

— А вдруг я сумасшедший капитан? А? — спросил Виктор, стараясь говорить спокойно. — А ты — сумасшедший кибернетист-связист-дежурный?

Маврин только глазами недоуменно хлопал. Капитан развивал тему:

— Вдруг это просто галлюцинация двух сумасшедших звездолетчиков? Навеянная, скажем, бутылочкой-другой «Юбилейного»?

Маврин немного обиделся:

— Я сегодня не пил... А даже если и пью иногда, то уж не до галлюцинаций... К тому же сходных галлюцинаций у разных людей, по-моему, не бывает.

— Много ты знаешь о галлюцинациях, — проворчал капитан. — Вот придут все, тогда и поглядим. Одинаковые галлюцинации сразу у восьмерых — вот это действительно маловероятно. А у двоих...

Капитан неопределенно пошевелил пальцами.

— Да ты наливай, наливай, — добавил он негромко.

Маврин подчеркнуто четким движением взялся за бутылку.

Коньяк они допили. Бутерброды доели. Промолчали минут пятнадцать, и тут шлюз тихо пропел, открываясь. Вошел Герман Шапиро, физик, химик... и обладатель еще дюжины специальностей, как это принято у звездолетчиков. Велосипед Герман зачем-то протащил сквозь шлюз и прислонил к стене рядом с дверью в кухню.

— Что случилось? — ровным голосом спросил он и натолкнулся взглядом на бутылку из-под коньяка, по прежнему стоящую на краю пульта. Брови Германа поползли на лоб.

— Да вот, — небрежно сказал капитан. — Кто-то мой коньяк упил, пришлось Серегу раскручивать. Ты не знаешь — кто?

Шапиро замялся. Кончик носа у него предательски покраснел.

— Я думал, это коньяк Самарина...

— Самарин коньяк в библиотеке прячет, — сообщил Маврин со знанием дела. — На второй полке, слева. За «Железной башней» Строгова. Она как раз толщиной с бутылку и высотой тоже.

Шапиро мельком взглянул на диаграммер и вздохнул.

— Так что случилось-то?

— Полюбуйся на фар-спикер, — посоветовал Маврин.

Единственная строка все еще тлела в кубе монитора. Шапиро взглянул и насупился.

— Что это еще за новости?

— Это значит, — жестко сказал капитан, — что Самарин, кажется, прав.

Шапиро не успел ответить — снова пропел шлюз и в рубку ворвался расхристанный, как всегда, Леша Самарин. Комбинезон у него был застегнут косо и не на все пуговицы, ботинки — не зашнурованы, а кепка надета задом наперед. Он единственный из экипажа носил кепку — никто не знал, зачем или почему. Может быть, мерз?

— Что Самарин? Что Самарин? Самарин всегда прав!

Он задержал взгляд на диаграммере.

— Ух! Всего-то! Я думал, дальше отползли. Какое число сегодня? Я часы забыл. И месяц какой заодно?

— Десятое апреля, — не задумываясь, ответил Маврин.

— Девчата где? — осведомился капитан.

Самарин пожал плечами:

— Прихорашиваются, где же им быть? Это мы, балбесы, чуть гиперпроснулись — и в рубку...

Самарин улыбнулся, но тут взгляд его упал на монитор фар-спикера и улыбка медленно сползла с его губ.

— Да, — сказал капитан. — Похоже, мы таки дождались.

Он внимательно глядел на Самарина, и Серега Маврин внимательно глядел на Самарина, и невозмутимый Шапиро тоже. А Самарин, штатный циник «Форварда», вдруг впервые за много лет полета стал растерянным — у него даже губы задрожали. Он молчал. И продолжал неотрывно глядеть на единственную строку на мониторе.

— Леша, а Леша? — ласково сказал умница-Шапиро. — Где ты прячешь коньяк? А то кэп с Серегой все выпили...

Капитан мрачно пропел панихиду экспедиционной дисциплине. Про себя пропел, конечно, не в голос.

— Коньяк? — отозвался Самарин нетвердо. — В библиотеке... Сейчас принесу...

И он уныло поплелся к шлюзу. Его бутылка оказалась непочатой.

Они приканчивали ее, когда вошли девчата — все как одна свежие, подтянутые и благоухающие.

— Привет, звездные волки! — радостно поздоровалась Марина, жена капитана. Увидев тару с коньяком и без, она удивленно округлила глаза.

— Ничего себе! Пьянка на рабочем месте? Мы что, уже прилетели? Досрочно?

— Вот именно, — буркнул Самарин. — Прилетели.

Самарин снова становился циником. Жена его, Тамара, мельком взглянув на диаграммер, немедленно принялась по-людски застегивать и одергивать его комбинезон и тихо что-то выговаривала ему.

— Фар-спикер принял сообщение, — официальным тоном объявил капитан. — Попрошу ознакомиться и высказаться.

Для «ознакомиться» понадобилось меньше минуты.

— Значит ли это, — вздрагивающим голосом спросила Зося Симушкевич, жена Германа, — что наш полет досрочно завершен по сценарию Алексея?

— По форсированному сценарию Алексея, — поправил Самарин.

Зося повернулась к нему.

— По форсированному сценарию Алексея, — согласилась она и вопросительно поглядела на капитана.

Капитан почему-то обрадовался возвращению Самарина в роль штатного циника. Самарин с дрожащими губами нравился ему куда меньше — как капитану восьмой звездной. А вот как человеку... «Впрочем, вздор! Ты — капитан, Виктор. Сейчас ты капитан, и отвечаешь за них всех. В том числе за собственную жену».

— Ребята, — сказал капитан терпеливо. — Я знаю не больше вашего. Я видел ту же строку на мониторе, что и вы. А Сережа Маврин ее принял — только и всего. Я сижу здесь, —

капитан взглянул на часы, — уже полтора часа. И полтора часа пью коньяк. Потому что боюсь: все окажется именно так, как расписывал Самарин, и нам ничего не остается, как вернуться на Землю средствами наших далеких потомков и, вместо того чтобы стать первоисследователями одной из звезд, сделаться историческим курьезом эпохи досветовых полетов.

У нас есть два пути. Путь первый: плюнуть на все и не прерывать пульсациию. И скорее всего стать курьезом, бессильным в своем упрямстве и упрямым в своем бессилии. И путь второй: замедлиться и узнать, в чем дело.

— Вдруг окажется, что все не так уж плохо, — вставил Шапиро. — Вдруг они просто догнали нас, потому что научились летать немного быстрее. И хотят просто сэкономить нам пару лет.

Самарин поразмыслил и немедленно возразил:

— А если окажется, что это какие-то необъяснимые глюки фар-спикера? Тогда мы потеряем несколько лет на прерванной пульсации.

Все невольно взглянули на Маврина, повелителя пульс-связи.

— Ну, — спросила Маша, простив, наверное, уже своего непутевого мужа. — Могут у твоей шарманки случиться глюки?

Маврин неопределенно пожал плечами:

— До сих пор не случались. Но кто поручится?

Некоторое время все переглядывались.

— Я с трудом могу представить себе человека, который в подобной ситуации протестовал бы против решения замедлиться и выяснить, в чем дело, — осторожно сказала Марина и украдкой переглянулась с мужем. Капитан мысленно поблагодарил ее.

— Я тоже, — присоединился Шапиро.

— Два, — подытожил капитан. — Точнее, три, я тоже за остановку. Остальные? Я не торроплю. Можете подумать.

— Что тут думать! — воскликнул Маврин. — Я чуть сразу не остановил пульсацию. Но потом все-таки решил посоветоваться с нашим уважаемым капитаном! — Маврин картинно поклонился в сторону Виктора.

— Спасибо, — серьезно сказал капитан. — Уважил!

Зося мучительно улыбнулась. Именно мучительно. Капитан тотчас пожалел, что решился шутить в такой неприятной ситуации.

— Ну что, Зося? — участливо спросила Маша. — Присоединимся к мужьям? Не допустим в семьях разногласий?

Зося зябко передернула плечами.

Капитан хотел сказать: «Итак?», — но вспомнил, что пообещал никого не торопить.

— Да что там, капитан, — взмахнул рукой Самарин. — Верти рубильник. Лучше быть неудачниками, чем идиотами.

— Есть возражающие? — осведомился капитан, прикрыв глаза. Ответом ему была мертвая тишина.

Капитан выждал добрую минуту.

— Маврин, — скомандовал он потом. — Ты дежурный. Приказываю: ввести программу на прерывание пульсации.

И на душе сразу стало легче. Все, решение принято... а там хоть в омут головой. Это легче, чем стоять на бережку и мучительно выбирать: прыгать? не прыгать?

Только бы вода оказалась не слишком холодной.

— Мальчики, — тихо спросила жена капитана, — а мне коньяку нальете? Немножко...

— Попроси Серегу, — невозмутимо посоветовал Шапиро. — Он ведь дежурный. Или даже нет — не попроси, прикажи.

Марина улыбнулась. Натянуто, напряженно, но улыбнулась.

И капитан в который раз порадовался, что ему достался хороший экипаж.

Лучший.

Возвращение из-за подкладки мироздания в обычный космос всегда проходило незаметно. В какой-то момент пространство за кормой «Форварда» просто перестало сминаться и крошиться, скорость стала просто скоростью, не дотягивающей до светового барьера процентов десять, и продолжала стремительно падать. Система искусственной гравитации работала теперь в режиме компенсации, гасила перегрузки отрицательного ускорения. Запустилась вся аппаратура обычной ориентировки; Маврин, сидя в кресле дежурного, обшаривал мегаметры окре-

стного пространства. Искал тех, кто отправил те самые шестьдесят четыре байта. Строку, которая одним махом убила восьмую звездную.

— Вот он! — выдохнул Маврин, на миг прекратив яростно колотить по клавиатуре. Локатор высвечивал на экране крошечную точку. Пылинку. — Какой крохотный!

Вскоре точек стало две — их встречал даже не один корабль.

«Надо же, экая помпа! — подумал капитан с раздражением. — Целых два корабля!»

— Давай связь, что ли... — поторопил он Маврина. Хотелось побыстрее покончить со всем. Выслушать заранее известные слова и понуро идти собирать вещички.

«Интересно, — отстраненно подумал капитан, — а что станет с «Форвардом»? Как они его назад к Земле гнать будут? Или бросят здесь? Вряд ли бросят, все-таки бездна труда в него вгрохана. Сколько оборудования, сколько сырья... Хотя все оборудование, понятно, устарело, причем безнадежно. Что до сырья... Наверное, потомки изобрели какой-нибудь синтез. Не смирятся же они с недостатком сырья? А сырья всегда не хватает...»

Капитан потряс головой, отгоняя назойливые и никчемные мысли.

В тот же миг ожил экран перед пультом — установилась связь. На них взглянул потомок. Очень, надо сказать, моложавый потомок, на вид ему трудно было дать больше двадцати лет. Капитан невольно покосился на Самарина.

Самарин был мрачен, но глядел на потомка с неприкрытым интересом.

— Сейчас нам расскажут о легенных ускорениях, к которым нам не следовало прибегать, а мы тем не менее прибегли... — буркнул он. Капитан с неодобрением на Самарина покосился, но тот умолк, и капитан ничего не стал говорить.

— Фу-у! — облегченно выдохнул потомок. — Наконец-то! Четвертый день за вами гоняемся...

У капитана что-то оборвалось внутри. Четвертый день. Мда. Они уродовались в этом гигантском металлическом гробу годы. Двадцать лет в общей сложности.

И — «четвертый день». Масштаб просто убил капитана. Уничтожил на месте. Распылил и развеял по всему космосу.

Можно было готовиться к участи музейного экспоната.

Потомок улыбался. Открыто и дружелюбно. Он ничего не понимал, наверное. Кому в двадцать лет доводилось пережить крушение мечты?

— Здравствуйте, восьмая звездная! Для вас есть хорошие новости!

— Не сомневаемся, — ядовито ответствовал Самарин. — А какие именно?

Потомок подобрался, принял официальный вид и заявил:

— Говорит Тарас Вознюк, курсант школы космогации. Малый поисковик «Клен сто семь». Первым делом: ваше локальное время? С момента старта.

— Виктор Сперанский, капитан восьмой звездной. Бортовое время: двадцать первый год, сто двадцать шестые сутки полета, время — семь тридцать... уже тридцать одна.

Вышло чересчур сухо; капитан вдруг подумал, что зря он так. Ведь этот паренек ни в чем не виноват.

Другое странно. Все-таки капитан надеялся, что разговаривать с ними будет кто-нибудь из правительства, из космического ведомства, наконец. А тут — какой-то веснушчатый кадет...

Странно. Очень странно.

— Ага... Понятно, — протянул Тарас, кивая. — Жаль, вчера мы не перехватили вас на входе в пульсацию. Вы года три лишних потеряли...

Тут кадета кто-то, похоже, пихнул в бок. Он повернул голову и переглянулся с кем-то за обрезом экрана.

Самарин с леденящей душу вежливостью осведомился:

— А нам позволено будет поинтересоваться — какой год сейчас на Земле? Или никаких вопросов — сразу в карантин?

— Карантина не будет, — так же вежливо ответил Тарас. — А на Земле сейчас две тысячи триста сорок второй год, июль, двадцатые числа. Плюс-минус два-три дня, я не уточнял девиацию. Теперь полеты и время связаны не так, как раньше, вы, наверное, уже догадались.

— Несомненно, догадались, — процедил Самарин. — Ты давай, давай, рассказывай, кадет. Об участи нашей неизбежной. Сразу нас на помойку выбросят или сначала историкам отдадут?

— Самарин! — жестко предупредил капитан. — Полегче!

Самарин вздохнул. «Вряд ли он угомонится», — подумал капитан с безнадегой. Но кадета, похоже, смутить было трудно.

— Как вы уже поняли, на Земле выполняется программа перехвата звездных экспедиций на досветовиках. Мы пришли за вами, восьмая. Виктор Михайлович, я представляю ваши чувства, но поверьте: все обстоит совсем иначе, чем вы думаете. Конечно, полет «Форварда» будет прерван, потому что досветовики себя изжили и ломиться к Сальсапарелле еще двадцать лет нет никакого смысла. Я не знаю, чего вы ожидали — первым делом психологов или земных лидеров, знаю только, что не меня вы ожидали увидеть и услышать, не курсанта-практиканта.

Незачем вам психологи, ничего страшного не произошло и не произойдет, мы все работаем и будем продолжать работать, каждый будет заниматься своим делом...

К удивлению капитана, никто Тараса Вознюка не перебивал, даже Самарин. Все слушали. Затаив дыхание.

— И вы продолжите свое дело, просто немного поменялись условия. Только и всего. Поговорить, конечно, надо, и не следует воображать, что разговор предстоит особенно долгий. Но, полагаю, вы не станете возражать, если мы поговорим живьем? Гасите скорость до стыковочной, к вам сейчас подойдет «Февраль» — это парный звездолет, — и «Форвардом» займутся специалисты-шаттехники, он свое отслужил. Вы погрузитесь на «Февраль», пройдете курс реабилитации и продолжите экспедицию. Все в порядке.

Тарас просто обязан был сейчас улыбнуться. И он улыбнулся.

— Простите, — переспросил Шапиро с легким недоумением. — Что значит — продолжим экспедицию? Нас что — не снимают? Мы еще на что-то годны, по-вашему? Или на Земле все годы после нашего старта прогресс стоял на месте?

— Нет, не стоял, и наша встреча — лучшее тому подтверждение. Решен вопрос межзвездных перелетов, как нетрудно догадаться. У Сальсапареллы будете через две недели, как раз реабилитацию успеете пройти. Техническую реабилитацию, вы ведь все специалисты и, соответственно, вам нужно скорректировать профессиональные навыки в свете современной науки. Современной нам. Надеюсь, вы понимаете, что наука с момента вашего старта несколько продвинулась?

— И что, кто-нибудь полагает, что нас можно переучить? — недоверчиво протянул Самарин. Яда в его голосе уже не было. Испарился. Остались удивление и некоторая растерянность.

— Не полагает, а точно знает. Методика отработана. А чтобы было понятнее, знайте: перед вами человек, который снял с трассы четыре звездные. Вы — пятые.

Тарас говорил не без гордости, но капитана мало интересовали достижения кадета. Другое его интересовало.

— Пятые? А кого уже сняли?

— Я снимал десятую, двадцать седьмую, тридцать седьмую и сорок четвертую.

— Десятую? Которую вел Харченко?

— Нет, — помотал головой Тарас. — Харченко повел двенадцатую. Спустя девять лет после вашего старта.

К тому моменту «Форвард» уже разогнался и утратил связь с Землей. Значит, что-то изменилось и Харченко не попал в десятую. «Впрочем — о чем я? Отвлекаюсь...» — подумал капитан.

— А что, — осторожно поинтересовался Маврин, — Сальсапарелла еще не изучена?

Тарас помотал головой, так что рыжая его шевелюра заволновалась, как трава на ветру.

— Нет, конечно. Когда? Мы строим новые звездолеты всего четыре года, и первая программа, которую утвердили к выполнению в совете космогации, — это программа снятия звездных экспедиций с досветовых кораблей. К тому же на Земле не хватает космонавтов. Они все в космосе, в звездных. Я курсант, и первый выпуск в нашей школе только в этом году. Через пару месяцев. Собственно, я буду в первом выпуске, а сейчас у курсантов практика. Очень интересная практика!

Тарас расплылся в улыбке.

— И, кстати, — добавил он вскользь, — никто не строил у Сальсапареллы искусственных планет, а в Вологде не создавал музея. И бюро Вечной Памяти у нас нет.

Восьмая звездная пораженно замерла. Восьмая звездная затаила дыхание, так что стало отчетливо слышно тиканье сильдокорректора. Семеро из восьмой звездной дружно поглядели на ошеломленного Самарина, а ошеломленный Самарин — на своих коллег.

А Тарас громко и заливисто расхохотался. И пояснил:

— Нет, не думайте, что мы научились читать мысли. Просто все космонавты очень любят эту книгу. И десятая, и двадцать седьмая, и сорок четвертая.

И мы ее тоже любим. Не слишком странно, правда ведь?

9—10 октября 1997 г.
Москва

От автора

История этих произведений («Хозяева Поднебесья» и «Трель певчей совы»), связанных одним миром, да и история собственно мира, началась летом 1993 года в Тирасполе, на одном из последних (а возможно, и вообще на последнем) семинаров ВТО. Меня и Сергея Лукьяненко поселили в одном номере, и мы в свободное время развлекались как могли — рисовали новые карты для компьютерной игры «Warlords», которой в то время страстно увлекались, пили прекрасное местное вино, пририсовывали к детским рисункам на асфальте Ёроол-Гуя, дабы Слава Логинов по пути из корпуса в столовую удивился, придумывали фантастические миры... Описываемый мир родился и развился именно тогда, и в далеком 93-м мы с Сергеем были твердо убеждены, что напишем совместный роман об этом мире.

Увы, жизнь распорядилась иначе: я написал две новеллы и начало романа, а Сергей — ничего; вместе же мы написали роман (пока один) на совершенно ИНУЮ тему. Но придуманный тогда мир живет. У меня даже где-то валяется в архивах шутливая расписка, в коей Сергей разрешает мне описывать все, что мы тогда обсуждали, без него.

На будущее я планирую написать еще несколько новелл о мире Листьев и его обитателях; все новеллы (вместе с уже написанными и наряду с повестью «Проснуться на Селентине») войдут во все тот же роман «Заповедник» в качестве историй, рассказываемых местным бардом, и окажут заметное влияние на развитие сюжета.

Хозяева Поднебесья

1

Клауд шумно вспорхнул, взрезал острыми крыльями воздух и канул вниз, за третью кромку. Браслет он упрямо сжимал в массивном клюве.

Сначала ло Вим колебался: глянуть ли за край, или сразу же искать подходящий клен. Раз клауд сунулся вниз — значит рядом плывет еще один Лист. Решил для начала взглянуть, тем более что совсем недалеко, сразу за второй кромкой, росло несколько кленов с шикарными семенами-крыльями.

Так и есть: чуть ниже, метрах в ста к солнцу, величаво парил Лист. Гигантское зеленое блюдце пятикилометрового диаметра. Молодой, лет двадцати. Значит, пока необитаемый. Красное оперение клауда мелькало за второй кромкой; ло Вим отполз от края и бросился к клену. Выбрал крылья, перерубил мечом мясистый стебель, захлестнул упряжь на семенах и просунул руки под истертые кожаные лямки. Теперь он походил на птицу, раскинувшую рыжие чешуйчатые крылья, или на гигантскую стрекозу. У третьей кромки он поймал ветер, взошел на рыхлый полузасохший вал и шагнул за край, в пустоту. Тугие воздушные струи заставили крылья петь; пьянящая радость полета охватила ло Вима, как всегда, он заложил несколько крутых виражей, не в силах выразить восторг иным способом.

Однако клауд мог удрать. Ло Вим чуть двинул крыльями и заскользил к новому Листу.

Сел он за первой кромкой, мягко спружинив ногами. На мясистой плотной поверхности Листа выступил зеленоватый сок.

Клауд, нахохлившись, сидел на верхушке молоденькой пихты и глупо таращился на ло Вима.

Стрела тихо легла на тетиву.

На этот раз ло Вим не промахнулся: клауд, пронзенный насквозь, неловко свалился на толстую хвойную подушку; верхушка пихты так и осталась изогнутой.

Теперь можно было не торопиться. Освободив упряжь, ло Вим бережно уложил ее в заплечную сумку; отыскал поблизости полость и бросил в клейкое густо-зеленое месиво крылья-семена: пусть здесь вырастет клен. Вытер меч и лишь после этого подошел к поверженному воришке-клауду. Первым делом браслет: с трудом разжав клюв, ло Вим наконец коснулся магической вещи. Изжелта-тусклый металл приятно холодил пальцы. Тончайшая вязь, работа древних мастеров... А какие камни!

Браслет он завернул в чистую тряпицу и заботливо уложил на самое дно сумки. Теперь стрела: зачем бросать зря? Поддев ножом, освободил ее, оттер загустевшую кровь и сунул в колчан, а тушку клауда спровадил в полость вслед за семенами клена. Там жадно забулькало: Лист любил мясо. Ло Вим тоже любил мясо, но клауда стал бы есть только в очень голодное время, а сейчас, хвала Высоте, пищи на Листах хватало, благо лето. Северная зима сей год выдалась мягкая, да еще Лист не летал в этот раз к полюсу — чем не жизнь? Вот еще бы южную переждать так же...

Солнце плыло к горизонту точно на западе — стояла самая середина лета. Скоро точка заката станет смещаться к югу, а день и ночь будут укорачиваться, пока Солнце вовсе не перестанет прятаться за горизонтом. Впрочем, как и подниматься над ним: будет маячить багровым полукругом, выставив из-за края Мира крутой бок, и будут висеть долгие сумерки южной зимы. А потом Солнце неспешно колыхнется у точки Юга, оставив над горизонтом всего четверть диска, а потом подрастет. Пока в первый раз не спрячется, совсем ненадолго. А еще позже Мир и Высота снова вспомнят, что такое ночь.

Так было на экваторе, где обычно парили Листы. Но на полюсах, ло Вим знал, все совершенно иначе. Полгода туда вообще не приходит Свет. Потом розовый краешек светила осторожно выглядывает из-за горизонта, словно желает удостовериться: нет ли чего страшного? И начинает Солнце кружить, постепенно поднимаясь. А потом оторвется от горизонта, взберется по спирали выше и выше и застынет в зените. Повисит неподвижно — и так же по спирали спустится, чтобы скрыться на полгода. Чудно там на полюсах.

Ло Вим полюса не любил. Полгода мрак и холод, полгода жара — и беспощадные потоки света. Иное дело экватор: день-ночь, зима-лето-зима, всего в меру — и тепла, и прохлады, и тьмы, и Солнца. Не зря Листы почти всегда парят здесь. Кому охота жариться? О холоде речи нет: на ночной полюс Листы не летали никогда.

А вот дневной приходилось видеть: каждый Лист раз в два—четыре года спешил туда, чтобы соединиться с другими в сплошной многокилометровый ковер. Нелетающая и непарящая живность в это время кочевала с Листа на Лист, ветер разносил споры и семена, молодые Листы отделялись от материнских и уходили в самостоятельный полет. Да и люди обычно переселялись на новый, свежий и полный сил Лист именно в эту пору, давая возможность прежнему отдохнуть и восстановиться, ибо жить бесконечно на одном и том же Листе нельзя, ведь он кормит и поит людей, а значит, отдает им часть своей жизни. Люди никогда не задерживались на Листах дольше срока: зачем губить свой летающий Дом?

Лист, приютивший клан ло Вима, нависал чуть не над самой головой. Снизу ясно виделись молодые побеги. Выпуклое тело, похожее на тяжкое зеленое облако, казалось необъяснимо уместным здесь, в небе.

Ветер гнал оба Листа вдоль побережья Кольцевого Океана, опоясавшего Мир по экватору. Ничто не предвещало перемены погоды, Листы так и будут лететь вместе, изредка меняя высоту и сближаясь. А раз так, можно и поохотиться. Проверив оружие, ло Вим быстро зашагал в глубь Листа, решив не спешить с возвращением.

Пихты и секвойи становились все выше — в два-три человеческих роста. Поверхность Листа устилал пожелтевший ковер из плотно слежавшейся хвои и сухих веток. Под ногами шныряли джары — крупные, с ладонь, короеды. Миграция у них, что ли? Обычно их вот так запросто не встретишь.

Ло Вим шагал к лиственной зоне. Деревья росли на Листах всегда одинаково: у полуиссохшего черенка («кормы») — лиственные: платаны, клены, акации, браки. На «носу» — хвойные: пихты, веши, секвойи, сосны. Конечно, одиночные деревья попадались и в чужой зоне, но довольно редко. Только клены, дающие людям крылья, встречались чаще остальных, особенно между второй и первой кромками. Неудивительно: ведь все, имеющие крылья, садились именно здесь, между кромками, и бросали семена в ближайшую полость. А клен — дерево неприхотливое, да и Листы их любят...

«Хорошо бы добыть зубра...» — думал ло Вим на ходу. Хотелось обрадовать клан и Семью достойной добычей. Клыкастые и коварные хищники беспощадно истреблялись на обитаемых Листах; добыть же зубра на стороне считалось доблестью.

Торопливо убрался с дороги желтый барсук, поедавший ягоды вики. Свистали в ветвях пересмешники. Доносился дробный перестук дятлов-кочевников. Лист, несмотря на молодость, кишел живностью.

До полян, обычных на границе хвойной и лиственной зон, взгляд охотника не встретил ничего достойного стрелы или клинка. Оставалось надеяться на лиственную: дичи там, как правило, больше. Травоядные держались ее из-за богатого подлеска, хищники — из-за травоядных. Да и вообще на корме жизни всегда больше, чем на носу.

Ло Вим вышел на поляну; лучи Солнца косо падали на овальную проплешину и после лесного сумрака были нестерпимо ярки. Густая трава, взросшая на зеленом теле Листа, разостлалась пушистым ковром. Табунок оленей рванулся с поляны в чащу. Ло Вим улыбнулся: наверное, до темноты успеет добыть ужин для всего клана.

На хоженную тропинку он набрел, пересекая следующую поляну. Вряд ли зверью по силам протоптать такую. Значит,

здесь кто-то живет? Абсурд. Обитай здесь чей-нибудь клан, ло Вим давно бы уже встретил следы человеческой деятельности. Оставалось почти невероятное — отшельник. Много лет ло Вим и клан логвита Анта не слышали об отшельниках. Большинство, особенно молодежь, считали, что их и не было никогда.

Ло Вим замер, глядя на тропинку и погрузившись в размышления. Но ненадолго.

Потому что...

...что-то гибкое и тяжелое обрушилось на него со спины. Бок и правое плечо пронзила острая боль. Тело сработало само: левая рука молниеносно сомкнулась на рукояти кинжала и вспорола бок нападавшему.

Зубр — а это был именно зубр, — взревев, метнулся в сторону. От толчка ло Вим упал. По плечу и раненому боку струил горячий кровавый поток. Оскалив белоснежные клыки, зверь готовился к новому прыжку. Зубки у него были ого-го, не зря же его нарекли зубром...

Собрав в тугой комок волю и остатки сил, ло Вим поднялся на колени, кинжал ткнул в землю, отметив место, и, шипя, извлек меч. Было это ужасно неудобно, однако ло Вим забыл об удобстве — дело коснулось жизни, и думать было некогда. Бой — время мудрости рук.

Зубру тоже досталось: алое пятно расползалось по боку, кровь струила сквозь густую желтоватую шерсть.

Медленно-медленно ло Вим поднялся и осторожно попятился к деревьям. Зубр, рыча, надвигался — неумолимый и не знающий пощады.

Когда шершавый ствол акации встретил спину ло Вима, уверенность вернулась. Теперь сзади он защищен, а впереди меч. Давай же, зубр, отведай холодной стали! Посмотрим, так ли ты силен!

Зубр бросил гибкое тело навстречу ло Виму. Выставив меч чуть наискось, охотник принял смрадную тушу на клинок и рухнул, не устояв под тяжестью зверя. Боль влилась в тело, пот обжег глаза, а после — гулкий удар сотряс затылок, мир поплыл и померк...

Очнулся он далеко за полночь. Тусклыми фонариками мерцали звезды. В висках гулким ритмом отдавался пульс. Ло Вим

застонал, ощупал затылок, еле касаясь кончиками пальцев, — боль тотчас запустила ржавые когти в свежую рану, липкую от запекшейся крови. Позади на траве валялось сухое бревно — должно быть, ствол граба, ибо подобной твердостью больше ни одно дерево, растущее на Листах, не обладало. Об него-то ло Вим и ударился, падая навзничь...

Рядом скорчился мертвый зубр, нанизанный на меч. Кривые, как луны, когти пропахали в теле Листа глубокие борозды, вывороти траву вместе с корнями; борозды полнились твердеющим соком.

Сцепив зубы, ло Вим заставил себя встать и найти силы для того, чтобы вытащить окровавленный меч из зубра и вытереть его пучком травы. После оставалось только рухнуть рядом с мертвым хищником и погрузиться в черное безмолвие накатившего сна.

Засыпая, ло Вим подумал, что запах зубра, даже мертвого, отпугнет всех любителей поживиться раненым человеком.

Вторично сознание вернулось к ло Виму уже днем. Он лежал на опушке, вжавшись в щель между двумя платанами и стволом упавшего граба. Над тушей зубра вилось облако зеленых мясных мух, а в траве шныряли мыши-падальщики. Несколько певчих сов, отяжелевших от ночной трапезы, устроились на нижних ветвях платанов.

Голова еще болела, однако общее состояние стало вполне терпимым. Ло Вим встал, неловко припав на затекшую ногу. Меч он, оказывается, все это время сжимал в руке.

«Да, — подумал он сердито, — поохотился, нечего сказать...»

Прихрамывая, он побрел сквозь лес в направлении края. Назойливая мысль, появившаяся вдруг и неуловимая теперь: о чем-то он подумал ночью... О чем-то важном. Но о чем?

Достиг первой кромки, перешагнул через упругий зеленый валик. Где там клены? Ага, вон, целых три. С семенами.

Только приладив упряжь, ло Вим удосужился заглянуть за край.

Листа рядом не было. ЕГО ЛИСТА НЕ БЫЛО.

«Что за чушь?» — опешил ло Вим. Этого просто не могло случиться. Листы парили рядом уже с неделю, после недолгого шторма. Погода не менялась, устойчивый западный ветер влек

летающие чаши вдоль Кольцевого Океана с одинаковой скоростью и почти на одной высоте.

Теперь молодой Лист летел один, затерявшись в ничем не нарушаемой небесной голубизне.

«Звезды! — вспомнил ло Вим. — Еще ночью я видел звезды и не заметил на фоне неба своего Листа!»

Именно эта мысль — подспудное наблюдение охотника — терзала его последний час. Выходит, Лист пропал еще ночью.

Стараясь не паниковать, ло Вим брел вдоль третьей кромки, выбирая место, где можно глянуть вниз. В конце концов, родной Лист просто мог опуститься пониже, или теперешнее пристанище — взмыть. Маловероятно, конечно, но еще менее вероятным представлялось беспричинное исчезновение громадного Листа.

Глянув за край, ло Вим вовсе обомлел. Никакого Листа внизу он, конечно, не увидел, зато вместо далекой морской поверхности, кое-где подернутой светлыми черточками пенных барашков, совсем рядом проплывали горы. Лист летел неправдоподобно низко, едва не задевая за самые высокие пики, и, кажется, летел он быстрее ветра, что уж совсем ни в какую полость не лезло.

Ло Вим долго глядел вниз. Горы скоро сменились унылым каменистым плато со свежими разломами — должно быть, недавно буйствовало сильное землетрясение. Дней пять назад, не больше. Побеги бумбака только-только проклюнулись из щелей, бросив на коричневую кору еще не остывшей земли свежую зеленую пелену.

Здесь же паслась большая стая крыс-оборотней. Еще вчера поди друг друга жрали, пока бумбак не пророс. Так и будут пастись да плодиться до следующего землетрясения. Бумбак сгорит в озерах лавы — он ведь всегда в низинах растет — а уцелевшие крысы вновь примутся жрать сородичей, которые послабей, и ждать, когда все ненадолго утихнет и вырастет бумбак.

Насколько ло Вим знал, внизу из животных ухитрялись выжить лишь крысы, а из растений — пяток разновидностей бумбака, отличающиеся лишь размерами да формой листьев. Вся остальная жизнь давно переселилась на Листы, не выдер-

жав бешеного ритма Нижнего Мира. Наводнения, извержения вулканов, землетрясения, бури — все это наваливалось на Мир и постоянно меняло его до неузнаваемости. Где вчера текла река, назавтра могли вздыбиться горы. Где зеленел скорый на рост бумбак, воцарялась голая выжженная пустыня. Неизменными оставались лишь Кольцевой Океан и Листы, парящие над всеми бедами и катаклизмами. Бури, тайфуны и смерчи бушевали где-то внизу, а над Миром был лишь вечный ветер да летающие чаши, надежный людской приют.

Ло Вим угрюмо брел к знакомой поляне. Похоже, судьбе угодно сделать его отшельником. Неужто они и впрямь выживают? Не верилось. Как можно жить без клана? Без логвита, без Отцов, без Семьи? Зачем тогда жить?

По правде говоря, ло Вим недолюбливал свой клан. И логвита Анта. Они совершили самое страшное, что случалось на Листах: изгнали человека. Самое страшное, исключая лишь смерть. Человеком этим был отец ло Вима, личность загадочная и скрытная, хранитель старого браслета...

Однако ло Вим предпочитал не лучшее окружение одиночеству. Какие ни есть, а все ж люди...

Говорят, всех, презревших Веру и Закон, кланы изгоняли. Случалось это очень редко. Вины отца ло Вим не понимал — что плохого в старом браслете? Да и самому ло Виму успели несколько раз указать на его меч. Дескать, больно искусно сработан. Пока удавалось отговориться.

Еще рассказывают, что изгнанники стараются сбиваться в группы по десятку-полтора, обживают подходящий Лист и нападают на все кланы без разбору. Чушь, наверное, изгоняют-то их без оружия. ло Вим ни разу не был свидетелем нападения изгнанников. Вот битвы между кланами — это пожалуйста, это дело обычное...

Настроения не подняла даже жареная зубрятина. Вяло дожевав мясо, ло Вим спрятал остатки в котомку, закусил корешком вузы и пошел ладить жилище.

Времени это занимало не то чтобы много, однако приходилось долго готовиться. Сок агавы — раз (не меньше трех бурдюков), полость найти подходящую — два, подождать, пока выйдет ядовитый газ, — три, и еще следить, чтобы в полость первыми не влезли шмели.

Агава нашлась сразу, шагах в двадцати от поляны. Старая, толстая, истекающая соком. Поверхность Листа вокруг нее пожухла и сморщилась, покрывшись твердой стекловидной коркой. Два надреза под сучками — и вот уже густой маслянистый сок тонкой струйкой стекает в подвешенный бурдюк. Вскоре отыскалась и подходящая полость — наполненный газом пузырь в теле Листа. Благодаря тысячам полостей многотонные Листы и обрели способность летать. Одновременно они служили Листам желудками: все, что туда попадало, усваивалось без остатка, за исключением лишь семян. Семена Лист выталкивал за пределы полости, где они благополучно прорастали. Вскрытая полость затягивалась в считанные минуты: взмахнул мечом, бросил что хотел и иди себе, много газа все равно не улетучится. Но если плеснуть на края надреза сока агавы, они затвердеют на глазах. Тогда газ выйдет без остатка. Если все так и бросить, Лист нарастит поверх остекленевшего куска новый живой слой, и постепенно полость вновь заполнится газом. Если же облить соком всю полость — и стены внутри, и сверху вокруг щели-надреза, получится отличное жилище. Натаскать туда веток, мха, покрыть плащом — логвитское ложе, год можно проспать!

Отточенный меч вспорол зеленую мясистую массу; ло Вим тотчас же нацедил целую лужу сока агавы, обойдя надрез по кругу несколько раз. Сок быстро впитывался в тело Листа; подставив бурдюк под новую струйку, ло Вим задумчиво глядел на быстро стекленеющее пятно.

Газ выходил из полости минут десять. Когда зыбкое марево над трещиной рассеялось, бурдюк как раз наполнился вторично. Ло Вим взялся за меч, вырубая правильный ход. Листу было больно, он знал, но знал он и то, что людская жизнь — всегда чья-нибудь боль. Лист простит, как прощал не раз и ло Виму, и всем людям Мира, ибо без людей Листам достанет иной боли.

К вечеру ло Вим опрыскал соком все свое жилище; выждал еще час, чтобы мертвые ткани Листа окончательно затвердели, устроил себе постель из пахучих пихтовых лап и выбрался наружу, преисполненный гордости за свою работу. Отдраил потускневший меч, подкрепил силы мясом зубра и уселся спиной к развесистому платану, стоящему поодаль от других

деревьев, созерцать звезды в просветы между ветвями, шуршащими на ветру.

Ло Вим любил звезды. Казалось, это далекие костры на небесных Листах, тех, что летают выше Солнца. Смотрит ли оттуда хоть кто-нибудь на тусклую звездочку в ином небе — костер у жилища ло Вима?

А как там клан? Как Семья?

Одиночество гнетет людей, вселяя тоску и неуверенность. Ло Вим неотрывно глядел ввысь; а ветер все шелестел в кронах, и это было странно и непривычно: значит, Лист действительно обгонял ветер.

Два дня ло Вим отдыхал, отъедался и залечивал рану целебными травами. Внизу тянулась бесконечная равнина — теперь Лист летел перпендикулярно ветру и все так же низко. Тушу зубра пришлось скормить соседней полости — начала портиться. Первая же охотничья вылазка завершилась вполне успешно: ло Вим подстрелил двух куропатов, причем вернул обе стрелы. Больше заняться было нечем. Он послонялся по Листу, распугивая зверье, и вернулся к жилищу. Должно быть, зубр здесь обитал лишь один, а других опасных хищников на том же Листе обыкновенно не водилось.

Еще через день ло Вим, отчаявшись узреть в небе чей-нибудь Лист, надел крылья и взмыл над своим летающим пристанищем. Боковой ветер подхватил его, вознеся к самому Солнцу; Мир чернел внизу, беспокойный и меняющийся, подернутый легкой дымкой, и лишь один Лист видел ло Вим из поднебесья — тот, где провел последние дни.

Он метался над Миром, едва не теряя Лист из виду, но только равнина, Солнце и ветер разделяли его одиночество. Обессиленный, ло Вим едва дотянул до Листа вечером, не стал даже есть. Заполз в жилище, как барсук в нору, и забылся тревожным сном одиночки, отбившегося от стада.

2

Наутро ло Вим, злой и невыспавшийся, отправился на охоту. Куропаты так и шныряли в подлеске, подстрелить парочку ничего не стоило.

Отойдя от центра Листа, ло Вим ощутил нечто странное. Лес стал иным, нежели раньше, но уловить изменение никак не удавалось.

Стало вроде бы теплее. Ло Вим распустил верхний шнурок ворота, взял лук на изготовку...

И услышал голоса. Кто-то переговаривался за кромками. Крылья принесли на его пристанище людей!

До кромок было недалеко. Убрав лук за спину, ло Вим пополз вперед, змеей огибая стволы деревьев. Вот и первая кромка, твердый полувысохший нарост, знак близкого края. Голоса доносились из-за нее. Перевалившись через кромку, ло Вим припал к Листу, как жук-джар: растопырив руки и ноги, сполз телом по глянцевой поверхности, усеянной хвоинками и бурой трухой, отнятой ветром у кромок. Деревьев здесь почти не росло.

Вторая кромка — а голоса все еще далеки. Ло Вим скользнул за нее и замер у одинокого клена, странно наклоненного к центру Листа. Да и поверхность что-то круче к краю, чем обычно...

Получалось, что голоса звучат за третьей кромкой. Лист там, что ли? Или парят на чешуйчатых крыльях ло-охотники?

Осторожно и неторопливо, как мудрый ящер-варан, ло Вим достиг третьей и последней кромки, края парящего блюдца. Выглянул и обомлел.

Лист покоился на поверхности Мира. Покинул свою извечную обитель — Высоту — и опустился на каменистую твердь, которую всегда избегал!!

Ло Вим даже приподнялся, чтобы получше рассмотреть раскинувшуюся перед ним плоть равнины, близкую и оттого непривычную. Голоса враз смолкли. Теперь ло Вим увидел тех, кто говорил. Двое в черных плащах, стоящие на камнях, словно на Листе. Они смотрели на ло Вима. Вряд ли это предвещало что-нибудь хорошее.

— Эй, гляди! Кто это там?

Незнакомцы обнажили мечи и бросились к Листу. Впрочем, на него так просто не вскарабкаешься: третью кромку от поверхности Мира отделяло локтей семьдесят—восемьдесят.

Однако черные плащи, похоже, придерживались другого мнения — иначе зачем такая спешка? Ло Вим решил убраться подобру-поздорову; вскочил на ноги и припустил в лес, перепрыгивая через валики кромок.

Дальше началась чертовщина. Чуть левее ло Вима вдруг сама собой открылась полость, и из нее, разбрызгивая нежно зеленый сок, вырвались незнакомцы. Даже скорее не полость, а словно бы узкий канал в теле Листа. Получалось, что они прошли сквозь Лист, а ло Вим отродясь о таком не слыхивал.

— Стой, охотник!

Бежать уже не имело смысла. Ло Вим замер, взявшись за меч.

Незнакомцы приблизились. Были они невысоки, коренасты и совсем безбороды. И мечи у них отличались от обычных — подлиннее и поуже, с витыми украшенными вязью гардами. А на руках — браслеты. Точно такие же, как и тот, что хранил род ло Вима.

Ло Вим тупо уставился на браслеты. Он-то был убежден, что владеет одним-единственным!

— Бросай меч! Иначе — смерть!

Ло Вим меч, конечно, не бросил. Еще чего — отступают лишь трусы, а его никто не осмелился бы назвать трусом.

— А-хоуи!

Со звоном сшиблись мечи. Мешала незажившая рана. Черные плащи оказались опытными бойцами: ло Вим скоро был прижат к стволу падуба и отчаянно защищался. Меч тяжелел с каждым взмахом.

Однако и противники уставали. Один отступил, второй поминутно отирал со лба обильный пот. Наземная духота навалилась на Лист, привычный к свежим ветрам высот.

Третьего незнакомца, подкравшегося сзади, ло Вим в пылу схватки не заметил. Поэтому и был сбит с ног коварным ударом. А потом на голову его пала тяжелая рукоять меча, и ло Вим отключился.

Очнувшись, он обнаружил себя привязанным к столбу. Голова побаливала, но гораздо меньше, чем можно было ожидать.

Перед ним с полупустым бурдюком воды стоял коренастый черноволосый юноша; чуть в стороне на резном деревянном кресле восседал совершенно седой старец. Вокруг толпились

человек сорок, все одинаково приземистые, широкоплечие, все в черных плащах. Лишь старик выделялся белыми, как утренние облака, одеждами и косматой седой бородой. У остальных не было даже усов.

Новая порция воды вылилась на макушку ло Вима, окончательно прояснив сознание.

— Кто ты, человек? — властно спросил старик.

Ло Виму скрывать было нечего: он свободный представитель свободного народа.

— Я — ло Вим, охотник из клана логвита Анта.

— Что ты делал на чужом Листе?

— Охотился.

Старец тяжело встал, опираясь на выгнутые подлокотники.

— Не лги, охотник. Откуда у тебя это?

Он протянул вперед раскрытую ладонь со знакомым браслетом. В стороне валялась беззастенчиво выпотрошенная сумка.

— Говори, ибо найдешь смерть в непокорности!

Смерть глупая и бессмысленная — последнее, что стал бы искать настоящий охотник. Медленно, очень медленно ло Вим поднял взгляд с браслета на белобородого старца.

— А почему ты думаешь, что достоин знать правду?

В глазах старика полыхнуло пламя, но ло Вим понял, что неожиданно отыскал нужные слова.

— Удан! Зама!

К старику мигом приблизились два черных плаща. Повинуясь властному жесту, они вскинули левые руки: запястье каждого охватывал витой желтоватый браслет, украшенный драгоценными камнями.

— Смотри, охотник. Такой браслет носит каждый из нас. Сотни лет мы собирали потерянных хранителей по дальним чашам. Этот, — он указал на браслет ло Вима, — последний. Сорок четвертый. Клауды искали его двести шестьдесят лет.

Ло Вим пристально глядел на левую руку старца — никакого браслета там не было. Перехватив взгляд, старик усмехнулся и мягко подтянул свободный белый рукав. Только не левый, а правый.

Его браслет был куда шире и красивее; у ло Вима даже дыхание перехватило от такого зрелища.

— Ты хранитель? — спросил старик.

Ло Вим покачал головой.

— Хранителем был мой отец. Но его изгнали восемь лет назад.

— Он успел сказать тебе Слово?

Узрев в глазах ло Вима недоумение, старик вздохнул:

— Значит, не успел...

По его команде черные плащи перерезали стягивающие ло Вима веревки. Охотник стоял всего несколько секунд, потом рухнул, прямой и негнущийся, как столб. Старик поморщился:

— Людская кровь... Помогите ему!

Ло Вима некоторое время массировали сильные и умелые руки черных плащей, возвращая жизнь онемевшему телу.

— Твой клан преследует носителей древнего знания?

Вопрос прозвучал почти утвердительно.

Ло Вим грустно кивнул. Когда логвит Ант узнал о браслете, отца едва не зарубили в первые же минуты. Правда, стражи ничего не нашли, и последовало лишь изгнание. Ло Вим видел из-за второй кромки, как отец, поймав ветер, ссутулился под рыжими крыльями и навсегда канул за край. Тогда ло Вим снова плакал, совсем как ребенок, хотя не знал слез уже много лет. А сколько ему перепало за меч! Стражи исходили злобой при виде ажурной гарды и мерцающего клинка. Логвит Ант уже несколько раз намекал, что изделиям древних не место в этом Мире...

Наверное, на Листах скоро вовсе не останется вещей, сработанных древними мастерами, ведь почти все кланы похожи на клан Анта. Ло Вим других не знал, иначе уже давно сбежал бы. Как ни тянуло к Семье и клану, браслет властвовал над ним с куда большей силой. И еще... Сбежать... Еще...

Пробуждение было подобно удару грома. Ло Вим стоял на коленях; в глаза ему пристально глядел седовласый старец. Зрачок в зрачок. Ло Вим потерялся где-то во взгляде старика, а тот проник глубоко в ло Вима, завладел мыслями, поселился в желаниях и надеждах.

Ло Вим съежился, почувствовав, что перестает быть самим собой. Но в тот же миг старец исчез из его сознания, оставив

после себя странную пустоту и холод. Внутри словно сквозил зимний ветер.

— Ты готов, Хранитель?

— К чему?

Ло Вим с трудом встал. Тело было странно свежим, но не в меру тяжелым. От вязкого воздуха Низа кружилась голова.

— Готов ли ты служить Высоте?

Ло Вим непонимающе воззрился на старика, спрашивающего в общем-то даже не у него, а у черных плащей.

— Готов ли подчинить себе браслет и стать последним из нас, замкнув круг посвященных?

— Готов, Мастер! — нестройным хором откликнулись черные плащи.

Ло Вим затравленно озирался, а невысокие люди в одеждах ночи, взявшие его в кольцо, пристально уставились на растерянного охотника.

Глаза у них были зеленые, как Листы.

— Тогда слушай Слово, Хранитель!

Это звучало как песня.

— ...мы, парящие в Высоте, дети Листов, держим время за руку!

— ...храни последнюю нить, протянутую из вчера в завтра!

— Хранитель станет хозяином, и Солнце склонит перед ним голову, и Мир помашет ладонью, и звезды лягут под ноги!

— ...храни и будь сильным; нет напрасной смерти, есть напрасная жизнь! Храни, и придут те, кого ждешь!

— Храни, и станешь рядом с ними!

— Звени, Высота!

Ло Вим осознал вдруг, что на плечи его накинут черный плащ. День клонился к вечеру — в памяти зиял обидный провал, а голова полнилась звоном, словно его опоили дурманом.

«...последнюю нить, протянутую из вчера в завтра...»

Его вели под руки. Вроде бы к Листу. Потом каким-то узким ходом; ло Вим запомнил только полутьму да скользкую поверхность под ногами.

«...нет напрасной смерти, есть напрасная жизнь...»

Лист, хвойная зона, поляна, еще поляна. Большая полость. Похоже, главная полость. Ого...

«...держим время за руку...»

Черные плащи заняли места вокруг полости, соблюдая правильные интервалы. Полость вскрыли кривым мечом, потемневшим от времени. Гарды на нем, похоже, никогда не было. Но ло Вим удивился другому: вскрывать главную полость?

«...Мир помашет ладонью...»

Запел ветер — Лист набирал высоту. Вопреки случившемуся он все-таки взлетел. При вскрытой главной полости.

На руки ло Виму набросили гибкие плетеные веревки. Или желтоватые браслеты? Нет, все же просто веревки. Двое черных растянули его, словно пойманного зубра. В полости клокотал сок; в ноздри лез приторный запах.

«...храни, и станешь рядом с ними...»

Ло Вим закричал от боли. Белобородый старик тем же кривым мечом полоснул его поперек груди, рассек куртку и задел кожу. Брызнула кровь.

— Готов ли ты, Хранитель? — изменившимся голосом спросил старик. Глаза его вновь принялись буравить сознание ло Вима, царапая память и вгрызаясь в мысли. Кровь все текла; один из черных плащей собрал немного в долбленую деревянную чашу и выплеснул в полость. Потом кровью вымазали браслет.

Было больно. Ло Вим обмяк, по-настоящему испугавшись; не падал он лишь благодаря веревкам. Старик все больше походил на безумца: размахивал мечом, что-то бормотал, а свежий ветер высоты развевал ослепительно белые одежды.

— Звени, Высота!

И тогда ло Вим понял, что его сейчас убьют. Принесут в жертву непонятным силам, которым поклоняются черные плащи и которые олицетворяет свихнувшийся седой старик. В это не хотелось верить, это казалось нереальным. Чушь, бред, вздор! За что? Он ведь сохранил драгоценный браслет, прятал от глупых стражей... Вот... Вот...

Кривой меч со свистом рассек ветер, вгрызся в трепещущую плоть, вновь обагрившись кровью. Голова ло Вима отделилась от тела и сама упала в разверзнутую полость. В остекленевших глазах застыло равнодушное небо.

Черные плащи отвязали от безвольных рук ненужные уже веревки, сбросили то, что еще совсем недавно было ло Вимом, в полость; туда же швырнули и окровавленный браслет.

— Звени, Высота!!

3

Высота звенела. Звенела могучим ветром, хозяином поднебесья, звенела потоками жаркого света, звенела живой силой свободы. ОН чувствовал ветер грудью. Зеленой тугой плотью. Чуткой тканью Листа. ОН хотел потрогать ветер руками и не мог: рук не было. Было округлое блюдцеобразное тело и смутные ощущения деревьев, едва доносящиеся сверху. Разбираться в них ОН еще толком не научился. Мир маячил внизу, гремел и плевался лавой, бессильный и потому злой. ОН летел навстречу осени.

ОН танцевал в воздушных потоках, огромный и недосягаемый, храня в себе великую тайну — кусочек древнего металла и знания комочка жалкой плоти, именуемой некогда человеком. Лист усвоил без остатка и плоть, и знания, став не просто Листом, но ИМ. В недрах главной полости, в складках черного плаща зрело продолговатое тело, имеющее ноги, чтобы ходить, имеющее руки, чтобы держать меч, имеющее голову, чтобы видеть и доступное общему разуму, чтобы действовать сообща. ОН бережно хранил еще нерожденное дитя, ибо перестал быть просто Листом и просто Человеком. ОН готовился влиться в ряды уже прошедших через это, влиться последним и замкнуть круг посвященных. Влиться и зазвенеть вместе с Высотой.

И тогда зазвенит весь Мир.

Ялта—Киев—Николаев, 1992 г.

Трель певчей совы

Буря отнесла Листы далеко на юг, посвирепствовала напоследок и бессильно опала над обширными плоскогорьями. Хаст, два дня не покидавший жилища, наконец смог выйти и вдохнуть свежего воздуха. Не отравленного зловонными вулканическими газами дыхания бури, а настоящего, холодного, как ночь, воздуха Высоты. Ветер улегся; в этих широтах такое случалось. Вдоль Кольцевого Океана, то бишь в экваториальной области, свежий воздушный поток почти никогда не утихал, а бури задевали те места лишь краями. В средних же широтах полное спокойствие чередовалось с чудовищными ветрами, отголосками катаклизмов Нижнего Мира.

За эти два дня Лист охладился и сильно потерял высоту. Обычно зеленые чаши парили в четырех—шести километрах от поверхности; теперь же пристанище Хаста отделяло от Низа неполных два. Впрочем, впереди не менее недели спокойной солнечной погоды, и Лист, конечно, взберется повыше. Хорошо еще, что не на север отнесло — там сейчас зима...

Солнце описывало круги в безоблачном небе, то спускаясь пониже к горизонту, то поднимаясь, но, пройдя лишь полпути к зениту, заваливалось в сторону и начинало сползать вниз.

Хаст, как и все на Листах, знал, что на самом деле это не круги, а медленно сужающаяся спираль. Придет час — и Солнце застынет в одной точке небосвода, но кто знает, куда к этому времени отнесут Лист прихотливые ветры Высоты? Если

ближе к экватору, солнце станет висеть невысоко над горизонтом, если к полюсу — тогда где-то рядом с зенитом. Может статься, что Лист окажется за экватором, в северном полушарии. В этом случае светило вовсе спрячется за горизонт и наступит ночь, достаточно долгая, чтобы деревья сбросили листву, а многие звери залегли в готовую каждое мгновение прерваться спячку.

Почти все время, пока бушевала стихия и Лист трепало, словно пушинку, Хаст дремал в дальнем жилище. Пробудившись, он не услышал скрипа веш и сосен, а из-за шкуры зубра, висящей у входа, пробивались желтые солнечные лучики. Хаст потянулся, отгоняя остатки сна, и встал на колени.

Снаружи донеслась трель певчей совы — чередование нежного свиста, щелчков и скрипа. Хаст выскочил наружу, словно за ним гнался рассвирепевший зубр.

У него была причина ненавидеть певчих сов.

Тогда он был еще ло Хастом — охотником клана логвита Стипо. Клан уже лет пять обитал на огромном старом Листе, жизнь в котором медленно угасала. Люди не особо волновались по этому поводу: угасать она будет еще лет тридцать, но давно уже решили при первом же удобном случае покинуть стареющий исполин, который дал людям щедрый и безопасный приют. К полюсам во время экваториальных зим он уже много лет не летал, и об участии в Большом Переселении не могло быть и речи. Оставалось надеяться только на крылья. Ждали, когда рядом окажется подходящий незанятый Лист.

Ло Хаст со своим неразлучным другом ло Гри долго и без особого успеха охотился в хвойной зоне. Под вечер их сморило у третьей кромки. Ло Гри подстрелил куропата, ло Хаст — двух зайцев, но этого было слишком мало для опытных охотников. Не должен же клан голодать!

И тогда прозвучала призывная трель певчей совы. Ло Хаст приподнял голову: над бурым валиком кромки мелькнуло несколько крылатых силуэтов.

Совы стремительными серыми молниями ныряли вниз, за край.

«Внизу Лист!» — понял ло Хаст. Не станут же совы от нечего делать шнырять вдали от зеленых чаш!

Ло-добытчики никогда не упускали случая поохотиться на соседнем Листе. А теперь еще и новое пристанище приходилось подыскивать. Упряжь захлестнулась на семенах клена, ветер упруго толкнулся в крылья и подставил тугой бок: летите, жители Поднебесья! Ло Хаст и ло Гри по широкой дуге скользили к зеленоватой громаде парящего чуть ниже Листа. Стайка певчих сов уже успела затеряться в зарослях у первой кромки — птицам не нужно планировать, как людям, птичьи крылья несут без оглядки на ветер.

Тело зеленой чаши спружинило под ногами ло Хаста, сок забрызгал мягкие кожаные сапоги. В тридцати шагах левее опустился ло Гри. Им даже не пришлось договариваться: много раз они охотились на чужих Листах.

Сверкнул меч, вспарывая ближайшую полость, крылья зашуршали о стены и погрузились в темную жижу. Вскинув руку, ло Хаст сунул упряжь в сумку-заплечник и, перепрыгивая через валики кромок, устремился в лес. Ло Гри, все еще возившийся с упряжью, отсалютовал ему.

Ло Хаст не видел, как его приятель сложил упряжь, повертел головой в поисках полости (ближайшая виднелась в доброй полусотне шагов), нагнулся и поднял крылья. В тот же миг коварный порыв ветра из-за края вырвал их из рук и отнес к первым деревьям. Ло Гри насупился, но тут же увидел двух оленей. Рука сама потянулась к луку и колчану, но олени, почуяв неладное, оттянулись в глубь леса. Охотник в ло Гри победил: крылья так и остались лежать на опушке, а он с головой углубился в преследование.

Очень скоро он вернулся с тушей оленя на плечах. Деловито посвистывая, разделал тушу, уложил мясо и шкуру в специальный кожаный мешок и намертво закрепил на себе. Еще раньше огляделся, но кленов поблизости не нашлось, и ло Гри захлестнул упряжь на своих же крыльях. Он рассчитывал доставить добычу клану и побыстрее вернуться: вдруг ло Хасту понадобится помощь? Тяжело нагруженный охотник ступил на третью кромку и шагнул в пустоту. Крылья запели в унисон с

ветром; поймав восходящий поток, ло Гри вписался в плавную спираль, взмывая над Листом, который покинул, и одновременно приближаясь к своему.

Обратно он так и не вылетел. Логвит Стипо созвал нескольких ло-охотников в главную полость клана, и до позднего вечера ло Гри оставался на совете. А ночью Листы разнесло вольными ветрами Высот.

Ло Хаст к вечеру подстрелил косулю, а перед этим — четырех куропатов. Вполне пристойная добыча. Правда, преследуя косулю, он долго кружил у границы хвойной и лиственной зон и потерял много времени. Он был убежден, что ло Гри давно отправился домой с добычей, ведь клан не должен ждать, голод враг людям.

Бросив добычу за первой кромкой, ло Хаст с наслаждением выпрямился, созерцая свой родной Лист, исполинской громадой нависавший над ним. С кромок рыжими хлопьями сыпалась невесомая труха.

Ну, где там клен, дающий крылья? Ло Хаст огляделся, высматривая взрослое дерево, семена которого подарили людям возможность летать.

Странно, но у кромок охотник не заметил ни одного клена. Обычно здесь их росло больше, чем где бы то ни было: семена-крылья прорастали у полостей, куда опускали их ло-охотники.

Ло Хаст пошел вдоль кромки, всматриваясь в зеленые силуэты деревьев. Вещи, пихты, секвойи... Но нет кленов.

Вдалеке запела сова, сзывая сородичей на трапезу. Ло Хаст насупился. Счастливые птицы! Им никогда не приходится искать подходящий клен, ведь крылья всегда у них за спиной. Да и не нужно им никуда возвращаться — у сов нет кланов и все равно им, где жить.

Скоро Солнце достигло нижней точки над горизонтом. Дома, наверное, пируют. Ло Гри удивляется: где застрял его верный товарищ?

Ло Хаст вздохнул. Он успел отшагать уже добрых пять километров вдоль кромок. Судя по видимым размерам Листа, оставалось еще километров тридцать пять—сорок, и тогда охотник замкнет круг, вернется в точку, откуда вышел. И по-прежнему ни одного клена! Прямо наваждение какое-то...

Пройдя еще немного, ло Хаст замедлил шаг. Его одолевал голод, а значит, скоро одолеет и усталость. Нужно вернуться к добыче и подкрепить силы, а тогда уж приниматься за поиски. Видимо, на этом Листе клены — редкость.

Если они здесь вообще есть.

Когда он подходил к месту, где оставил тушку косули и пушистые комочки куропатов, вверх взвилась вспугнутая стая певчих сов. Летели они тяжело, словно изрядно поужинали, на лету обмениваясь мелодичными трелями.

Ло Хаст приближался. О Небо!!! Вот куда совы слетались пировать!

От куропатов остались только перья, от косули — окровавленный костяк с ошметками мяса у суставов. Вид у мяса был весьма неаппетитный. Певчие совы сожрали всю его добычу вместе со шкурой.

Изрыгая проклятия, ло Хаст схватился за лук и метнулся к опушке, где несколько десятков сов расселись на нижних ветвях вещи.

— Мерзкие твари!

Совы лениво снялись и лениво потянулись в глубь леса. Ло Хаст послал им вслед стрелу и бессильно опустился на колени. Ярость постепенно схлынула.

Что же происходит? Он, опытный ло-охотник, позволил гневу управлять собой. Растерялся, как мальчишка, бросил добычу, не укрыв ее... Стрелу зря потерял...

Скоро ло Хасту удалось восстановить в себе спокойствие. Он встал, прошел к лесу и пошарил под деревьями. Стрела, к счастью, не сломалась — завязла в плотной слежавшейся хвое, прочертив хорошо заметную неглубокую борозду. Ло Хаст сунул стрелу в колчан и потянулся за ножом.

Первым делом — подкрепить силы.

Сломал сухую вещу, разжег костер, срезал с несчастной косули еще пригодные в пищу кусочки мяса и нанизал их на струганные палочки. Испек над угольями. Достал из сумки лепешку.

Утолив голод, ло Хаст сразу почувствовал себя много лучше. Бог с ней, с добычей. Надо искать клен.

Проклятые совы! Ло Хаст представил, как вернется с пустыми руками, как будут хихикать женщины и презрительно коситься удачливые ло-охотники. «Слыхали? У ло Хаста совы отняли добычу!» Тяжелый вздох сам вырвался из груди.

Затоптал остатки костра, подхватил сумку и устремился в лиственную зону. Может, хоть в чаще найдется желанное дерево с семенами-крыльями. Солнце уже карабкалось вверх, стало немного светлее. Хорошо, что лето: очень долго ло Хаст не увидит ночи. Удобнее.

Очень быстро он понял, что на этом Листе просто нет кленов. Совсем. Невероятно, но так. Охотник обошел чашу по периметру вдоль кромок — ни одного. И в лиственной зоне тоже. Акаций, браков, граба — сколько угодно. Даже парочка дубов встретилась, весьма редких на Листах. Кленов же — ни одного.

Солнце замкнуло в небе три круга, прежде чем он это понял. Странный Лист ко времени прозрения взмыл, нагретый спокойным светилом, километра на три с половиной. Родной Лист еще виднелся далеко внизу у самого горизонта, старые Листы высоко не летают. Эх, сейчас бы крылья! Ринуться в эту зовущую бездну, ощутить плотные токи воздушных струй, поймать ветер и заскользить туда, к крохотной зеленой точке на границе Мира и Неба, к исполинской чаше, где ждет клан, братья-охотники, логвит, Семья...

Оставалась одна надежда: ло Гри, обеспокоенный отсутствием друга, вернется.

Но почему не вернулся до сих пор? Времени прошло достаточно.

Ло Хаст устроился на буром валике третьей кромки, и порывы ветра, всегда ощущающиеся у края, трепали его длинные вьющиеся волосы. Совсем рядом лежала пропасть, отделяющая Лист от Нижнего Мира.

Тройка певчих сов, едва не задев крыльями сухую кромку, скользнула в пустоту. Ло Хаст проводил их злобным взглядом. Если бы не эти птицы, сидели бы сейчас они с ло Гри у костра или в хижине, пили бы эль или пиво после сытного обеда...

И тут ло Хасту пришла в голову совершенно очевидная мысль, ранее почему-то не приходившая.

Каким образом покинул этот Лист ло Гри?

Единственный способ — на тех же крыльях, на которых прилетел. Два-три часа в полости крылья еще выдерживали. Больше — крайне редко.

У охотника перехватило дыхание. Теперь-то уже поздно, его крылья расползлись, конечно, пораженные едким соком полости, но тогда, в первый день, когда совы позаботились о его добыче, крылья еще можно было спасти.

Ло Хаст застонал от досады, отполз от края и бегом кинулся к месту их с ло Гри посадки. Вот и нужная полость со шрамом, затянувшимся несколько дней назад. Меч, чмокнув, пал на зеленое тело Листа. Охотник вскрыл наполненный легким газом пузырь трехметрового диаметра и отошел в сторону, тяжело дыша.

Дурманящая струя, невидимая глазу, ударила из полости, края живой зеленой плоти зашевелились, истекая густой жидкостью, готовые в несколько минут зарастить отверстие. Обливать его соком агавы, чтоб не затянулось, было некогда. Отдышавшись, ло Хаст вновь взмахнул мечом. Отверстие увеличилось. Набрав в грудь побольше свежего воздуха, он глянул вниз.

От крыльев, конечно же, ничего не осталось. Лист усвоил их полностью, только темные пятна да бугристые натеки все той же вязкой жидкости остались в местах, где Лист втянул в плоть обнажившиеся семена клена. Их Лист, понятно, не переваривал, просто выталкивал за переделы полости, чтобы они могли без помех прорасти.

Ло Хаст оторвался от дыры, прочищая легкие. Собственно, на другой исход надеяться и не приходилось.

Больше вскрытых недавно полостей ло Хаст поблизости не обнаружил и немало этому удивился. Выходит, ло Гри оставил свои крылья просто на Листе, а потом вернулся и на них же улетел. Неужели он знал, что здесь не растут клены? Но почему же тогда не предупредил ло Хаста?

Он вернулся к уже затянувшейся полости с семенами клена, единственными на этом Листе. Пока дерево вырастет и начнет давать крылья, пройдет не менее пятнадцати лет. За эти годы Лист раза четыре наведается к одному из полюсов во время Солнцестояния, чтобы соединиться с тысячами других в

гигантский летающий ковер. Только тогда, в дни Большого Переселения, ло Хаст сможет покинуть негостеприимный Лист. Но найдет ли он на бескрайнем ковре из многих чаш свой клан? Не факт, что новое пристанище, куда клан, без сомнения, в ближайшее время переселится, устремится к полюсу в это же Солнцестояние. А шастать без конца по разным Листам в межсезонье, во-первых, долго, во-вторых и в-главных — весьма небезопасно. Враждебные кланы не тронут одиночку только во время Большого Переселения. Да и за изгнанника могут принять, а это почти верная смерть в любое время.

Но все же это хоть какой-то шанс; лучше ли просидеть остаток жизни на дурацком Листе без крыльев? Охотники не могут без крыльев, Небо — их дом, Высота — их стихия. Охотник-ло без полета все равно что дерево без плодов.

Ло Хаст вспомнил певчих сов и в сердцах пожелал всему их крылатому роду никогда больше не подняться в Небо.

Издалека донеслась долгая трель, как показалось ло Хасту — возмущенная.

Он вздрогнул и вернулся к своим мыслям.

Лист наверняка лишь недавно летал к полюсу. Ло Хаст не раз заглядывал за край, за третью кромку, и не заметил ни одного молодого побега. Так бывает лишь в первый год после Большого Переселения, когда юные Листы отделяются от материнских и с этих пор противостоят Высоте в одиночку.

Значит, впереди у него три-четыре года полного одиночества. Ну, в лучшем случае два. Если больше никого не занесет на этот проклятый Небесами Лист.

Или не вернется ло Гри.

Ведь должен же он вернуться за другом? Ло Хаст обязательно вернулся бы, чего бы это ему ни стоило.

Он тяжело вздохнул. Постоял немного у кромки, слушая, как поет ветер Высот, и пошел готовить жилище, благо агавы, в отличие от кленов здесь встречались в изобилии.

А ветер пел неспроста. Поднявшийся еще выше, Лист угодил в быстрый и узкий поток воздуха, царящий на этой высоте, и полетел на восток, прочь от родного Листа ло Хаста, оставшегося ниже и по-прежнему неспешно дрейфовавшего на юго-запад.

* * *

С тех пор он не видел людей. Изредка на фоне небесной голубизны темнели силуэты далеких Листов, но все они величаво проплывали мимо. Однажды Хаст разглядел даже крохотную точку, планировавшую к зеленой чаше, — счастливец, обладавший крыльями, возвращался домой. Но ни разу никто из охотников-ло даже не приблизился к Листу, так не любившему клены. За три года Хаст стал совсем другим — хмурым, злым; но и более терпеливым, чем раньше. Теперь он мог часами наблюдать за муравьиной кучей где-нибудь в лесу или за дятлом, промышляющим жуков-джаров. Или, найдя удобное место у края, смотреть на Нижний Мир, проплывающий под Листом, непознанный и загадочный.

Раньше такое просто не пришло бы ему в голову.

Костры, дым которых на Высоте был виден издалека, никого не привели на помощь. Клен у разрубленной три года назад полости так и не пророс. Наверное, дело было в Листе: тот ненавидел клены так же сильно, как Хаст ненавидел певчих сов.

Бывший охотник вполне благополучного клана и сам не мог понять причин своей ненависти. Однако за три года десятки взрослых птиц упали на Лист, пронзенные стрелами; сколько гнезд разорил он, убивая самку мечом, а яйца или беспомощных птенцов топча сапогами...

Он мстил совам за свое одиночество. Хотя сознавал, что в общем-то не совы виноваты в произошедшем, а нелепая случайность. И от этого становился только злее. Лист, за исключением нелюбви к кленам, ничем не отличался от других парящих над Миром чаш. Та же неподатливая зеленая плоть под ногами; трава, деревья, пустившие корни в эту плоть. На «корме» росли лиственные породы, на «носу» — хвойные. Как и везде, на любом Листе, и никогда еще люди Поднебесья не слыхали о другом положении вещей. Хватало и дичи — зайцев, косуль, куропатов, кабанов. Хаст выследил и убил единственного на Листе волка; больше никого, кто посмел бы угрожать человеку, здесь не нашлось. На зайцев и куропатов охотилось почтенное семейство енотов; с ними Хаст никогда не враждовал. Жизнь текла неторопливо и размеренно, и если бы не тос-

ка по людям, Хаст даже порадовался бы произошедшим в себе переменам. Он стал взрослее, что ли. Даже нет — мудрее. Теперь больше хотелось думать, чем действовать.

Еще через три года Хаст осознал, что Лист никогда не летает на дневной полюс к Большому Переселению. Последняя надежда хоть когда-нибудь вернуться к людям рухнула, словно старая гнилая сосна во время бури. Воистину, он угодил на Лист, проклятый всеми ветрами Высот.

Совы все так же упорно гнездились на «носу» Листа, сколько Хаст ни разорял их кладки. У каждой убитой совы он отсекал средний коготь левой лапы — самый мощный и длинный — и нанизывал на прочную нить. За несколько лет ожерелье стало внушительным с виду и весьма тяжелым. Хаст вешал его у входа в жилище.

Лист парил меж Миром и Небом, цветущий и безмятежный, и никто со стороны не смог бы предположить, что здесь томится в одиночестве человек, бывший некогда ло-охотником.

День походил на день, как хвоинки на ветке сосны, ничто не нарушало ровного течения времени. До тех пор, пока Хаст, преследуя косулю, не наткнулся в зарослях бумбака на совенка-пуховичка, вывалившегося из гнезда. Рядом на мягкой летней траве камнем застыло тело мертвой совы-матери. Отчего она погибла, Хаст так и не понял.

Он нахмурился и потянулся за ножом. Снова совы! На этот раз они норовят отвлечь его от охоты.

Солнце отразилось от холодного железа, и глаза совенка, поймав этот отблеск, зажглись загадочным зеленым огнем. Клюв его раскрылся, выпуская на свободу крик — еще не трель взрослой птицы, но отчаянный призыв детеныша, мольбу о помощи и защите. Совенок прижался к неподвижному телу матери и тоже замер в наивной надежде остаться незамеченным. Только широкие листья бумбака величаво колыхались, точно диковинные зеленые руки.

Хаст вздохнул. Никогда доселе он не давал пощады совам. А сейчас он вдруг узнал в испуганном и брошенном всеми птенце себя — одинокого и беззащитного в огромном и отнюдь не ласковом мире.

Одновременно Хаст рассердился на себя за нелепую и непозволительную слабость. Ведь если бы не певчие совы, они с ло Гри наверняка так и не заметили бы этот злосчастный Лист.

Коротко выругавшись, Хаст вернул нож в чехол, перешагнул через застывшего птенца и ринулся по следу косули, отгоняя прочь назойливые мысли.

Вечером, когда летнее Солнце достигло нижней точки на небосводе и стало снова подниматься, Хаст готовил на огне мясо добытой косули, вновь и вновь вспоминая обреченного совенка. Не выжить этому комочку теплой плоти, ясно как день, что не выжить. И никто не поможет, ибо законы леса добры лишь к сильным.

Дважды Хаст порывался встать и дважды, сцепив зубы, оставался на месте. Он не должен никому помогать. Кому суждено погибнуть — погибнет, потому что это закон. И не ему, Хасту-одиночке, нарушать законы жизни.

Но может быть, именно потому, что никто не даст себе труда нарушить закон, он и торчит седьмой год на ненормальном Листе? Один, как Солнце в Небе?

Да будь прокляты все законы! Все до единого!

Хаст встал и торопливо зашагал к зарослям бумбака.

Совенок пушистым шариком сидел у ствола молодой пихты. С мертвой мамашей уже расправлялись шустрые мыши-падальщики и белые жуки.

Хаст кашлянул, и мыши тотчас же исчезли в траве. Совенок вжался в кору пихты, сверкая глазищами. Если бы не глазищи, он стал бы совсем незаметным на фоне ствола. Хотя это вряд ли помогло бы: из чащи, колыхая листья бумбака, вытекла пестрая древесная змея. Длинная, почти шаг. Нахмурившись, Хаст подобрал валежину и прогнал змею прочь.

Теперь назад пути не осталось: совенок уже считался съеденным, а однажды спасенного более не бросают Судьбе на забаву. Тем паче если он мал и беспомощен.

Спрятав кулак в рукав куртки, Хаст опустился на колени перед совенком. Тот окаменел, не сводя глаз с человека. Медленно-медленно Хаст протянул защищенную толстой шкурой зубра руку к птенцу, и тот, словно заранее обученный, браво шагнул навстречу и взгромоздился на предложенный насест,

аккуратно сомкнув когти вокруг запястья. Хаст затаил дыхание. Птенец несмело пискнул:

— Ски-и-ит!

Когти его прочно обхватили руку, но нигде не повредили куртки. Птенец словно подчеркивал, что доверяет человеку.

— Эх ты, желторотина! — усмехнулся Хаст, вставая.

Птенец раскинул крылья, балансируя, но когти прочнее не сжал, хотя при желании мог легко пропороть и куртку, и руку Хаста под ней.

— Как, говоришь, тебя зовут? — обратился Хаст к совенку, отведя руку далеко в сторону.

— Ски-и-ит!

— Скиит?

Птенец заворчал, будто разбуженный барсук.

— Пошли домой, Скиит, — сказал Хаст и зашагал к жилищу, переполняемый невысказанной радостью.

Потом он долго кормил совенка кусочками сырого мяса; тот жадно глотал, закатывая глаза. Разговаривать с кем-нибудь живым было на удивление приятно, и впервые за несколько лет Хаст не чувствовал себя одиноким.

Ло Гри бесшумно извлек из колчана стрелу и натянул тетиву. Наконечник из тусклого металла, казалось, обрел глаза; сейчас он глядел на жертву: крупную сову, дремлющую на толстом суку корявой веши.

С тихим свистом стрела метнулась вперед к ничего не подозревающей сове, вгрызлась в жаркую плоть, легко проткнув оперение и тонкую кожу. С хрустом ломая полые птичьи кости, окровавленный наконечник прошел сквозь тело и вышел наружу. Жизнь покинула беспечную птицу мгновенно: шурша ветками, сова мягко шлепнулась на прошлогоднюю хвою.

Ло Гри приблизился, вытащил стрелу, распластав тушку отточенным охотничьим ножом, тщательно вытер наконечник о пестрые совиные перья и вернул стрелу в колчан. Еще один взмах ножа — и средний коготь с левой лапы перестал принадлежать законной хозяйке. Острием ножа ло Гри проделал в когте небольшое отверстие и нанизал на тонкий шну-

рок, где болталось десятка два таких же кривых, словно серп луны, когтей.

Пнув коченеющий комок сапогом, ло Гри прошептал:

— За ло Хаста, проклятая тварь! За друга...

Он убивал сов уже седьмой год.

Проснувшись, Хаст первым делом взглянул на жердь у входа: совенок мирно дремал, вцепившись в морщинистую кору вещи когтями. Вчера Хаст приспособил этот нехитрый насест, решив, что птице удобнее отдыхать на ветке, нежели на полу. Рядом висело ожерелье из когтей убитых сов; Хаст наткнулся на него взглядом. Вздрогнул. Но птенец не обращал на свидетельство смертей своих соплеменников никакого внимания.

Хаст поднялся, подошел ко входу. Глазищи птенца распахнулись, сверкнули в полумраке жилой полости.

— С пробуждением! — бодро поздоровался Хаст и неловко снял с сучка ожерелье, стараясь, чтобы совенок не увидел. Но тот внимательно, словно бы даже с интересом, наблюдал за человеком.

«Чего это я? — подумал Хаст с недоумением. — Будто он понимает...»

Негромкий писк был ему ответом:

— Ски-ит!

«Надо его накормить...»

Хаст взял лук и колчан со стрелами, подвесил к поясу меч, скорее по привычке, чем по необходимости, зафиксировал ножны на бедре, чтоб меч не мешал при ходьбе по лесу, велел совенку «сидеть тихо» и ушел в лес.

Ожерелье он выбросил в первую же полость без малейшего сожаления.

Охотник по-прежнему жил в нем, и даже не потому, что он отправлялся за добычей снова и снова: в клане охотник — опора, он заботится обо всех, кто остается в стойбище. Заботится и защищает. Последние годы Хасту не о ком было заботиться и некого защищать. Но его естество требовало защитить хоть кого-нибудь, помимо воли и событий, и отчасти поэтому возникали вспышки непонятной ярости.

Именно поэтому он не устоял и спас птенца от верной гибели. И еще Хаст подумал, что, наверное, именно из-за этого люди и стали людьми: из-за потребности защищать и заботиться.

Лето текло, как Лист в воздушном потоке. Совенок на сытной кормежке быстро рос и набирался сил. Пух мало-помалу заменялся на пестрые перья взрослой птицы, крылья окрепли, постепенно Скиит стал перепархивать с места на место, а раньше ковылял на когтистых лапах. Взрослые совы почему-то перестали появляться вблизи жилища Хаста, а на «нос» Листа наведываться было незачем. Хаст и не наведывался. Дичи хватало и совсем рядом, ни человек, ни совенок не голодали.

Старые знакомые еноты в очередной раз вывели потомство и ушли в глубь лиственной зоны. У границы зон, где обосновался Хаст, развелось много куропатов, чуть ближе к «корме» держался табунок оленей. Их Хаст без нужды не трогал, решив позволить пятнистым зверькам расплодиться.

Лист оставался верен основному потоку Высот: могучей воздушной реке, спутнику Кольцевого Океана. Чуть выше, в слое, где кишел легкий планктон, паслись киты — громадные продолговатые пузыри, свободно парящие над Миром. На гладких серых боках виднелись лоснящиеся шарики прилипал. Изредка вблизи Листа проплывали стайки высотных медуз — удивительно красивых созданий, похожих на невесомые текучие шлейфы. Они обитали в верхних уровнях атмосферы и в слой, где держались Листы, спускались очень редко. Как-то раз Хаст наблюдал нападение трех молний на китенка — бедняга был проколот в несколько секунд, хищники вцепились в мякоть киля под брюхом и рухнули вместе с потерявшей способность летать жертвой прямо в волны Океана. Молнии были королями среди плотоядных: способные набирать воздух в специальную полость и с силой извергать его в любом направлении, они перемещались в потоках независимо от ветра с поразительной быстротой, а привычка нападать втроем—впятером позволяла умерщвлять даже взрослых китов.

Величаво скользили мимо корзинки наусов, прикрытые сверху полетным шаром. Хаст готов был поклясться, что в корзинках кто-то копошится. Вполне возможно, что так же, как

Листы приютили людей, нелетающих животных и деревья, и наусы пустили в свои корзинки какую-нибудь мелочь. Наусов часто сопровождали парочки воркующих альбатросов — птиц, совершенно утративших ноги. Они всю жизнь проводили в полете, даже спали, не переставая парить в потоках податливого воздуха. Хаст смотрел на них с завистью: они никогда не расставались с крыльями.

А подняться в Небо хотелось все сильнее и сильнее. Набросить упряжь на гладкие семена клена, поймать ветер шероховатой плоскостью крыла и взмыть, подмяв восходящий поток, над Листом. Хаст закрывал глаза и видел, как сосны и веши проваливаются вниз, казавшаяся необъятной чаша вдруг становится похожей на чайное блюдце и виднеется целиком чуть в стороне и внизу. И даже машет кто-то с поляны, машет рукой, приветствуя ло-охотника...

Хаст вспомнил, как он учился летать; как тайком с тя Гри, подростком, еще не охотником, стянули по упряжи и поднялись в небо, впервые без ло-наставника. Как влетели по неопытности в стаю пираний, небольших существ, состоящих из зубастой пасти и летательного шарика, как еле сумели вырваться, сломав крылья о плоть вечно голодных хищников у самого Листа, и как вдвоем спасались на одной прилипале... Еле дотянули до кромки — еще немного, и их тела навечно остались бы на поверхности Низа, рухнув с пятикилометровой высоты...

Хаст часто сидел у третьей кромки, наблюдая жизнь Высоты; раньше, во время жизни в клане, на это не хватало времени. Первые годы плена он сосредоточился на лесе, позже стал поглядывать и за кромки Листа. Скиит обыкновенно дремал на шелушащемся валике или пристраивался на ветке молодого деревца, если такое попадалось вблизи от края. Ближе к осени совенок начал летать, с каждым днем все увереннее и увереннее.

Хаст привязался к пестрому птенцу, еще нескладному, как и все подростки, радовался его крепнущим крыльям и хитроумным проделкам; учил его садиться на руку, защищенную шкурой зубра; учил бить куропатов, пикируя на них с веток сосен, веш и грабов; учил не пожирать добычу тут же, а прино-

сить ему, Хасту. Скиит оказался на редкость сообразительной птицей: обучался быстро и охотно и платил человеку завидной преданностью. Хаст даже научил его приносить выпущенные стрелы. Натаскивал его Хаст без особой цели: скорее от избытка свободного времени.

Пока вдруг не понял, что крылья совенка могут спасти его, бескрылого отшельника, в прошлом — охотника клана логвита Стипо.

К южной зиме Скиит привык к алой тряпице на лапе, больше не рвал висящую ленту с письменами и не позволял ей запутаться в ветвях, когда обосновывался на дереве.

Мысль Хаста была проста: если у него самого нет крыльев, почему бы не поставить на службу крылья Скиита? Если рядом окажется населенный Лист, совенок перелетит на него, найдет людей и позволит им прочесть послание на ленте. Любой клан обязательно поможет ему: кто-нибудь из охотников взмоет в Небо на двойных крыльях и оставит одну пару Хасту. А там уж он сам: найдет нормальный Лист, с кленами и отправится в долгий поиск родного клана. Придется основательно пошарить в Небе, его Лист может находиться где угодно, но перспектива бесконечных перелетов совсем не пугала его. По крайней мере это лучше, чем сидеть на странном Листе, отщепенце Высот, не имея возможности подняться в прозрачный воздушный поток.

Солнце застыло точно на юге, наполовину скрывшись за горизонтом; Луна успеет двадцать раз взойти и сесть, прежде чем оно вновь придет в движение. Глядя на половинку багрового диска, Хаст гладил Скиита по клювастой голове.

— Мы еще взлетим вместе, птица... Крыло к крылу... И поохотимся на славу в теплых ветрах Высот...

К первым ночам Скиит безошибочно выполнял приказы Хаста. Ленту с лапы совенка Хаст теперь не снимал. Дважды он посылал крылатого помощника на соседние Листы, но оба оказались необитаемыми. Оставалось терпеливо ждать.

Скиит, казалось, все понимал. С писком он взмывал над пристанищем Хаста и часами кружил, высматривая далекие Листы. Глаза у него были не в пример зорче человечьих. Хаст еще сильнее привязался к спасенному птенцу, подкармливал

лакомыми кусочками со своего стола, хотя Скиит давно уже охотился самостоятельно; иногда расчесывал отрастающие перья, а раз пришлось подрезать сломанный коготь. Впрочем, коготь быстро отрос и стерся на кончике, став таким же острым, как раньше.

Третий Лист высмотрел именно Скиит. Хаст еще спал в жилой полости. Солнце давно взошло, ночь достигла к этому моменту всего трех часов. Весна была в самом разгаре: деревья меняли листву, зеленые побеги лезли из набухших почек, выталкивая прошлогодние листья. Совенок с пронзительным писком ворвался в полость, оглушительно хлопая крыльями. Хаст сразу проснулся, но не сразу понял, что происходит. Когда же понял — со всех ног кинулся к краю, за совенком.

Недолгая пробежка через лес привела его почти точно на «нос»; Скиит, по-прежнему пищавший, сел на ветку коренастой, как и все деревья у края, вещи.

Вдали и чуть ниже величаво парил Лист, явно обитаемый: Хаст сразу различил столбики дыма, поднимающиеся вверх. Его, наверное, принесло позавчерашним штормом с севера, из-за Океана. Лист продолжал постепенно снижаться, охладившись в холодном штормовом потоке.

У Хаста перехватило дыхание.

— Ну, малыш...

Он подставил незащищенную руку, и Скиит преданно оседлал ее. Страшные кривые когти не оставили на коже ни единой царапины.

— Лети! Отыщи людей! Люди, Скиит! Люди!

Пестрая птица взмахнула крыльями и ринулась в прозрачную бездну. Маховые перья разошлись, и крылья стали похожи на человеческие руки с растопыренными пальцами. Совенок устремился к недалекому Листу, и Хасту показалось, что его не догнала бы даже молния.

— Скиит! — пискнул его пернатый друг, а потом защелкал и засвистал — впервые в жизни по-взрослому.

Хаст еще долго слышал трели, постепенно утихающие, растворяющиеся в шепоте Высоты. Он сел на кромку и стал ждать,

пристально уставившись на соседний Лист, так, что стали болеть и слезиться глаза.

Он ждал долго, Солнце прошло зенит и начало клониться к точке сегодняшнего заката, а он недвижимо сидел перед рыхлым валиком третьей кромки. Хотелось есть, но никакая сила не прогнала бы сейчас Хаста с его поста. Он ждал возвращения Скиита, не в силах поверить, что одиночество продлится и дальше. Шесть лет, даже больше — с него вполне хватит...

Крошечную точку, отделившуюся от Листа, Хаст заметил сразу же. У него перехватило дыхание. Вглядываясь до рези в глазах, Хаст почувствовал, как взмокли ладони.

Скоро не осталось сомнений: к Листу-отшельнику приближался человек на крыльях-семенах клена. Причем на двойных, это Хаст понял по слабому изгибу лопастей на виражах.

Он стоял, еще не веря в спасение.

А когда человек приблизился, Хаст чуть не сполз с кромки на зеленое тело Листа: не узнать ло Гри было трудно. Друг, верный друг детства летел на выручку!

Хаст почувствовал, как по щекам потекли слезы. Он замахал руками, и ло Гри, чуть наклонив крылья, заскользил прямо к нему.

Через минуту ло Гри сел и отстегнул упряжь; две пары намертво связанных крыльев легли между кромками. Хаст... нет — снова ло Хаст бросился к другу, растопырив для объятий руки.

Почему-то ло Гри молчал, хотя ло Хаст ждал бурных приветствий. Вскоре он понял почему.

Ло Гри расстегнул сумку и вынул оттуда пестрое тельце молодой певчей совы. С лапы свисала алая ленточка с письменами.

Ло Хаст замер.

— Извини, — глухо сказал ло Гри. — Я ее убил...

Он опустил трупик Скиита у ног потерянного и найденного спустя шесть с половиной лет приятеля.

Ло Хаст склонился над враз ставшим жалким и безжизненным комочком плоти и окровавленных перьев. Было видно, куда вошла стрела, и еще ло Хаст заметил, что на левой лапе не хватает самого длинного когтя.

— Скиит, дружище...

Потрясенный ло Хаст поднял взгляд на ло Гри — на шее у того висело целое ожерелье из когтей.

Ло Гри, перехватив его взгляд, снял ожерелье и хмуро уставился под ноги.

— Если бы я не отрезал совам когти, я бы не увидел твоего послания... Я понимаю, что уже поздно и ничего не изменишь, но — поверь, друг, я мстил им за тебя...

Ло Хаст словно завороженный встал с колен, приблизился к хмурому ло Гри и взял ожерелье у него из рук. Несколько секунд подержал в руках, а потом, размахнувшись, швырнул его за край.

Ло Гри покорно проводил ожерелье взглядом.

— Поклянись, — негромко попросил друга ло Хаст, — поклянись, что больше никогда в жизни не убьешь певчую сову.

Ло Гри не колеблясь приложил руку к сердцу, но ни слова не успел произнести: знакомая трель донеслась с опушки, беспечная и радостная.

Хаст, вновь ставший охотником, увидел, как ло Гри вздрогнул.

Николаев—Москва, 1994—1995 гг.

От автора

Так уж случилось, что служить в Вооруженных силах мне пришлось дважды: 27 месяцев на границе и потом, спустя два года после демобилизации, еще три месяца на офицерских курсах. И если на границе я написал десяток рассказов, то на курсах — всего один, зато горячо любимый до сих пор. Изначально я хотел написать повесть-матрешку об оборотнях: будто бы в купе поезда встречаются четверо попутчиков, постепенно разговор заходит об оборотнях, и они по очереди начинают рассказывать соответствующие истории. «Пелена» — одна из трех историй. Трое попутчиков рассказали, а четвертый... Впрочем, не стану раскрывать карты раньше времени, возможно, этот проект когда-нибудь и будет реализован. Позволю себе лишь разочаровать особо проницательных: нет, четвертый попутчик оборотнем не окажется. Как и остальные трое.

Пелена

Рассказ

Бойт ждал пятницы с отчаянием — ночь на субботу была первой ночью полнолуния. Значит, опять начнется... Боль во всем теле, приблизительно с полуночи. И слухи, слухи, ползущие по городку: «Вы слыхали? У Фарлингов сын пропал. И сарай сломан, а забор и вовсе в щепы...»; «А следы, следы? Кто может оставлять такие следы на земле?»; «Кто?» Потом, конечно, найдутся обезображенные останки молодого Фарлинга, жители торопливо попрячутся по домам, запирая двери и ставни, потому что покрасневшее солнце нырнет за горизонт и сразу же навалятся липкие июньские сумерки, а за ними — вторая ночь полнолуния.

Бойт удрученно вздохнул. Все началось недавно — это полнолуние всего третье. И все же... Уже четырежды находили истерзанные останки жителей Армидейла, неосторожно покинувших свои дома ночью. Несколько раз к утру оказывались полуразрушенными деревянные строения.

Городок погрузился в оцепенение. Обитатели отсиживались за мощными стенами старых каменных домов, понимая, что оборотень — кто-то из местных. Армидейл — такая глушь, что за ночь добраться от ближайшего селения можно разве что на самолете, а самолеты сохранились только в столице и, говорят, давно уже не летают. Горы и лес окружили городок с трех сто-

рон, единственная дорога убегала на юг, где далеко-далеко, в неделе пути, лежит такой же замшелый городишко Гриборг.

Бойт торопливо шагал по улице, обдумывая то, что пришло в голову сегодня утром. Соседи безмолвно кивали ему — Бойт здоровался и сразу же опускал взгляд. Он боялся, как и все в Армидейле.

Правда, никто не мог узнать, что боится он совсем не того, что остальные. Самое парадоксальное — больше всех боялся именно Бойт. Остальные боялись только оборотня. Бойт боялся всего — себя, сограждан. Боялся, что его разоблачат. Боялся неминуемой и неотвратимой расправы. Как ужасно терзаться страхом, которому виновник — ты сам! И ведь поделать ничего нельзя.

Бойт от бессилия зажмурился и до боли сжал кулаки.

Дом у него был старый и крепкий. Будь оборотнем кто другой, Бойт чувствовал бы себя вполне в безопасности за его массивными стенами.

Дверь глухо хлопнула, закрываясь. Бойт замер на пороге комнаты. Итак... Получится ли?

Лан неслышно подошел к сестре и положил руки ей на плечи. Васта испуганно вскрикнула, отшатнулась прочь. В глазах ее сверкнул ужас. Лан смутился.

— Прости... Я не хотел тебя испугать...

Сестра всхлипнула, опускаясь на табурет.

— Господи... Сколько это будет продолжаться?

— Прости, Васта. Мне кажется, я кое-что придумал.

Васта горько усмехнулась:

— Что ты мог придумать? Кто может справиться с этой тварью?

Лан не успел ответить — в наружную дверь постучали. Почти одновременно часы пробили десять вечера.

— Не открывай! — прошептала Васта, судорожно вцепившись брату в локоть. — Это ОН!

«Рано еще, до полуночи далеко...» — подумал Лан и вышел в сени. Васта не отпускала его руки.

— Не открывай!!!

В дверь опять постучали. Удары гулко отдавались во всем доме.

Лан взял свободной рукой разрядник, всегда висевший на крайнем крючке вешалки, и громко спросил:

— Кто там?

Снаружи донеслось:

— Лан! Открой! Это мы — Ари и Веселый. Открой, пожалуйста!

Васта вздрогнула и крепко сжала брату ладонь: Ари был ее женихом.

— Что вы, черт возьми, делаете во дворе в такой час?

— Лан, у нас в спальне кто-то окно вышиб. В дом теперь может влезть кто угодно. Открой, пожалуйста! Нам негде укрыться. Эй, слышишь?

Лан колебался.

— Почем мне знать, вы это или только притворяетесь?

— Лан, прошу тебя, мы уже десять минут торчим на улице беззащитными...

— Ари, — перебила Васта, скажи, как ты меня называешь? Только ты? Как?

Из-за двери сразу же послышалось:

— Шао!

— Это он! — сказала Васта брату. — Никто не может этого знать.

Лан отступил и отодвинул тяжелый засов. В сени поспешно ввалились двое — Ари и его закадычный дружок, имени которого никто не помнил. Звали его просто «Веселый».

В открытую дверь на миг заглянул желтый кругляш полной луны. Лан защелкал замками.

— Черти бы вас побрали! Шляетесь в такое время... — проворчал он, вешая разрядник на место.

Веселый сегодня выглядел не особенно веселым. Ари перестал обниматься с Вастой и повернулся к Лану.

— По правде говоря, дом у нас в полном порядке, Лан. Просто я придумал, как изловить это отродье, — сказал он.

Лан покачал головой:

— Ты идиот, Ари. Я бы ни за что не вышел на улицу в потемках.

— Надо же что-нибудь делать, — пожал плечами Ари и усадил Васту в кресло. Лан вздохнул, вопросительно качнув головой:

— Ну, выкладывай, что ты там придумал.

Звезды поблекли, темнота расползлась, уступая место рассвету. Бойт дернулся и пришел в себя. Все тело ломило и жгло, словно его долго топтали в кислотной луже.

Он огляделся. Городок виднелся в полумиле слева. Бойт вскочил, превозмогая боль, и побежал туда, торопясь скрыться, пока окончательно не рассвело. Бежал он по знакомому следу — двойной цепочке четких глубоких отпечатков, внушающих подсознательное смутное беспокойство.

Значит, ничего не вышло. Вчерашняя выдумка не остановила его.

На околице Бойт свернул со следа и задами пробрался к своему дому. Дверь болталась на легком ветру, распахнутая настежь. Он вошел в комнату и уставился на груду битого кирпича вперемешку со штукатуркой.

Вчера он снял люстру, привязал к крюку в потолке крепкую капроновую веревку с петлей на конце. Еще одной веревкой обвязал массивную чугунную печь. Около полуночи встал на табурет, одну петлю захлестнул на ногах, другую на запястьях. Завалился набок, взвыв от боли в вывернутых плечах, и повис, растянутый между потолком и печью, абсолютно беспомощный. Это было вчера вечером. Больше он ничего не помнил.

Бойт угрюмо поднял глаза. Крюк был вырван с мясом. На потолке остался безобразный кратер метрового диаметра. Сам крюк с креплением валялся посреди комнаты. Шнур, привязанный к печи, был просто оборван и пестрой змеей свился в углу.

Бойт судорожно сглотнул и обессиленно повалился на кровать. Боль медленно отступала. «А ведь сегодня нужно еще что-нибудь придумать», — мелькнула вялая мысль.

Армидейл тем временем оживал. Вот хлопнули отворяемые ставни, вот показалось помятое, тронутое ночным страхом и бессонницей лицо.

Спустя час Бойт встал и начал собираться на работу. Работал он единственным продавцом в крошечном магазинчике и обычно целый день механически принимал деньги, отпускал покупки, а сам думал все время о своем.

Бойт запер дом и побрел вверх по улочке к магазину. Сегодня должен был заявиться хозяин и привезти партию товаров, ну и, разумеется, устроить Бойту обычный разнос, после которого все пойдет как прежде.

Жители Армидейла торопливо кивали друг другу и спешили поскорее разойтись. Бойт вел себя точно так же.

У дома Ридли Ньюмена стояла группа прохожих. С двух сторон дом был основательно разворочен — стены рухнули и развалились по кирпичику, крыша перекосилась и просела почти до земли. С чердака только что сняли насмерть перепуганного сына Ридли; самого хозяина и его жены нигде не было видно. И следы, следы, знакомые жуткие следы кругом... Бойт вздрогнул и быстро зашагал прочь.

Лан вернулся через час. Ари и Веселый побросали лопаты и выбрались наверх.

— На этот раз Ридли Ньюмен с женой, — глухо сообщил Лан. — Вдребезги, в пыль...

— А мальчишка? — спросила Васта. Она стояла в дверях, опираясь ладонью о косяк, и смотрела на Лана.

— Живой, но, похоже, лишился рассудка.

Ари скрипнул зубами и прыгнул в яму, на лету подхватив лопату.

— Давайте! Времени не так много.

Втроем дело у них пошло споро. Яма быстро углублялась.

Около двух Васта заявила, что всем давно пора передохнуть и подкрепиться. Сели за стол. Васта до сих пор слабо представляла себе, что же задумали парни.

— У меня такое впечатление, — объяснял ей Ари и одновременно рассуждал вслух, — что оборотень двигается не быстрее нас. Все его жертвы и не пытались бежать — они погибли, парализованные страхом. Обычно он нападает на не слишком прочные дома и ломает их. Дверь, окно, и все — обыватель уже вопит от страха. Кто попадается во дворе — рвет на части или

давит, словно грузовик. Вспомните первые убийства — след оборотня везде был коротким. Это значит, что догонять жертву ему не приходилось. А вот Веселый месяц назад попался ему на дороге, но удрал. Побежал и оторвался уже через минуту.

— Ты видел оборотня? — изумился Лан.

Веселый угрюмо кивнул:

— Да.

Васта схватилась за виски:

— Господи...

Лан чужим голосом спросил:

— И... какой он?

Веселый помедлил и сказал с интонациями пророка:

— Я не хочу никого пугать. Но если мы его не перехитрим, он убьет нас всех.

Все притихли. Потом Ари завершил:

— В общем, Васта, хоть оборотень и становится гораздо сильнее в ночном обличье, в скорости он вовсе не прибавляет. Мы хотим замаскировать нашу яму, заманить его туда и убить.

Васта покачала головой:

— Неужели это так просто?

Ари встал.

— Нет. Но мы попытаемся. Если не трусить и все рассчитать... — он обратился к Лану: — Пошли! Лучше, чтобы яму никто не видел.

Вскоре западня была готова. Ари обозначил ее границы неприметными вешками.

Двор Лана с улицы почти не просматривался: высокая живая изгородь ощетинилась короткими шипами и сплошной пеленой мелких зеленых листьев образовывала настоящую стену. Яму выкопали посреди двора; дальнюю ее сторону прикрывал дом; ближнюю — изгородь. Справа был крепкий каменный сарай, слева — дорожка от калитки к дому.

Веселый влез на столб у калитки и прикручивал проволокой мощный прожектор. Ари и так, и эдак приглядывался к западне, доводя маскировку до совершенства. Лан за домом разбрасывал вынутую землю, потом ему стал помогать Веселый. Скоро участок стал выглядеть просто вскопанным.

Только после этого они собрались в доме. Васта привычно проверила запоры на окнах.

Вечерело. На голубом еще небе отчетливо виднелся бледный диск полной луны.

Васта взглянула на Веселого и без выражения спросила:

— Думаешь, твой прожектор поможет?

Тот неопределенно пожал плечами:

— Все же лучше, чем столкнуться с ним при свете одной лишь луны.

— Так он вам туда и свалится.

Веселый только усмехнулся.

Смеркалось быстро. Васта хотела уже закрыть ставни, но Лан ее остановил.

— Иди-ка ты в свою комнату, сестра, запрись и постарайся уснуть. Ты нам будешь только мешать. — Голос у брата был непривычно ломкий. Васта просто не смогла не подчиниться, хотя перспектива остаться в одиночестве в темной комнате отнюдь не радовала ее. Ари обнял ее и отвел в спальню. Ключ дважды провернулся в замке.

И они стали ждать. Часы пробили десять, потом одиннадцать. За окнами было тихо, только шелестела листва на ветру. Прожектор на столбе ярко освещал двор и часть улицы, и от этого липкий полумрак за пределами светлого круга казался еще более зловещим и непроницаемым.

В полночь они открыли дверь, застыли на крыльце.

Армидейл глядел в ночь редкими огоньками. Темные туши домов выстроились вдоль едва освещенных фонарями улиц. Гнетущий лунный свет скупо разливался вокруг.

— Черт побери! — прошептал Ари. — Поди угадай, откуда он явится!

Веселый на ватных ногах проковылял по дорожке и вышел на улицу. Постоял посреди пустынной дороги — нелепый, жалкий и одинокий. Крикнул срывающимся голосом:

— Эй! Где ты? Иди сюда!

Лан ткнулся в плечо Ари:

— Ну почему мы такие беспомощные в этой пелене?

Веселый все переминался с ноги на ногу посреди освещенного пространства, вертел головой — озирался. Так прошло минут двадцать.

Вдруг Веселый подобрался и бочком, бочком юркнул в калитку; взбежал на крыльцо. Лан сжал разрядник, до рези в глазах вглядываясь в обманчивый полумрак. Но ничего не происходило, все осталось так же зыбко, тихо и неподвижно. Веселого трясло. Он прошептал:

— Я больше не могу...

Ари зло сплюнул.

— Так мы ничего не добьемся.

А ночь раскинула крылья, поглотив и Армидейл, и горы, и полмира, и драгоценным бриллиантом сияла в небе над ними полная луна.

Они вернулись в дом, пытаясь что-нибудь придумать; у двери все время находился кто-то один. Позже к ним присоединилась Васта, издерганная и усталая.

А перед рассветом ночную тишину вспорол отдаленный рев и полный отчаяния и безысходности пронзительный крик. Все четверо мигом оказались на крыльце, напряженно уставившись в темноту; Лан судорожно держался за разрядник, внешне совсем маленький и безобидный. Васта прижалась к Ари.

Оборотень чинил расправу кварталах в пяти от них. Крики оборвались почти сразу, а густой утробный рев еще долго сотрясал теплый июньский воздух. Луна села час назад, там было темно, как в преисподней. Каждый понимал, что бежать на помощь уже поздно.

Потом начало светать, и они заснули кто где сидел, разбитые и утомленные нервной ночью, забыв даже закрыть дверь.

Лан очнулся, когда часы в комнате пробили пять вечера. Не проснулся, а именно очнулся, ибо то безграничное и бездонное забытье, куда он провалился, сном назвать было трудно.

Ари с Веселым сидели на крыльце, вполголоса переговариваясь, Васта еще спала. Лан с хрустом потянулся и побрел к зеркалу. Заснул и очнулся он с одной и той же мыслью: как приманить оборотня к дому? Не устраивать же вечеринку на крыльце...

Стоп! А почему бы и нет?

Лан круто развернулся и вышел к Ари с Веселым. Те сразу заметили оживление на его лице.

— Ты как будто что-то придумал?

— Кажется, да!

Кого настиг оборотень прошлой ночью, они в тот день так и не узнали. А когда стало темнеть, недоумевающие соседи могли видеть ярко освещенное крыльцо в доме Лана, накрытый на четверых стол и веселящуюся компанию. Далеко окрест разносился звон гитары и сдержанный смех. Среди столовых приборов как бы случайно лежал разрядник.

Веселый последние два часа перед темнотой провел в импровизированной химической лаборатории. Теперь он вертел в ладонях два стеклянных пузырька с вязкой жидкостью цвета серебра.

«Гуляли» почти до утра. Но оборотень так и не появился. Эту ночь его вообще никто не видел и не слышал — первая ночь без жертв. Армидейл не знал, что делать — вздохнуть свободно или бояться еще сильнее. На дом Лана смотрели с подозрением: не они ли? Ведь никто не пострадал...

Напрасно ждали его и следующей ночью. Нервы Лана и его сообщников натянулись до предела. Шла последняя ночь полнолуния.

На закате Ари с Веселым решили обойти дом. Просто так, без какого-либо умысла. И на разбросанной два дня назад земле наткнулись на знакомые зловещие следы.

Лан сидел на крыльце и чистил разрядник, на который почему-то очень надеялся. Когда из-за угла пулей вылетел Ари с перекошенным лицом, Лан непроизвольно вздрогнул и вскинул оружие.

— Лан! Он все-таки был здесь! Последние две ночи выжидал за домом!

Потом они все вместе ходили осматривать следы и сломанный забор. Веселый хмурился, Ари все ждал, что же скажет Лан. А тот не спешил.

— Ну что? — не выдержал Ари. — Кажется, мы теперь знаем, откуда его ждать!

Лан не ответил. Он тоже об этом подумал. Если оборотень опять придет и решит напасть, значит, он выйдет к крыльцу слева, между домом и сараем, и если убегать с крыльца по дорожке, оборотень, преследуя их, неминуемо попадет в западню.

Но сейчас Лана волновало не это. Во-первых, как тварь смогла бесшумно сломать забор и подобраться к дому? Так, что даже они, ждущие и настороженные, ничего не заподозрили? И почему, черт возьми, он две ночи выжидал? Что его удерживало?

Лан терялся в догадках. Все разрешить могла только ночь. Последняя ночь полнолуния.

И она пришла, затянув городок зыбкой неясной пеленой; разбросала по угольному бархату неба колючие светляки далеких звезд; и глянула на мир круглым немигающим глазом полной луны!

Прошла полночь. Шумная компания во дворе Лана на фоне вымершего городка казалась несколько неестественной. Но у них не осталось выбора. Они должны были победить.

Спиной к щели между домом и сараем сидел только Ари. Лан с Веселым не спускали с нее глаз. Васта уже дважды ходила в спальню и украдкой глядела в окно, пытаясь увидеть выжидающего за домом оборотня.

Ветер запутался в листве серебристых тополей, слегка колыхая их стройные кроны, но шелест заглушала музыка.

Васта в третий раз пошла взглянуть в окно. Вот тут-то все и началось.

Оборвалась на полуслове песня, погас на столбе прожектор. И, кромсая на части ночную тишь, в воздухе завис громкий рев, перекрывая крик, одновременно вырвавшийся из трех мужских глоток. Васта закричала секундой позже.

Оборотень напал совсем не с той стороны, откуда его ожидали. Он проломил ограду соседского двора справа от крыльца и оказался на дорожке, ведущей к воротам. Ни Ари, ни Лан, ни Веселый не успели ничего заметить; сообразили только: «Началось!» Перед глазами плыли цветные пятна. Лан рефлекторно вскинул разрядник и наудачу выпалил. В свете короткой вспышки они увидели массивное приземистое тело в каких-то двух-трех шагах от себя. Лан попал, динамический удар отшвырнул оборотня от ступенек, воздух сотряс новый злобный рев.

Секундой позже опомнилась Васта и метнулась к пускателю аварийного дизеля. В темноте прихожей она зацепилась за

кресло, налетела на стеллаж с книгами. На счастье, палец ее угодил прямо на кнопку и грохот просыпавшихся книг заглушил вой генератора. Над крыльцом как раз вовремя вспыхнула тусклая пыльная лампочка.

Оборотень вновь лез по ступеням, дыра в широком боку быстро затягивалась. В неверном колеблющемся свете он казался огромным, хотя на самом деле был даже ниже малыша-Веселого.

Ари опрокинул на тварь сервированный стол и перемахнул через перила. Разрядник Лана плюнул плазмой еще раз, однако оборотень заращивал раны прямо на глазах. Его лишь отбросило к стене дома. Веселый, пригнувшись, пересекал двор. Лан выстрелил еще дважды и швырнул бесполезный разрядник, целясь оборотню в глаза. Ари жался к стене: оборотень загнал его в угол, где крыльцо примыкало к дому, и не подмял до сих пор только потому, что его отвлекал Лан своей стрельбой. Стараясь использовать оставшиеся секунды, Ари попытался вскарабкаться на крыльцо, но оборотень успел сцапать его сзади. Ари подтянулся на руках, перевалился через перила и, оглянувшись, осознал, что у него больше нет левой ноги. Боли не было — его переполняло только отчаяние и ненависть.

Лан с Веселым подкрались, пока оборотень драл Ари, и обрушили на него тяжеленную дубовую колодину. Тот развернулся, мотнул могучей лапой — Лана отбросило через весь двор к калитке. Веселый увернулся и бросился наутек. Оборотень рыкнул и в два скачка нагнал его. Веселый вдруг споткнулся и упал.

В этой суматохе никто не заметил, как Васта выпрыгнула в боковое окно и скользнула за сарай, к задней двери.

Лан у калитки пытался подняться, но не мог — все время падал. Веселый еще раз увернулся от страшной лапы и наконец вскочил. Оборотень приготовился на него ринуться, однако не успел.

Из сарая с пронзительным воплем, от которого вздрогнул даже оборотень, показалась Васта. Ее светлая фигурка явственно выделялась на фоне темной стены.

— Сюда! Иди сюда, тварь!

На секунду их взгляды встретились. Оборотень замер, повернувшись к ней. А потом стал медленно приближаться.

Веселый метнулся на крыльцо, где выронил свои пузырьки. Их подал ему Ари.

С громким хрустом настил над ямой проломился, оборотень, тяжело осев на левый бок, провалился в западню. Лапы скользнули по краю ямы, но зацепиться было не за что. Оборотень попался.

Над городком раскатился злобный, но бессильный уже рев. Веселый, став на краю западни, с силой метнул вниз оба пузырька. Они с легким хлопком разлетелись на мелкие стеклянные брызги от удара о закаленную сталь. Над ямой сразу же заклубился густой белесый дым.

Васта охнула и опустилась на землю у стены сарая, Лан чертыхался и умолял помочь ему подняться. Ари молча наблюдал с крыльца за развязкой. Веселый первым делом сходил к электрощиту, а Вастой занялся, только когда вспыхнул прожектор, свет в доме и совершенно не к месту заиграла музыка.

А оборотень тем временем быстро ржавел в западне.

Веселый больше не спешил. Отвел слегка пришедшую в себя Васту в дом, взял отвертку и щуп, кое-как вогнал в пристойный режим сплющенный гирофиз Лана, а потом они уже вдвоем осмотрели Ари. Сам он не пострадал, а вот оторванная нога, помятая и погнутая оборотнем, годилась разве что в утиль. Пришлось усадить Ари в кресло и совсем отмонтировать ему бесполезный обрубок — новую ногу ему прикрепят днем, в мастерской Бена.

Только после этого Лан с Веселым подошли к яме. Оборотень, рыжий от ржавчины, неподвижно валялся на дне. Лан втянул в голову в плечи.

— Дьявольщина! Вот он уже и не опасен, а все равно жутко, правда?

Веселый кивнул.

— Что у тебя было в бутылочках? Какой-то катализатор?

— Угу, — нехотя промычал Веселый. — Рапид-окислитель.

Они собрались было отойти, но тут оборотень всхрапнул, дернулся, могучие лапы вдруг с ужасающим скрежетом разложились на восемь сегментов, шипастые гусеницы обвисли, ковш

впереди стал стремительно выгибаться, принимая очертания передней панели обычной серийной модели. С хрустом становились на места сочленения, перемонтировались отдельные узлы, и через несколько минут на дне ловушки лежал такой же робот, как и Лан с Всеселым, только насквозь проржавевший.

— Бойт! — узнал его Веселый. — Подумать только, Бойт! Этот жалкий продавец, тихоня и неудачник!

— Да-а... — протянул Лан. — Так и запишем: серийный кибер-продавец 2A-JR, образца 7226 года, бульдозер-роборотень.

Васта собирала на крыльце разбросанный сервиз — разрисованные цветочками мини-аккумуляторы.

— Васта! — окликнул ее Лан. — Знаешь, кто это? Бойт, продавец из магазина.

Но Васта только тихонько всхлипывала.

Апрель 1990 г.
Григорьевка

От автора

А этот рассказ — дань творчеству другого известного фантаста — Ивана Ефремова. Понятно, что писался он давно и всех подробностей я сейчас не помню; помню лишь, что изначально он задумывался только в пределах первой части. А днем позже я вдруг неожиданно сам для себя открыл до половины исчерканную тетрадку и написал вторую часть.

Рассказ был достаточно благожелательно встречен на одном из семинаров ВТО в Ялте и включен в состав сборника, который так никогда и не вышел.

Ущелье Горного Духа

Реальная история

Часть 1
Блокнот, найденный в тайге

«Я был тогда совсем еще мальчишкой, не помню даже возраст — то ли десять лет, то ли одиннадцать, а может, и все двенадцать. Именно поэтому вам покажется, что воспоминания мои порой слишком ярки, а порой совсем уж полустерты, но ведь прошло уже больше десяти лет!

Почему Буслаев выбрал меня в попутчики, мог бы сказать только он сам, но вряд ли он жив. Наверное, потому что взрослые идти с ним не хотели, а совсем одному в тайге очень уж тоскливо. Буслаев много разговаривал со мной, серьезно, по-взрослому, и мне это нравилось. Я называл его Захарычем и мне это тоже нравилось. Задержать меня никто не мог: мать я не помнил (и не помню), отца — очень смутно. Все, что осталось от родителей, — это ветхая избенка на краю поселка, пустая и разваливающаяся, да цепочка с медальоном в виде серебристой змейки с красными глазами-бусинами у меня на шее. В ту пору я жил у старой, как сам поселок, бабки Матрены и вечерами читал ей Ветхий Завет, писанный в каком-то старообрядческом монастыре. Матрена кормила меня и даже подарила кое-что из одежонки, хотя прожил я у нее всего ничего —

перезимовал только. До этого меня ютили поселяне. Отца моего не забыли и часто поминали добрым словом; когда я, четырехлетний, остался один-одинешенек в родительской избе, люди обо мне позаботились. Пожалуй, сыграло свою роль и то, что я уже тогда умел читать и писать, ведь мой отец был единственным учителем на сотни верст окрестной тайги. Во всяком случае, в каждой семье, где мне приходилось жить, я много читал вслух толстые засаленные книги, совершенно не понимая содержания, и изредка писал «грамоты», как называли поселяне письма.

Буслаев был первым, кто ни разу не назвал меня «сироткой» и никогда не гладил по голове. Это сразу подкупило, и решил я, что пойду за ним куда угодно, хоть к черту в зубы! Но тогда я еще не знал, что так оно и окажется.

Выступили мы в мае, и тайга поглотила нас на целых четыре месяца. Первые пару недель нам изредка встречались охотники-якуты, а потом пошла такая глушь, что даже звери нас почти не боялись. Вещей у Буслаева было немного, практически все умещалось в ладном выцветшем заплечном мешке, который он всегда называл «сидор». У меня на спине болтался такой же, но поменьше и самодельный. Буслаев доверил мне нести все съестные припасы, спички и часть патронов. Меньшую, конечно, но мне и это ужасно льстило.

Чем занимался Буслаев в тайге, я до сих пор не понимаю. На геолога он совсем не походил, хотя имел настоящий геологический молоток и часто пользовался лихим инструментом, смахивающим на подзорную трубу со странной сеткой на линзе. Крепился прибор на легкой алюминиевой треноге. Так же часто Захарыч копал неглубокие круглые ямки, ловко орудуя короткой саперной лопаткой и напевая всегда одну и ту же заунывную песню на незнакомом языке. Что это за песня, я никогда не спрашивал. Жилось мне с Буслаевым неплохо — как я уже говорил, он держался на равных и относился ко мне вполне серьезно. Я помогал ему, чем мог, слушал его рассказы о тайге и о жизни в далеком и нереальном городе Киеве, смеялся историям, приключившимся некогда с самим Буслаевым или с его друзьями. До августа наша жизнь протекала спокойно и размеренно, как текут тихие таежные реки.

Изменился Буслаев резко и неожиданно для меня. Мы как раз карабкались по склону безымянного унылого гольца, неожиданно «начальник» замер и коротко выругался, чего с ним никогда прежде не случалось. Я проследил за его взглядом и увидел... как вам сказать? Овраг — не овраг, распадок — не распадок... В общем, представьте себе просто борозду длиной метров сто — сто пятьдесят. И это прямо посреди тайги. В жизни не видал ничего похожего, хотя вот уже лет десять лес покидаю только на зиму и дожидаюсь весну в поселке своего детства.

Короче, замер мой Буслаев и говорит:

— Леша... пять лосей твоей матери, это же ОНО! Ущелье Горного Ду... Гм!

Я совершенно не понял, при чем тут моя мать, и поэтому переспросил:

— Что?

Буслаев кашлянул и осторожно закончил:

— В общем, одно интересное ущелье.

Минут пять он созерцал борозду и окрестности, я стоял да помалкивал, ожидая.

— Считай, что нам повезло! Кто его только не искал!

Внизу, у подножия гольца, Буслаев совершенно неожиданно повесил ружье на сосну и здесь же на сучке оставил все патроны, ссыпав их в кожаную сумку, похожую на большой кисет.

Я глядел на него с испугом, и он объяснил:

— Безоружных он вроде не трогает.

— Кто — он? — не понял я.

Буслаев замялся, и я ощутил, что впервые с мая он не скажет мне правды.

— Ну... э-э-э... тот, кто ущелье охраняет.

— Зачем же охранять ущелье?

И снова Буслаев задумался.

— Там кое-что спрятано.

Я помолчал и вдруг неожиданно даже для себя тихо сказал:

— Захарыч! Мне кажется, что ты боишься.

Буслаев замахал руками:

— Вздор, Лешка! С чего ты взял?

Но я чувствовал, что он лжет.

Через минуту он убедительным тоном заявил, что если боялся бы, то ни за что не расстался бы с ружьем, но я молчал, и вскоре он оставил эту тему.

Ущелье было вовсе не ущелье, а действительно просто глубокая борозда в теле земли. Причем в центре она была глубже, чем с краев, словно кто-то громадный нехотя ковырнул когтем почву, коротко, с размаху. На край обрыва Буслаев меня не пустил. Сначала сам подполз и долго осматривался, потом разрешил подползти и мне.

Дно отстояло от нас метров на сорок, причем посреди отвесной стены виднелся широкий гладкий уступ. Спуститься на него удалось метрах в тридцати левее, но это случилось лишь через два часа, час из которых Буслаев валялся на краю ущелья и что-то разглядывал, час сидел на корточках у своего рюкзака, листая пухлый блокнот и загадочно бормоча.

На уступ Буслаев взял только моток веревки, молоток да наспех срубленный и заостренный кол. Спускались мы минут десять, причем я дважды чуть не сверзился с отвесной стены. О Захарыче я ничего не скажу, собой был занят, но сопел тот громче обычного.

В общем, спустились мы еще более или менее сносно. Уступ хороший, просторный, метра два, а то и пошире.

Вот тут-то и начались первые странности.

Взглянул я наверх ненароком — батюшки-светы, вместо двадцати метров крутой земляной стены я увидел по меньшей мере двести! Небо осталось где-то неимоверно высоко, застряв в узкой щели между стенами. Я, кажется, даже икать начал — если мы десять минут спускались, то сколько же будем подниматься? Да и не могли мы так глубоко забраться, во-первых, не успели бы, а во-вторых, сверху ущелье выглядело куда мельче. Буслаев мне шепчет: «Спокойно, Леха, все нормально». А с самого пот в три ручья. «Как же, думаю, нормально...» Потом соображаю, что на такой глубине в такой узкой расщелине должно быть гораздо темнее, а тут светло, как и наверху.

Буслаев тем временем наладился кол в уступ забивать. Наклонил его к стене, чтоб не выворотило, загнал на три четверти и ну веревку вязать. «Ага, — думаю, — спускаться будет».

Сбросил он веревку вниз, подергал — не оборвется ли. Веревка хорошая, крепкая, да и кол он вколотил на добрую сажень. Не должно вроде подвести.

— Слушай внимательно, — говорит. — Там, посреди спуска — пещера. Сейчас я потихоньку сползать начну, а ты здесь сиди. Если тихо будет, значит, все отлично и я потом тебя позову. Ну а если, не дай бог, закричу, тут уж лезь наверх и беги пошибче. Но! — Буслаев поднял вверх указательный палец. — Я просто уверен — УВЕРЕН! — что ничего подобного не произойдет. Понял?

Я кивнул.

— Это недолго, минут десять от силы.

Я опять кивнул. Буслаев странно посмотрел на меня и с шумом вздохнул:

— Ну, давай лапу.

Он пожал мне руку, ухватился за веревку и подошел к самому краю обрыва. Я заметил, что он трижды сплюнул через плечо. «Это еще зачем?» — думаю.

Как только он исчез из виду, я снова вверх поглядел, но не успел я всмотреться повнимательнее, послышался низкий тревожный звук. Гул — не гул, вой — не вой... И сразу же за ним дикий крик Буслаева. Я и не знаю, что нужно делать с человеком, чтобы он так кричал.

Я глядь, а веревка вместе с колом вниз полетела. Не знаю уж, какая пружина меня подбросила, но по стене я карабкался, ровно муха по стеклу. Вой сразу же смолк, я отчетливо услышал, как что-то шмякнулось оземь, и вслед за тем стон Буслаева: тихий такой, жалобный. Я застыл, вцепившись пальцами в неровности подъема.

Взобрался я к этому моменту метров на пятнадцать, не меньше. Верхний край стены оставался таким же далеким; я покосился вниз и обомлел: уступ был прямо подо мной, ногой можно дотянуться. Куда ж я лез все это время?

Помню, руки-ноги у меня сами собой разжались и обмякли, и я брякнулся на уступ, благо невысоко, носом прямо в дырку от кола. Дрожь меня бьет-колотит, и поделать ничего не могу. А внизу стонет Буслаев.

Тут меня следующая веселая мысль посещает. Веревка улетела вниз вместе с колом, это я видел совершенно ясно. А дырка в земле осталась маленькая, круглая и ровная — в аккурат нос мой только и влазит. Если кол вырвало, то почему не сковырнуло приличный ком земли? Забит-то он был с наклоном от обрыва, не меньше чем на метр в почву вогнан! Здесь же — дырочка и ничего более. Выходит, кол просто выдернули, хотя как это можно сделать? «А что? — думаю. — Высовывается из стены рука, сильная такая рука, волосатая, хватается за кол, выдергивает и исчезает в стене».

Вы пробовали когда-нибудь вырвать забитый в землю кол? И не пробуйте. Все равно что пытаться выпить Лену-реку.

Тут внизу опять стонет Буслаев.

Не знаю уж, о чем я потом думал, что делал? Очнулся внизу, рядом со стонущим Буслаевым. Тот жив, но без сознания, левая нога нелепо вывернута, как и не его. И воспоминание мимолетное: черный, тянущей затхлостью зев пещеры. На миг, на секунду. Но осмысливать некогда — хлопаю по щекам Буслаева.

Пришел в себя он на удивление быстро. «Нога!» — шепчет. «Сломана?» — ужасаюсь. Сломать ногу черт-те где, в глуши... Я ж его не дотащу! «Кажется, вывихнута. Ну-ка дерни!» Хватаю за ступню, рву на себя, что-то противно хрустит, Буслаев орет как... как... словом, громко и жутко орет, но нога у него, гляжу, уже вроде бы как своя. Прямо то есть. А Захарыч-то мой о ней тут же и забыл. Глядь вверх, на пещеру и тихо так говорит:

— Помоги мне встать!

Помогаю. Кое-как проковыляли мы с полсотни метров. Буслаев оглянулся — пещеры отсюда уже почти не видно. Ковыляем дальше, и тут соображаю я, что снизу ущелье выглядит куда мельче, чем с середины, с уступа. Как и сверху, метров на сорок. Голова идет кругом.

Через полчаса выбрались мы из этой чертовой борозды. Дно постепенно поднялось и ущелье незаметно сошло на нет.

— Отдохнем! — просит Буслаев и садится на выворотень. Я хотел тоже сесть, да думаю, лучше за мешками сбегаю. Так и говорю:

— Я за сидором, быстро!

Буслаев вдруг весь побелел и впервые за все время как заорет на меня:

— Куда? Ну-ка вернись! Не смей туда ходить!

Поворачиваюсь я и холодно так ему:

— Шалишь, Захарыч. Пропадем ведь без ружья, без припасов...

И бегом по краю обрыва. Сбоку тянется ущелье, стараюсь туда не смотреть. Когда я вещи подбирал, вроде опять тот чертов гул послышался, но тише, чем в первый раз. Жуткий звук, надо вам сказать! Людям такие не по ушам.

Короче, подобрал я мешки — и деру. Сидор Буслаевский за плечи закинул, свой спереди нацепил. После ружье лесиной с дерева сбросил, патроны тоже, и назад, к Захарычу. Тот, меня увидев, аж дышать снова начал от облегчения.

— Леха! Леха! — твердит.

Поковыляли мы дальше. Нога у Буслаева распухла, сапог даже не снимался, но дня примерно через три, говорит, пошла боль на убыль, а еще через неделю здоров был мой Захарыч, ровно огурчик с грядки, шагал, будто на параде. Правда, когда я на него не смотрел, все прихрамывал.

До поселка дохромали мы спустя месяц. Буслаев потом говорил мне, что вовек не забудет этого похода, что я — настоящий мужчина, что он мой вечный должник... А я нервно теребил медальон на шее, не зная, куда девать руки от смущения. Рассказывал всем, как я тащил его почти десять дней на себе, сквозь тайгу, хотя на самом деле какое там тащил? Поддерживал только. Но поставьте себя на мое место и поймете, что меня, мальчишку, просто распирало от гордости.

Лишь об одном Буслаев помалкивал: об ущелье. И мне запретил болтать, строго-настрого. Он ушел осенью с якутами куда-то на юго-запад, в сторону Сонгара. А оттуда, наверное, в далекий город Киев. А я остался зимовать в поселке. Сотни раз пересказывал я поселянам историю наших странствий. Но обещание, данное Захарычу, сдержал: в тот год ни одна живая душа не узнала об ущелье.

Объявился Буслаев в начале весны. Я радовался, ровно щенок при виде хозяина. Буслаев тоже лучился радостью; руку

потряс, по плечу хлопнул, чуть с ног не сбил. И тихонько так спрашивает сразу же:

— Не проговорился?

Я отчаянно замотал головой.

— Мужчина! — похвалил Буслаев и по секрету сообщил: — Скоро снова туда отправимся.

Он уехал почти на месяц, а когда вернулся — стоял уже май. С собой Буслаев привез несколько длинных прямоугольных ящиков, не особо, впрочем, тяжелых. Нашли якута с оленями, незнакомого; договорились, что он нам поможет, потому что все ящики Буслаев вознамерился тащить с собой. Пока все приготовили да наладились в путь, уже и май прошел.

Якута звали Малча. Олени несли на спинах буслаевские ящики (мы вложили бездну фантазии и все же ухитрились приспособить покорных зверюг к этому нелепому, в общем, грузу). Мы сами шли пешком. Захарыч часто спорил с Малчей по поводу дороги и путь наш поэтому живо напоминал хаотичный след чернильной мухи на чистом листе. К унылому гольцу мы выбрели спустя месяц и неделю, и то, по-моему, случайно. Буслаев повеселел и напыжился, а якута едва не хватил удар от испуга. Я уловил его слова, потому что немного понимаю якутов. Малча сказал по-русски «ущелье» и по-якутски не то «горного духа», не то «желтого духа», затрудняюсь точно перевести. Тогда-то я впервые и услышал о Горном Духе. Слова Буслаева год назад не в счет, он ведь их фактически так и не произнес, но теперь я их отчетливо вспомнил.

События прошлого лета представились мне совершенно в ином свете. Я не считал себя суеверным или боязливым, но не забывайте, сколько лет мне тогда исполнилось.

Малча в считанные минуты сбросил груз со спин своих олешек и поспешно удрал — другого слова я не подберу. Мы с Буслаевым остались наедине с тайгой, чертовым (вернее — духовым) ущельем и грудой продолговатых ящиков.

Дня три мы их перетаскивали к ущелью, еще пару дней Буслаев их распаковывал и собирал на краю обрыва какие-то диковинные конструкции, похожие на ажурные трехногие елки, оказавшиеся в итоге не более чем подъемником. Установили

его на самом краю, над уступом. Три ящика остались нераспакованными и их спустили на уступ.

Потом разразилась жуткая гроза и мы долго отсиживались в палатке, которую на этот раз захватили. Безостановочно хлестал сумасшедший ливень, а в унылый голец раз за разом лупили ветвистые фиолетовые молнии. Ночью мне несколько раз чудился тот самый тревожный вой и я просыпался, подолгу вслушиваясь в шорох дождя. Еще с неделю мы бездействовали, потому что размокшая земля превратилась в полужидкое болото, а на дне ущелья сплошной мутной лужей пузырилась собравшаяся со всей окрестной тайги вода, причем весело журчащие ручейки постоянно эту лужу подпитывали. Как-то утром Буслаев спросил, не слышу ли я по ночам странных звуков. «Воя?» — напрямик спросил я, теребя отцову цепочку со змейкой, и Буслаев отвернулся. Значит, не чудилось...

А вскоре у нас пропал котелок. Чудеса прямо, всю неделю оставался на ночь у кострища — и ничего, а тут вдруг словно сквозь землю канул. Куда он делся — ума не приложу! Захарыч неуверенно грешил на медведя, но я-то знал, что косолапый скорее унес бы нас двоих вместе с палаткой, чем пустой и выскобленный до блеска котелок. И потом: нашел чем успокоить мальчишку-подростка — медведем!

Пару дней мы шастали по округе с ружьями наперевес (я забыл написать: Захарыч еще весной подарил мне ружьишко тридцать второго калибра, чем привел в неописуемый восторг). Медведя, равно как и любых следов его пребывания, не нашли, зато подстрелили молодого изюбра и пекли куски мяса прямо на костре, насадив их на шомпола. По молчаливому соглашению ружья к обрыву мы не подносили, оставляя в палатке.

За это время тайга подсохла и мы вернулись к ущелью. Подъемнику дождь ничуть не повредил, а вот ящики на уступе до половины увязли в грунте, пришлось их откапывать. Всего за день, работая как одержимый, Буслаев собрал на уступе довольно странную вещь. Теперь я могу сравнить ее с буровой вышкой в миниатюре, хотя кое-что примешивалось и от все того же подъемника. Крепил и устанавливал Буслаев все на совесть, вгоняя металлические пруты в землю по самые шляпки, болты за-

винчивал до упора и даже чуть-чуть крепче. По-моему, свалить эту махину было не под силу и пароходу «Амгуема», который я несколько раз видел на Лене-реке, пусть бы он и забрался на наш уступ. Буслаев повеселел, напевал свою заунывную песню; напряжение последних дней как будто спало...

Чертовщина началась неожиданно; я наблюдал все это сверху. Как раз опустил Буслаеву большой прямоугольный железный лист. Захарыч прислонил его к стене и повернулся к своей махине. Я гадал, куда он будет прилаживать эту пластину, и тут заметил, что она медленно отделилась от стены и падает на Буслаева и его конструкцию. Вернее, момент начала движения я пропустил, увидел пластину уже в падении.

Этот жалкий металлический лист, который я спустил одной рукой, весящий не больше тридцати килограммов — кто бы мог подумать! — смел с уступа все: и плоды буслаевского труда, и его самого. Я и вскрикнуть не успел, все оказалось на дне ущелья. «Опять!» — подумал я и со всех ног припустил вдоль борозды, чтобы попасть вниз кружным путем. Через пару минут я уже был там.

Бог мой! Машина выглядела так, будто свалилась вовсе не с двадцати метров на податливую, еще толком не просохшую почву. Казалось, она рухнула из поднебесья на гранитные скалы. Говоря грубо, машиной она более не выглядела. Так, разрозненные металлические обломки, искореженные до неузнаваемости.

Сам Буслаев, напротив, не пострадал. Он потерянно застыл на коленях перед останками. У меня отлегло от сердца. Машину, конечно, жаль, но главное — Захарыч цел. Каюсь, но второй раз вести его через тайгу мне ни чуточки не хотелось.

Я ждал, когда он опомнится. Дух и его пещера совершенно вылетели у меня из головы. А зря.

Здоровенный ком земли обрушился Буслаеву на спину, опрокинув его, словно жбан с квасом. Следующий сбил с ног меня. Лежа на спине и прикрываясь руками я взглянул наверх, на уступ. Там кто-то копошился! Комья земли летели в нас безостановочно; Буслаев шипел и кашлял, пытаясь встать.

Так продолжалось с полминуты, потом кто-то на уступе приподнялся и взглянул на нас. Я пытаюсь описать именно то,

что чувствовал в тот момент, каким бы нелепым и странным мое чувство ни казалось.

В общем, представьте, что на вас взглянула большая куча земли, только что добросовестно вынутая из вырытой вашими же руками ямы. Представили? А теперь примите во внимание наши взвинченные до отказа нервы, учтите память о прошлом разе и полную тишину. Учли? Ну а теперь свалите себе на голову что-нибудь тяжелое, и вы приблизитесь к нашему состоянию в тот миг.

Эта куча земли, что подглядывала за нами, взвилась в воздух и погребла нас под собой. Оглядываясь, мы выбрались из-под нее чуть живые, а новая уже глядела на нас с уступа. Я уже приготовился ко вторичному погребению, но Буслаев вдруг, странно крикнув, схватил ком земли и швырнул на уступ.

Куча тут же спряталась!!!

Я чуть не упал. Не успел: секундой раньше на нас стала падать ВСЯ СТЕНА УЩЕЛЬЯ. Медленно и неумолимо.

— В сторону! — закричал Буслаев с надрывом.

Но все бесполезно. От этой лавины убежать мы уже не успевали, а выбраться из-под нее я не надеялся. Тем не менее я отпрянул и жалко прикрылся руками. Вопль мой был истошным и безнадежным.

Говорят, перед смертью вся жизнь проплывает перед глазами. Не знаю, ни о чем, кроме смерти, тогда не думал.

А она не мешкала.

С легким хрустом стена проломилась на мне и обратилась в пыль, осев на дно ущелья большим облаком.

Некоторое время я не мог вдохнуть. Сердце бешено колотилось; должно быть, стук его доносился до самого верха, на обрыв.

От стены на самом деле отделился всего лишь тонюсенький пласт, не толще граммофонной пластинки, но мы-то этого знать не могли! Знакомый низкий вой зазвучал на этот раз без злорадства. А что же Буслаев? Я обернулся, нашаривая его взглядом.

Не Захарыч мой родной стоял рядом — не представляю, как вам и сказать... Тварь, чужое создание, воплощение детских страхов. Я не смогу ее описать, человечество не придума-

ло таких слов. Но взгляд твари я, наверное, запомнил навечно: он способен любую живую душу обратить в пепел.

Мне показалось, что цепочка на моей шее превратилась в струйку раскаленного металла, а змейка — в сплошной комок непрерывной боли. Я бросился прочь, совершенно не помня себя, куда понесли ноги, и ЭТО — я знал! — бросилось за следом. Никогда я не бегал так быстро и так отчаянно.

А сзади настигал топот, все ближе и ближе, но нет, нет, успокойтесь, это был просто Буслаев. С перекошенным лицом, потный и испуганный, он бежал совсем рядом.

Не знаю, кто заставил меня увидеть его ТАКИМ... И каким он увидел меня, тоже не знаю, спрашивать не хочу и никогда не захочу.

Бежали мы, задыхаясь и хрипя, часа два. Вокруг было тихо. Проклятое ущелье не хотело отпускать нас: справа и слева все так же тянулись сорокаметровые стены, и только вверху, чистая и голубая, виднелась полоска неба, желанного и безопасного.

Ущелье отпустило нас через четыре дня. К этому времени я дошел до грани бреда. Отчасти — от пережитого, отчасти — от голода и усталости. Когда не осталось сил бежать, мы просто брели; тело работало само, без участия разума.

Читая эти строки, вам не представить наш ужас, для этого нужно попасть в ущелье и разозлить Горного Духа.

Потом мы долго тащились через тайгу. Питались ягодами и грибами, а это не очень сытная диета. Потеряли счет дням. скитались, словно дикие звери, пока не вышли к какой-то речушке, там еще был заброшенный прииск. Здесь нас подобрали, изможденных и полусвихнувшихся, геологи.

Окончательно я пришел в себя поздней осенью, в поселке, когда прощался с Буслаевым. Он вновь уезжал на запад, в Киев.

— Прощай, Леха! — говорил он. — Мы снова выкарабкались из этого ущелья. Знай, я вернусь летом и уже не буду таким дураком. Я вернусь не один и не с пустыми руками, и мы выкурим Горного Духа из его векового логова.

— Зачем? — спросил тогда я.

— Зачем? — повторил Захарыч. — А затем, что в той пещере есть то, ради чего стоит вернуться, несмотря на все, что мы пережили. Поверь мне.

Я поверил. Наверное, Горный Дух вселяется в каждого, кто осмелился побывать в этом ущелье.

Буслаев не вернулся. Разразилась война, и я напрасно ждал его каждую весну. Десять лет. Я еще надеюсь, хотя не уверен, ведь если бы он был жив, давно приехал бы.

Десять лет я искал это ущелье. Так получилось, что дороги к нему я совершенно не запомнил. Десять лет поисков, чтобы знать потом, куда идти. Не знаю, на что я рассчитывал, соваться туда в одиночку, по-моему, глупо. А расскажи кому — поверят ли?

Не знаю.

Но тем не менее я пишу эту историю в свой блокнот — тот самый, что подарил мне Буслаев. Потому что вчера я набрел на место, откуда виден Унылый голец. Это гораздо дальше, чем я предполагал, и намного севернее. Я ходил туда, но приближаться не стал. Ущелье на месте, и палатка наша все еще стоит. В бинокль я разглядел даже что-то поблескивающее у входа, не иначе некогда пропавший котелок. А вот подъемника у обрыва не видно, и я совершенно не помню, приключилось ли с ним что-нибудь тогда или это дела минувших десяти лет.

Сейчас допишу и пойду. Только посмотрю повнимательнее, я ведь не собираюсь туда спускаться. А хочется: проклятый Горный Дух крепко засел во мне. Но я вернусь. Посмотрю и вернусь. Заберу свой блокнот, дойду до поселка, поговорю с людьми. Наверняка что-нибудь знают, слышали, видели... Может, даже экспедицию сюда пришлют, здесь же что-то важное, я знаю! Ну а если вдруг не вернусь, останется мой блокнот, его обязательно кто-нибудь отыщет.

Но я непременно вернусь.

И еще мне кажется, будто слышен далекий низкий вой; теперь он звучит как зов. Но ведь это только кажется...

Все! Я пошел! Жди меня, мой блокнот, мой сидор, мое ружье! Дух не трогает безоружных — мы дважды спускались в ущелье и дважды сумели уйти.

Помоги мне, Горный Дух!»

Часть 2
Шура Коптин

Этот голец и впрямь выглядел очень унылым. Коптин долго его разглядывал, чувствуя, что уныние начинает переползать в душу. Левой рукой он машинально поглаживал шершавую обложку блокнота, лежащего в кармане, в правой привычно вертел ружейный патрон, желтый, как масло.

— Надо же! — прошептал он и зачем-то огляделся. Еще утром тишина совсем не действовала на него, теперь же она казалась зловещей.

Забросив за спину мешок и подобрав ружье, Коптин нерешительно потоптался, потом пересилил себя и пошел к гольцу. Стланик здесь был густой, пробираться сквозь него стоило больших трудов. Когда над самым ухом гнусно заорала сойка, Коптина передернуло; несколько минут он чувствовал и вроде бы даже слышал неистовый стук сердца.

— Эй, Шура! Ты что же, всерьез воспринял эту историю? — спросил он сам себя. Слоняясь по тайге в одиночку, Коптин свыкся с тем, что разговаривать приходилось только с собой. С утра собрался поболтать пару часов с якутом, случившимся навстречу, да не вышло: якут вручил «лючи» Коптину, то есть этот самый блокнот, заявил, что «рузе и месок на суцек повесила, а грамоту тебе» и что самому якуту «шибко спешить надо, мало-мало здут!». Словом, якут уехал, понукая оленя, а Коптин остался читать блокнот, гоняя в ладони неизменный патрон.

Вскарабкавшись почти на самую вершину гольца, Коптин взялся за бинокль. До этого он нарочно не смотрел по сторонам.

Ущелье нашлось быстро и по виду действительно очень походило на борозду невероятных размеров. Нашлась и палатка, невдалеке, в подлеске. Котелка, правда, Коптин не заметил, далековато, но в целом все было именно так, как описывал Леха в своем блокноте.

«Пойти? — подумал Коптин. — Боязно что-то в одиночку... Они-то вдвоем здесь шастали».

Верить — не верить? Вот ведь задача! С одной стороны, ерунда, конечно, мистика, поповщина, а с другой — похоже ведь на правду.

Духи в двадцатом веке? Чушь! Но ведь в остальном блокнот правдив. Все, как есть. Коптин даже якута Малчу знал лично. И совершенно не сомневался, что в описанной ситуации повел бы себя именно так: сбросил груз и оперативно смотался от греха подальше.

У подножия гольца возникла проблема: оставить ружье, как поступали Буслаев с Лехой, или с собой захватить? Поколебавшись, решил — до палатки с ружьем, а там по обстановке.

Растяжки у палатки сильно ослабли, но сама она держалась еще очень браво. «Странно, что за столько лет не рухнула», — подумал Коптин рассеянно. Споткнувшись у входа о котелок, он заглянул внутрь.

Одеяла, пара ружей и мешки — кроме этого, в палатке ничего не нашлось.

Сидор Буслаева — это, конечно, вон тот, побольше. Коптин вдруг обрадованно хмыкнул — в мешке вполне могла оказаться разгадка. Записи Буслаева, вещи какие-нибудь. Просто и безопасно, оставалось только порыться в нем. Шура совсем уж было вознамерился, даже руку протянул, но помешал негромкий шорох.

Сердце вновь заколотилось, шумно и часто. Ладони враз взмокли.

Как можно мягче Коптин обернулся — в палатку заглядывал медведь. Лохматый такой, ушастый. На морде у него явственно читалось любопытство и неодобрение. Неприятный звериный запах влип в ноздри.

Мысли завертелись волчком, затеяли сумбурный рваный хоровод и вдруг исчезли как по команде.

Медведь не двигался, просунув в палатку морду, и Коптин наконец вспомнил о ружье. Медленно, плавно... Главное — не дергаться... Еще медленнее и мягче.

Он прицелился, собираясь спустить курок, но неожиданно медведь сердито рыкнул и резво скользнул вбок, исчезнув из поля зрения. Теперь Коптин видел лишь стволы и желтеющую траву.

В любом случае нужно было покинуть палатку. Но где прятался зверь? Кубарем выкатился Шура наружу и сразу же оказался на коленях, быстро поводя стволом в поисках цели.

Медведь стоял на задних лапах за палаткой и сердито сопел. Потом, сопя еще громче, вцепился когтями в плотный выцветший брезент и стал тянуть палатку на себя. Две растяжки лопнули от первого же рывка, медведь был явно сильнее, чем подгнившие веревки. Не обращая внимания на человека, он поволок к обрыву бесформенный ком, в который превратилась палатка вместе со всем содержимым. Для медведя он справлялся довольно неплохо.

Коптин, разинув рот, наблюдал.

Подтащив свою ношу к самому обрыву, медведь спокойно отправился следом за палаткой. Если и имелась в буслаевском сидоре разгадка, она стала недоступной. Впрочем, можно спуститься, но...

Коптин долго стоял с ружьем наперевес и глядел в сторону обрыва. Ему показалось, что на груди зверя виднелась тонкая светлая полоска, и он лихорадочно соображал: бывает ли такое у бурых медведей? У гималайских — знал, бывает. А у бурых?

Ветер тихонько шевелил траву и шумел в кронах.

Кто-то взял Коптина за затылок, обхватив голову, как человек держит яблоко. Шура вскрикнул, силясь обернуться, но держали его крепко. А за спиной раздались престранные звуки: десятки голосов, шорохи, топот, повизгивание, вой и скулеж, скрипучий хохот, глухой хохот, звонкий хохот, треск, вжиканье, улюлюканье, щелчки...

Позади происходило нечто непостижимое, а Коптин мог только беспомощно дергаться да бестолково махать руками. От напряжения и страха сводило мышцы.

Что надоумило его выстрелить в воздух? Трудно сказать. Звуки позади сразу же смолкли, будто радио выключили; Коптин ощутил сильный толчок, от которого выронил ружье и ушел носом в землю. Всего на миг, потому что тут же судорожно приподнялся и бросил взгляд за спину. Там ничего и никого не было.

Пот катился по испачканному землей лицу, как дождевые капли по стеклу во время ливня; поджилки тряслись, а зубы непроизвольно постукивали, словно в стужу.

Никого вокруг, тихо и спокойно.

Не вставая с колен, Коптин затравленно озирался. Ружье валялось рядом, и он потянулся за ним. Вернее, попытался потянуться, так как с места сдвинуться не удалось.

Через минуту Коптин понял, что некая сила неумолимо подталкивает его к обрыву. В эту сторону он мог двигаться совершенно свободно и беспрепятственно. А вот в противоположную не получалось ни шагнуть, ни наклониться, будто возвел кто-то невидимую кирпичную стену, не позволяющую вернуться. Каждый проигранный шаг сдвигал его к обрыву, ближе и ближе.

Повинуясь внезапному порыву, Коптин испробовал направиться вдоль ущелья. Вышло нечто среднее: идти можно, но с трудом, словно сквозь густой кисель. В тот же миг сопротивление пропало, и Шура замер. Потом медленно обернулся; ружье лежало в пяти шагах на жухлой осенней траве.

«Ну его к черту, это местечко! — искренне решил он. — Уберусь, пока не поздно, покажу блокнот кому надо, они пускай головы и ломают, а мне что-то недосуг...»

Думал Шура зло. Злила в основном собственная беспомощность.

Подцепив ружье за ремень, Коптин нарочито неторопливо направился к гольцу, оставляя ущелье за спиной. Каждую секунду он ждал подвоха, но, похоже, ему позволяли уйти.

Впрочем, скоро он наткнулся на знакомого медведя-труженика. Недоверчиво глядя на него, Коптин постарался разминуться, но тот заворчал и поплелся навстречу. Пришлось отступать, все быстрее и быстрее; спустя минуту Коптин уже удирал во все лопатки. Медведь трусил шагах в тридцати сзади.

Дороги Шура не разбирал, и неудивительно, что с разгону вскочил в речушку, неожиданно возникшую на пути в неширокой ложбине. Зверь приближался. Когда вода достигла пояса, Коптин схватился за ружье, вспомнив, как отпугнул медведя от палатки. Но на этот раз косолапый лишь презрительно оттопырил нижнюю губу и неохотно вошел в холодную уже воду. Коптин попятился, но речушка становилось все глубже; отступать стало некуда.

«Неужели понимает, что разряжено?» — запаниковал Шура. Но это же всего-навсего медведь!

Вдруг его осенило — патрон, тот, что вечно вертел в ладони! За ним не нужно лезть в мешок, болтающийся за спиной. Где же он? В кармане?

Медведь приблизился шагов на семь-восемь.

Ружье мигом оказалось переломленным, рука сама собой скользнула в карман.

Пусто.

«Боже, неужели потерял? А в другом?»

Мысли и руки мелькали быстрее стрижей.

«Только бы не намок!»

Вода лизала низ широкого брючного кармана, Коптин лихорадочно нашаривал в нем спасительный желтый цилиндрик.

«Он! А, ч-черт!»

Что-то мешало вытащить руку из кармана, и Коптин сердито рванул ее так, что затрещала плотная материя. Раздался легкий всплеск, но Шура не обратил на него внимания.

Вогнав патрон, он прицелился, ожидая, что медведь остановится или отступит. Тот и впрямь стал, подрагивая то ли от холода, то ли от неустойчивости. Течение все-таки...

Взгляд Коптина оторвался от мушки и сфокусировался на груди медведя.

Светлая полоска на груди была цепочкой, на которой висел маленький медальон — серебристая змейка с красными глазами-бусинками.

Ружье едва не выпало из рук.

Медведь глядел куда-то в сторону, задумчиво, словно бы с сомнением. Никогда доселе Коптин не встречал задумчивых или сомневающихся медведей. Невольно Шура глянул туда же.

Злополучный блокнот, намокая, неторопливо уплывал прочь. Он быстро тяжелел и скоро скрылся в волнах, гуляющих по реке.

Вот что мешало достать спасительный патрон.

Медведь резко развернулся и отправился восвояси, не взглянув на Коптина. Вода зябко хлюпала при каждом его шаге. Выбравшись на берег, он растворился в лесу.

Коптин решился покинуть реку только минут через пять, когда поутихло сердце и стало невмоготу торчать в холодной

воде. Ноги основательно замерзли, но он постарался уйти подальше отсюда.

Наверное, потому что глянул во второй раз на медведя, когда тот поворачивался, и заметил только полоску седой шерсти в виде буквы «V» у того на груди.

Вечером, отогреваясь меж двух костров, Шура не знал, что и думать. Без Лехиного блокнота ему никто не поверит, ясно. Таежные мужички такие басни сказывали долгими зимними вечерами, что, бывало, и не поймешь — плакать или смеяться. Да и сам себе он верил ли?

И посоветоваться не с кем, поговорить. А самое странное — все сильнее хотелось разобраться: пойти в ущелье и найти ответы на мучающие вопросы.

Один, один, вот что плохо. Сгинешь, никто и не вспомнит о тебе, никто не узнает. Даже блокнота после тебя не останется. А пропадать зря кто же захочет?

Что делать-то?

Коптин думал, блуждая взглядом по россыпи звезд, тусклых в ярком свете костров. Где-то позади осталась непонятная борозда, именуемая почему-то ущельем, Унылый голец, коварная речушка в ложбине... Вдали ухал филин и завывал неутомимый странник-ветер.

И тогда Шура Коптин, покопавшись в своем мешке, извлек потертую ученическую тетрадь, пробормотал: «Надеюсь, это не будет ложью...», решительно вывел на обложке: «Ущелье Горного Духа» и задумчиво склонился над пока еще чистым листом.

5—11 января 1991 г.
Николаев

От автора

Наверное, это самый любимый из старых рассказов. Самый искренний и самый романтичный. С грустью понимаю, что сейчас я так уже не умею — повзрослел и закостенел. «Садовая, 7» написана в 1988 году и впервые прочитана на николаевском клубе любителей фантастики «Арго». Именно этот рассказ был отмечен на семинаре «Аэлиты» и включен Виталием Ивановичем Бугровым в один из номеров «Уральского следопыта»; именно этот рассказ выдержал больше всего журнальных публикаций в довольно неожиданных местах — «Изобретатель и рационализатор», «Колумна», «Наука та фантастика»... «Садовая, 7» была отмечена дипломом за третье (или второе? Не помню) место на конкурсе рассказов нашумевшего конвента СоцКон-89, после чего Виталий Бабенко лично пригласил меня на семинар в Дубулты, легендарный Малеевский семинар...

Невзирая на это, первая книжная публикация «Садовой, 7» случилась лишь спустя двенадцать лет после написания, в 2001-м, когда у меня было уже под двадцать изданных книг. Публикация в этом сборнике — вторая.

Садовая, 7

— Следующая — Садовая, — невнятно объявил водитель, и Саня стал неторопливо пробираться к выходу. Автобус, утробно урча, катил по шершавому асфальту. За окном мелькали дома и деревья.

Он вышел на остановке и свернул за угол.

— Садовая, 11, — шевеля губами прочел он.

Ему нужна была Садовая, 5. Сообразив, в какую сторону идти, Саня, посвистывая, зашагал по тротуару. Движения по улице почти не было, хотя дорога широченная, да и люди встречались редко. Саня долго брел мимо длинного невысокого забора, за которым угадывался старый безжизненный стадион. Потом без какого-либо намека на щель или проход сразу начался дом. На дальнем углу виднелась квадратная белая табличка: «Садовая, 7», рядом распахнулись пыльные зеленые ворота — очевидно, вход во двор.

Саня лениво скользнул по номеру дома взглядом и почти сразу увидел на асфальте под ногами ключи. Их было три, на блестящем серебристом кольце; ни цепочки, ни брелка — только сами ключи, хотя обычно все стремятся повесить с ключами что-нибудь эдакое.

Саня остановился. Прохожих вблизи не наблюдалось. Он подобрал ключи и еще раз огляделся. Обычно в таких случаях находку кладут на какое-нибудь видное место.

— Ага! — нашелся Саня. На уровне груди вдоль стены дома тянулся узенький, в ладонь, карниз. Здесь, прямо под таблич-

кой «Садовая, 7», ключи наверняка заметят — если будут искать, конечно.

Саня шагнул к дому, уже поднимая руку с ключами. И тут же столкнулся нос к носу с невесть откуда вынырнувшим парнем лет двадцати.

— Гм, — удивился Саня, невольно попятившись. Парень, увидев Саню, притормозил и теперь стоял между ним и стеной дома.

От ворот во двор их отделяло метров семь, не меньше. Так быстро преодолеть их было невозможно. Он либо выпрыгнул из окна, либо возник из нечего прямо на месте.

Чудеса продолжались — рядом с парнем появилась девушка. Появилась в движении, словно прошла сквозь стену дома. При виде Сани она недовольно поморщилась и взяла своего компаньона за руку. Тот мельком глянул на нее и опять уставился на Саню.

Саня молчал. Он как-то не привык, чтобы перед глазами неведомо откуда возникали люди. Потом сама собой вырвалась фраза:

— Вы что-то ищете?

Незнакомец обрадовался.

— Да! Я, кажется, потерял ключи.

Саня смутился — он ожидал, что они ищут некое место — дом или, скажем, учреждение по вполне определенному адресу, и наконец сообразил, что ключи зажаты у него в правой руке.

— Эти?

— Эти! — еще больше обрадовался незнакомец. — Вот спасибо!

Он аккуратно взял ключи у Сани с ладони и пробормотал казенным до невозможности голосом:

— До свидания! Извините за беспокойство...

Пара развернулась и разом шагнула к стене дома. На втором шаге они исчезли, при этом девушка, обернувшись, помахала Сане рукой. Вновь возникло впечатление, будто они прошли сквозь стену.

Приблизившись к табличке «Садовая, 7», Саня осторожно протянул руку к стене.

Стены не было! Рука свободно прошла сквозь видимое препятствие, не встретив никакого сопротивления. Саня дернулся назад, с сомнением оглядывая руку. Рука как рука, никаких следов пребывания в стене.

Он решился и храбро шагнул вперед. Рефлексы сработали безотказно: локоть тотчас поднялся, готовый встретить преграду, но ничего не встретил. Вместо того чтобы плашмя приникнуть к стене дома, Саня свободно прошел сквозь нее — стена осталась теперь за спиной. Он готов был поклясться, что шагнул прямо!

Перед ним расстелилась все та же Садовая улица. Саня озадаченно хмыкнул и обернулся к стенке. Опять протянул руку и вновь не встретил преграды. Тогда он слегка наклонился вперед. В момент, когда он уже приготовится упереться лбом в шероховатый камень, настала темнота на короткий неуловимый миг, а после перед глазами распахнулась Садовая улица. Саня машинально остановился. Со стороны зрелище выглядело на редкость забавно — Санина голова торчала прямо из стены! Чисто тебе «Deep Purple in Rock»!

Значит, за этой псевдостеной тоже Садовая улица... Подмигнув красному «москвичу», припаркованному на противоположной стороне, Саня подался назад и оглянулся. Здесь все было так же, только «москвича» не оказалось.

Некоторое время Саня нерешительно поглядывал по сторонам. Параллельные миры, конечно, и все такое. Невнятно и неубедительно... Поскольку он пришел с той стороны, донельзя интересно поглядеть, что же с этой? И в то же время страшновато: а вдруг ход закроется и назад уже не попадешь?

Протянув руку и убедившись, что ход на месте, Саня наконец решился. Стараясь ступать тверже и дышать не так часто, он направился вдоль по тротуару. Эта улица ничем не отличалась от той, откуда он пришел. Сколько ни искал Саня расхождений, ничего не обнаружил. Так потихоньку он дошел до угла и вот тут ошарашенно остановился.

За углом полагалось быть улице Скороходова. Ничего похожего на нее здесь не наблюдалось: открывшуюся глазу поперечную улицу Саня никогда прежде не видел. Машинально

свернув на нее, он прошел несколько шагов и, задрав голову, прочитал на указателе: «Садовая, 24».

— Вот те на! — растерялся Саня. — Еще одна Садовая?

Рядом виднелась аккуратная надпись мелом «В Москву туда». Нарисованная стрелка указывала — куда.

Саня заинтригованно посмотрел в ту сторону — улица пересекалась еще двумя и в конце концов упиралась в приземистый двухэтажный дом.

Саня быстро зашагал вперед и вскоре достиг следующего перекрестка. Новая улица тоже оказалась совершенно чужой. И как ни странно, это тоже была Садовая. Более того. То же название носила и следующая улица, параллельная той, что вела «В Москву». Саня прошел еще квартал и вышел, как ожидал, на «свою» Садовую, хорошо знакомую, только еще перед стадионом. Дом номер семь теперь остался справа в минуте ходьбы.

Подумав, Саня двинулся по своей Садовой в противоположную сторону, удаляясь от хода. Улица ничем не отличалась от той, к которой привык Саня, только все пересекающие ее были совсем незнакомыми и назывались одинаково — Садовыми...

Так Саня добрался до конца своей Садовой — до бывшего адмиралтейства, стоящего чуть наискосок. Отсюда начиналась еще одна Садовая — и эта что-то напомнила Сане. Пройдя по ней всего несколько шагов и увидев вывеску «Сделай сам», первую из многих, Саня узнал эту улицу.

Точно такая же была в Одессе — и называлась она действительно Садовой. Только здесь вместо Дерибасовской она стыковалась с Садовой улицей города Николаева.

Саня начал кое-что понимать. Похоже, этот город состоял только из Садовых улиц, собранных из разных городов и каким-то непостижимым образом скомпонованных в одно целое.

Он остановился. Было отчего почесать голову.

До сих пор Саня не встретил здесь ни единой живой души, и тут из дома чуть впереди, где находился фотосалон в стиле ретро, кто-то вышел. Саня окликнул человека и бегом кинулся к нему. Приблизившись, отметил две детали: там, где тот по-

явился, никакой двери не было, а на стене зато висела табличка: «Садовая, 7».

Саня поздоровался с незнакомцем — мужчиной лет пятидесяти. Тот с прищуром оглядел Саню, оценивающе так, а вместо приветствия задал вопрос:

— Первый раз здесь?

Саня кивнул. Мужчина вдруг сразу подобрел и улыбнулся — совсем по-детски, лукаво и беззащитно.

— Ну, здравствуй. Можешь звать меня дядей Васей. А ты кто?

— Я? Саня, — ответил Саня нерешительно.

— Сколько же тебе лет?

— Четырнадцать... — На всякий случай Саня накинул год.

— И откуда, из какого города?

— Из Николаева.

— Ясно, — вздохнул дядя Вася. — Ну что, понял уже, где оказался?

— Не совсем, — мотнул головой Саня. — Тут все улицы почему-то Садовые!

— Правильно, — кивнул дядя Вася. — Это Город Садовых Улиц. Он есть, и в то же время его как бы нигде на Земле нет. Не спрашивай почему, это трудно понять. Это даже и не нужно понимать, надо просто принять и запомнить. В каждом городе — или почти в каждом — есть улица Садовая. Или переулок Садовый. Или Садовый спуск, или проезд, или еще что-нибудь. Так вот, все эти улицы, проезды и спуски как-то связаны между собой. Как — я не знаю. Результат этой связи — вот этот самый город. В каждом обычном городе есть выход сюда, один-единственный, запомни хорошенько, это — Садовая, 7. Вход и выход одновременно. В любом городе, точно под табличкой «Садовая, 7» можешь смело идти — и попадешь в этот Город. И наоборот, на любой улице Города шагай опять же под табличку «Садовая, 7» и попадешь в настоящий город, которому принадлежит эта улица. Только под табличкой «Садовая, 7», и нигде больше. Запомнил?

— А если на улице Садовой только шесть домов? Или даже меньше? Как тогда?

Дядя Вася улыбнулся.

— Сначала мы думали, что попасть туда невозможно. Но потом один мечтатель из Киева, где Садовая заканчивается на пятом номере, нарисовал прямо на стене дом с табличкой «Садовая, 7». Мелом. И, представь, ход заработал! Правда, приходится часто обновлять рисунок. Стирается. Да и дожди смывают.

Саня кивнул.

— И еще одно. Любому новичку, всем, кто здесь впервые, ты должен рассказать все это. Как я тебе. Запомнил? Ну, до свидания. — Дядя Вася повернулся, чтобы идти.

— Постойте! — окликнул его Саня. — Я не понял одного — что со всем этим делать?

— Как что? Путешествуй! Из города в город. Без затрат времени. Это же здорово — из города в город, когда захочешь! — Мужчина остановился, внимательно глядя на Саню. — Мы все здесь бродяги, другие сюда просто не попадают. Тебя это быстро захватит. Целиком. И навечно.

И ушел.

Саня потоптался еще немного и тоже двинулся дальше. Свернув на очередную Садовую, он недоуменно отпрянул: на одесской улице сияло Солнце в голубом до умопомрачения небе, а здесь, за невидимой границей, низко нависли темные свинцовые тучи и вовсю хлестал веселый летний ливень.

Саня покачал головой. Наверное, в том городе, откуда эта улица, тоже ненастье.

— Чудеса! — прошептал Саня. Слова утонули в шелесте дождя.

Побродив по городу с полчаса, Саня без всякой задней мысли наткнулся на указатель «Садовая, 7». До сих пор он как-то не задумывался всерьез о возможности попасть в любой город, где есть Садовая. А теперь вспомнил, что седьмой номер — это вход. И выход. Точно под табличкой.

Сунув для храбрости руки в карманы, он, не без внутренней опаски наткнуться на стену, шагнул под белую табличку.

И оказался точно на такой же улице, только спиной к дому. Мимо изредка проезжали машины, проходили люди. Его появления, похоже, никто не заметил.

«Что это за город, интересно? — подумал Саня. — И спрашивать неудобно, за сумасшедшего примут...»

Он оглянулся, запоминая место, и двинулся в путь.

По характеру Саня и впрямь был натуральным бродягой. На месте ему, как правило, не сиделось, каникулы он проводил вдали от дома, иногда путешествуя с отцом, таким же непоседой, иногда с братом, иной раз — с друзьями. Родители привыкли к частым отлучкам, и Саня колесил по городам, особенно предпочитая пешие походы по незнакомым улицам. Горожанин до мозга костей, он искренне считал, что даже в чужом городе заблудиться невозможно, и действительно всегда находил дорогу, ведомый каким-то непонятным инстинктом. В свои четырнадцать лет видел он еще не особенно много, но десятка полтора-два городов успел объехать и более или менее освоиться в них. Поэтому теперь, когда он на деле проверил чудесные свойства Города, Саня понял, как несказанно ему повезло. Отныне он сможет бродить по любым городам в любое время, а не только в каникулы, и для этого совершенно не обязательно куда-то ездить. Город развязывал ему руки и давал неслыханную свободу.

Все это Саня осознал в ближайшие два часа, хотя до конца поверить долго не мог. Первый его город, место пробного путешествия, оказался Новой Каховкой. Побродив по незнакомым улицам, Саня получил море удовольствия — так уж он был устроен.

А потом он вернулся на Садовую и проник в Город Садовых Улиц. Пришло время возвращаться домой, в Николаев.

На следующий день, едва досидев до конца шестого урока, Саня кинулся на Садовую. Вчерашнее казалось либо сном, либо бредом, но ход под указателем «Садовая, 7» послушно пропустил его в Город. И вновь он выбрал незнакомую улицу, и вновь остаток дня бродил, на этот раз по Пензе, и вернулся только под вечер. На третий день он взял с собой брата, и вдвоем они побывали в Волгограде. Там была не улица Садовая, а станция. Почему станция, они не стали разбираться: ход на автобусной остановке под цифрой 7 работал не хуже, чем другие.

На восьмой день Саня встретил пару, из-за которой все началось. Обычно Город пустовал, люди не попадались навстречу, он служил чем-то вроде пересадочной станции — из города в город. Реальными здесь были только улицы: дороги и тротуары, а дома — одной лишь видимостью, попасть в них было невозможно. Встречи на улицах Города оставались редкостью, и Саня обрадовался возможности пополнить запас знаний и впечатлений.

Парень с девушкой Саню узнали и заулыбались.

— Значит, пошел-таки за нами? — сказал парень. — Я так и думал. Ну, давай знакомиться. Меня зовут Олег, а это Вика. Мы из Питера.

— А я из Николаева. Саней зовут...

— Тебе уже рассказали обо всем?

— Да, только я не все понял. А вы давно знаете о Городе?

Олег с Викой переглянулись.

— Года четыре, а что?

— У меня уйма вопросов возникла... Например, сколько здесь улиц?

— Не знаю, — пожал плечами Олег. — Но Город большой, даже очень большой.

— А что находится за его пределами?

— По-моему, ничего. Понимаешь, как все хитро устроено — Город почти круглый по форме. И окружает его московское Садовое кольцо. Выйти за его пределы уже нельзя: все, что за ним, — такая же нереальная штука, как, например, дома. Видеть видишь, а внутрь не попадешь. Как на стену натыкаешься.

Говорили они на ходу, переходя с одной Садовой на другую. Саня поперхнулся на очередном вопросе, увидев над магазином вывеску, написанную латинским шрифтом. Улица, по которой они шли в этот момент, называлась Ogrodowa.

Видя недоумение спутника, Олег объяснил:

— Не то чехи, не то поляки. У них ведь тоже есть Садовые. Да и не только у них! В той стороне, — он махнул рукой на одну из поперечных улиц, — я на Garden street наткнулся... По-моему, это англичане.

— Занятно тут у вас! — вздохнул Саня.

Потом питерцы ушли, а Саня поспешил домой: день уже клонился к вечеру.

Постепенно он привык к Городу, хотя предутренняя тьма на улицах дальневосточных городов и одновременный закат на европейских еще долго рождали в нем какой-то смутный восторг. И еще он часто вспоминал слова пожилого одессита — первого человека, встреченного им в городе: «Это захватит тебя целиком. Навечно».

Это и правда захватило Саню целиком. Но не навечно.

В один из дней, освободившись, Саня, как всегда, поспешил на Садовую. Людей сегодня на улицах было почему-то больше обычного, и он с неудовольствием подумал, что придется выжидать у входа, пока никого не окажется вблизи и в Город можно будет проникнуть незаметно.

Еще издали он увидел, что прямо у входа в Город двое мужчин в грязных спецовках возятся на приставной лестнице, что-то делая с лестницей.

Саня подошел поближе.

Они прилаживали к дому табличку со словами «ул. Агве Котоко, 7».

Саня остолбенел.

— Что это? — недоуменно спросил он. — Какой еще Котоко? Это же Садовая!

Один из рабочих ухмыльнулся:

— Была Садовая! Переименовали, значить! Теперь этого самого Котоко улица.

— Зачем переименовали? — разозлился Саня. — Кто он, этот Котоко? Так нельзя! Это Садовая!

Рабочий назидательно поднял палец:

— Раз переименовали — значить надо! Ишь ты — зачем! А зачем Набережные Челны два раза переименовывали? Положено, значить!

Рабочие спустились и, взвалив лестницу на плечи, двинулись к следующему дому.

Саня тупо смотрел на новенькую табличку. Улица Агве Котоко, 7.

«Все, — горько подумал он. — Конец всему. Станет в Городе на улицу меньше...»

Он повернулся, чтобы уйти.

«А может, не станет? Может, не в названии дело, а в улице?»

Пытаясь убедить себя, что это по прежнему Садовая, он торопливо шагнул под табличку, не зная еще, что его встретит — распахнутый вход или холодный камень стены.

Николаев, ноябрь 1988 г.

От автора

«Жесты» были написаны примерно в одно время с «Садовой, 7». Возможно, они попроще и далеко не так романтичны, но я по-прежнему люблю этот рассказ. Сам не знаю почему. Сегодня на тему кинетического гипноза я бы, вероятнее всего, написал целый роман. Но тогда, в 88-м, умел обходиться малым.

Жесты

Роже и сам не понимал, как его занесло на корриду. Ничего привлекательного в том, что несколько человек в ярких костюмах издеваются над бестолковыми быками, он не видел. Но в июльскую жару в крохотном испанском городке Сагаста, что в часе езды от Барселоны, податься было совершенно некуда, и Роже, бросив автомобиль на единственной стоянке, забрел на небольшую пустошь, окруженную неровным кольцом повозок. Оказалось, что в данный момент это никакая не пустошь, а пласа дель торо. На повозках теснился народ, в большинстве своем оборванцы со всей округи; впрочем, были и прилично одетые испанцы; в стороне под кричаще ярким навесом сидели даже какие-то дельцы. Здесь не носили костюмы и галстуки — слишком жарко, — но эти вели себя так, словно были облачены именно в костюмы. Они дружно ругали жару и не выпускали из рук банки с кока-колой. Внутри кольца нескладный щуплый паренек размахивал мулетой, пытаясь подостовернеи изображать традиционные вероники, полувероники, чикуелины и натуралии. Получалось не шибко. Большой черный бык — торо — вяло его атаковал. Зрители свистели и кричали, подбадривая не то тореро, не то быка.

Роже взял себе колы и устроился рядом с дельцами. В промежутках между проклятиями в адрес погоды они обменивались впечатлениями и тыкали в суетящегося на арене новильеро пальцами.

Роже был туристом. Отпуск он проводил каждый год одинаково: садился за руль и колесил по Европе. Францию успел объехать вдоль и поперек еще в юношеском возрасте. Потом бывал в Бельгии, Голландии, Германии, Дании... В этом году подался на юг, в Испанию. Тяга к перемене мест гнала его вперед, дольше чем на сутки Роже нигде не задерживался. Приехав в новый город, он обычно ставил машину где-нибудь в центре, а сам отправлялся бродить пешком. Так произошло и на этот раз.

На арене тем временем сменились несколько матадоров. Один даже ухитрился заколоть своего быка, и того с большим трудом уволокли за пределы круга несколько дюжих зрителей. Роже откровенно скучал, потягивая колу. Третьесортное зрелище совершенно не впечатляло. Он больше вертел головой и разглядывал зрителей, чем смотрел на поединок. Поэтому вздох толпы и наступившая затем тишина заставили его вздрогнуть и впиться глазами в центр арены.

Видимо, новичок-матадор допустил какую-то роковую ошибку: бык сбил его с ног. Человек лежал на спине и обреченно смотрел на разъяренное животное, готовое броситься на него.

В толпе закричала женщина, пронзительно и громко. Роже уже решил, что лежащему каюк, когда на арену выскочил серенький неприметный человечек и принялся колотить быка кулаками в крутой черный бок. Торо повернулся к новому противнику, глухо хрюкая — Роже и не подозревал, что быки способны издавать такие забавные звуки.

А человечку, похоже, этого и хотелось. Роже видел все очень здорово — человечек стоял к нему лицом и чуть правым боком, бык — задом и чуть левым. Казалось, еще мгновение — и бык сметет смельчака, он уже подался вперед, начиная атаку, как вдруг человечек сделал быстрое округлое движение рукой, держа ее ладонью вперед. Бык замер, несколько даже удивленно. Новый пасс — и бык расслабился. Опал воинственно вздернутый хвост, обмякли тугие бугры мускулов. Теперь торо просто стоял, глядя на человечка преданно и тупо, это можно было понять, даже видя быка сзади.

Поверженный новильеро приподнялся на локтях, еще не веря в спасение. Человечек тем временем сделал быку «козу»,

совсем как поклонник хэви метал на концерте: указательный палец и мизинец вытянуты, остальные сжаты. Бык завороженно уставился на руку. Некоторое время они не двигались; потом человечек начал вращать руку, медленно заваливая «козу» вправо. Голова быка вторила его движению, наклоняясь в ту же сторону. И вдруг бык грузно и беспомощно опрокинулся набок, словно какой-нибудь неживой предмет.

Над площадью царила мертвая тишина. Потом как-то враз все пришло в движение: несколько человек бросились ко все еще лежащему тореро; зрители загалдели, подавшись вперед. Кто-то подошел к быку, вскоре его окружила целая толпа. Дельцы, позабыв о кока-коле, возбужденно переговаривались и в конце концов тоже кинулись на арену. В минуту от тишины не осталось и следа, импровизированная пласа дель торо забурлила, как вода в чайнике. Роже, пожалуй, был единственным, кто не сдвинулся с места. В этой суматохе человечку, уложившему быка на желтый песок, нетрудно было скрыться, чем он и воспользовался. Во всяком случае, когда его попытались разыскивать, выяснилось, что никто не успел заметить, куда он делся.

Сумятица на площади затянулась, и Роже она скоро надоела. Он соскочил с повозки, на которой сидел все это время, швырнул пустую банку из-под колы под колеса и зашагал прочь.

Побродив еще часок и поглазев на приземистые местные домишки, Роже решил двигаться дальше, к Барселоне, соображая, что неплохо было бы предварительно перекусить. Спустившись в первый встречный подвальчик-бистро, он заказал дородному хозяину чего-нибудь посъедобнее и огляделся в поисках укромного места. Единственный посетитель сидел в углу, вяло ковыряясь двузубой вилкой в тарелке. Роже прошел к нему и сел напротив, потому что обедать в одиночку не хотелось.

Человек вздрогнул и недоверчиво посмотрел на Роже. Это был тот самый неприметный ловкач, который час назад уложил разъяренного бойцового быка на арену, словно котенка. Роже его сразу узнал и обрадованно вскинул брови. Он немного соображал по-испански и забормотал что-то восхищенное. Человечек пристально всмотрелся в Роже и хрипло осведомился:

— Француз?

Он не ошибся. Роже обрадовался возможности поговорить на родном языке. По-французски человек говорил совершенно свободно и без акцента, словно коренной парижанин, но чувствовалось, что это не его родной язык. Вообще он выглядел как испанец — по одежде, но черты лица выдавали его принадлежность к среднеевропейским народам. Он был не смуглым, как южане, а просто сильно загорелым. Имя «Дьюла» ничего не прояснило, да и вряд ли оно было настоящим.

Пришел хозяин с заказом. Роже, заметив, что обед Дьюлы более чем скромен, заказал еще один для него и вдобавок бутылочку старого «Херес де ла Фронтера». Хозяин понимающе улыбнулся и исчез, вернувшись со всем необходимым буквально через минуту.

Вино скрасило обстановку, и Дьюла перестал казаться таким чужим. Похоже, он ничего не имел против разговора.

Роже, не переставая жевать, заметил:

— Я вообще-то ничего не смыслю в корриде, но быка вы уложили очень здорово!

Незнакомец усмехнулся:

— Честно говоря, я смыслю в корриде не больше вашего.

Роже изумился — он-то был уверен, что Дьюла применил какие-то профессиональные матадорские секреты. Видя его удивление, Дьюла пояснил:

— Я впервые в жизни в Испании. Всего второй день. И впервые в жизни увидел человека с красной тряпицей перед быком.

Он даже не знал слова «мулета».

— Тогда я вообще ничего не понимаю.

Дьюла пристально взглянул Роже в глаза.

— Просто я немного знаю повадки некоторых животных.

— А-а! Вы биолог? — протянул Роже понимающе.

— Отнюдь! — усмехнулся Дьюла. — Образования у меня никакого.

— Тогда вы наверняка охотник. Хотя я не представляю, где в Европе можно поохотиться так, что удастся изучить повадки животных.

Дьюла посмотрел на Роже еще пристальнее.

— Вы правы. В Европе охотиться негде.

Он помолчал.

— Послушайте... У вас есть машина?

Роже кивнул.

— И куда вы... направляетесь?

Роже пожал плечами:

— Скорее всего — на юг.

— А в Барселону? Не отвезете меня в Барселону?

— Могу и в Барселону, — согласился Роже. — Прямо сейчас?

Незнакомец часто-часто закивал.

— Тогда доедаем — и вперед! Идет? — спросил Роже весело.

Дьюла замялся.

— Машина ваша далеко?

— На стоянке. — Роже прикинул. — Минут десять пешком. А что?

Дьюла раздельно произнес:

— Видите ли... Я предпочел бы не показываться на улице. Заедьте сюда, а? Я был бы очень благодарен.

— Хорошо, — пожал плечами Роже. — Тогда я пошел.

Он расплатился и вышел; незнакомец остался допивать херес. Уже на улице Роже сообразил: сидит он так, что снаружи его никак не разглядеть.

Вернулся Роже быстро. Быстрее, чем ожидал. Незнакомец все так же сидел за столиком.

— Машина здесь! — сообщил Роже по-прежнему весело.

Дьюла заметно оживился: вскочил, прокрался к выходу. Потом осторожно выглянул. Улица была пустынна. Роже с удивлением воззрился на него.

— Вы кого-нибудь боитесь?

Незнакомец не ответил.

Роже открыл дверцу и сел за руль, кивнув все еще топчущемуся в дверях Дьюле:

— Ну! Никого нет.

Дьюла опрометью нырнул на заднее сиденье и улегся так, чтобы его не было видно. Роже рванул с места; шины истошно завизжали. Гнал он быстро и часто сворачивал. «Детектив, так уж тогда по всем правилам!» — подумал он с подъемом. Вообще-то Роже всегда был немного авантюристом.

Дьюла лежал тихо; Роже, чтобы себя подбодрить, принялся насвистывать что-то вдохновляюще-маршевое.

На самом выезде из города невысокий человек у темно-синего «ситроена» умоляюще замахал рукой.

— Какой-то человек голосует, — предупредил Роже Дьюлу. Тот выглянул и тотчас же спрятался.

— Господи! Это они! Они...

Роже смутился. Человек был совсем не страшный. Наверняка заглох двигатель, а справиться сам не может.

Дьюла зашептал:

— Остановите, но выходить не надо. И дверь не открывайте. Он наверняка просунет голову в окно, ради всего святого, держите тогда его покрепче, а там уж я...

Роже притормозил, с удивлением узнав в ждущем человеке одного из дельцов, виденных на корриде.

Все произошло так, как предвидел Дьюла. Человек просунул голову в окошко; Роже тут же схватил его за уши. Дьюла мгновенно возник из-за спинки кресла; краем глаза Роже узрел, что он сделал ловкое неуловимое движение рукой, и человек сразу обмяк. Дьюла вытолкнул его наружу, Роже несколько ошарашенно отметил, что человек повалился на асфальт в лучших традициях мешков с картошкой, а Дьюла уже шептал: «Жми!»

Роже машинально дал газу, и скоро человек и его «ситроен» остались далеко позади.

Детектив, похоже, получался вполне настоящим. Роже стал опасаться, что зря впутался в эту историю. Дьюла сопел за спиной. Перед глазами по очереди вставали то арена с лежащим быком, то человек, упавший поперек дороги. Роже нервно рулил, поглядывая в зеркальце.

— Кажется, улизнули, — выдохнул Дьюла.

— А кто это был? — осторожно поинтересовался Роже.

Дьюла пожал плечами:

— Черт их знает! Какая-то спецслужба, скорее всего американская.

Роже тихо выругался. «Влип!»

— Послушайте, — сказал он Дьюле. — Я еще могу понять, что охотник усмиряет быка. Но на людей-то вы, наверное, не охотились?

Дьюла молчал.

— Могу я знать, черт побери, ради чего рискую?

Сопение сзади усилилось. Наконец Дьюла произнес:

— Видите ли... История может показаться странной. Впрочем, судите сами. Дело в том, что я умею жестами воздействовать на психику живых организмов. И из-за этого пустяка на меня устроили настоящую охоту.

— Как это жестами? — не понял Роже.

— Вы же видели, — указал Дьюла назад, и перед глазами вновь возник человек, безжизненно валяющийся поперек дороги, — жестами рук.

— Разве это возможно?

— Вы же видели, — повторил Дьюла.

— А что, больше никто этого не умеет?

— Вообще-то умеет... Это очень сложное искусство. Овладеть им возможно только за десять—пятнадцать лет путем непростых тренировок. Да и то далеко не у каждого получится. Я долгое время провел в Африке. Удивительный край! Вряд ли белые когда-нибудь поймут его хоть немного. — Дьюла усмехнулся. — В центральных странах, в самом сердце джунглей, есть одно племя, почти первобытное. Эти люди очень много знают о животных. Неудивительно — живут ведь бок о бок сотни лет. Они-то и поняли, что на них можно влиять жестами.

Дьюла ненадолго умолк, видимо, погрузившись в воспоминания.

— Помню, как увидел это впервые. Представляете себе рассерженного слона? Громадина, уши растопырены, бивни вперед, а слоны бивнями, между прочим, стальные листы корежат. И скорость километров сорок по бездорожью. А на пути у него — человек. Без ружья, даже без копья или топорика. И вдруг: легкое движение руки, вся эта громадина мигом успокаивается и мирно удаляется. Так-то. А позже я и сам стал этому учиться.

Роже пытливо поглядывал через плечо на спутника.

— Вообще Африка — воистину загадочный континент. Вы слыхали хоть что-нибудь о суданских чародеях? Они умеют поднимать на ноги мертвых...

— Погодите с чародеями, — пробормотал Роже и дернул головой в сторону Сагасты. — Что знают о вас те молодчики?

— Приблизительно то же. Их это страшно заинтересовало. Впрочем, неудивительно...

— Как они это объясняют?

— Подозреваю, что никак. Назвали — кинетическим гипнозом. А объяснить, наверное, не могут. Потому и ловят, — подытожил Дьюла.

— Кинетический гипноз? Гм... первый раз слышу. — Роже побарабанил пальцами по рулю. Некоторое время они молчали. — Ну и как будем выпутываться?

Дьюла за это «будем» благодарно сжал плечо своему нежданному помощнику.

— Надо улетать. Чем скорее, тем лучше. Может быть, оторвусь. Денег у меня как раз на авиабилет.

Роже закивал. Потом вздохнул:

— Интересно, как вы это делаете?

Дьюла невесело усмехнулся:

— Руками...

— А почему не ногами или, скажем, головой?

Дьюла усмехнулся шире:

— А вы попробуйте ногами совершить любое достаточно сложное движение. Человек для этого попросту не приспособлен. Не-ет, руки — это единственное, что может двигаться тонко, точно и выразительно. Даже в наручниках. Они ведь уже взяли меня однажды.

— И?..

— Удрал. Слава богу, руки впереди закрыли, а не за спиной. Двоих обработал, и ходу... Но теперь они ученые. Второй раз не оплошают.

— А что происходит с людьми, которых вы обработаете?

— От меня зависит. Смотря как глубоко проникать. Можно обездвижить на час, на два. Можно навсегда. Можно усыпить. Ослепить или лишить слуха. Да что угодно — можно даже заставить вообразить себя кем-то иным — зверем, например. Или деревом. Что в голову взбредет. — Дьюла говорил равнодушно, словно о ценах на пирожки где-нибудь в Буэнос-Айре-

се, а Роже содрогался от каждого слова. Это все наверняка было правдой. От первого до последнего слова.

— Но если этому трудно и долго учиться, какой прок от этого спецслужбам?

Дьюла тускло уставился на Роже.

— Вы телевизор смотрите?

Роже кивнул, ожидая продолжения.

— Неплохо показать меня посреди любой гвоздевой воскресной программы, а? Бац! — и полстраны валяется. Они ко всему относятся как к оружию.

Роже потрясенно уставился на собеседника, на миг потеряв контроль над автомобилем.

— И вы сделаете это?

— А что стоит напичкать меня наркотиками? До невменяемости...

Шоссе стремительно рвалось навстречу.

— Улетать нужно, — глухо сказал Дьюла. — В Африку, в джунгли. К слонам.

Роже с трудом переваривал свалившиеся на его праведную голову новости. Впереди уже виднелась Барселона — первое, что бросилось в глаза, конечно, плотное облако смога, неотъемлемый спутник всех больших городов.

— Я сворачиваю в аэропорт, — сказал Роже, завидев указатель. — Как действуем?

Дьюла ответил сразу, видимо давно все решив и продумав:

— Если захотите помочь...

— Захочу, — перебил Роже.

— Спасибо. Тогда вот деньги. Билет. Куда угодно. Лучше в Африку. Конго, Заир, Уганда — без разницы. Лучше, чтобы прямо сейчас. Ну а там уж буду прорываться. Только осторожнее, если что подозрительное — ко мне не возвращайтесь. Ждите.

«Подозрительное, — уныло подумал Роже. — Дураки они, что ли, в этих своих спецслужбах?»

Дьюла остался в машине. Роже, стараясь выглядеть непринужденно, направился ко входу. В холле все было как и везде на вокзалах: люди, чемоданы, игральные автоматы, эскалаторы и бары. Медленно пересекая зал, Роже шарил вокруг глазами. Сердце отчаянно колотилось, ноги слушались далеко не так

охотно, как всегда. Пожалуй, на ниве разведчика Роже не снискал бы лавров...

У касс народу почти не было. Роже наклонился к окошку и почему-то вздрогнул. Возникшее предчувствие было очень нехорошим.

Он обернулся. Крепкие ребята в изысканных костюмах вели Дьюлу от машины с заломленными за спину руками. Ошибок повторять они не собирались. Роже подошел к самому стеклу. На него никто не обращал внимания. Только Дьюла тоскливо и безнадежно посмотрел на него и виновато опустил голову.

Роже маячил у прозрачной стены аэровокзала потерянно и одиноко.

— Как быстро... — пробормотал он шепотом.

Они и правда не дураки в этих своих спецслужбах.

А потом он остервенело жал на акселератор, глядя на мелькающие за окном деревья, судорожно ворочал рулем и упрямо твердил про себя:

«Выброшу телевизор! К чертовой матери!»

Николаев, октябрь 1988 г.

От автора

К 1994 году, малость подустав от путешествий по экс-СССР, я осел в Москве и работал реализатором книжной продукции на знаменитой книжной ярмарке в спорткомплексе «Олимпийский». Именно там обстоятельства привели к изданию первой моей «настоящей» книги — в твердом переплете, с красочным рисунком на глянцевой обложке. Это был роман «Клинки». Издательство ТП, рискнувшее издать автора, которого никто не печатал почти пять лет, подошло к делу солидно: заказало рекламный разворот в «Книжном обозрении». Один из директоров, ныне известный критик Андрей Синицын, попросил меня написать рассказ, дабы поместить его на этом же развороте. Я сел и за один присест выдал «Душу чащобы», которая впоследствии издавалась только вместе с «Клинками». Это — первая «сольная» публикация.

По-моему, неплохо для экспромта...

Душа чащобы

«Придется ехать через Черное», — подумал Выр с неудовольствием. Старый бор жители Тялшина и окрестных земель старались обходить стороной. Мрачновато там... Нечисть, опять же, пошаливает. Кому охота голову в омут совать? Правда, кое-кто отваживался там хаживать, но только если не оставалось другого выхода. Вишена Пожарский, говорят, в одиночку Черное проходил не раз, да и побратимы его — Славута-дрегович, Боромир Непоседа, Похил — тоже там бывали и ничего, целехоньки.

Но Выр-то не ровня им. Побратимы — воины, меч им привычен. А Выр — простой охотник. И приятель его, Рудошан, тоже охотник. Только и оружия, что пара ножей да луки со стрелами.

Впрочем, людей ни Выр, ни Рудошан как раз не боялись, а против нечисти оружие тоже не особый помощник. Вот Тарус-чародей, наверное, прошел бы Черное насквозь играючи, даже не глядя по сторонам. Черти, поди, разбежались бы с визгом, только он появись.

Выр вздохнул. Телега, груженная ворохами шкурок, тихонько поскрипывала. Рудошан отпустил поводья и беспечно болтал ногами, даже орехи, стервец, щелкал. Словно не в Черное им теперь дорога, а трактом, до самой Андоги, где путников больше, чем леших в лесу.

— Эй, друже, будь начеку, — посоветовал Выр. — В Черное въезжаем!

Угораздило же Мигу так разлиться! Не пройти нипочем, только бором, чтоб его...

— Да ладно, Выре, — отмахнулся Рудошан. — Не беги впереди телеги. Последнее время в Черном никто не пропадал.

— Потому что никто туда не совался, — проворчал Выр. — И Рыдоги вспомни — ведь никого не осталось, все селения обезлюдели.

— Где Рыдоги! — отмахнулся Рудошан. — Сколько дней топать.

Выр только вздохнул. На душе было муторно, и предчувствие навалилось какое-то нехорошее. А предчувствия часто сбывались.

Чаща стиснула поросшую травой и побегами ольхи дорогу; крепкие ядреные сосны с непривычно темной корой и непривычно темной хвоей мрачно простирали к путникам корявые ветви. Воздух стал каким-то серым, словно и не в лесу. Птичьи голоса остались где-то позади, а в Черном только тишина гулко звенела в ушах. Выр невольно передернул плечами.

Постепенно дорога превратилась в тропу, телега еле продиралась меж колючих веток, а конь то и дело пригибал голову и цеплял гривой хвою.

Рудошан догрыз орехи, выплюнул скорлупу и устроился в телеге поудобнее.

— Эй, Выр, лезь ко мне! — позвал он.

Выр отрицательно помотал головой.

— Охота тебе ноги бить, — сокрушенно вздохнул Рудошан.

За очередным поворотом тропы конь стал, как вкопанный. Поперек пути лежала сухая сосна в несколько обхватов. Верхушка ее пряталась в переплетении обломанных крон; как рухнуло старое дерево на соседей, так и застыло, чуть не достигнув земли. Человек ползком пробрался бы под мшистым стволом, но как быть с телегой и лошадью?

Выр хотел чертыхнуться, но вовремя вспомнил, что в таком месте имя нечистого лучше не произносить, и только сплюнул с досады.

— Ну вот, приехали. — Рудошан соскочил с телеги, приблизился к преграде и задумчиво пнул ее сапогом. На тропу посыпалась сухая желтая хвоя.

— Чего делать-то будем? — спросил Выр несколько растерянно. — Лесом никак ведь не объедешь...

— М-да... — протянул Рудошан. — Топор-то у меня есть, но сколько мы с такой орясиной возиться будем? До темноты никак не успеть.

Выр даже вздрогнул. Ночевать в Черном? Нет уж, лучше сразу лечь и помереть.

— Да чего ты смурной такой, — сердито сказал Рудошан, роясь под тюками со шкурками. — Словно прижали нас к стене, и деваться некуда. Вечно заранее себя хоронишь!

Наконец Рудошан нашарил топорик и потрогал лезвие пальцем. Топорик был достаточно остр.

Посреди ствола рубить не имело смысла. Рудошан подумал: лучше срубить несколько молодых сосен у пня, и тогда попытаться провести коня с телегой чуть в стороне. Вполне может получиться.

Он подошел к корявому толстому пню. Старая сосна подгнила у самых корнéй, пень напоминал раскрошенный зуб. Разбросанные рядом щепы успели потемнеть от дождей и времени — сколько уже валяется вековая сосна поперек тропы? И сколько тут никто не ходил?

Рудошан еще раз пнул ствол и с размаху тюкнул топором в заплывшую смолой трещину. Удар неожиданно отдался в ладони и топорище выпало из руки. Словно не по дереву Рудошан рубанул, а по железу. Боль была неприятная, тупая, ноющая. Пригляделся, хотя было сумрачно — Черное все-таки. Под слоем загустевшей бог весть когда смолы что-то крылось. Поднял топор (на лезвии образовалась зазубрина), соскоблил смолу. Осторожно потюкал, расщепляя податливую древесину. Что-то железное. Не то нож, не то крюк какой-то.

— Чего ты там возишься? — нервно окликнул его Выр, топтавшийся у телеги.

— Да тут в стволе нашлась какая-то штуковина. Топор чуть не загубил, холера... Точи теперь!

Спустя несколько минут Рудошан освободил железку из давних объятий мертвой сосны. Более всего она напоминала обычный клин, но кому понадобилось отливать клин из металла? По крайней мере Рудошан никогда ни о чем подобном не слыхивал. Разглядывая находку, он приблизился к Выру. На тропе было светлее, клин казался гладким, словно стекло, и на нем виднелись с трудом различимые письмена.

Рудошан протянул клин Выру:

— Разберешь, грамотей?

— Душа Чащобы, — шевеля губами, прочел Выр. — Ничего не пойму. Где ты это взял?

Рудошан повел головой в сторону перегородившей путь сосны:

— Да в стволе... Не то чтобы торчал — наверное, кто-то вколотил его в трещину, да так и бросил. Правда, сколько лет назад — и представить боюсь. А дерево росло, постепенно и втянуло клин этот в себя. Не иначе.

Выр повертел находку перед глазами. И в это мгновение вдалеке кто-то протяжно завыл. Может быть, волк. Но какой волк станет выть белым днем? Да еще летом?

— Чур меня! — побледнел Выр и выронил клин. Конь дернулся и тревожно захрапел. Вой тотчас оборвался, словно тот, кто выл, теперь прислушивался.

Рудошан поднял клин и сразу увидел, что надпись на нем с двух сторон.

— Эй, тут еще что-то написано! — Он взглянул на Выра и раздраженно добавил: — Да перестань ты трястись!

Выр неохотно прочел:

— Выдь немедля.

Больше на железке надписей не было: два слова с одной стороны, два с другой.

— Гм! — протянул Рудошан и поскреб макушку. — Что бы это значило: душа чащобы выдь немедля!

Порыв ветра ударил, словно вихрь в поле налетел. Низкий голос тихо произнес:

— Приказывайте...

Выр нервно обернулся. У тропы стояло похожее на бочонок создание, поросшее седым лишайником. Ноги его напо-

минали толстые пни, а руки — кривые сучья. Рот — как дупло, носа нет вовсе, а глаза красные, что закатное солнце.

Рудошан некоторое время собирался с мыслями, потом неопределенно промычал, благо рот сам собой открылся:

— А-а-а... Дорогу бы освободить!

Лесовик повел рукой-веткой и ствол старой сосны рассыпался в пыль, а сучья, шурша, упали наземь.

— Еще?

Рудошан вновь отвесил челюсть.

— Кто ты? — нетвердо спросил Выр. Чувствовалось, что ему очень хочется залезть под телегу. Вообще Рудошан знал, что Выр далеко не трус, на медведя мог в одиночку выйти, но как только дело касалось нечисти, вся его храбрость вмиг улетучивалась. Странно, но это так.

— Я — душа чащобы. Приказывай, хозяин!

Лесовик обращался к Рудошану, несмотря на то что клин держал в руках Выр.

— Я твой хозяин? — уточнил Рудошан.

— Да. Ты меня вызвал.

«Наверное, когда сказал: выдь немедля, — догадался Рудошан. — Ну и дела!»

— Ты всегда придешь на помощь? — спросил он.

— Тебе — да. До тех пор, пока ты будешь в Черном.

— А за пределами Черного?

— Ты не вынесешь меня отсюда. Смертному это не под силу.

«Клин, — понял Рудошан. — Он имеет в виду клин. Пока он у меня — будет слушаться. Но вынести клин из Черного нельзя. Интересно, почему?»

— Когда будешь нужен, я позову! — сказал Рудошан, отбирая клин у Выра и пряча его за пазуху. Железо было теплое.

С тем же порывом ветра лесовик отступил за стволы. Подобрав топорик, Рудошан стегнул лошадь.

— Н-но, милая!

Выра не нужно было уговаривать — семенил рядом с телегой. Рудошан задумчиво гладил железку за пазухой. Было до странности увлекательно и одновременно жутко.

В глубине леса вновь завыли, на этот раз ближе. Выр тихо выругался.

Близился полдень. Если все пойдет гладко, они успеют миновать Черное задолго до темноты.

Первое время все шло как нельзя лучше, лошадка бодро трусила по тропе, раздвигая колючие ветви. Рудошан зыркал направо-налево, а Выр, то ли умаявшись, то ли еще почему, сидел на тюках и глядел назад.

Волка первым почуял конь. Всхрапнул и замер. Выр схватился за лук.

Зверь стоял у ствола сосны и мрачно глядел на телегу. Глаза его горели, ровно угли, даже в свете дня.

— Громадный какой, — побормотал Рудошан, тоже берясь за лук. И, с замиранием в сердце, позвал:

— Душа чащобы, выдь немедля!

Порыв ветра, упругий, как железная пружина, и глухой голос:

— Приказывай, хозяин...

Бочонок возник совсем рядом с волком, который сразу стал казаться мельче и даже хвост поджал.

— Вели этому, чтоб не чинил нам зла! — потребовал Рудошан.

Лесовик повернулся к зверю.

— Уходи!

Волк послушно канул в глубь бора.

— Пока все, — отпустил лесовика Рудошан, удивляясь своей уверенности.

Порыв ветра был уже привычен.

— Холера! — не своим голосом сказал Выр. — Это был вовкулак, ты заметил?

— Еще бы не заметить! — отмахнулся Рудошан. Железка за пазухой жгла ему грудь. — Н-но, милая!

Телега сдвинулась с места.

До вечера душа чащобы отогнала от тропы двух тупых упырей голодного грида. Выр как стал белым еще при виде вовкулака, так и сидел мышкой на шкурках. Рудошан, обливаясь потом, призывал нового слугу и отдавал короткие приказы. Нечисть убиралась с дороги, повинуясь лесовику-бочонку беспрекословно. Но нервы натянулись до предела.

А потом тропа вновь обратилась в дорогу, и впереди показался долгожданный просвет. Черное осталось позади.

Рудошан остановил коня и потянулся к топору.

— Чего? — забеспокоился Выр. Последние несколько минут он заметно оживился, вновь обрел нормальный цвет лица и перестал напоминать покойника с отчетливо-черной бородой на молочно-белом подбородке.

Рудошан не ответил. Извлек клин из-за пазухи и прыгнул с телеги. Выбрал сосну потолще, обошел кругом и вставил клин в трещину ствола. Обух звякнул, вгоняя железку в плоть дерева.

Сосны дружно зашумели на ветру. Выр, глянув вверх, спросил Рудошана:

— Зачем?

А тот не останавливался, пока не вбил клин полностью. Перебросил топорик в левую руку и обернулся к приятелю.

— Зачем? А тебе бы хотелось расстаться с душой, друже?

Выр непонимающе глядел на него. Но не стал возражать.

В самом сердце старого бора тоскливо завыл вовкулак, но Рудошан даже не обернулся. Впереди виднелось житнее поле и стены большого селения — Андоги.

А над Черным гулял ветер.

Декабрь 1995 г.
Москва

От автора

Иногда на древе фантастики произрастают воистину фантастические проекты. К примеру, одна из компаний, занимающихся строительством и продвижением в массы идеи смарт-хауса, так называемого «умного дома», вдруг решила заказать трем десяткам ведущих фантастов по рассказу на тему «дом будущего». А фантасты взяли и написали. В результате получился замечательный сборник «Пятая стена», выпущенный ООО «ИнтелБилд». Мой личный вклад в этот проект — рассказ «Дом знакомый, дом незнакомый». Могу похвастаться, что он был сочтен достойным подвести логическую черту всему сборнику и опубликован последним. В авторских книгах Владимира Васильева рассказ доселе не публиковался.

Дом знакомый, дом незнакомый

Фантастический рассказ

Я очень хорошо помню тот воскресный майский день: именно тогда я познакомился со своей второй женой — совершенно случайно, — а Пашка впервые побывал в музее «Твой Дом».

Вызов выдернул меня из глубин утреннего сна. Самого крепкого и сладкого, после которого, даже проснувшись, невероятных трудов стоит оторвать голову от подушки или хотя бы пошевелиться.

Вызов настырно звенел колокольчиком, сверляще отдавался в самом мозгу, поскольку был настроен с моей черепушкой в резонанс. Колокольчик не был особенно громким — он просто стал частью моего организма.

Кровать тихонько вздрогнула, усиливая вызов. Бывало, после особенно тяжелых дежурств на звуки я вообще не реагировал. Я и на тряску кровати не всегда реагировал... тогда на голову выливался ушат холодной воды. Дом точно знал, что мне необходимо проснуться — я сам ему вчера об этом сообщал и соответствующим образом инструктировал.

Как раз на «ушате» я окончательно проснулся и приподнял голову над подушкой.

«Интересно, — подумал я, отгоняя сонливость, — ушат — это сколько? Литр? Два? Или больше?»

Не могу сказать точно, но лужу на подушке менеджер спальни потом сушил целых пять минут.

— Да! — покорно отозвался я.

Кровать одновременно чуть изменила форму и наклон основной плоскости; подушка слегка потолстела, а порт нейрочипа у виска предупреждающе пискнул и отключился от сети. Теперь я не лежал, а полулежал.

На коврике перед кроватью сгустился видеостолб. Ну конечно же, кто еще может меня разбудить в выходной день, как не этот ненасытный до знаний обормот?

Пашка, внук, вреднейшее и любимейшее существо. Формально он приходится мне праправнуком, причем уже шестым по счету, но так уж повелось в нашей семье, что всех младшеньких на два или больше поколений зовут просто внуками и внучками, без разбору. В самом беспокойном возрасте между тремя и четырьмя годами из наших Пашка — единственный. Праправнуку Витьке уже девять, это совсем другой возраст. Почему-то все мои внуки, правнуки, праправнуки и целая орда племянников разной степени родства в возрасте трех-четырехпяти намертво прилипают ко мне. И я с ними с удовольствием вожусь и занимаюсь любимым делом.

Я помогаю познавать им наш теперешний Дом.

Кроме меня, брата Виталия, жены его Клавдии и нашего с Виталием отца Тимофея (главы семьи Пожарских), никто толком и не помнит старых времен и Дома, каким он был прежде.

Слишком стремительным стало время, когда я был молодым, события развивались не так стремительно. Даже антивирусы в сети обновлялись всего лишь ежедневно, а не так, как сейчас, каждые шесть с половиной минут.

— Здравствуй, тутусик! — поздоровался я.

Всех внуков такого возраста я называл тутусиками, как когда-то отец меня, а потом и брата Витальку.

— Привет, деда! — поздоровался внук. — А я тебя не вижу!

— Видео включи, — командую я Дому. Точнее, менеджеру спальни. Чего мне, в самом-то деле, от внука прятаться? Он сто раз по деду в моей же постели прыгал, словно попугайчик. И боролись мы тут же, на ковре — Пашка до сих пор сохранившуюся мамину пижаму с грибочками называет «кимоно». Я научил год назад...

Не следует думать, что Пашка чересчур уж вреден — не вреднее сверстников. Просто возраст такой. Приходится терпеть. Когда потакать его выходкам, а когда и по затылку шлепнуть.

Почему-то при виде этого жизнерадостного тутусика у меня всегда пробуждаются воспоминания.

Его деда, ныне видного мужчину пятидесяти двух лет на весьма уважаемой общественной должности, я когда-то тоже знакомил с Домом. Тогда Дом был совсем другим.

Дом всегда не такой, каким ты его помнишь вчера. Он меняется. Вместе с нами.

Так вот, этого самого Пашкиного деда, тогда трехлетнего карапуза, за какую-то шалость я вознамерился в очередной раз отшлепать. А он еще накануне нажаловался старшему брату, малолетнему хакеру (чтоб его!), будто дед Дима (я то есть) его побивает. Ну а этот малолетний хакер не придумал ничего умнее, чем сломать локальную систему активной защиты в детской. Чего было, вспоминаю... И смех, и грех. Только я размахнулся, чтоб обормота шлепнуть, а меня гравитационным захватом — бац! Очнулся на ковре, перед глазами искры, спина болит, а эти двое ржут перед терминалом, бандиты...

Но я их все равно люблю.

Пашка тем временем торопит:

— Вставай, деда, уже полдесятого! Мама завтрак нам готовит.

Ага. Значит Василиску, правнучку мою, этот деятель уже поднял, а ведь та весьма совиного образа жизни девица. До сих пор полночи по дискотекам шляется да прыгает под теперешний бум-бум. Причем почему-то только по педовским клубам — натуралов ей, что ли, мало? А муженек ее хоть бы хны, уткнется в свой терминал и коды тасует. Есть жена рядом, нету ее — лишь бы мелкий был накормлен да занят и не мешал работать. Хотя, признаю, делом он занимается многообещающим, в будущем кое-что в мире точно перевернет. Ну а я и рад Пашку занять. Мне зятевы сетевые шуры-муры неинтересны, потому что малопонятны. Совсем я отстал от сетевой жизни. А ведь в свое время сколько приблуд разных под редкое железо написал, сколько драйверов переточил на новый лад, когда в семнадцатом старые волоконные протоколы окончательно сдох-

ли и буквально все переползли под 1024-разрядные процессы. Шеф-то мой, пень старый, считал, будто новые драйвера легче написать. А чего их писать, аппаратные библиотеки-то под них один хрен все те же, нужно только доступ под 1024-разрядность оптимизировать да сжать заново.

Впрочем, зятю я сегодня кажусь таким же непроходимым пнем, как мне шеф в далеком семнадцатом. Поэтому и выпирают из конторы через четыре года на досрочную пенсию, хотя мне всего сто шестнадцать.

Василиска, значит, на кухне, командует поварским терминалом и шурует по необъятному холодильнику. Тогда и впрямь пора вставать. Потому что Пашкин утренний энтузиазм легко объясним. Вчера я пообещал сводить его в музей под все объясняющим названием «Твой Дом».

Любое разумное существо хочет как следует познать свой Дом, как бы он ни назывался — дворцом, хрущобой, лачугой, иглу, бунгало или еще какой саклей. И каждому дóлжно свой Дом познать. А то, что большинство из вышеперечисленных названий помнят только замшелые пни вроде меня... так время ж имеет свойство течь. Причем чем дольше живешь, тем быстрее оно, подлое, течет. Я по средам всегда в баскетбол играю с приятелями — с девятнадцатого года, между прочим, всего два пропуска было!!! Так вот, раньше, помню, от баскетбола до баскетбола неделя пока-а-а пройдет... А сейчас — вроде вчера только играли, а меня менеджер спальни в любом месте Дома ловит и вежливо долбит: «Дмитрий Тимофеич! Через час баскетбол! Вам свежую форму в раздевалку переслать?»

В общем, пообещал я Пашке, что уже выхожу к столовой, и побрел в душевую. У меня там все по старинке, даже ионизаторов нет. Хотя сервис-менеджер нашего этажа уже все уши насквозь прожужжал. Долго еще, дескать, будем антисанитарию в Доме разводить? Ну не люблю я ионный душ, я люблю обычную очищенную воду!

К сроку я привел себя в порядок, взбодрился коньячком и перенесся в нужную точку Дома. Попутно выбрал запись из фонотеки. Не какой-нибудь нынешний бум-бум, не люблю я его, голова от него пухнет. Я классику уважаю — «Арию», там, «Дип Перпл» или «Айрон Мейден». Семейный сегмент музы-

кального менеджера услужливо принялся транслировать выбранную запись прямо в мозг, через чип. Очень удобно: и окружающим не мешает, и слышать продолжаю всех. Музыка звучит внутри и это глубоко правильно.

Сегодня я выбрал «Puerto del Sol» Зденека Светча. «Дом Солнца», одну из старейших мелодий Земли в обработке знаменитого маэстро.

Василиска уже прекратила колдовать, пила кофе из стильной несимметричной чашечки и курила какую-то гадость. Я поморщился: не люблю табака. Впрочем, морщился я зря, Василиска заранее актировала кухонный поглотитель. Знает, что дед Дима не курит, заботится. Приятно.

— Привет, дедуля! — Василиска кокетливо помахала ручкой. Дым срывался с кончика ее сигареты и бесследно исчезал. Пахло молотым кофе, слегка — разгретым жирком и восточными специями.

— Я вам по отбивнушке сообразила и яичницу. Ну и салатик твой любимый, конечно.

— Спасибо, киска! — поблагодарил я. Искренне. Василиску я тоже люблю... Я всех своих детей и внуков, да и вообще людей, любил, люблю и буду любить — пока мы все живы в нашем общем Доме. Я даже инопланетян почему-то люблю — в глобальном, разумеется, смысле.

Тут явился Пашка; с порога завопил «А-а-а-а!» и с разбегу запрыгнул мне на колени, благо я успел присесть к столу. Иначе просто прыгнул бы на меня, как наш котяра Бубу на старое дерево посреди лужайки. Сто раз я это видел, лужайка прямо перед окнами моей спальни. Кстати, я говорил, что у меня в спальне окна настоящие, спектритовые? Не люблю голографических миражей по стенам, неживые они какие-то. И показывают не жизнь, а записи. А у меня — вполне настоящий кот, настоящее дерево и настоящая зеленая травка, в любое время можно пойти и поваляться, что мы с Пашкой частенько и проделываем, когда я не на дежурстве.

Лопал Пашка сегодня на диво исправно, даже с вилкой обращался невероятно ловко. Ну естественно — кто ж будет затягивать завтрак перед долгожданным походом в музей? Поэтому я порезал ему отбивнуху на кусочки, яичницу тоже по-

резал — обращение с ножом пока для Пашки еще проблема. Мал.

Запив молоком, мы дружно проорали Василиске: «Спасибо!» Та напутственно чмокнула каждого из нас в щеку — сына присев, а меня — встав на цыпочки.

И мы двинулись в музей.

У каждого взрослого теперь есть персональный домашний транспорт; Пашка по малолетству такового еще не имел и самостоятельно передвигаться мог только пешком. Тем не менее это чудо частенько заглядывало ко мне в кабинет или спальню, хотя Василискины с сетевым гением пенаты расположены довольно далеко от моих. Подбрасывает этого карапуза кто-нибудь, не иначе.

Музей как раз перенесли на новое место, куда-то на Ахлензию, в субтропики. Я тут еще не бывал, так что и сам озирался с превеликим энтузиазмом.

Помещение под музей отдали весьма просторное, в нашем Доме таких, конечно же, много, но все-таки... Больше всего оно напоминало футбольный стадион или баскетбольную арену. Или космопорт. Эдакая огромная ракушка посреди апельсиновых рощ. Земные апельсиновые деревья на Ахлензии вполне приживались, даже вымахивали повыше обычного — тут тяготение низкое. Смешно подпрыгивая при каждом шаге, отчасти — с непривычки к тяготению, отчасти — из известного детского обычая, Пашка потащил меня к входу.

Мы часто с ним ходим в музеи, поэтому ритуал Пашка выучил назубок. Сначала к кассам, потом к накопителю для тех, кто желает осматривать музей не в одиночку, а с экскурсоводом. Ну а как экскурсовод появится — в захватывающий мир нового музея, в мир пыльной древности или пронизанного Домашней фемтоэлектроникой дня сегодняшнего, в зависимости от характера экспозиций.

В экскурсоводы нам досталась очень симпатичная и моложавая тетенька, все при ней, и одета во что-то ультрамодное; но меня-то не проведешь. Глаза выдают возраст. Ей не меньше восьмидесяти. Пригласить, что ли, эту даму после работы в ресторанчик? Если одинока — может, и к себе приглашу, на коньячок или вино. А если не одинока, так и отбить не грех. Я

ведь тоже мужчина хоть куда, хоть и на пенсию досрочно выпинывают. Зато на стометровке до сих пор легко из двенадцати секунд выбегаю. Не как раньше, конечно, не девять с хвостом... Но все же.

С момента потери жены я предпринимал несколько попыток сойтись с женщинами, которые мне нравились. Но все както не складывалось.

Хоть экспозиция в музее была и новая, вскоре выяснилось, что изменилось в ней не слишком много. Поэтому я предоставил Пашке и стайке таких же любопытствующих в возрасте от трех (это Пашка) до сорока—пятидесяти (инопланетянин-коану, их возраст очень легко определить) слушать рассказ миловидной экскурсоводши, а сам снова провалился в воспоминания. Переходил от экспоната к экспонату, от голограммы к голограмме, от зала к залу, а сам вспоминал.

Вспоминал, как точно так же когда-то с отцом впервые пришел в похожий музей, как с восторгом и непониманием глядел на индейский вигвам и поражался: как Дом может быть таким микроскопическим? Чуть больше человека? Как бродил по клетушке со странным названием «коммуналка», в которой, как неродившийся цыпленок в яйце, в тесноте и духоте ютились целые семьи. Не такие, конечно, многолюдные, как наша, тогда и семьи были поменьше.

Вспоминал, как бывал в музее потом с детьми и внуками.

Как сам жил в тоннелях под Марсом, в двадцать шестом. Тогда Марс как раз объединился с земным Домом. Как вскоре после этого впервые с нашим Домом столкнулись инопланетяне и как интересно было посмотреть на их Дом. Как появились первые межзвездные транспорты в нашем уже общем с инопланетянами Доме. Как вслед за этим Дом начал расти столь стремительно, что необвыкшиеся люди терялись перед миллионами незнакомых сервисных отделов.

Как Дом стал не только расти, но и одновременно структурированно мельчать, потому что Домашние сервис-службы окончательно срослись с медицинскими и каждый разумный вдруг осознал собственное тело такой же составной частью Дома, как кофейник, индивидуальный шлюз, глобальное телевещание или климатический модуль на этаже.

Вспоминая, я не заметил, как экскурсия по музею Дома подошла к концу и с первого взгляда покорившая меня экскурсоводша подарила слушателям прощальную очаровательную улыбку.

Прежде чем я к ней подошел, меня, конечно, успел атаковать вопросами Пашка. Понятно, что в музее он больше глазел, чем слушал: мал еще, термины вроде «Большой Взрыв» и «расширяющаяся Вселенная» пока не для него. Тем более что второй термин уже мало-помалу выходит из обихода и заменяется куда более логичным и понятным «расширяющийся Дом». Но ничего, скоро станет понимать. Возможно, именно его поколение станет первым, для кого понятие Вселенной в отрыве от Дома станет лишь ненужным архаизмом.

Я очень рад за его поколение.

А с экскурсоводшей, к слову сказать, у нас в итоге все получилось. Она теперь просто бабушка Нина для всей семьи Пожарских. К ней быстро привыкли — живем-то все в одном Доме.

20 декабря 2001 г.
Москва, Соколиная Гора

От автора

Как-то так сложилось, что я и юмористическая фантастика обыкновенно ходим разными тропами. Пересечений было всего ничего — два-три рассказа. Один из них — «Триста девятый раунд».

История его написания сама по себе напоминает анекдот. Как-то в среду, 20 ноября 1991 года, гуляли мы с Яром Пушкаревым по его родному району Подолу в городе Киеве. Попили пива, зашли к Яру домой. Яр и говорит: «Что-то мне спать охота. Тебе охота?» — «Нет», — говорю. «Тогда я посплю, а ты тем временем напиши рассказ и посвяти его мне!» — заявляет Яр. Я возьми и согласись.

Написал.

Яр проснулся, прочитал и глубокомысленно заметил: «Ну ты, блин, даешь!»

Вот такая вот история...

Триста девятый раунд
(Городская быль)

Посвящается всем джентльменам,
а также Ярославу Пушкареву
по его же требованию.

Вот ведь как бывает: большой город, столица, муравейник, живешь бок о бок с тысячами людей и ничегошеньки о них не знаешь. Рядом происходит тьма-тьмущая удивительнейших событий, а ты почти всегда остаешься в стороне и неведении. Иногда давно знакомые люди крутятся в двух шагах друг от друга и ни сном ни духом...

Не верите? Ну, вот, например...

...выхожу это я из своей трижды проклятой конторы в слегка приподнятом настроении. Во-первых — конец рабочего дня, во-вторых — пятница, а в-третьих — понедельник тоже объявили выходным. По радио и приказом по конторе. Шеф у нас неплохой парень, как это ни странно. Бывало, секретаршу за пивом отправит и ну истории разные загибать! Честно скажу — я всякого в жизни наслушался, но от историй шефа млел, как в детстве от «Лимонадного Джо». Так вот, близился какой-то новоявленный праздник с экзотическим названием, не то сочельник, не то Троица. После переворота старые революционные живо поотменяли, зато вон затеяли возрождать церковные, из тех, что помнят лишь замшелые сварливые старухи

(ненавижу старух!), гнездящиеся на бесчисленных лавочках в любом дворе.

Короче, иду, посвистываю. Надо сказать, что я — из тех счастливцев, которые живут в центре, но не на главных улицах. Контора рядом. На работу — пешком, благо всего четыре квартала. Вот каждое утро и хожу. А поскольку вырос здесь же, в основном дворами. Люблю, знаете: клумбы, лавочки, малышня в песочницах возится. Если бы не старухи — сущий рай. А на улицах — сплошные толпы, пробки, плюнуть некуда. Час пик!

Иду. Собираюсь сворачивать под арку, не доходя до очередного перекрестка. Вдруг лицо знакомое впереди мелькает. Бывает ведь: не видишь человека лет десять, а потом глянешь — ну ничуть не изменился! Сворачивает под ту же арку.

Одноклассник! Саня Бурчалов. Ё-мое, сколько лет!

Бегу следом.

— Саня! — ору.

Оборачивается.

— Артем? Хо! Вот так встреча!

Обнимаемся.

— Ты зачем здесь? Каким ветром? — спрашивает.

Я хохочу:

— Да живу я здесь! Забыл, что ли?

Теперь он смеется:

— Действительно, ты же в центре жил!

— Ну а ты? — хлопаю его по плечу. Радость так и распирает.

Он продолжает смеяться.

— Теперь и я здесь живу! Уже лет пять. На Южной.

К моей берлоге это ближе, чем контора, чтоб ее...

Я шалею. Идти от него ко мне меньше минуты! И за пять лет впервые сталкиваемся. Эх-ма... Столица, центр!

Дальше — больше. Оказывается, он каждый божий день ходит тем же путем, что и я в контору. В то же время. Как штык. Столица, центр... Что в лесу, что в толпе, никого не замечаешь. Парадокс.

Тянет к себе на Южную. Посидим, мол, покалякаем, бутылочку «Бастардо» раздавим, благо выходной завтра. Я упираться и не думаю: псих, что ли? Жена, слава богу, дома не ждет, а

с Санькой мы восемь классов за одной партой просидели, прежде чем расстаться на целое десятилетие.

Идем. Дворики, малышня, собачки у подъездов лениво взлаивают. Старухи шушукаются, наверное, старые праздники ругают, а новые хвалят. Или наоборот. Пойми их, ворон полувымерших.

Вот и Южная. Сворачиваем: сирень цветет, березка зеленеет... Эх, центр, люблю я твои дворы!

Вдруг Саня подобрался весь, умолк на полуслове. Даже походка изменилась, осторожной стала, крадущейся.

Гляжу: на лавочке у палисадника, единственной свободной от вездесущих старух, возлежит кот. КОТ. Огромный, рыжий, ухо подранное (в баталиях!), усищи длинные, хвост — что твое полено. Пушистый — страсть. Одним словом, матерый зверюга. Спит вроде бы.

Саня на цыпочках к нему подобрался и ка-ак даст с ноги!

«Бедняга, — думаю, — кот. Спросонья по ребрам, врагу не пожелаешь...»

Однако зря сочувствовал, как оказалось. Увернулся котяра, среагировал. Вот что значит уличная выучка! Центр, пацаны хулиганистые, у каждого рогатка. Сам был таким же. Вот коты и готовы каждую секунду удрать, даже во сне, от греха да расправы подальше.

Впрочем, рыжий котище удирать, похоже, не собирался. Стоит, глаза свои хитрые на нас таращит. Снисходительно так, чтобы не сказать — нагло.

Саня сокрушенно вздохнул, сел на лавочку.

— Двести семьдесят шесть — ноль, — говорит. Уныло, разочарованно.

— Что? — не понял я.

— Счет. Двести семьдесят шесть — ноль в его пользу, — поясняет Саня. — Соревнование у нас. Кто кого. Либо я его стукну, либо он увернется. Почти каждый день по раунду.

И лезет в карман. Кот замурлыкал и — прыг ему на колени! Спокойно, без тени страха. Ну да, Саня всегда был джентльменом, во всех играх. Я ошалело глазею на кота.

Тем временем из кармана появляется сверток, пахнущий рыбой. Кот заурчал пуще прежнего и нетерпеливо заерзал.

Сардинка. Или селедка — черт ее разберет, не силен я в ихтиологии. Пока хвостатый оппонент хрустит да закусывает, Саня чешет его за ухом.

Я стою. Наконец рыбка съедена, дружок мой школьный на прощание треплет котяру по мощному загривку и встает.

— Пока, Уксус, — говорит. — До завтра.

И пальцем возвращает на законное место мою отвисшую челюсть.

Я в ужасе. В полном. Думаю, вы меня поймете. Так Сане и шепчу: «В ужасе, мол, я. В полном». А он смеется.

— Таких, — говорит, — как Уксус, еще поискать надо. Чудо, не кот. В сухую меня обставляет. Второй год, между прочим! Каждый день думаю: вот сегодня непременно размочу счет. Какое там...

— Ну, положим, у котов реакция не чета нашей, — развожу я руками. — Ладно, а селедку-то зачем?

Он все смеется:

— Любит Уксус селедку. Каждый ведь что-нибудь любит. Я вот, например, пиво баночное обожаю. И вообще должен же быть какой-то приз? Игра у нас или нет? Все по честному, поджентльменски.

Поднимаемся на третий этаж. «Щелк-щелк!» Ключ поворачивается в замке.

Посидели славно. Санька остался тем же Санькой — другом-непоседой, затейником и выдумщиком. Мы стали старше, но — честное слово! — будто и не было этих десяти лет, и завтра нам опять предстоит сесть за нашу парту, первую в центральном ряду, ему слева, мне справа...

С этого дня мы сталкивались под аркой чуть не каждый день. Иногда я нарочно поджидал его, иногда — он меня. Центр кишел людьми, спешащими, суетливыми, и только наши дворы оставались сказочно тихими. Даже не верилось, что в двух шагах отсюда грохочет столица, чадят автомобили и тысячи ног шаркают по древнему булыжному тротуару.

К осени счет Саня — Уксус дошел до трехсот восьми — ноль в пользу кота. Саня неизменно скармливал ему рыбку, чесал за ухом и трепал по загривку, а кот, за минуту до этого собранный и напряженный как струна, довольно урчал и жмурился. Потом

мы либо поднимались к Сане («Бастардо», «Ауриу», «Алеатико Аю Даг»), либо шли ко мне («Кокур Сурож», «Токай», «Южная роза», «Гратиешты»), либо расставались до завтра. Уксус провожал нас сытым снисходительным взглядом.

Так продолжалось до пятого октября. Мы с Саней вышли из-под арки, хохоча над очередной историей из репертуара моего шефа. Ветер носил по двору хрустящие огненно-рыжие листья. Старухи попрятались по коммуналкам, осень все-таки, не май месяц.

Уксус, как всегда, дремал на лавочке. К октябрю он стал еще более рыжим, под цвет кленовых листьев.

Саня подобрался и на цыпочках устремился вперед. Кот и ухом не повел — в триста девятый раз.

«И где он рыбу берет для этого бандита...» — вздохнул я, лениво созерцая очередной раунд.

Саня подкрался к скамейке. Вот так же, наверное, Уксус подкрадывается к беспечным голубям. Ближе и ближе, пока не последует молниеносный рывок.

Удар! Уксус вскакивает, пытается увернуться, но поздно: Санин ботинок настигает его. Отфутболенный в сторону кот приземляется на четыре лапы.

— Йо-хо-хо! — Саня ликует. — Триста восемь — один!

Его крик напоминает знаменитый вопль Тарзана. Еще бы, счет наконец размочен.

«Интересно, — думаю, — что станется с рыбиной? Неужели и сегодня скормит коту?»

Уксус стоит в двух метрах от скамейки. Уксус изумлен. Уксус раздосадован. Уксус совершенно сбит с толку. Сегодняшний раунд им безнадежно проигран.

А вот что произошло дальше, мне и рассказывать неловко. Не люблю, когда меня считают лгуном. Клянусь: все это чистейшая правда! Хотя все равно никто ведь не поверит.

Понурив голову, Уксус идет в кусты и некоторое время там возится. Мы с Саней ждем. Я уже думают, не зазвать ли товарища на давно припрятанную для торжественного случая бутылочку «Черного доктора», еще старорежимного, а не той бурды, что стали с некоторых пор продавать под знакомой этикеткой.

И вдруг огромный рыжий котище мягкой пушистой лапой выкатывает из кустов прямо нам под ноги пол-литровую банку импортного пива «Гессер». Уныло глядит на нее и вдруг одним прыжком вскакивает Сане на плечо.

Что вы думаете он сделал? Правильно, почесал Сане за ухом.

Мой дружок млеет от счастья. Еще бы не млеть: раунд за ним, у ног — «Гессер», в кармане — рыбка, как раз под пивко...

И тогда я понял: котам, как и людям, ничто человеческое не чуждо. И провалиться мне на месте, если я не прав!

20 ноября 1991 г.
Киев

От автора

А вот и второй юмористический рассказ, также почему-то в конечном итоге произрастающий из Киева, хотя и написан он был в Николаеве.

В 1989 году еженедельник «Друг читача» объявил конкурс на фантастический рассказ. В качестве затравки был приведен абзац из сообщения «Киодо цусин» о находке близ Галапагосов загадочных столбов, торчащих из морского дна. Конкурсантам предлагалось объяснить сей феномен, по возможности художественно.

В общем, конкурс я выиграл, даже приз вручили — мини-библиотечку фантастики. Книжек пять. По тем временам — едва ли не предел мечтаний.

Могу добавить, что публикация рассказа «Урми» в «Друге читача» была второй моей официальной публикацией в жизни.

Урми

Слоны, люблю я дивный ваш полет...
Б. Сидюк

Агентство «Киодо Цусин», март 1992 года

Вблизи Галапагосских островов водолазы обнаружили на мелководье странные столбы почти четырехметровой высоты. Они состоят из полупрозрачного стекловидного вещества светло-голубого, бледно-розового, бледно-зеленого и молочно-белого цветов.

Поверхность находок имеет феноменальную твердость: она не поддается обработке никакими существующими материалами и инструментами, в том числе циркулярной пилой с алмазными резцами и корундовыми кругами. Попытки водолазов отколоть кусочек от столба взрывами малой мощности ни к чему не привели. Тем более загадочным представляется равносторонний треугольник (со сторонами длиной около 25 сантиметров), вырезанный на поверхности одного столба.

Загадке Галапагосских островов исполнилось четыре месяца...

Море лениво шевелилось под бездонным колпаком неба, катер слегка раскачивался на добродушной волне, дышалось легко и не верилось, что где-то существуют пыльные города, смог и вонючие нефтяные лужи. Над мелководьем волны были чуть повыше, недалеко из воды выглядывали Галапагосские

острова, море пронзительно синело вдали, а вблизи казалось совсем прозрачным.

Фред сонно наблюдал, как Полли надрывается на веслах, сердито пыхтя и отдуваясь, и периодически стукается спиной о копающегося в моторе Артура. Мотор работал строго по внутреннему расписанию, а именно — когда ему хотелось. Хотелось редко. Отказывал он с регулярностью маятника.

Минут через пять Фреду стало жалко малыша Полли, и он со словами «ну что ты уродуешься» отобрал у него левое весло. Артур с интересом выпрямился и несколько секунд смотрел, как они уродуются вдвоем. Катер выписывал по поверхности замысловатую кривую, и Артур предположил, что они идут противолодочным зигзагом. Полли сердито предложил ему правое весло:

— На, попробуй ты, механик. Посмотрим, как получится.

Артур вздохнул, отвернулся и в сердцах пнул мотор ногой. Тот хрюкнул, завелся и обдал всех клубом сиреневого дыма. Катер прыгнул вперед и вправо, потому что Фред перед этим греб один; малыш Полли от толчка весело полетел через борт. Артур озадаченно присел, делая знаки Фреду, чтобы тот перестал грести. Фред убрал весла, и Артур повернул катер к барахтающемуся Полли. Пока мокрый и ругающийся малыш перебирался через борт, мотор опять заглох. Артур обессиленно опустился на дно.

— Какой идиот оставил мотор на скорости? — поинтересовался Полли. Фред пожал плечами.

Им не везло с самого начала. Рейс Майами—Кито дважды откладывали. В дороге потерялся чемодан Артура — кажется, его увезли обратно в Майами. Эквадор тоже встретил их соответственно — катер удалось купить только с семнадцатой попытки, а уж с остальным снаряжением сколько мороки было...

Артур подозрительно принюхался и, лежа на дне катера, потрогал что-то пальцем.

— Поздравляю, — сказал он. — У нас течет бензобак.

То, что он трогал, оказалось радужной лужицей бензина.

Фред устало сел на банку. И тут сдавленно икнул Полли, выкручивающий футболку.

— Ихк!.. Это что?

ЭТО было похоже на летающую тарелку. Троица вытаращилась на приближающуюся штуку. Она и впрямь ничего, кроме летающей тарелки, не напоминала. Эдакий обтекаемый блин с жирным треугольником, намалеванным чем-то белым, да цепочкой полупрозрачных иллюминаторов по периметру.

— Так! НЛО! УФО! Этого нам как раз не хватало! — рассвирепел Артур и схватил разводной ключ. Мотор немедленно хрюкнул и завелся. Все трое полетели в воду, кашляя от выплюнутого коварным двигателем дыма. Полли выпустил изо рта струйку воды, печально поглядел вслед удаляющемуся катеру и обреченно поинтересовался:

— Какой идиот оставил мотор на скорости?

Мотор заглох, когда катер отмахал добрых полмили. Фред хлопнул в ладоши и довольно потер руки, отчего погрузился с головой. Артур судорожно отмахивался ключом от большой сизой медузы.

Тарелка зависла над ними.

— Чего это она? — с опаской спросил Полли и попытался отплыть в сторону. В тарелке открылся люк, и показалась вполне человеческая физиономия с усами и баками по моде конца XIX века.

— Джентльмены, я ищу место, где нашли четыре загадочных разноцветных столба. Это где-то здесь?

Троица переглянулась.

— Здесь, — ответил за всех Фред. — Где-то неподалеку.

Тип из летающей тарелки с сомнением оглядел их, покосился на маячивший вдалеке катер и осторожно спросил:

— Э-э-э... Похоже, у вас какие-то затруднения, джентльмены? Может, я смогу вам чем-то помочь?

В глазах Фреда мелькнула надежда.

— О, если вам нетрудно, подвезите нас во-он к тому катеру.

— Хм! А если я притяну катер сюда, это вас устроит?

— Вполне! — рявкнули в три глотки Фред, Полли и Артур.

— О'кей!

Тарелка умотала к катеру и скоро вернулась, волоча его на длинном шнуре. Когда невезучая троица влезла в катер и переоделась, тарелка приводнилась рядом, и усатый пилот вылез уже через верхний люк. Видимо, он был опытным путешественником, во всяком случае, двигатель у него не глох.

— Видите ли, — сказал Фред, — мы тоже ищем эти самые столбы.

— Зачем? — удивился усатый.

— Как зачем? — удивился в ответ Фред. — Интересно узнать, что же это такое. Никто до сих пор не понял.

Усатый ухмыльнулся:

— А чего тут понимать-то? Вы извините меня, конечно, я впервые на вашей планете, летел в спешке, даже в справочнике ничего о ней не нашел, так что, если я что-то не так говорю, вы меня простите великодушно. Но как только я услышал сообщение, я сразу понял, что это Урми.

— В смысле что — Урми?

— Ну, эти столбы.

Земляне переглянулись. Усатый, видя их недоумение, объяснил:

— Урми — это мой боевой слон. Он сбежал недавно, и я его долго и безуспешно искал.

— Слон? — с сомнением протянул Полли.

— Именно.

— Не пойму, что общего у слона со столбами.

— Господи, что же тут непонятного! Столбы — это его ноги! Он лежит на спине, вот так. — Усатый плюхнулся на спину и задрал вверх руки и ноги. — Туловище занесло песком, а ноги торчат наружу, ясно?

— Гм... А как он выглядит целиком?

Усатый фыркнул:

— Как и все слоны — хобот, уши и все такое прочее. Помогите мне его найти, а?

Полли не унимался.

— А почему у него ноги все разного цвета?

Усатый странно посмотрел на него.

— Здрасьте! Естественно, разного. Они же неодинаковые! Должны же правые ноги отличаться от левых, а передние от задних? И вообще у нас давно заведено: правая передняя нога — голубая, левая — розовая, правая задняя — зеленая, а левая — белая. Просто и никакой путаницы.

У Полли наготове было очередное «почему».

— А почему он такой сверхтвердый? Водолазы как ни изощрялись, так и не смогли ни кусочка отломать. Даже взрывать пробовали — безуспешно.

— Конечно, безуспешно. Он же боевой слон, в конце концов. Спокойно выдерживает прямое попадание из бучера.

— Из... простите?

— Бучер? — Усатый поскреб в затылке. — Как бы это объяснить? Ядерный взрыв в двести мегатонн знаете?

Полли радостно кивнул.

— Так вот: бучер гораздо мощнее.

Полли опять кивнул и торжествующе выпалил:

— А треугольник?

— Что треугольник? — не понял усатый.

— Треугольник на ноге откуда, если слон такой твердый и неуязвимый?

— А-а! Так это мое клеймо. У каждого слона врожденное клеймо. Урми для меня делали, поэтому у него мое клеймо — треугольник. Вот такой, только поменьше. — Усатый ткнул пальцем в борт своей тарелки. Там красовался равносторонний треугольник.

Полли вздохнул.

— А почему слон лежит вверх ногами? Может, он умер?

— Нет, — засмеялся усатый, — он не может умереть, он же машина. Он просто спит.

— Как спит? Разве машина может спать?

— Конечно. — Усатый был немало удивлен. — Разве ваши роботы не спят?

Полли смутился. Он не был специалистом в этом вопросе.

— К-кажется, нет, — неуверенно сказал малыш.

— Странно, — пожал плечами усатый. — По-моему, у вас не все в порядке с производством. Проверьте, когда время будет.

Он помолчал, потом глянул в воду.

— Поможете найти Урми, а?

— Поможем, — пообещал Фред. — Если вы возьмете на буксир наш катер, отправимся прямо сейчас.

— Великолепно!

Тарелка, как оказалось, умела ходить по морю почти как рыбацкий сейнер. Катер бодро болтался у нее в кильватере, а все четверо сидели на гладкой поверхности тарелки. Земляне выпытывали у усатого, с какой он планеты да как там у них, на что усатый отвечал, что он с Ригеля-8 и у них там неплохо, только дожди замучили, и поэтому скроч не растет как положено.

Кроме того, выяснилось, что разбудить слона можно, если пощекотать ему левую заднюю ногу. Полли заметил, что водолазы наверняка не раз это делали. Оказалось, что надо еще предварительно похлопать по правой передней и почесать остальные две с интервалом приблизительно в полминуты.

Больше спросить ничего не успели, потому что прибыли на место. Несколько лодок и разнокалиберных катеров покачивались на мирной волне. Полли великодушно хотел отдать свой акваланг усатому, но тот пробормотал «Пустое» и плюхнулся в воду прямо как был. Остальные прибегли к аквалангам.

Столбы, вернее — ноги, были на месте. Около них крутились несколько аквалангистов: очевидно, это их посудины болтались на поверхности. Усатый радостно забулькал и стал грести вдвое быстрее. Ластов у него тоже не было, но отставать он и не думал. Потом усатый стал делать какие-то лихорадочные знаки незнакомым ныряльщикам. Те уставились на него и сразу же стали стремительно всплывать. Очевидно, их шокировал вид человека без акваланга.

Полли только переглядывался с Фредом и пожимал плечами. Артур крепче сжимал верный разводной ключ.

Проделав все необходимые манипуляции с ногами, усатый присоединился к троице и стал наблюдать. Столбы зашевелились, песок между ними вспучился, и усатый удовлетворенно показал, что все в порядке и можно всплывать.

Они всплыли, и минутой позже всплыл большой полупрозрачный слон — с хоботом, ушами, хвостом и бивнями. Он ра-

достно затрубил при виде усатого и быстро подплыл к нему. С минуту они общались на непонятном языке.

Полли жалобно подергал усатого за мокрый рукав.

— А можно еще вопрос?

Усатый кивнул.

— Отчего он заснул?

Поговорив со слоном еще чуть-чуть, усатый объяснил:

— Это довольно забавная история. Над материком Урми атаковали маленькие летающие штучки. Обстреляли, словно какого-то бродягу. Но снаряды у них оказались смехотворно маломощными, естественно, что Урми развеселился, ну и от смеха упал в океан, пригрелся в теплой воде и уснул. А потом его занесло песком.

Усатый помолчал.

— Ну ладно, нам пора. — Он пожал руку Полли, Фреду и Артуру. — Будете на Ригеле-8 — заходите, меня там все знают. — Он вздохнул и нырнул в люк. Тарелка оторвалась от поверхности и стала быстро подниматься вверх. Слон тоже. Скоро они растворились в голубом экваториальном небе.

Посудины незнакомых аквалангистов понуро покачивались невдалеке.

— Вот и все. Вот и разгадали тайну, — сердито сплюнул Полли. — Отпуск только начался, а все уже закончилось.

Артур меланхолично стаскивал ласты. Фред уже стащил и машинально включил приемник. Передавали новости.

— ...что, безусловно, роднит Марианскую находку с Галапагосской. Все шесть столбов столь же тверды, и на одном из них вырезан правильный квадрат со сторонами около 25 сантиметров...

Диктор переключился на другие сообщения.

У троицы отвисла челюсть.

— Насколько я понял, это где-то у Марианских островов...

Решать «едем» или «не едем» было глупо. Все и так было ясно.

— Шестиногий слон? — с сомнением пробормотал Полли, беспокойно оглядываясь, но летающей тарелки с квадратом на боку нигде не было видно.

— Интересно, его тоже нужно почесать или похлопать? Или пощекотать ему ноги? — мечтательно сказал Фред.

Артур крепче сжал разводной ключ и двинулся к мотору. Тот натужно хрюкнул, завелся, выпустил клуб вонючего сиреневого дыма, и все трое дружно полетели за борт.

1989 г.
Николаев

Содержание

ТРИ ШАГА НА ДАНКАРТЕН. *Роман в повестях (Видеобоевик)* 5

ВЕСЕЛЫЙ РОДЖЕР НА ПОДВОДНЫХ КРЫЛЬЯХ. *Боевик со стрельбой в ритмах абордажа* 255

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Город-призрак. *Фантастическая повесть* 335
Хирурги. *Повесть* 388
Проснуться на Селентине. *Фантастическая повесть* 447
Рок на дороге 526
Забытая дорога. *История византийских перстней* 578
Перестарки. *Рассказ по мотивам* 605
Хозяева Поднебесья 624
Трель певчей совы 642
Пелена. *Рассказ* 661
Ущелье Горного Духа. *Реальная история* 675
Садовая, 7 695
Жесты 706
Душа чащобы 717
Дом знакомый, дом незнакомый. *Фантастический рассказ* 725
Триста девятый раунд. *(Городская быль)* 734
Урми 741

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Васильев Владимир Николаевич

Забытая дорога

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 5-17-020261-X

9 785170 202614